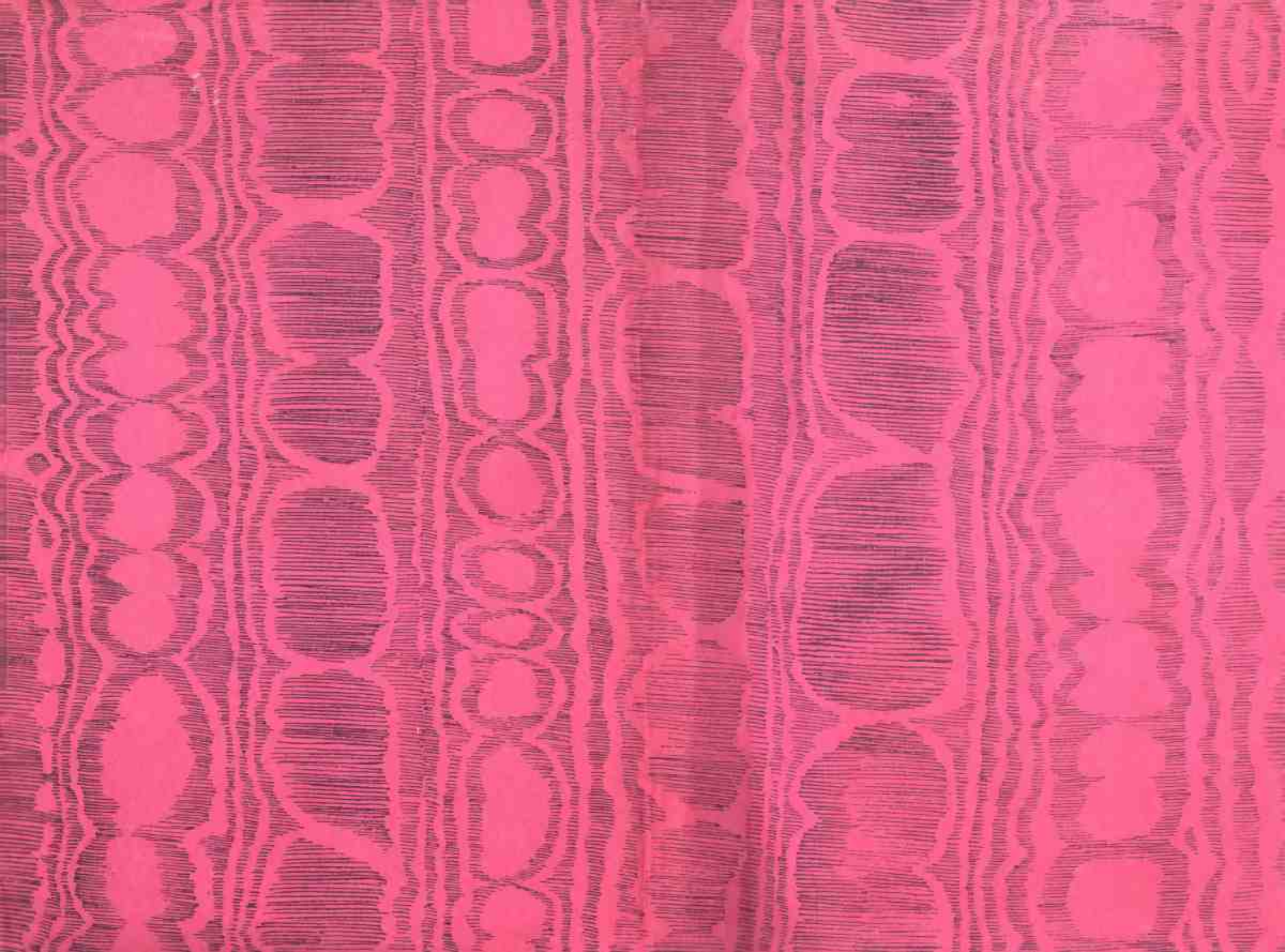
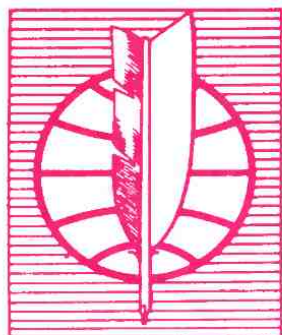

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

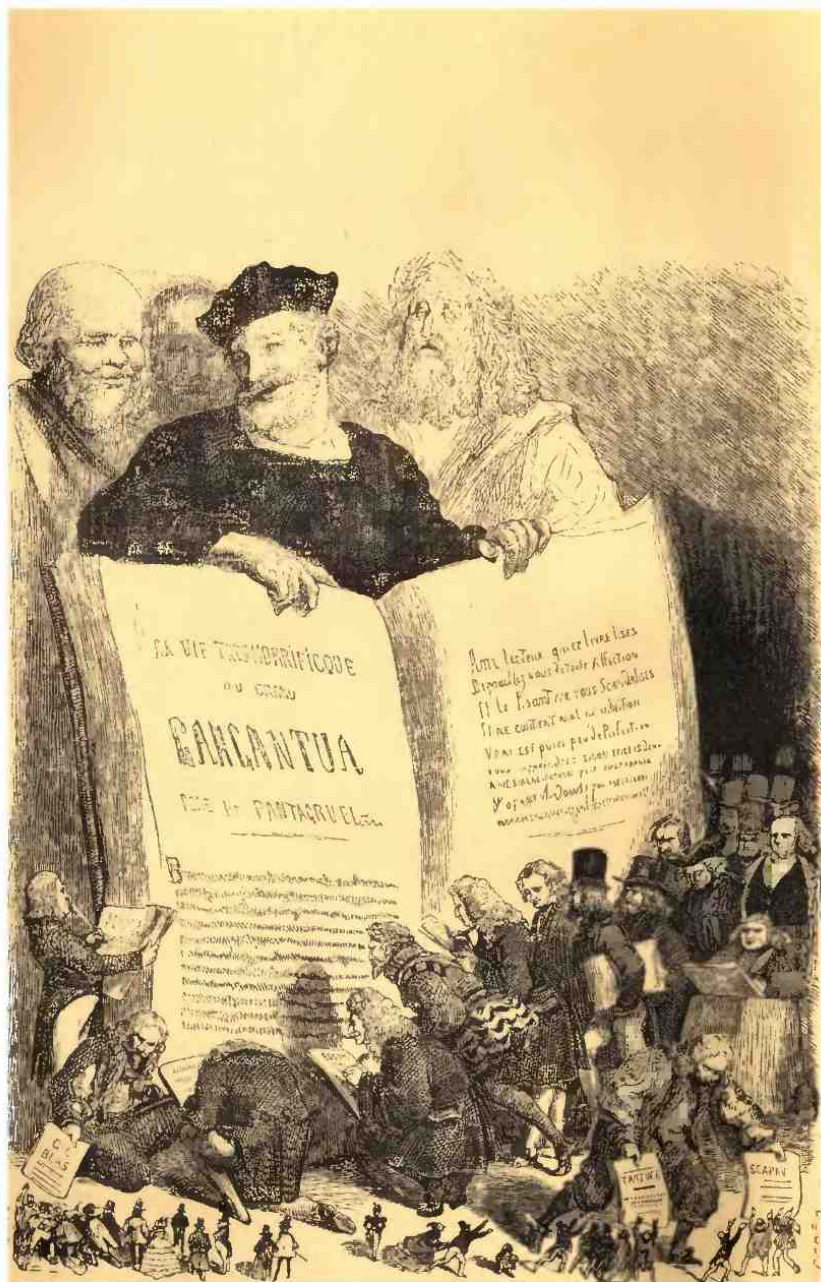

ФРАНСУА РАБЛЕ
ДЖОНАТАН СВИФТ
РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЕ

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

ФРАНСУА РАБЛЕ

ГАРГАНТЮА и ПАНТАГРЮЭЛЬ

*Роман
В обработке для детей*

•

ДЖОНАТАН СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА

Роман

•

РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЭ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

*Рассказы
В пересказе для детей*

•

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.	Думбадзе Н. В.	Мустай Карим
Алексин А. Г.	Коржев Г. М.	Новожилова З. Г.
Барабаш Ю. Я.	Леонов Л. М.	Пешеходова Г. К.
Благой Д. Д.	Лихачев Д. С.	Прилежаева М. П.
Верейский О. Г.	Ломунов К. Н.	Свиридов Н. В.
Виноградов А. А.	Марков Г. М.	Столетов В. Н.
Гамзатов Расул	Межелайтис Э. Б.	Стукалин Б. И.
Гончар Олесь	Миршакар Мирсаид	Танк Максим
Дехтерев Б. А.	Михалков С. В.	Шолохов М. А.
	Мотяшов И. П.	

*

Предисловие

В. С. МУРАВЬЕВА

Оформление серии

Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Иллюстрации

Г. ДОРЕ и Ж. ГРАНВИЛЛА

Оформление тома

Б. ДИОДОРОВА

ВЕСЕЛОЕ ТРОЕКНИЖИЕ

Смеяться можно на самые разные лады: раскатисто и беззвучно, радостно и зло, заразительно и убийственно, ласково и горько. И всякому ясно, что смех бывает добрый и дурной — грубый, наглый, даже подлый, фальшивый, неуместный. Тем не менее без смеха не проживешь, во всяком случае, не проживешь по-человечески; ведь одно из самых древних определений человека — «живое существо, способное смеяться». Спасибо же тем книгам, которые учат нас смеху.

Таковы и эти три книги — помощницы по части смеха, и недаром они оказались в одном томе. Хотя это, по-видимому, и странно; о первых двух говорят — «великая хроника Рабле», «бессмертное творение Свифта». О «Приключениях барона Мюнхгаузена», у которых и автор-то довольно условный, так не скажешь, но «Приключения» эти здесь очень и очень на месте. Внимательный читатель заметит, что кое в чем эта третья книга как бы повторяет две другие — порой неуклюже, порой нарочито бестолково или даже несуразно — и, повторяя, словно предлагает заново увидеть, понять и принять своих старших сестер.

Читаются эти книги, может быть, не в первый и уж почти наверняка не в последний раз; и, как бывает в детективном романе, под конец обнаруживается «ключ», новая — то есть не очень замеченная ранее возможность понимания прочитанного. Только тут, в отличие от детективного романа, возможность открывается не исчерпывающая, а неисчерпаемая. Неисчерпаемая возможность читать и читать все три книги, извлекая из них веселую и вечную сказочную истину, истину о человеке — хозяине Вселенной.

Да, вот именно — хозяине и работнике. Ему (и всем нам!) очень пригодится эта трехслойная и многоумная сказочно-фантастическая энциклопедия, которая в отличие от энциклопедии обычной стремится даже опередить историю. Таково свойство подлинной фантастики, прочно укорененной в народно-поэтическом творчестве, радостно познающем Вселенную. А мы имеем дело с фантастикой первейшей пробы, развивающей и раскрывающей потаенную и общепонятную народную мудрость.

«Энциклопедия» здесь вовсе не случайное ученое слово: оно устоялось и применяется по отношению к самым емким, самым насыщенным жизненностью литературным явлениям. Великий критик-демократ Виссарион Григорьевич Белинский, например, называл «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни». В переводе с греческого «энциклопедия» значит «круг знаний». Что может быть законченнее, целостнее, определеннее круга? И мы увидим — и постараемся как следует разглядеть, сколь целостное мироучение предлагает Рабле, подкрепляет Свифт и отражает Распэ.

Иногда говорят: «скучно, как энциклопедическая статья». Спору нет, «скучных», то есть трудных для мгновенного понимания, заполненных незнакомыми фактами статей в любой энциклопедии много. Но снимите с полки энциклопедический том, постарайтесь вдуматься в то, что не сразу понятно, — и если вчитаетесь, то нескоро поставите том на место: так поражает богатство и многообразие открытого человеческому познанию мира. А алфавитный принцип построения энциклопедии, для чтения подряд не предназначенной, порой вызывает самые неожиданные сближения, «сопряжения далековатых вещей», как говорил М. В. Ломоносов.

Один английский писатель сочинил детскую книгу, сюжет которой управляется последовательностью слов на «э» (английское «э» забирает больше слов, чем русское «э оборотное»), и вышло очень весело, занимательно и поучительно. Вспрыснули, оросили живой водой энциклопедического познания пустые, никчемные происшествия — и они наполнились смыслом.

Иной раз в этом же алфавитно-энциклопедическом роде шутит Рабле — и шутки его живут вот уже пятый век. Видно, шутки нешуточные.

Вчитываясь в энциклопедию, поражаясь диковинным алфавитным сближениям, как нельзя лучше понимаешь, что мир, который ярко и многоцветно блещет нам в глаза с разных сторон, — это мир очеловеченный, по-человечески проявленный и на потребу человеку разработанный. «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», — говорит Базаров в «Отцах и детях» Тургенева. Говорит правильно, хотя на самом деле одно другому не противоречит: вработываясь в «вещество мира», будь то дерево или слово, звук или металл, на каждом шагу неожиданно и радостно восхищаешься гармонией мироустройства, мирозданием. И это потому, что мир, как мы его знаем — эту открытую нам Вселенную, — многие тысячи лет наряду с силами природы, в творческом взаимодействии с ними создавал сам человек, по-своему и для себя осознавая ее закономерности. Так что вернее было бы сказать, что природа — и храм, и мастерская, а человек в ней — и работник, и естественный испытатель, и, не в последнюю очередь, восхищенный созерцатель.

Поэзию (как и прозу, в данном случае это неважно, вообще — художественную словесность) издавна называют «священным ремеслом», и в этом мудром словосочетании ударение твердо стоит на втором слове. Поэзия и, скажем, столярное ремесло вовсе не так уж далеки друг от друга, если, конечно, поэт настоящий, а столяр хороший.

Так вот такие «умельцы слова», как Рабле и Свифт, открывают предуказанное в народном устно-поэтическом творчестве человеческое приятие Вселенной, создавая энциклопедию — цельное, как круг, рабочее, трудовое, творческое осознание жизни, воспитывающее человека. Хотя Свифт и считал себя (и его считали) чуть ли не прямым последователем Рабле, разница между ними очень велика. Но об этом ниже.

Каждый из нас с самых ранних лет, порой сознательно, порой незаметно для себя, но исподволь и постоянно строит свою картину (схему, панораму) мира, свое миропонимание, создает его и по собственному разумению, и по книжному наущению, и по чужой подсказке. Во-первых, это строительство отвечает присущему каждому человеку творческому «я»; во-вторых, внутренняя модель мира, так сказать, самодельная энциклопедия ориентирует человека в непосредственной и более отдаленной действительности — формирует его мнение, определяет поступки.

Истинные поэты призваны помогать живой общности миро-

восприятия. Недаром самые удачные поэтические формулы становятся лозунгами, «общими словами» в самом правильном и высоком значении этого словосочетания, и многие поколения передают его как эстафету.

Народ — совокупное действующее лицо мировой истории: он же осмысляет процессы истории как руководство к действию поначалу в формах мифа, затем — волшебной сказки, затем — эпоса. В этих художественных формах открывается реальность мира, и именно благодаря им в полный рост встает проблема фантастики. Что она — прихоть? маскировка непонимания? словесный заслон? Может быть — и то, и другое, и третье, но истинное назначение истинной фантастики — целенаправленная деятельность воображения, способность влить в наше бытие веселое, радужное многообразие мира.

Фантастика помогает сохранить, осовременить образы и мотивы народно-поэтического творчества, обогатить и обновить их усилиями индивидуального воображения, литературной прививки, плодотворной в том, и только в том случае, когда воображение, художественный вымысел ведут к исторической реальности. И если, как у Данте, Рабле, Сервантеса, Свифта, Шекспира, Гофмана, Пушкина и Гоголя, фантастика создает в высоком смысле реалистические, насыщенные опытом истории образы, художника ждет награда подлинного бессмертия: его творчество включается в сокровищницу общечеловеческого художественного мирознания.

Да, фантастика — подспорье, и даже необходимое подспорье восприятия реальности, тем более ее энциклопедического восприятия. Горе тому писателю, который занимается неумным фантазированием в ущерб реальности, куда он обязан возвратиться и отчитаться в своих заоблачных странствиях. Летай хоть на Луну, только расскажи, что ты там обнаружил, как древнегреческий сатирик Лукиан, французский писатель XVII века Сирано де Бержерак или барон Мюнхгаузен. Умей рассказать об этом так, чтобы ясно было, что ты не зря летал на Луну. Фантастика сопрягается с реальностью, с повседневностью — волшебная сказка включается в ряд обыденных событий и озаряет обыденность. Волшебная сказка приобщается к действительности, а точнее говоря, действительность осознается в образах волшебной сказки. Этим-то и был занят Рабле.

Истинный сын своего времени, он подтверждал тот общеизвестный парадокс, что чем внимательней художник к своему времени, к своей исторической данности, тем ближе и интереснее он самым отдаленным потомкам. Художественно запечатленный миг есть миг увековеченный; и чтобы запечатлеть его в немерк-

нуших красках, живописных или словесных, надо увидеть и понять его неповторимую реальность, его «здесьность» — и таким образом преодолеть напор «реки времен», которая, согласно Державину, «уносит все дела людей». Уносит она лишь случайное, необязательное; прочее остается в благодарной памяти потомков. Остается и служит новым делам и новым задачам.

И если бы не Рабле, сохранивший в своей книге целую эпоху, внимательный к малейшим оттенкам речи, к мельчайшим подробностям одежды современников, память потомства была бы куда беднее, память, а стало быть, и их собственная жизнь.

Обращение к фольклору, сказочное оформление своего исторического существования — это один момент стиля Рабле; другой, не менее важный — смеховая ограда жизни. Рабле неизменно весел, даже когда грустит (а бывает и такое): со смехом входят в его мир, со смехом из него выходят. Войти или выйти через ограждение смеха, смеха всеобщего, нелюбезного и очистительного — это большое испытание, оно предстоит всякому читателю Рабле. Есть, правда, такие, которые могут этого испытания словно бы и не заметить, то есть люди, начисто лишенные чувства юмора. Но все-таки их не так уж и много; и все-таки не они определяют жизнь, то есть ставят ей пределы, а если и ставят, то пределы эти так или иначе преодолеваются.

Вспомним великого сказочника Андерсена: он все время писал о том, как сказка и смех одолевают своих противников. Об этом писал и Рабле, отмахиваясь от буквоедов, крохоборов, святош, ханжей и прочих «цербероподобных псов». О значении смеха, все шлюзы которого открыл Рабле, прекрасно сказано у советского исследователя М. М. Бахтина: «Целое тысячелетие неофициального народного смеха ворвалось в литературу... Этот тысячелетний смех не только оплодотворил литературу, но и сам был оплодотворен ею. Он сочетался с самой передовой идеологией эпохи, с гуманистическим знанием, с высокой литературной техникой... Средневековый смех в этой новой комбинации и на этой новой ступени своего развития должен был существенно измениться. Его всенародность, радикализм, вольность, трезвость и материалистичность из стадии своего почти стихийного существования перешли в состояние художественной осознанности и целеустремленности. Другими словами, средневековый смех... стал выражением нового свободного и критического исторического сознания эпохи»¹.

¹ М. Бахтин. «Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». М., 1965, с. 81—82.

Вот таким образом народная простодушная усмешка, бытовые радости, смеховой обычай и насмешливая мудрость веселыми стараниями гения вливались в общенациональное сознание и превращались в энциклопедическое, емкое и непреходящее сознание очеловеченности Вселенной.

Чем же наполнена смеховая Вселенная Рабле? А вещами и смыслами как нельзя более серьезными, омытыми и очищенными смехом: развернутыми рекомендациями насчет правильного воспитания, перечнями самонужнейших книг, очерком наилучшего устройства человеческого сообщества и так далее и тому подобное — словом, «простейшими и нужнейшими советами на все случаи нашей замечательной разнесчастной жизни», как говорил сам Рабле. Его книга — карманная модель мира, веселая энциклопедия в смеховой оболочке, в сказочной простоте. Создавалась она двадцать с лишним лет, и есть полный смысл припомнить, как и когда.

Франсуа был четвертым, младшим ребенком Антуана Рабле, сьера де Ладевиньера де Шавиньи, адвоката и довольно состоятельного землевладельца; родился Франсуа, как обычно пишут его биографы, «примерно в 1495 году» — а может быть, в 1494-м или даже 1483-м — это толком неизвестно. Во всяком случае, родился он совершенно некстати: наследников у отца и так было двое, дочери требовалось приданое — и мальчишку лет девяти-десяти от роду «сбыли с рук», по его позднему выражению, то есть отдали на содержание и воспитание в ближайшее аббатство. Все же раннее детство у него было домашнее, порезвиться он успел и к отцу сохранил самые добрые чувства: это видно из описаний детских лет Гаргантюа и Пантагрюэля, где явственно сказывается собственный опыт автора.

Первые годы его жизни прошли в отцовском поместье Девиньере и в его городском доме. Свой родной городок Шинон, расположенный в самом сердце Франции, в Турени на притоке Луары, Рабле всегда вспоминал с нежностью, по-разному — и всегда добродушно — описывал его и даже придумал стихотворную надпись для городского герба:

Шинон, Шинон, Шинон, Шинон!
Хоть мал, но всюду славен он.
Его старинной кладки стены
Глядят с холма на воды Вьенны.

Холм венчал замок, тихая речушка Вьенна огибала его; между замком и рекой тонули в зелени колокольни, башенки, кривые

улучки. Так что две последние строки — чистая правда, но предлагалась эта надпись, по-видимому, не без лукавства: Шинон и в самом деле был довольно-таки «славен» в не столь давние времена Столетней войны и кровавых усобиц. За полвека до рождения Рабле, например, Жанна д'Арк была здесь допущена к королю Карлу VI и возвестила ему о своей готовности спасти Францию от иноземного поругания. А насчет кровопролитий — загляните-ка в «Изабеллу Баварскую» Дюма: в этой мрачной хронике козней, убийств и предательств то и дело мелькает имя родного городка Рабле. И вот он как бы отрекается от такой сомнительной славы — отношение к ней у Рабле, как, кстати, и у Свифта, было самое издевательское.

Памятью о Шиноне, о его нравах, обычаях, окрестностях и местных рассказах оживлены многие страницы «Гаргантюа и Пантагрюэля». Заранее посоветуем читателям «Великих и несравненных хроник» почаще припоминать, что Рабле — типичный уроженец глубокой французской провинции (это вовсе не обязательно значит — провинциал), и парижан с их столичной суетой и шумными заботами он обычно третирует насмешливо и хитровато.

Учился Рабле в монастырской школе, должно быть, очень прилежно: точных сведений об этом, правда, не сохранилось, но в 1520 году очевидцы обретают голос и свидетельствуют: да, Франсуа Рабле — чрезвычайно образованный молодой человек, готовый к монашескому постригу и сведущий не только в богословии, но гораздо более того в древних языках и сочинениях языческих греко-римских авторов. Это, может быть, и слегка прискорбно, однако в духе времени; вообще же Рабле — юноша общительный и дружелюбный, чересчур, пожалуй, шутливый, но благонравный. Юноше, однако, не повезло: приняв постриг, он угодил в обитель францисканского ордена, который был основан сравнительно недавно, в 1209 году, и не ради насаждения книжной премудрости, а скорее вопреки ей, во славу нищенства, смирения и святого невежества. Этот последний обет выполнялся довольно тщательно, и Рабле с несколькими друзьями, одушевленные жаром познания и с одинаковым рвением изучавшие греческий и арабский языки, римское право, ботанику и анатомию, зоологию и медицину, вскоре попали на заметку. Их подозревали еще и в том, что собранное ими доброхотное давание не вносится в монастырскую казну, а расходуется на приобретение книг — чего доброго, даже не божественного содержания. Обыскали кельи — так и оказалось. Книги и бумаги были отобраны, провинившиеся посажены под замок. Тридцатью годами раньше или тридцатью позже это могло бы кончиться для них

очень плохо. Но шел 1524 год: время странное, прямо-таки небывалое.

Первая четверть XVI столетия — цветущая пора Возрождения, пора надежд, упований и великих свершений. Эпоха Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело, Эразма Роттердамского и Томаса Мора, Колумба, Магеллана и Коперника. Многое было раньше, но расцвело нынче. И надежд было больше, чем когда-нибудь. Еще бы: ученость и даже вольномыслие в почете при дворах, допущены к самому папскому престолу. В Англии Генрих VIII бродит по саду в обнимку с автором подрывающей всякую власть «Утопии» Томасом Мором, которого он вскоре делает своим канцлером. Сестра Франциска I королева Маргарита Наваррская собирает поближе к себе лучшие умы и ярчайшие таланты Франции, а сам Франциск, под влиянием своего секретаря и ученойшего библиотекаря Гийома Бюде, учреждает в 1530 году Коллеж де Франс, высшее учебное заведение, где в пик отсталой Сорбонне наряду с латынью преподается греческий и древнееврейский, наряду с богословием изучается юриспруденция и даже медицина.

Скоро, очень скоро это благорастворение воздушных масс кончится. Демократическая Европа заявляет свои права и мстит за их попрание. Еще в 1517 году по Европе разнесся стук молотка монаха-богослова Мартина Лютера, прибывавшего к дверям маленькой германской церкви свои девятнадцать тезисов, обвиняя и наступая. А за этим антикатолическим манифестом длинной чередой последовали и другие.

Гуманисты оказались в окружении: Лютер, противник папского засилья, бичевал уже не только папство, обвинявшееся не в чем-нибудь, а в безбожии и отступничестве, но и всякое «злоупотребление ученостью», всякое обращение к античной мудрости. По сути дела он разжигал религиозную истерию, и в нетерпимости к инакомыслящим оставлял далеко позади даже папу римского. Вежливые ученые дискуссии гуманистов к 1524 году уже перекрывались воем и взвизгами озлобленного фанатизма, и вскоре растерянных гуманистов стали требовать к ответу с двух сторон, а затем и сжигать живьем, именем Реформации в Женеве или именем инквизиции в Париже.

Царедворцы из ученых-гуманистов получались незавидные, вельможи сомнительные; светские властители постепенно к ним охладевали и либо отдавали на усмотрение тем или иным церковникам, либо управлялись сами, как с отставленным канцлером Томасом Мором, чья голова в 1535 году скатилась на плахе по велению его бывшего друга-короля. Зато оказались наготове более подходящие, практичные и дальновидные советники монархов: так, в том же упомянутом 1517 году был закончен трактат

ученейшего флорентийца Никколо Макиавелли «Государь», где верховная воля объявлялась высшим законом, неограниченная деспотия возводилась в государственный принцип и деспотам в открытую преподавались уроки цинизма, коварства, жестокости и лицемерия. Как видно, углубленное изучение античности могло приносить разные плоды. И король Генрих VIII, ставший из любимца гуманистов и поборника учености самым кровавым тираном английской истории, может быть назван одним из первых достойных последователей макиавеллистской науки властвовать.

Итак, Лютер, Макиавелли, Лойола, Кальвин и другие провозвестники недалекого будущего — расколовшей Европу непримиримой религиозной вражды, которую крупные и мелкие государи использовали в своих целях, — в 1524 году уже были на исторической сцене, но их время еще не наступило. Пока что творились чудеса: изобличенные в нарушении буквы и духа Устава францисканского ордена Франсуа Рабле и его друг Пьер Ами бегут из монастыря и обращаются со смиренно-умоляющими письмами к секретарю короля Франциска I Гиюму Бюде. Ответ не замедлил: «Что за весть дошла до меня!.. О, пагубные бредни! О, чудовищные заблуждения! Итак, тупые и грубые монахи в духовной слепоте своей осмеливаются преследовать... тех, чьи познания, приобретенные за столь короткий срок, должны бы составлять гордость всей братии?! Однако мне сообщили, что всем этим невзгодам пришел конец с тех пор, как ваши преследователи поняли, что навлекают на себя гнев влиятельных лиц и самого короля».

Бдительные францисканцы получили суровый выговор; беглецам были возвращены их книги; брата Франсуа взял под свое высокое покровительство сам епископ; и вскоре не кто иной, как папа Климент VII письменно разрешил Рабле перейти в бенедиктинский орден, где святое невежество не возбранялось, но и не насаждалось. Рабле, однако, решил не испытывать заново терпимость монастырского начальства, тем более, что режим его занятий не совпадал с режимом монастырских молитв и бдений, а докучного колокольного звона, прерывающего занятия, он и вовсе терпеть не мог. Он поселился в палатах своего покровителя и продолжил свои занятия с удвоенным рвением.

У д'Этиссака жили свободно, не без роскоши (хотя отметим, что Рабле был крайне неприхотлив и отличался от своих будущих героев умеренностью в еде и питье), старались не мешать друг другу и культивировали искусство вежливой, остроумной беседы и ученого обмена мнениями. Гости здесь бывали всевозможные: прелаты, юристы и сановники, поэты, писатели и ученые. И Рабле

свел знакомство с такими разными людьми, как епископ Жан дю Белле, поэт Клеман Маро, богослов Жан Кальвин. Рабле умел разговаривать и слушать, наблюдать и запоминать; книга его впитала, помимо несравненной эрудиции, огромный опыт человеческого общения и стала многоголосым торжеством памяти, торжеством неумолимой жизни, гул которой разнесся над временами.

Людская жизнь во всех ее проявлениях — низменное и возвышенное не различалось — казалась Рабле основой основ мироздания; и он обратился к изучению человеческого тела, его состава, его потребностей и способов природного ему вспоможения. Тогда тело человека мнилось главной загадкой бытия, и учитель из учителей Леонардо да Винчи искал в нем магических подсказок, вычерчивая, соразмеряя и исчисляя анатомический состав человечности. В 1510 году Агриппа Неттесгеймский, писатель, врач и философ, опубликовал книгу «Об оккультной философии», где анатомия трактуется как некое тайноведение. Кстати, Агриппа Неттесгеймский выведен и осмеян в «Гаргантюа и Пантагрюэле» под именем гадателя Гертриппы.

Рабле был сыном своего века, рожденным для веков грядущих, и его влечение к медицине, к науке о человеческом теле, было чуждо всякого магизма. Он занимался изумленным и тщательным, веселым и благоговейным исследованием, и тут действительно откровения ждали на каждом шагу. Вере это как будто бы ничуть не противоречило: недаром же, по библейскому преданию, в человеке явлен образ и подобие божие! Правда, отношения между религией и медициной издавна были натянутые, и многие церковники относились к врачеванию как нельзя хуже, но пока что они не имели голоса, во всяком случае, решающего.

Разрешение на занятие медициной было смиренно испрошено и благосклонно даровано. В 1530—1532 годах Рабле занимается на древнейшем в Европе факультете университета города Монпелье, средиземноморского порта, расположенного неподалеку от Марселя. Пришел он туда пешком, через Париж, Орлеан, Бурж и Тулузу.

Занимался сорока- (а может, и пятидесяти-) летний студент усидчиво и умело, но студенческих веселий не чуждался. Бакалавром он стал буквально через три месяца после зачисления на факультет. Прочел, как было положено бакалавру, цикл лекций об «Афоризмах» великого древнегреческого медика Гиппократы. Затем, не получив докторской степени, прервал учебу и перебрался в Лион — практиковать при знаменитой лионской городской больнице.

Лион тогда был одним из центров европейского Возрождения, и здесь в 1532 году была напечатана тридцатистраничная книжица неизвестного автора — так называемая «народная» (в России они назывались лубочными) — «Великие и бесподобные хроники об огромном великане Гаргантюа». Это была обработка народных сказаний о сказочных силачах и обжорах, своеобразное их приобщение к общеевропейскому своду легенд о короле Артуре, рыцарях Круглого стола и волшебнике Мерлине, создателе великанов. Вполне вероятно, что обработка эта — дело рук самого Рабле; и уж нет никаких сомнений, что он — автор продолжения «Ведиких хроник», которые, как он сам писал, «разошлись за два года в таком количестве, в каком Библия не расходилась в течение девяти лет». Он — автор опубликованного в том же 1532 году жизнеописания «Пантагрюэля, короля дипсодов, показанного в его доподлинном виде со всеми его ужасающими деяниями и подвигами». «Продолжение», написанное Рабле, было настолько непохоже на якобы продолженную лубочную книжку, что в 1534 году, задним числом, вышла новая «Первая книга» — «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции».

Алькофрибас Назье — довольно прозрачная анаграмма (перестановка букв) имени Франсуа Рабле; «великий Гаргантюа» сохранил все-таки отдаленное сходство с «огромным великаном» Големом, которого волшебник Мерлин смастерил по колдовским рецептам в помощь королю Артуру против Гогов и Магогов.

Франсуа Рабле прожил еще около двадцати лет: он стал доктором медицины и знаменитым врачом. Он три раза повидал Рим и объездил всю Францию, а однажды (в 1547 году) бежал за ее пределы: король Франциск I умер, и неясно было, как теперь поступят с автором уже «Третьей книги героических деяний и речений доброго Пантагрюэля» (1546).

Католики и протестанты, бывшие союзники и ненадежные друзья в один голос осудили все три книги; бывший знакомец Рабле Кальвин из Женевы и богословы из Сорбонны требовали сжечь «полные пантагрюэлизма» («а вы знаете, что это глубокая и несокрушимая жизнерадостность, перед которой все преходящее бессильно») сочинения вместе с их автором. Все обошлось — новый французский король Генрих II особой милостью одобрил изданные книги и даже разрешил специальным вердиктом публикацию четвертой. Когда она вышла целиком (1552), ярость благочестивых противников «пантагрюэлизма» удесятилась. Книга была осуждена и изъята из продажи; вряд ли король снова стал бы отстаивать благополучие и самую жизнь своего неумного

подданного. Но метр Франсуа Рабле, чьей крови требовали богословы пяти стран, скончался с шуткой на устах 9 апреля 1553 года. Пятую книгу он закончить не успел: она вышла в 1564 году, и стараниями неизвестного редактора приобрела отчетливо протестантский, злобно-нравоучительный и елейно-памфлетный характер. И все же перо Рабле в книге очень чувствуется, и завершаются «Хроники» вполне по-раблезиански.

Даже и не зная, что у «Гаргантюа и Пантагрюэля» имеется прямое лубочное предшество, в глубокой народности создания Рабле никто не усомнится, хотя они и пропитаны насковозь громадной эрудицией одного из самых доскональных знатоков античной истории, литературы, науки, права, философии. «Гаргантюа и Пантагрюэль» — вневременная и, однако же, обращенная к сказочной и все же чрезвычайно реальной действительности Франции XVI века, повесть об исконной и непреходящей жизни народа, вечно живое действо народного миропознания. Связь ее с временем Рабле очевидна, и многие исследователи находили ей бесчисленные фактические подтверждения (ведь книги Рабле — суший кладезь фактов!), но связь эту можно назвать и обратной. Чем больше сгущались тени, чем больше мрачнел кровавый век Рабле, тем непреоборимее и звонче становился насмешливый оптимизм, надежная уверенность — не в будущем, а в настоящем — великого бытописателя.

Ведь Возрождение, мощным глашатаем которого был Рабле, по сути дела было пробуждением: оно открывало глаза на красоту, светлое многообразие и полноту земной жизни, на ее значительность. И обесценить это открытие было не под силу никакой реакции, никаким угрозам, казням и заклинаниям. И не в последнюю очередь осознавалось всемогущество слова: недаром книга Рабле — настоящее празднество живой, раскованной речи.

Подход к «Гаргантюа и Пантагрюэлю» и со стороны языка, пожалуй, также надежен и верен: именно радостный, бурлящий словесный избыток, речевое актерство автора-сказителя, неистощимого шутника и лукавого балагура, создают познавательный уровень «Хроник», обеспечивают их содержательность.

Потешные жития и чудесные приключения явившихся из народных сказок великанов могут показаться — а многим читателям и критикам даже и казались — нелепостями, дурачествами и уморительной небывальщиной. И виною тут прежде всего было пренебрежение к содержательности языка Рабле, отвлечение повествования от его речевой плоти. Между тем именно за счет языка, так сказать, на глазах у читателя, происходит раблезиан-

ское чудо: повседневность приобретает сказочные очертания. Ощущение неразложимости этого «чудесного сплава» как раз и приобщает читателя к миру Рабле. Можно даже сказать, что при чтении Рабле мы тем ближе к делу, чем дальше от сюжетного интереса, хотя сюжет, конечно, никуда не девается, а лишь изменяется до неузнаваемости. Только что речь шла о том, как Гаргантюа громит рать злобных великанов-вурдалаков, причем оружие оказывается ни к чему, и он побеждает с помощью хорошего пинка; и вдруг не в пример важнее оказывается анатомически дотошное странствие по глотке героя. Великаны — они, может, и сказочные, зато уж глотка самая настоящая, а расстройство желудка — история самая необыкновенная.

Эта двойная игра в обыкновенные чудеса — двигатель повествования Рабле. Предупредив читателя, чтобы тот забавлялся с умом и хохотал с оглядкой, приоткрыв, так сказать, правила игры, Рабле начинает с места в карьер: «В свое время великан Грангузье был большой весельчак и любитель покушать». Вот тебе и раз! Чего тут особенно великанского? Но автор, будто так и надо, описывает припасы съестного в погребах Грангузье, попутно сообщая, что у него родился сын, «тот самый Гаргантюа, который впоследствии унес колокола с собора Парижской богородицы и в ужасной битве победил короля Пикроколя». Действительно, «тот самый» — Гаргантюа из лубочной книжицы, «великих и бесподобных хроник». Ах вот, значит, о ком у нас все-таки речь? Ну, это пока еще там! А тем временем «зарезали 367 014 штук жирных быков, чтобы засолить мясо к весне. Потрохов получилось, сами понимаете, достаточно, и таких вкусных, что каждый пальчики облизывал. Решено было сожрать их без промедления».

Быков, конечно, зарезали многовато, но в остальном — что же тут чудесного? А уж автор торопится преподнести очередное «чудо»: родился ребенок, да как заорет! Оттого и прозвали его Гаргантюа — здоровая глотка. Когда он немного подрос, волю катали его в тележке, «и все прохожие удивлялись, глядя на славного мальчугана».

И было чему удивляться! У Гаргантюа была удивительная рожа с десятью подбородками».

Таким вот образом читателя безостановочно увлекают вперед и события и слова Рабле — бурлящий язык его повествования. Сказочные подробности «вживляются» в быт: так, «чтобы сшить Гаргантюа перчатки, спустили кожу с шестнадцати домовых. Из этого материала они и были приготовлены по всем правилам». И обогащенная смехом речь обогащает нашу жизнь: в смеховом ореоле она предстает чудесно преображенной.

Заглянем в знаменитое описание раннего детства Гаргантюа:

«Время он проводил, как все дети в том краю, а именно: пил, ел и спал; ел, спал и пил; спал, пил и ел». Только-то? Вовсе нет: он «день-деньской валялся в грязи, пачкал себе нос, бил баклуши, повсюду лазил, точил зубы о деревянный башмак, руки мыл похлебкой, чесался стаканом, садился между двух стульев, пускал мыльные пузыри, совал нос, куда не следует, гонял лодыря, щекотал у себя под мышкой, решетом воду черпал, ловил журавлей в небе, по одежке протягивал ножки, из топора себе суп варил, и все ему было трын-трава». (Пересказ с сокращениями Н. Заболоцкого, публикуемый в этом томе.)

Кроме того, Гаргантюа «укрывался мокрым мешком, запивал суп водой, как ему аukai, так он и откликался, частенько плевал в колодезь, авось пригодится воды напиться, лупил своих, чтобы чужие боялись, от дождя прятался в реку, ковал, когда остывало, перескакивал с пятого на десятое, начинал не с того конца, обжегшись на молоке, дул на воду, гонялся за двумя зайцами, толлок воду в ступе, целился в ворону, а попадал в корову, не плутал только в трех соснах, переливал из пустого в порожнее, не спросясь броду, совался в воду, оставался на бобах, верил, что облака из молока, а луна из чугуна, с одного вола драг две шкуры, прыгал выше носа, черпал воду решетом, клевал по зернышку, даровому коню неукоснительно смотрел в зубы, начинал за здравие, а кончал за упокой, в бочку дегтя подливал ложку меда, охранял луну от волков, считал, что если бы да кабы у него во рту выросли бобы, то это был бы не рот, а целый огород, по одежке протягивал ножки, чихал на все с высокого дерева...» (Перевод Н. Любимова, несколько дополненный по оригиналу.)

А между тем мы не перечли и половины занятий Гаргантюа, указанных у Рабле... Но даже из этого сокращенного перечня видно, как он с искусством фокусника-скомороха показывает с лица и изнанки веселую нелепицу прибауток и присловий обыденной речи, языковую фантастику, которая служит подоплекой повседневности. Заметим еще, что за этой речевой жестикующей никаких определенных действий не кроется и даже найти здесь общий смысловой знаменатель невозможно (скажем, «бил баклуши» не подойдет, отнюдь не только этим занимался младенец Гаргантюа): она лишь переносит повествование в ту комическую стихию, где обозначение и обозначаемое, слово и поступок сливаются и отношения с читателем регулируются формулой: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (к слову сказать, так и назывался первый русский перевод «Приключений Мюнхгаузена»).

Слово Рабле самовластно управляет размерами героя: пока мальчика Гаргантюа учат, сначала по-дурацки (богослов Тубал

Олоферн), а потом как надо (ученый-гуманист Понократ) — он обычных, незаметных размеров; зато, отправляясь в Париж, мгновенно вырастает, садится «на самую большую лошадь, какую только видели на свете, величиной с шестерых слонов», а приехавши в столицу, одним дуновением поднимает ураган, который «повалил с ног 260 418 человек, не считая женщин и детей». По иллюстрациям можно заметить, что художник, знаменитый Гюстав Доре, пребывает насчет размеров в некоторой растерянности — и рисует, как ему подсказывает чувство юмора. Лучшей подсказки в случае с Рабле и быть не может: к этому-то все и клонится.

Знамение времени — проповедь правильного, живого, освобожденного от оков угрюмого педантизма воспитания, объединяющего книжность с изучением природы и ремесел, звучит у Рабле тем убедительнее, чем больше подкреплена она издевательской насмешкой или поощрительной шуткой. Постепенно раблезианский смех полностью вступает в свои права и, становясь общей работой воображения, мысли и слова, овладевает миром: ведь что может быть естественнее гуманизма! Но тут-то, из тех же глубин сказки, слитой с историей, у него, у гуманистического смеха, появляются соперники, чувству юмора неподвластные: сначала король Пикроколь (что означает по-гречески «горько-желчный»; прототипом ему послужил сосед отца Рабле, крючкотвор и сутяга), а затем угрюмый властитель земель не столь отдаленных король Анарх с полчищами рыцарей и великанов. (Заметим тут же, что на стороне добра и человечности у Рабле «рыцарей» нет: как странно и горько откликнется это через полвека в другой великой книге, в «Дон Кихоте» Сервантеса!)

Темная тень наплывает на мир: подобно императору Карлу V (1500—1558), повелителю Германии, Австрии, Испании, Америки, Нидерландов и Бургундии, во владениях которого «никогда не заходило солнце», король Пикроколь с приближенными завоевывает... правда, не землю, а карту земли, начиная с ничтожного королевства «скверного пьяницы Грангузье», отца Гаргантюа. Приговор его мировластительным замыслам — их собственное изложение, которое незримая, но оттого не менее действенная власть юмора делает шутовским. Однако такой словесной победы Рабле недостаточно. Он верит в победную силу добра, в силу истины во всеоружии смеха; но нужна не только вера в победу, а еще и победители — помимо добрых сказочных великанов, повелителей страны Утопии, которой на карте пока еще нет. Нужен, стало быть, реальный положительный герой, герой здешний и противостоящий, увы, как нельзя более реальному злу.

До поры до времени такого героя у Рабле нет: Гаргантюа — ребенок вообще, юноша вообще, человек вообще. Но уже в первой части на сцене среди более или менее условных лиц появляется вдруг совершенно живой и очень «здешний» человек — брат Жан Сокрушитель: «молодой здоровый парень, всегда веселый, разбитной, готовый на всякие проделки, ловкий, как черт, горластый, как петух». Есть у него и внешние приметы, которых герои идеальные и сказочные понятным образом лишены: он высокий, худошавый, носатый.

То, что брат Жан — монах, так же неудивительно (или так же удивительно), как то, что монах — сам Рабле. О себе-то он речи в открытую не ведет, а на кислую фарисейскую улыбку по поводу брата Жана — какой уж он, дескать, там монах — отвечает заранее: «самый настоящий монах из всех, какими монашество когда-либо монашественнейше омонашивалось» (перевод Н. Любимова). И это сущая правда с точки зрения веселой и нелицеприятной народной истины, которую Рабле только и признает в правах и которой поверяет все, вплоть до прописей античных мудрецов. Монашеский идеал Рабле чужд: он видит в нем извращение человеческой природы и жестоко осмеивает во второй части, изображая Звонкий остров, где обитают клерги, монахи, аббеи, карденги и другие птицы-ублюдки, утратившие прежний человеческий облик. Брат Жан — и это сказано сразу — не чета таким птицам-черноризцам, которые не сеют, не жнут, а кормятся подаванием и поборами. Они, на взгляд Рабле, монахи ненастоящие, монастырская нежить. А брат Жан — не ханжа, не лицемер, не тунеядец, а, напротив, мастер на все руки: оловянный монах в отличие от оловянных «бывших людей». Согласно возрожденческому мировосприятию Рабле, лишь человечность — в духе «я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» — может быть залогом подлинности. Подлинный монах («человекомонах») — брат Жан; подлинный государь, в отличие от макиавеллиевского, — Гаргантюа; подлинное евангелие (то есть по-гречески — «благая весть») — книга Рабле, «единственная, равных себе не имеющая и беспримерная», каковой он предлагает ее признать в самом первом предисловии к своему многолетнему сочинению.

Брат Жан появляется в тот критический момент, когда оголтелая солдатня Пикроколя опустошает мирные цветущие земли Грангузье (ко всякой войне Рабле относился однозначно — как к подлому истреблению плодов трудовой жизни) и наносит этому воинству первое сокрушительное поражение. Наносит поражение очень вовремя, потому что «король Пикроколь уже разорил весь край; невредимым остался только один виноградник, спасенный братом Жаном». Некоторые исследователи сравнива-

ли брата Жана с Жанной д'Арк; это не так уж бессмысленно, как может сперва показаться: в том и другом случае решающее противодействие вражескому нашествию возникает из народных глубин. Народ (а брат Жан для Рабле — именно представитель народа) оказывается на страже своего труда.

Брат Жан становится самым верным, надежным, отважным и бескорыстным соратником Гаргантюа, а затем и сына его Пантагрюэля, доброго мудреца и мирооткрывателя, постепенно утрачивающего черты сказочного великана. Тем временем сказка превращается в фантастическое иносказание («сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок»), утверждение нерушимой человечности.

Утверждение это предваряют чуть ли не самые знаменитые главы части первой: рассказ о том, как брат Жан отказался стать монашеским начальником («аббегом») и предпочел быть равным среди равных в новооснованной им Телемской обители, где в ранг законов возведен принцип «делай что хочешь». «Телема» — по-гречески «желание», а людские желания бывают самые разные: противодействие их друг другу образует в эксплуататорском обществе «войну всех против всех». Однако в Телеме царит мир и правило: «делать всем то, чего хотелось одному». Цена общей свободы у Рабле обозначена весьма точно: самое пристальное внимание к социальному микрокосму, к личности. Такой возрожденческий подход к делу не был неправильным, он лишь нуждался в суровых исторических поправках: в иное время понадобилось начинать с обязанностей личности перед коллективом. Свобода — более сложное понятие и уж куда более сложная реальность, чем казалось во времена Рабле.

Впрочем, эту самую реальность и приносит с собой новый персонаж — некто Панург, чье имя по-гречески значит «пройдох»: он, откуда ни возьмись, выскочил на пути Пантагрюэля, как чертик из табакерки, и тот сразу его так приветил, что взял в свою свиту без всяких проверочных испытаний.

Казалось бы, это довольно странно: Панург — враль, бахвал, хват, обжора, ловкач и зубоскал. Не то что брат Жан: тот рядом с ним просто рыцарь без страха и упрека — да он и в самом деле рыцарь нового времени, недаром про него сказано, что он «заступается за утесненных, утешает скорбящих, оказывает помощь страждущим». В нем особенно активно нравственное начало человечности, импульсы возмущения и сострадания. Тут все ясно, кроме монашества, но и оно, как мы видели, объяснимо. А с Панургом — с ним сложнее.

Многие критики пытались найти в этом образе положительные черты; многие вносили их; иные отчаивались и недоуменно порицали Рабле за такого малосимпатичного героя. Впрочем, он

именно что симпатичный, и этого нельзя не почувствовать сразу же, как почувствовал Пантагрюэль. Он почувствовал, что именно Панурга-то ему и не хватает; ему — воплощению рассудительности, благожелательности и умиротворенности, проповеднику «золотой середины», мудрому монарху, который чем дальше, тем больше не от мира сего. Это, так сказать, антимакинавеллистский государь.

Панург же, как заметил автор «Человеческой комедии» Оноре де Бальзак, «воплощает народ», то есть народную стихию. Поясняя эту замечательную и точную формулу, советский исследователь Рабле А. Е. Пинский пишет: «Панург становится у Рабле носителем действенных и разрушительных сил жизненного процесса. Он всегда во всем сомневается, чтобы дойти до истины своим умом. Отвергая ходячие представления, он верит только собственному опыту. Это чувственное, критическое начало человеческой натуры; конкретное выражение ее незавершенности, ее задатков для неограниченного развития, ее жажды знаний и новых условий жизни»¹.

То есть не вообще народ, а народ определенной эпохи, когда надежды на добрых государей возникали и рушились, скрепы общественного устройства оставались прежними, и лишь в смехе вдруг появилась убийственная новизна: перед ним пятилось и расплзалось старое, отжившее. И смех был вроде бы привычный, но звучал он по-новому: горделиво и разрушительно.

Шутит и паясничает Панург неспроста: он — мастер жестокой издевки, «его шутки исполнены яда и затаенной социальной злобы»². В нем прорывается накопленный за многие века протест против угнетения и обуздания человека, сплошь и рядом направляющийся против всякого порядка, всякой серьезности и благопристойности, всякой претензии на социальное превосходство, что бы за ней ни крылось: толстая мошна, высокий чин, елейное чванство или знатный титул. Он не жаден, но своего не упустит, и ни на какие посулы загробного воздаяния его не возьмешь. То, что ему нужно, ему нужно здесь и немедленно; быть в дураках он не согласен ни за какие коврижки, выпутываться привык из любых передрыг, обид никогда не прощает: брат Жан даже сулит ему за это вечное пекло («черти любят таких, как ты»), но, как замечает сам Панург, он «ничего не боится, кроме опасностей», а если пекло и опасность, то сомнительная и отдаленная. Нет, пекла Панург не боится, а чертям даже готов иной раз прозакла-

¹ Л. Пинский. Реализм эпохи Возрождения. М., 1967, с. 155.

² Веселовский А. Н. Рабле и его роман. — В кн.: А. Н. Веселовский. Избранные статьи. Л., 1939, с. 442.

дывать душу, уверенный, что, когда дойдет до дела, он как-нибудь отвертится от платежа.

Панург является как бы на подмогу «магистру Алькофрибасу Назье, извлекателю квинтэссенции» — и тут же оттесняет на задний план самого Пантагрюэля, оборачивая его «ужасающие деяния» комической стороной и совершая воинские подвиги на шутовской манер. Далее же он и вовсе делается перводвижателем повествования: ведь именно чтобы решить, стоит Панургу или нет жениться, Пантагрюэлева компания, верная телемской заповеди, отправляется на край света, к оракулу Волшебной Бутылки. Это опять-таки не случайно: Панург — средоточие комической стихии, способности смеяться и смешить и тем самым — веселой пытливости и неукротимой любознательности. Образуется смеховое трио: иронический мудрец принц Пантагрюэль, рыцарь-монах брат Жан, проныра и насмешник шут Панург (остальные персонажи играют вспомогательную роль). Втроем они как бы олицетворяют «пантагрюэлизм».

Фантастическое странствие этой троицы и ниже с ними — грандиозное обозрение, «островная» панорама очеловеченного мироздания (она, должно быть, и подсказала Свифту жестокий замысел его книги), открываемого по стопам древних историков и писателей, а также новейших путешественников, причем в данном случае враки их идут к делу не хуже правды: ведь когда люди врут, они невольно говорят правду о себе. Рабле, конечно, писал не о том, каков на самом деле географический мир, и начинается странствие его героев с острова Мегамоти (по-гречески «нигде»); но при посредстве фантазии и юмора он обнаруживал облик мира, каким тот предстает веселому умозрению.

«Веселому» не значит безмятежному или легкомысленному: пантагрюэльцы вдоволь навидались нелепостей, уродств, чудовищных духовных окаменелостей, остервенелого ханжества и скотского тупоумия, вообще мир оказался страшнее и сложнее, чем в пределах «благословенной Турени», родного края Рабле, отданного им во владение сначала Грангузье, а потом Гаргантюа. Оттуда же родом и Панург. Смеху, конечно, всюду не оберешься, но в главах о странствии смех Рабле то и дело меняет интонации. Иногда он становится убийственно-жестоким, иногда приглушенным и тревожным, иногда — почти беспомощным (бывает и такое, например, на «острове Застенок, где обитает Кот-Мурлыка, эрцгерцог Пушистых Котов»). И все же на волнах несмолкающего смеха путешественники приплывают к месту назначения и слышат долгожданное проорицание: «Тринк!» — «Пей!». Пить надо, разумеется, не просто вино (это само собой, да и вовсе не вино на самом деле пьют у Рабле), а напиток мудрости, и жажда знаний «выведет... из бездны невежества, освободит от предрассудков

и суеверий, раскроет глаза и возродит к новой, удивительной жизни».

Последнюю проверку этого совета, за которым пришлось съездить за тридевять земель, производит, конечно, Панург:

«— А что вы скажете насчет моей женитьбы? Будет меня жена колотить или не будет?»

— Друг мой,— отвечают ему,— как только вы вступите на дорогу истинного, не ложного знания, вы легко сможете выбрать жену себе по вкусу».

И в самом деле: пока разговор шел вообще о браке и вообще о жене («это уж какая подвернется»), Панург был вправе теряться в сомнениях — а ему предлагают не теряться, а разглядеть человека и выбрать его. Было зачем съездить на край света: затем, чтобы вернуться и новыми глазами увидеть свою жизнь — яркое подтверждение чудес видимых и чаемых, радостного чуда человеческого существования на земле. И земля, на глазах у изумленных путешественников, становится земным раем: таково прощальное прощание, последние строки великой книги Рабле.

Перенесемся через полтора с лишним века и взглянемся в другое лицо: в твердое, непроницаемо-ироничное, загадочное лицо англичанина Джонатана Свифта (1667—1745). Довольно, казалось бы, неожиданный продолжатель шутливого уроженца Турени; а между тем именно Свифт сумел его прочесть, понять и продолжить в обход недоразумений и недоумений, непроницаемым частоколом загородивших книгу Рабле к концу XVII века. И однако можно быть уверенным, что Рабле бы такого продолжателя себе не пожелал.

У Рабле «энциклопедия жизни» открывалась напрапалу: что ни возьми, все сгодится, все по делу, все наше. У Свифта царит строгий, насмешливый, иногда издевательский порядок: вот она какой может стать, очеловеченная Вселенная; берегитесь, как бы закономерности мира, которых вы в самоослеплении не замечаете, не сыграли бы с вами злой шутки. Он как бы производит пересмотр раблезианской картины мира и того образного представления о мире, которое подсказало — и обрисовало — эту картину. Силою слова очертания смещаются, и мы на том же месте видим иной образ, странно, порой жутковато напоминающий прежний. Похоже, опять-таки, на перемены энциклопедий: но тут перемена века, перемена мироощущения, и перемена, в общем, зловещая, хотя Свифт и встречает ее всепобеждающей раблезианской насмешкой.

Джонатан Свифт был родом из разоренной и рассеянной английской революцией священнической семьи — небогатой, но со

связями. Отец его в поисках фортуны перебрался в Дублин, столицу полуколонизальной Ирландии, кое-как устроился стряпчим и умер за несколько месяцев до рождения сына. Родня позаботилась о Джонатане: он окончил лучшую школу в Ирландии и поступил в Дублинский университет, откуда открывалась юридическая или духовная карьера. (Иные биографы горько сострадали сироте и намекали на его «нищенское детство» и зависимость от дядьев: на самом же деле девять десятых населения тогдашней Ирландии — или даже Англии — могли бы только завидовать его судьбе, так что предположения, будто его жизнь омрачена была с детских лет, ни на чем не основаны.) Карьера, однако, не удалась: университет он не окончил по случаю очередной гражданской смуты, и Джонатана стараниями матери принял в домохозяева ее отдаленный родственник, бывший видный дипломат и приближенный короля Карла II сэр Уильям Темпл, один из образованнейших людей тогдашней Англии. Свифт стал его библиотекарем, секретарем, доверенным лицом, и за десять лет пребывания в его поместье Мур-Парк (неподалеку от Лондона) прочел, понял и усвоил куда более, нежели за годы учения. Читал он главным образом античных авторов: от Гомера до Петрония, особенно же поэтов Лукреция и Вергилия, а также историка Тита Ливия. Уклон определенно был в сторону римской литературы; и по складу ума и характера Свифт, разумеется, римлянин (а Рабле — конечно же грек).

После смерти сэра Темпла, в 1699 году, Свифту пришлось отправиться в ирландскую глушь викарием мелкого прихода (между делом он сдал нужные экзамены и принял священнический сан). Однако еще в Мур-Парке он понял, что призвание его — писательство, оружие — слово; и когда, бросив случайные стихи, он обратился к статьям, первая же из них вызвала политическое землетрясение. Свифт обнаружил поразительный дар разъяснения и замечательную словесную меткость. Эти свойства, наряду с другими, не менее опасными, по тогдашним представлениям, он развил в самой смешной, яркой и неожиданной своей книге — в «Сказке бочки». Здесь он вдоволь, от души наиздевался над церковными распрями и богословскими раздорами, занимавшими в то время необычайно много места в общественной жизни Англии, а заодно показал осатанело мечущимся церковникам, кто их истинный противник: таковым оказывается продажный и пронырливый тип-писателя, не в пример лучше понимающий, что нужно новым хозяевам жизни.

Свифт же по указке этих хозяев писать не желал (да, в общем-то, и не умел), как ему ни объясняли, чего именно хотят от него в верхах. Но пером его пренебрегать не приходилось: в те времена одна журнальная статья могла вызвать падение правитель-

ства или взлет дотоле неведомых претендентов на власть. Свифт не выбирал: он писал то, что думает, к общему смятению враждующих партий.

В 1710 году одной из них все-таки удалось залучить его на свою сторону, объясняя, что если не сейчас, то потом предполагается то самое, о чем он думает: конец власти денег и торжество какой ни на есть справедливости. Четыре года Свифт своими грозными, насмешливыми, рассудительными, достоверными статьями держал у власти несостоятельное правительство, единственным козырем которого было завершение затянувшейся победоносной войны с Францией. Но война кончилась, королева Анна, благоволившая этому более или менее случайному правительству, умерла, и настал час расплаты. Вчерашние властители Англии оказались в тюрьме или бежали за границу.

Свифт вел себя со спокойным достоинством римлянина, рискуя опалой, заточением, эшафотом; однако победители решили обойтись малой кровью, и глашатай свергнутого правительства отправили в почетную ссылку. настоятелем собора святого Патрика в ненавистном ему с юношеских лет Дублине. Правительство не раз в этом раскаялось: настоятель (декан) Свифт стал заступником народа Ирландии и его кумиром. Немногого не хватило, чтобы Джонатан Свифт, обратившийся в самых своих яростных памфлетах «ко всему народу Ирландии» и назвавшийся «М. Б., Суконщиком», не оторвал Ирландию от Англии.

Однако этого не случилось; и хотя через много лет после того как вызванные и возглавленные Свифтом (в качестве их вдохновителя) волнения улеглись, английский наместник в Ирландии лорд Картерет сообщал в Лондон: «Я правлю Ирландией с позволения доктора Свифта», власть эта была не настоящая. Что же до народного поклонения, то Свифт был вовсе не тщеславен и принимал его не без горечи. Он полагал, что его жизненные (и политические) счета далеко еще не оплачены: и углубился в работу над книгой, которая принесла ему бессмертие. В ней он поднялся над своим временем и обнаружил свойственный многим мыслящим художникам слова дар предвидения, умение проникнуть в суть явлений и разгадать их будущее. Говоря по-нынешнему, он стал провозвестником историзма в подходе к жизни общества.

Казалось бы, это сильно отличает его от Рабле, для которого история — то есть закономерная последовательность, своего рода обусловленная мозаика больших и малых событий — просто недоразумение; в эпоху Возрождения так думал не он один и зерно истины в подобных рассуждениях нетрудно было отыскать. Дей-

ствительно, тогдашние исторические события меняли направление, входили в новые русла и ускоряли течение свое; многое надо было еще понять и преодолеть во имя торжества человечности, которое виделось столь близким.

В торжестве этом не отчаивался и Свифт; но в его время радателями человечности выступали те люди, духовные наследники которых эту самую человечность попирали и извращали два с лишним столетия. Словом, Рабле явился на заре буржуазной эры; Свифту же было уже понятно, что несет с собой владычество буржуазии и какой «общечеловеческой» пропагандой оно прикрывается.

Достаточно долго он был свидетелем и участником псевдо-исторических перипетий — и постарался искупить эти пустяковые занятия в своих воображаемых путешествиях, окинув беспощадным взором ту политическую сцену, на которой незадолго до того он был одним из главных действующих лиц. «Путешествия Гулливера» — жизненный итог и итоговый смотр; но обращены они, конечно, не к собственной жизни; напротив, тут-то Джонатан Свифт и увидел — отчасти нехотя — мрачные перспективы грядущего жизнеустройства.

Образчик у него тот же, что у Рабле, — «народные книги»; только эти книги стали другими — это отчеты о действительных мореплаваниях, наполовину лживые, наполовину, в меру способности к правде, правдивые. Вот и некто Лемюэль Гулливер, сначала судовой врач, а потом капитан нескольких судов, — он очень правдив. То есть донельзя: у него и цели другой нет, кроме правды, — правда, правда и правда, подкрепленная вещественными доказательствами.

Четыре раза отправлялся он в путешествия — и все четыре раза привозил более чем странные, довольно, надо сказать, чудовищные, просто-таки бредовые свидетельства того беспримерного и устрашающего безобразия, которое царит в некоторых царствах, в некоторых государствах. Безобразия — или, напротив, благоустройства: в конце-то концов оказалось, что здесь, в Европе, даже и жить незачем, можно жить только там. Да, это, конечно, ирония: и она на самом деле не уводила невесть куда, а возвращала на родину — с повышенным сознанием своей, личной ответственности.

Со времени Рабле мироздание как бы уменьшилось — сократился, иначе сказать, размах человеческого понимания: и Свифт, вопреки самодовольному времени, изображает лилипутское мироздание, где восьмисантиметровый Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, могущественный император Лилипутии, достает макушкой до небесного свода. А Лемюэль Гулливер, по-здешнему («тамошнему») Куинбус Флестрин, Человек-Гора, согласен при-

гнуться. Человечность никому и низачем не требуется: требуется умение сгибаться.

Ситуация, кстати сказать, вполне раблезианская: ее-то и исследует Свифт. Только что смеяться некому: капитан Гулливер чувством юмора не обладает и смешон не меньше, чем две открытые им лилипутские империи. В самом деле: вот он стоит, растопырив ноги, и пропускает, согласно распоряжению императора (всемогущественнейшего!), лилипутскую армию; вот он пленяет неприятельский флот — связку детских корабликов — и с дурацким воплем «Да здравствует могущественнейший император Лилипутии!» выкарабкивается на берег, чтобы получить главный в государстве внештатный титул нардака. Джонатан Свифт, бывший нардак лилипутской Англии, конечно, измывается над собой; но от этого не легче. Некоторые исследователи полагали, что «дидактическая фигура» Гулливера мешает свифтовскому смеху. Если к этому смеху как следует прислушаться, то понятней становится, что герою-рассказчику перепадает больше остальных: он — постоянный объект насмешки. У Свифта открытие мира — горький напиток, и горше всего — его осадок. Раблезианский завет «пей!» исполняется, но питье — вроде цыкуты, выпитой Сократом во исполнение смертного приговора.

Другое дело, что это — открытие ненастоящего мира, а вернее — той фальши, которая выдает себя за мировую историю, на самом же деле есть ее тормоз: государственные распри, политические и религиозные дрязги, дипломатические хитросплетения, дворцовые интриги, войсковые парады. Все это у них, в Лилипутии и Блефуску, порой разительно похоже на историю Англии и Франции XVII—XVIII веков: но ни лица, ни события «правдивых записок» не поддаются однозначному иносказательному объяснению. Как заметил сам Свифт, «автор, который имеет в виду один город, одну провинцию, одно царство или даже один век, вообще не заслуживает прочтения».

Пожалуй, самое горькое в описании перипетий лилипутской политики — а по Свифту лилипутской придется признать всякую политику, которой управляют тщеславие, своекорыстие и державные прихоти, — то, что Гулливер принимает их всерьез и описывает раболепным языком хвастливого придворного («особа высокого чина», «его императорское величество милостиво соизволил», «великолепный дворец», «блестящий парад», «обязанности верноподданного» и т. д.). Разумеется, Свифт извлекает из этой серьезности массу комических эффектов (скажем, «я положил портшез с его превосходительством в карман кафтана»), однако смысл суровых шуток Свифта к таким эффектам не сводится. Сопоставив два изображения: Гаргантюа в Париже и Гулливер в Лилипутии (это сопоставление Свифт явно имеет в виду),

можно почувствовать всю разницу эпох, разницу исторической атмосферы, а также и разницу мировоззрений родственных по духу писателей. И разница эта ощутимей всего в обрисовке двух великанов; лилипуты и парижане, напротив, обрисованы довольно сходно.

Кстати, что касается лилипутского быта и нравов, то тут Свифт едва ли не снисходительнее Рабле: и недаром в описании «исконных обычаев и законов страны» Лилипутии находят перекличку с «Утопией» Томаса Мора, то есть оттенок социальной рекомендации. Очень привлекательны и забавны кукольные подробности жизни маленьких человечков; с другой стороны, лилипутский масштаб изображения позволяет превратить опись содержимого карманов Гулливера в сказочный перечень чудес, составляющих повседневную жизнь, — и звучит он славословием человеческой изобретательности и ремеслам.

Вовсе не нужно читать путешествие в Лилипутию как сатиру на гадких пигмеев или повесть о злоключениях добродушного англичанина, «великана поневоле». Обвинение в пигмействе отпосится к лилипутам лишь постольку, поскольку их правителями владеют мания величия и религиозный фанатизм, пигмеем же оказывается и сам Гулливер — в той степени, в которой перенимает лилипутское мировоззрение и становится верноподданным «его императорского величества», послушным Человеком-Горой. Когда же оказывается, что у его верноподданности есть пределы, что он не согласен «сделаться орудием порабощения», он снова вырастает на глазах и под конец возвращает свое почти совсем утраченное человеческое достоинство.

Впрочем, не размеры (отчасти вопреки Рабле) это достоинство удостоверяют: и следующее путешествие капитана Гулливера служит тому наглядным подтверждением. Здесь появляются настоящие великаны: они ровно во столько же раз крупнее Гулливера, во сколько он был крупнее лилипутов. Поначалу оказывается, что они ничем не лучше (но и не хуже) обыкновенных английских фермеров и батраков.

Зато Гулливер гораздо лучше самого себя в Лилипутии: скромнее, независимее, находчивее, храбрее. Ему, правда, приходится выступить в незавидной роли защитника отечества от недоумений гигантских вопрошателей. Своеобразным Пантагрюэлем выступает король страны великанов — Бробдигнега. Здесь у них полное отсутствие государственности и политических амбиций в европейском (лилипутском) смысле слова: монарх раблезианского роста убежден, что «всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же месте два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политики, вместе взятые».

И перед этими гигантами, не идеальными, а здравомыслящими, повествование Гулливера о величественных кровавых войнах, законодательных установлениях, социальном и имущественном неравенстве, расточительстве и борьбе всех против всех звучит жалко и постыдно. Как ни старается он превознести и обелить свой общественный уклад, проверка здравым смыслом разрушает все его дифирамбы. А уж история Англии последнего столетия в глазах бробдингжеского короля и вовсе выглядит «кучей заговоров, смут, убийств, избиений, порожденных жадностью, лицемерием, вероломством, жестокостью, бешенством, безумием, ненавистью, завистью, злобой и честолюбием».

Как видим, Свифт берет здесь глубже, чем в лилипутской части. И бьет напрямик. Поскольку ставший здесь лилипутом Гулливер представляет заурядную человечность, постольку он симпатичен и трогателен. Поскольку же он представитель европейской цивилизации, постольку принадлежит «к породе омерзительнейших гаденышей, самых зловредных из всех, какие когда-либо ползали по земле».

Заключение неутешительное — и это несмотря на то, что Гулливер «всегда изображал свое отечество с похвальным пристрастием», — но обжалованию оно не подлежит, жаловаться некому; таков суровый и окончательный приговор даже не добродетельных, а просто рассудительных великанов по поводу исторических событий, отделяющих время Свифта от времени Рабле. Человечность не возобладала; и все же торжество ее неминуемо. Ее утверждают и приключения отважного малютки-Гулливера, и сказочная грандиозность бробдингжеского королевства, где людской быт представлен крупным планом, возвеличен.

Однако Свифт не преминул подчеркнуть, что многие проявления человеческой природы, рассмотренные как бы в микроскоп, довольно непривлекательны. Об этом не мешало напомнить его современникам, нередко склонным идеализировать человека помимо и в обход его физической природы, которую так восславил Рабле. Английский писатель ведет к тому же — к реалистическому взгляду на жизнь, но от противоположного. Прислушавшись, нетрудно различить в этом подчеркивании плотского начала раблезианский смех.

Последние два путешествия мрачнее: в них речь идет об извращениях человечности. Рассказ о летучем острове Лапута, населенном помешанными на математике и астрономии уродцами, эксплуатирующими наземные колонии, о королевстве Бальнибарби, где благосостояние жителей принесено в жертву разрушительным для хозяйства высокоумным экономическим проектам, а ученые мужи «Великой академии» измышляют способы извлекать солнечные лучи из огурцов, строить дома, начиная с крыши, пахать

землю при помощи свиней, засеять поля мякиной, толочь мрамор на подушки и т. д. — вся эта фантастика, восходящая к Рабле, есть изобличение той ряженной под науку мифологии, которой новоявленные благодетели человечества пытаются подменить изучение естественных и социальных закономерностей. Свифтовские изобличения как нельзя более актуальны и поныне; недаром третье путешествие Гулливера предсказывает многие мотивы и сюжеты нынешней научной фантастики, особенно фантастики сатирической. Свифт издевается над наукой, оторванной от жизни, замкнувшейся в себе и невольно становящейся подспорьем буржуазной пропаганды. С суровой усмешкой отстаивая жизненный реализм, он развенчивает пустые мечтания, подобные эгоистической жажде физического бессмертия, превращающего человека в дряхлый ходячий труп (рассказ о струльдбругах).

Весь этот перечень попыток обманывать, околдовывать, а не познавать природу, изыскать новую магию взамен старых суеверий — сатирическое приземление псевдонаучного фантазерства, пустившего корни в народном сознании во времена Свифта и процветавшего гораздо позднее. Речь шла, разумеется, не о науках как таковых, а об угрозе их неестественного развития в условиях буржуазного прогресса, о том обманном ореоле, который этот прогресс начал приобретать.

Довольно добродушные насмешки Рабле над шутами от науки в королевстве Умников становятся у Свифта жестоким и беспощадным осмеянием: за полтора столетия готовые к услугам, приближенные к властям предрежающим «умники» сделали куда опаснее.

В этом путешествии носителем здравого смысла и поборником естественности то и дело как бы невзначай оказывается сам Гулливер. Странствие его, может быть, и менее занимательно, чем прежние, но весьма и весьма поучительно. (Надо заметить, что написана эта часть была позже других и вобрала в себя начала и концы разных свифтовских замыслов; но в конечном счете и ей нельзя отказать в единой целенаправленности.)

Больше всего пугала — особенно читателей XIX века — часть четвертая. Еще бы: Гулливер попадает в царство лошадей и при подробном рассмотрении заключает, что человек хуже и гаже не то что обезьяны, а даже и свиньи, лошади же — красивее, умнее и, главное, гораздо добродетельнее человека. Заключение его довольно вески: действительно, если видеть в человеке всего-навсего животное, считать его «безволосой обезьяной», то выглядит он по сравнению с другими представителями земной фауны довольно невзрачно. Нет в нем ни особого благообразия, ни величия, ни грации, а если представить себе человека, живущего звериным обычаем, то и вправду он жалче и противнее всех прочих тварей

земных. Чего стоит одно то, что человек — животное всеядное, то есть всепожирающее. Правда, человек был объявлен «венцом творения», но на каком основании? На основании, понятное дело, разумности, будто бы ему, человеку, изначально свойственной. Как-то само собой предполагалось, что человек даже и сотворен (а что сотворен, тогда еще мало кто сомневался) существом разумным.

«Человек,— писалось в учебниках логики,— животное разумное; лошадь — животное неразумное». Чем же поверяется эта разумность? Поверяется она, надо полагать, разумным поведением. Аристотель так и определил человека — как «животное общественное». Договорились, стало быть, что сам по себе, в своем животном качестве человек не то чтобы сразу возвышался над мирозданием. А поведение его за последние века Гулливер всеми силами и падающим голосом пытается представить как разумное. Кровь лилась и льется реками; человеческий «разум» озабочен оправданием кровопролития — а заодно и тем, чтобы крови проливалось как можно больше, с помощью новейших орудий человекоубийства. «Пушки, мортиры, мины, мушкеты, карабины, пистолеты, пули, порох, сабли, штыки», — перечисляет Гулливер; этот перечень можно продолжать и продолжать. А поводы для человекоубийства?

«Много крови было пролито из-за разногласий во взглядах. Споры о том, является ли тело хлебом или хлеб телом; что лучше: целовать кусок дерева или бросать его в огонь; какого цвета должна быть верхняя одежда: черного, белого, красного или серого?» Или: «...признается ли справедливой война с самым близким союзником, если какой-нибудь его город расположен удобно для нас или кусок его территории округлит и завершит наши владения?» — и т. д. и т. п. «Все это,— замечает умный конь, с которым беседует Гулливер,— прекрасно показывает, каков этот разум, на обладание которым вы притязаете». И добавляет: «Развращенный разум, пожалуй, хуже звериной тупости».

Итак, все дело в том, чему разум служит, пока это не выяснено, претензии на разумность в счет приниматься не могут. Разумность, она же человечность, доказывается общественной практикой, и пока она такова, какой была в XVI—XVII веках, в силе остается жестокое суждение бродягинежского короля, приведенное выше. Смысл этого приговора очень простой: надо изменить жизнь, надо стать людьми — хоть это и очень трудно дается. («Я считаю, что человек — не разумное животное, а животное, способное к разуму», — писал Свифт). Лемюэль Гулливер — обыкновенный средний англичанин начала XVIII века — понять этой поистине революционной мысли не может: ему понят-

но только, что собеседник-конь прав, что сам по себе человек не выше животного, а чваниться разумностью ему явно не стоит. Вывод он делает довольно бредовый: надо перестать быть человеком и уподобиться лошадям, животным, дивно сложенным и разумом не злоупотребляющим. (Это лошадиное «незлоупотребление» разумом, которое восторженно описывает Гулливер, — один из шедевров иронии Свифта.)

Словом, капитан Гулливер, не поняв, что надо быть человеком, решил стать лошадью: с лошадиным ржанием возвращается он в Лондон и запирается в конюшне. Таков насмешливый конец «Путешествий»: утверждение человечности от противного.

Хотя Свифта и называли «английским Рабле», он от своего любимого писателя многим отличен: в частности, и тем, что не разделяет раблезианских восторгов перед человеческой телесностью. Опыт полутора веков не прошел даром: надо, чтобы человек познал себя в качестве «животного общественного» и доказал бы вопреки жестокому историческому опыту, что он способен пойти наперекор силам зла и угнетения, неразумности и неестественности.

Гулливер возвращается из четвертого путешествия, несколько обезумев от того, что открылось ему в людях, — от того, что он мог понять и сам, без помощи мудрых лошадей. Может быть, на пути к ясности сознания, достигнутой Свифтом, и надо было переболеть таким безумием; но именно переболеть и вернуться к раблезианской человечности, к той невидимой опоре, которая постоянно поддерживала свифтовского героя. Суровый — и все же по-своему веселый оптимизм — вопреки попранию и извращению человечности, которому в буржуазном обществе лицемерно сопутствует выспренный культ «человека вообще», самопревознесение. Тому и другому равно противостоит книга Свифта: превознесению и принижению человечности. Фантастика же ее, народная по самой своей сути, служит тому же, чему служат и все волшебные рассказы, хитроумные небылицы: образному познанию мира, его очеловечению.

То же можно сказать и о третьей входящей в этот том книге — о «Приключениях Мюнхгаузена». Она и взошла на дрожжах плутовских побасенок, небывальщины, лукавой правды народного вымысла. Почти все приключения барона уже с кем-то когда-то случились: но, приписанные новому герою, они и рассказаны по-новому.

Герой этот, в отличие от Гаргантюа и Гулливера, существовал на самом деле (с 1720 по 1797 год), служил драгуном в русском войске, участвовал в походах на турок: рассказы его, стало

быть, имеют какую-то связь с действительностью. Это немаловажное дело — придать герою и рассказчику небылиц реальные черты; а тут он словно бы сам напросился, сам залез в литературу.

Теперь уже трудно, почти невозможно разобрать, где действительно, а где литературное лицо; да оно, в общем-то, и незачем. Вероятно, барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен был и в самом деле большим бахвалом и презанимательным рассказчиком. Таким он предстает на страницах альманаха «Спутник весельчаков» в 1781 году. «Возле Ганновера,— сказано там,— живет весьма остроумный господин М-х-з-н, пустивший в оборот особого рода замысловатые истории»; за этим следуют забавные анекдоты, не такого уж «особого рода», большей частью заимствованные из немецких народных книг. Было бы о ком рассказывать, а рассказы и рассказчики найдутся: заметим, однако, что и тут источник рассказней — фольклор.

Это первое явление барона могло бы оказаться последним: он еще не успел стать тем шомполом, на который, подобно уткам в его охотничьих историях, нанизываются невероятные приключения. Однако безымянный автор «Спутника весельчаков» кое-что уловил: а именно заведомую, нарочитую невероятность приключений Мюнхгаузена. Плести небылицы — это действительно умение «особого рода»; недаром в народных сказках (и на самом деле) устраиваются состязания, кто кого переверет. У барона были хорошие исходные данные.

На них обратил внимание некто Рудольф Эрх Респэ (Распе) (1737—1794), хранитель коллекции древностей гессенского ландграфа, сбежавший в Англию после довольно темной истории с пропажей вверенных ему драгоценностей. В Англии надо было как-то снискать пропитание: и Респэ подвернулся альманах на родном языке с прелюбопытными анекдотами про барона Мюнхгаузена, о котором он, возможно, и слышал. Он обработал опубликованные рассказы, прибавил к ним новые, черпая все из того же кладезя народной юмористики, и в 1786 году издал по-английски «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в России». Книжица (в ней поначалу было сорок девять страниц) имела успех и несколько раз переиздавалась, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах. В том же 1786 году она вернулась на родину барона: ее вольный и пространный пересказ по-немецки сделал поэт Готфрид Август Бюргер (1747—1794).

Бюргеровский вариант принято считать окончательным: с точки зрения законченности образа и языковой отделки он, конечно, богаче «Повествования» Респэ. Однако уже у Респэ барон как литературный герой вполне обрисовался, характер его рас-

сказов отчетливо определился. Кое-что из того, что присочинил Бюргер, потом переключалось обратно в английские переиздания «Мюнхгаузена». Одно из них, кстати, называлось «Оживший Гулливер». Германский враль родился в сознании читателей с английским правдолюбом. У Мюнхгаузена есть и еще знакомая нам родня: Панург — вспомним рассказ о его бегстве из турецкого плена. Ничего удивительного, ведь Мюнхгаузен — тоже шут, клоун, разодетый под прусского барона XVIII века, — и этим все сказано. Ложь (точнее говоря, враки) — не в укор ему, а в заслугу. Такое уж его назначение: оборачивать случаи из жизни смешными небылицами, перекраивать на свой аршин бытовые и волшебные сказки, повести о действительных и воображаемых путешествиях и даже события реальной истории.

Никакой сатирической издевки в его облике нет — во всяком случае, у Распэ: Бюргер попытался, хоть и не слишком успешно, придать барону черты социально-исторического типа. Но для того, чтобы «заиграть», черты эти требуют совсем иного сюжета, обстановки и задачи повествования. Такой опыт тоже был проведен — немецким писателем К. Иммерманом, автором романа «Мюнхгаузен» (1838); были и другие, более и куда менее удачные пробы.

Однако это совсем другая история — история использования образа: барон Мюнхгаузен Распэ-Бюргера просто шут в характерном наряде, лукавый, добродушный и бескорыстный выдумщик. Тем более бескорыстный, что слушатели смеются ему в глаза, а он словно призывает их потешаться над ним. Тем и невдомек, что над собой они при этом смеются ничуть не меньше: Мюнхгаузену-то мюнхгаузеновщина к лицу, но ведь в редком человеке ее нет!

И благо тому, кто, читая, как барон сам вытащил себя за волосы из болота или перескочил через высокий забор с двумя лошадьми под мышкой, не припомнит собственные рассказы о своей силе, смелости и находчивости, гораздо менее забавные и менее простительные — потому что более правдоподобные, чем мюнхгаузеновские; а припомнив, смущенно рассмеется и совершенно справедливо подумает, что смеяться над собой правильнее, чем над другими, что смеяться вообще гораздо достойнее, чем пыжиться, скорбеть или изрыгать хулу на род людской, себя при этом печально выгораживая. Все это, кстати, более или менее относится к Гулливеру последнего путешествия. И смеховое отщипление настигает его незамедлительно: сам того, как водится, не замечая, он возвращается на родину полоумным пугалом. В заключительных главах он — шут поневоле; и хотя его унылое шутовство полно глубокого, печального смысла, смысл этот для него самого сокрыт.

Лишь очень вдумчивый читатель улыбнется, закрыв «Путешествия Гулливера». Что ж, смех смеху рознь, а иная насмешка — не в насмешку. Недаром Свифта называли непревзойденным мастером иронии. Вслед за Рабле он был деятелем смехового познания мира и смехового его преобразования. Смеялся он, разумеется, иначе, чем Рабле, но жизненные ресурсы смеха черпал там же, в глубине народного, оптимистического мироощущения.

С оглядкой на Рабле и Свифта написаны многие книги, и не последняя из них — «Приключения Мюнхгаузена». Скажем о ней то же, что мы на разные лады повторяли о двух великих книгах: в ней царит веселая власть воображения, устанавливающего радостное соседство обыденной жизни и волшебной сказки. Этим соседством живет подлинная фантастика; его никогда не упускает из виду подлинная литература.

Это — вступительное слово к трем замечательным книгам мировой литературы. Читаются они очень легко и помимо всяких разъяснений, но чтобы понять их как следует, разъяснения не помешают. Понять, полюбить и не расставаться с ними всю жизнь.

В. С. Муравьев

ФРАНСУА РАБЛЕ

ГАРГАНТЮА
и ПАНТАГРЮЭЛЬ

Роман,

В обработке для детей
Н. Забалуцкого

François Rabelais

1. La vie tres horrifiegue du grand Gargantua.
2. Pantagruel, roy des dipsodes, restitue à son naturel, avec ses faictz et pruesse
espouvantables

Иллюстрации Гюстава Доре

*Друзья мои, знаете ли вы, кто такой был Сократ? Сократ был знаменитый греческий мудрец. Говорят, что он был похож на силену*¹. А силеном в старину назывался ларец, в котором богатые люди хранили свои драгоценности. Снаружи этот ларец был украшен разными фигурками — рогатыми зайцами, оседланными утками, крылатыми козлами... И до того забавные были эти фигурки, что всякий, увидя их, невольно улыбался. И никому в голову не приходило, что в этом смешном ларце хранятся редкие, драгоценные вещицы. А ведь в него прятали кольца, ожерелья, драгоценные камни и душистые снадобья: мяту, кардамон, мускус.*

Вот таким же, говорят, был и Сократ. С виду это был смешной и неуклюжий старик. Нос у него был картошкой, глаза — как у быка, одевался он кое-как, вечно зубоскалил, вечно посмеивался. Короче говоря, — дурень дурнем, а уж извест-

^{*1} Пояснения к словам, отмеченным звездочкой, смотрите в конце книги.

но, какой из дурня толк. Но это казалось только с первого взгляда. На самом деле Сократ был самый мудрый из всех тогдашних мудрецов. Шутя и посмеиваясь, он высказывал такие глубокие мысли, какие в ту пору еще никому не приходили в голову. А кроме того, Сократ был всегда весел, всегда спокоен и считал сущими пустяками многое такое, из-за чего другие люди столько трудятся, плавают по морям, сражаются...

К чему, вы думаете, я завел с вами такие длинные рассуждения? Да все к тому, мои добрые друзья, чтобы вы, читая эту книгу, не подумали, что речь тут идет только о шутках да разных веселых сказках. Вы же сами говорите, что «по одежке не судят». Не судите же и мою книгу по одной забавной одежке. Сказки сказками, но, кроме сказок, вы найдете здесь кое-что и посерьезнее.

Видали ли вы собаку, которая нашла на свалке мозговую кость? Посмотрите, как собака ее охраняет, как бережет, как крепко держит в зубах, как осторожно раскусывает, как терпеливо разгрызает, как чисто высасывает. Зачем она так трудится? На что ей эта грязная кость? Ясно: собака хочет высосать из нее мозг. Всем известно, какое это лакомое кушанье.

Вот и я хотел бы, чтобы вы, добрые мои друзья, походили на эту умную, сообразительную, терпеливую собаку. Вам следует сначала хорошенько пронюхать и почувствовать мою книгу. Затем на досуге подумать о ней, разбить кость и высосать мозг.

Итак, за дело, друзья мои! Читайте мою книгу и забавляйтесь себе на здоровье. Да только слушайте, бездельники: когда дочитаете последнюю страницу, не забудьте упомянуть меня добрым словом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОВЕСТЬ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПОДВИГАХ ВЕЛИКОГО ГАРГАНТЮА, ОТЦА ПАНТАГРЮЭЛЯ

ГЛАВА I

О том, как родился Гаргантюа

свое время великан Грангузье* был большой весельчак и любитель покушать.

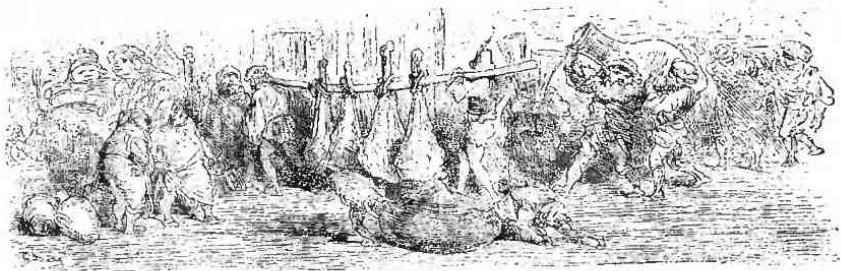
В его погребах хранился большой запас окороков, множество колбас, целые горы солонины с горчицей, икры и жирных сосисок. Уже в немолодом возрасте он женился на Гаргамели, красивой и здоровой девице, а через год у них родился Гаргантюа, тот самый Гаргантюа, который впоследствии унес колокола с собора Парижской богородицы* и в ужасной битве победил короля Пикрокола.

По случаю рождения сына Грангузье задал такой пир, каких давно не бывало в тех краях. Как раз к этому времени зарезали 367 014 штук жирных быков, чтобы засолить мясо к весне. Потрохов получилось, сами понимаете, достаточно, и таких вкусных,

что каждый пальчики облизывал. Решено было сожрать их без промедления. Для этого пригласили молодцов со всей округи. Все они были любители покушать, веселые ребята и славные игроки в кегли.

Пир получился на славу. Бутылки заходили кругом, окорока запрыгали, стаканы забежали, кубки зазвенели. И уж будьте

спокойны, с потрохами управились как нельзя лучше. Сам Грангузье на радостях съел ровным счетом шестнадцать бочек, два ведра и шесть горшков. То-то расперло ему кишки!

После обеда все отправились в рощу и там на густой мураве плясали под звуки волюнок и свирелей.

В самый разгар веселья до ушей Грангузье донесся громкий крик его новорожденного сына.

— Пить! Пить! Пить! — кричал ребенок.

— Ке гран тю а! — воскликнул добряк Грангузье. — Какая здоровая у тебя глотка!¹

¹ Que grand tu as! (франц.)

— Что верно, то верно, — сказали гости. — Пусть же мальчик отныне зовется «Гаргантюа» — по первому слову своего родителя.

Грангузье это имя очень понравилось. Чтобы успокоить младенца, он дал ему вдоволь виноградного вина, а потом снес в церковь и окрестил по христианскому обычаю.

Когда Гаргантюа немного подрос, ему смастерили красивую тележку. В этой тележке волю катали его взад и вперед, и все прохожие удивлялись, глядя на славного мальчугана. И было чему удивляться! У Гаргантюа была удивительная рожа с десятью подбородками.

Кроме того, надо сказать, что кричал он очень редко, но зато закусывал ежеминутно.

Немного спустя Гаргантюа сшили нарядную одежду. Может быть, вам интересно узнать, сколько на нее пошло материи? Это я могу сказать точно, так как в старинных книгах об этом подробно записано.

На рубашку его пошло 900 локтей* лучшего французского полотна и еще 200 — на квадратные лоскуточки, которые подшили под мышками. Для куртки взяли 813 локтей белого атласа, для штанов 1105 локтей белой шерстяной материи. Штанины были сшиты в форме колони с полосами и зубцами сзади, и заметьте, что у мальчишки были очень красивые ноги и как раз такой длины, какая полагалась для его роста.

На его башмаки пошло 406 локтей ярко-голубого бархата. На подошвы едва хватило тысячи коровьих шкур. Носки башмаков сделали заостренные, как этого требовала тогдашняя мода.

На камзол пошло 1800 локтей голубого бархата, очень яркого, вышитого по краям золотыми листочками, а на кушак — $300\frac{1}{2}$ локтей шелковой саржи, наполовину белой, наполовину голубой.

Кошелек его был сшит из слоновой кожи, а шляпа — из бархата, причем над шляпой развевался великолепный султан, сделанный из пера водяной птицы.

Для того чтобы сшить Гаргантюа перчатки, спустили кожу с шестнадцати домовых. Из этого материала они и были приготовлены по всем правилам.

Как вы видите, одежда у Гаргантюа была двух цветов: белого и голубого. Грангузье хотел этим показать, что рождение сына было для него небесной радостью. Поэтому что белый цвет обозначает радость, счастье, веселье, а голубой — нечто небесное.

Я хорошо понимаю, что, читая эти строки, вы посмеиваетесь надо мной и думаете: «Что за вздор городит этот

старик? Почему белый и голубой цвет обозначают небесную радость?» Что ж, смейтесь себе на здоровье! Всё, о чем, я здесь рассказываю, — сущая правда.

Знаете ли вы, что у древних народов черный цвет обозначал печаль, а белый радость? Древние греки отмечали свои счастливые дни белыми камешками, а печальные — черными. Когда римские полководцы возвращались домой с победой, они ехали на колесницах, запряженных белыми конями. После этого разве не ясно, что белый цвет обозначает собой радость? Что же касается голубого, то посмотрите на небо, — разве оно не голубое? Вот и выходит, что голубой цвет — небесный, а белый с голубым обозначают небесную радость.

С трех до пяти лет Гаргантюа воспитывали и кормили как полагаются. Проводил он свое время, как и все маленькие дети: пил, ел, спал; ел, спал, пил; спал, пил, ел.

Что еще делал он, хотите вы знать? Извольте, я вам скажу.

День-деньской валялся в грязи.
Пачкал себе нос.
Бил баклуши.
Повсюду лазил.
Точил зубы о деревянный башмак.
Руки мыл похлебкой.
Чесался стаканом.
Садился между двух стульев.
Пускал мыльные пузыри.
Совал нос, куда не следует.

Словом, жил в полное удовольствие. Что еще?

Гонял лодыря.
Щекотал у себя под мышкой.
Решетом воду черпал.
Ловил журавлей в небе.
По одежке протягивал ножки.
Из топора себе суп варил.
И всё ему было трын-трава. Так-то!

Чтобы приучить мальчика к верховой езде, ему подарили большую деревянную лошадь. Гаргантюа ездил на ней шагом, рысью, заставлял ее скакать во весь карьер, ходить по-ослиному и по-верблюжьему. От времени до времени он перекрашивал свою лошадь в новую масть: то она была у него гнедой, то рыжей, то серой в яблоках, то вороной, то караковой, то пегой, то буланой...

Охотничью лошадь он сделал себе сам из большого толстого чурбана, а лошадь для прогулок — из пустого бочонка. Кроме того, у него было двенадцать подставных лошадей и семь почтовых. И всех их на ночь он ставил возле своей кровати.

Однажды господин Пенансак с пышной свитой посетил его отца. В тот же день приехали герцог де Франрепа и граф де Муйеван. Честное слово, для такой кучи народа места в доме оказалось маловато. Особенно тесно было в конюшнях. Дворец-

кий и конюший господина Пенансака не знали, куда поставить своих лошадей.

— Нет ли где в доме запасной конюшни? — спросили они у Гаргантюа.

— Есть, — сказал Гаргантюа, — идите за мной.

Он повел их по большой лестнице, провел через залу и вывел на главную галерею, прямо к башне.

— Этот молодчик нас, наверно, обманывает, — сказал конюший, поднимаясь по ступенькам башни, — в верхних этажах конюшен не бывает.

— Может быть, с той стороны есть спуск, — ответил дворецкий. — А впрочем, для верности я спрошу у мальчугана.

— Миленький, — спросил он Гаргантюа, — куда вы нас ведете?

— В конюшню, — отвечал Гаргантюа. — Там стоят мои большие лошади. Мы скоро уже придем, только поднимемся по этой лестнице.

И, говоря это, он привел их в свою комнату, где стояли его деревянные лошадки.

— Вот конюшня, — сказал Гаргантюа. — Вот мой испанский жеребец, вот венгерский, а вот мой иноходец*.

После этого он подкатил к ним большой чурбан и сказал:

— Дарю вам эту охотничью лошадь. Я получил ее за Франкфурта. Владейте ею на здоровье. Это добрый и выносливый конек.

— Славно мы одурачены, клянусь святым Иоанном, — сказал, рассмеявшись, дворецкий.

— Дураков за версту видно, — сказал Гаргантюа.

— Черт возьми, — сказал дворецкий, — язык у него как бритва! Бог с вами, господин болтун, вы за словом в карман не полезете.

С этими словами они спустились в нижнюю залу, где ужинала остальная свита. Там они рассказали о своем приключении и так рассмешили гостей, что те чуть со смеху не лопнули.

ГЛАВА II

*О том, как метр Тубал Олоферн
обучал Гаргантюа грамоте*

До пяти лет Гаргантюа редко видел своего отца: Грангузье в это время был на войне. Возвратившись с войны, Грангузье навестил мальчика. Целуя и лаская его, Грангузье стал расспрашивать нянек, приучили ли они Гаргантюа к чистоте и опрятности. На это сам Гаргантюа ответил, что он завел у себя большой порядок, и теперь во всей стране нет мальчика опрятнее его.

— Как так? — спросил Грангузье.

— Очень просто, — отвечал Гаргантюа, — я изобрел самый удобный способ вытирать себе нос.

— Какой же способ? — спросил Грангузье.

— Сейчас я вам расскажу, — сказал Гаргантюа. — Однажды я высморкался в шарф одной барышни, и это было очень приятно, так как шелк, из которого сделан шарф, очень мягкий. В другой раз я хотел вытереть нос шляпой, но золотые шарики, нашитые на шляпу, расцарапали мне щеки. Зато приятно было высморкаться в другую шляпу, которая была отделана мягкими перышками.

— Какой же способ самый удобный? — спросил Грангузье.

— Сейчас скажу, — сказал Гаргантюа. — Вытирал я нос копаком, подушкой, туфлей, корзинкой. Затем приходилось вытирать его курицей, петухом, цыпленком, телячьей шкуркой, голубем, зайцем. Но, скажу вам в заключение, нет лучше средства для утирания носа, чем молодой гусенок с нежным пушком. Когда его прикладываешь к носу, озябший нос моментально согревается.

Услышав такие речи, добряк Грангузье пришел в восторг и сказал нянькам Гаргантюа:

— Знаете ли вы, как Филипп*, царь македонский, узнал про удивительный ум своего сына Александра? Послушайте-ка, я вам расскажу эту историю.

У царя был конь, но он был так необуздан и страшен, что никто не осмеливался сесть на него. Уже многих всадников искалечил этот дикий скакун: одному сломал шею, другому — ноги, третьему — череп, четвертому — челюсть. Однажды на ипподроме, где обьезжают лошадей, Александр заметил, что конь оттого беснуется, что боится своей собственной тени. Вскочив на коня, Александр пустил его против солнца, так, чтобы тень падала сзади. Конь сразу сделался послушным. Узнав об этом, Филипп решил, что Александр умен не по летам, и пригласил

к нему в учителя Аристотеля, самого мудрого из всех греческих мудрецов*.

— Сегодня, — продолжал добряк Грангузье, — мы все убедились, насколько умен и сообразителен мой сын Гаргантюа. Думается мне, что если его как следует обучить наукам, из малого будет толк. Поэтому я хочу пригласить к нему в учителя какого-нибудь ученого человека.

Скоро такой ученый человек отыскался. Это был знаменитый метр* Тубал Олоферн. Тубал Олоферн заставил Гаргантюа вы зубить азбуку так хорошо, что Гаргантюа мог прочитывать ее наизусть, без запинки, с начала до конца и от конца к началу. На это дело Гаргантюа потратил пять лет и три месяца. Вот это было ученье!

Потом таким же манером Гаргантюа вызубрил латинскую грамматику, молитвенник и церковный календарь*, и на это у него ушло тринадцать лет шесть месяцев и две недели.

Заметьте, что в те времена книг печатать еще не умели. Книги переписывали от руки. Чтобы переписать одну книгу, нужно было трудиться с полгода, а то и целый год. Гаргантюа, научившись грамоте, переписал для себя все учебники. Вот это было ученье!

Гаргантюа носил на поясе огромный письменный прибор. Пенал его больше смахивал на церковную колонну: так он был велик и тяжел. Чернильница висела на толстых железных цепях и была похожа на огромную бочку.

После того как Гаргантюа вызубрил еще множество других мудреных книг, Грангузье наконец заметил, что с ученьем дело ладится плохо. Чем больше Гаргантюа учится, тем он больше глупеет.

Грангузье пожаловался на это своему другу дону Филиппу.

— В этом нет ничего удивительного, — сказал дон Филипп. — Его наставник метр Тубал Олоферн глуп как пробка. Вся его наука — глупость, а книги — чистейший вздор. Если вы мне не

верите, позовите к себе любого мальчика, который учится у славного учителя Понократа*, и сравните его с вашим сыном. Вы увидите, кто из них толковей.

Грангузье этот совет понравился, и он приказал, чтобы все это было сделано.

И вот вечером, во время ужина, дон Филипп привел с собой своего маленького пажа Евдемона. Евдемон был так гладко причесан, так красиво наряжен, он так вежливо раскланивался и улыбался, что походил скорее на ангельчика, чем на человека.

— Видите вы этого мальчика? — сказал дон Филипп. — Ему двенадцать лет. Ну вот, посмотрим, чему он научился у Понократа всего лишь за два года ученья.

Грангузье согласился выслушать Евдемона и приказал ему держать речь.

Тогда Евдемон встал со шляпой в руках и, приветливо улыбаясь румяными губами, начал свою речь. Глядя на Гаргантюа, он стал хвалить и величать его: во-первых, за добрый нрав; во-вторых, за его ученость; в-третьих, за благородство; в-четвертых, за красоту; в-пятых, стал кротко увещевать его еще больше почитать отца, который так заботится об его образовании. В заключение Евдемон заявил Гаргантюа, что считает себя его усердным слугою и ничего иного для себя не желает, как только угодить своему новому господину.

И все это было сказано с такими приятными жестами, с таким удивительным красноречием и на таком прекрасном латинском языке, что Евдемон походил скорее на Цицерона* былых времен, чем на обыкновенного французского юношу.

Когда же очередь дошла до Гаргантюа, то, вместо всякого ответа, он уткнулся в шапку и заревел, как корова. И так от него и не добились ни одного слова, как ни старались.

Отец разгневался до того, что хотел тут же убить Тубала Олоферна. Хорошо, что дон Филипп вовремя вмешался и успокоил беднягу Грангузье. Грангузье приказал заплатить Тубалу Олоферну полное жалованье и выгнал его на все четыре стороны.

Когда Тубал Олоферн покинул дом, Грангузье решил представить к своему сыну Понократа — того самого учителя, у которого учился Евдемон. И, кроме того, Гаргантюа вместе с Евдемоном и новым учителем решено было отправить в Париж, чтобы они посмотрели, как там обучаются французские юноши.

ГЛАВА III

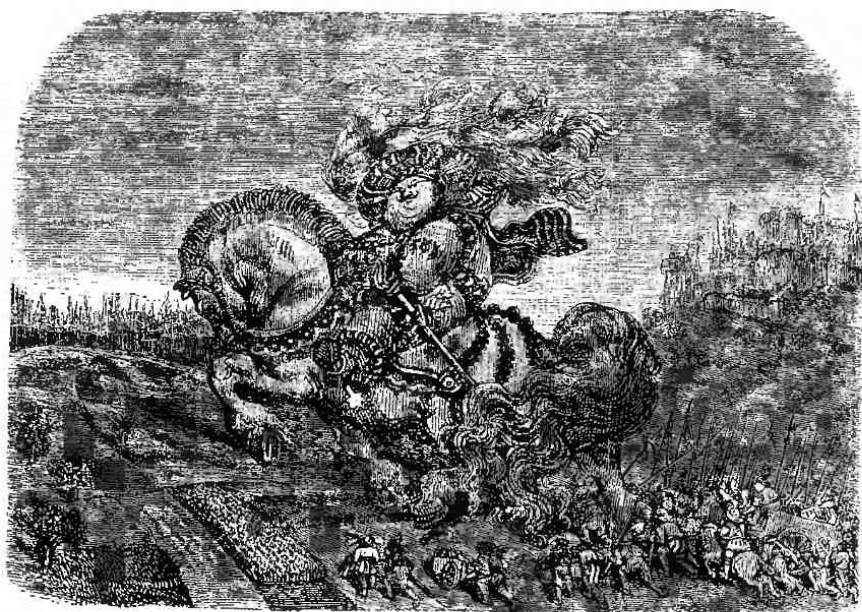
*О том, как Гаргантюа
был послан в Париж*

Как раз к этому времени Грангузье получил из Африки в подарок огромную лошадь. Это была самая большая лошадь, какую только видели на свете. Величиной она была с шестерых слонов; ноги у нее были с пальцами, уши висели как у лангедокской козы*, а на заду рос небольшой рог. Масти она была бурой, а местами серой в яблоках. Но всего страшнее был у нее хвост. Толщиной он был с колонну и весь был усыпан огромными колючками.

Лошадь была доставлена к Грангузье морем — на трех баржах и одном корабле. Увидав ее, Грангузье воскликнул:

— Вот как кстати прилась мне эта лошадка! Она повезет моего сына в Париж. Честное слово, теперь все пойдет как по маслу. Он станет со временем великим ученым.

На другой день, плотно закусив, Гаргантюа вместе со своим новым учителем Понократом, пажом Евдемоном и другими провожаемыми двинулся в путь. Погода стояла отличная. И вот наши путешественники весело ехали путем-дорогой, сладко ели и пили, пока не проехали Орлеана. А там пошел густой лес длиной в тридцать пять миль, шириной в семнадцать или около того. В этом лесу кишмя кишели слепни и оводы, и это было для

лошадей чистое наказание. Однако лошадь Гаргантюа не растерялась и отомстила им за своих искусанных родственников.

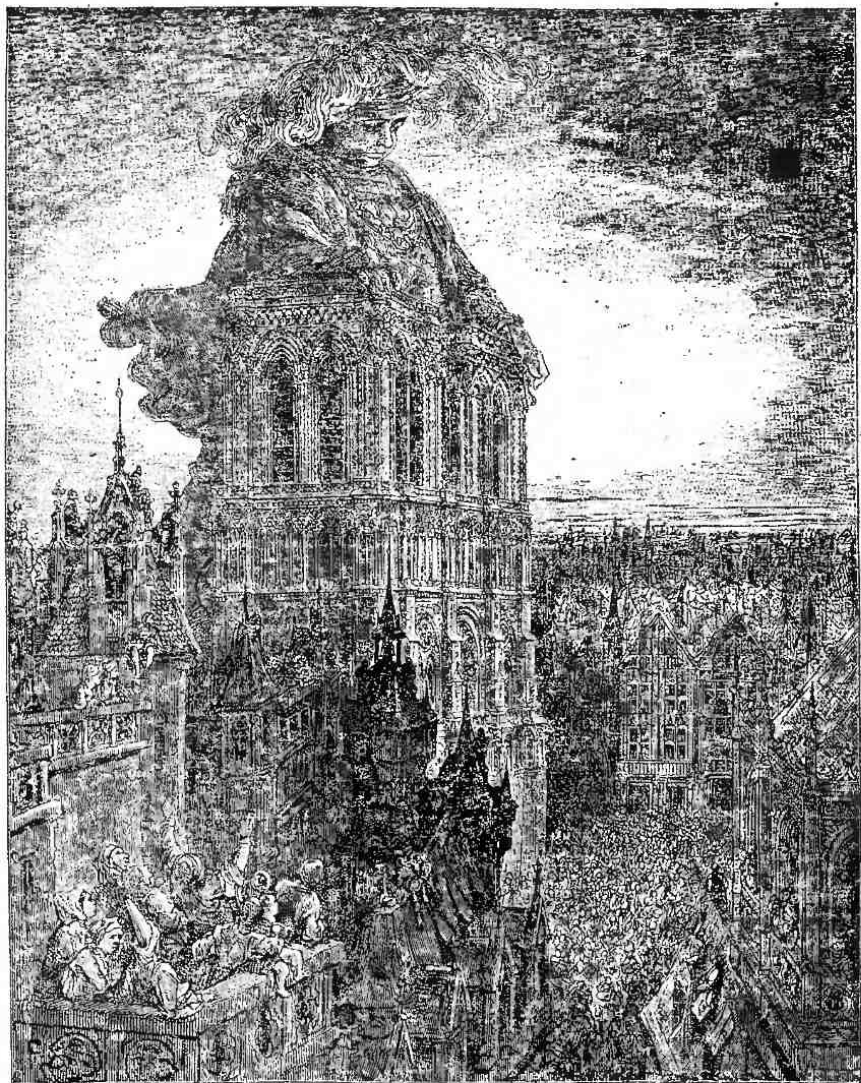
Как только наши друзья вступили в лес и на них напали оводы, лошадь так замахала хвостом, что деревья кучами повалились на землю. Она махала хвостом вправо, влево, туда, сюда, вдоль и поперек и косила деревья так, как косарь косит траву. Скоро весь лес был повален. Повсюду лежали кучи переломанных деревьев. Само собой разумеется, что после этого в живых не осталось ни одного овода.

Путешественники отправились дальше. Через несколько дней они благополучно добрались до Парижа.

ГЛАВА IV

*О том, как Гаргантюа унес колокола
с собора Парижской богородицы*

После того как наши друзья как следует отдохнули, Гаргантюа отправился осматривать город. Но едва он вышел на улицу, как целые толпы зевак окружили его. Одни дивились огромному росту Гаргантюа, другие — его необычайной толщи-

не, третьи — его красивой одежде. Известно, что парижане — самый легкомысленный народ в мире. Их, как говорится, хлебом не корми, только дай поглазеть на какого-нибудь фокусника или уличного музыканта. Тем более по вкусу пришелся им такой молодец, как Гаргантюа. Они так назойливо его преследовали, что, спасаясь от них, Гаргантюа должен был взобраться на башню собора Парижской богородицы.

Поглядывая с башни на огромную толпу народа, Гаргантюа сказал:

— Вероятно, эти бездельники хотят, чтобы я с ними поздоровался. Дело! Сейчас я их угощу так, что они вовек этого не забудут...

И вслед за этим Гаргантюа набрал в легкие воздуха и так сильно дунул вниз, что в городе поднялся невиданный ураган. Ураган повалил с ног 260 418 человек, не считая женщин и детей.

Зеваки пустились наутек. Обливаясь потом и кашляя, они добежали до университета* и там принялись ругаться на чем свет стоит.

— Каримарй-каримара! — кричали они. — Он чуть было не искалечил нас, этот негодяй.

А Гаргантюа, разогнав народ, стал от нечего делать рассматривать огромные колокола, висевшие на соборных башнях, и дергать их за веревки. В городе поднялся трезвон. И вот тут-то Гаргантюа пришлось в голову унести колокола с собой и привесить их на свою лошадь вместо бубенчиков. Гаргантюа так и сделал. Он снял колокола один за другим и отнес их к себе.

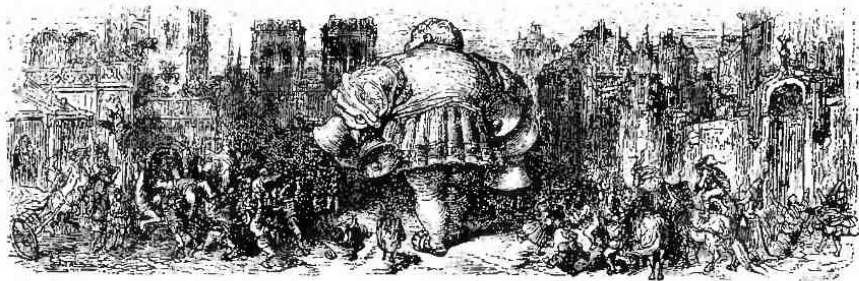
Весь город всполошился. Горожане собрались к башне Нель* и стали советоваться, как вернуть колокола обратно.

После долгих споров решено было отправить к Гаргантюа депутацию во главе с метром Янотусом, известным ученым и красноречивым.

И вот метр Янотус, крепко закусив и кое-как побрившись, отправился к Гаргантюа. Его сопровождали два красноречивых причетника и пять-шесть писак, перемазанных чернилами.

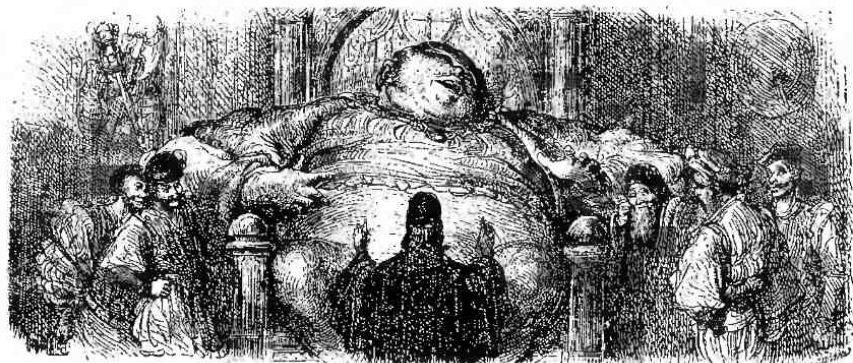
В воротах дома их встретил Понократ. Сперва он подумал было, что это клоуны. Но, узнав, что это вовсе не клоуны, а городская депутация, Понократ побежал к Гаргантюа и рассказал ему обо всем.

Друзья стали советоваться — что делать. Все были того мнения, что Янотуса прежде всего следует отвести в буфетную и дать ему как следует выпить. А чтобы этот старый кашлюн после не хвастался, будто он вернул Парижу похищенные колокола, решено было послать за префектом города, ректором факультета и викарным епископом и отдать им колокола, прежде чем Янотус выступит со своей речью. Все так и было сделано. Колокола потихоньку унесли, а приглашенных ввели в залу, где метр Янотус, откашлявшись, произнес следующую речь:

— Гм! Гм! Сударь. Гм! Гм! Господа. Было бы очень хорошо, если бы вы вернули нам наши колокола, потому что они нам очень нужны. В свое время нам предлагали за них большие деньги ввиду отличного качества их элементарной сущности. По этой причине звуковая природа их составных частей такова, что она отгоняет всякие бури и непогоды от наших виноградников, то есть не наших, а вообще — окрестных. Гм! Гм! Кхе! Если вы отдадите колокола по моей просьбе, я получу в награду шесть связок сосисок и добрую пару штанов, в которых будет очень тепло моим ногам. Ох, ей-богу, сударь, пара штанов очень хорошая штука! Ха-ха! Не всякому достаются штаны, кто в них

нуждается. Я в этих делах кой-что смыслю. Подумайте, сударь, вот уже восемнадцать дней, как я готовлю эту прекрасную речь. Воздайте же кесарево кесарю, а божье богу*. Честное слово, сударь, если вы хотите отужинать со мною, мы славно пображничаем. Я заколол свинью и приготовил бочонок доброго винца. Итак, отдайте же колокола! Слушайте, я обещаю вам от имени нашего факультета прекрасную книгу церковных проповедей, лишь бы вы отдали колокола. Хотите получить разрешение от всех грехов?* Богом клянусь, вы его получите, и оно ничего вам не будет стоить. Гм! Гм! Сейчас я вам докажу, что вы должны возвратить нам наши колокола. Слушайте! Каждый звонкозвонящий на колокольне колокол, звоня своим языком, заставляет звонящих звонко звонить. Ха-ха-ха! Надеюсь, это убедительно. Ах, как я ловко говорю! Честное слово, сударь, было время, когда я только и делал, что произносил речи. Но теперь мне нужно только доброе вино, да чтобы спину грел огонь, а брюхо упиралось в стол, на котором дымится суповая миска. Эх, сударь, отдайте же колокола. Ведь город без колоколов — все равно что корова без бубенчика. Я кончил. Будьте здоровы!

Не успел этот славный ученый окончить свою речь*, как Понократ и Евдемон покатались со смеху. Вместе с ними рассмеялся и сам метр Янотус. И так все трое хохотали, пока у них не заболели печенки.

Когда смех улегся, Понократ предложил еще раз угостить прекрасного оратора и в награду за то, что он так рассмешил всю честную компанию, выдать ему:

десять связок сосисок,
пару штанов,
триста поленьев дров,
двадцать пять бочек вина,
постель с тремя перинами из гусиных перьев
и большую суповую миску.

Все это было исполнено, но вместо штанов Гаргантюа приказал выдать метру Янотусу семь локтей черного сукна и три локтя материи на подкладку. Дело в том, что Гаргантюа не знал, какие штаны больше всего понравятся ученому оратору — с бантом ли сзади или спереди, или такие, как носят моряки, или с теплым набрюшником, или же с хвостом, вроде как у трески, чтобы особенно не нагревались почки.

И вот вся эта ученая депутация, нагрузившись подарками, отправилась домой.

Но на этом дело не кончилось. Оказывается, метр Янотус, этот старый кашель, несмотря на то, что славно поживился у

Гаргантюа, все-таки потребовал у города обещанных ему штанов и сосисок. Когда городские власти ему отказали, он подал на них в суд.

— Ах вы, обманщики! — кричал метр Янотус. — Вздумали со мной плутовать, когда я сам в свое время плутовал вместе с вами! Клянусь богом, я сообщу королю о ваших проделках. И пусть поразит меня проказа, если он не прикажет сжечь вас живьем, как обманщиков, изменников и врагов господ бога.

За эти слова городские власти в свою очередь потянули Янотуса в суд. Короче говоря, судебное дело так запуталось, что и до сих пор еще не окончено. Метр Янотус и его помощники поклялись, что они не станут ни мыться, ни сморкаться, пока не получат обещанной награды. Так они и до сих пор ходят грязными и сопливыми.

ГЛАВА V

О том, как Гаргантюа жил в Париже

После того как колокола были водворены на старое место, Гаргантюа пожелал приступить к занятиям. Но Понократ решил сначала узнать, к чему приучал Гаргантюа его старый воспитатель. И вот жизнь Гаргантюа потекла по-прежнему.

Просыпался он в восемь-девять часов, с полчаса валялся на кровати, потом одевался и причесывал голову собственной пятерней. К этому он привык с детства, так как его старый учитель был того мнения, что причесываться, мыться и чиститься — значит понапрасну терять дорогое время.

После этого Гаргантюа зевал, плевал, кашлял, чихал, сморкался, точно архидиакон*, и завтракал жареными потрохами, говядиной, ветчиной и жирной похлебкой.

Плотно позавтракав, Гаргантюа шел в церковь, и за ним приносили туда в огромной корзине его молитвенник, который весил вместе с переплетом и застежками одиннадцать пудов и шесть фунтов.

В церкви Гаргантюа слушал двадцать шесть или тридцать обеден. Туда же приходил его капеллан*, закутанный, как уют, и насквозь пропахший винным запахом. Вместе с ним Гаргантюа бормотал свои молитвы, и так старательно, что ни одного слова не пропадало.

Когда Гаргантюа выходил из церкви, волю подвозили к нему на телеге огромные четки* святого Клавдия. Каждое зерно этих четок было величиной с человеческую голову. Гаргантюа брал

четки и, набожно перебирая их, прогуливался по монастырскому саду и галереям. При этом он читал больше молитв, чем их читают шестнадцать пустынных*.

Потом он с полчаса учился, уставившись в книгу, но все его мысли были уже на кухне, где в это время готовили второй завтрак. За этим завтраком Гаргантюа съедал несколько дюжинок окороков и колбас. Окорока Гаргантюа любил сдобрить горчицей, которую кидали ему в рот огромными ложками четыре здоровых повара. Вскоре затем наступал обед, и тут-то Гаргантюа съедал вдоволь всякого мяса и похлебок и переставал есть только тогда, когда живот начинало лупить.

После обеда Гаргантюа заваливался на боковую, а проспавшись, приносил бочонок вина и пил себе на здоровье, сколько влезет.

Так дело шло до вечера, а там, глядишь, подходило время заглянуть на кухню — посмотреть, какое жаркое жарится на

вертеле. За ужином Гаргантюа снова наедался до отвала, потом играл в кости и наконец ложился спать и спал без просыпу до восьми часов утра.

Насмотревшись на эту жизнь, Понократ понял, почему из Гаргантюа вышел такой глупец и бездельник. И решил завести новый порядок.

Понократ стал будить своего воспитанника в четыре часа утра и, еще до завтрака, отправлялся с ним на прогулку. После прогулки Гаргантюа одевали и причесывали, а в это время Понократ повторял с ним вчерашние уроки. Так занимались они часа два-три сряду, и после завтрака По-

нократ приступал к новому уроку. Затем они снова шли гулять. Заходили на площадь, играли в мяч, в лапту, в городки, чтобы как следует развить мускулы. Возвратившись домой, они растирались, меняли рубашки и садились обедать. За обедом читали вслух несколько забавных историй из старинных богатырских подвигов и весело беседовали друг с другом.

После обеда Гаргантюа играл на лютне, на арфе, на немецкой флейте, а затем снова садился учиться — повторял утренний урок, читал какую-нибудь книгу, писал, стараясь красиво вывести каждую букву.

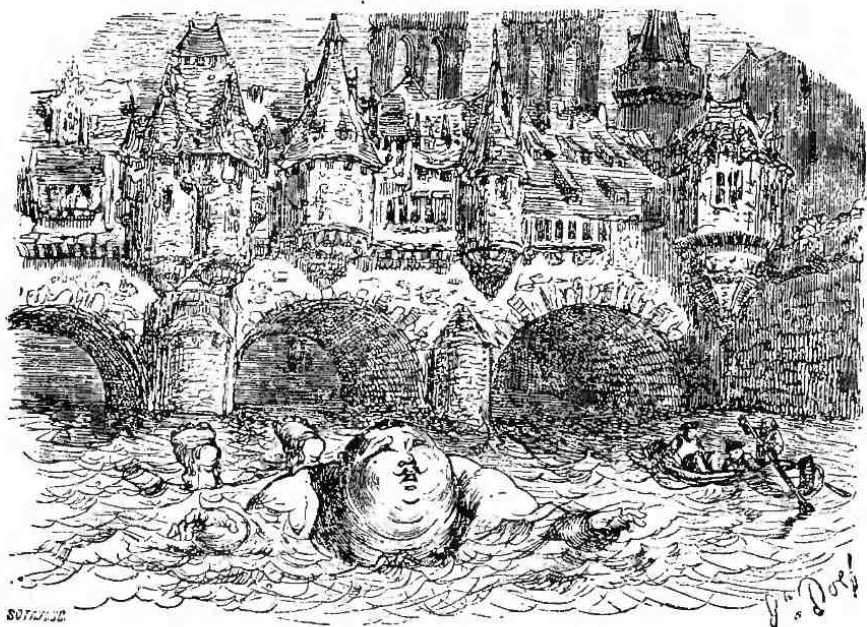

Потом Гаргантюа вместе с Гимнастом уходил учиться верховой езде. Вооруженный с головы до ног, он садился на коня и проделывал разные военные упражнения. Скоро он так научился обходиться с лошадыю, обращаться с пикой и биться на шпагах, что равного ему не было в Париже.

Кроме того, Гаргантюа часто охотился, играл в большой мяч, боролся, бегал, прыгал, плавал на животе, на спине, на боку. Он

так научился плавать, что мог переплыть реку, двигая одними ногами и держа одну руку высоко над головой. Часто он переправлял на другой берег какую-нибудь книгу, и ни одной капли воды на нее не попадало.

По части гимнастики он был великий мастер. Привяжут, бывало, канат на какую-нибудь высокую башню и спустят конец на землю. Гаргантюа, перебирая руками, взберется до самого верха, а потом так же спустится вниз и прыгнет на траву. Или укрепят на двух деревьях толстую перекладину, он повиснет на ней обеими руками и передвигается, не касаясь ногами земли.

После гимнастических упражнений Гаргантюа мылся, растирался, переодевался и садился за ужин. Надо сказать, что обед у Гаргантюа был теперь самый скромный, только для того, чтобы червячка заморить, но зато ужин подавали ему сытный и жирный. После ужина, перед тем, как укладываться спать, Гаргантюа со своим учителем выходил на балкон — изучать звездное небо. Там они наблюдали за кометами, падающими звездами и изучали расположение светил. Затем Гаргантюа еще раз повторял все, чему он за этот день научился, и наконец ложился спать.

От времени до времени Понократ водил своего ученика на прогулки. Гаргантюа заходил в мастерские, где плавят металл и льют пушки, в лаборатории алхимиков*, на монетный двор, на ткацкие фабрики, где ткут шелковые материи и бархат, и всюду наблюдал

и знакомился с работой. Ходил он также смотреть на акробатов и фокусников, а иногда, в ясный, погожий день, отправлялся за город и там проводил весь день, распевая песни и валяясь на лужайке. Понократ понимал, что при усердных занятиях необходимо от времени до времени хорошенько отдохнуть, а поэтому и не препятствовал своему ученику забавляться в эти дни, как он того пожелает*.

ГЛАВА VI

О том, как пирожники из Лерне поссорились с пастухами Грангузье

Между тем на родине Гаргантюа подходило время уборки винограда. Пастухи Грангузье уже стерегли виноград, чтобы его не поклевали скворцы.

Вот однажды сидят пастухи около виноградника, болтают о том да о сем и вдруг видят — по дороге едут возы, а за ними шагают пирожники из соседнего города Лерне. Надо сказать, что пирожники проезжали тут нередко — они возили на продажу свой товар. На этот раз ехало ровно двенадцать возов, и каждый воз был полон пирожками, свежими, вкусными, тепленькими, только что из печи.

— Черт возьми, — сказали пастухи, — недурно было бы отведать пирожков. Эй, пирожники, продайте нам вашего товару.

— Вам? Пирожков? — закричали пирожники. — Ах вы, дураки, болтуны, лентяи, невежи, нищие! Ах вы, скоты, ах тупицы, ах разини, ах оборванцы! Да вам ли есть такие прекрасные пироги? Грызите свои овсяные лепешки да помалкивайте!

— С каких это пор вы стали такими грубиянами? — удивился пастух Форжье, добрый малый и честнейший на свете человек. — Раньше вы охотно продавали нам пирожки, а теперь отказываете. Так добрые соседи не делают. Ведь, когда вы являетесь к нам за пшеницей, мы вам продаем ее, сколько угодно. Но уже если вы решили ссориться, то берегитесь — мы вам отплатим в свое время тем же. Зарубите это себе на носу.

— Что это ты сегодня распетушился, Форжье? — засмеялся Марке, старшина пирожников. — Пшеницей ты объелся, что ли? Подойди-ка сюда поближе, я дам тебе пирожков.

Но когда Форжье по простоте душевной подошел к пирожнику и вытащил из-за пояса деньги, Марке так огрел его кнутом, что на теле вздулся синий рубец.

— Караул! Убивают! — завопил Форжье и запустил в Марке своей дубинкой. Дубинка угодила Марке в голову, и негодный пирожник повалился на землю.

Тем временем на шум сбежались мызники*. Они работали неподалеку: длинными шестами сбивали с деревьев орехи. Мызники принялись тузить пирожников, пастухи тоже не зевали, поднялся гвалт, крик, шум, и пирожники скоро поняли, что дело их дрянь. И действительно, пирожников схватили и отняли у них пять дюжин пирожков. Но это вовсе не был грабеж: за пирожки хозяевам было заплачено столько, сколько полагалось, да сверх того им дали еще в придачу сотню орехов и три корзины белого

винограда. Пирожники помогли раненому Марке сесть на лошадь и вернулись обратно в Лерне. Всю дорогу они ругались на чем свет стоит и грозили, что пастухам теперь несдобровать.

А пастухи между тем угощались пирожками, закусывали их прекрасным виноградом и от души посмеивались над хвастунами-пирожниками.

Избитый Форжье растер свой рубец виноградным соком и вскоре совершенно поправился.

ГЛАВА VII

О том, как король Пикроколь
объявил Грангузье войну*

Вернувшись в Лерне, пирожники сейчас же, не пивши, не евши, бросились в замок к своему королю Пикроколю. При этом они ревели, как ослы, показывали на свои сломанные корзины, разорванные платья, раздавленные пирожки, а главное — на раненого Марке и жаловались, что все это наделали пастухи и мызники Грангузье.

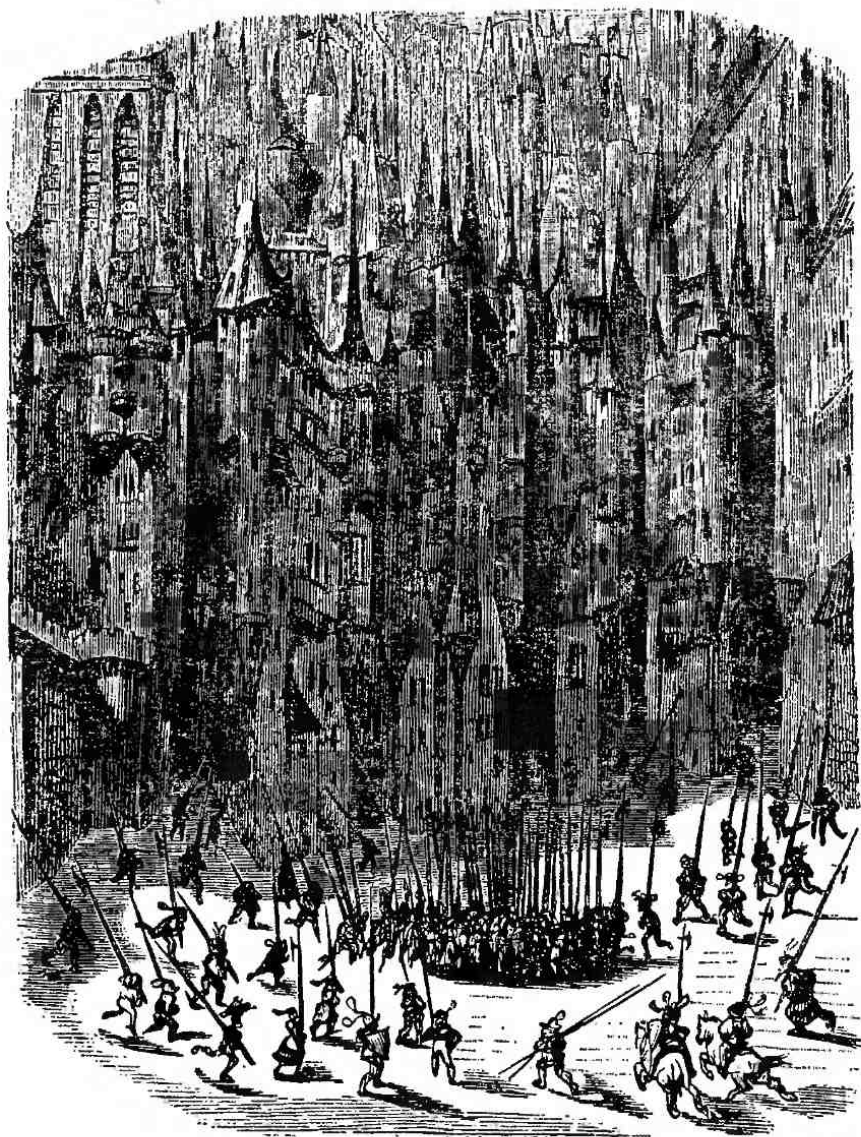
Король пришел в ярость и, не разбирая — как, что и почему, приказал по всей стране кликнуть клич, чтобы каждый под страхом смертной казни явился вооруженный на площадь ровно в полдень.

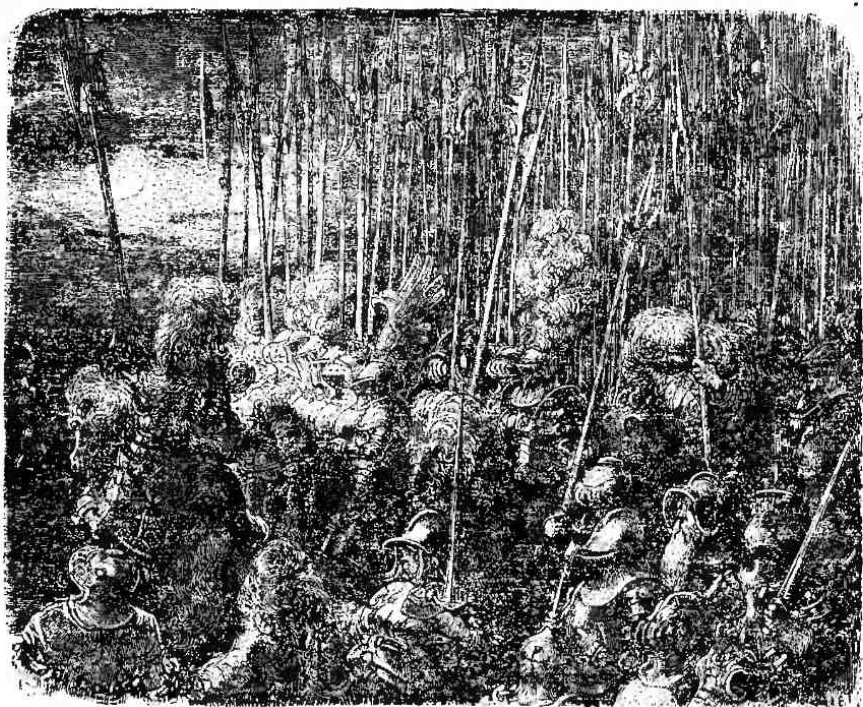
И вот по всему городу загремели барабаны, а сам Пикроколь, пока ему готовили обед, пошел приводить в порядок свою артиллерию. И тотчас же пушки были поставлены на лафеты, целые возы были нагружены военным провиантом, на улицах зашумели развернутые знамена.

За обедом король назначил командующих войсками. Командиром передового отряда — авангарда — он назначил господина

Трепелю*. В отряде господина Трепелю числилось 16 014 пичальников* и 30 011 наемных солдат. Командующим артиллерией был назначен господин Тукдильон*, и под его командой было 914 пушек, бомбард*, мортир*, василисков* и прочих тяжелых орудий.

Сам король и королевские принцы присоединились к войску. Когда все войско было в сборе, послали отряд легкой кавалерии на разведку — нет ли где поблизости засады. Разведчики донесли, что никакой засады нет и что все вокруг тихо и спокойно.

Тогда Пикроколь приказал армии выступить. И вот вся эта армия без всякого порядка, врассыпную бросилась в поле, ломая и уничтожая все, что встречалось на пути. Солдаты ничего не щадили. Встречали они коров — резали коров, встречали овец — тащили овец, встречали баранов — ловили баранов. Кроме того, солдаты забирали кур, цыплят, уток, гусей, свиней, поросят, сбивали орехи, обрывали виноград, ломали яблони и груши.

Жители ничего не могли поделать с грабителями. Они сдавались без сопротивления и только умоляли поменьше разбойничать.

— Мы же никогда не обижали вас, — говорили они солдатам, — за что вы нас разоряете?

Но солдаты в ответ только посмеивались.

— Мы вас научим, как есть наши пирожки, — говорили они и продолжали свое разбойничье дело.

ГЛАВА VIII

*О том, как один монашек спас
виноградник от вражеского нашествия*

Так они бесновались, пока не дошли до города Селье. Селье они разгромили до основания и направились дальше, к аббатству*. Но аббатство оказалось запертым и под крепкой охраной.

Тогда главная армия прошла дальше, к Ведскому броду, а около аббатства оставила семь пеших отрядов и сотни две копейщиков. Солдаты тотчас кинулись ломать каменную стену, которой был окружен монастырский виноградник.

Бедняги-монахи не знали, какому святому молиться, и на всякий случай так принялись барабанить в свои колокола, что свели с ума всех монастырских ворон. А после этого устроили еще торжественную процессию с пением псалмов и разных молитв.

В то время проживал в аббатстве один монашек, по имени Жан Сокрушитель. Это был молодой здоровый парень, всегда веселый, разбитной, готовый на всякие проделки, ловкий, как черт, горластый, как петух. Он так наловчился отбарабанивать обедни и все-нощные, что, бывало, монахи не успеют лба перекрестить, глянь, а служба и кончилась.

Так вот, этот монашек, услышав шум в винограднике, вышел во двор узнать, в чем дело. А солдаты тем временем уже проломили стену и бросились ломать виноград, из которого монахи делали

себе вино. Брат Жан, увидев, что дело плохо, побежал в церковь, где монахи все еще распевали свои молебны.

— Ну вас к богу с вашими молитвами! — закричал брат Жан. — Почему вы лучше не споете «Прощай, корзины, сбор окончен»? Черт меня побери, если неприятель уже не разнес наш виноградник! Что мы, бедняги, будем теперь пить? Прощай навек, моя добрая винная кружка!

— Что тут делает этот пьяница? — сказал настоятель. — Отведите-ка его в холодную: он нарушил богослужение.

— А как же быть с вином? — возразил брат Жан. — Ведь вы же сами, господин настоятель, не дурак выпить после сытного обеда. Ни один благородный человек не отказывается от доброго винца — это наше монастырское правило. Но, богом клянусь, молитвы сегодня ни к чему. Послушайте-ка, господа хорошие люди: кто любит вино, тот пусть следует за мной. Клянусь святым Антонием, мы не отведаем больше винца, если не отстоим наш виноградник.

Говоря это, брат Жан сбросил свою рясу и схватил здоровенную палку от креста, длинную, как копье, толщиной с кулак. Затем он выскочил из церкви и так принялся дубасить солдат, что те обалдели. В этом нет ничего удивительного. Ведь солдаты перед тем побросали свое оружие, чтобы легче было управляться с виноградом. Барабанщики продырявили барабаны и набили их доверху спелыми гроздьями. То же сделали трубачи со своими трубами.

Итак, монах принялся тузить грабителей и, не говоря худого слова, валил их целыми толпами, колотя направо и налево.

Тому, кто хотел спрятаться в гуще виноградника, он давал по шее; кто хотел спастись бегством — получал по спине; кто лез на дерево, того он доставал концом палки и никому не давал пощады. А если кто кричал: «Ах, брат Жан, ах, голубчик Жан, я сдаюсь!» — тому он отвечал: «Сдаваться-то сдавайся, но и душу тоже чертям отдавай». И тоже расправлялся по-свойски.

Одни кричали: «Святая Варвара!», другие: «Святой Георгий!», третьи: «Божья мать! *Не тронь меня!*». И такой рев стоял кругом, что монахи выбежали из церкви и принялись исповедовать раненых. А другие, неважные монашки, сняли с себя рясы, развесили их на изгороди и взяли в руки по кухонному ножу. Затем, недолго думая, они бросились помогать брату Жану и напали на солдат с тыла. Скоро с неприятельским войском было покончено. Так благодаря удивительной храбрости брата Жана в этот день погибло 13 622 неприятельских солдата, и виноградник аббатства был спасен от расхищения.

ГЛАВА IX

*О том, как Грангузье собирался
на войну с Пикроколем*

А тем временем добряк Грангузье, ни о чем не подозревая, сидел себе около камелька, ждал, пока испекутся каштаны, малевал пол обожженной палкой и в десятый раз пересказывал жене с домочадцами добрые сказания былых времен.

Вдруг вбежал к нему пастух, по имени Пильо, и рассказал обо всем, что случилось. Король Пикроколь уже разорил весь край; небрежимым остался только один виноградник, спасенный братом Жаном. Теперь Пикроколь уже перешел Ведский брод, взял приступом город Ля-Рош-Клермо и укрепился в нем со своим войском.

— Увы, вы, добрые люди! Что же это такое? — сказал Грангузье. — Пикроколь, мой старинный друг и союзник, напал на меня! Может ли это быть? Кто же ему это присоветовал? О-хо-хо-хо-хо! Боже мой, спаситель мой, помоги мне, укажи, что делать! Уверю тебя, что я не сделал Пикроколю ничего худого; напротив, я всегда помогал ему деньгами, советами, войском. О-хо-хо-хо, добрые люди, неужели же мне, на старости лет, придется облечь панцирем мои бедные усталые плечи, а дрожащей рукой взять копье, чтобы защищать свои владения? Нет, нет, я испробую все средства, чтобы дело окончилось миром. Таково мое решение.

Вслед за этим Грангузье созвал совет. На совете было решено отправить к Пикроколю какого-нибудь осторожного человека — узнать, почему он так внезапно нарушил мир и вторгся в чужие земли. Кроме того, решили вызвать из Парижа Гаргантюа, чтобы, в случае надобности, он помог разделаться с Пикроколем.

Итак, Гаргантюа было отправлено письмо, а к Пикроколю поехал послом Ульрих Галле, человек мудрый и скромный, много раз испытанный Грангузье в затруднительных случаях. Этот добрый человек тотчас пустился в путь, благополучно перебрался через брод и стал расспрашивать тамошнего мельника, что у них случилось.

— Увы, увy, — отвечал мельник, — эти разбойники не оставили мне ни ложки, ни плошки. Теперь они заперлись в Ля-Рош-

Клермо, и я не советую вам ехать туда, на ночь глядя. Того и гляди, наткнетесь на патруль, и вам не поздоровится.

Галле переночевал у мельника и на другое утро вместе со своим трубачом явился перед воротами крепости. Трубач затрубил в трубу, и Галле потребовал, чтобы его допустили к Пикроколю по весьма важному делу. Король, однако, не позволил отпирать крепостных ворот. Он сам вышел на стену и спросил посла:

— Ну, что нового? Что вы хотите мне сказать?

В ответ на это посол произнес длинную речь, в которой убеждал Пикроколя прийти в себя и прекратить свои бесчинства. Посол уверял Пикроколя, что Грангузье ни словом, ни делом никогда не причинял ему никакого вреда, всегда хранил с ним дружбу, всегда обращался с ним как добрый сосед и ни в чем ему не отказывал. В заключение посол требовал, чтобы Пикроколь немедленно возвратился в свои владения, а за убытки, причиненные войной, уплатил Грангузье тысячу золотых. Половину из них посол предлагал заплатить завтра, а другую половину — в будущем мае. В заложники Галле требовал герцога де Турнемуля и принца де Грателя.

Сказав это, Ульрих Галле умолк, но на все его речи Пикроколь отвечал одно:

— Что ж, приходите за ними, приходите за ними! У них кулаки здоровые. Они вам настряпают таких пирогов, что до самой смерти не забудете.

Так Галле и пришлось вернуться домой ни с чем.

— Ну что, друг мой, — спросил его Грангузье, — какие вести принесли вы мне?

— С ним невозможно разговаривать, — отвечал Галле. — Видно, он совсем рехнулся, этот человек.

— Должно быть, так, — сказал Грангузье, опечалившись. — Но узнали ли вы, по крайней мере, почему он напал на меня?

— Об этом он ничего не сказал, — ответил Галле. — Правда, он упомянул о каких-то пирогах. Не обидел ли кто-нибудь его пирожников?

— Это нужно расследовать, — задумчиво сказал Грангузье. — Не может же быть, чтобы он напал на меня без всякой причины.

Стали расспрашивать пастухов и выяснили, что действительно у пирожников Пикроколя было отнято пять дюжин пирогов, причем Марке сильно ранили в голову дубинкой. Правда, за пироги было заплачено, а Марке первый отхлестал кнутом беднягу Форжье.

Совет решил, что Грангузье следует защищаться.

Тем не менее Грангузье ответил:

— Раз дело идет о нескольких пирогах, я постараюсь покончить дело миром. Очень уж не хочется мне воевать на старости лет.

В ту же ночь Грангузье приказал изготовить пять возов самых вкусных пирожков на чудесном масле, на прекрасных желтках, с сахаром и ванилью.

Для уплаты цирюльникам, которые перевязывали раны Марке, Грангузье отсчитал 700 003 золотых, а самому Марке дарил в вечное владение местечко Ля-Помардьер.

И вот Галле снова было приказано отправиться с пирогами к Пикроколю, чтобы дело уладить миром.

По дороге Галле велел нарвать зеленых веток и каждому вознице взять в руку по ветке. Сам Галле тоже взял ветку. Этим он хотел показать, что они просят только мира, а воевать не хотят ни в коем случае.

Прибыв к воротам, Галле снова попросил, чтобы его допустили к Пикроколю.

Но на этот раз Пикроколь не захотел с ним говорить и велел передать, что надо, капитану Тукдильону, который в это время заряжал на валу пушки.

— Сударь, — сказал Галле Тукдильону, — мой повелитель Грангузье из-за пирожков с вами ссориться не желает. Вместо пяти дюжин, которые отняли у вас наши пастухи, мы возвращаем вам целых пять возов пирожков самого высшего сорта. Вот они. Извольте их принять. Кроме того, мы предлагаем вам 700 003 золотых и местечко Ля-Помардьер — для пострадавшего пирожника. Итак, будем жить в мире. Возвращайтесь к себе домой и оставьте нашу крепость. Будем друзьями, как и прежде.

Тукдильон донес об этом Пикроколю.

— Ха-ха-ха! — смеялся Тукдильон. — Это мужичье здорово перепугалось, ей-богу! Грангузье, этот несчастный пьяница, наверно, вспотел со страху. Тянуть винцо он мастер, а как дело дошло до драки, так он наутек. Не знаю, как вы, господин король, а я того мнения, что пироги следует нам забрать, а войну вести своим порядком. Неужели они на самом деле думают одурачить нас какими-то пирогами? Да они, я вижу, потеряли к нам всякое уважение.

— Та-та-та, — отвечал Пикроколь, — клянусь святым Иаковом, мы им зададим трезвону. Делайте, как сказали.

— Только я должен предупредить вас, господин король, — сказал Тукдильон. — Мы здесь бедны провиантом. Если Грангузье обложит крепость, нам скоро придется подтянуть себе животики.

— У нас съестного хватит,— сказал Пикроколь.— Что мы, воевать сюда пришли или закусывать?

— Конечно, воевать,— отвечал Тукдильон,— но ведь с пустым желудком много не навоюешь.

— Перестаньте болтать,— сказал Пикроколь.— Забирайте то, что они привезли.

И вот они забрали себе пять возов с поклажей и все золото, а людей отпустили со строгим наказом больше не приближаться к крепости. Так Ульрих Галле во второй раз возвратился к Грангузе с вестью, что никакой надежды на мир не остается и что необходимо воевать с Пикроколем не на живот, а на смерть.

ГЛАВА X

*О том, как король Пикроколь
решил завоевать весь мир*

Когда возы с пирогами были разгружены, к Пикроколю явились герцог де Турнемуль, принц де Гратель и капитан Мердайль и сказали ему:

— Государь, мы сегодня сделаем вас счастливейшим и храбрейшим из всех королей.

— Пожалуйста, наденьте ваши шляпы,— сказал Пикроколь*.

— Премного благодарны,— отвечали они.— Мы вам предлагаем вот что. Чтобы охранять эту крепость, вы оставите в ней небольшой отряд под командой какого-нибудь капитана, а остальную армию разделите на две части. Одна часть пойдет на Грангузе и, конечно, легко с ним расправится. От этого подлеца мы получим уйму денег. (Мы говорим «подлеца» потому, что только одни подлецы умеют копить деньги; у благородных же государей обыкновенно не бывает ни копейки.) Другая часть армии пойдет к морю и заберет все города, замки и крепости, не встречая сопротивления. Потом она сядет на корабли, нападет на Португалию и ограбит все приморские города вплоть до Лиссабона. Черт возьми! Испания должна будет нам покориться, потому что все ее жители — олухи. Потом вы пройдете Гибралтарским проливом, и в память о вашем подвиге он будет с этих пор называться Пикроковым морем. После этого африканский разбойник Барбаросса* станет вашим рабом.

— Я его помилую,— сказал Пикроколь.

— Хорошо,— сказали они,— но лишь в том случае, если он согласится перейти в нашу веру. Затем вы завоеуете Алжир, Тунис, острова Корсику, Сардинию, возьмете Геную, Флоренцию,

и берегись тогда, Рим! Бедный господин папа, пожалуй, очоцурит-
ся со страху!

— Честное слово, — сказал Пикроколь, — я не стану цело-
вать его туфли*.

— Когда вся Италия будет завоевана, — продолжали они, —
мы захватим в свои руки все острова Средиземного моря и вторг-
немся в Азию. И тогда храни господь Иерусалим, — ведь султану
придется распротиться с ним навеки.

— Я построю там храм Соломона*, — сказал Пикроколь.

— Нет, — отвечали они, — с этим еще успеется. Сначала нам
необходимо завладеть всей Малой Азией и дойти до самого Ев-
фрата.

— Честное слово, — сказал Пикроколь, — вы с ума сошли, бедняжки!

— Как так? — спросили они.

— Да ведь там пустыни, и мы можем в них погибнуть от жажды.

— Мы об этом уже подумали, — сказали они. — 9014 больших кораблей, нагруженных лучшим в мире вином, приплывут через Сирийское море в Яффу. Там их будут ждать 220 000 верблюдов и 1600 слонов. Этих слонов мы поймает на охоте. Слоны и верблюды повезут вино за нами. Разве вам будет мало этого вина?

— Нет, конечно, — отвечал Пикроколь, — но ведь там очень жарко.

— Вот еще вздор какой! — сказали они. — Как будто такой завоеватель, как вы, не сумеет устроиться там со всеми удобствами!

— Положим, что это так, — сказал Пикроколь. — Но что в это время делает та часть армии, которая разбила скверного пьяницу Грангузе?

— О, — сказали они, — она тоже не зевает. Мы с ней сейчас встретимся. Она завоевала всю Францию, Голландию, перешла через Рейн и здесь соединилась с нами, так как после своих морских побед мы успели возвратиться обратно. Затем общими силами мы обрушимся на Пруссию, Польшу, Литву, Россию, и вскоре все страны вплоть до Ледовитого океана будут в наших руках.

— Пруссию, Литву и Польшу я отдам вам за ваши заслуги, — сказал Пикроколь.

— Ах, государь, — отвечали они, — вы очень добры. Покорно благодарим. Дай вам бог доброго здоровья.

При этих разговорах присутствовал один старый вояка, по имени Эхефрон.

— Боюсь, — сказал он, — что вы, не поймав медведя, собираетесь поделить его шкуру. Для чего вам нужны эти завоевания? К чему все это приведет?

— А к тому, что, вернувшись, мы отдохнем на славу, — сказал Пикроколь.

— Хорошо, если вернетесь, — заметил Эхефрон. — Путь-то ведь долг и опасен.

— Волков бояться — в лес не ходить, — отвечали военачальники. — Не сидеть же нам сложа руки у камелька! Мы не старые бабы, слава богу!

— Довольно! — сказал Пикроколь. — Оставим эти споры. Я только одного боюсь, чтобы этот проклятый Грангузье не ударил на нас с тыла, пока мы будем в Азии.

— Этому горю легко помочь, — сказал капитан Мердаиль. — Мы пошлем строгий приказ москвитам*, и они вышлют нам в подмогу 450 000 отборного войска. О, если вы сделаете меня своим наместником, уж я дам себя знать. Что мне враги? Я загрызу их зубами, растопчу ногами, перебью, разнесу, сокрошу всех, всех, всех!

— Ладно, ладно, — сказал Пикроколь. — Не будем медлить. Все, кто меня любит, — за мной!

ГЛАВА XI

*О том, как Гаргантюа поспешил
на помощь своему родителю*

В этот самый час Гаргантюа, прочитав отцовское письмо, выехал из Парижа. Гаргантюа ехал на своей большой лошади, а Поннократ, конюший Гимнаст, Евдемон и вся свита ехали за ним на обыкновенных лошадях и везли с собой на телегах все книги и ученые инструменты своего господина.

Скоро они приехали в Парильи. Тут местные мызники рассказывали им, что Пикроколь укрепился в Ля-Рош-Клермо, а капитан Трипе с большой армией хозяйничает в окрестностях и грабит всех, кого попало.

Чтобы узнать, нет ли где поблизости неприятеля, Гаргантюа

решил выслать разведку. В разведку вызвался ехать Гимнаст. Гаргантюа согласился. И вот Гимнаст вместе с одним тамошним жителем, который знал место как свои пять пальцев, пустился в путь.

Не успели они проехать и двух верст, как их окружили неприятели.

— Стой! — закричали они Гимнасту.

— Господа, — сказал Гимнаст, подъезжая к солдатам, — я бедный черт, прошу вас пощадить меня. У меня есть немного деньжонок, мы пропьем их вместе. Кроме того, мы можем продать моего коня, а денги разделить поровну. Право, вам следовало бы принять меня в ваш отряд. Ведь я парень не промах. Никто лучше меня не сумеет поймать, ошипать, зажарить и съесть курицу. Итак, я пью за ваше здоровье.

С этими словами Гимнаст откупорил свою дорожную фляжку и поднес ее к губам.

Бездельники, разинув рот, уставились на Гимнаста, но в эту минуту прибежал капитан Трипе — посмотреть, в чем дело.

— Пейте, господин капитан, — сказал Гимнаст, подавая ему свою фляжку, — я уж попробовал — вино доброе.

— Как? — сказал Трипе. — Этот негодяй смеется над нами? Кто ты такой?

— Я бедный черт, — отвечал Гимнаст.

— В первый раз вижу, — сказал капитан Трипе, — чтобы бедный черт ездил на такой красивой лошади. Слезай-ка с коня, господин бедный черт, — я возьму его себе. А если он откажется ходить подо мной, то я оседлаю тебя самого. Я ведь люблю, чтобы черти меня носили.

Услыхав эти слова, солдаты решили, что уж если сам капитан Трипе зовет незнакомца чертом, то это и впрямь черт, только переодетый. Тут многие принялись креститься, а Добрый Жак, капитан вольных стрелков, вытащил из кармана молитвенник и закричал во всю глотку:

— Чур меня, чур! Сгинь, нечистая сила!

Но Гимнаст не сгинул. Солдаты совсем перепугались, и многие из них пустились наутек.

Тогда Гимнаст подпрыгнул на лошади, перевернулся и вскочил на седло ногами, задом к неприятелю.

— Ай-ай-ай! — сказал он. — Плохи мои дела, плохи!

И после этого перевернулся вокруг себя на одной ноге, не теряя равновесия.

— Да, — сказал Трипе, — человеку так не сделать.

— А ведь я опять ошибся, — отвечал Гимнаст.

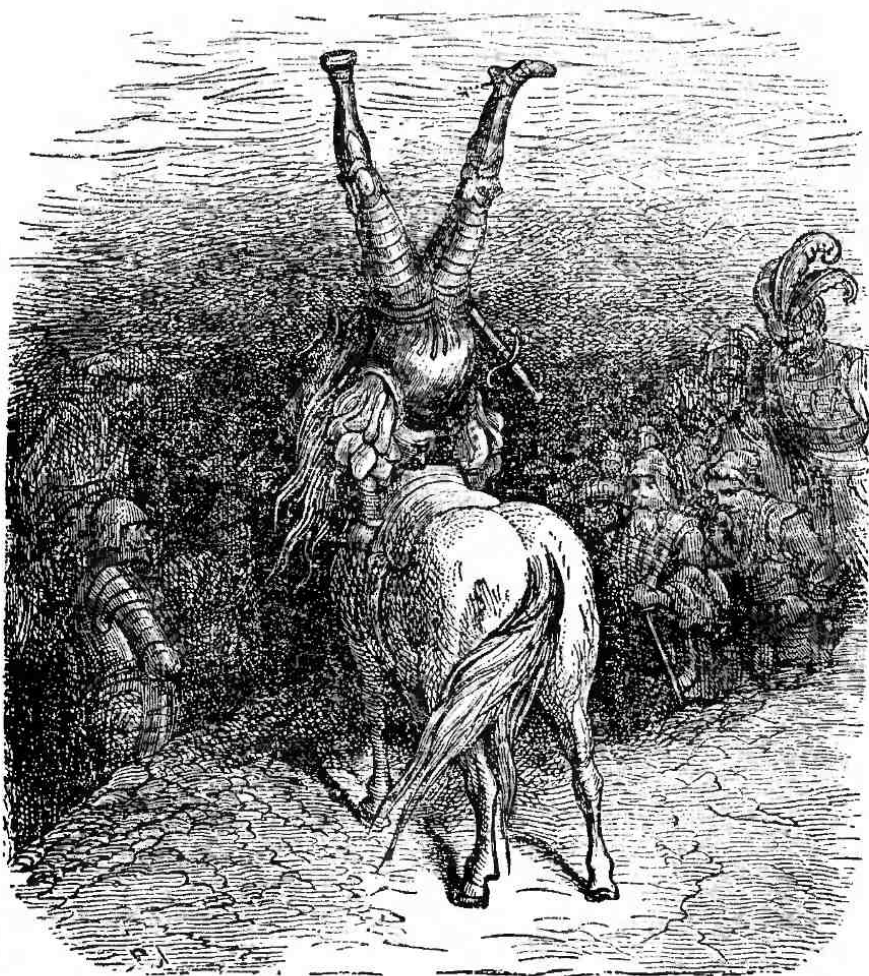
И, говоря это, он уперся большим пальцем правой руки в седельную луку и всем телом взметнулся в воздух вверх ногами.

В таком положении он трижды перевернулся вокруг себя и вдруг, подпрыгнув, сел на лошадь по-дамски. Затем он легко перекинул ногу через лошадь, перекувырнулся еще раз и оказался в седле. Потом снова вскочил на седло, раскинул руки по сторонам и принялся кружиться, крича во всю глотку:

— Я беснуюсь, черти, я беснуюсь! Держите меня, держите, держите!

Пока Гимнаст показывал свои фокусы, дураки дивились и говорили друг другу:

— Честное слово, это оборотень или переодетый черт. Господи, помилуй нас грешных.

И улепетывали по дороге куда глаза глядят.

Видя это, Гимнаст внезапно соскочил с коня, выхватил из ножен свой меч и бросился на неприятеля. Он валил бездельников кучами, и никто не смел на него напасть, потому что все думали, что перед ними разъяренный дьявол. Один только Трипе хотел исподтишка раскроить ему голову саблей, но шлем на голове у Гимнаста был такой крепкий, что Гимнаст почувствовал только сотрясение от удара. Тут Гимнаст повернулся и так ударил Трипе кистенем, что грабитель замертво повалился на землю.

После этого Гимнаст вскочил на лошадь и вместе со своим товарищем помчался обратно к Гаргантюа.

ГЛАВА XII

*О том, как Гаргантюа
разрушил замок Вед*

Как только Гаргантюа узнал, что все неприятельское войско состоит из разбойников и грабителей и никакого порядка у них нет, он тотчас сел на свою лошадь и смело двинулся навстречу неприятелю.

По дороге Гаргантюа встретил огромный дуб, который рос тут с незапамятных времен и был выше всех остальных деревьев.

— Вот то, что мне нужно, — сказал Гаргантюа и легко вырвал дуб из земли вместе с корнями.

Затем он оборвал с него корни и ветки и сделал себе отличную дубинку.

В это время лошадь Гаргантюа пустила такую лужу, что затопила всю окрестность верст на семь вокруг. Все это потекло в реку, река вздулась, вышла из берегов, и вся неприятельская банда потонула в ней. Спасти успели только те, кто бросился к холмам налево.

Гаргантюа доехал до Ведского леса и узнал, что в замке еще остались два неприятельских отряда.

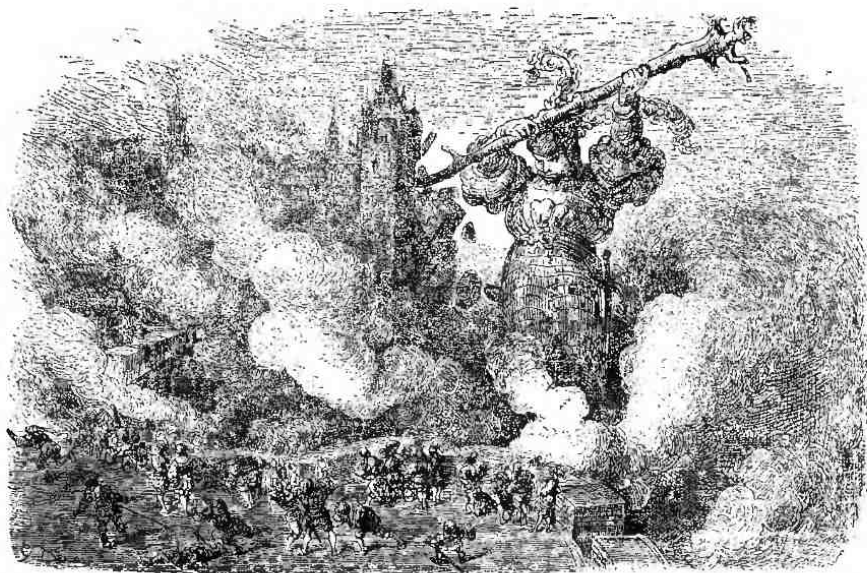
— Эй, вы! — закричал Гаргантюа громовым голосом. — Тут вы или нет? Если вы тут, то проваливайте, пока не поздно; если же вас нет, то и толковать нечего.

В это время один разбойник-пушкарь выпалил из крепостной пушки и угодил Гаргантюа прямо в висок.

— Что это такое? — удивился Гаргантюа. — Кто это кидается виноградными зернами? Я вот вам покажу сейчас, как потешаться надо мной.

Но пушкири были уже у орудий и открыли такую стрельбу,

что в короткое время выпустили 9025 зарядов. И все они целились прямо в голову Гаргантюа.

— Понократ, друг мой, — вскричал Гаргантюа, отмахиваясь от снарядов обеими руками, — откуда взялись эти проклятые мухи? Дай-ка мне ветку от этой ивы, а то мне никак их не разогнать.

Но когда Понократ сказал ему, что это вовсе не мухи, а пушечные снаряды, Гаргантюа страшно рассердился и так ударил по крепости своей дубинкой, что две башни полетели на землю с первого же удара. Тут Гаргантюа принялся колотить дубиной направо и налево: пока весь замок не был разрушен и все неприятели не погибли под его обломками.

Покончив с врагом, друзья благополучно миновали Ведский брод, выбрались на другой берег и поспешили к замку Грангузье.

ГЛАВА XIII

*О том, как из волос Гаргантюа
сыпались пушечные ядра*

Поздоровавшись с отцом, Гаргантюа пошел к себе переодеваться и причесаться с дороги. Причесывался Гаргантюа огромным гребнем. Длинной этот гребень был в сто сажень, и вместо зубьев

на нем были приделаны цельные слоновые клыки. Едва Гаргантюа запустил в волосы свой гребешок, как на стол посыпались пушечные ядра. Грангузье подумал, что это вши, и пришел в ужас.

— Бог мой, сынок, неужели ты занес к нам бекасов из Монтегю? — сказал он. — Я и не думал, что Понократ отдал тебя в эту отвратительную школу.

— Сударь, — сказал Понократ, — неужели вы могли подумать, что я отдал своего воспитанника в такое поганое место? Уж лучше бы ему валяться среди самых грязных нищих, чем учиться в школе Монтегю! В этой школе учителя обращаются с учениками много хуже, чем вы обращаетесь со своими собаками. Право, эта школа больше походит на тюрьму, чем на школу. Будь я королем Парижа, я повесил бы на одной перекладине всех ее учителей вместе с ректором за то, что они позволяют себе такие жестокости.

И, подняв одно из ядер, Понократ добавил:

— Это пушечные ядра, которыми осыпали вашего сына в Ведском лесу. Правда, враги получили за это по заслугам, но все-таки до конца они еще не разбиты. Мы должны гнать неприятеля не переставая, иначе он скоро оправится от поражения.

— Ну уж нет, — сказал Грангузье, — только не теперь. Сначала я хочу угостить вас на славу. Вы ведь у меня гости желанные.

И вот что Грангузье приказал зажарить на ужин:

16 быков, 3 телки, 32 теленка, 63 козленка,

95 баранов, 300 поросят, 220 куропаток, 700 бекасов,

400 петухов, 1600 кур, 6000 цыплят, 6000 голубей,

600 рябчиков, 1400 зайцев, 303 утки, 1700 перепелок.

Кроме того, было приготовлено много разных похлебок, а вино за ужином разливали Жано, Микель и Веррене, сами не дураки выпить, хотя этого им по чину и не полагалось.

ГЛАВА XIV

*О том, как Гаргантюа проглотил
с салатом шестерых паломников*

Теперь следует рассказать о том, что случилось с шестью паломниками* из Сен-Себастьяна. Эти паломники вышли из городка Сен-Себастьяна, куда они ходили на богомолье, и вдруг неожиданно-негаданно наскочили на разведчиков короля Пикроколя. Спасаясь от неприятельских солдат, они забрались в сад Грангузье и спрятались там в салате, между горохом и капустой. А надо сказать, что в саду Грангузье салат был величиной со сливовое дерево.

Перед ужином Гаргантюа пошел в сад за салатом, нарвал его, сколько ему вздумалось, и захватил вместе с листьями несчастных паломников. Бедняги так перепугались, что не смели пикнуть от страха.

Когда Гаргантюа обмывал салат у колодца, паломники шепотом говорили друг другу:

— Что такое с нами делают? Мы тут захлебнемся, в этом салате. Уж не подать ли нам голос? Но если мы закричим, он подумает, что мы неприятельские лазутчики, и убьет нас.

Пока они так рассуждали, Гаргантюа положил их вместе с салатом на блюдо, прибавил туда оливкового масла, уксусу и соли и проглотил все это кушанье перед ужином для возбуждения аппетита.

Уже пятеро паломников исчезли в глотке Гаргантюа, когда Грангузье заметил, что из-под салатного листа на блюде торчит какая-то закорючка. Это был посох шестого бедняги который молча ожидал своей участи.

— Сынок, — сказал Грангузье, — мне кажется, это рожки улитки, не ешь ее.

— Почему? — возразил Гаргантюа. — Улитки в этом месяце очень вкусны.

И, вытащив из-под салата паломника, отправил его в рот вместе с посохом. После этого он отхлебнул громадный глоток вина и стал ожидать, пока приготовят ужин.

Застрявшие в зубах паломники решили, что они попали в какое-то подземелье. Когда Гаргантюа выпил вино, они чуть было не захлебнулись. Вино подхватило их и понесло прямо в горло, но они, подпрыгивая и помогая друг другу посохами, все-таки удержались во рту и забрались на край его зубов.

Но, на их беду, один из паломников нечаянно ударил своим посохом в дупло больного зуба. Зуб так дернуло, что Гаргантюа закричал от боли. Тут ему подали зубочистку, и Гаргантюа, проглатывая в саду, повытаскивал господ паломников обратно. Одного он поймал за ноги, другого за суму, третьего за карман, четвертого за посох, а беднягу, который ударил его посохом, схватил за шиворот и дал ему порядочного тумака по загривку. Освобожденные паломники бросились бежать кто куда, а боль у Гаргантюа как рукой сняло.

Паломники бежали, ничего не видя и ничего не замечая, пока не наскочили на волчью западню. Западня захлопнулась, и бедняги снова попали в плен. На их счастье, шестой паломник, по имени Фурнилье, оказался парень не промах. Он ловко перервал все веревки и выпустил своих товарищей на волю. Выбравшись из западни, паломники кое-как дотащились до Кудре и заночевали там в одной заброшенной лачужке.

ГЛАВА XV

*О том, как Гаргантюа пировал
со своими друзьями*

Когда все уселись за стол и первые куски были проглочены, Грангузье рассказал сыну обо всем, что произошло без него. Особенно много было разговоров про подвиги брата Жана, и они так понравились Гаргантюа, что он приказал немедленно пригласить к себе воинственного монашка.

Когда брат Жан явился, все бросились обнимать и всячески ублажать нашего пройдоху.

— Ах, брат Жан! — говорил Гаргантюа. — Друг мой, братец Жан! Подойди ко мне, чертов кум, дай обиять тебя, дружище.

— Дай-ка, я его тоже обниму! — кричал Гимнаст.

— И я тоже. — вторил Понократ, — да хорошенько, чтобы косточки затрещали.

А брат Жан так соловьем и разливался. Ловкий был шельма!

— Поставь-ка скамейку рядом со мной, — сказал ему Гаргантюа, — закусим чем придется.

— Охотно, — отвечал монах. — Паж, воды! Лей, дитя мое, лей. Дай-ка я прополощу себе горло.

— Ты славный парень, — сказал Гимнаст, — но на кой шут тебе эта ряса? Долой ее!

— Что вы, сударь, — сказал монах, — монастырские правила этого не позволяют.

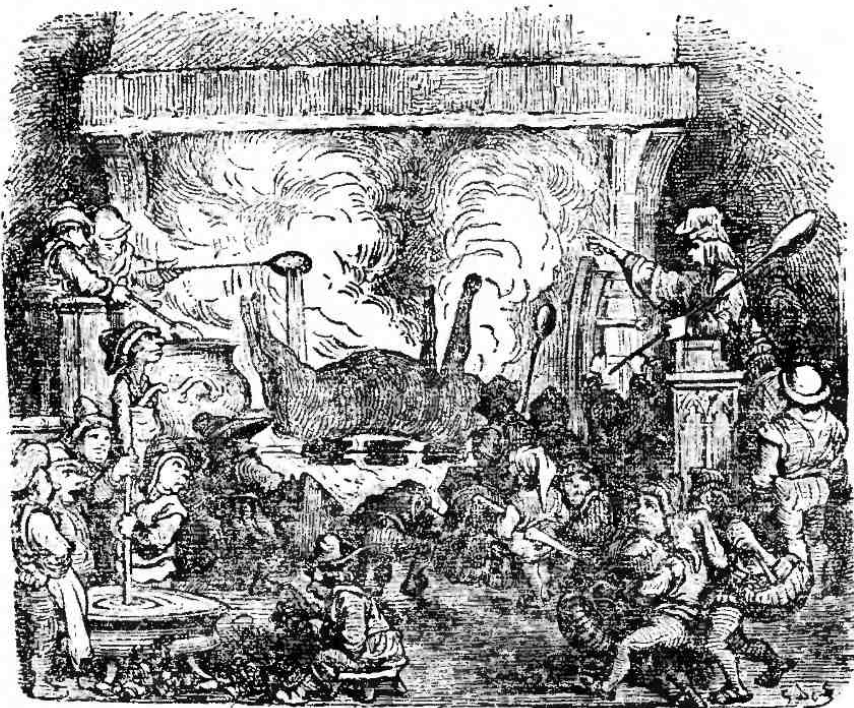

— Плевать на ваши правила! — возразил Гимнаст. — Эта ряса давит тебе плечи. Снимай ее!

— Друг мой, — сказал монах, — оставь ее на мне. Ей-богу, я только здоровее буду пить. Ну, смелей за еду! Правда, я сегодня уже поужинал, но все-таки я поем с удовольствием. Желудок у меня здоровый, как сапог святого Бенедикта*, и всегда просит подачки, словно наш городской судья*. Эй, друг, дай-ка мне свинины! Волк меня заешь, если я не умираю от жажды. Эге, это вино неплохое. Ваше здоровье, господа!

— Удивляюсь, — сказал Евдемон, — какой славный парень этот монах. Почему же других монахов отовсюду гонят и ругают их на чем свет стоит?

— Очень просто, — сказал Гаргантюа. — Над домашней обезьяной тоже все потешаются. Обезьяна не стережет дома, как собака; не пашет землю, как вол; не дает ни молока, ни шерсти, как коза; не возит тяжестей, как лошадь. Она только гадит и портит, что попадется. Точно так же и монах. Он не пашет землю, как крестьянин; не охраняет край, как военный человек; не лечит больных, как доктор; не учит детей, как учитель. Потому-то все и

проклинают монахов, все от них сторонятся и стараются не иметь с ними никакого дела.

— Так-то так,— сказал Грангузье,— но ведь они молятся за нас богу.

— Как бы не так! — отвечал Гаргантюа. — Разве что только надоедают нам своим колокольным трезвонном.

— На самом деле,— продолжал Гаргантюа. — Они бормочут себе под нос «Отче наш» и «Богородицу» по тысяче раз в день, а что от того толку? Вот брат Жан — это другое дело. Он не ханжа, не тунеядец. Он всегда весел, вежлив и всем приятен, как добрый товарищ. Он работает, трудится и охраняет виноградник своего аббатства.

— Кроме того,— сказал брат Жан,— я умею вить тетиву для лука и вязать сетки для кроликов. Ну, а теперь выпьем!

Беседуя, друзья не забывали и про еду. Их челюсти работали до тех пор, пока на столе оставалось хотя бы одно блюдо. Гаргантюа первый подавал тому пример. Он так набил свой живот, что ночью почувствовал себя нездоровым.

Тотчас же к нему пригласили несколько докторов. Доктора осмотрели больного, глубокомысленно нахмурились и прописали ему 18 возов крушины и 11 900 фунтов ревеня. Решено было очистить больному желудок. Для этого изготовили семнадцать огромных медных шаров. Дверцы шаров были устроены на пружинах, так что их можно было открывать и закрывать изнутри. В один из этих шаров вошел человек с фонарем и зажженным факелом. Гаргантюа положил шар в рот и проглотил его, словно маленькую пилюлю.

В пять других шаров вошли здоровенные парни, и каждый из них взял с собой по железной лопате. В три следующие сели молодцы с заступами на плечах. В последние восемь шаров вошли

восемь золотарей с огромными корзинами. И все эти шары Гаргантюа проглотил, словно пилюли.

Когда шары очутились в желудке, люди надавили на пружины и вышли из шаров наружу. Первым вышел человек с фонарем. Он пошел вперед, освещая дорогу остальным. Беднякам пришлось более полверсты пройти по ужасной вонючей пропасти. Воздух был там настолько скверный, что люди непременно бы задохлись, если бы не захватили с собой пузырька с нашатырным спиртом. Когда у них начинала кружиться голова, они нюхали спирт, и это им очень помогало.

Наконец ошупью они добрались до того места, откуда шел отвратительный запах. Это была огромная гора непереваренной пищи. Разлагаясь, она издавала страшное зловоние. Тотчас люди стали копать ее заступами и лопатами и наполнять всей этой дрянью свои корзины. Когда вычистили все как следует, каждый вернулся в свой шар. После этого Гаргантюа принял рвотное, и шары тотчас же выскочили наружу.

Убедившись, что Гаргантюа выздоровел, друзья решили около полуночи выйти на разведку — посмотреть, что делают их противники. А до тех пор решено было немного отдохнуть, чтобы освежить голову.

Гаргантюа, однако, не мог заснуть, как ни старался.

— Я никогда так хорошо не сплю, как за проповедью, — сказал ему брат Жан. — Умоляю вас, давайте вместе читать псалмы. Увидите, что вы сейчас же заснете.

Гаргантюа эта мысль понравилась, и вот в начале первого псалма оба так захрапели, что все свечи в доме погасли.

ГЛАВА XVI

*О том, как монах повис
на ореховом дереве*

Около полуночи монах проснулся и заорал по своей привычке:

*Просыпайся, Реньо, просыпайся!
Поднимайся, Реньо, поднимайся!*

Все проснулись и стали одеваться к походу. Один монах ни за что не хотел надевать ни шлема, ни лат. Однако его вооружили насильно и посадили на доброго боевого коня.

И вот поехали наши рыцари путем-дорогой и стали рассуждать, как им лучше одолеть врага.

— Со мной ничего не бойтесь, — сказал монах. — Я знаю одну молитву, которая предохраняет от пули. Этой молитве научил меня один пономарь. Правда, в нее я ни на грош не верю, но ведь со мной моя дубинка, и она меня не выдаст. А если кто-нибудь из вас вздумает удрать с поля битвы, клянусь богом, того я произведу в монахи и надену на него монашеский клобук *. Слыхали вы,

как один охотник вылечил свою собаку от трусости? Он надел на нее клобук, и с тех пор ни одна лисица не могла от нее удрать.

С этими словами монах пришпорил свою лошадь, но вдруг зацепился забралом за толстую ветку орешника и выпустил поводья. Лошадь рванулась вперед, монах повис на дереве и закричал:

— Помогите мне, помогите!

— Гм,— сказал Понократ,— я видел на своем веку немало повешенных, но никто из них не висел так красиво, как этот монашек.

— Довольно вам болтать,— кричал монах,— помогите же мне, черт вас возьми!

— Не шевелись, милашка,— сказал Гимнаст,— сейчас я тебя выручу. Как-никак, ты все-таки добрый монашек.

С этими словами Гимнаст влез на дерево, приподнял одной рукой монаха за шиворот, другой отцепил забрало и спустил монаха на землю.

Монах, ругаясь и отплевываясь, тотчас же расстегнул свое вооружение, бросил его в траву, а сам остался в своей старой рясе. После этого все снова сели на коней и, посмеиваясь над монахом, поехали дальше.

ГЛАВА XVII

О том, как Гаргантюа разбил отряд Пикроколя

Пикроколь, узнав, что на его людей напали черти, перетрусил не на шутку. Напрасно Тукдильон уверял его, что им не страшны никакие черти. Пикроколь сильно в этом сомневался. Он приказал окропить свое войско святой водой и опоясать дьяконскими орарями*. Орари и святая вода должны были рассеять дьяволов, в случае, если они снова задумают напасть на королевскую армию.

Затем Пикроколь послал Тукдильона на разведку и в тот же день отправил гонца к своему двоюродному брату Анарху за помощью.

Король Анарх в те времена управлял королевством Дипсодией*, и в его войске служило племя кровожадных великанов.

С помощью этих великанов Пикроколь надеялся легко расправиться со своим врагом.

А Тукдильон со своим отрядом доехал до Кудре, никого там не нашел и только захватил в плен шестерых паломников, спавших в заброшенной лачужке. Пленников схватили, связали им руки и повели за собой. Напрасно бедняги доказывали, что они вовсе не

лазутчики, а обыкновенные паломники. Солдаты их и слушать не хотели.

В это время Гаргантюа заметил отряд Тукдильона и сказал своим людям:

— Друзья, их вдесятеро больше, чем нас. Стоит ли нам нападать на них?

— Черт возьми, — отвечал монах, — как же иначе? Людей надо ценить не по числу, а по храбрости.

И завопил во все горло:

— В атаку, черти, в атаку!

Неприятель, услышав, что черти снова напали на него, кинулся в бегство.

Один только Тукдильон не растерялся. Он схватил копье и ударил им монаха. Но на монахе была такая толстая ряса, что копье не могло ее пробить и согнулось, как свечка. Тогда монах в свою очередь хватил Тукдильона своей дубинкой, и тот без чувств полетел с лошади.

Увидев на Тукдильоне орарь, монах сказал Гаргантюа:

— Эти люди, оказывается, попы. Только им все-таки далеко еще до монахов. Клянусь святым Иоанном, я монах настоящий и по этому случаю перебью всех попов, как мух.

И поскакал во весь опор вдогонку за неприятелем.

Догнав последние ряды, монах принялся колотить дубинкой направо и налево и такой устроил переполох, что солдаты не знали, в какую сторону им податься.

Что касается Гаргантюа, то он решил не преследовать неприятелей и отложить дело до более удобного случая.

— Никогда не следует доводить врагов до отчаяния, — сказал Гаргантюа. — Этому учит нас военная наука. Когда враги увидят, что им уже не уйти от гибели, они бросаются в битву, словно львы. Отчаяние придает им силы. Как часто побежденные разбивают

своих победителей только потому, что те довели их до отчаяния! Нет, всегда оставляйте неприятелю путь для отступления. Этим вы укрепите за собой победу.

— Но за ними гонится монах, — сказал Гимнаст.

— Как? — удивился Гаргантюа. — Разве монах гонится за ними? Ну, им теперь не поздоровится. Давайте подождем, пока он вернется обратно.

А монах крошил да крошил своей дубинкой, пока не встретил солдата, за спиной которого сидел один из бедных паломников. Увидав, что монах замахнулся дубинкой, паломник закричал:

— Господин монах, друг мой, господин монах, спасите меня, умоляю вас!

Тут только враги поняли, что всего лишь один монах преследует их. Монаха схватили, надавали ему тумаков и приставили к нему двух сторожей.

Потом солдаты построились в боевой порядок и бросились обратно на Гаргантюа.

Как только монах увидал, что враги ускакали, он выхватил меч и уложил на месте своих сторожей. После этого он вскочил на лошадь и кинулся по пятам за врагами. А Гаргантюа в это время уже отразил нападение, и враги, попробовав его дубины, снова обратились в бегство.

Подобно тому, как осел, на которого напали оводы, несется вперед, не разбирая дороги и не понимая сам, что с ним делается, точно так же и эти люди, обезумев от страха, летели, куда глаза глядят, и ничто на свете не могло остановить их.

Монах, видя, что бояться неприятеля больше нечего, взобрался на большой камень и оттуда начал разить беглецов своим мечом. Он работал так усердно, что меч его переломился надвое, а от врагов осталась только небольшая кучка.

Тогда монах отобрал у них оружие, а вместе с оружием прихватил и шестерых паломников, полумертвых от страха. Кроме того, он захватил в плен капитана Тукдильона.

ГЛАВА XVIII

*О том, какие разговоры вел
Гаргантюа с паломниками*

Вернувшись домой, Гаргантюа уселся за ужин. Все были в сборе. Не хватало только одного монаха.

— Должно быть, он попал в плен к неприятелю, — сказал Гаргантюа.

— О,— сказал Грангузье,— в таком случае неприятелю не поздоровится.

Тотчас подали на стол превосходный ужин.

Однако Гаргантюа не мог ни пить, ни есть: так он был опечален исчезновением монаха.

Вдруг за окошком раздался крик:

— А ну-ка, свежего винца, свежего вища, Гимнаст, друг мой!

Гаргантюа выглянул в окно. Конечно, это был брат Жан собственной своей персоной. Вместе с собой он привел шестерых паломников и пленного капитана Тукдильона.

Тут чарки заходили, ножи застучали, и, что называется, дым пошел коромыслом.

Между тем Грангузье расспрашивал паломников, откуда они, где побывали и куда идут.

Фурнилье отвечал за всех:

— Сударь, я родом из Сен-Жену, вот он — из Палюо, вот тот — из Онзэ, вот этот — из Аржи, а этот — из Вильдебредена. Идем мы из Сен-Себастьяна и теперь возвращаемся домой.

— Хорошо,— сказал Грангузье,— но зачем вы ходили в Сен-Себастьян?

— Мы просили святого Себастьяна не насылать на нас чуму,— сказал Фурнилье.

— Какие глупости! — сказал Грангузье. — Жалкие люди, неужели вы думаете, что чуму насылает святой Себастьян?

— Конечно,— сказал Фурнилье,— так говорят нам наши священники.

— Боже мой,— сказал Грангузье,— какой вздор болтают эти попы! Однажды я слышал, как один поп в Сине проповедовал, будто святой Антоний насылает на нас антонов огонь*, святой Евтропий — водянку, а святой Жильда — сумасшествие. Я так разделился с этим попом, что с тех пор ни один ханжа не смеет показать носа в моих владениях. Меня удивляет, что смотрит ваш король. Ведь за такие речи попов надо наказывать так же,

как за колдовство. Они вам только голову морочат своими бреднями.

После этого паломников накормили, дали им на дорогу съестных припасов и отпустили домой, а к Грангузье привели пленного капитана Тукдильона.

Грангузье ласково принял своего пленника и стал расспрашивать его о короле Пикроколе.

— Чего он хочет добиться своей войной? — спрашивал Грангузье. — Зачем он понапрасну проливает кровь своих подданных?

— Он хочет завоевать все ваши владения, — отвечал Тукдильон.

— Это уж слишком, — сказал Грангузье. — Кто гонится за большим, потеряет и малое. Не те времена нынче, чтобы подражая древним народам, завоевывать целые государства. Надо уметь хорошенько управлять своими землями, а не разбойничать в чужих. Убирайтесь вы, ради бога, к своему королю, откройте ему глаза, объясните ему, какие глупости он делает. То, что произошло между нами, — сущие пустяки. Не нужно было обращать внимание на пустую ссору пастухов и пирожников. Тем более, что я соглашался возместить все убытки.

Грангузье кликнул к себе монаха и спросил его:

— Брат Жан, добрый друг мой, вы взяли в плен этого капитана?

— Пусть он лучше сам это скажет, — отвечал монах.

— Совершенно верно, — сказал Тукдильон, — меня взял в плен этот монах.

— Назначили вы за него выкуп? — спросил Грангузье у монаха.

— Нет, — отвечал монах, — и не подумал об этом.

— Сколько вы хотите за него получить?

— Ничего, ничего, — сказал монах, — я не затем взял его в плен.

Тогда Грангузье приказал отсчитать ему 62 000 золотых, а Тукдильона отпустил на свободу.

Когда Тукдильон уехал, монах возвратил Грангузье его деньги и сказал:

— Сударь, еще не время делать подарки. Подождем конца войны, а там увидим, как обернутся дела. На войне денежки всегда пригодятся.

— Хорошо, — сказал Грангузье, — когда война кончится, я всех вас награжу на славу.

На другой день Тукдильон возвратился к королю Пикроколю и рассказал ему о своей беседе с Грангузье.

— Государь, — сказал Тукдильон, — мы должны немедленно заключить с Грангузье мир: я убедился, что это самый порядоч-

ный человек на свете. Обижать его нет смысла, тем более, что мы никогда не видали от него зла. Кроме того, вы должны знать, что у Грангузье очень сильное войско. В один прекрасный день оно может разбить нас наголову.

Не успел Тукдильон окончить свою речь, как один из придворных Пикроколя, по имени Гастиво, громко сказал:

— Эти речи изменника. Государь, не слушайте капитана Тукдильона: его подкупили наши враги. Потому он и отговаривает нас от войны. Пожалуй, он и сам готов перейти на неприятельскую сторону и сражаться против нас, если, конечно, Грангузье согласится на это.

Услышав такие слова. Тукдильон затрепетал от гнева, схватил свой меч и пронзил им Гастиво в самое сердце. Гастиво повалился на пол и испустил дух. Тогда Тукдильон вытащил меч из тела убитого и сказал, глядя прямо в глаза Пикроколю:

— Так погибнет всякий, кто осмелится клеветать на капитана Тукдильона.

Но Пикроколь пришел в страшную ярость и воскликнул:

— Разве для того дали тебе оружие, чтобы ты убивал моих лучших друзей?

И он приказал своим солдатам немедленно изрубить Тукдильона. Солдаты бросились на храброго капитана и умертвили его с такой жестокостью, что залили кровью всю комнату.

Весть об этих злодеяниях дошла до войска, и многие стали роптать на Пикроколя.

— Не знаю, государь, чем окончится наша война,— сказал однажды Пикроколю капитан Грипмино*.— Солдаты очень недовольны. Во-первых, у них мало провианта; во-вторых, наше войско тает с каждым днем, между тем как к Грангузье подходит большое подкрепление. Боюсь, что дело может окончиться плохо.

— Ну вас к черту! — сказал Пикроколь.— Вы похожи на меленских угрей*: начинаете пищать раньше, чем с вас сдерут шкуру. Пусть они только сунутся. Мы им покажем, где раки зимуют.

ГЛАВА XIX

*О том, как был разбит
король Пикроколь*

Грангузье собрал военный совет, и на совете было решено немедленно ударить на Пикроколя.

Гаргантюа был назначен командующим армией, а его отец остался в своей крепости.

Гаргантюа тотчас же выступил на Ля-Рош-Клермо, где засел Пикроколь.

Как только войско дошло до этой крепости, Гимнаст сказал Гаргантюа:

— Сударь, вы знаете, что французы сильны только при первом натиске. Тогда они дерутся, как черти. Но если их заставить долго ждать, они делаются слабее женщин. Дайте вашему войску немного отдохнуть, а потом сразу идите на приступ.

— Нет,— сказал Гаргантюа,— это будет слишком большое кровопролитие. Попробуем взять врага хитростью.

И он приказал принести мешок молочайника* и бочонок красного перца. Когда все это было принесено, Гаргантюа велел своему повару смешать эти снадобья с крепкой водкой и сварить из них варенье.

Повар так и сделал. Варенье положили в огромную вазу и понесли ее к крепости.

— Стой! — закричали сверху часовые. — Это что у вас такое?

— Это варенье,— отвечал повар.— Мой господин Гаргантюа посылает его в дар вашему королю. Если ваш король сможет съесть ложку этого варенья, не запивая, тогда мы сдадимся вам без всякого сражения.

Часовые подняли варенье и принесли его к Пикроколю.

Но едва Пикроколь проглотил ложечку, как почувствовал страшное воспаление в горле, на нёбе у него образовался нарыв, а язык облупился. Пикроколь схватил стакан с вином и пил его не переставая. Как только он отнимал стакан от губ, язык начинал нестерпимо гореть. Тогда ему стали вливать вино в глотку через воронку. Пикроколь совсем опьянел. Он бросился на улицу и приказал трубить в трубы. Трубы затрубили, ворота открылись, и Пикроколь с отборным войском кинулся на Гаргантюа.

Гаргантюа встретил его пушечными выстрелами. Отряд Пикроколя в ужасе остановился. Люди бросились обратно в крепость, но монах с большим войском загородил им дорогу. Солдаты побежали кто куда.

Монах не стал их преследовать: он боялся, что оставшиеся в городе отряды ударят ему в тыл.

Между тем, проводив Пикроколя, все его капитаны и начальники облепили королевское варенье, как мухи. И если бы вы знали, что с ними произошло! Задыхаясь от жажды, они забились в королевский погреб и пьянствовали там до тех пор, пока не свалились замертво.

В эту минуту Гаргантюа приказал своей артиллерии ударить по крепости. Крепостные отряды, оставшись без командиров, стали обороняться от Гаргантюа и сгрудились все на одной стороне крепости. Этим воспользовался монах. Прячась за кустарником, он незаметно пробрался на другую сторону крепости и повел своих людей на приступ. Как только они влезли на стены, первым делом перебили стражу и отворили ворота своей коннице.

Конница ворвалась в город и ринулась к главным воротам, где происходила свалка, и, напав на врага с тылу, разбила его наголову.

Увидав, что город уже сдался, Пикроколь бросился в бегство. По дороге к реке его конь вдруг споткнулся, и Пикроколь так разгневался на него, что выхватил шпагу и убил его на месте. Но другого коня взять было негде. Пикроколь решил украсть с соседней мельницы осла, чтобы на нем бежать дальше. Но мельники вовремя заметили покражу и избили беднягу Пикроколя. Кроме того, они отняли у него королевскую одежду и вместо нее бросили ему какие-то лохмотья.

В этих лохмотьях Пикроколь кое-как добрался до порта Гюйо, где жила одна старая колдунья.

Эта колдунья сказала Пикроколю, что он получит свое королевство обратно тогда, когда приедут туры на колесах. С тех пор неизвестно, куда девался Пикроколь. Говорят, что он живет где-то в Лионе, зарабатывает на пропитание собственным горбом и по-

стоянно допытывается у всех встречных и поперечных, не приехали ли турусы на колесах.

Должно быть, он все еще надеется получить обратно свое королевство.

ГЛАВА XX

*О том, как товарищи Гаргантюа
побили 660 рыцарей короля Анарха**

Между тем Гаргантюа донесли, что великаны короля Анарха приехали в Некоторое царство и расположились там лагерем. Гаргантюа решил немедленно сразиться с ними. И вот наши друзья приехали в Нант, сели на корабли и отправились навстречу великанам. Скоро они миновали остров Никакой, а там и Некоторое царство было недалеко.

Как только они пристали к берегу, Гаргантюа сказал:

— Дети, город отсюда в двух шагах. Но прежде чем туда идти, мы должны разузнать, сколько там засело врагов и какой они породы.

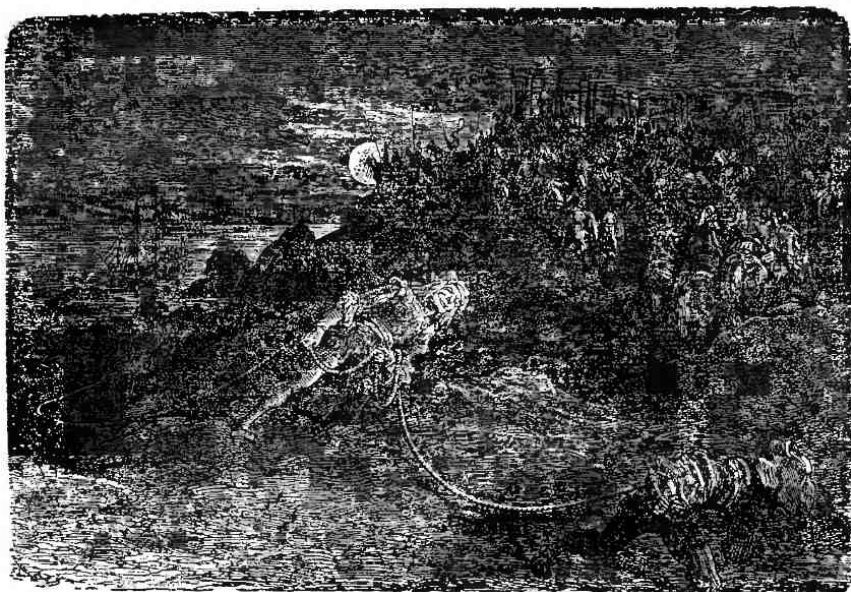
Тогда монах и Гимнаст стали просить Гаргантюа послать их на разведку.

— Пустите нас, — говорили они, — мы пойдем, а вы подождите нас в гавани. Будьте спокойны, мы сегодня же всё узнаем.

— Я ручаюсь, — сказал монах, — что проникну в их лагерь, осмотрю всю их артиллерию, побываю в палатках у командиров и никто меня не узнает.

— А я, — добавил Гимнаст, — пролечу, как птица, через их траншеи и пробегу по всему лагерю. У меня тело легкое, и враги меня не заметят.

Но, пока они так рассуждали, из-за пригорка вылетели на легких конях 660 рыцарей и во весь опор понеслись к кораблю, чтобы забрать в плен наших друзей.

Тогда Гаргантюа сказал:

— Дети, идите обратно на корабль. Я выйду к ним навстречу и перебую их, как собак.

— Нет, это не годится, — сказал монах, — вы останетесь на корабле, а я с ними управлюсь один.

— Он дело говорит, — поддержали монаха другие, — уходите, сударь. Мы поможем брату Жану, и вы увидите, на что мы способны.

Тут монах принес с корабля два огромных каната и разложил их на берегу петлями. Концы канатов он привязал на палубе и сказал Евдемону:

— Как только я крикну, ты поворачивай корабль и тащи канаты к себе.

Затем монах поставил на берегу Гимнаста и Понократа и сказал им:

— Стойте тут и прикиньтесь, будто вы сдаетесь неприятелю. Только смотрите — не попадитесь в петлю, не то вам будет плохо.

Рыцари, как вихрь, подлетели к берегу. Но берег был скольз-

кий от воды, и вот передние лошади, поскользнувшись, полетели на землю.

— Господа,— сказал рыцарям монах,— мы в этом не виноваты. Это берег такой скользкий. Мы отдаемся на вашу милость.

— Сдаемся, сдаемся! — закричали также и Гимнаст с Понократом.

Рыцари подъехали ближе, а монах все отступал да отступал, пока не заметил, что все рыцари уже заехали в петли.

Тогда монах закричал Евдемону:

— Тяни! Тяни!

Евдемон в ту же минуту повернул корабль, канаты обмотались вокруг лошадиных ног, и рыцари не успели опомниться, как их потащило в море с лошадьми. Так все они и потонули, кроме одного, у которого был турецкий конь. Этот конь вырвался из петли и помчался вместе с всадником обратно. Но Гимнаст бросился вдогонку и через сто шагов вскочил на круп лошади. Рыцаря Гимнаст обезоружил и взял в плен.

Гаргантюа очень обрадовался победе и похвалил монаха за его удивительную ловкость. Все сошли на берег — закусить и отдохнуть после трудов праведных. Вместе с ними угощался и пленник. Он только одного боялся: чтобы Гаргантюа не проглотил человека так же легко, как вы глотаете обсахаренную миндалину.

ГЛАВА XXI

*О том, как Гаргантюа и брат Жан
поставили на берегу моря два
замечательных памятника*

В то время как они пировали, Гимнаст сказал:

— Эх, неужели мы никогда не попробуем дичи? Наша корабельная солонина ободрала мне все горло. Пойду-ка я посмотреть, нельзя ли тут чем-нибудь поживиться?

И только он встал, как заметил на опушке леса большую красивую козулю. Гимнаст, как стрела, помчался за ней, поймал ее в один миг и в то же время схватил в воздухе руками 26 серых куропаток, 9 бекасов и 32 диких голубя. На обратном пути он побил дюжину зайцев, пятнадцать вепрей и трех больших лисиц.

Нагруженный богатой добычей, он вернулся к друзьям и закричал во все горло:

— Брат Жан, друг мой, уксусу, уксусу, уксусу!

Гаргантюа подумал, что Гимнасту дурно, и велел принести уксус. Но монах отлично понял, что дело пахнет жарким, и тотчас притащил девять огромных вертелов. После этого друзья развели большой костер и заставили пленника жарить дичь. И вот начался пир на весь мир. Весело было глядеть, как они работали челюстями!

Когда пир был окончен, Гаргантюа сказал:

— Прежде чем уходить с этого места, я хочу соорудить здесь великолепный памятник в честь нашей победы.

И вот с веселыми песнями и шутками они вкопали в землю огромный деревянный столб. На этот столб друзья нацепили боевое седло, панцирь, стремя, кольчугу, секиру, меч и железные перчатки. Гаргантюа же сделал на нем следующую победную надпись:

ЗДЕСЬ ОТЛИЧИЛИСЬ
ЧЕТЫРЕ ХРАБРЫХ РЫЦАРЯ,
ВООРУЖЕННЫЕ
НЕ ТОЛЬКО МЕЧАМИ, НО И СМЕКАЛКОЙ.
ВСЕ КОРОЛИ, ГЕРЦОГИ, МУЖИКИ И СОЛДАТЫ,
БЕРИТЕ С НИХ ПРИМЕР
И ПОМНИТЕ,
ЧТО РАЗУМ ЧЕЛОВЕКА
СИЛЬНЕЕ
ЕГО КУЛАКА.

В то время, как Гаргантюа сочинял эту надпись, монах поставил другой столб и прибил к нему уши трех зайцев, крыло куро-

патки, скляночку с уксусом, коробочку с солью, старый дырявый котел и оловянную кружку. И, в подражание Гаргантюа, написал следующее:

НА ЭТОМ САМОМ МЕСТЕ
ЧЕТЫРЕ БЕЗДЕЛЬНИКА,
ВЕСЕЛО УСЕВШИСЬ НА ЗЕМЛЮ,
ПИРОВАЛИ ЦЕЛЫЕ СУТКИ.
ПРИ ЭТОМ
ЛЕГ КОСТЬМИ ГОСПОДИН ЗАЯЦ —
ЕГО ЗАГНАЛИ И ЗАЖАРИЛИ В УКСУСЕ И С СОЛЬЮ.
ВСЕ КОРОЛИ, ГЕРЦОГИ, МУЖИКИ И СОЛДАТЫ,
ПОМНИТЕ,
ЧТО В ЖАРКОЕ ВРЕМЯ
КУШАТЬ ЗАЙЦА БЕЗ УКСУСА
ОЧЕНЬ ВРЕДНО.

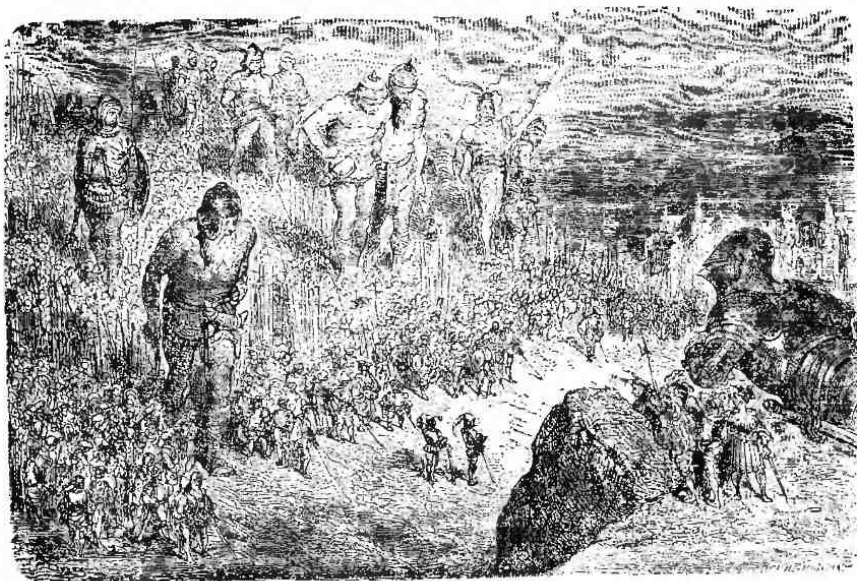
— Ну, дети, довольно забавляться, — сказал Гаргантюа, когда все вдоволь посмеялись над этой надписью. — Пора подумать о том, как нам одолеть великанов короля Анарха.

Тут Гаргантюа чихнул, и так оглушительно, что вся земля вокруг задрожала и вместе с богатырским чихом появилось на свет 53 000 кривобоких карликов и столько же карлиц.

— Ловко вы чихаете! — сказал монах. — Ей-богу, это славные уродцы. Надо их сейчас же поженить между собой.

Гаргантюа так и сделал. Для жилья он отвел им маленький островок, и с тех пор карлики там очень расплодились. Но говорят, что журавли ведут с ними постоянную войну. Карлики храбро защищаются от журавлей и, наверно, скоро их победят.

ГЛАВА XXII

*О том, как Гаргантюа перебил
300 великанов в каменных панцирях,
а также их капитана Вурдалака**

О, кто может рассказать, как Гаргантюа справился с тремястами ужасных великанов? Великие боги, вдохновите мой ум, оживите сердце. То была ужасная битва; язык мой немеет, как только я вспомню про нее!

Дело началось с того, что Гаргантюа отпустил своего пленника на свободу. Пленник вернулся домой и рассказал королю Анарху о подвигах Гаргантюа.

— Гаргантюа приказал приготовить для него обед ровно в полдень, — сказал королю пленник, — к этому времени он намерен победить наших великанов.

И действительно, ровно в полдень Гаргантюа с большой корабельной мачтой в руках подступил к неприятельскому лагерю. Навстречу к нему из лагеря вышли 300 великанов, и все они были одеты в крепкие каменные панцири.

Увидав великанов, монах сказал Гаргантюа:

— Наступил час показать нам свою храбрость. Угостите-ка их хорошенько своей мачтой, а уж мы тоже не отстанем от вас.

— Ну,— сказал Гаргантюа,— за храбростью-то у меня дело не станет. Только дело в том, что и Геркулес* не смел выступить один против двоих.

— Вот еще вздор какой! — заметил монах.— Да вы во сто раз сильнее всякого Геркулеса.

Пока они так разговаривали, из толпы великанов вышел капитан Вурдалак со своей стальной палицей. Вурдалаком этого великана прозвали потому, что он был кровожаден, как настоящий вурдалак.

Увидав Гаргантюа, Вурдалак так возгордился, что сказал товарищам:

— Клянусь Магометом*, если кто-нибудь из вас вздумает сразиться с этим молодцом, то я казню его жестокой смертью. Оставьте меня с ним один на один и смотрите, как я лихо его расщелкаю.

Услышав такой приказ, великаны отошли в сторону, где стояли бочки с вином. Туда же отошел и монах со своими соратниками. Этот пройдоха прикинулся, будто он болен,— вертел шеей, дергал пальцами и говорил хриплым голосом:

— Объявляю вам, приятели: мы с вами не воюем. Угостите нас хорошенько, пока наши господа дерутся.

Великаны согласились и посадили их пировать вместе с собой.

А тем временем Вурдалак, размахивая своей чудовищной палицей, начал медленно подступать к Гаргантюа. Гаргантюа смело пошел к нему навстречу и закричал во все горло:

— Смерть тебе, злодей, смерть!

И вслед за этим выхватил из барки, которая была привязана у него к поясу, 18 бочек соли и бросил эту соль прямо в лицо Вурдалаку. Соль забила ему горло, глаза, нос, и вот Вурдалак, вне себя от ярости, поднял свою палицу и, конечно, уложил бы Гаргантюа на месте, если бы тот не успел вовремя отскочить в сторону. Палица, однако, задела барку, так что барка разбилась на 4806 кусков и вся соль высыпалась на землю.

Тогда Гаргантюа толстым концом своей мачты ударил Вурдалака прямо в грудь и затем изловчился и нанес ему сильный удар между шеей и железным нагрудником. После этого Гаргантюа хотел еще раз ударить Вурдалака, но тот так замахнулся на него палицей, что еще один миг, и он рассек бы Гаргантюа с головы до селезенки. Но Гаргантюа снова увернулся, и палица вонзилась в землю на 73 аршина вглубь, причем одних искр вылетело больше 9006 бочек.

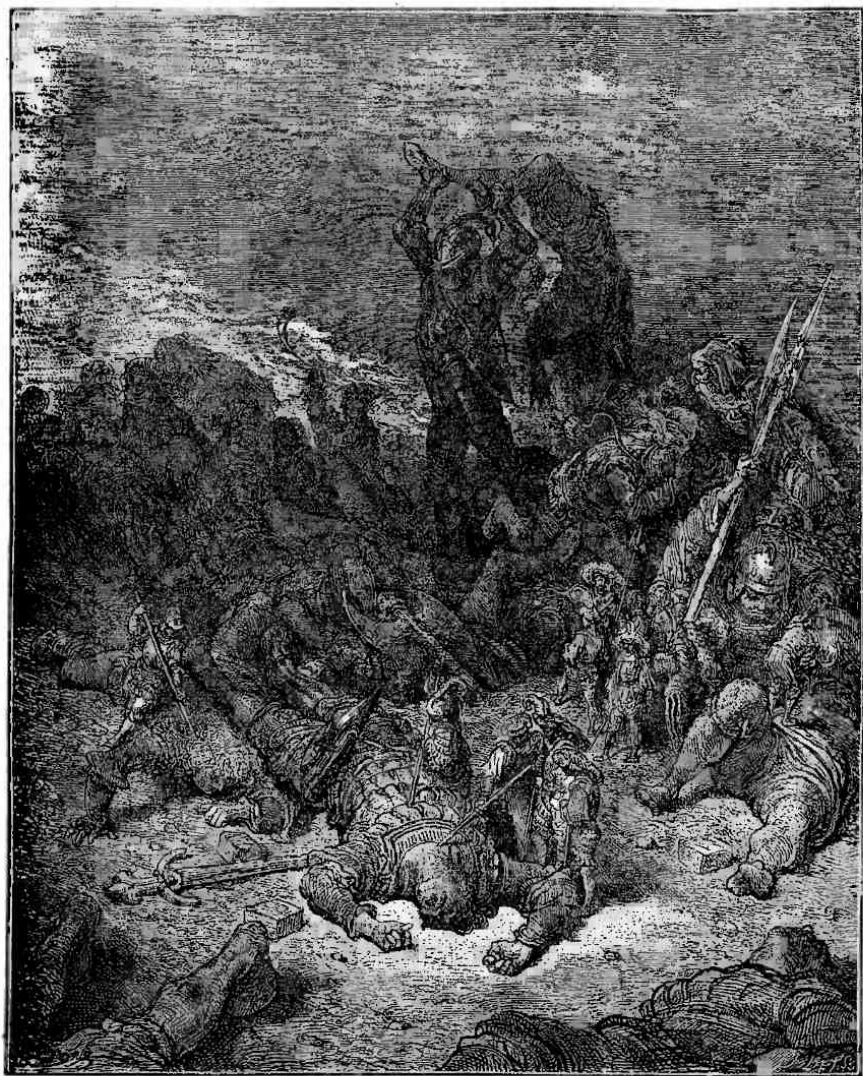
Пока Вурдалак возился со своей палицей, вытаскивая ее из земли, Гаргантюа подбежал к нему, чтобы отсечь голову. Но в эту минуту произошло несчастье. Мачта Гаргантюа коснулась палицы

Вурдалака и тотчас переломилась надвое. Палица у Вурдалака была волшебная! В руках у Гаргантюа остался только небольшой обломок. Гаргантюа так растерялся, что крикнул:

— Эй, брат Жан, где ты, голубчик?

Услышав эти слова, монах сказал великанам:

— Ей-богу, наши господа совсем искалечат друг друга. Пойдемте их разнимать.

И уж кинулся было на помощь, но один из великанов схватил его за рясу и усадил на прежнее место.

— Если ты еще двинешься, — сказал великан, — я тебя запрячу в свои штаны и ты вовеки не выберешься оттуда.

Тем временем Гаргантюа схватил обломок мачты и стал тузить им Вурдалака. Однако Вурдалак вытащил, наконец, свою палицу и снова кинулся на Гаргантюа.

— А этого не хочешь? — сказал Гаргантюа и ударил его ногой в живот. Вурдалак полетел на землю вверх ногами.

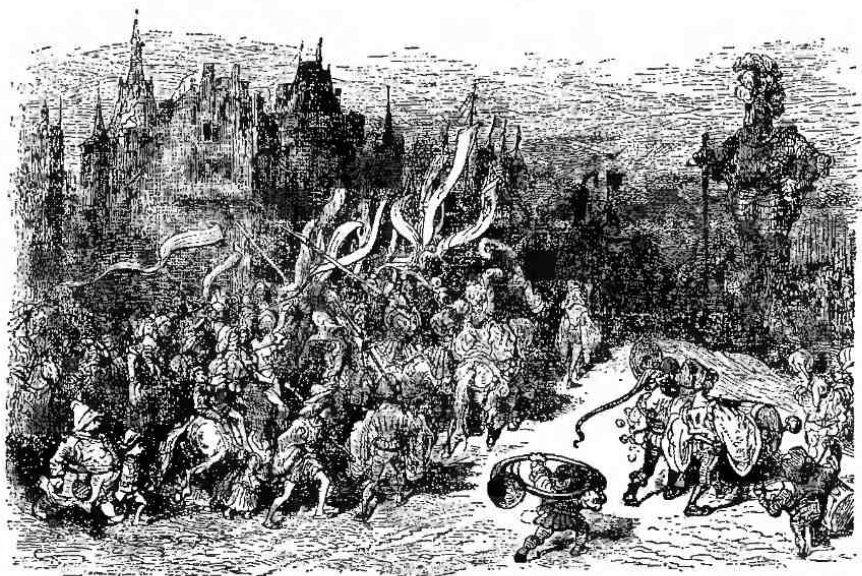
Тогда Гаргантюа схватил его за ноги и потащил по земле.

— Магомет! Магомет! — кричал Вурдалак, и все великаны, вскочив из-за стола, бросились к нему на помощь.

Как только Гаргантюа увидел, что на него бегут великаны, он поднял Вурдалака над головой и, размахивая им во все стороны, кинулся навстречу. Великаны валились целыми толпами. Их каменные панцири разбивались на тысячи кусков, и в воздухе стоял такой грохот, что в нашем городе, помнится мне, полопались все стекла.

Увидав, что с великанами покончено, Гаргантюа швырнул мертвого Вурдалака в город.

Вурдалак, словно лягушка, плашмя упал на главную площадь и, падая, убил на месте старого кота, мокрую кошку, ошипанную утку и гуся лапчатого.

ГЛАВА XXIII

*О том, как монах сделал короля
Анарха разносчиком луковичной подливки*

После такой чудесной победы вся неприятельская армия добровольно сдалась Гаргантюа и выдала ему короля Анарха.

Однажды, когда наши друзья справляли пир в завоеванном лагере, монах спросил Гаргантюа:

— Что же мы будем делать с нашим господином королем? Ведь ему теперь не придется управлять своим королевством. Следует его приучить к какому-нибудь делу, не то он совсем пропадет с голоду.

— Ты прав,— сказал Гаргантюа,— возьми его, пожалуйста, себе и делай с ним, что хочешь.

И вот монах нарядил короля в полотняную куртку и штаны морского фасона. Башмаков он королю не дал.

— К такому костюму башмаков не полагается,— сказал монах и повел короля к Гаргантюа.

— Знаком ли вам этот молодец? — спросил монах.

— Нет,— сказал Гаргантюа.

— Это господин король над тремя печеными луковицами. Я хочу сделать из него порядочного человека. Я хочу сделать его разносчиком луковой подливки. Ну, кричи: «Кому надо луковой подливки?»

— Кому надо луковой подливки? — закричал король.

— Это слишком тихо,— сказал монах.

И, взяв бывшего короля за ухо, прибавил:

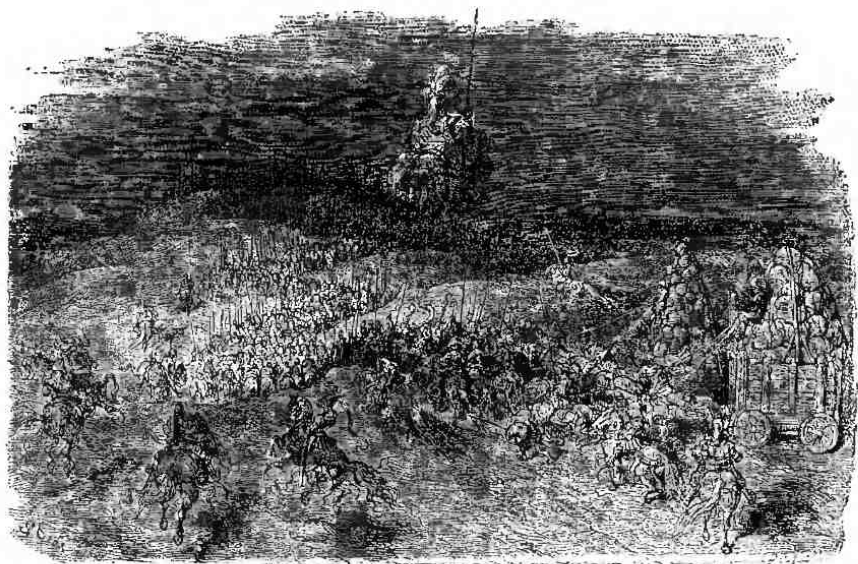
— Пой громче, черт тебя побери! Ведь у тебя здоровая глотка.

— Кому надо луковой подливки? — завопил король во все горло.

Гаргантюа весело смеялся, а вместе с ним смеялись и его приближенные.

Два дня спустя монах женил короля на старой фонарщице. Свадьбу отпраздновали всей компанией. На обед подали великолепную баранью голову, колбасу с горчицей и потроха с чесноком. Кроме того, был нанят слепой музыкант, и под звуки его волынки гости плясали до полуночи.

На другой день монах привел новобрачных во дворец и представил Гаргантюа. Гаргантюа подарил им каменную ступку, чтобы толочь лук, а для житья отвел им маленький домик на краю города. С тех пор Анарх сделался самым бойким разносчиком луковой подливки во всем государстве. Но мне говорили, что жена бьет его без пощады, а наш дурак по своей глупости все это терпит и не смеет защищаться.

ГЛАВА XXIV

*О том, как Гаргантюа накрыл
языком целую армию и что автор
увидел у него во рту*

После всех своих подвигов Гаргантюа нагрузил корабль всяким добром и отправил его домой. Сам же он вместе с друзьями решил возвратиться сухим путем. Вся неприятельская армия с великой честью провожала его до границы. По дороге застал их сильный дождь. Солдаты задрожали от холода и стали жаться друг к другу. Гаргантюа, заметив в армии беспорядок, приказал солдатам построиться тесными рядами. Когда солдаты построились, Гаргантюа высунул до половины свой язык и накрыл им всю армию.

Я же, рассказывающий вам эту правдивую историю, спрятался было от дождя под громадный лопух. Немного спустя я заметил, что солдаты устроились лучше меня, и побежал к ним. Но пробраться под язык было уже невозможно: солдат там набилось как сельдей в бочке.

Поэтому я решил влезть наверх и прошел с добрых две мили по языку Гаргантюа, пока не вошел к нему в рот.

Великие боги, что я тут увидел! Пусть гром меня разразит,

если я лгу! Я шел как бы по огромной пещере и видел там величавые утесы. Кажется, это были зубы Гаргантюа. Кроме того, я заметил огромные луга, густые леса и города, величиной не меньше Лиона или Орлеана. Первый, кто мне повстречался, был простак, саживший капусту.

— Друг мой, что ты тут делаешь? — спросил я.

— Сажаю капусту, — ответил он.

— Сажаешь капусту? — удивился я. — Для чего же ты сажаешь капусту?

— Ах, сударь, — отвечал простак, — не все же люди родились богатыми. Я вот сажаю капусту, продаю ее в городе и тем зарабатываю себе на пропитание.

— Господи Иисусе, — вскричал я, — да что тут, Новый свет*, что ли?

— Совсем не новый, — отвечал простак. — Наша земля очень старая. Говорят, что где-то есть и новая земля. Там будто бы светит солнце и луна, и звезды небесные. Но то — новая земля, а не наша.

— Пусть будет по-твоему, — сказал я. — А как называется тот город, куда ты носишь продавать свою капусту?

— Город Глотка, — отвечал простак. — Жители его — добрые люди и примут вас с честью.

Тогда я решил отправиться в этот город.

По дороге я встретил молодца, который охотился на голубей.

— Друг мой, — спросил я, — откуда у вас берутся эти голуби?

— О сударь, — отвечал он, — они прилетают к нам с того света.

Тут я понял, что голуби залетают в глотку Гаргантюа, когда он зевает. Голуби, наверно, воображают, что это не рот, а голубятня.

Наконец я добрался до города, но тут у меня потребовали пропуск.

— Какой пропуск? — удивился я. — Что у вас, чума, что ли?

— Ах, сударь, — отвечали мне сторожа, — тут поблизости столько людей умирает, что их едва успевают хоронить.

— Боже мой, где же это? — спросил я.

Сторожа показали мне на огромную пропасть, из которой поднималось страшное зловоние. От этого зловония в стране появилась чума, и за последнюю неделю она убила 2 260 016 человек. Поразмыслив хорошенько, я понял, что зловоние поднималось из желудка Гаргантюа, который с неделю тому назад объелся чесноком на свадьбе короля Анарха.

Покинув город, я прошел между двумя утесами, которые оказались зубами. Забравшись на один зуб, я увидел красивейшие в мире места: большие площадки для игры в мяч, красивые гале-

реи, много виноградников и пропасть домиков в итальянском вкусе. В тех местах я прожил около четырех месяцев и затем по задним зубам спустился вниз.

По дороге меня ограбили разбойники. Это случилось в большом лесу, около ушей. Спасаясь от разбойников, я забрел в какую-то деревеньку и там заработал себе немного деньжонок. И знаете как? Тем, что спал. В этих местах людей нанимают по-денно для того, чтобы спать. Бездельники зарабатывают от пяти до шести су в день. Те же, кто умеет громко храпеть, могут заработать до семи с половиной су.

В конце концов я захотел вернуться назад. Я прошел по борде Гаргантюа, перескочил на его плечи, оттуда спустился на землю и наконец очутился перед ним.

— Откуда ты взялся, Рабле? — спросил меня Гаргантюа.

— Из вашей глотки, сударь.

— Сколько же времени ты там пробыл?

— Все время, пока вы возвращались на родину.

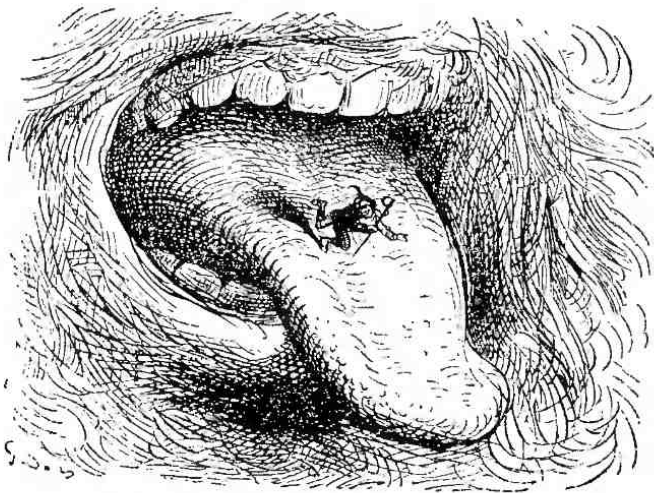
— Да ведь мы шли больше шести месяцев, — сказал Гаргантюа. — Чем же ты питался все это время?

— Самыми вкусными кусочками, которые вы отправляли себе в рот, — отвечал я.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Гаргантюа. — Ловкий ты парень, Рабле! Дарю тебе за это замок Сальмигонден*.

— Большое спасибо, сударь, — отвечал я, — вы меня награждаете по-королевски.

После этого мы расстались, очень довольные друг другом.

ГЛАВА XXV

*О том, как было построено
Телемское аббатство**

Как только Гаргантюа вернулся домой, он задал такой пир своему войску, каких не бывало со времен царя Гороха. Когда все встали из-за стола, он велел каждому отсчитать из своей казны по миллиону двести тысяч золотых чистоганом. Кроме этого, он подарил каждому из своих соратников по целому городу. Понократу достался Ля-Рош-Клермо, Гимнасту — Ля-Кудре, Евдемону — Монпансье. Один только монах остался без города.

Гаргантюа хотел сделать его аббатом в Селье, но монах отказался от этого.

— Если вы хотите наградить меня, — сказал он Гаргантюа, — то позвольте мне устроить монастырь по своему вкусу.

— Что это значит? — спросил Гаргантюа.

— Это значит, — сказал монах, — что мой монастырь будет устроен не так, как все другие монастыри, а как раз наоборот.

— Хорошо, — сказал Гаргантюа. — Все монастыри окружены крепостными стенами. Выходит, что твой монастырь будет без стен?

— Совершенно верно, — согласился монах. — К чему стены? Где стены, там — застенки, теснота, ссоры, стычки. Я хочу, чтобы в моем монастыре было всегда весело и привольно.

— Если в монастырь приходит женщина, — продолжал Гаргантюа, — все смотрят на нее как на чудовище и долго потом чистят то место, где она стояла.

— У меня будет не так,— сказал монах.— Мне придется оберегать мое аббатство не от женщин, а от монахов и всяких других ханжей, потому что хуже их нет людей на свете.

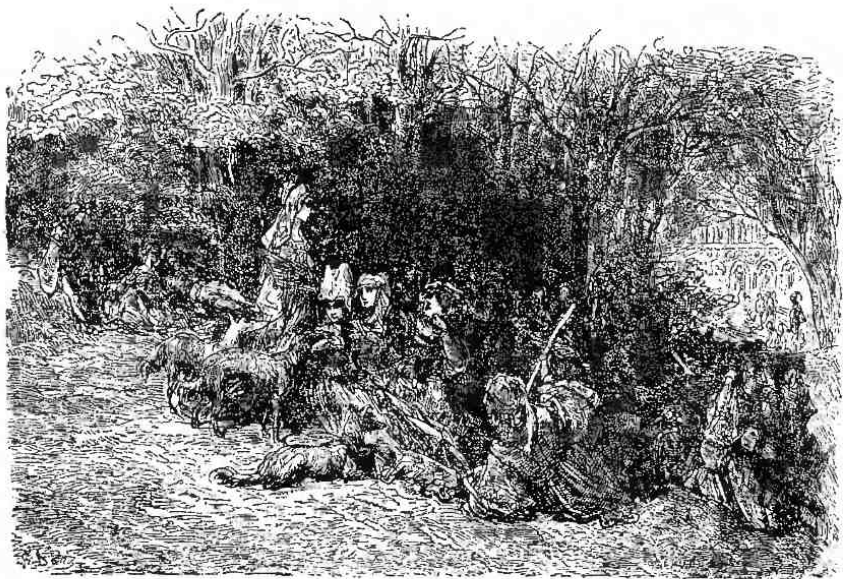
— Испокон веков,— продолжал Гаргантюа,— в монастырь идут кривые, хромые, горбатые и разные другие уроды и бездельники, которые не хотят работать дома.

— Ну, нет,— сказал монах,— этих у меня не будет. В мой монастырь будут приниматься только молодые, здоровые и красивые юноши и девушки. В монастыре они будут учиться, читать полезные книги, играть на музыкальных инструментах, гулять и развлекаться, пока не вырастут и не сделаются взрослыми людьми. Это будет для них хорошая школа.

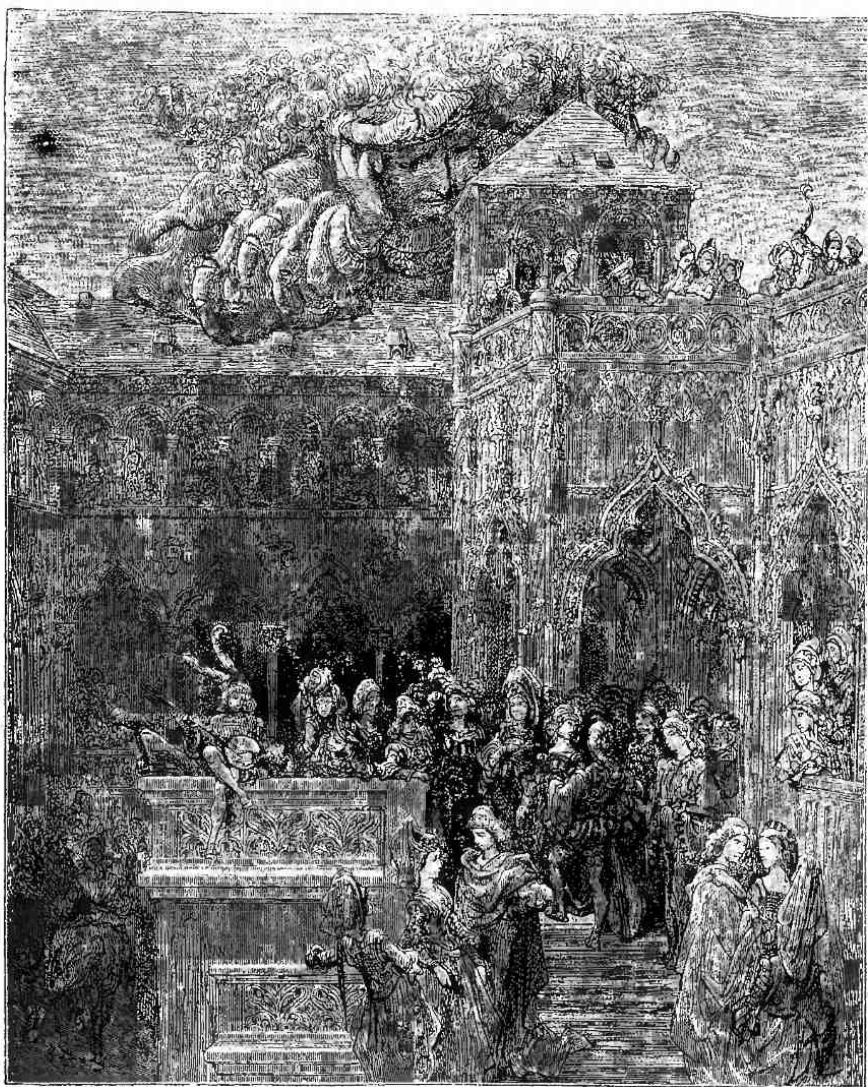
— Пусть будет по-твоему,— сказал Гаргантюа и подарил монаху весь Телемский округ, вплоть до реки Луары.

Здесь монах построил себе аббатство, которое назвал Телемским*. Это было большое шестиугольное здание. На каждом углу его красовалась высокая круглая башня. Все шесть башен были одинаковой формы.

Здание было великолепно. В нем было шесть этажей, считая подземные погреба за первый этаж. Стены были оштукатурены фламандским гипсом. Крыши были аспидные. Над карнизами поднимались позолоченные статуи людей и животных. Водосточные трубы были расписаны золотом и глазурью. Они спускались в широкие желоба, которые шли под землей до самой реки.

В аббатстве было 9332 комнаты. Все они выходили в огромный общий зал. Снизу в этот зал вела прекрасная лестница. Она была так широка, что шестеро вооруженных копейщиков, построившись в ряд, могли подняться по ней до самого верха.

Справа, между двумя башнями, помещалась огромная библиотека. Слева жили молодые девицы, а в остальных комнатах юноши. Перед комнатами для девиц были устроены прекрасный

театр и бассейн для плавания, а также великолепные трехъярусные бани, снабженные благовонной смолистой водой.

Вокруг здания был разбит красивый парк для прогулок.

Возле парка располагался фруктовый сад, где деревья были посажены косыми рядами.

Юноши и девушки жили очень дружно. У них было правило: делать всем то, что хотелось одному. Например, если кто-нибудь из них говорил: «Почитаем», — все читали. Если кто-нибудь говорил: «Сыграем», — все играли. Скажет кто-нибудь: «Пойдемте, порезвимся в парке», — все соглашались идти.

Часто устраивались охоты. Девушки садились на иноходцев, надевали перчатки и сажали себе на палец сокола, кречета или ястреба. Эти птицы были так обучены, что ловили на охоте все, что им попадалось навстречу. Итак, все ехали на соколиную охоту и очень весело проводили время.

И все они были так образованны, что между ними не было ни одного, кто не умел бы читать, писать, петь, говорить на пяти-шести языках и писать стихи...

Сам Гаргантюа не раз навещал Телемское аббатство и признавался потом, что нигде не встречал таких умных и веселых людей, как там.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОВЕСТЬ ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ, СЫНА ГАРГАНТЮА

ГЛАВА I

О детстве Пантагрюэля

Теперь я расскажу вам историю славного Пантагрюэля, сына Гаргантюа. Мать Пантагрюэля, великанша Бадебек, умерла, когда мальчик только что появился на свет. Бедняга Гаргантюа не знал, что ему делать: плакать или смеяться.

— Что же мне делать? — говорил в отчаянии Гаргантюа. — Плакать? Да, но почему? Потому что скончалась моя добрая жена и я больше никогда ее не увижу. Ах,

Бадебек, душа моя, голубка, крошка моя — (эта крошка была ростом в две сажени с лишним), — душка моя, милашка моя, тувелька моя, что же мне теперь делать? Ах, бедный Пантагрюэль, ты лишился своей матушки, мой дорогой сынок!

И, говоря это, Гаргантюа ревел, как корова. И вдруг он начал смеяться, как теленок, вспомнив про Пантагрюэля.

— Ох, сынок мой,— говорил он,— птенчик мой, котенок мой! Как я благодарен судьбе за то, что она послала мне такого красивого, такого веселого, такого милого сына! О-хо-хо-хо! Бросим грусть! Будем пить! Принесите нам лучшего вина, вымойте стаканы, накройте стол, прогоните собак, растопите камин, заprite дверь, разливайте похлебку! Да позовите нищих, дайте им денег. Плащ я сниму, буду пировать в одной куртке. Ну, живее вина!

А Пантагрюэль между тем лежал в своей колыбели и ждал, когда его накормят молоком. Каждое утро он высасывал молоко из 4600 коров: ведь кормилицы у него не было, а молока требовалось пропасть. Как-то раз служанки запоздали, и вот Пантагрюэль разбросал пеленки, схватил корову за ноги и так впился

в ее вымя, что корова заревела, точно ее волки терзали. На шум сбежались люди и с трудом отняли корову у Пантагрюэля.

После этого случая Гаргантюа приказал привязывать сына к колыбели толстыми канатами. Но однажды большой медведь, которого Гаргантюа держал на привязи в своем доме, сорвался с цепи и, подбежав к мальчугану, стал облизывать ему личико. Дело в том, что перед этим няньки кормили Пантагрюэля кашницей и забыли вытереть ему рот. Вот эта кашка и соблазнила медведя.

И что, вы думаете, сделал Пантагрюэль? Он понатужился, разорвал канаты, схватил господина медведя и разорвал его на клочки, как дыпленка. Мало того, он тут же съел медвежье мясо, пока оно еще не остыло.

Видя в сыне такую силу, Гаргантюа стал опасаться, чтобы он не зашиб как-нибудь самого себя. И вот Пантагрюэля приковали к кровати четырьмя толстыми железными цепями. Одна из этих цепей и сейчас еще находится в Ля-Рошели. Она там висит в гавани, между двумя большими башнями. Вторая цепь сейчас в Лионе, третья в Анжере, а четвертую, говорят, утащили черти, чтобы связать ею Сатану. Дело в том, что у Сатаны в то время болел живот и черти опасались, что им от этого не поздоровится. Итак, Пантагрюэля привязали цепями, и с тех пор он спокойно лежал в своей колыбели.

Однажды, когда Гаргантюа справлял роскошный пир по случаю какого-то праздника, мамки так захлопотались, что со-

всем забыли про бедняжку Пантагрюэля. Что же он сделал? Вот послушайте-ка, добрые люди. Пантагрюэль сначала попробовал разорвать цепи руками. Это ему не удалось: цепи были очень крепкие. Тогда он стал колотить ногами, так что проломил край своей колыбели, хотя она была толщиной не меньше как в полтора аршина. Пантагрюэль высунул ноги наружу, ухитрился достать до пола, приподнялся и встал на ноги. Колыбель поднялась вместе с ним и очутилась у него за плечами. Если бы вы увидели Пантагрюэля в таком виде, вам показалось бы, что это огромный морской корабль встал на дыбы и зашагал по комнате.

А Пантагрюэль спокойно спустился с лестницы и смело вошел в залу, где пировали гости. Вот где смеху-то было! Руки у Пантагрюэля были связаны, поэтому он нагнулся над столом и стал хватать кушанья зубами.

Тут Гаргантюа не вытерпел и приказал освободить Пантагрюэля. С Пантагрюэля сняли цепи, и вот наш молодец, почуяв свободу, разломал свою ненавистную колыбель на 1500 маленьких кусочков. После этого он преспокойно уселся за стол и плотно поужинал.

ГЛАВА II

*О том, как Пантагрюэль встретил
Панурга, которого полюбил на всю жизнь*

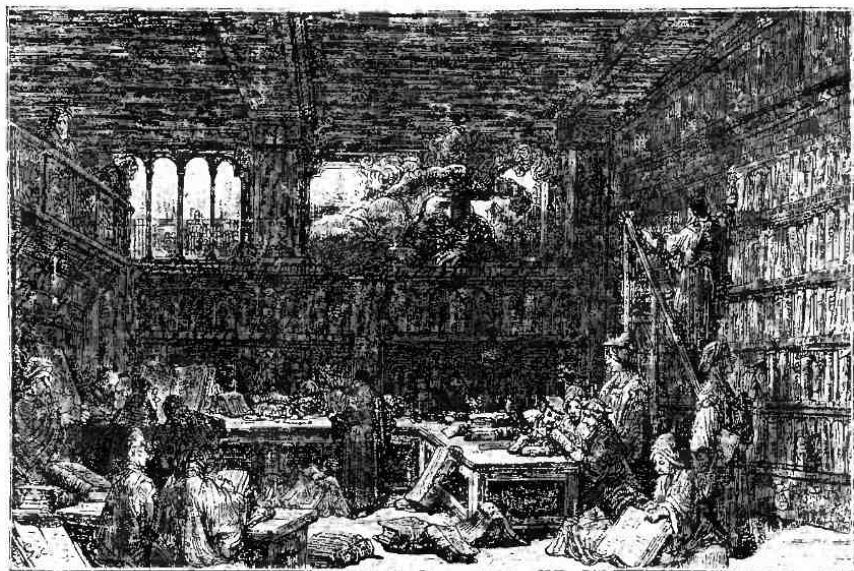
Пантагрюэль рос не по дням, а по часам. Скоро его отдали в школу. Там он научил школяров стрелять из лука и придумал много других развлечений. Однажды он отломил от скалы огромную каменную плиту, принес ее в поле и укрепил там на каменных тумбах. По праздникам школяры отправлялись за город, взбирались на плиту, играли на ней в мяч, выпивали, закусывали и вырезали на камне свои имена. Эта плита до сих пор лежит возле Пуатье и называется Приподнятый Камень. Когда школа была окончена, Пантагрюэль псеxал набираться ума-разума по другим городам. В Тулузе он научился танцевать и ловко драться на шпагах. Тамошние студенты — великие знатоки этого дела. Но долго в Тулузе он не пробыл. Однажды он увидел, как там поджаривали на костре какого-то профессора*, который не поладил с монахами.

— Спаси меня бог от такой смерти, — сказал Пантагрюэль, — я не копченая селедка и вовсе не хочу, чтобы меня поджаривали. И на другой же день он уехал из Тулузы.

В Монпелье он задумал было учиться на медицинском факультете, но заметил, что там от всех докторов пахнет клистиром. Тогда он решил сделаться судьей, но судей там оказалось только четверо, да и то трое были вшивые, а четвертый плешивый.

В Анжере его тоже постигла неудача. Там началась чума, и Пантагрюэлю пришлось спешно выехать из города.

После этого Пантагрюэль долго учился в Бурже и наконец приехал в Париж. В Париже он проучился несколько лет и с таким успехом, что стал знаменитым ученым.

И вот однажды, гуляя за городом со своими друзьями, Пантагрюэль встретил человека, приятного на вид, но всего израненного и в такой оборванной одежде, что казалось — его только что оттрепали собаки.

Завидев его издали, Пантагрюэль сказал друзьям:

— Видите ли вы этого человека? Держу пари, что он не бродяга и не нищий, хотя и кажется нищим с первого взгляда.

И как только незнакомец поравнялся с ними, Пантагрюэль сказал ему:

— Друг мой, прошу вас, остановитесь и ответьте мне на то, о чем я вас спрошу. Вы не раскаетесь в этом, потому что мне очень хочется помочь вам в вашей беде. Прежде всего скажите мне: кто вы такой? Откуда вы? Куда идете? Что ищете? И как ваше имя?

— Юнкер, готт геб эйх глюк унд хейль, — отвечал незнакомец по-немецки*.

— Друг мой, — сказал Пантагрюэль, — я не понимаю этой тарабарщины. Говорите, пожалуйста, на другом языке.

— Альбарильдим готфано дешмин брин алабо дордио фальброт рингвам альбарас, — отвечал незнакомец.

— Вы понимаете что-нибудь? — спросил Пантагрюэль у своих друзей.

— Думаю, что это дикарский язык, — сказал гувернер Пантагрюэля Эпитемон*, — в нем сам черт ногу сломит.

— Любезный кум,— сказал Пантагрюэль незнакомцу,— может быть, эти стены вас и поймут, но мы вас совсем не понимаем.

На это незнакомец сказал:

— Лорд, гефт толб бэ суа виртус бе интеллидженс*.

— Друг мой,— спросил незнакомца Эпитемон,— как вы это говорите: по-человечески или по-обезьяньи?

— Иона андиэ, гуаса, гоуси этан, беxorда эрремедио*,— отвечал незнакомец.

— Ну,— сказал Пантагрюэль,— с вами не сговоришься. Неужели вы не понимаете по-французски?

— Вот тебе раз! — воскликнул незнакомец.— Как же мне не знать по-французски, когда это и есть мой родной язык! Слава богу, я родился и вырос во Франции.

— В таком случае,— сказал Пантагрюэль,— скажите нам, как вас зовут и куда вы идете. Честное слово, вы так мне понравились, что, кажется, мы больше не расстанемся с вами, если только вы этого захотите.

— Сударь,— сказал незнакомец,— меня зовут Панург*. Сейчас я иду из Турции. Турки долгое время держали меня в плену. Если вы хотите взять меня с собой, я охотно пойду вместе с вами, куда вам угодно, и расскажу вам на досуге о моих несчастных приключениях. А сейчас мне необходимо поест: зубы у меня щелкают, брюхо пустое, горло пересохло, аппетит волчий. Если вы хотите испытать меня на деле, прикажите сначала накормить меня как следует.

Пантагрюэль приказал отвести Панурга домой и дать ему все, что осталось от обеда.

Приказание было исполнено, Панург наелся до отвала и улегся спать вместе с курами. На другой день он проснулся только к обеду и в три прыжка, прямо с кровати, снова очутился за столом.

ГЛАВА III

*О том, как Панург бежал
из турецкого плена*

За обедом Панург пил и ел без устали, потому что был худ, как драная кошка.

— Эге, куманек,— сказал ему кто-то,— ты не дурак выпить, как я погляжу.

— А ты думал, черт побери,— сказал Панург,— что я буду пить, как зяблик, а корм принимать только тогда, когда меня похлопают по хвостику? Нет, кум, я не из таковских. Чем больше я пью, тем больше мне хочется пить. Такая уж у меня натура.

Гости засмеялись.

— Любезный Панург,— сказал Пантагрюэль,— расскажите нам, как вам удалось вырваться из турецкого плена.

— Извольте, сударь,— сказал Панург,— я расскажу вам всю правду, и побей меня бог, если я солгу вашей милости. Эти разбойники-турки решили приготовить из меня жаркое. Они нашпиговали меня салом, чтобы я был пожирнее, посадили на вертел и стали поджаривать на огоньке. Я уж совсем было приготовился рас-
прощаться с жизнью, как вдруг заметил, что мой повар задремал.

Тогда я зубами выхватил из камина головешку и бросил ее на колени своему мучителю. Другую головешку я сунул в соломенный тюфяк. Солома вспыхнула и подожгла постель. От постели загорелся пол, и вся комната заполнилась дымом. Повар с обожженными коленками вскочил со стула, подбежал к окошку и закричал во весь голос:

— Даль барот! Даль барот!

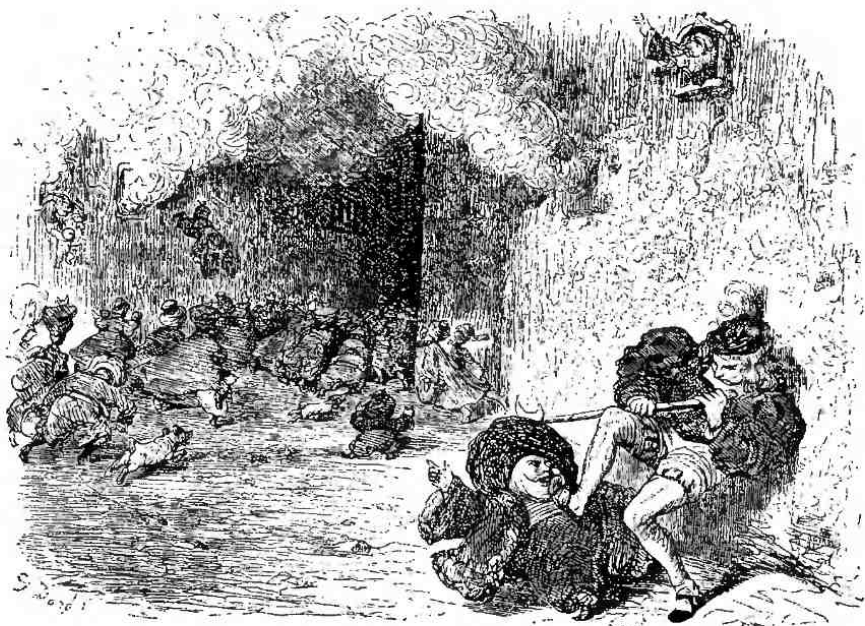
По-нашему это значит: «Пожар! Пожар!»

После этого повар перерезал мои веревки и кинулся вон. Но тут его настиг паша, хозяин дома. Паша выдернул из меня вертел и убил им наповал господина повара.

Когда вертел из меня выдернули, я упал и ушибся, хотя и не очень сильно. Дело в том, что сало, которым я был нашпигован, сделало меня толстым и смягчило удар.

Но едва лишь я вскочил на ноги, как попал в новую беду. Мой паша, видя, что его дом гибнет в пламени, взмолился всем чертям и стал звать на помощь самого дьявола. Тут я испугался не на шутку. Явился дьявол — и моя песенка была бы спета. Ведь я был наполовину зажарен и притом до горла нашпигован чудесным салом. А черти, как известно, до сала большие охотники!

К счастью, дьявол не явился. Паша в отчаянии решил покончить с собой и проткнуть свое сердце моим вертелом. Паша

приставил его к груди, но вертел был тупой и никак не хотел продырявить моего хозяина. Паша давил изо всей силы, но все было бесполезно. Тогда я подошел к нему и сказал:

— Господин басурман, вы только напрасно теряете время. Этим вертелом проткнуться невозможно. Хотите, я убью вас в одну минуту и притом так, что вы даже ничего не почувствуете? Поверьте, что я уже многих так прикончил и они чувствовали себя превосходно.

— Друг мой,— сказал паша,— пожалуйста, убей меня, но только побыстрее. В награду ты можешь взять мои великолепные штаны. В них ты найдешь шестьсот золотых и несколько превосходных брильянтов.

— Где же они теперь, эти брильянты? — спросил у Панурга Эпитемон.

— Увы, — вздохнул Панург, — теперь они, должно быть, очень далеко. Одним словом, там, где прошлогодний снег. Понимаете вы меня?

— Прошу вас, кончайте, пожалуйста, — сказал Пантагрюэль. — Как же вы укушили своего пашу?

— Честное слово, — сказал Панург, — я ни слова не привираю. Я связал ему руки, посадил на вертел и оставил поджариваться на огоньке, точно копченую селедку. После этого я взял его кошелек и небольшой дротик, висевший на стене, и бросился вон из дома. Ах, как болело мое поджаренное плечо, если бы вы знали!

Улица была полна народу. Все бежали на пожар с бочками, с ведрами, с кастрюлями, полными воды. Увидав меня полузажаренным, турки сжалились надо мной и вылили на меня всю свою воду. Это было очень приятно. Вода освежила меня. Вообще простые турки — народ славный. Они дали мне поесть и никакого зла мне не причинили. Только один скверный турчонок стал было таскать из меня сало, которым я был нашпигован. Но я так шлепнул этого негодяя по руке, что он живо от меня откатился.

Пока турки возились со мной, огонь перебросился на соседние дома. Уже целый квартал был объят пламенем. Увидав, что дело плохо, турки побежали всяк к своему дому, а я направился к воротам. Но едва я вышел в поле, как из города выскочило шестьсот, да нет — тысяча триста одиннадцать, если не больше, собак, и больших, и маленьких. Почувяв запах моего поджаренного мяса, собаки бросились прямо на меня и, конечно, растерзали бы меня в клочки, если бы не моя смекалка. Тут я вспом-

нил о своем сале и стал бросать его в самую середину собачьей своры. Собаки кинулись на сало и оставили меня в покое. Я, конечно, тоже их оставил. Так я вырвался на свободу, веселый и радостный. Да здравствует жаркое на вертеле!

ГЛАВА IV

О нравах и привычках Панурга

Панург был среднего роста, не слишком высок, не слишком низок. Нос у него был орлиный, загнутый, словно ручка от бритвы. Лет ему от роду было тридцать пять, и, несмотря на это, Панург был самый большой озорник и гуляка в целом Париже. Постоянно на уме у него были какие-нибудь проказы. Особенно любил он посмеяться над стражниками и караульными.

Бывало, соберет он вечером несколько парней, угостит их вином и поведет с собой на перекресток. Придут и ждут, пока не появится караул. Панург знал заранее, когда появятся стражники. Как он это делал? Очень просто. Положит на мостовую шпагу, приложит к ней ухо и слушает. Если шпага зазвенит, — это верный знак, что обход близко. Тогда парни хватают тяжелую тележку, раскачивают ее изо всей мочи и пускают вниз по улице, прямо на стражников. Те валятся, словно свиньи, прямо в грязь, а нашим озорникам только того и надо. Сделали дело — и наутек. Ищи-свищи!

А бывало еще и так. Достанет Панург пороха и насыплет его на дорогу, где должны проходить стражники. Едва стражники подойдут, Панург подожжет порох. Караул в ужасе кинется прочь, а огонь бежит следом за ним, извивается, жжет, хватается за ноги. А Панургу и горя мало!

Так же не любил Панург ученых богословов. Этим он и вовсе проходу не давал. То навоза накидает на шляпу, то лисий хвост к рясе привяжет...

В его кафтане было двадцать шесть карманов и кармашков, набитых всякой всячиной. В одном кармане у него лежал пузырек со свинцовой водой и острый ножичек, чтобы срезать чужие кошельки. В другом — головки репейника, чтобы кидать ими

в прохожих. В третьем — трут, огниво, зажигательные стекла. Бывало, в церкви заметит какого-нибудь усердного богомольца и незаметно наведет на него огонек своим стеклышком. Тот про всякую молитву позабудет, мечется по церкви, а Панург спрячет стекло и стоит как ни в чем не бывало.

Однажды Панург показался мне более молчаливым, чем обыкновенно.

Подозревая, что у него нет денег, я спросил его:

— Панург, вы, я вижу, больны. У вас, вероятно, карманная чахотка? Не хотите ли — вот у меня шесть с половиной су*, которые как раз не знают, куда им деваться.

— Что деньги? — сказал Панург. — Этого добра у меня скоро будет сколько угодно. Разве вы не знаете, что у меня есть волшебный камешек, который притягивает к себе деньги словно магнитное железо? А вот не хотите ли вы купить индульгенцию?

— Ей-богу, — сказал я, — что-то я не думаю замаливать свои грехи. Впрочем, если она будет стоить не дороже одного денье*, то, пожалуй, пойдемте.

— В таком случае дайте мне взаймы один денье, и я готов, — сказал Панург.

Мы отправились к церкви святого Гервасия, и я купил себе самую дешевую индульгенцию у первого же монаха. Что же касается Панурга, то он покупал себе индульгенции у всех монахов, и скоро у него оказалась целая куча этого добра.

Потом мы отправились к собору Богоматери, затем в церковь святого Иоанна, потом в церковь святого Антония и во все остальные, где только продавались индульгенции. Я больше ничего не покупал, но Панург прикладывался ко всем мощам* и покупал одну индульгенцию за другой.

На обратном пути Панург затащил меня в кабачок и показал мне штук двенадцать кошельков, туго набитых деньгами.

— Господи Иисусе, — удивился я, — откуда у вас, Панург, такое богатство?

— Это богатство, — сказал Панург, — перешло ко мне от господ монахов. Я же говорил вам, что у меня скоро будет куча денег. Заметили вы, что на каждое церковное блюдо я клал по одному денье?

— Нет, не заметил, — сказал я.

— В том-то и дело, — засмеялся Панург. — Я так ловко это проделываю, что продавцу индульгенции кажется, будто я положил крупную монету. Поэтому я другой рукой спокойно беру сдачу — одну, две, три дюжины денье, сколько мне вздумается. И так во всех церквах.

— Но, дорогой Панург, — сказал я, — выходит, вы попросту воришка?

— Как сказать! — засмеялся Панург.— Может быть, вы думаете, что монахи наживают эти денежки честным трудом? Как бы не так!

— А кроме того,— добавил Панург,— у меня, видите ли, свои счета с монахами. Вам, вероятно, не известно, что в свое время я вылечил папу Сикста* от злокачественной опухоли. Эта опухоль мучила папу всю жизнь, и он чуть было не сделался от нее хромым. В награду за лечение папа пожаловал мне полторы тысячи франков ежегодной пенсии из своей церковной казны. Вот эту пенсию я и выплачиваю теперь себе своими собственными руками. Хотите верьте, хотите не верьте, но эти денежки мне очень пригодятся!

ГЛАВА V

*О том, как один англичанин
вызвал Пантагрюэля на диспут*

В один прекрасный день Пантагрюэль захотел проверить свои знания. И вот он приказал вывесить на всех перекрестках свои тезисы по самым спорным научным вопросам. Этим самым Пантагрюэль вызывал на диспут всех городских ученых и мудрецов.

Первый диспут состоялся на улице Дю Ферр. Пантагрюэль выступал против всех деканов*, магистров* и ораторов. И всех их переспорил.

Второй диспут устроили в Сорбонне* против богословов. Этот диспут длился шесть недель, и на нем присутствовали придворные короля, начальники всех канцелярий, советники, счетоводы, секретари, а также старшины города, врачи и священники. И заметьте, что большинство из них были искусные спорщики и грамотеи. Но, несмотря на все их придирки и крючки, Пантагрюэль всех их переспорил и доказал, что они перед ним просто олухи царя небесного.

После этого весь город заговорил об удивительной учености Пантагрюэля. Даже прачки, кухарки, судомойки и те показывали на него пальцами и шепотом говорили друг другу:

— Смотрите, это он!

В эти самые дни один ученый муж, по имени Тоумаст, до которого дошла громкая слава о несравненной учености Пантагрюэля, приехал из Англии повидаться с ним и проверить, так ли уж учен Пантагрюэль, как говорит о том молва. При виде Пантагрюэля Тоумаст был поражен его необычайным ростом. Но вскоре Тоумаст оправился и произнес следующую речь:

— Сударь, весть о вашей необычайной мудрости достигла берегов Англии, и с тех пор ни один английский мудрец не может спать спокойно. Все стремятся увидеть вас — новое светило науки; все хотят поучиться вашей несравненной мудрости. Вот и я, прослышав о ваших удивительных познаниях, покинул родину и приехал сюда, чтобы побеседовать с вами о некоторых запутанных вопросах. Если вы их разрешите, то и сам я, и все мое потомство отныне будем вашими верными рабами. Одним словом, — продолжал Тоумаст, — я вызываю вас на великий диспут, где должны присутствовать все ученые этого города. И вот каким способом хочу я вести этот диспут. Отвечая один другому, мы не будем произносить длинных речей, как это делают здешние умники. Точно так же мы не будем заниматься декламацией и употреблять в споре разные цифры. Мы не будем говорить ни одного слова. Ведь вопросы, которые мы будем обсуждать, так затруднительны, что их все равно не выразить никакими словами. Мы будем с вами объясняться знаками. Это самый лучший способ для нашего диспута. Итак, если угодно будет вашему великолепию, то мы сойдемся завтра в большом Наваррском зале* в семь часов утра.

— Сударь, — отвечал Пантагрюэль, — я с большой охотой исполню вашу просьбу, насколько это будет в моих слабых силах. И хотя мне следует скорее учиться у вас, чем вам у меня, но раз уже вы с этим не согласны, то мы сообща обсудим дело и разрешим наши сомнения. И я от души рад объясняться с вами знаками, а не словами. По крайней мере нас никто другой не поймет и не будет нам мешать глупыми рукоплесканиями. Итак, завтра я явлюсь на диспут. Только об одном прошу вас: не спорить и не шуметь понапрасну. Мы ведь не ищем одобрения людей; мы добиваемся истины для самих себя.

— Сударь, — сказал Тоумаст, — благодарю вас за ваше милостивое согласие. Прощайте!

— Прощайте и вы! — сказал Пантагрюэль.

Вы, читающие эту правдивую историю, не можете себе представить, в каком волнении Пантагрюэль и Тоумаст провели эту

ночь. По крайней мере Тоумаст признавался швейцару гостиницы, где он остановился, что его трясло, словно в лихорадке.

— Мне кажется,— говорил Тоумаст,— что Пантагрюэль держит меня за горло. Дайте мне, пожалуйста, холодной воды, чтобы немного освежиться.

Что касается Пантагрюэля, то он всю ночь просидел над книгами, так что Панург в конце концов сказал ему:

— Сударь, бросьте вы ваши книги и идите спать. Ей-богу, вы только схватите горячку с вашими занятиями. Выпейте-ка вина да ложитесь себе на здоровье. Будьте спокойны: завтра я сам буду спорить с этим умником и отлично проведу его за нос.

— Что вы, Панург, друг мой! — сказал Пантагрюэль. — Ведь Тоумаст — человек ученый. Как же вы его переспорите?

— Это уже мое дело,— сказал Панург. — Будьте уверены, что я справлюсь с этим хвастунишкой и оставляю его в дураках при всем честном народе.

Всю ночь Панург играл с пажами в карты, так что проиграл все застешки со своих штанов. А когда настало утро, он разбудил Пантагрюэля, и они вдвоем отправились на диспут в Наваррский зал.

ГЛАВА VI

О том, как Панург посрамил ученого англичанина

На диспут собрался весь Париж.

— На этот раз,— говорили парижане,— Пантагрюэлю тоже достанется. Это еще ничего не значит, что до сих пор он выходил победителем. Тоумаст — парень не промах. Он сумеет постоять за себя. Посмотрим, кто победит.

Как только Пантагрюэль с Панургом вошли в зал, все эти писаки, магистры и школьники по своей привычке принялись громко хлопать в ладоши.

— Тише, черт вас возьми! — закричал Пантагрюэль громовым голосом. — Если будете шуметь, я снесу ваши дурацкие головы.

При этих словах все разинули рот от удивления. И даже кашлянуть никто больше не посмел.

Тогда Панург выступил вперед и сказал англичанину:

— Милостивый государь! Ради чего вы сюда пришли — спорить с нами или поучиться настоящей мудрости у господина моего Пантагрюэля?

— Милостивый государь, — отвечал Тоумаст. — Я не хочу ни с кем препираться по-пустому. Я желаю получить ответ на разные сомнительные вопросы.

— В таком случае, — сказал Панург, — я, скромный ученик моего учителя, господина Пантагрюэля, берусь разрешить все ваши сомнения. Пусть господин Пантагрюэль будет у нас председателем, пока мы занимаемся делом. Согласны ли вы с этим?

— Вполне, — ответил Тоумаст, — давайте же начинать.

И вот, в полном молчании, англичанин поднял руки над головой и сложил пальцы шепотью. Потом он разжал пальцы, громко хлопнул в ладоши и протянул руки вперед, как будто бы умоляя о чем-

то Панурга. В ответ на это Панург засунул в нос большой палец, а остальными пальцами помахал в воздухе.

— А если вы... — сказал англичанин.

— Виноват, — прервал его Панург, — помалкивайте, сударь.

Тогда англичанин сделал такой знак: он сжал пальцы в кулак, поднял левую руку и затем большой палец правой руки приставил к мизинцу левой.

Панург не удивился. Он вытащил из кармана кусок бычьего ребра и две маленькие деревяшки. Деревяшки он зажал в пальцах и стал ими прищелкивать, весело поглядывая на англичанина.

Парижане подумали, что Панург передразнивает бретонских прокаженных, которые так же гремят своими погремушками*. Может быть, Панург намекал на то, что англичанин — прокаженный?

Однако англичанин несколько не испугался этого. Он, сжав кулаки, поднес их к самому лицу Панурга и постукал ими друг о дружку.

Панург, ни слова не говоря, смастерил из пальцев нечто вроде фиги и показал эту фигурку англичанину.

Англичанин побледнел, как смерть, и задвигал пальцами, словно рыба плавниками.

Тогда Панург хлопнул в ладоши, подул на пальцы и вытянул подбородок вперед, пристально смотря на англичанина.

Ничего не понимая в этих знаках, парижане, однако, догадались, что Панург как бы спрашивает англичанина: «Ну-ка, что вы на это скажете?»

И в самом деле, Тоумаст сильно вспотел и погрузился в глубокое размышление. Наконец он сообразил что-то, сцепил пальцы друг с другом и в таком положении поднял обе руки над головою.

В ответ на это Панург коснулся большим пальцем своей челюсти и стал громко стучать зубами.

Тоумаст в страшном волнении вскочил со своего места. Пот градом катился у него по лбу, глаза блуждали. Он поднял вверх правую руку, сложил пальцы щепотью, а левую руку положил на грудь и взглянул на Панурга умоляющими глазами.

Панург, в ответ на это, схватил себя за штанину и стал трясти ее перед англичанином.

Тогда Тоумаст надул щеки, точно он собирался надувать пузырь.

На это Панург приоткрыл рот и хлопнул по нему ладошкой. Получился глубокий, низкий звук.

— Ага, я понимаю, — сказал Тоумаст. — А что вы мне скажете на это?

И, высунув язык, он завертел глазами, как умирающая коза.

Тогда Панург засунул в рот указательные пальцы и растянул ими рот до самых ушей. После этого он большими пальцами надавил на веки и скорчил отвратительную гримасу.

Тут Тоумаст снял с головы шапочку, вежливо поблагодарил Панурга и сказал, обратившись к собранию:

— Милостивые государи, вы имеете в своей среде несравненное сокровище: это господин Пантагрюэль, молва о котором привела меня сюда из глубины Англии. Признаюсь вам, до сих пор мне казалось, что люди преувеличивают, когда говорят об удивительной учености господина Пантагрюэля. Но теперь я вижу, что они не только не преувеличивают, но, наоборот, преуменьшают заслуги этого господина. Только сейчас его ученик превосходно распутал все вопросы, которые я ему задавал, и открыл передо

мной такую бездну премудрости, что привел меня в полное восхищение. И если это мог сделать ученик, то что же открыл бы мне сам господин Пантагрюэль, его учитель? Должно быть, его ученость не поддается никакому описанию. Со временем о нашем диспуте я напишу целую книгу. Из нее вы узнаете, о каких важных вещах мы сегодня толковали. А пока благодарю вас за оказанную мне честь и на этом окончу свое слово.

После диспута Пантагрюэль устроил роскошный пир и на славу угостил Тоумаста. Ах, если бы вы знали, как у них хлопали пробки, как ходили бутылки, как орали гости: «А ну-ка, паж, тащи, откупоривай, наливай, черт тебя возьми, наливай!»

Что же касается тех знаков, которыми переговаривались на диспуте, то я, конечно, мог бы объяснить вам, что они значат. Но говорят, что Тоумаст печатает об этом в Лондоне целую книгу. Когда эта книга выйдет, вы сами сможете ее прочитать и обо всем подробно узнаете. А до тех пор я лучше помолчу.

ГЛАВА VII

О том, как Панург задумал жениться

На другой день Панург явился к Пантагрюэлю разодетый в пух и прах.

— Что это значит, Панург? — спросил Пантагрюэль. — Почему вы в таком наряде?

— Меня бес толкнул в ребро, — сказал Панург. — Я желаю жениться.

— С богом! — заметил Пантагрюэль. — Это меня радует, хотя, по правде сказать, не настолько, чтобы совсем одуреть от радости.

— В том-то и дело, — сказал Панург. — Еще не известно, какая мне достанется жена. Хорошо, если это будет добрая женщина. А если нет? Что я тогда буду делать?

— Об этом стоит подумать, — сказал Пантагрюэль.

— А что вы мне посоветуете? — спросил Панург.

— Если вы твердо решили жениться, то отговаривать вас бесполезно, — сказал Пантагрюэль.

— Хорошо, — сказал Панург, — но я не хотел бы жениться без вашего доброго совета.

— Я согласен, — сказал Пантагрюэль, — советую вам жениться.

— Но если вы думаете, что мне лучше не жениться, то я не женюсь, — сказал Панург.

— Ну, так не женитесь,— сказал Пантагрюэль.

— Хорошо,— сказал Панург.— Но неужели вы хотите, чтобы я прожил всю свою жизнь без супруги? Ведь одинокий человек никогда не бывает так счастлив, как женатый.

— Ну, так женитесь, ради бога,— отвечал Пантагрюэль.

— А если моя жена окажется дурной женщиной? Ведь тогда я буду самым несчастным человеком на свете! — сказал Панург.

— Ну, значит, не женитесь,— сказал Пантагрюэль.

— А если я выберу себе в жены честную женщину? — спросил Панург.

— Тогда, конечно, женитесь,— сказал Пантагрюэль.

— Но я слышал,— сказал Панург,— что все честные женщины поколачивают своих мужей. Неужели она будет меня бить? Это будет уж слишком.

— Ну, значит, не женитесь,— сказал Пантагрюэль.

— Хорошо,— сказал Панург.— А если я заболею? Кто тогда будет за мной ухаживать? Нет, без жены мне туго придется. Пропадешь, как собака, и никто тебе не поможет.

— Ну, так женитесь, ради бога,— сказал Пантагрюэль.

— Ну, сударь,— сказал Панург,— вас не так-то легко понять. То «женитесь», то «не женитесь».

— Да ведь в ваших вопросах столько «если бы» да «кабы», что я ничего толком посоветовать не могу,— сказал Пантагрюэль.—

Все зависит от того, какую вы жену себе выберете. Если это будет хорошая женщина, женитесь с богом. Женитьба — дело хорошее.

— Может быть, может быть, — сказал Панург. — Но сейчас, признаться, я даже не слышу, о чем вы говорите. Голодное брюхо — глухо. Ведь через полчаса — обед, и я уже готов кричать от голода. Пойдем обедать, брат Жан! В прежнее время редко кто обедал, кроме монахов да каноников*. Да ведь им и делать больше нечего: для них каждый день — праздник. Тебе это хорошо известно, брат Жан! Идем же, друг мой, всеми чертями заклинаю тебя, идем! Мой желудок от голода лает, словно собака. Заткнем ему рот похлебкой, чтобы он успокоился. Ты, я знаю, любишь густой жирный суп, но я предпочитаю молочную похлебку с добрым кусочком пахаря.

— Ага, я понимаю тебя, — сказал брат Жан. — Вот ты и заговорил по-монастырски. Ведь монахи называют «пахарем» быка, на котором когда-то пахали. Из такого «пахаря» можно сварить славную похлебку на целое аббатство. Надо тебе сказать, что в наших аббатствах мы придерживаемся старинного правила и перед каждой обедней заходим в «часовню», то есть, говоря попросту, на монастырскую кухню. На кухне мы умоляем поваров, чтобы поскорее разводили огонь под котлом и начинали варить говядину. Ведь хорошо покушать — у монаха главная забота. Монах для того и живет, чтобы покушать в свое удовольствие. Идем, Панург!

— Ну, теперь и я понял тебя, хитрая монастырская шельма! — вскричал Панург. — Идем же на кухню, посмотрим, как дела с обедом. До свиданья, господа. Идем!

ГЛАВА VIII

*О том, как Панург советовался
с панзуской сивиллой*

После обеда Пантагрюэль призвал к себе Панурга и сказал ему:

— Я вижу, Панург, что вы все еще сомневаетесь, жениться вам или не жениться. Послушайте, что я для вас придумал. Говорят, что в Панзу*, недалеко отсюда, живет старая сивилла, которая предсказывает будущее и дает разные мудрые советы. Возьмите с собой Эпитемона и отправляйтесь к ней. Посмотрим, что она вам посоветует.

На другой день Панург и Эпитемон отправились в путь. Путешествие их длилось три дня. На четвертый день им указали дом колдуньи. Колдунья жила на вершине горы в маленькой закоптелой лачужке. Лачужка была покрыта соломой, а над ней шумел высокий развесистый клен.

Друзья толкнули дверь и вошли в лачужку.

Около очага сидела дряхлая старуха, одетая в грязные лохмотья.

— Ба! — воскликнул Эпитемон. — Она настоящая колдунья, честное слово!

Старуха действительно была похожа на колдунью. Спина у нее давно сторбилась, глаза слезились, зубов не было и в помине. Она сидела перед очагом и варила зеленые щи из старой бычьей кости.

— Черт возьми, — сказал Эпитемон. — Ведь мы не добьемся от нее никакого ответа, потому что забыли самое главное.

— Я позаботился об этом, — сказал Панург, — в моей охотничьей сумке кое-что припасено.

С этими словами Панург низко поклонился старухе и подал ей шесть копченых языков, большой горшок с кашей, бутылку вина и кошелек с новенькими золотыми.

Затем он рассказал ей о своем деле и вежливо попросил посоветовать, стоит ему жениться или нет.

Старуха некоторое время молчала. Жуя беззубым ртом, она о чем-то раздумывала. Затем она уселась на опрокинутую кадку, взяла в руки три старых веретена, повертела их в пальцах, пощупала кончики и выбрала самое острое. Это веретено она зажала в руке, а два других бросила в старую ступку.

Затем она взяла прялку и повернула колесо девять раз. После этого она выпустила колесо из рук и стала смотреть, как оно

вертится. Когда колесо остановилось, колдунья сняла с ноги деревянный башмак и вынула из кошелька три золотые монеты. Монетки она вложила в три ореховые скорлупки и бросила их в глиняный горшок. После этого она глотнула вина из бутылки, вскочила верхом на метлу и три раза проехала вокруг очага. При этом она бросала в огонь веточку лаврового дерева и все время следила, как она горит.

Наконец колдунья прокричала какие-то непонятные слова и взглянула на Панурга.

— Клянусь честью, — сказал Панург, — мне кажется, что я околдован. Посмотрите, она как будто выросла с тех пор, как выпила вина. И зачем она трясет подбородком? Зачем пожимает плечами? Отчего дрожат у нее губы, словно у обезьяны, которая жрет раков? Уж не зовет ли она сюда чертей? Ей-богу, я умираю со страху. Я не люблю чертей. Они меня сердят, они мне не нравятся. Бежим отсюда! Прощайте, сударыня! Покорно благодарю за ваши милости. Никогда я не женюсь. Я отказываюсь от женитьбы, черт побери!

Панург пошел к двери, но старуха обогнала его и с веретеном в руке выскочила во двор. Во дворе рос столетний клен. Старуха трижды потрясла его, и на землю упало восемь кленовых листочков.

Старуха подобрала листочки, нацарапала на них веретеном какие-то слова и пустила листочки по ветру.

— Ищите, если хотите, — сказала старуха, — найдите, если можете. На этих листочках написана ваша судьба.

После этого колдунья пошла домой, но на пороге обернулась и показала Панургу язык.

— Клянусь лешим, — сказал, вздрогнув, Панург, — это настоящая ведьма. Бежим от нее прочь!

Но Эпитемон кинулся за листьями. Ветер успел развеять их во все стороны. Эпитемон с трудом разыскал их в траве и сложил в прежнем порядке. И вот что прочитали наши друзья на этих листочках:

*Жениться надо,
В том спору нет.
Женись, пожалуй,
Вот мой совет.
Но знай, бедняга,
Твой жребий лют:
Тебя ограбят
И избьют.*

Собрав листья, друзья вернулись к Пантагрюэлю и дали ему прочитать надпись.

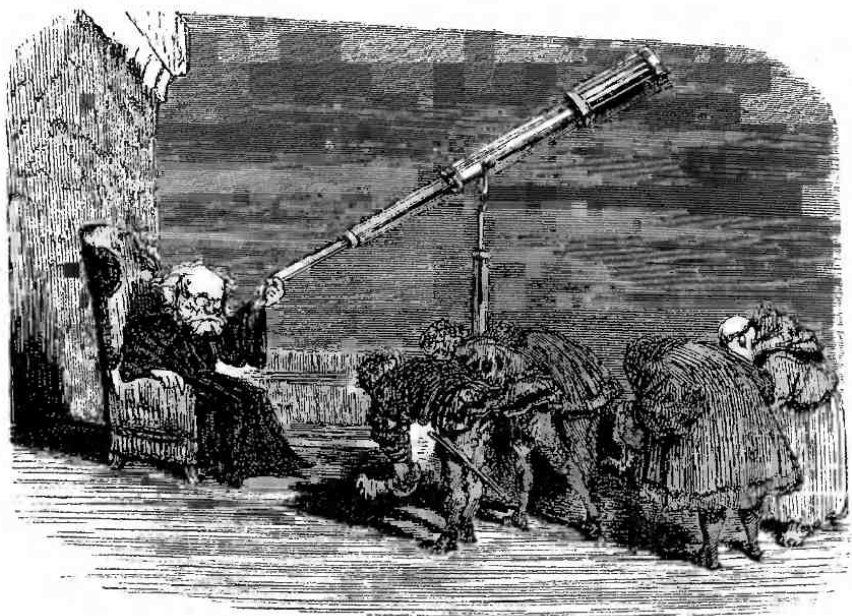
— Жаль мне вас, — сказал Пантагрюэль Панургу, — сивилла говорит, что ваша жена вас ограбит и побьет.

— Вы столько же понимаете в этих предсказаниях, сколько свинья в апельсинах, — отвечал Панург. — Не взыщите, что я так говорю. Я немного рассердился. Колдунья предупреждает меня, чтобы я не женился на дурной женщине, только и всего. Дурная женщина может меня и ограбить, и избить. Поэтому я не должен на ней жениться. Если же я женюсь на хорошей женщине, то ничего этого не будет. Кажется, это ясно.

— Право, Панург, лучше бы вы не женились, — сказал Эпитемон. — Впрочем, если вы не верите сивилле, то я могу посоветовать вам кое-что другое. Дело в том, что недалеко от острова Бушара живет знаменитый предсказатель Гер-Триппа*. Этот человек, говорят, превзошел все науки, особенно астрологию* и хиромантию*. Посовещуйтесь с ним о вашем деле.

— Сам я никогда не видал Гер-Триппы, — сказал Панург, — но кое-что о нем слышал. Говорят, что один воришка стащил у него из чулана козленка, пока сам Гер-Триппа разговаривал с королем о разных высоких материях. Как же это так вышло? Знаменитый мудрец, который без очков видит все, что происходит на небе и на земле, который знает все прошлые события и предсказывает будущие, — как же он не увидел этого воришку, который из-под самого носа унес у него козленка? Но я согласен. Пойдемте к нему, если вы хотите. Учиться никогда не поздно.

ГЛАВА IX

*О том, как Панург советовался
с Гер-Триппой*

На другой день наши друзья пошли к Гер-Триппе. Панург подарил ему волчью шубу, большую позолоченную шпагу в бархатных ножнах и пятьдесят золотых монет. После этого Панург без церемонии заговорил с ним о своем деле. Прежде всего Гер-Триппа посмотрел Панургу прямо в лицо и сказал:

— У тебя физиономия самого несчастного из всех бездельников, какие только существуют на свете.

Затем, осмотрев ладонь Панурга, он добавил:

— Вот эта линия бывает только на руке несчастливца.

После этого Гер-Триппа взял грифельную доску, нарисовал на ней несколько точек и соединил их линиями.

— Нет никакого сомнения, — сказал он, — тебе несдобровать, если ты женишься.

Затем он спросил у Панурга, когда он родился, и после этого развернул перед собой большую карту неба. Рассмотрев карту и положение светил, Гер-Триппа глубоко вздохнул и сказал:

— Я уже раньше предсказывал, что ты будешь очень несчастен. Теперь же звезды мне говорят, что ты, кроме того, будешь побит женой и ограблен ею до нитки. Тебе очень туго придется, добрый человек.

— Черт бы тебя побрал, старый дурак, — сказал Панург. — Когда все несчастливцы соберутся процессией, то ты первый понесешь их знамя.

И, обратившись к Эпитемону, Панург добавил:

— Вы видите перед собой старого ханжу, который хвалится, будто он все видит и все понимает, а между тем простой воришка

обставил его без всякого труда. Этот человек глупее глупого, и в то же время он самонадеян, хвастлив и несносен, как семнадцать дьяволов, взятых вместе. Пойдем отсюда! Оставим этого бесноватого молотъ вздор с его приятелями — чертями. Никогда я не поверю, чтобы черти согласились служить такому дураку.

— Если вы мне не верите, — сказал Гер-Триппа, — то я знаю множество всяких других гаданий, и мы легко можем проверить, правильно я вам сказал или нет. Например, я могу вам погадать на огне, на воздухе, на воде, на зеркале, на сите, на овсяной муке, на костях, на сыре, на ладане, на ослиной голове, на воске, на дыме, на топоре, на глине, на золе, на растениях, на рыбах, на свиньях, на стихах, на птицах. И будьте уверены, как бы я вам ни гадал, — получится один и тот же ответ.

— Ступай к черту, полоумный дурак! — ответил Панург. — Чтобы тридцать тысяч чертей свернули тебе шею, проклятый колдун! Вернемся скорее домой, к нашему господину. Я уверен, что он будет недоволен, когда узнает, что мы приходили в вертеп этого ученого черта. Я раскаиваюсь, что приходил сюда. Ей-богу, он просто рассердил меня своим колдовством. Прочь, прочь отсюда!

Возвратившись во дворец, они рассказали Пантагрюэлю о своих похождениях у Гер-Триппы.

— Мне кажется, — сказал Пантагрюэль, — что Панургу больше незначает ходить к колдунам и гадалкам. Давайте придумаем что-нибудь другое. Послушайте, что я вам скажу. Всем известно, что у человека есть три вещи: разум, тело и имущество. Разум человека охраняют богословы, тело — доктора, а имущество — судьи. Давайте в будущее воскресенье пригласим к обеду богослова, доктора и судью. Послушаем, что они посоветуют Панургу.

— Я заранее вижу, что из этого ничего путного не выйдет, — сказал Панург. — Подумайте только, как плохо наш мир управляется. Мы поручаем свой разум богословам, а они забивают его всякой ересью. Наше тело охраняют и лечат доктора. А между тем эти доктора никогда сами не пьют тех лекарств, которые прописывают больным. Почему? Да потому, что они ни на грош в них не верят. Наконец, наше имущество должны охранять судьи. А судьи только и делают, что грабят нас и не дают нам жить спокойно. Вот после этого вы с ними и советуйтесь. Нет, — продолжал Панург, — если уж советовать, то лучше я буду советоваться с последним дураком, чем с этими господами. Кстати говоря, дурак-то может оказаться поумнее любого мудреца. Недаром многие короли держат при себе шутов. Шуты, случается, и королям помогают. Знаете ли вы, как знаменитый парижский шут Жоан в свое время рассудил двух спорщиков? Не знаете? Ну, так послушайте, я расскажу вам эту славную историю.

ГЛАВА X

*О том, как знаменитый парижский
шут Жоан рассудил двух спорщиков*

Каждому известно, что в Париже, около Малого Шатле*, есть несколько лавочек, где можно сытно закусить. В каждой лавочке стоит большая жаровня. На этих жаровнях повара готовят жаркое. Мне случалось его отведывать, и я вас уверяю, что такое вкусное жаркое редко где встретишь.

Как-то раз в одну из таких лавочек зашел голодный носильщик. Носильщик был бедный малый, и жаркое ему было не по карману. За пазухой у него лежала порядочная краюха хлеба. И вот носильщик вынул свой хлеб и стал вертеть его над жаровней, чтобы он пропитался мясным запахом. Носильщик думал, что хлеб от этого станет вкуснее.

Повар не мешал носильщику заниматься этим делом. Но, когда хлеб был съеден, он схватил носильщика за шиворот и потребовал, чтобы тот заплатил ему за запах жаркого.

— Ты рехнулся, что ли? — сказал носильщик. — Ведь я же ничего у тебя не покупал и не принес тебе никакого убытка. Ведь пар от твоего жаркого все равно уходит в трубу и пропадает даром. Слыханное ли это дело — требовать деньги за один запах жаркого?

— Много вас тут ходит, оборванцев, — отвечал на это повар. — Разве я обязан кормить вас этим вкусным запахом? Плати деньги, не то я отниму у тебя твои крюки и тебе нечем будет таскать ящики.

Носильщик схватил палку и приготовился защищаться.

Поднялся страшный шум. На шум сбежался народ. Известно, сколько в Париже ротозеев. А ведь чужая ссора для ротозеев — любимое зрелище.

Случайно среди народа оказался старый Жоан, знаменитый парижский шут. Заметив его, повар спросил у носильщика:

— Я вижу, что добром ты мне денег не заплатишь. Но здесь находится наш благородный Жоан. Пусть он рассудит нас по справедливости. Согласен ты на это или нет?

— Что же, я согласен, — сказал носильщик.

Шута вывели на середину и объяснили ему, в чем дело.

— Дай-ка мне какую-нибудь серебряную монетку, — сказал шут носильщику.

Носильщик дал ему монетку в двадцать су. Жоан подбросил монетку на ладони, попробовал на зуб, чтобы узнать, не фальшивая ли она, потом поднес к глазам и посмотрел, хорошо ли она отчеканена.

Вся толпа в глубоком молчании наблюдала за Жоаном. Повар держался гордо и неприступно: он был твердо уверен, что шут решит дело в его пользу. Носильщик, напротив, был в полном отчаянии. Монетка уже упорхнула из его кармана, она была у него последняя.

Наконец шут бросил монетку на порог. Монетка со звоном покатилась по полу, но шут ловко ее поймал и снова бросил. Монетка опять зазвенела. Тогда шут надвинул на лоб свой дурацкий колпак с ослиными ушами, высоко поднял свою дурацкую погрешку и, откашлявшись, словно настоящий судья, важно произнес:

— Суд постановил, чтобы носильщик, съевший хлеб, пропитанный запахом жаркого, уплатил повару звоном своих денег. А потому суд приказывает господину повару взять этот звон себе, а носильщику получить монетку обратно. После этого стороны должны разойтись без уплаты судебных издержек.

И все парижане нашли этот приговор справедливым. Пожалуй, во всем Париже не нашлось бы судьи, который рассудил бы это дело лучше Жоана. Теперь вы сами видите, что иной дурак и умного за пояс заткнет.

ГЛАВА XI

*О том, как Панург советовался
с дураком Трибуле**

— Если вы твердо решили посоветоваться с каким-нибудь дураком, — сказал Панургу Пантагрюэль, — я вам советую выбрать знаменитого шута Трибуле. Он, мне кажется, дурак в полном смысле слова.

— Я с вами согласен, — сказал Панург.

За Трибуле, который жил в Блуа, поехал один из друзей Пантагрюэля, по имени Карпалим. Карпалим через два дня возвратился и привез дурака с собой.

Прежде всего Панург подарил дураку свиной пузырь, набитый горохом. Пузырь был туго надут, и горошины, перекатываясь в нем, громко звенели. Затем Панург подарил Трибуле деревянную, хорошо позолоченную шпагу, фляжку с вином и меру красных яблок.

Трибуле прицепил шпагу, съел половину яблок, выпил все вино и стал рассматривать пузырь.

— Какой он дурак! — сказал Панург. — Вот уж действительно набитый дурак! Сколько ни видал я дураков, а такого еще не видел.

И затем изложил ему свое дело в красноречивых и приятных выражениях.

Не успел он договорить последнего слова, как Трибуле ударил его кулаком по спине и сунул в руки какую-то бутылку.

— Ей-богу, ты — круглый дурак, — сказал Трибуле, качая головой, — набитый ты дурак, волынка из Бюзансе!

После этого Трибуле отошел в сторону и стал наигрывать на своем пузыре. Больше от него невозможно было добиться ни одного слова.

— Выходит, что мы кругом одурачены, — сказал Панург. — Вот так штука! Дурак-то он дурак, — этого отрицать нельзя, — но и я поступил не умнее, когда решил с ним советоваться.

— Вы ошибаетесь, Панург, — сказал Пантагрюэль. — Я нахожу, что Трибуле дал вам умный и полезный совет. Он сказал, что вы — дурак. И какой дурак? Дурак круглый, набитый. Почему же он так сказал? Потому, что вы на старости лет собираетесь жениться. Затем Трибуле упомянул про волынку из Бюзансе. Что это значит? Это значит, что ваша будущая жена будет бестолковой, болтливой, сварливой, крикливой и несносной, как та волынка, на которой играют крестьяне из Бюзансе. И заметьте еще, что он ударил вас кулаком по спине. Это уже совсем дурной знак. Вы будете биты женой, дорогой Панург.

— Вот уж неправда, — сказал Панург. — Трибуле назвал меня дураком. Ну и что же? Ведь говорят же, что весь свет глуп и все люди — дураки. А разве я не человек? Что касается волынки из Бюзансе, то вы вовсе не поняли этого намека. Правдивый Трибуле хорошо знает мой характер и мои вкусы. Он хотел только сказать, что моя жена будет не какая-нибудь придворная дама, а простая сельская женщина. А разве это плохо? Веселые простоволосые пастушки гораздо приятнее для меня, чем разодетые парижские красавицы. Трибуле стукнул кулаком по моей благородной спине. Он сделал это не от злости. Может быть, ему показалось, что он шутит с каким-нибудь мальчуганом. Ведь он искренний, невинный дурак; думать о нем плохо — грех. И я ему от всего сердца прощаю.

— Вы забыли еще об одной вещи, — сказал Карпалим. — Он сунул вам в руку бутылку. Что это значит? Что он хотел этим сказать?

— Вероятно, то, что жена Панурга будет пьяницей, — сказал Пантагрюэль.

— Вот уж нет, — сказал Панург. — Ведь бутылка-то была пустая! Клянусь спинным хребтом святого Феликса, этот мудрый

дурак, этот милейший и умнейший из всех дураков советует мне обратиться к оракулу Волшебной Бутылки. И я клянусь, что не женюсь до тех пор, пока не побываю у этого знаменитого оракула. У меня есть один приятель, который знает, где этот оракул находится. Отправимся туда все вместе. Мы увидим чудесные вещи, поверьте мне.

— Охотно, — отвечал Пантагрюэль. — Но прежде чем пуститься в это опасное путешествие...

— Почему же опасное? — перебил Панург. — Опасности сами разбегутся во все стороны, как только заметят меня.

— Может быть, это и так, — сказал Пантагрюэль, — но все-таки нам надо кое о чем распорядиться. Во-первых, надо отослать Трибуле обратно в Блуа.

Это было тотчас же исполнено, причем на прощанье Пантагрюэль подарил дураку роскошный плащ из золотой парчи.

— Во-вторых, мы должны попросить разрешения у нашего господина, моего родителя. В-третьих, нам надо найти хорошего проводника и переводчика.

— Проводником и переводчиком будет мой друг Ксеноман, — сказал Панург. — Кроме того, мы заедем в Фонарную страну и запасемся там Ученым Фонарем. Ученый Фонарь проводит нас до самого оракула.

— В таком случае, — сказал Пантагрюэль, — нам остается только спросить разрешения у моего родителя.

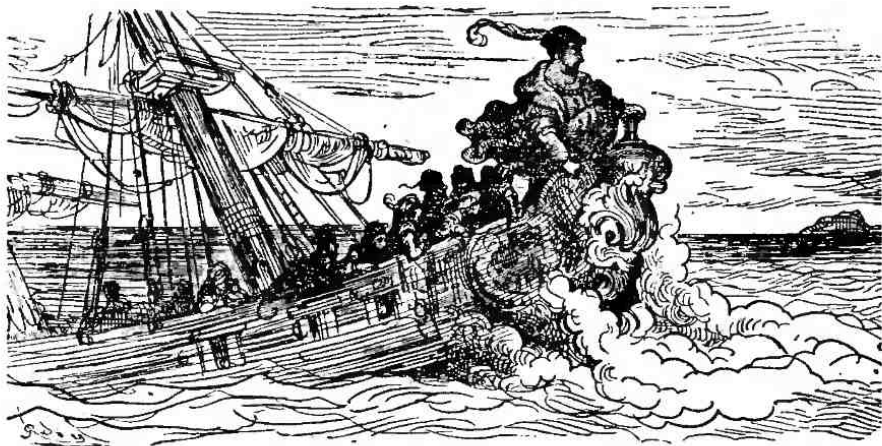
ГЛАВА XII

*О том, как Пантагрюэль отправился
в путешествие, чтобы посетить
оракула Волшебной Бутылки*

Гаргантюа сидел в большом дворцовом зале и держал в руках два толстых пакета. В одном пакете лежали разные просьбы, на которые Гаргантюа уже ответил; в другом — просьбы, еще не прочитанные.

Как только Пантагрюэль доложил о своем намерении, Гаргантюа тотчас же передал пакеты Ульриху Галле, а сам отвел Пантагрюэля в сторону и сказал ему:

— Мне очень приятно, любезный сын, что ты задумал это путешествие. В твоём возрасте это очень полезно. Возьми с собой Панурга, Эпитемона, брата Жана и других, по твоему выбору. Из моего морского арсенала набери себе столько кормчих, матросов и переводчиков, сколько тебе требуется. Деньги возьми из моей

казны и при первом попутном ветре снимайся с якоря. Желая тебе счастливой дороги.

И вот Пантагрюэль простился с отцом и вместе с друзьями отправился в порт Талассу*. Вместе с ним приехал туда и Ксеноман, друг Панурга, великий путешественник, издавна привыкший к морским опасностям.

Приехав в Талассу, Пантагрюэль снарядил двенадцать кораблей. Матросы, кормчие, штурманы, переводчики, ремесленники, военные люди, съестные припасы, артиллерия, боевые снаряды, одежда, деньги, короче сказать — все, что необходимо для путешествия, было погружено на корабль.

Когда все было готово, путешественники собрались на «Таламеге». Так назывался главный корабль Пантагрюэля. На корме «Таламега» красовалась большая толстая бутылка, наполовину серебряная и при этом отделанная красной эмалью. Бутылка давала всем понять, что путешественники едут к оракулу Волшебной Бутылки.

На корме второго корабля красовался старинный фонарь, искусно сделанный из слюды.

Фонарь показывал, что путешественники заедут также в Страну Фонарей. На третьем корабле был поставлен прекрасный фарфоровый кубок. На четвертом — золотой кувшин с двумя ручками. На пятом — прекрасной работы жбан, усеянный изумрудами. На шестом — монашеская винная фляжка из четырех металлов. На седьмом — воронка из черного дерева с золотыми украшениями. На восьмом — стакан из черненого золота. На девятом — золотая ваза. На десятом — чаша персидской работы. На

одиннадцатом — золотая корзина, в которой несут виноград. На двенадцатом — золотой бочонок с отделкой из крупного индийского жемчуга.

Так что всякий, кто увидел бы этот благородный флот, улыбнулся бы и понял, что пассажиры не дураки выпить и закусить.

И вот все собрались на «Таламеге». Там во всю длину палубы были расставлены столы с вином и закуской. Пантагрюэль сказал напутственную речь, путешественники плотно закусили, и на рассвете флот снялся с якоря и с попутным ветром вышел в открытое море.

ГЛАВА XIII

*О том, как Пантагрюэль послал
к своему отцу почтового голубя*

В течение трех дней путешественники не встречали земли. На четвертый день они увидели остров Медамоти*, где в это время была большая ярмарка. Каждый год на эту ярмарку съезжались все богатые купцы из Азии и Африки и привозили с собой пропасть заморских товаров.

Пантагрюэль со своими друзьями сошел на берег и, пока команда набирала на корабль пресную воду, пошел на рынок посмотреть ковры и картины.

Из всех диковинок Пантагрюэлю больше всего понравились ковры с изображением подвигов героя Ахилла*. Всего этих ковров было 78 штук, и каждый из них был длиной в четыре сажени. Пантагрюэль приказал немедленно купить эти ковры. Кроме ковров, он купил еще трех молодых единорогов* и одного лося.

Пока Пантагрюэль занимался покупками, с моря слышались выстрелы из мортиры и радостные крики. Пантагрюэль вернулся в гавань. На его глазах к острову подходил «Хелидон»*, самый

быстроходный корабль его отца. На корме «Хелидона» красовалась морская ласточка, отлитая из коринфской меди. Надо сказать, что хелидоном моряки зовут небольшую рыбку с крыльями, как у летучей мыши. Эта рыбка выпрыгивает из моря и может пролететь на сажень от воды большое пространство. Вот и корабль Гаргантюа назывался «Хелидоном», потому что он, казалось, не плыл, а летел по морю, словно ласточка.

На «Хелидоне» приехал гонец Маликорн, которого Гаргантюа послал справиться о здоровье сына. Пантагрюэль милостиво приветствовал гонца.

— Привезли ли вы с собой Гозаля, небесного вестника? — спросил Пантагрюэль.

— Да, сударь, — отвечал Маликорн. — Гозаль сидит вот в этой корзинке.

Это была голубка, взятая из голубятни Гаргантюа. Как раз в то время, как флот Пантагрюэля выходил в море, голубка сидела на яйцах и высиживала птенцов. Теперь птенцы уже вылупились, и голубка сильно по ним скучала.

Пантагрюэль вынул голубку из клетки, привязал к лапкам белые ленточки и, не теряя ни минуты, выпустил ее на свободу. Голубка, как стрела, понеслась в обратный путь и через два часа была уже дома. Гаргантюа, услышав, что голубка прилетела с белыми ленточками, очень обрадовался. Белые ленточки обозначали, что Пантагрюэль жив и здоров. Если бы с Пантагрюэлем случилось какое-нибудь несчастье, голубку послали бы с черными ленточками.

После этого Пантагрюэль написал отцу письмо и вручил его Маликорну. Кроме того, Пантагрюэль посылал отцу дорогие подарки: азиатского лося, покрытого атласной попной, 78 ковров с картинами из жизни Ахилла и трех единорогов в попонах из золотого сукна. И затем каждый отправился своей дорогой: Маликорн — обратно к Гаргантюа, а Пантагрюэль со своими друзьями — в дальнейшее путешествие.

ГЛАВА XIV

О том, как Пантагрюэль встретил купеческий корабль

На пятый день плавания мы заметили купеческий корабль, плывший навстречу на всех парусах. Как только корабль приблизился, Пантагрюэль заговорил с купцами, расспрашивая их о разных морских новостях. Это были французские купцы. Они ехали из Страны Фонарей. По словам купцов, в Стране Фонарей живут веселые фонарщики и здорово там фонарничают. Фонарщики будут очень рады, если Пантагрюэль к ним заедет, тем более, что сейчас они готовятся к своему фонарному празднеству.

Пока Пантагрюэль расспрашивал путешественников, Панург успел не на шутку поругаться с одним купцом, который вез с собой на корабле целое стадо жирных баранов. Этот купец родом был из Тайльбурга, и звали его Индюшонком. Заметив Панурга, Индюшонок сказал своим товарищам:

— Поглядите-ка, какая славная рожа у этого дураля.

— Ты сам дуралей, черт бы тебя побрал, — заметил Панург. — Это ясно видно по твоей противной харе. Твоя жена, должно быть, бьет тебя каждое воскресенье.

— Моя жена самая добрая женщина во всей Франции, — сказал купец. — Я везу ей в подарок ожерелье из красных кораллов. А тебе какое до этого дело? Что ты суешь нос не в свои дела? Кто ты таков? Отвечай мне, бездельник, если ты боишься бога.

— А если твоя жена добрая женщина, — сказал Панург, — то зачем ты путаешься по морям, а не сидишь дома? Отвечай, чертов сын!

— Я пробью тебя шпагой, как барана! — закричал купец и схватился за свою шпагу.

Но шпага так отсырела на морском воздухе, что покрылась ржавчиной и ни за что не хотела вылезать из ножен. Тут за Панурга вступился брат Жан и наверно проткнул бы купца своим кортиком, если бы капитан корабля не попросил Пантагрюэля прекратить эту ссору.

Пантагрюэль кое-как помирил спорщиков. Панург пожал купцу руку, и оба они выпили в знак примирения.

Но дело на этом еще не кончилось. Как только ссора была улажена, Панург отвел

в сторону брата Жана и Эпитемона и сказал им:

— Вы сейчас увидите забавную штуку. Мы повеселимся, если только рыбка не сорвется.

И, повернувшись к купцу, стал просить продать ему одного из баранов, по своему выбору.

— Вот так покупатель! — сказал купец. — Право, друг мой, с лица вы больше походите на дорожного грабителя, чем на покупателя. Признайтесь-ка, что вы сделаете, если встретите в лесу человека с туго набитым кошельком? Ха-ха-ха! Я думаю, ему не поздоровится, не правда ли? Посмотрите-ка, друзья, на эту разбойничью рожу!

— Терпение! — сказал Панург. — Итак, продайте мне одного из ваших баранов. Сколько вы за него хотите?

— О чем вы только думаете, приятель! — сказал купец. — Ведь это левантинские длинношерстные бараны*.

— И все-таки, пожалуйста, продайте мне одного из них, — сказал Панург. — Я заплачу вам чистым золотом.

— Соседушка, — сказал купец, — послушайте меня хорошенько.

— Пожалуйста, — сказал Панург.

— Ведь вас, кажется, зовут Робин-баран?

— Называйте меня, как вам угодно, — сказал Панург.

— Ха-ха-ха! — засмеялся купец. — Посмотрите-ка на этого барана: его зовут так же, как и вас, — Робин. Робин! Робин! Робин!

— Бе-бе-бе! — закричал баран.

— Слышите, какой прекрасный голос? — сказал купец. — Я предлагаю вот что. Мы посадим вас на одну чашку весов, а моего

Робина на другую. Я бьюсь об заклад, что мой баран вас перетянет.

— Терпение,— сказал Панург.— Будьте добры, сударь, продайте мне одного барана, хотя бы пониже сортом.

— Друг мой,— сказал купец,— из шерсти этих баранов ткут тонкие руанские сукна*. Обыкновенные сукна по сравнению с ними — простая дерюга. Из кожи моих баранов изготавливают прекрасный турецкий сафьян. Из кишок делают струны для скрипок и арф. Понимаете вы, что они значат, мои бараны?

— Если вы соблаговолите продать мне одного барана,— сказал Панург,— я буду вам очень благодарен. Вот поглядите — и денежки налицо. Сколько вы за него просите?

И, говоря это, Панург вытащил из кармана кошелек, набитый новенькими золотыми.

ГЛАВА XV

*О том, как Панург потопил в море
купца и его баранов*

— Дорогой мой друг,— сказал купец,— мясо моих баранов предназначается только для королей и принцев. Оно так сочно, так нежно, что тает во рту, словно сахар.

— Что ж из этого? — сказал Панург.— Я по-царски заплачу вам, только продайте мне одного барана.

— Ну, приятель,— сказал купец,— вы, я вижу, еще плохо понимаете, что это за животные. Возьмем, к примеру, их рога. Если их растолочь в ступке, посеять на солнечном месте да почаще поливать, то через несколько месяцев из них вырастет чудесная спаржа. А что вы скажете про баранье плечо, бедро, заднюю ногу, грудинку, почки, печенку, потроха? Хо-хо! Вы их даже оценить не можете как следует. Имейте также в виду, что из бараньего пузыря делают отличные мячи, из ребер — небольшие самострелы, чтобы стрелять вишневыми косточками в журавлей, а из головы варят удивительное снадобье для собак.

— Слишком уж ты много болтаешь,— сказал купцу капитан корабля,— продавай ему барана, если хочешь, а если нет — не заговаривай ему зубы.

— Извольте, я продам ему барана,— сказал купец,— но только ради вас. Пусть он заплатит мне три золотых ливра за штуку, с правом выбора.

— Это дорого,— сказал Панург.— В наших краях я купил бы пять или шесть баранов за такую цену.

— Лихорадка тебя заberi, дурак ты этакий! — сказал купец.— Ведь самый худший из моих баранов стоит вчетверо дороже обыкновенного. Понимаешь ли ты это, безмозглый дурак?

— Успокойтесь, милостивый государь,— сказал Панург,— вы, я вижу, слишком горячитесь. Вот вам ваши деньги, возьмите.

Панург заплатил деньги купцу, выбрал самого крупного барана и взвалил его себе на плечи. Баран громко заблеял. Глядя на него, заблеяло все стадо.

— Черт возьми,— сказал купец,— этот негодяй выбрал самого лучшего барана. Понимает толк в этом деле, мошенник.

А Панург, не говоря худого слова, подошел к борту и швырнул своего барана в море. Все это случилось так внезапно, что я даже не успел рассмотреть, как это произошло. И вот все другие бараны, крича и блея, принялись скакать в море один за другим. Каждый торопился выброситься за борт раньше других, и ничем удержать их было невозможно. Вы, наверно, знаете, что у баранов есть привычка всюду ходить за вожакom, куда бы он их ни повел. Вот и тут случилось так же: едва только вожак исчез под водой, как все другие бараны бросились следом за ним, не разбирая, в чем дело. Недаром же говорят, что баран — самое глупое в мире животное.

Купец кинулся спасать свое погибающее стадо. Но все было напрасно. Бараны прыгали за борт и тонули. Тогда купец схватил за шерсть самого дорогого барана и потащил его по палубе в люк. Купец думал, что остальные бараны побегут за ним сами и стадо будет спасено. Но случилось совсем другое. Баран оказался такой сильный, что поволок купца за собой и вместе с ним кинулся в

волны. Тут уж ничто не могло спасти обезумевшее стадо. Бараны кидались один за другим, пока не потонуло все стадо*.

— Осталась ли здесь еще хоть одна баранья душа? — спросил Панург, когда с баранами было покончено. — Где теперь наш дорогой Робин-баран, хотел бы я знать? А ведь я выкинул штуку на старинный военный лад. Как тебе кажется, брат Жан?

— Что и говорить, — сказал брат Жан, — ты сыграл с купцом ловкую штуку. Только одно, по-моему, неладно. Ведь денежки-то наши пропали.

— Наплевать мне на деньги, — сказал Панург. — Зато я повеселился на славу. Имей в виду, брат Жан, — я никогда не спускаю своему обидчику. Я не такой дурак.

— Ну, так и сам ты пойдешь в пекло, — сказал брат Жан. — Черти любят таких, как ты. Помяни мое слово, приятель.

ГЛАВА XVI

О том, как Пантагрюэль прибыл на остров Родственников

На третий день плавания, на рассвете, мы увидели треугольный остров, очень похожий на Сицилию. Его называли островом Родственников. На этом острове все жители были в родстве друг с другом. Удивительно было также, что они никогда не называли друг друга «мой отец», «моя дочь», «моя мать», как это всюду полагается. На острове Родственников жители носили странные клички.

— Здорово, Угорь, — приветствовал один из родственников другого родственника.

— Здорово, Морж, — отвечал тот.

— Как поживаешь, Письменный Стол? — спрашивал другой.

— Отлично, Скамейка, а как ты?

— Добрый день, Топор! — говорил третий.

— Добрый день, Топорище! — отвечали ему.

Кто говорил: моя Корочка, тому отвечали: мой Мякиш.

Кто говорил: моя Кочерга, тому отвечали: мой Ухват.

Кто говорил: моя Туфля, тому отвечали: мой Старый Башмак.

Кто говорил: моя Ботинка, тому отвечали: мой Сапожок.

Кто говорил: моя Рукавичка, тому отвечали: моя Перчатка.

Кто говорил: Свиная Кожа, тому отвечали: Свиное Сало.

Значит, они были сродни друг другу, точно так же, как Свиное Сало приходится сродни Свиной Коже.

Погуляв по острову, мы зашли пообедать в трактир. В трактире в это время справляли три свадьбы. На наших глазах молодую красивую Грушу обвенчали с Голландским Сыром, у которого на подбородке пробивался рыжеватый пушок. В другом зале Старый Сапог женился на молодой красивой Ботинке. Пантагрюэлю сказали, что молодая Ботинка потому выходит замуж за Сапога, что он хорошо смазан салом и может пригодиться в хозяйстве. В третьем зале молодой Носок женился на старой Туфле. Говорили, что Носок женится на старой Туфле только потому, что она расшита золотом и драгоценными камнями.

ГЛАВА XVII

*О том, как Пантагрюэль посетил
остров Ябедников*

На следующий день мы прибыли на остров Ябедников. Ябедники не предложили нам ни пить, ни есть. С бесконечными поклонами и ужимками они заявили, что за деньги они готовы к услугам. Один из переводчиков рассказал Пантагрюэлю, что ябедники зарабатывают себе хлеб тем, что дают себя бить. Когда их долго никто не бьет, они умирают с голоду.

— Дело происходит так, — сказал переводчик, — когда какой-нибудь монах или ростовщик задумает погубить какого-нибудь человека, он подсылает к нему ябедника. Тот тащит его в суд; томит волокитой и всячески издевается над ним до тех пор, пока человек не выйдет из себя и не избьет его палкой. Беднягу приговаривают к штрафу, а ябеднику только того и надо. Ябедник после этого месяца на четыре разбогатеет и живет себе в полное удовольствие.

— От этой беды я знаю одно хорошее средство, — сказал Панург.

— Какое средство? — спросил Пантагрюэль.

— А вот послушайте, — сказал Панург. — В свое время ябедники привязались к некоему господину де Баше, человеку храброму и великодушному. Они так измучили его, что господин де Баше в конце концов решил разделаться с ними во что бы то ни стало. И вот он пригласил к себе на завтрак пекаря Луара с женой, своего приятеля-священника, всех своих слуг и сказал им:

— Дети, вы видите, как меня раздражают эти негодяи-ябедники. Я решил от них избавиться и прошу вас мне помочь. В будущее воскресенье вы, господин пекарь, приходите ко мне вместе с женой в подвенечном наряде. Мы сделаем вид, что празднуем

вашу свадьбу. Вы, господин священник, приходите в полном облачении, а вы, господин музыкант, с вашей флейтой и барабаном. Вы, конечно, знаете, что на наших свадьбах есть обычай угощать друг друга легкими колодушками, в память о свадьбе. Вот этим-то мы и воспользуемся, чтобы наказать ябедника. Как только новобрачные поцелуются, вы полегоньку потузите друг друга, а когда очередь дойдет до ябедника, дайте кулакам полную волю. Колотите его изо всей силы, прошу вас. Вот вам новые железные перчатки, обтянутые замшей. Наденьте их и бейте негодяя без пощады. Кто сильнее его побьет, тот больше доставит мне удовольствия.

В следующее воскресенье, как того и ожидали, к господину де Баше приехал толстый краснощекий ябедник. Привратник сразу его узнал по холщовому мешку, битком набитому судебными повестками. Он вежливо раскланялся с ябедником и тотчас позвонил в колокол, давая знать, что ябедник приехал. Пекарь с женой тотчас же надели подвенечное платье и вместе со священником пошли в большую залу. Ябедника провели в буфетную и, пока все надевали железные перчатки, долго поили его вином.

— Вы приехали как неслзя более кстати, — говорили ябеднику. — У нас сегодня свадьба. Милости просим: ешьте, пейте, веселитесь.

Как только ябедник подвыпил, его пригласили в залу. Там уже все было готово. Когда очередь дошла до кулаков, то ябедника отделали так, как ему и не снилось. Больше всего старался сам священник, которого за его силу звали Удар. Мессир Удар прикрыл концом ризы свою железную рукавицу и так барабанил ею по ябеднику, что сломал ему восемь ребер. После этого ябедник вернулся домой, пестрый как тигр, и больше ничего о нем не было слышно.

— Пожалуй, было бы лучше самого попа вздуть этими железными рукавицами, — сказал Эпитемон. — Чем провинились эти бедняги ябедники? Может быть, они и не плохие люди.

— А вот мы сейчас выясним это, — сказал брат Жан.

С этими словами он вынул из кармана кошелек с червонцами и закричал громким голосом:

— Эй, кто хочет заработать золотой за хорошую потасовку?

— Я! Я! Я! — закричали ябедники. — Бейте нас, сударь, как вам угодно, только не скупитесь на денежки.

Брат Жан выбрал себе одного здорового, краснорожего ябедника и велел ему выйти вперед. В толпе поднялся завистливый ропот. Особенно был недоволен высокий худой ябедник, человек ученый и уважаемый в церковном суде.

— Что же это такое? — жаловался он. — Красная Рожа отбивает у нас последних клиентов! Ведь из тридцати ударов двадцать восемь всегда приходится на его долю. Опять мы останемся небитые!

Брат Жан, несмотря на это, так отдубасил Красную Рожу, что отбил себе всю руку. После этого он дал ябеднику золотой, и вот наш дурень вскочил как востропанный, довольный-предовольный, что его так знатно вздули.

— Господин чертов братец! — кричали брату Жану другие ябедники. — Не желаете ли побить еще кого-нибудь? Мы готовы, хоть со скидкой. Выбирайте кого-нибудь еще!

— Прочь, негодяи! — завопил Красная Рожа. — Вы отбиваете у меня покупателей. Меня выбрали, а не вас. Вызываю вас в суд, черт вас подери! Я еще потягаюсь с вами!

— Господин черт, — прибавил он, обращаясь к брату Жану, — вы теперь поняли, что я отлично знаю свое дело. Пожалуйста, побейте меня еще разок. Я готов за половинную плату. Это очень дешево, уверяю вас.

Другие ябедники обступили Панурга, Эпитемона и Гимнаста, предлагая свои услуги. И они так назойливо лезли к нам, что мы поспешили на корабль и поскорее отплыли от этого отвратительного острова*.

ГЛАВА XVIII

*О том, какая буря приключилась
на море*

Пантагрюэль сидел на корабле задумчивый и грустный. Шкипер то и дело поглядывал, как вертится флюгер на корме. Флюгер не предвещал ничего хорошего. Ожидали бури. Шкипер приказал матросам быть наготове. Паруса на мачтах убрали и из всех рей оставили только боковые.

Море внезапно вздулось и заревело. Огромные волны ударили в корабельные борта. Ураганом налетел норд-вест и пронзительно засвистал в стеньгах. На небе загрохотал гром, сверкнула молния, хлынул дождь. Воздух страшно потемнел, и одни только молнии по временам освещали бушующее море.

Панург сидел на корточках — перепуганный, полумертвый от страха.

— Боже милостивый, — говорил он, — эта волна снесет нас. О друзья мои! Дайте мне немножко уксусу. Я от страха весь в поту. Увы, паруса уже оборваны, канаты лопаются, мачты валятся. Увы, увy! Все погубло, ей-богу! Друзья, помогите мне спрятаться за перила! Дети, ваш фонарь упал. Я слышу, как трещит руль. Он, верно, сломался? Бе-бе, бу-бу-бу! Господин рулевой, взгляните, ради бога, на компас: откуда дует этот проклятый ветер? Честное слово, мне очень страшно. Пришел мой конец. Я захлебываюсь, я умираю. Бу-бу-бу-бу! Добрые люди, я захлебываюсь!

Пока Панург причитал, Пантагрюэль, по совету шкипера, стал около главной мачты и крепко охватил ее рукой. Брат Жан, Эпитемон, Понократ и другие сняли верхние куртки и бросились помогать матросам. Один только Панург ничего не делал. Скорчившись, он сидел на палубе и заливался горькими слезами.

— Ей-богу, Панург у нас теленок, — сказал брат Жан, — Панург — плакса, Панург — крикун. Что ты сидишь на корточках, словно глиняный болванчик? Иди скорее помогать нам.

— Бе-бе-бе, — отвечал Панург. — Брат Жан, друг мой, я захлебываюсь, я тону. Увы! Увы! Песенка наша спета. Я тону! Ах, голубчик, ах, дяденька, вода уже налилась в мои башмаки. Ох, эта чертова волна!.. Нет, нет, я хотел сказать — эта божья волна потопит наш корабль. Увы, брат Жан, отец мой, исповедуй меня, голубчик. Вот я уже на коленях. Отче наш, иже еси на небесах...

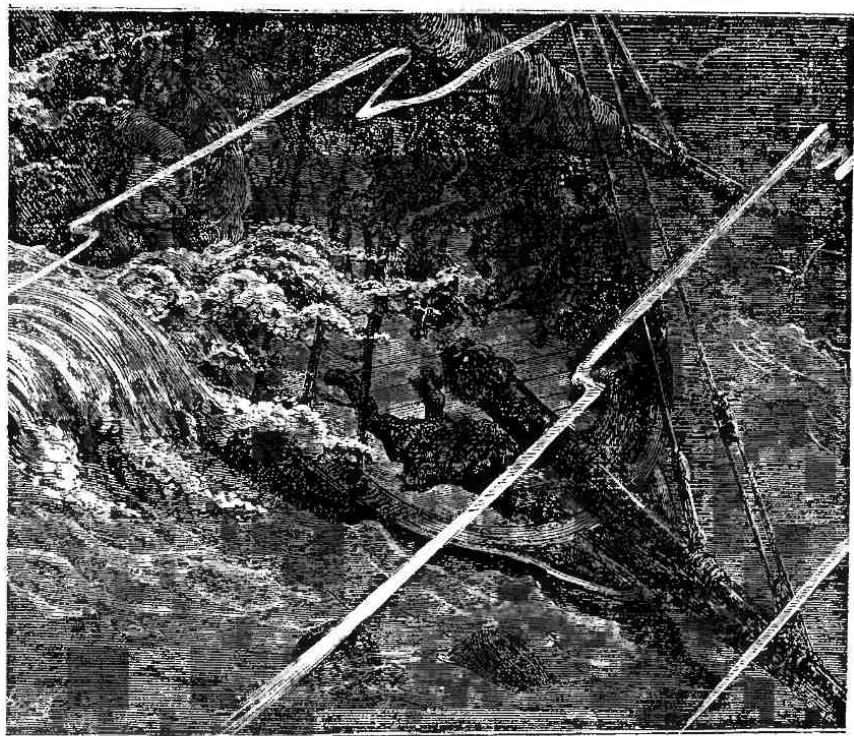
— Иди помогать нам, чертов висельник! — закричал брат Жан. — Иди, сто чертей тебе вдогонку! Придешь ли ты, наконец?

— Не будем чертыхаться сегодня, — плакал Панург, не трогаясь с места. — Завтра — сколько угодно, но сегодня не будем. Ай-ай-ай! На нашем корабле началась течь. Бе-бе-бе-бе! Мы идем ко дну. Увы, увy! Я даю обещание пожертвовать нашему монастырю новый колокол, если только благополучно сойду на берег. Друзья мои, дайте мне составить завешание.

— Чтоб тысяча чертей вселилась в этого негодяя! — сказал брат Жан. — Время ли думать о завещании, когда надо работать не покладая рук? Эй, Гимнаст, иди сюда, голубчик! Сюда, на корму! Богом клянусь, эта волна нас погубит. Вот уж и фонарь наш потух. Мы идем ко всем чертям.

— Бе-бе-бе, — плакал Панург, — я наглотался морской воды. Бу-бу-бу! Какая она соленая! Я тону, я умираю, друзья мои!

— Если ты не перестанешь вопить, негодяй, я сейчас же

отправляю тебя к акулам! — сказал брат Жан. — Клянусь богом, отчего бы нам не выбросить его за борт? Эй, рулевой, старайся, дружище! Держись смелей! Вот так молния! Сегодня словно все дьяволы сорвались с цепи.

— Не надо божиться, брат Жан, друг мой, — умолял Панург, — ведь это великий грех. Мы все потонем из-за тебя, греховодник!

— Он завирается, бедняжка, — сказал брат Жан. — Помоги ты нам, скотина ты этакая! Неужто ты не сдвинешься с места? Что ты там бормочешь сквозь зубы? Богом клянусь, если я останусь жив, то здорово отколочу этого ленивого черта. Сюда, юнга, голубчик! Держись крепче, пока я не завяжу морской узел. Понократ, братец, вы там ушибетесь. Осторожнее, Эпитемон, ты можешь свалиться в люк. Боже милостивый! Что там случилось? Нос разлетелся вдребезги!

— Бу-бу-бу-бу, — стонал Панург, — я больше не вижу ни земли, ни неба. Осталась одна вода. Ах, если бы мне очутиться опять в Париже, в разукрашенном погребке у пирожника Инно-

кентия! Или в Селье, в винограднике аббатства! Лоцман! Не можете ли вы посадить меня на берег? Я отдам вам за это все мои деньги. Дорогие друзья, если мы не можем войти в гавань, давайте станем где-нибудь на рейде. Бросайте все ваши якоря! Друг мой, умоляю вас, бросьте лот. Может быть, здесь неглубоко?

— Берись за руль,— заревел лоцман,— подкрепи галс у фок-мачты! Ложись в дрейф! Румпель долой!

— Неужто до того дошло? — сказал Пантагрюэль. — Господи, спаси нас и помилуй!

— Ложись в дрейф! — кричал лоцман. — Теперь только чудо может спасти нас.

— Ну, поворачивайся, дьявол,— вторил брат Жан. — Ложись в дрейф! Дайте-ка мне глоток вина. Все равно теперь оно пойдет ко всем чертям. Где моя фляжка? Вот так молния! Должно быть, сегодня у чертей великий праздник.

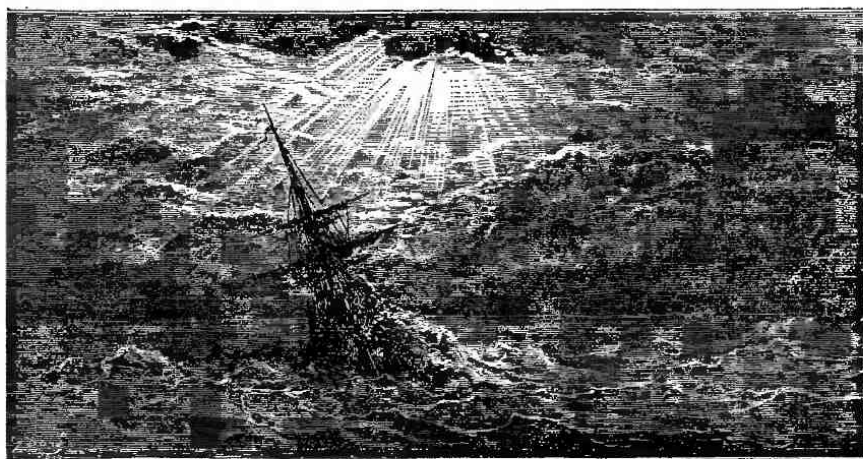
— Увы,— стонал Панург,— брат Жан, ты погубишь свою душу. Увы, увy, я тону, тону. Дайте же мне составить хоть клочок завещания...

— Ты бредишь! — сказал брат Жан. — Чтоб тебя черти взяли с твоим завещанием! Разве наш корабль стоит в гавани? Как ты отсюда выберешься, дурак ты этакий? Сегодня все черти развозились на море.

Тут послышался жалобный голос Пантагрюэля.

— Господи боже, спаси нас, мы погибаем! — сказал Пантагрюэль.

— Бу-бу-бу! — добавил сквозь зубы Панург.

ГЛАВА XIX

*О том, как буря окончилась и Панург
снова сделался веселым малым*

И вдруг посреди общего ужаса и смятения послышался громкий голос Пантагрюэля.

— Земля! Земля! — кричал Пантагрюэль. — Я вижу землю! Мужайтесь, дети мои! Мы недалеко от гавани. Смотрите, небо уже проясняется.

— Поднять паруса! — закричал шкипер. — Берись за руль! Румпель под ветер!

— Есть! — отвечали матросы.

— Смотрите, смотрите, — закричал Эпитемон, — вон она, земля! Смотрите, как сверкает огонь на маяке! На пристани толпится народ.

— Обогни мыс! — приказал шкипер.

— Есть! — отвечали матросы.

— Вон уж и сторожевые суда идут к нам на помощь! — сказал шкипер. — Мужайтесь, ребята!

— Вот золотые слова! — сказал Панург. — Мужайтесь, дети, мужайтесь.

— Ах ты, чертов навоз! — сказал брат Жан. — Клянусь, ты у меня не получишь ни капли вина. Гимнаст, голубчик, тащи ко мне полный кувшин да прихвати пирога с ветчиной.

— Смотрите, — сказал Пантагрюэль. — Вот они, сторожевые суда. Я их прекрасно вижу. Там две барки, три галеры, пять английских судов, четыре гондолы и шесть фрегатов. Но кто вопит тут, словно драная кошка? Ведь мы теперь в безопасности.

— Это Панурга трясет телячья лихорадка, — сказал брат Жан.

— Неправда! — вскричал Панург. — Все идет хорошо. Прошу вас, спустите меня на берег прежде всех. Мне надо обделать кое-

какие делишки. Дайте-ка я вам помогу. Дайте я сверну этот канат. Вы думаете, я струсил? Ничуть не бывало. Правда, этот вал, который прокатился от кормы до носа, немного смутил меня. Но это только на один миг. Отдать паруса! Брат Жан, что вы сидите сложа руки? Разве теперь время пить вино? Эй, матросы, поворачивайтесь живее! Так, так. Теперь все идет отлично.

— Если бы я работал так, как ты,— сказал брат Жан,— наверно, монастырского виноградника давным-давно уже не было бы на свете.

— Что я вижу? — продолжал Панург.— Брат Жан ровно ничего не делает. Придется прозвать его лодырем. А ведь видит, как я тружусь в поте лица, помогая этому славному матросу. Эй, дружище, какой толщины доски на этом корабле?

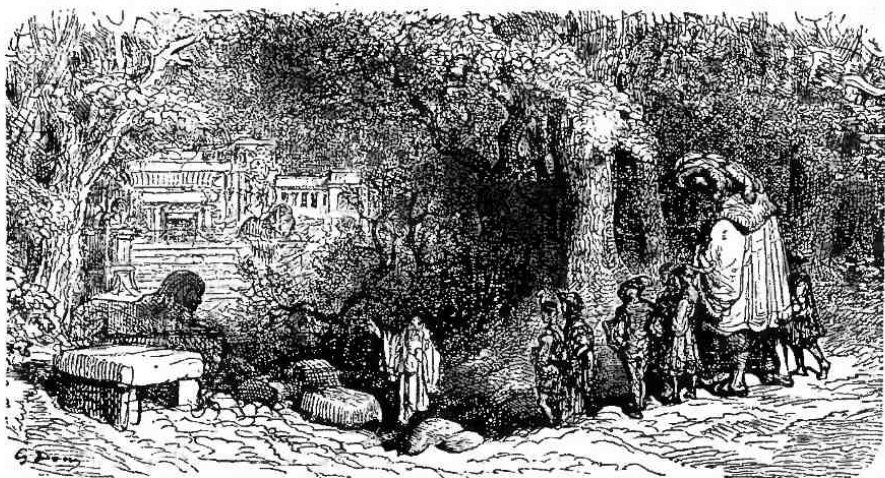
— Они толщиной в два пальца,— отвечал матрос.

— Господи помилуй! — сказал Панург.— Значит, мы были на два пальца от смерти. Ха-ха-ха! Вы, вероятно, трусили не на шутку, любезнейший? Что касается меня, то я ничего не боюсь. Меня зовут Панург. Бесстрашный. Мужайтесь, господа, мужайтесь. Спустите, пожалуйста, сходни, чтобы сойти на берег. Эй, лодку ближе! Нужна ли вам еще моя помощь? Я работал, как вол, но прошу вас, не жалейте моих трудов. Человек для того и создан, чтобы трудиться. Все лодыри — мошенники. Обратите внимание на брата Жана. Он умирает со страху.

— Ну, дружище,— сказал брат Жан,— уж если кто сегодня и умирал со страху, то, верно, это ты сам. Но я должен сказать тебе, что трусил ты напрасно. Утонуть в воде тебе не суждено. Ты будешь, несомненно, повешен или сожжен живым. Господа, кто желает иметь хороший дождевой плащ? Велите ободрать Панурга и накройте его шкурой. Клянусь своей рясой, вы не промокнете. Больше того, если вы упадете в воду — все равно не потонете. Панургова шкура не боится воды.

— Ладно! — сказал Панург.— В такую бурю поневоле растеряешься. Беды в том нет. Я хочу предупредить вас о другом. Вы помните, что в случае спасенья я обещал пожертвовать новый колокол в наш монастырь. Так имейте в виду: я разумел не большой колокол, который вешают на колокольню, но маленький колокольчик, вернее сказать — бубенчик для монастырской лошади. Прекрасный маленький бубенчик, чтобы лошадка позвякивала им на ходу. Предупреждаю вас, чтобы потом не вышло недоразумения.

— Ах, мошенник! — сказал Эпитемон.— Ах, какой бесстыдный, наглый мошенник! Видали ли вы, господа, таких мошенников?! Он надул самого господа бога!

ГЛАВА XX

О том, как на острове Макреонов
умирают древние герои*

Наконец корабль благополучно пристал к берегу, и мы сошли на землю, измученные и голодные. Пантагрюэль сделал людям перекличку и велел каждому выдать новое платье. После этого на берег были снесены съестные припасы и был устроен роскошный пир. Ели и пили на славу. Местные жители тоже натащили всякой провизии. Пантагрюэль, в свою очередь, одарил их богатыми подарками.

После обеда Пантагрюэль решил приняться за починку кораблей. Местные жители вызвались помогать. Среди них было много плотников, слесарей, кузнецов, и каждый знал свое дело, как пять пальцев. Работа закипела.

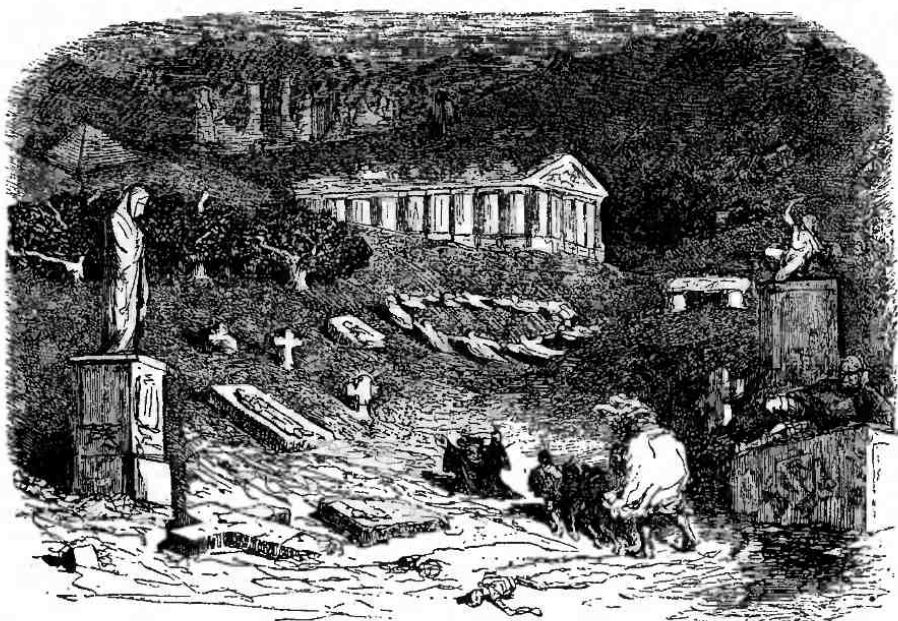
Остров, к которому мы пристали, назывался островом Макреонов. Он был очень велик, но население жило только по берегам, в трех больших портах. Вся середина острова была покрыта высоким диким лесом.

Один старый Макроб (так местные жители зовут своего старшину) показал нам все, что было на острове замечательного. В безлюдном тенистом лесу мы открыли несколько старинных, разрушенных храмов, несколько пирамид и гробниц с древними надписями. Одни надписи были сделаны иероглифами, другие — арабскими, третьи — славянскими буквами.

Пока Эпитемон списывал себе на память эти надписи, старик Макроб расспрашивал Пантагрюэля, как ему удалось в такую бурю провести свои корабли в гавань.

— Сама судьба позаботилась о нас, — сказал Пантагрюэль. — Ведь мы не купцы, которые ездят по морям ради наживы. Мы просто любознательные путешественники. Вот судьба и пощадила нас. Не скажете ли вы нам, — продолжал Пантагрюэль, — что

нынче случилось с морем? Откуда налетела эта страшная буря? Часто ли бывают бури в этих местах?

— Дорогие друзья, — отвечал на это Макроб, — вы прибыли на один из тех островов, которые в древности славились своим богатством и могуществом, теперь же, как видите, обеднели и пришли в упадок. В темном и обширном лесу, который вы можете отсюда видеть, обитают древние мудрецы и герои, теперь уже совсем дряхлые. Когда у них все благополучно, — море спокойно, и повсюду стоит прекрасная погода. Но когда кто-нибудь из них умирает, — мы слышим в лесу отчаянные вопли, на земле появляются землетрясения, пожары, болезни, а в море начинается страшная буря вроде той, которую пришлось вам перенести.

— Всякого такого мудреца можно сравнить с факелом, — сказал Пантагрюэль. — Пока факел горит, он светит всем и каждому, и люди благодарны ему за это. Но лишь только он погаснет, воздух наполняется ужасным чадом, и люди не знают, как от него избавиться.

— Разве герои умирают? — спросил брат Жан. — Клянусь вам, я думал, что они бессмертны...

— Не все, — отвечал Пантагрюэль. — В старости даже боги умирают. Послушайте, я расскажу вам по этому поводу одну старинную легенду.

Однажды купеческий корабль, нагруженный различными

товарами, плыл из Греции в Италию. Когда корабль проходил мимо Туниса, ветер стих, и путешественников отнесло к острову Паксосу. Был уже вечер. Одни из путешественников ужинали, другие легли спать. Вдруг с острова донесся громкий крик: «Фамус!» Путешественники испугались. Фамус был штурманом на корабле, и родом он был из Египта. «Фамус!» — позвал голос во второй раз, никто не отвечал. Все молчали и дрожали. Тогда голос раздался в третий раз, и он был уже похож на раскат грома. Тут Фамус выступил вперед и сказал: «Я здесь! Что тебе нужно? Кто ты такой?» Тогда голос приказал Фамусу объявить всем народам, что великий бог Пан умер*. Услышав эти слова, матросы перепугались и стали совещаться между собой — промолчать или объявить, что приказано. Но Фамус решил, что если он благополучно прибудет в порт, то исполнит приказание. В порт прибыли благополучно. И вот Фамус взошел на нос корабля и, обернувшись лицом к берегу, объявил, что великий бог Пан умер. Не успел он договорить последних слов, как на берегу послышались громкий плач, вздохи и рыдания. Новость быстро дошла до Рима. Римский император Тиберий* призвал к себе Фамуса и, услышав его рассказ, поверил ему.

Пантагрюэль, рассказав легенду, замолчал и в глубокой задумчивости поник головой. Вскоре мы увидели, как слезы, величиною со страусовое яйцо, покатались из его глаз. Убей меня бог, если я соврал хотя в одном слове!

ГЛАВА XXI

*О том, как Пантагрюэль проплыл
мимо острова Скрытного, где царствовал
Великий Пост*

Когда корабли были исправлены и свежая провизия запасена, мы простились с макреонами и двинулись дальше. Стояла чудесная ясная погода. Около полудня Ксеноман заметил на горизонте большой остров.

— Это остров Скрытный,— сказал Ксеноман.— На нем царствует Великий Пост.

— Я хотел бы с ним познакомиться,— сказал Пантагрюэль.— Намерены ли вы пристать к этому острову?

— Сударь,— сказал Ксеноман,— я не советую вам делать этого. Во-первых, мы должны будем сделать большой крюк, а во-вторых, вы не найдете там ничего интересного. Великий Пост — государь скучный и неприятный.

— В таком случае,— сказал Пантагрюэль,— расскажите нам о нем, что вы знаете.

— С удовольствием,— сказал Ксеноман.— Этот король — великий пожиратель гороха, селедок и горчицы. Малых детей сечет он немилосердно. Постоянно таскает с собой кучу индulgенций. С утра до вечера хнычет, словно маленький. На свадьбы никогда не ходит. На обед ему полагаются бобы, улитки да зеленый салат. Поэтому вид у него хуже, чем у скелета. Мы еще

услышим о нем, когда будем проходить мимо острова Угрюмого, где живут Мясные Колбасы. Дело в том, что Мясные Колбасы — смертельные враги Великого Поста. Они с ним постоянно воюют. И если бы им не помогала Широкая Масленица, их добрая покровительница и соседка, то этот негодяй Пост перебил бы всех Колбас до последней.

— Ах, какой негодяй! — воскликнул брат Жан. — Воевать с чудесными Мясными Колбасами! Вернемся назад, друзья. Разнесем этого поганца.

— Сражаться с Постом! — вскричал Панург. — Клянусь всеми дьяволами, я еще не так глуп. Ведь мы попадем между Постом и Колбасами, словно между молотом и наковальней! Очень нужно! Поплывем дальше. Мое вам почтение, господин Великий Пост! Прочь, прочь отсюда!

— Вы очень хорошо описали нам, как Великий Пост проводит свое время, — сказал Пантагрюэль Ксеноману. — Теперь расскажите нам, какой он с виду.

— Это нетрудно сделать, — отвечал Ксеноман. — Слушайте:

Затылок у него — как фонарь.

Ногти — как штопор.

Ноги — как гитара.

Пятки — как тумбы.

Колени — как скамейка.

Когда он плюет, — появляются корзины с артишоками.

Когда сморкается, — появляются соленые угри.

Когда плачет, — треска на постном масле.

Когда чихает, — банки с горчицей.

Когда зевает, — горшки с гороховой похлебкой.

Когда храпит, — ящики с сухими бобами.

Когда вздыхает, — кружки для индulgенций.

Когда бранится, — мартовские коты.

— Вот так урод! — сказал брат Жан. — Хорошо бы с ним встретиться. Я вызвал бы его на поединок.

— Рассказ нашего друга Ксеномана напомнил мне старинную легенду о Красоте и Уродстве, — сказал Пантагрюэль.

— Что это за легенда? — спросил брат Жан. — Я и не слышал о ней, прости господа.

— Извольте, я расскажу, — сказал Пантагрюэль. — В древние времена родились на земле Красота и Уродство. Красота была самое красивое существо на свете, а Уродство — самое безобразное. Голова у него была круглая, как шар; уши ослиные; глаза выпученные, словно у рака; ноги круглые; руки — вывернутые

назад. Ходило Уродство колесом, а стояло на голове, вверх ногами.

«Я красивее всех на свете, — говорило Уродство. — У меня самая совершенная походка. Колесом ходят все звезды и светила небесные. Вот и я хожу колесом, подражая светилам. Иные полагают, что стоять на голове, вверх ногами — некрасиво. Я думаю наоборот. Ведь наши волосы все равно что деревянные корни, а руки — все равно что ветви. Деревья стоят, опираясь в землю корнями, — то же делаю и я. А руки? Очень хорошо, что они у меня выворочены назад. По крайней мере, я могу защищать себя с тыла. Спереди у меня есть зубы. Зубами я могу не только пережевывать пищу, но также и защищаться, когда это понадобится. Вот и выходит, что я — самое красивое и совершенное существо на свете».

Уродство привлекло на свою сторону всех дураков, безумцев и лишенных разума людей. Кроме того, оно породило старых олухов, ханжей-пустосвятов, притворщиков, лицемеров и всяких других уродливых и безобразных чудовищ.

— А Великий Пост — это любимое детище Уродства, — сказал Ксеноман. — Мы очень хорошо сделали, что не заехали к этому пустосвяту. Берегитесь Великого Поста, добрые люди! Берегитесь и не попадайтесь ему в лапы!

ГЛАВА XXII

О том, как Пантагрюэль
сразил чудовищного Морского Змея

Ровно в полдень на горизонте показался остров Угрю Невдалеке от острова Пантагрюэль заметил чудовищного морского Змея, который, пыхтя и храпя, плыл навстречу пу

стенникам. Из его пасти поднимался высокий столб воды. Казалось, это огромный водопад падает с утеса и грозит затопить суда, словно ореховые скорлупки.

Тотчас же на «Таламеге» заиграли сигнальные трубы. По этому сигналу корабли построились треугольником, вроде того, как строятся журавли, когда они улетают в теплые земли. Во главе треугольника стал «Таламег». Команда приготовилась к бою.

Едва только брат Жан вместе с бомбардирами занял на носу корабля свое боевое место, как Панург принялся вопить пуще прежнего.

— Увы! Увы! — вопил он. — Это чудовище проглотит наши корабли, как пилюли. Поглядите-ка на него! Мы погибли, погибли!

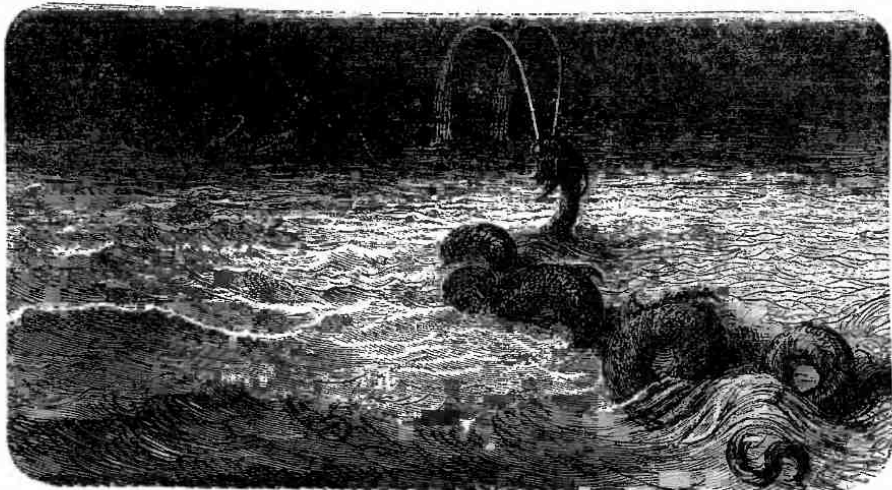
— Не бойтесь, — сказал Пантагрюэль, — я проткну его, как цыпленка.

— Господи помилуй! — сказал Панург. — Как же мне не бояться, когда он под носом?

— Что ж из этого? — сказал Пантагрюэль. — Брат Жан вчера предсказал вам вашу судьбу. Вода вам не грозит гибелью. Наоборот, она спасет вас от всех бед.

— Рассказывайте! — говорил Панург. — А вдруг брат Жан перепутал? Увы, увy! Змей совсем близко. Смотрите, вон он! О, как ты ужасен, как ты отвратителен! Сколько народу ты уже потопило, отвратительное чудовище! Видеть тебя не могу, дьявол ты этакий. Проваливай к черту! Проваливай!

Подплыв к кораблям, Змей принялся окатывать их как из

бочки. Стрелы, копья, дротики и всякое дреколье полетели на него со всех сторон. Брат Жан не жалел трудов. Артиллерия гремела и палила в Змея без передышки. Но все было напрасно: пушечные ядра исчезали в его шкуре и не причиняли чудовищу никакого вреда.

Тогда Пантагрюэль решил, что пора действовать. Он выпрямился во весь свой рост и показал свое искусство как нельзя лучше.

Говорят, что бродяга Коммод, римский император*, так ловко стрелял из лука, что его стрелы пролетали между пальцами детей, ничуть их не задевая. Рассказывают также, что древние французы были отличными стрелками. Перед охотой они будто бы смазывали наконечники своих стрел чемерицей*. Убитый зверь делался от этого приятнее на вкус. Прославляют также и древних скифов* за их искусство меткой стрельбы. Некогда они отправили к персидскому царю Дарию* посла. Посол молча вручил царю птицу, лягушку, мышь и пять стрел. «Что это значит?» — спросил Дарий. Посол отвечал, что ему запрещено говорить. Дарий дивился и не знал, что подумать. Наконец один из его военачальников разгадал загадку. «Скифы, — сказал он, — своими дарами говорят нам: «Если персы не летают, как птицы, по воздуху; если они, как мыши, не прячутся в земле и, как лягушки, не скрываются под водою, — то все они будут перебиты стрелами скифов»».

Благородный Пантагрюэль в искусстве стрельбы и метания дротика не имел себе равного. Своими огромными дротиками он открывал устричную раковину на расстоянии тысячи шагов. Своими стрелами он издали снимал нагар со свечи, не по-

тушив ее. Выпуская стрелы одну за другой, он издали перелистывал ими молитвенник брата Жана, да так ловко, что стрелы ничуть не рвали бумаги.

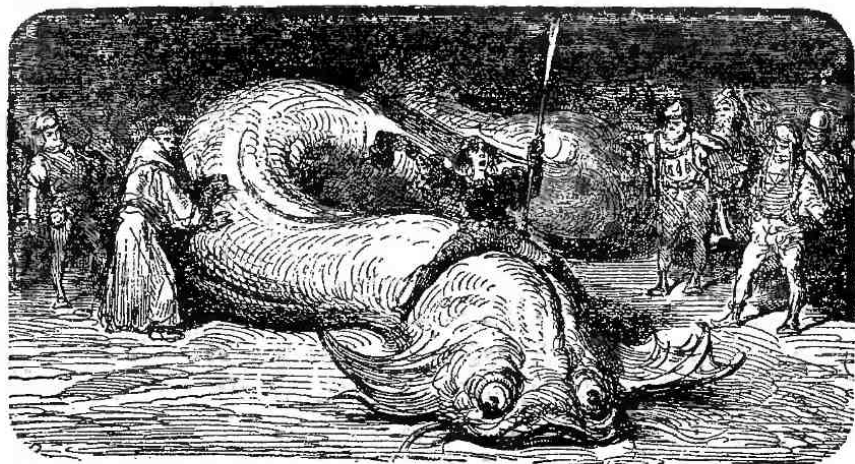
На этот раз Пантагрюэль так метко кинул в Змея свое копье, что пробил ему обе челюсти вместе с языком. Копье застряло в челюстях, и Змей больше не мог открыть рта, чтобы пустить воду.

Затем двумя копьями Пантагрюэль выбил чудовищу глаза. И вот все увидели, как Змей с тремя рогами на голове завертелся с боку на бок, ослепленный и умирающий. Чтобы добить чудовище, Пантагрюэль пустил еще пятьдесят копий, и все они попали ему в спину. Умирающий Змей опрокинулся брюхом вверх* и поплыл по течению, словно гигантская сколопендра*.

ГЛАВА XXIII

*О том, как Пантагрюэль сошел
на остров Угрюмый, древнее жилище
Мясных Колбас*

Гребцы «Таламега» вытащили убитого Змея на берег. Они решили разрубить чудовище на части, чтобы вынуть из него почечный жир. Сошел на остров Пантагрюэль. Здесь, на опушке большого красивого леса, из которого вытекал чистый ручеек, мы развели кухонные очаги, чтобы приготовить обед. Когда кушанье было готово, брат Жан позвонил в колокол. Матросы кинулись расставлять столы и распределять приборы.

За обедом Пантагрюэль заметил, как несколько небольших зверьков быстро пробежали по опушке и взобрались на высокое дерево.

— Что это за зверьки? — спросил он у Ксеномана. — Издали они похожи на куниц или горностаев.

— Это Мясные Колбасы, — отвечал Ксеноман. — Мы на острове Угрюмом, о котором я вам уже говорил. Здесь обитают Мясные Колбасы, те, что ведут смертельную войну с Великим Постом. Сейчас они, вероятно, испугались нашей канонады и выслали на берег свою разведку.

— А нельзя ли их помирить? — спросил Пантагрюэль. — Я охотно занялся бы этим делом, чтобы положить конец кровопролитию.

— Это невозможно, — ответил Ксеноман. — Года четыре назад я был в этих местах и пытался помирить их друг с другом. Сперва дело пошло отлично. Был составлен мирный договор. Оставалось только подписать его. Но тут Великий Пост заупрямился. Он соглашался мириться с Мясными Колбасами, но зато не желал признавать Диких Колбас и Горных Сосисок. А надо сказать, что Дикие Колбасы и Горные Сосиски — лучшие союзники Мясных Колбас. Так ничего и не вышло. Правда, одно время враги как будто немного смягчились. Но когда Колбасы на своем соборе объявили Пост нечистым и всех его союзников решили изгнать из своей земли, — Великий Пост страшно ожесточился, и вражда пошла пуще прежнего. Нет, тут ничего не поделаешь. Легче помирить кошку с мышами, чем Пост с Мясными Колбасами.

В это время брат Жан заметил, как двадцать пять или тридцать молодых стройных Колбас промаршировали по направлению от гавани к городу.

— Как бы тут не вышло какого недоразумения! — сказал брат Жан Пантагрюэлю. — Эти почтенные Колбасы могут, чего доброго, смешать вас с Постом, хотя вы на него вовсе не похожи. Перестанем же пировать и приготовимся к защите.

— Да, это не лишнее, — сказал Ксеноман. — Колбасы — большие пройдохи, и никогда нельзя раскусить, что они замышляют.

Пантагрюэль встал из-за стола и пошел посмотреть, что делается в лесу. Скоро он вернулся и сказал нам, что наткнулся на засаду. Засада скрывалась в лесу, налево от нашего лагеря, и состояла из больших жирных Колбас. Направо, в полуверсте от стоянки, под звуки труб, волюнок и барабанов шел прямо на нас целый колбасный корпус. Пантагрюэль насчитал в нем семьдесят восемь знамен и решил, что народу в нем не меньше сорока двух тысяч. Судя по гордой походке

и воинственным лицам, это были опытные и закаленные воины. Первые ряды были вооружены с головы до ног и держали в руках длинные, хорошо отточенные пики. По флангам шли толпы Диких Колбас, толстых Паштетов и Горных Сосисок. Все это были рослые, воинственные и свирепые островитяне.

Пантагрюэль встревожился и собрал нас на военный совет. Совет постановил держаться настороже.

И вот Пантагрюэль приказал Гимнасту вызвать на остров солдат с кораблей «Винная Чаша» и «Виноградная Корзина». «Винной Чашей» в то время командовал капитан Потрошитель, а «Виноградной Корзиной» — капитан Колбасник младший.

— Позвольте мне сходить за солдатами,— предложил Панург.— Гимнаст вам может пригодиться во всякую минуту.

— Клянусь моей дубинкой,— сказал брат Жан,— ты хочешь улепетнуть от битвы, прохвост! Да и не велика потеря! Будешь только плакать да стонать, черт бы тебя побрал.

— Нет, я вернусь, вернусь,— отвечал Панург.— Только прикажите, чтобы эти гадкие Колбасы не лазили на корабли. В то время, как вы будете сражаться, я буду молить бога, чтобы он послал вам победу.

— Проваливай, трус,— сказал Эпитемон.— Мы, конечно, сумеем постоять за себя, если Колбасы нападут на нас. Недавно наших храбрых капитанов зовут Потрошитель и Колбасник. Они сумеют расправиться с Колбасами.

Скоро капитаны явились вместе со своими отрядами. Пантагрюэль сказал им на дорогу несколько напутственных слов. Он запретил капитанам первым вступать в бой. Солдаты должны были действовать только в том случае, если Колбасы первыми нападут на них. Пароль был выбран «Масленица».

ГЛАВА XXIV

*О том, как повара Пантагрюэля
сражались с Мясными Колбасами*

Что вы скажете зубы, бездельники, читая мою правдивую повесть? Может быть, вы не верите, что все происходило именно так, как я вам рассказываю? Это ваше дело. Хотите — верьте, а не хотите — ступайте и поглядите сами. Все это происходило на острове Угрюмом. А Колбасы там живут, в этом нет никакого сомнения.

Припомните-ка, что сказано в священном писании. Помните, как змей соблазнил Еву отведать запретного яблока? А вам известно, что этот змей был похож на Колбасу? Больше того, в некоторых духовных академиях и до сих пор учат, что этот соблазнитель был настоящей колбасой и звали его Штифал.

Или возьмем швейцарцев. Теперь это воинственный, смелый народ*. А кто знает, не были ли они раньше Колбасами? Я бы не поручился за это.

Если все эти рассуждения вас не убеждают, милостивые государи, то не угодно ли вам отправиться в какую-нибудь приморскую деревушку и справиться там, какого вида сирены?* Говорят, что в старые времена рыбаки часто ловили их в свои сети. Так вот, сирены были полуженщинами-полуколбасами. Это

всем известно. Перестаньте же скалить зубы и поверьте, что в этой книге нет ни слова выдумки.

Но вернемся к нашему рассказу.

Когда брат Жан увидел наступление Колбас, он сказал:

— Ого, я вижу, что баталия будет знатная. Было бы лучше, друзья, если бы вы возвратились на корабль. Я со своими людьми берусь расправиться с этим полчищем.

— Откуда же у вас люди? — спросил Пантагрюэль.

— Поройтесь-ка у себя в памяти, — сказал брат Жан. — Помните, когда царь Навуходоносор* осаждал Иерусалим, он сделал военачальником своего повара Набузардана?*

— Ну и что же? — спросил Пантагрюэль.

— Вот мне и кажется, — сказал брат Жан, — что повара лучше нас расправятся с этими Колбасами. Ведь им и раньше приходилось заниматься этим делом. Ей-богу, я беру себе под команду всех наших поваров.

— Делайте, как знаете, — сказал Пантагрюэль. — Мне нравится ваша затея. Я останусь здесь и буду наблюдать, чем окончится ваша кухонная битва.

Брат Жан тотчас же отправился в походные кухни.

— Дети, — сказал он поварам, — я хочу покрыть вас неувядаемой славой. Сегодня вы совершите невиданные подвиги. Да здравствуют кухонные герои! Пойдемте сражаться с негодницами Колбасами. Я буду вашим капитаном. Выпьем, друзья! Смелым бог владеет!

— Умные речи приятно и слушать, — отвечали повара. — Мы к вашим услугам. Под вашей командой и умереть не страшно.

— Зачем же умирать? — сказал брат Жан. — Пусть умирают Колбасы, а не мы. Итак, построимся в боевой порядок. Нашим кличем будет «Набузардан».

Тут по приказанию брата Жана господа инженеры построили из бревен огромную деревянную свинью. Это была удивительная военная машина, которая могла метать в неприятеля каменные

ядра и большие стальные стрелы. Внутри свиньи свободно помещалось человек двести солдат.

Когда свинья была готова, ее выкатили вперед и поставили на открытое место.

После этого в свинью вошли все повара, какие только были в команде. Последним вошел брат Жан и запер за собой двери изнутри на крепкую железную щеколду.

Колбасы между тем подходили все ближе да ближе. Наконец они подошли настолько, что стало видно, как они размахивают своими копьями. Навстречу к ним выехал Гимнаст. Он издали поклонился Колбасам и закричал во все горло:

— Остановитесь! Мы все — ваши добрые приятели. Мы заодно с вашей союзницей — Масленицей!

Но тут к Гимнасту подскочила толстая Ливерная Колбаса и хотела схватить его за горло.

— Ах, вот ты как! — сказал Гимнаст.

С этими словами он обнажил свой меч и перерубил Колбасу на две части. Великий боже, до чего она была жирна! Верите ли, у нее на брюхе было пальца на четыре сала!

Мясные Колбасы кинулись на Гимнаста и повалили его на землю. На помощь к нему бросился Пантагрюэль со своими солдатами. Началась общая свалка. Потрошитель потрошил Колбас. Колбасник младший рубил Сосисок. Пантагрюэль подсекал им колени. Что же касается брата Жана, то он притаился внутри свиньи и спокойно наблюдал за кровавым побоищем.

Вдруг раздался страшный крик. Это отряд Сосисок, стоявший в засаде, неожиданно выскочил на Пантагрюэля.

Тут брат Жан открыл двери свиньи и вышел оттуда вместе со своей командой. В воздухе засверкали сковородки, противни, кухонные ложки, щипцы, горшки, ступки, кочерги, ухваты.

Повара построились в ряды и ударили на Сосисок, завывая во все горло:

— Набузардан! Набузардан!

В отряде Сосисок произошла паника. Колбасы, заметив подкрепление, обратились в бегство, точно сам дьявол гнался за ними. Брат Жан крошил их, как цыплят. Повара тоже от него не отставали. Жалко было смотреть: все поле было усеяно мертвыми Колбасами.

И, конечно, в этот день погибло бы все колбасное отродье, если бы сама судьба не сжалилась над ним. Хотите — верьте, хотите — нет, но в это время с севера прилетел огромный крылатый кабан. Крылья у него были словно у ветряной мельницы, щетина — ярко-красная, как у фламинго; глаза огненные, как карбункул; уши зеленые, как изумруд; зубы желтые, как топаз; ноги прозрачные, как брильянт, и такие же красивые, как у гуся лапчатого.

И хотя все время стояла ясная погода, при этом ударил такой гром, что все солдаты перепугались. Что же касается Колбас, то они побросали оружие и повалились перед чудовищем на колени. При этом они не говорили ни слова и только протягивали к чудовищу руки, словно на молитве.

Брат Жан все еще рубил Колбас и сажал их на вертела. Тут Пантагрюэль приказал трубить отбой. Труба заиграла, и битва прекратилась. Чудовище между тем несколько раз пролетело над полем битвы и сбросило на землю двадцать семь бочек с горчицей. После этого оно поднялось вверх и исчезло в воздухе, непрерывно крича:

— Масленица! Масленица! Масленица!

ГЛАВА XXV

*О том, как Пантагрюэль
вел переговоры с королевой Колбас*

Чудовище улетело и больше не появлялось. Обе армии молча стояли друг перед другом, не зная, что им дальше делать. Тут Пантагрюэль пожелал вступить в переговоры с королевой Колбас, которая сидела в своей карете, около знамен.

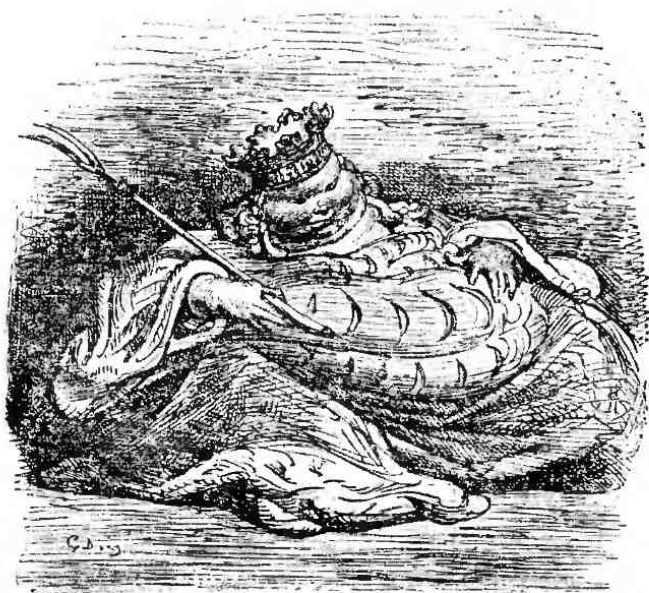
Королева вышла из кареты, любезно поздоровалась с Пантагрюэлем и попросила у него извинения. Дело в том, что разведка донесла ей, будто на остров высадился Великий Пост, старинный враг Мясных Колбас. Поэтому Колбасы и напали на Пантагрюэля. В заключение королева просила принять их в свое подданство. В знак своей дружбы она обещала каждый год по-

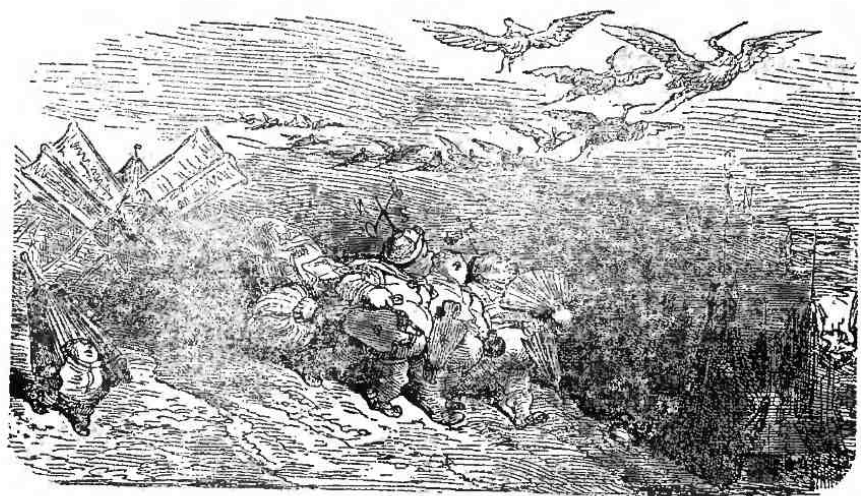
сылать Пантагрюэлю семьдесят восемь тысяч королевских Мясных Колбас для закуски перед обедом.

Королева выполнила свое обещание и на следующий же день послала Гаргантюа шесть кораблей с королевскими Колбасами. Гаргантюа переслал этот подарок королю Парижа. Но, то ли от перемены климата, то ли от недостатка горчицы, почти все эти Колбасы умерли прежде, чем попали на королевский стол. По приказу короля их всех похоронили в том месте Парижа, которое и до сих пор называется «Колбасная мостовая»*.

Пантагрюэль вежливо поблагодарил королеву, простил ей все обиды и подарил ей маленький перламутровый ножичек. Затем он спросил королеву о чудовище: откуда оно появилось и зачем сбросило на землю бочки с горчицей? Королева ответила, что это Великий Кабан, основатель и родоначальник всего Колбасного племени. Колбасы, как известно, делаются из свинины; поэтому Кабан и считается их родоначальником. Что же касается горчицы, то она для раненых Колбас — лучшее лекарство. Раненые Колбасы от нее тотчас же выздоравливают, а мертвые воскресают.

После этого Пантагрюэль простился с королевой и возвратился на свой корабль. Деревянную свинью тоже втащили на палубу. И вот вся флотилия медленно отошла от берега и двинулась вперед — навстречу новым приключениям.

ГЛАВА XXVI

*О том, как Пантагрюэль
прибыл на остров Ветряный*

Два дня Пантагрюэль плыл без всяких приключений. На третий день мы высадились на остров Ветряный, и то, что я там увидел, привело меня в крайнее удивление. Дело в том, что жители этого острова питаются одним только ветром. Кроме ветра, они ничего не пьют и не едят. На крышах домов у них построены большие флюгера. В садах сеют траву, которая называется «ветреница».

Простой народ питается поддувалами, веерами, опахалами. Богатые люди живут ветряными мельницами. Когда у них бывает пир, — столы ставят под самые мельничные крылья и потом угощаются ветром на славу. За обедом обыкновенно спорят, какой ветер вкуснее. Один хвалит сирокко*, другой юго-западный ветер, третий — юго-восточный и так далее.

Больных на этом острове лечат сквозняком.

Гуляя по острову, мы встретили трех распухших толстяков, которые шли наблюдать полет ржанок. Говорят, что эти птицы тоже живут одним ветром. Поэтому тут их великое множество.

И подобно тому, как мы с вами, отправляясь на прогулку, берем с собой завтрак, так и здешние жители привязывают к кушакам хорошенькие мехи. Стоит кому-нибудь проголодаться — мехи пускают в ход и получают сколько угодно вкусного ветра.

Пантагрюэлю все это очень понравилось.

— Как легко живется вам на свете, — сказал он начальнику острова. — За ветер ведь платить не надо. Стоит только ему подуть — вот вам и обед готов.

— Но и у нас свои несчастья, — сказал начальник. — Бывает так, что в обеденное время вдруг пойдет дождь, и ветер прекращается. Тогда нам не из чего готовить себе кушанье. Но,

кроме того,— продолжал начальник,— с нами случаются настоящие бедствия. Дело в том, что неподалеку отсюда, на острове Сумятице, живет великан, по имени Бренгнариль. Этот великан каждый год страдает расстройством желудка и, по совету врачей, приезжает лечиться на наш остров. Здесь он вместо пилюль глотает наши ветряные мельницы, до которых он большой охотник. Этим он доводит нас до такой нищеты, что многие из нас умирают с голоду.

— Как же вы защищаетесь от этого великана? — спросил Пантагрюэль.

— Однажды,— сказал начальник,— нам посоветовали перед его приездом посадить в наши мельницы множество петухов и кур. Мы так и сделали. Великан приехал и разом их проглотил. Действительно, он чуть было не умер. Петухи горланили у него в животе, куры, как сумасшедшие, летали по желудку,— от этого великан повалился в обморок, и с ним сделались такие страшные судороги, словно змея заползла в его желудок.

— Как же он вылезлся от этой болезни? — спросил Пантагрюэль.

— Ему доктора посоветовали,— сказал начальник,— принять пилюли из лисиц. Лисицы передушили всех петухов и кур, но сами не пожелали выйти обратно. Тогда великан принял пилюли из гончих собак. Собаки переловили лисиц, и великан снова выздоровел. Вот в чем наша беда.

— Успокойтесь, добрые люди,— сказал Ксеноман.— Великан Бренгнариль больше вас не потревожит. В прошлом году я был на острове Сумятице и узнал, что великан Бренгнариль, пожиратель ветряных мельниц, умер. Он подавился куском свежего масла, который, по совету врачей, собирался проглотить перед натопленной печкой.

ГЛАВА XXVII

*О том, как Пантагрюэль
высадился на острове Папефигов**

На другое утро мы высадились на острове Папефигов, которые когда-то были богаты, свободны и назывались Весельчаками. Теперь этот народ беден, несчастен и до нитки разорен Папиманами*. Дело было так. Однажды, во время большого праздника, Весельчаки отправились на соседний остров Папиманию, где было большое торжество. На этом торжестве был обычай выставлять напоказ народу большой портрет папы римского. Увидав этот портрет, один из Весельчаков не выдержал и по-

казал ему фигу. В отместку за это Папиманы через несколько дней напали на остров Весельчаков и перерезали всех взрослых мужчин. С тех пор остров пришел в полное запустение. Жалкие остатки Весельчаков сделались рабами Папиманов и стали называться Папефигами, то есть показавшими папе фигу. Каждый год на них обрушиваются град, ураган, чума, голод и всякие другие бедствия.

При виде такой нищеты мы решили долго на острове не оставаться. Из любопытства мы зашли только в небольшую полуразрушенную часовню, которая стояла на самом берегу моря. В часовне мы заметили огромную купель с водой. В купели лежал какой-то человек. Весь он был в воде, и только кончик носа торчал наружу — для дыхания. Вокруг купели стояли три бритых патера и читали по молитвеннику заклинания от бесов.

— Боже мой, — сказал Пантагрюэль, — это еще что за комедия? Что вы делаете с этим беднягой, добрые люди?

В ответ на это Пантагрюэлю рассказали следующую удивительную историю.

ГЛАВА XXVIII

О том, как один Папефиг обманул черта

Однажды один Папефиг (тот самый, который лежал теперь в купели) пахал свое поле и сеял на нем полбу. Как раз в это время один молодой черт отпросился у главного дьявола на землю и отправился проказничать на остров Папефигов. Черт был совсем никудышный. Он не умел еще греметь громом, не умел побивать хлеб градом, разве только портил иногда капусту да петрушку. Вдобавок, он был неграмотный и плохо разбирался, что к чему.

Черт прискакал на остров, увидел крестьянина и спрашивает:

— Ты что делаешь, мужик?

— Разве не видишь? — отвечал крестьянин. — Сею полбу. Надо же чем-нибудь кормиться на будущий год.

— Прекрасно, — сказал черт, — но ведь поле-то не твое. С того самого дня, как вы показали папе фигу, вся ваша земля принадлежит нам, чертям. Но ты не смущайся. Сеять хлеб — не мое дело. Продолжай свою работу, как будто ничего не случилось. Когда придет время жатвы, мы разделим урожай пополам.

— Делать нечего, — отвечал крестьянин, — пополам, так пополам.

— Я думаю так, — сказал черт, — один возьмет себе то, что вырастет над землей, а другой — то, что останется в земле. Выбирать буду я, потому что я — черт древнего, благородного

происхождения, а ты — простой мужик. Я выбираю то, что останется в земле. Когда наступит жатва?

— В июле месяце, — отвечал крестьянин.

— Так вот, в июле месяце я вернусь, — сказал черт, — а пока пойду забавляться с монахами и разными другими мошенниками. Трудись, мужик, трудись. До свидания.

В половине июля черт явился с целым эскадроном маленьких чертенят. Опять встретил мужика и говорит ему:

— Ну, мужик, как ты тут без меня поживаешь? Давай делиться.

— Что же, давай, — отвечал крестьянин.

Вот крестьянин сжал хлеб, обмолотил его, провеял, ссыпал в мешки и повез продавать на рынок.

А черт с чертенятами выкопал все корешки, связал их в охапки и тоже вывез на продажу.

Крестьянин продал свой хлеб, набил деньгами старый полушапожок, который висел у него на кушаке, и стоит себе, посмеивается.

Черти же не продали ничего. Мало того, над ними издевался весь рынок, так что они от стыда готовы были сквозь землю провалиться.

Когда рынок закрылся, черт сказал крестьянину:

— Ну, мужик, на этот раз ты меня надул. Но имей в виду: в следующий раз это тебе не удастся.

— Господин черт, — отвечал крестьянин, — как же я мог вас надуть? Ведь вы первый выбирали. Конечно, вы еще молоды и неопытны. Вы надеялись выкопать из земли все зерна, которые я посеял. А вышло так, что эти зерна проросли и дали новые, которые я только что продал. Вот и выходит, что вы сами выбрали себе худшую часть.

— Довольно болтать, — сказал черт. — Чем ты засеешь наше поле на будущий год?

— Как добрый хозяин, я должен засеять его репой, — отвечал крестьянин.

— Ладно, — сказал черт. — Посей как можно больше репы. Я буду оберегать ее от бури и града. Но только знай, что на этот раз я возьму себе то, что вырастет на земле. Что останется в земле, — можешь брать себе. Трудись, мужик, трудись. А я пока отправлюсь за душами еретиков. Говорят, что если их хорошенько поджарить, получается превосходное кушанье. Как раз нынче у господина дьявола колики. Такой роскошный обед будет ему полезен.

Когда наступило время жатвы, черт возвратился с целым эскадроном придворных чертей. Опять стали делиться. Черти сняли всю ботву, а крестьянин вырыл из земли чудесную крупную

репу и ссыпал ее в мешки. После этого все вместе отправились на рынок.

Репу у мужика тотчас же раскупили, а над чертями посмеялись больше прежнего.

— Ну, мужик,— сказал черт,— вижу я, что ты снова меня обманул. Я хочу покончить с тобой и с полем. Вызываю тебя на поединок. Мы будем чесать друг друга ногтями. Кто кого перечешет, тот и победитель. Победителю достанется все поле. Через неделю мы займемся этим. А теперь я пойду соблазнять ябедников и судейских чиновников. Правда, они сами нам заявили, что принадлежат дьяволу. Но дьявол до них не большой охотник. Он отсылает их обыкновенно чертям, которые служат кухонными мужиками, а себе берет только тех, которые хорошо просолены. Надо тебе сказать, что господин дьявол прекрасно разбирается в кушаньях. Закусывает он всегда монахами и находит, что они очень вкусны. В прежние времена он любил завтракать школьниками, но теперь школьников так здорово начинают в школах законом Божиим, что к ним и не приступить. На обед дьяволу подают адвокатов и других мошенников, которые грабят бедных людей. На ужин идут купцы, ростовщики и другие грабители. Трудись, мужик, трудись. Через неделю мы с тобой увидимся.

Крестьянин вернулся домой задумчивый и печальный. Жена встревожилась. Чего доброго, не обокрали ли его на рынке? Но нет, сапожок был туго набит деньгами. В чем же дело?

Крестьянин ей все рассказал.

— Ну, это пустяки,— сказала жена.— Ничего худого с нами не случится. Я уже придумала, как провести черта.

— Конечно,— согласился крестьянин,— я могу отказаться от поединка и уступлю ему поле так.

— Пустяки, пустяки,— отвечала старуха,— предоставь мне все дело и будь спокоен. Ты же сам говоришь, что это молодой и неопытный черт. Я заставлю его вернуть нам поле и оставить нас в покое. Будь это старый черт, дело было бы труднее.

Как раз в тот самый день, когда Пантагрюэль прибыл на остров Папифигов, черт должен был явиться к крестьянину в третий раз. Чуть свет крестьянин исповедался, причастился и, по совету священника, спрятался в купели, где его и увидал Пантагрюэль.

Пока Пантагрюэлю рассказывали эту диковинную историю, пришло известие, что старуха действительно ловко провела черта и поле осталось за крестьянином.

Дело было так. Накануне старуха зарезала барана, вытащила потроха и припрятала их до поры, до времени. На следующий день явился черт.

— Эй, мужик! — закричал он. — Выходи пробовать, чьи ногти острее!

Никто не отзывался. Черт смело вошел в дом. Видит — на полу лежит старуха и стонет.

— Что это значит? — спросил черт. — А где же мужик?

— Ах, — отвечала старуха, — этот злодей погубил меня. Ах, он подлец, ах, палач, ах, разбойник! По его милости я умираю, добрые люди!

— Что же он сделал? — спросил черт. — Говори мне, не бойся. Ужо я его отделаю.

— Да как же! — сказала старуха. — Он уговорился чесаться с вами и сегодня для пробы царапнул меня мизинцем. Ах, пропала моя бедная головушка! Взгляните сами: из меня вывалились все потроха.

С этими словами старуха схватила бараньи потроха и швырнула их на пол.

— А теперь, — добавила она, — этот негодяй пошел в кузницу точить себе когти. Вы пропали, господин черт! Спасайтесь, куда целы! Говорю вам, бегите: он может вернуться в любую минуту.

Черт, увидав потроха, испугался и кинулся прочь. С тех пор он больше не появлялся, и крестьянин работал на своем поле без всякой помехи.

Пантагрюэль, выслушав до конца эту историю, приказал подарить разоренным Папефигам из своей казны восемнадцать тысяч золотых. После этого мы возвратились на свои корабли, размышляя о бедствиях людей и человеческой несправедливости.

ГЛАВА XXIX

*О том, как Пантагрюэль
прибыл на остров Папиманов*

Покинув разоренный остров Папефигов, мы поплыли дальше. Стояла ясная, солнечная погода, когда перед нашими глазами открылся блаженный остров Папиманов, поклонников папы римского. Едва только корабли вошли в порт, как от берега отделилась лодка и поплыла к нам навстречу. В лодке сидели четыре человека. Один из них был в монашеской рясе и в грязных сапогах. Другой был одет сокольничим. В руке он держал чучело птицы. Третий был стряпчий. Через плечо у него висел большой мешок, битком набитый судебными повестками. Четвертый казался виноградарем из-под Орлеана. На нем были славные полотняные башмаки, на руке висела корзинка, а из-за кушака торчал блестящий серп.

Островитяне подъехали к нашим кораблям и закричали во весь голос:

— Видели ли вы его, странники? Видели ли вы его?

— Кого его? — спросил Пантагрюэль.

— Его самого, — отвечали они.

— Кто же это такой? — спросил брат Жан. — Клянусь честью, ему не поздоровится, попадись он мне в лапы.

Брат Жан вообразил, что островитяне спрашивают их о каком-нибудь сбежавшем разбойнике.

— Как? — удивились островитяне. — Вы, странники, не знаете *единого*?

— Друзья мои, — сказал Эпитемон, — мы не понимаем друг друга. Объясните, пожалуйста, о ком идет речь.

— Мы говорим о том, кто есть, — отвечали они. — Видели ли вы его когда-нибудь?

— Церковь учит нас, — сказал Пантагрюэль, — что тот, кто есть, это бог. Бога мы, конечно, не видали.

— Мы говорим не о небесном боге, — отвечали островитяне. — Мы говорим о боге земном. Видали ли вы его?

— Клянусь честью, — сказал Карпалим, — они говорят о папе римском.

— Да, да, — отвечал Панург, — да, господа. Я видел целых трех пап, но пользы от этого, признаться, не вижу никакой.

— Как? — удивились островитяне. — В наших декреталях* говорится, что бывает только один живой папа.

— Конечно, — сказал Панург, — враз я видел только одного папу. Но всего я видел трех пап, так как они за мое время трижды сменяли друг друга.

— О трижды и четырежды блаженные люди! — воскликнули островитяне. — О желанные и более чем желанные гости! Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Тут островитяне опустились перед нами на колени и принялись целовать наши ноги. Напрасно мы старались уклониться от такого почета, напрасно говорили, что такие почести подобают, может быть, одному только папе, — ничто не помогало.

— Нет, нет, — говорили островитяне. — Если к нам пожалует сам святейший отец, мы устроим ему еще не такую встречу. Это уж у нас решено. Мы поцелуем папу в зад, так как зад у папы, конечно, имеется. Об этом сказано в наших декреталях. Мы это знаем отлично. Ведь если есть папа, — значит, у него есть и зад. Если бы в мире перестали существовать зады, — значит, не стало бы и папы.

Между тем Пантагрюэль потихоньку спросил у лодочника, кто такие эти господа.

Лодочник сказал, что это представители четырех сословий, которые обитают на острове. При этом лодочник прибавил, что они с честью примут нас и угостят, так как мы видели самого святейшего папу.

— Чудеса, ей-богу, — сказал Панург. — То, что я видел папу, до сих пор не приносило мне ни малейшей пользы. А сейчас, черт побери, польза, я вижу, будет, и польза не маленькая.

Как только мы сошли на берег, навстречу к нам двинулась огромная процессия островитян.

— Они видели его! Они видели его! Они видели его! — громко объявили представители четырех сословий.

При этих словах вся процессия кинулась перед нами на колени.

— О счастливые люди! О блаженные души! — закричал народ, воздевая руки к небу.

Эти крики продолжались добрые четверть часа. Затем прибежал магистр местной школы со всеми своими педагогами, надзирателями и школьниками и задал ребятам генеральную порку. Так в былые времена делали и в Париже, когда вешали какого-нибудь разбойника. Думали, что если школьников при этом как следует высечь, они лучше запомнят поучительное зрелище.

Пантагрюэль рассердился и сказал:

— Господа, если вы не перестанете сечь детей, я уеду обратно.

Громовой голос Пантагрюэля поразил весь народ.

— Неужели все, кто увидит папу, делаются такими великанами? — спросил маленький горбунчик у своего учителя. — Ах, как жаль, что я не видел папу до сих пор!

Наконец на шум и крики появился сам епископ Гоменац, глава острова Папиманов. Епископ Гоменац ехал на неоседланном муле, крытом зеленой попоной. За Гоменацем шли его подручные — дяконы — и несли в руках крест, хоругви, балдахины, факелы, кропильницы.

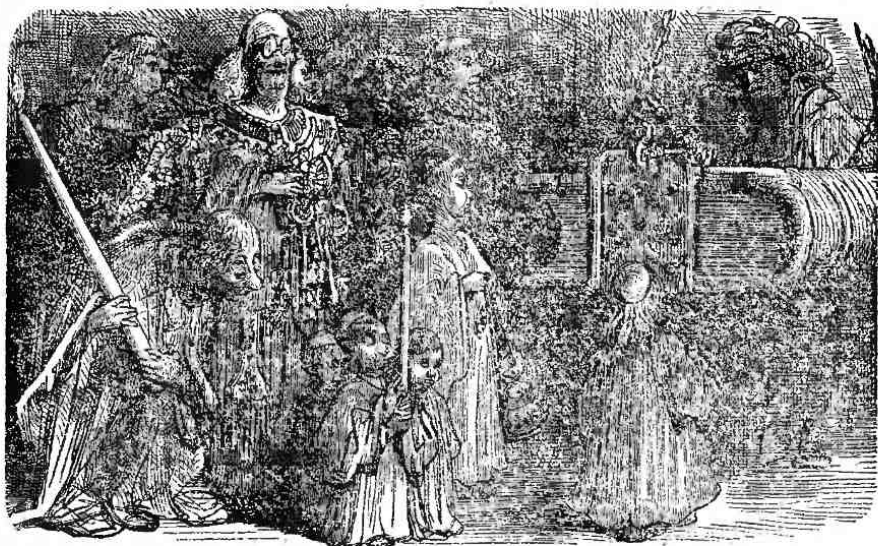
Остановившись перед нами, епископ заявил, что весь остров Папиманов ждет не дожидется, когда его посетит папа. В ожидании этого счастливого дня все путешественники, видевшие папу своими глазами, принимаются здесь с великими почестями.

С этими словами Гоменац тоже хотел было облобызать наши ноги, но мы на этот раз решительно воспротивились и уклонились от такого почета.

ГЛАВА XXX

*О том, как Гоменац,
епископ Папиманский, показывал Пантагрюэлю
упавшие с неба декреталии*

— Наши священные декреталии, — сказал епископ Гоменац, — приказывают, прежде чем идти в кабак, сходить сначала в церковь. Чтобы не отступать от этого прекрасного постановления, сходим сначала в церковь, а потом пойдем пировать.

— Добрый человек, — сказал брат Жан, — вы идите вперед, а мы пойдем следом за вами. Действительно, мы уже давно не бывали в церкви. Я очень рад побывать в ней. От этого у меня разыгрывается чертовский аппетит.

При входе в церковь мы заметили большую позолоченную книгу, всю покрытую редкими и драгоценными камнями: рубинами, изумрудами, жемчугами, брильянтами. Книга висела в воздухе на двух толстых золотых цепях, прикрепленных к высокому своду.

Мы с восхищением смотрели на эту удивительную книгу. Что же касается Пантагрюэля, то он благодаря своему росту свободно до нее доставал и мог поворачивать ее во все стороны. Впоследствии Пантагрюэль уверял нас, что, прикоснувшись к книге, он почувствовал в руках необычайный зуд и в то же время ему страшно захотелось поколотить кого-нибудь из служителей — только, конечно, не духовного звания.

— Из священного писания известно, — сказал нам епископ, — что некогда бог собственноручно написал евреям заповеди и вручил их Моисею*. Точно так же те декреты, которые вы здесь видите, написаны рукою херувима. Впрочем, вы, люди заморские, вероятно, не поверите этому.

— Да, не слишком-то, — сказал Панург.

— А между тем, — продолжал епископ, — они действительно спустились к нам прямо с небес. Вы, которые видели папу собственными глазами, можете смотреть на них сколько угодно

и даже можете приложиться к ним, если пожелаете. Но перед тем вы должны три дня поститься и исповедаться во всех своих грехах.

— Вот что, добрый человек,— сказал Панург,— мы видали много всяких декреталий — и на бумаге, и на пергаменте, и рукописных, и напечатанных. Так что не трудитесь нам показывать их слишком подробно. Мы довольствуемся одним вашим добрым желанием и благодарим вас за него.

— Но ведь эти декреталии написаны самим ангелом! — сказал Гоменац.— Только эти декреталии — подлинные, все остальные — только копии с них. Пожалуйста, не жалейте моих трудов, прошу вас! Скажите только — желаете ли вы исповедаться и пропоститься всего лишь три прекрасных коротеньких божьих денька?

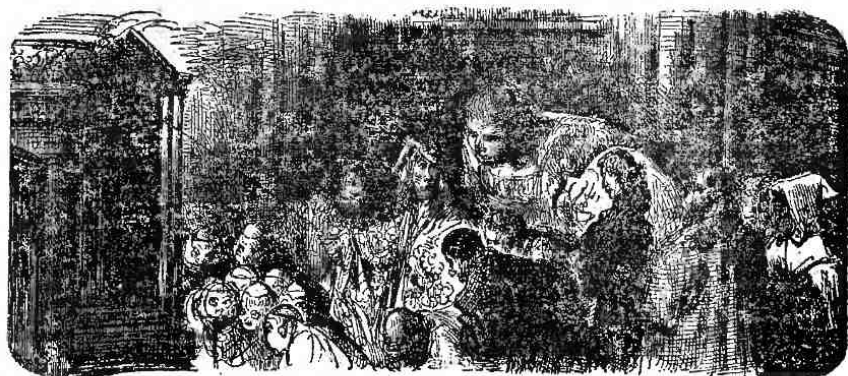
— Исповедаться мы, пожалуй, согласны,— сказал Панург,— но пост нам теперь совсем некстати. Мы так напустились в море, что пауки все зубы у нас покрыли паутиной. Поглядите-ка на брата Жана. У него мох растет во рту оттого, что он давным-давно ничего не жевал.

— Он говорит правду,— сказал брат Жан,— я так постился, что стал от этого горбатым.

— Ну, так войдем в церковь,— сказал Гоменац,— и простите нас, если мы не пропоем для вас прекрасной обедни. Полуденный час прошел, а священные декреталии воспрещают нам после полудня служить обедню,— я хочу сказать: полную, с пением,— но я вам отслужу краткую, без пения, так называемую сухую.

— Я бы предпочел лучше мокрую от хорошего винца,— заметил Панург.— Ну, начинайте, да только покороче.

— Черт возьми,— сказал брат Жан,— как это скверно, когда

в брюхе пусто! Если бы я позавтракал, тогда другое дело. Ну, уж бог с ним. Будем вежливы и терпеливы.

Окончив обедню, Гоменац пошел к главному алтарю и вынул из сундука большую связку ключей. Затем он подошел к окну, наглухо закрытому толстой железной решеткой, и отпер на нем тридцать два замка и четырнадцать задвижек. Затем он с таинственным видом накрылся мокрым мешком и открыл решетку. Под решеткой оказался алый атласный занавес. Гоменац раздвинул занавес. Вместо окна за занавесом оказался какой-то портрет, по-моему, очень неважно написанный. Гоменац прикоснулся к картине железом и дал нам поцеловать его кончик.

— Чье, по-вашему, это изображение? — спросил нас Гоменац.

— Мне кажется, что это портрет папы, — сказал Пантагрюэль. — Я узнаю его по тиаре* и по всему одеянию.

— Вы говорите правильно, — сказал Гоменац, — это изображение земного бога, которого мы надеемся когда-нибудь увидеть и в нашем краю. О счастливая, о долгожданная минута! И как счастливы вы, которые удостоились увидеть воочию нашего земного бога! Ведь стоит только посмотреть на один его портрет, как получишь полное отпущение всех грехов, которые помнишь сам, и одну треть тех, которые запомнил. Вот почему мы смотрим на этот портрет только по большим праздникам.

Пантагрюэль удивился, что в таком неважном портрете скрывается столько удивительной божественной силы.

— Это мне напоминает один случай, который произошел как-то у нас в Селье, — сказал брат Жан. — Однажды в госпитале во время большого праздника нищие хвастались друг перед другом, сколько они насобирали денег. Один говорил, что он выклянчил шесть серебряных монет, второй — два су, третий — семь; наконец, четвертый, здоровенный малый с гнойной, покрытой струпьями ногой, хвастался, что заработал целых три золотых. «Ну что ж, — заметили ему товарищи, — тебе это нетрудно: у тебя божья нога. Она обладает божественной силой. Она сама притягивает к себе деньги».

— Когда вы вздумаете рассказывать нам такие басни, — сказал Пантагрюэль, — то потрудитесь приносить с собой таз. Меня чуть не вырвало от вашего рассказа. Вы, монахи, любите рассказывать про всякие гадости. Только уж, пожалуйста, оставьте эти рассказы при себе и не выносите их за монастырскую ограду.

— Мне кажется, — сказал Панург, — что это портрет какого-то давнишнего папы. Нынешних пап я видел со шлемами на голове. В то время как во всем мире царили тишина и спокой-

ствие, одни только папы вели жестокую и кровопролитную войну.

— Но ведь они воевали с бунтовщиками, еретиками и всякими протестантами*, которые не признают нашего доброго земного бога,— сказал Гоменац.— Это папам не только дозволено, но и приказано святыми декреталями. Папа должен огнем и мечом усмирять императоров, королей, герцогов и князей, если те хоть на йоту отступят от его приказаний. Папа должен расправляться с ними без пощады.

— Ну, вы-то здесь, черт побери, не еретики, конечно,— сказал Панург.— Вы-то уж, конечно, все христиане, как на подбор!

— Поистине так,— сказал Гоменац,— поэтому мы и будем спасены. Ну, а теперь возьмем святой воды и идем обедать.

ГЛАВА XXXI.

Беседа о чудесах, совершенных декреталями

Теперь надо вам сказать, что, пока Гоменац служил нам сухую обедню, трое церковных старост ходили по церкви с огромным тазом, громко взывая:

— Не забудьте счастливых, которые видели его в лицо!

И все прихожане бросали в таз — кто медную, кто серебряную монету. В конце концов весь таз наполнился деньгами. При выходе из церкви Гоменац сказал нам, что на эти деньги будет устроено для нас роскошное пиршество. Обед действительно вышел на славу.

За этим обедом я обратил внимание на две вещи. Во-первых, как мясные кушанья, которые нам подавались,— дикие козы, каплуны, поросята, голуби, кролики, индейки,— все были начинены каким-то особым папиманским фаршем. Во-вторых, кушанья нам подавали милые белокуренькие девицы, одетые в длинные белые платья. То были невесты здешнего края; волосы их были переплетены шелковыми лентами и украшены розами, гвоздикой, флердоранжем и другими цветами. После первого блюда девицы пропели нам песню в честь святых декреталий и каждому из нас поднесли с глубоким приседанием по бокалу вина.

— Сударь,— сказал Гоменац Пантагрюэлю,— пью за ваше здоровье от всего сердца.

И, осушив бокал, прибавил:

— О божественные декретаии! Это вы сделали наше вино таким вкусным!

— Вино и без того недурно, — заметил Панург.

— О божественные херувимские декреталии! — продолжал Гоменац. — Как вы необходимы для нас, бедных смертных, в нашей печальной юдоли! Когда же, когда же, наконец, настанут такие времена, что все люди будут читать только вас, отбросив всякие другие учения? Ведь священные декреталии надо читать днем и ночью, надо прилежно изучать их, внедрять в свою кровь,

в свой мозг, во все части своего организма. Только тогда мир будет счастливым.

— Фу ты, дьявол,— сказал Эпитемон,— этот проклятый дурак... виноват, я хотел сказать: этот проклятый фарш расстроил мне желудок. Придется выйти отсюда. Иначе я сам за себя не ручаюсь.

— Тогда не будет ни града, ни мороза, ни изморози и вообще никаких бед! — продолжал Гоменац, как ни в чем не бывало.— О, какое изобилие благ наступит тогда на земле! О, какой ненарушимый мир воцарится во вселенной! Прекратятся всякие войны, грабежи, убийства, за исключением, конечно, войны против еретиков и бунтовщиков, которых должно истреблять безо всякой пощады! Ведь стоит только прочесть в декретах одну маленькую статейку или даже полстатьки, как вы почувствуете в своем сердце огонь божественной любви к своему ближнему, если он, конечно, не еретик.

— Золотые слова,— сказал Панург,— только что-то плохо в них верится! Однажды мне случилось прочесть из декретов одну главу. От этого у меня сделался такой запор, что желудок дня четыре не действовал вовсе.

— Очевидно, вы совершили тогда какой-то грех,— сказал Гоменац.

— Подобный случай был в Мансе,— сказал брат Жан.— Тамашний аптекарь, Франсуа Корню, завертывал в старые декреты свои лекарства. И — удивительное дело! — все лекарства портились от этого на другой же день.

— Кара и наказание божие! — сказал Гоменац.— Как смел он употреблять на мирские безделки такие священные рукописи?

— В Париже,— сказал Понократ,— портной Гронье пустил старые декреты на выкройки. И будь я проклят, если одежды, скроенные по этим выкройкам, на что-нибудь годились! Желая скроить капюшон, Гронье выкраивал женскую юбку. Вместо блузы кроил широкополую шляпу. Вместо кафтана получалась феска. Вместо куртки выходило нечто, похожее на печку. Когда же подмастерья распорили ей низ, вышла — ни дать ни взять — сковорода для каштанов. И до того дошло дело, что портного притянули к суду и приказали уплатить заказчикам за испорченную материю. Теперь Гронье — нищий, у него нет ни копейки за душой.

— Наказание и божия кара! — сказал Гоменац.

— В Каюзаке,— сказал Гимнаст,— господин д'Этисак устроил тир для стрельбы в цель. Слуга разорвал на части старые декреты и из чистых листов понаделал мишени. И черт меня побери, если хоть один стрелок попал тогда в цель!

Все стреляли мимо. Сансорнен-старший, который наблюдал за стрельбой, ясно видел, что стрелы, перед тем как вонзиться в мишень, отскакивали от нее на сажень в сторону, к самой пекарне.

— Чудо! — вскричал Гоменац. — Чудо! Чудо! Отче, подай-ка вино! Пью за ваше здоровье. Кажется, вы добрые христиане.

При этих словах девицы принялись пересмеиваться между собой. Брат Жан фыркнул носом, будто собирался заржать по-лошадиному.

— Но удивительнее всего то, — сказал Гимнаст, — что когда мишени переменили, то все стали стрелять прекрасно, и никто из стрелков не промахнулся.

— А вот в Ландеруссе, — сказал Евдемон, — на свадьбе у Жана Делифа мы устроили веселый маскарад. Мои школьные товарищи достали себе лиловые и белые ливреи и сделали смешные бороды. Но масок у нас не было. Мы взяли старые декреталии и вырезали из них маски с отверстиями для глаз и ушей. И удивительное дело! Когда маскарад окончился и маски были сняты, все пришли в ужас. Лица у нас стали безобразнее, чем у чертенят, и все это наделали ваши декреталии. У одного появилась сыпь, у другого — короста, у третьего — краснуха, у четвертого — оспа. И меньше всех пострадал тот, у которого выпали все зубы.

— Чудо! — вскричал Гоменац. — Чудо! Чудо!

— Постойте, — сказал Евдемон, — конец венчает дело. Две моих сестры, Катерина и Ренэ, вздумали однажды выгладить свои только что выстиранные и накрахмаленные воротнички и манжетки. А у нас дома были тяжелые старинные декреталии, в толстом переплете. Вот сестры и положили в эти декреталии свои воротнички. И богом клянусь...

— Постоите,— сказал Гоменац,— каким вы клянетесь богом?

— Бог один,— сказал Евдемон.

— На небе один, конечно,— сказал Гоменац,— а на земле разве нет другого?

— Прошу прощения,— сказал Евдемон,— о нем-то я и позабыл. Итак, клянусь земным богом, то есть папой, что все белье моих сестер — манишки, манжетки, воротнички, чепчики — стало после этого черным как сажа.

— Чудо! — сказал Гоменац.— Подай-ка, отче, нам вина да запомни эти прекрасные истории.

— Больше всего меня удивляет,— сказал Эпитемон,— как это папа умудряется с помощью своих декреталий выкачивать из Франции по четыреста тысяч золотых дукатов ежегодно. Вот это действительно, настоящее чудо!

— Это пустяки,— сказал Гоменац.— Ведь Франция — единственная страна, которая кормит папу. Но все же найдите мне хоть одну еще такую книгу, которая притягивает к себе столько золота! Не найдете. Нет такой. Вы не найдете, уверяю вас, такой святой книги. И подумать только — эти черти-еретики до сих пор не признают ее и не читают. Жгите их, терзайте, режьте, топите, вешайте, сажайте на кол, четвергуйте, колесуйте, рубите, жарьте, распинайте, варите в котлах, обдирайте заживо,— они в тысячу раз хуже убийц и разбойников! Умоляю вас, друзья мои,— продолжал Гоменац,— ни во что другое не верьте, ни о чем другом не думайте, ничего другого не делайте, кроме того, о чем говорится в наших священных декреталиях. Тогда вы будете жить в славе, в почете, в богатстве. Все вас будут уважать, все вас будут бояться. Ведь все почитатели декреталий — декреталисты — самые лучшие люди на свете. Хотите вы иметь у себя хорошего короля или полководца,— возьмите декреталиста. Хотите найти человека, который умеет держать народ в страхе и повиновении,— возьмите, говорю вам, декреталиста. Отчего в некоторых странах народ устраивает разные мятежи и восстания? Оттого, что правители у них — не декреталисты. А зато сколько благ сулят нам священные декреталии! Вот, например, все университеты изображают на своих гербах большую книгу. Что это за книга, по-вашему?

— Не знаю,— сказал Пантагрюэль,— я никогда в нее не заглядывал.

— Это декреталии,— сказал Гоменац.— Без них была бы немыслима никакая наука. Вы этого не ожидали? Ха-ха-ха-ха!

Тут Гоменац принялся икать, рыгать, хохотать и брызгать слюной во все стороны.

— Ура! — закричал Эпитемон. — О чудесные, пречудесные, расчудесные декреталии!

— Отче, вина! — сказал Гоменац. — Подавайте фрукты, девицы. Итак, я говорил вам, что если вы будете почитать одни только декреталии, вы будете богаты и счастливы. Кроме того, скажу вам, что вы будете счастливы и на том свете, ключи от которого — в руках у нашего господина папы. О добрый бог, о святой отец, которого я обожаю, но которого я еще не видел, будь к нам милостив отныне и довеку. Отдай приказание, чтобы у нас не было ни в чем недостатка и чтобы дьявол не завладел нашими душами! В твоей власти избавить нас от него. Ведь все случится так, как ты пожелаешь!

Тут Гоменац залился горячими слезами, начал бить себя в грудь и целовать свои пальцы, сложенные крестом.

— Мяу! Мяу! Мяу! — завопили брат Жан с Панургом, прикрывшись салфетками и делая вид, что они вытирают слезы.

В это время девицы снова подали вина и принесли вазы с вареньем. Пир немного оживился, и только один Гоменац все еще вытирал платком свои пьяные слезы.

После обеда мы простились с Гоменацем и обещали ему заехать в Рим — попросить папу, чтобы он поскорее посетил своих поклонников. Затем Пантагрюэль щедро оделил девиц подарками и возвратился на свой корабль.

ГЛАВА XXXII

*О том, как Пантагрюэль услышал
в открытом море разные оттаявшие слова*

Мы плыли по открытому морю и весело болтали друг с другом. Вдруг Пантагрюэль поднялся на ноги и оглянулся вокруг.

— Друзья, вы ничего не слышите? — спросил он. — Мне показалось, что в воздухе разговаривают несколько человек. Однако я никого не вижу. Послушайте-ка.

Мы стали прислушиваться. Чтобы лучше слышать, мы приложили к ушам ладони. Но никаких голосов не было слышно.

Пантагрюэль, однако, твердил, что он слышит в воздухе мужские и женские голоса. Наконец и нам показалось, что мы что-то слышим. Или, может быть, это у нас в ушах зазвело?

Но чем больше мы прислушивались, тем яснее начинали

различать какие-то голоса. Наконец мы стали разбирать отдельные слова и ржание лошадей.

Мы перепугались, и не без причины: вокруг нас никого не было, мы были одни в открытом море, и тем не менее рядом с нами говорили какие-то невидимые люди, какие,— мы этого не знали.

— Черт возьми! — закричал Панург. — Смеются над нами, что ли? Мы попали в засаду! Брат Жан, где ты, дружище? Стань рядом со мной, прошу тебя. Где у тебя меч? Посмотри, легко ли он вынимается из ножен? Да он весь у тебя заржавел! Мы пропали! Слышите, как палят из пушек? Бежим отсюда! Я говорю это не из страха. Я ничего не боюсь, кроме опасности. Бежим отсюда скорее! Штурман, поворачивай корабль, мерзавец! Нам все равно с ними не справиться. Их вдесятеро больше нас. Кроме того, они тут у себя дома, а мы не знаем местности. Они перебьют нас. Бежим отсюда! По крайней мере, отплывем отсюда подальше.

— Кто это там толкует о бегстве? — сказал Пантагрюэль. — Посмотрим сначала, что это за люди. А вдруг они — наши. Однако я никого не различаю, хотя вижу на сто миль вокруг. Уж не замерзшие ли это слова?

— Что это такое? — спросил Эпитемон.

— Говорят, что в некоторых холодных странах слова замерзают в воздухе, — сказал Пантагрюэль. — Об этом я читал у одного древнего мудреца. Здесь, может быть, как раз то самое место, где эти слова оттаивают.

— Не беспокойтесь, сударь, — сказал Пантагрюэлю шкипер, — здесь как раз граница Ледовитого океана, где прошлой зимой произошло жестокое сражение между аримаспийцами и нефлидатами*. Крики бойцов, удары, бряцание оружия, ржание коней и весь страшный гвалт битвы — все это замерзло в воздухе, и только теперь, когда настала весна, звуки снова оттаивают и делаются слышными.

— Это похоже на правду, — сказал Панург. — Давайте поищем, нет ли тут слов, которые еще не оттаяли.

— Вот они, — сказал Пантагрюэль и бросил на палубу целую пригоршню замерзших слов, похожих на разноцветные леденцы.

Среди них мы увидели красные, синие, желтые, зеленые и позолоченные слова. Согреваясь в наших руках, они таяли, как снег, и мы их слышали, хотя и не понимали, что они значат: все это были незнакомые иноземные слова. Одно довольно крупное слово, когда брат Жан согрел его в ладонях, вдруг лопнуло, словно каштан, когда его бросают в горячую воду.

— В свое время это был выстрел из фальконета*, — сказал брат Жан.

После этого Пантагрюэль достал еще две-три пригоршни замерзших слов. Среди них было много насмешек и ругательств. Шкипер сказал, что они иногда сами возвращаются в ту глотку, из которой вылетели, и пробивают ее насквозь.

Когда слова растаяли, мы услышали:

— Хип, хип, хип! Хис, тих, торш! Бредеден! Бредедак! Ф-рр! Ф-рр! Ф-рр! Бу-бу-бу! Тракк! Тракк! Он, он, дуун! Гог, Магор!*

И разные другие непонятные слова.

Мы поняли, что все это — боевые крики и конское ржание. Другие, покрупнее, тая, начинали трубить, словно рожок. Можете себе представить, как все это нас забавляло? Я хотел сбечь несколько ругательных слов на память и положил их в деревянное масло, чтобы они не растаяли. Но Пантагрюэль сказал, что хранить ругательства глупо: на корабле и без того в ругательствах нет недостатка. Я согласился с Пантагрюэлем и выбросил ругательства за борт.

ГЛАВА XXXIII

*О том, как Пантагрюэль
высадился на остров мессира Гастера**

В тот же день Пантагрюэль пристал к острову мессира Гастера. Этот бесплодный и каменистый остров поднимался из моря, словно огромная скала. Немало пришлось нам попотеть, чтобы взобраться на его вершину. Но зато на вершине местность была восхитительна. Повсюду лежали плодоносные поля, зеленели сады, и все это было так красиво, что показалось мне раем земным.

Несмотря на это, мессир Гастер, владелец этого острова, — властелин строгий и непокладистый. Его не обманешь, не проведешь обещаниями. Он никого не слушает. Свои приказы он заставляет исполнять немедленно и не терпит никаких отсрочек.

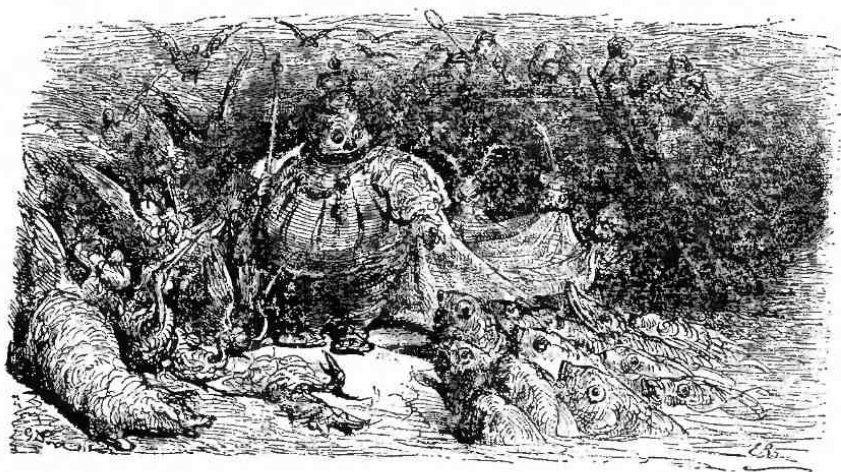
Шкипер рассказал нам, что однажды государство Частей Тела восстало против Гастера и отказалось ему повиноваться. Но вскоре Части Тела спохватились и вернулись к Гастеру с повинной. Да иначе и быть не могло. Все они погибли бы с голоду.

В благодарность за повиновение Гастер оказывает миру разные услуги. Он придумывает искусства, изобретает машины, вводит ремесла и разные усовершенствования. Вместе с ним проживает добрая дама Пэния, иначе сказать — Нужда. Всюду, куда ни ступит эта добрая дама, начинается полный беспорядок: парламенты закрываются, народ не слушает приказов, и все бегут, куда глаза глядят, лишь бы не попасть ей в лапы.

При дворе мессира Гастера мы увидели множество чревоугодников и чревоугодниц. Чревоугодники были неприятные, злые кудесники, которые вечно завидовали друг другу и ссорились. Что касается чревоугодниц, то они всегда ходили толпой и никогда ничего не делали. Все они боялись только одного: как бы им не похудеть. Мессира Гастера они считали своим богом, служили и поклонялись ему каждый день и любили его больше всего на свете.

Покуда мы рассматривали чревоугодников, ударил колокол, и вот весь народ выстроился в длинную колонну, причем каждый занял место сообразно своему чину, званию и положению.

Знатные стали впереди; те, у кого чин был поменьше, — сзади. Колонна прошла как на параде перед мессиром Гастером. Впереди шел жирный молодой пузан и нес на палке статую Великого Обжоры. Это было безобразное изображение, настоящее огородное пугало. Глаза у него были больше живота, голова — толще всего остального тела, челюсти — большие и широкие, утыканые крепкими зубами. Палка, на которой несли статую, была в середине пустая. В ней была спрятана веревочка. Когда пузан дергал за эту веревочку, челюсти Обжоры страшно щелкали, словно у огромного щелкунчика.

Вслед за чревоугодниками шло множество слуг с горшками и корзинами в руках. Распевая безобразные гимны, они кормили Великого Обжору колбасой, сосисками, похлебкой, копчеными языками, ветчиной, солониной. И все это шло вперемежку с вином. После того ему в глотку вкладывали паштеты, свиные котлеты, жареных куропаток, зайцев, перепелов, рябчиков и всякую другую жареную дичь. Затем шли овощи, пирожные, варенья, торты, кремы. Затем опять вино, чтобы в горле не пересохло.

Когда Пантагрюэль увидел это отвратительное жертвоприношение, он так рассердился, что решил тотчас же вернуться на корабль. Насилу Эпитемон уговорил его остаться — посмотреть, чем окончится эта комедия.

Но процессия прошла перед своим властелином и скрылась из глаз. Тогда Пантагрюэль стал разглядывать самого мессира Гастера. И вот что Пантагрюэль узнал о нем.

Чтобы прокормить себя, Гастер прежде всего изобрел земледелие, то есть искусство обрабатывать землю, чтобы она да-

вала хлебное зерно. После этого он изобрел военное искусство, чтобы оборонять хлеб от неприятеля. Затем он придумал водяные, ветряные и ручные мельницы и тысячи других машин, чтобы молоть хлеб и обращать его в муку. Затем открыл дрожжи, чтобы тесто поднималось, соль, чтобы придать хлебу вкус, огонь, чтобы его печь, часы и куранты, чтобы рассчитывать время, пока хлеб печется.

Случалось, что в какой-нибудь стране хлеб не родился. Гастер придумал способ перевозить хлеб из одной страны в другую. Он изобрел телеги и фуры. Там, где были моря и реки, он изобрел барки, галеры, корабли, чтобы перевозить хлеб по воде.

Бывало, что в иные годы, при засухе, зерно высыхало в земле и не всходило. Или, напротив, стояла слишком дождливая погода и гноила зерно. Бывало так, что хлеба побивал град. Как раз перед нашим прибытием Гастер изобрел способ вызывать дождь по своему желанию и задерживать его в воздухе, когда он был не нужен.

Произошла новая беда: грабители и разбойники воровали хлеб на полях. Тогда Гастер изобрел искусство строить города, крепости и замки, чтобы охранять хлеб. Чтобы сокрушать грабителей, он придумал, как брать чужие крепости приступом с помощью стенобитных машин и таранов. Затем, с течением времени, он изобрел пушки, бомбарды и мортиры, стреляющие железными, свинцовыми и медными снарядами. Многие из этих снарядов весят больше, чем любая наковальня. Выбрасываются они из пушек порохом, который страшнее грома и молнии, так как истребляет множество людей.

Но случилось так, что Гастер сам был осажден неприятелем. Тогда он изобрел способ защищать свои крепости от канонады и задерживать в воздухе неприятельские ядра. Например, он устроил такой опыт. В большую бронзовую пушку он положил пороху, очищенного от серы, но с большой примесью камфары. Вместе с порохом Гастер положил железное ядро крупного калибра и двадцать одну дробину, из которых одни были круглые, а другие в форме слезы. Затем прямо перед дулом пушки, в шестидесяти шагах от нее, он поставил одного из своих молодых пажей, а посредине, между пажом и пушкой, повесил на веревке большой магнит. После этого он стрелял из пушки. Ядро и дробины, пущенные с такой силой, казалось, должны были убить пажа. Но в тот момент, когда они приближались к магниту, они вдруг теряли всю свою силу, начинали вертеться вокруг магнита, и ни одна из них до пажа не долетала.

Кроме этих изобретений, мессир Гастер придумал еще множество других, и с тех пор могущество его непоколебимо.

ГЛАВА XXXIV

*О том, как Пантагрюэль поднял
ветер вблизи острова Ханефа**

На следующий день мы достигли острова Ханефа, но подойти к нему не могли, так как ветер упал и наступил штиль. Покачиваясь из стороны в сторону, корабль еле двигался, хотя все паруса были подняты.

Все мы сидели на палубе, угрюмые и сердитые, и ни слова не говорили между собой. Пантагрюэль дремал, лежа в гамаке. Эпитемон возился с астролябией*. Брат Жан ушел на кухню — проведать, как там идут дела. Панург пускал мыльные пузыри. Понократ для смеха щекотал у себя под мышкой. Карпалим строил из ореховой скорлупы красивую маленькую мельницу с четырьмя крыльями. Ксеноман чинил старый фонарь соколиными ремнями.

В это время брат Жан, вернувшись из кухни, заметил, что Пантагрюэль проснулся.

— Черт возьми, — сказал брат Жан, — как бы нам поднять ветер, чтобы сдвинуться с места?

— Нет, — сказал Панург, — ты лучше скажи мне, что мне сделать, чтобы избавиться от скуки.

— А мне, — сказал Гимнаст, поднимаясь на ноги, — посоветуйте какое-нибудь лекарство, чтобы не темнело в глазах.

— А мне, — прибавил, почесываясь, Понократ, — как избавиться от этого собачьего сна.

— Друзья мои, — сказал Пантагрюэль, — на все ваши вопросы существует только один ответ. А так как голодное брюхо к учению глухо, мы не будем говорить словами, а будем действовать.

С этими словами Пантагрюэль потянул за веревку обеденного колокола, а брат Жан тотчас же побежал обратно на кухню.

— Что за люди живут на этом острове? — спросил Пантагрюэль после некоторого молчания.

— Тут живут разные лицемеры, ханжи, пустосвяты и пустынные, — ответил Ксеноман. — Они ничего не делают и живут милостыней, которую им подают путешественники.

— Ну, так я туда не поеду, — заявил Панург. — Лицемеры, ханжи, пустынные, черт вас возьми, провалитесь вы совсем!

В это время слуги расставили столы, накрыли их скатертями, принесли кубки, чаши, бокалы. Брат Жан с помощью хлебопексов поставил на стол четыре огромных пирога с ветчиной. Пироги были до того огромны, что напоминали крепость с четырьмя бастionsами.

Боже милостивый, сколько было тут выпито и съедено! Мы еще не добрались до десерта, как поднялся норд-ост и надул наши паруса. Под веселые крики корабль сдвинулся с места и поплыл вперед, бороздя вспенившуюся воду.

Когда подали фрукты, Пантагрюэль спросил:

— Ну, как, друзья, помог ли вам мой ответ?

— Да, — сказал Панург, — я больше не скучаю, ей-богу.

— А у меня не темнеет в глазах, — сказал Гимнаст.

— Сон с меня как рукой сняло, — прибавил Понократ.

— И притом, — сказал Пантагрюэль, — мы подняли славный ветер. Взгляните, как надулись паруса. Пока мы сидели мрачные и скучные, вместе с нами скучала и сама природа. Но как только мы пришли в хорошее настроение, природа развеселилась вместе с нами. Итак, поднимем наши бокалы и не будем больше скучать!

ГЛАВА XXXV

*О том, как Панург принял
за чертенка корабельного кота Родилярдуса*

Попутный ветер и веселые речи не прекращались, когда Пантагрюэль заметил вдали гористую землю.

— Что это за остров? — спросил он у Ксеномана.

— Это остров Мошенников, — сказал Ксеноман. — Живут на нем одни воры да разбойники. К нему не следовало бы приставать, но тут недалеко от берега бьет чудесный ручеек, а вокруг него большой лес. Наша команда может запастись водой и топливом.

— Прошу вас, не приставайте к этому острову, — сказал Панург. — Жители его хуже людоедов. Они съедят вас живьем. Слышите, как они ударили в набат? Или это у меня в ушах звенит? Не причаливайте, ради бога. Прочь, прочь отсюда!

— Мы должны непременно сойти на берег, — сказал брат Жан. — Иначе мы никогда не отдохнем от плавания. Разбойников нечего бояться. Мы всех их перебьем. Ну, причаливайте живее!

— Этот чертов монах ничего не боится, — сказал Панург. — Хоть бы ты о других подумал, отчаянная ты голова! Тут, кажется, не все такие бешеные, как ты. Прошу вас, господа, не причаливайте к этому острову. Не слушайте монаха. Он сам не знает, что говорит.

— Иди к черту, негодный трус! — сказал брат Жан. — Право, ты готов обделаться со страху. Если уж ты так боишься, не сходи на берег и спрячься где-нибудь здесь.

При этих словах Панург моментально исчез в трюме и спрятался там среди мешков с сухарями.

— Послушайте-ка, — сказал брат Жан, — пока наши люди запасаются водой, не хотите ли позабавиться? Давайте выпалим из всех пушек. Это будет славная потеха.

— Хорошо, — отвечал Пантагрюэль, — позовите сюда главного бомбардира.

Бомбардир явился, зарядил пушку и выстрелил. Другие корабли, услышав выстрел, принялись палить из своих пушек.

Поднялась такая канонада, что Панург, словно одурелый козел, выскочил из трюма в одной рубашке. В правой руке он держал корабельного кота Родилярдуса, который вцепился когтями в его рубашку и шевелил челюстями, словно обезьяна. Дрожа всем телом, Панург бросился к брату Жану.

— Спасите меня, — вопил он, — я только что видел целую кучу чертей. Ей-богу, они сегодня празднуют свою адскую свадьбу. Видите, сколько дыму напустили!

И Панург показал на пушечный дым, который уже окутал корабли.

Все засмеялись, но брат Жан заткнул нос и показал Пантагрюэлю на рубашку Панурга. Пантагрюэль увидал, что рубашка была перепачкана, а сам Панург до крови исцарапан корабельным котом.

— Панург, голубчик, — сказал Пантагрюэль, еле удерживаясь от смеха, — зачем вам понадобился этот кот?

— Кот? — удивился Панург. — Черт меня побери, а я-то думал, что это чертенок вцепился в мою рубашку. Черт бы побрал этого кота! Он меня всего исцарапал.

Говоря это, он швырнул кота на палубу.

— Ступайте, ради бога, — сказал Пантагрюэль, — вымойтесь и наденьте чистую рубашку.

— Уж не думаете ли вы, что я испугался? — сказал Панург. — Ничуть не бывало. Ха-ха-ха! Я просто смеюсь над всей этой историей. Вы видите эту рубашку перепачканной? Очень может быть, что это так. Но я не испугался, нет. Панург ничего не боится, кроме опасности! Вот как! Выпьем теперь!

ГЛАВА XXXVI

*О том, как Пантагрюэль
прибыл на остров Звонкий*

Три дня плыли мы без всяких приключений. На четвертый день вдалеке показалась земля. Шкипер сказал нам, что это остров Звонкий. Со стороны острова слышался непрерывный и беспорядочный шум. Можно было подумать, что там звонят в колокола — большие, средние и малые сразу, как это бывает в Париже, в Нанте и других городах в большие праздники. И чем ближе подплывали мы к острову, тем яснее слышали этот трезвон.

— Я подозреваю, — сказал Пантагрюэль, — что с этого острова улетел пчелиный рой, и люди, чтобы вернуть его обратно, принялись бить в тазы, котлы и кастрюли. Слушайте-ка!

Подъехав ближе, мы услышали вместе с колокольным звоном чье-то непрерывное пение. Очевидно, это пели туземцы. Вблизи острова Пантагрюэль заметил маленькую скалу. У подножия скалы стояла хижина, окруженная садиком. Пантагрюэль решил заглянуть в эту хижину.

В хижине мы нашли добрячка-пустынника, по имени Брагибюс, который угостил нас на странный манер: он заставил нас пропоститься целых четыре дня. Пустынник заявил, что иначе нас на остров не пустят, потому что сейчас там пост четырех времен года.

— Не понимаю такой загадки, — сказал Панург. — Скорее это пост четырех ветров. Ведь те, кто постятся, питаются одним ветром. Неужели вам больше делать нечего, кроме как поститься? Ей-богу, это скучное дело. Мы отлично обошлись бы и без него.

— Нет, — сказал отшельник, — сейчас не поститься невоз-

можно. Таков наш обычай. А кто с ним не согласен, тот еретик, и его полагается сжечь на костре.

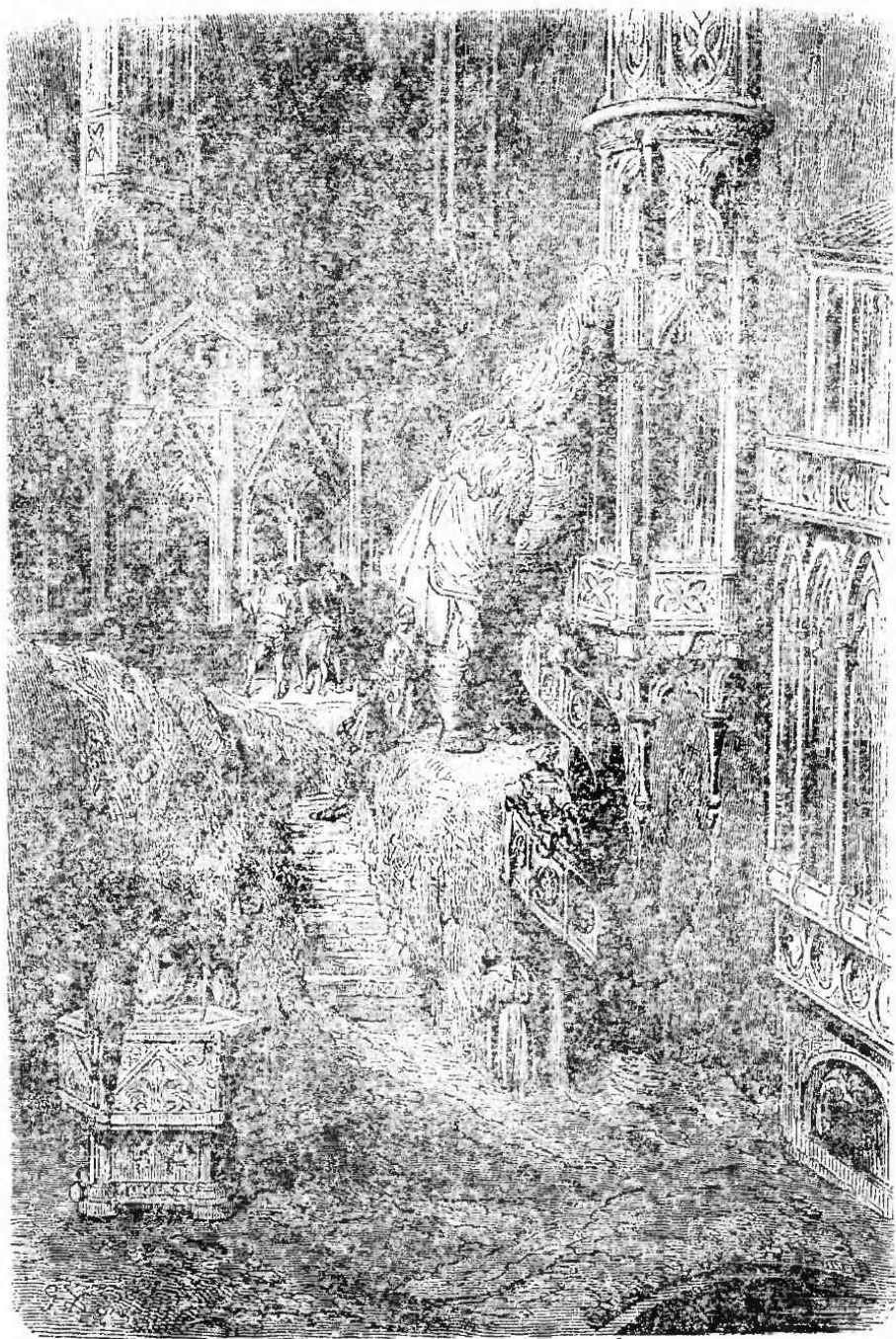
— Ну, отче,— сказал Панург,— в море я больше боюсь утонуть, чем сгореть в огне. Но уж если вам так хочется, извольте, мы попостимся. Пост — это дело пустяковое. Гораздо труднее сделать так, чтобы не класть зубы на полку.

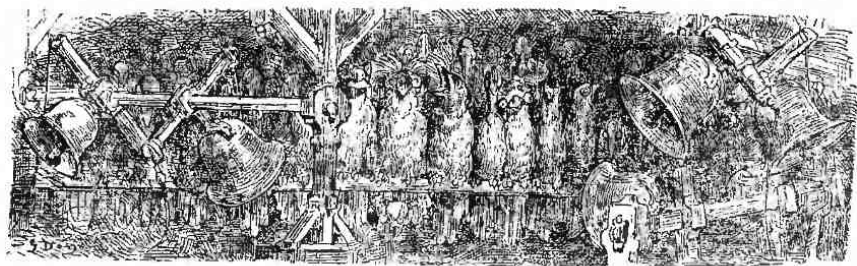
И вот мы принялись поститься. Пост был, по правде сказать, не из легких. В первый день мы постились без отдыха и срока, на второй — без толка и без смысла, на третий — высунув язык, на четвертый — не на жизнь, а на смерть. Таков был здешний обычай.

Когда наш пост кончился, отшельник снабдил нас письмом к некоему Альбиану Камару, церковному сторожу острова Звонкого. Это был славный старикашка, весь лысый, с багровыми щеками и малиновым носом. Узнав из письма, что мы пропостились столько, сколько нужно, он очень хорошо нас принял, великолепно угостил и показал все достопримечательности острова.

Оказалось, что на острове Звонком живут одни только птицы. Птицы были большие, красивые, обходительные и очень походили на моих соотечественников. Они пили, ели, спали совсем как люди. С первого взгляда можно было подумать, что это настоящие люди, но это было не так. Старец сказал нам, что это ни священники, ни миряне. Их оперение также смущало нас: у одних оно было белое, у других — черное, у третьих — серое, у четвертых — красное. Были тут птицы наполовину белые, наполовину черные или же

белые наполовину с голубым. Самцов у них звали клергами, монагами, претрагами, аббегами, эвегами, карденгами и, наконец, папагами. На весь остров полагался только один папак. Самок звали клергессами, монагессами, претрагессами, аббегессами, эвегессами, карденгессами, папакессами.

Нас очень удивило, почему на всем острове живет только один папак. Сторож сказал нам, что такое здешний обычай. Здешние птицы, оказалось, могут превращаться друг в друга. Так, клерги могут превратиться в претрагов и монагов. Претраги могут стать эвегами, а эвеги — карденгами. Из карденгов избирается папак. И подобно тому как в пчелином улье бывает только одна матка, а в мире светит только одно солнце, так и на острове Звонком существует всего лишь один папак.

Правда, 2660 месяцев тому назад на острове появились сразу два папага*. Но это было настоящее бедствие. Часть птиц примкнула к одному папагу, а другая часть — к другому. Некоторые птицы вдруг стали немыми и перестали петь. Другие запретили звонить в колокола. Приверженцы папагов нападали друг на друга, дрались и ссорились непрерывно, так что острову грозила опасность остаться без обитателей. В это смутное время призвали на помощь иноземных императоров, королей, герцогов, графов и баронов. Усмирители явились и принялись за дело, но смута улеглась только тогда, когда один из папагов умер и на всем острове оказался снова только один папак.

Мы спросили у сторожа, почему птицы все время поют. Сторож сказал, что петь им приказывают колокола, которые висят над их клетками.

— Хотите, — сказал он, — я заставляю петь вон тех монагов, которые носят на головах капюшоны?

— Пожалуйста, — попросили мы.

Сторож позвонил в колокол шесть раз. На звон сбежались монаги и ну петь во всю глотку!

— А если я позвоню, — сказал Панург, — запоют вон те, у которых перья цвета копченой селедки?

— Конечно,— отвечал сторож.

Панург позвонил, и эти копченые пичужки действительно запели, только голоса у них были сильные и неприятные. Сторож сказал нам, что эти птицы — страшные ханжи, и, кроме рыбы, они ничего не едят.

— Вы объяснили нам,— сказал Пантагрюэль сторожу,— что птицы, начиная с клергов, могут постепенно превращаться друг в друга. Но откуда же берутся у вас клерги?

— Они прилетают к нам из-за моря,— сказал сторож.— Часть их прилетает из большой удивительной страны, которая называется «Хлеба-нету», часть — из другой страны, что лежит к западу и называется «Слишком-много-их». Клерги покидают там своих отцов, матерей и друзей и летят к нам целыми стаями. Представьте себе, что в каком-нибудь доме слишком много детей. Если всех их оделять наследством, весь дом разорится. Поэтому лишних детей родители отсылают на наш остров. Это и есть клерги.

— Само собой разумеется,— продолжал сторож,— что большинство этих людей — горбатые, кривые, хромые, жалкие существа, бесполезно обременяющие землю. Обычно матери выбривают у них на макушке головы все волосы и бормочут при этом разные тарабарские молитвы. После этого дети делаются клергами и летят к нам. Не знаю, чем это объяснить, но клергессы с тех пор забывают свои милые домашние песенки и поют одни только

молитвы — тягучие и жалобные. И постоянно проклинали своих родственников за то, что они сделали их птицами, — молодые и старые одинаково.

— Что же им мешает улететь обратно? — спросил я.

— Некоторые улетают, — сказал сторож, — но таких очень мало. Перед тем, как улететь, они сбрасывают свое оперение в крапиву*.

И действительно, в крапиве мы нашли небольшую кучку сброшенных перьев. После этого сторож привел нас в большую прохладную столовую.

— Я знаю, — сказал он, — что отшельник Брагибюс заставил вас пропоститься четыре дня. Здесь вы будете, наоборот, четыре дня пить и есть не переставая.

Боже правый! Как же мы тут наелись! О великий, добродетельный человек!

ГЛАВА XXXVII

*О том, как церковный сторож
показывал нам знаменитого Папага*

После первых закусок брат Жан спросил у сторожа:

— На этом острове у вас только птицы да птицы. Они не сеют, не пахут и не обрабатывают земли. Все их занятие — прыгать да распевать во все горло. Откуда же вы получаете такую уйму припасов, чтобы прокормить эту компанию?

— Из всех остальных стран света, — отвечал сторож. — Только несколько северных земель взбунтовались, и с тех пор мы ничего от них не получаем*.

— Псст! — сказал брат Жан. — Они раскаются — тили-бом! Они раскаются — тили-бом! Выпьем, друзья!

— Из какой страны вы сами? — спросил сторож.

— Из Франции, — сказал Панург, — из Турени.

— Из Турени к нам идет много разного добра, — сказал сторож. — Говорят, что герцогу туренскому самому скоро нечего будет кушать, так как все его фазаны, куропатки, рябчики и индейки идут на прокорм нашим священным птицам. Взгляните-ка на этот насест. Видите, какие жирные птицы сидят на нем? Они кормятся доходами из Турени. Ну, зато и поют же они! Лучше всяких соловьев! Выпьем!

— Дьявол! — воскликнул Панург. — Хорошо же вам живется на этом свете!

— А на том свете, — сказал сторож, — нам будет житья еще лучше. Пью за ваше здоровье.

На третий день пира Пантагрюэль заявил, что он хочет непременно повидать самого папага.

— Это не так-то легко сделать,— сказал сторож.— Папаг показывается людям очень неохотно. Я, однако, постараюсь сделать так, чтобы вы его увидели.

С этими словами он вышел, оставив нас в одиночестве.

Через четверть часа сторож вернулся и приказал нам потихоньку следовать за ним. С бесконечными предосторожностями он подвел нас к роскошной клетке, где сидел папаг. Вместе с ним в клетке сидели два маленьких карденга и шесть больших жирных эвегов.

— Какое глупое животное! — сказал Пантагрюэль, рассматривая папага.— Он как две капли воды похож на олуха.

— Ради бога, говорите тише,— сказал сторож,— у папага есть уши.

— Но, право же, он олух,— сказал Панург.

— Стоит ему услышать, как вы богохульствуете,— и вы погибли, добрые люди! — сказал сторож.— Видите, какой водоем устроен у него в клетке? Из этого водоема вылетят гром и молния и вгонят вас на сто футов под землю. Будьте осторожнее.

— В таком случае, лучше нам идти да пировать,— сказал брат Жан.

Возвращаясь в столовую, мы увидели старого эвегу с зеленой головой. Эвега лежал под листвой и спал. Около него сидела молоденькая аббегесса и без умолку пела.

— Вот так история! — сказал Панург.— Аббегесса надрывается от пения, а этот старый дурак храпит себе, и горя мало. Подожди, я заставляю его петь, черт побери!

И он позвонил в колокол, висевший над клеткой. Эвега продолжал храпеть.

— Ах ты, старый хрен! — рассердился Панург. — Подожди, ты у меня запоешь.

Панург схватил камень и направился к клетке.

— Стой! — закричал сторож. — Стой! Стой! Уж если тебе хочется убить кого-нибудь, так убивай кого угодно: короля,

императора, самого ангела небесного, — папуг все тебе простит. Но если ты тронешь одну из этих священных птиц, тебе несдобровать. Не только сам ты погибнешь, — все твои родственники, друзья и знакомые станут несчастны после этого. Посмотри хорошенько на этот водоем.

— Ну, значит, нам остается только одно: идти и пировать, — сказал Панург.

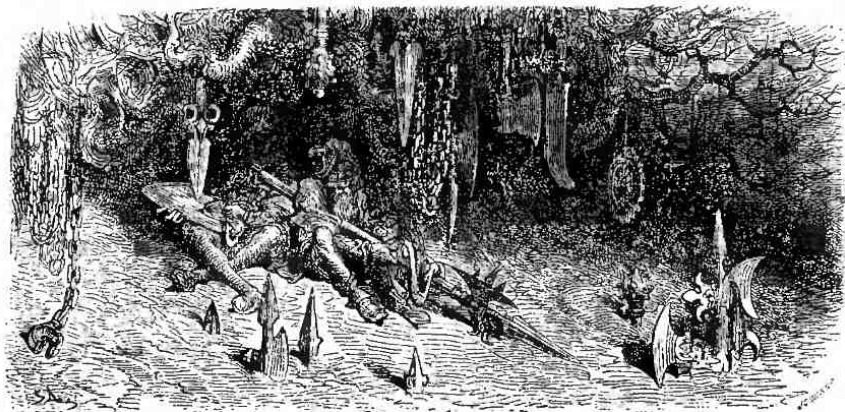
На третий день после обеда сторож распрощался с нами. Мы подарили ему на память прекрасный нож. Старик был тронут и, в свою очередь, послал на наши корабли много свежих припасов. Кроме того, он взял с нас обещание навестить его на обратном пути.

ГЛАВА XXXVIII

*О том, как мы посетили остров
Железных Орудий и остров Плутней*

С полным желудком, веселые и довольные, двинулись мы дальше. Через два дня наш корабль пристал к острову Железных Орудий. Это был пустынный и необитаемый остров, весь заросший большими деревьями. На одних деревьях росли лопаты, заступы, серпы, косы, пилы, топоры, ножницы, щипцы и клещи. На других росли шпаги, кинжалы, мечи, сабли, ножи и рапиры.

Стоило только потрясти дерево, и все эти железные орудия валились на землю, словно сливы. Мало того, на земле они встречали траву, которая называется «ножны», и входили в нее до са-

мой рукоятки. Конечно, трясти дерево нужно было с осторожностью. Иначе орудия могли свалиться на голову или грудь и сильно их поранить.

Под некоторыми другими деревьями я увидел странную траву, похожую на пики, копья, стрелы и алебарды. Эта трава доросла до самого дерева, на котором росли железные наконечники. Наконечники тотчас же прирастали к траве, и таким образом получались настоящие пики и алебарды.

Конечно, дело не обходилось без ошибок. Например, одна пика встретила вместо железного наконечника обыкновенную метлу и крепко к ней приросла. Делать нечего, придется ей мести двор! Другое копьё наткнулось на садовые ножницы. И то ладно: будут этим копьём подстригать деревья. Древко алебарды встретилось с железной косой. И то не беда: будут этой алебардой косить траву.

Все эти чудеса очень нас удивили. Но оказалось, что остров Плутней, к которому мы пристали на другой день, был еще чудеснее. Там стояли две четырехугольные скалы, точь-в-точь похожие на игральные кости. Издали они так сверкали, что я принял их за ледяные скалы. Но шкипер сказал мне, что это кости и что вокруг них живут страшные карточные черти. Одного черта зовут Туз, другого — Король, третьего — Валет, четвертого — Десятка, пятого — Девятка и так далее. Когда картежники кричат за игрой «Туз! Валет! Восьмерка!» и щелкают картами, — черти летят к ним сломя голову. Конечно, черти не всегда являются к игрокам. Может случиться так, что их уже вызвали в другое место. Тогда, конечно, они не являются.

Около острова Плутней погибло множество людей. Поэтому долго мы тут не задерживались и с первым попутным ветром отправились дальше.

ГЛАВА XXXIX

*О том, как мы попали на остров
Застенок, где обитает Кот-Мурлыка,
эригерон Пушистых Котов**

Вскоре мы приблизились к острову Застенку. Пантагрюэль не хотел было на него сойти, и хорошо бы сделал. На этом острове у нас было много неприятностей.

Началось с того, что мы побили там какого-то отвратительного ябедника. Пушистые Коты окружили нас и, не говоря ни слова, повели за собой.

Пушистые Коты — отвратительные и мерзкие животные. Шерсть у них растет не наружу, а внутрь. У них длинные и острые когти. Попасться в них легко, а вырваться трудно.

По дороге мы встретили нищего и подали ему милостыню.

— Дай вам бог, добрые люди, выбраться отсюда подбру-пздорову, — сказал нам украдкой нищий. — Эти коты хватают и пожирают все, что ни придется. Они вешают, жгут и убивают ни в чем не повинных людей, грабят их имущество и разрушают всё без разбору — доброе и худое. И всё это они делают как бы для блага рода человеческого. О, если бы хотя кто-нибудь вывел их на чистую воду! Тогда ничто на свете не спасло бы их от ужасной кары. От своего покойного отца я получил приказание стоять здесь до тех пор, пока молния не сожжет в прах этих святотатцев. Ведь люди так к ним привыкли, что перестали замечать их преступления. А если кто и замечает, тот не смеет ничего сделать.

— Это мне не по вкусу, ей-богу! — сказал Панург. — Бежим поскорее отсюда!

Но было уже поздно. Мы стояли в Застенке, и ворота захлопнулись за нашей спиной. Нас подвели к безобразному чудовищу. Руки у него были в крови, глаза страшно сверкали, изо рта тор-

чали кабаньи клыки, но всего ужаснее были его когти — длинные, острые и скровавленные.

Это был знаменитый Кот-Мурлыка, эрцгерцог Пушистых Котов, властелин и повелитель острова Застенка.

Какне-то люди, увешанные мешками и сумками, велели нам сесть на скамью подсудимых.

— Друзья мои, конопатчики, — сказал Панург, — мне и на ногах хорошо. Эта скамья слишком низка для меня.

— Садись и не рассуждай, — отвечали люди. — Сейчас земля развернется под вами и поглотит вас живьем, если вы не сумеете ответить как следует.

Мы сели.

— Так, так, так, именно так, — сказал Кот-Мурлыка хриплым голосом.

— Выпить бы, выпить бы, — вот это будет так, — отвечал Панург сквозь зубы.

— Слушайте, — сказал Кот-Мурлыка: —

*Наш прожорливый черный урод
В белом замке, как барин живет.
В замке нет ни дверей, ни окон,
В замке нет ни столов, ни колонн.
А урод все живет да живет,
Стену замка грызет да грызет.
Вот уж дырку в стене он проел,
Выполз, прыгнул и вверх полетел.
Словно птица, слетал в небеса.
Как змея, переполз сквозь леса.
И дивится повсюду народ:
Кто такой этот черный урод?*

— Именно так, — продолжал Кот-Мурлыка, — разгадай эту загадку. Скажи, что это такое, именно так.

— Никак нет, — отвечал я, — если бы я был виновен в чем-нибудь, то разгадал бы вашу загадку, но я тут ни при чем, никак нет.

— Так, так, — сказал Кот-Мурлыка, — значит, ты, болван,

думаешь, что раз ты невиновен, то мы тебя должны отпустить с миром, именно так? Ошибаешься, голубчик: наши законы как паутина, именно так. Простые мушки и маленькие бабочки легко попадают в нее, именно так. Большие зловредные оводы прорывают ее насквозь и улетают, именно так. Поэтому мы не охотимся за крупными разбойниками, но зато вашему брату спуску не даем, именно так.

— Эй, господин черт,— сказал брат Жан,— этот человек ничего не знает. Как же он может тебе отвечать?

— Кто спустил с цепи этого бешеного дурака? — сказал Кот-Мурлыка.— Невиданное дело: разговаривает, когда его не спрашивают.

— Ты солгал, пес,— пробормотал брат Жан, не разжимая губ.

— Именно так,— сказал Кот-Мурлыка,— когда очередь дойдет до тебя, мы потолкуем с тобой, голубчик, именно так.

— Лжешь, негодяй,— сказал брат Жан сквозь зубы.

— Именно так,— сказал Кот-Мурлыка,— у нас здесь свои законы, именно так. Здесь отвечают то, чего сами не знают, именно так. Здесь сознаются в том, чего никогда не делали, именно так. Здесь рассуждают о том, чему никогда не учились, именно так. Именно так, именно так. Здесь щиплют гуся, а он и пикнуть не смеет, именно так. А если, негодяй, у тебя лихорадка, то хоть венчайся с ней, а язык держи за зубами, именно так.

— Ах ты, дьявол, протодьявол, архидьявол! — закричал брат Жан.— Значит, ты хочешь женить монаха? Да ты, я вижу, еретик! Ого-го!

Кот-Мурлыка сделал вид, что не слышал этих слов.

— Именно так, именно так,— сказал он, обращаясь к Панургу,— а ты, упрямец, ничего нам не скажешь про это?

— Вот именно, черт побери,— сказал Панург,— здесь, должно быть, чума напала на нас, черт побери. Прошу вас: я расплачусь за всех, а вы отпустите нас на свободу. Мне больше тут не терпеж, черт побери.

— Отпустить! — закричал Кот-Мурлыка.— Уж лет триста не бывало такого случая, именно так, чтобы кто-нибудь ускользал отсюда, именно так, не оставив здесь своей шерсти, именно так, а чаще всего и всей шкуры, именно так! Несчастный ты человек, именно так, и еще несчастнее будешь, именно так, если не разгадаешь моей загадки, именно так, именно так, именно так.

— А это, черт побери,— сказал Панург,— это черный червяк, черт побери, который вылез из белого боба, черт побери, превратился в бабочку, черт побери, и удивил всех людей, черт побери.

С этими словами Панург бросил на середину комнаты толстый кожаный кошелек, битком набитый новенькими золотыми. Почувяв золото, Пушистые Коты стали играть на своих когтях, словно на скрипках.

— Вот это славное кушанье! — замурлыкали они.— Вот это славное кушанье! Какой славный был сегодня суд, какой вкусный, хорошо приправленный! Видно сразу,— это хорошие ребята.

— Это деньги,— сказал Панург,— это золотые монеты. Разве вы не видите?

— Именно так,— сказал Кот-Мурлыка,— суд это принимает, именно так. Вы свободны, ребята, именно так. Мы ведь не так черны, как кажется, именно так.

Нас вывели из Застенка и проводили до самой гавани. По дороге нас предупредили, что мы должны еще одарить жену Кота-Мурлыки и всех остальных Пушистых Котов, иначе нас отведут обратно в Застенок.

— Ладно,— сказал брат Жан,— мы отойдем в сторонку и сосчитаем нашу казну.

— Кстати, не забудьте и нас, грешных,— сказали провожатые.

— Будьте спокойны,— сказал брат Жан,— об вас-то мы уж позаботимся.

ГЛАВА XL

*О том, как брат Жан хотел
перебить Пушистых Котов*

В это время к гавани подошли шестьдесят восемь галер и фрегатов. Суда были доверху нагружены всевозможной дичью: зайцами, голубями, кабанами, козулями, телятами, цыплятами, утками, гусями и прочей живностью. Там же мы заметили огромные куски бархата и атласа.

— Что это такое? — спросил брат Жан у путешественников. — Кому вы везете это добро?

— Это взятки,— отвечали путешественники. — Мы везем их Коту-Мурлыке, Пушистым Котам и Пушистым Кошкам.

— Так, значит, они живут взятками! — воскликнул брат Жан. — Ах, негодяи! Сколько людей они разорили своими поборами!

— Я предлагаю две вещи,— продолжал брат Жан, помолчав. — Во-первых, захватим всю эту дичь. Мне, признаться, надоела корабельная солонина: она портит мне желудок. Во-вторых, вернемся в Застенок и перережем всех этих дьяволов — Пушистых Котов.

— Ни за что туда больше не пойду,— сказал Панург. — Я несколько осторожен по натуре.

— На самом деле,— продолжал брат Жан,— что это за путешествие? Мы только и знаем, что пьем, едим и больше ничего не делаем. Черт побери, это мне не по нраву. Я не могу спать, если не совершу какого-нибудь геройского дела. Ну что ж,

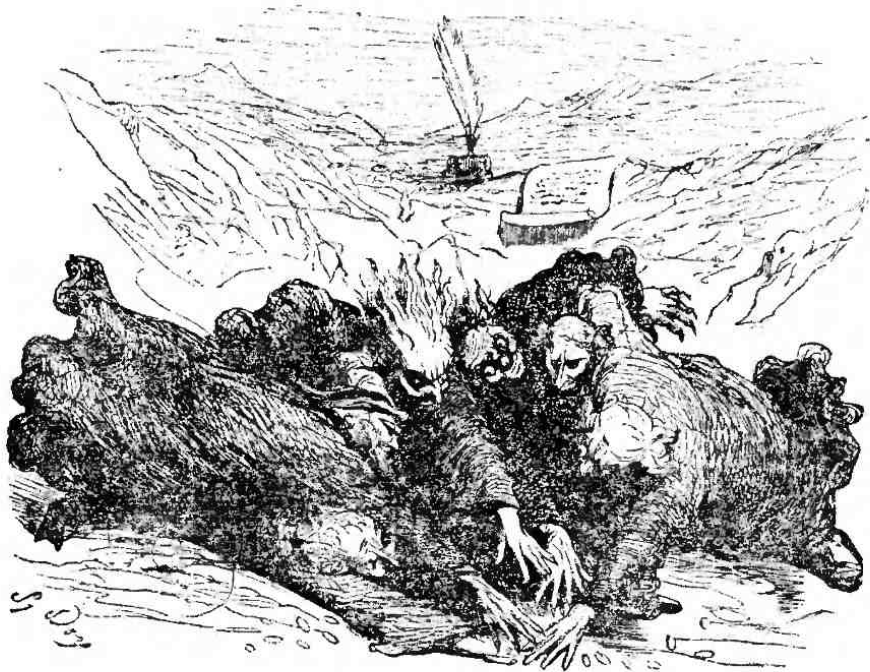
идем, что ли? Я уверяю вас, мы легко справимся с ними. Идем!

— Что касается меня,— сказал Панург,— то я не пойду туда ни в коем случае. Я до сих пор еще не могу успокоиться от всех этих приключений. Выслушай меня внимательно, куманек. Если ты захочешь отправиться ко всем чертям, скажи только слово — и я пойду вместе с тобой. Но теперь, когда ты хочешь вернуться к Пушистым Котам,— извини, я тебе не попутчик. Мое слово твердо, как медная стена.

— Ах ты, воин! — сказал брат Жан, посмеиваясь. — Скажи-ка мне, зачем ты бросил им кошелек с золотыми? Разве их так уж много у нас? Бросил бы им какую-нибудь мелочь, и достаточно.

— Э, нет,— сказал Панург,— разве ты не заметил, что перед Котом-Мурлыкой лежал большой бархатный кошелек? Мурлыка вертел его в лапах и приговаривал: «Золото сюда! Золото сюда! Золото сюда!» Ясно, чего он хотел, куманек. Поживи-ка с мое, и ты заговоришь иначе.

Оборванцы между тем всё еще ждали подачки. Видя, что мы направляемся к кораблям, они окружили нас и не хотели пускать дальше.

— А-а, святой Гурлю-бурлю! — сказал брат Жан. — Вы еще тут, приказные черти? Мало вы меня сердили, вы еще лезете с вашими глупостями! Клянусь богом, я задам вам сейчас хорошую трепку!

И, обнажив меч, он кинулся на них. Бродяги бросились от него кто куда, и больше мы их не видели.

Как только мы сели на корабль, Пантагрюэль приказал сниматься с якоря. Но поднялся такой страшный ветер, что мы сбились с дороги, и течение понесло нас обратно. Юнга, сидевший на верхушке мачты, закричал, что он опять видит жилище Кота-Мурлыки.

— Шкипер, дружище, — завопил Панург, обезумев от страха, — поворачивай поводи, голубчик, поворачивай. Не будем возвращаться в эту ужасную страну, будь она проклята!

Но ветер отнес нас обратно к острову. Правда, к самому острову мы больше не пристали, а укрылись среди больших скал, на расстоянии мили оттуда.

ГЛАВА XLI

*О том, как мы едва не потерпели
кораблекрушения*

Едва только ветер несколько утих, мы снова подняли якорь и пустились в дорогу. Но приблизительно на двадцать третьей миле на нас налетел такой яростный вихрь, что наш корабль закружило, как щепку. Шкипер уверял, что через этот вихрь прорваться невозможно и нам остается только ждать, пока он уляжется сам собой.

Однако вихрь продолжался так долго, что мы стали упрашивать шкипера как-нибудь пробиться через него. Наконец шкипер согласился. Подняли бизань-мачту. Руль поставили прямо по стрелке компаса. С первым же порывом ветра наш корабль вздрогнул и быстро пролетел через полосу вихря.

Но вышло так, что мы попали из огня да в полымя. Не прошли мы и двух миль, как наши корабли на всем ходу врезались в песчаную отмель и остановились.

Весь наш экипаж опечалился. Ветер свистел в стенах. Один только брат Жан не поддавался унынию. Он утешал нас добрыми словами и уверял, что нам скоро кто-нибудь поможет. Недаром на верхушке нашей мачты он заметил огонек святого Эльма*.

По мнению брата Жана, это был добрый знак.

Однако Панург не очень-то доверял приметам.

— Я согласен никогда не жениться,— говорил он,— только доставьте меня на берег. Ей-богу, мне не надо ни слуг, ни провожатых. Была бы только лошадь. С ней я доберусь до дому и устрою вам пышную встречу.

В эту минуту к нам подошел большой корабль, доверху нагруженный барабанами. Среди пассажиров этого странного корабля я заметил Анри Котиралю, своего старого приятеля. К поясу у него была привешена большая ослиная голова, в левой руке он держал грязный, засаленный колпак, а в правой — капустную кочерыжку.

— Посмотри-ка сюда, дружище,— закричал он, увидав меня и потрясая ослиной головой,— знаешь ли ты, что это такое? Впрочем, откуда тебе знать! Имей в виду — это несравненное, чудесное произведение природы. Из него я приготовлю волшебное снадобье, которое любой металл превратит в золото*. Это,— он показал на колпак,— моя докторская шапка*, а это,— он показал на кочерыжку,— знаменитая лунная трава. Она нужна мне для волшебного снадобья.

— Откуда вы едете? — спросил я. — Куда держите путь?

— Мы с острова Умников,— отвечал Анри,— едем во Францию, в Турень. Мы теперь такие умники, каких еще свет не видывал.

— А что это за люди у вас на палубе? — спросил я.

— Это певцы, музыканты, рифмоплеты, звездочеты и разные другие ученые,— отвечал он.— Все они с острова Умников. У них есть оттуда прекрасные рекомендации.

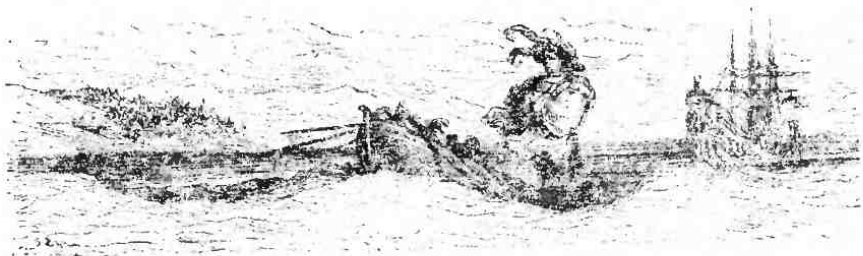
— Раз вы все такие умники,— сказал Панург,— то почему же вы не возьметесь за наш корабль и не снимете его с мели?

— Мы только что собирались это сделать,— сказал Анри Котираль,— сию минуту мы вам поможем.

И он приказал пробить дно с 7 532 810 больших барабанов. После этого умники привязали барабаны пробитой стороны к нашему кораблю и взяли нас на буксир. Затем одним толчком они сняли нас с мели и вывели на глубокое место. Барабаны глухо рокотали, гравий трещал, матросы покрикивали, и все это казалось нам чудесной музыкой,— наш корабль снова был на свободе!

В благодарность за услугу мы наполнили их барабаны колбасами и сосисками и, кроме того, выгрузили на их палубу шестьдесят две бочки вина. Но в эту минуту из воды показался огромный кит и выбросил на умников высокий столб воды. Вода залила барабаны и промочила умников до нитки.

Снова налетел вихрь и разбросал наши корабли в разные стороны. Шкипер решил плыть по течению и больше не слушался наших советов. Ему хотелось поскорее добраться до острова Умников.

ГЛАВА XLII

*О том, как мы прибыли
в королевство Умников*

На третий день погода прояснилась, и мы благополучно вошли в порт Пустопорожний, который был расположен неподалеку от дворца королевы Умников. На берегу нас встретил большой отряд воинов, охранявших арсенал. Сперва они нас немного напугали, так как приказали нам остановиться и отобрали у нас все оружие.

— Вы откуда такие? — грубо закричали воины.

— Братцы, — сказал Панург, — мы родом из Турени, а едем из Франции и хотим засвидетельствовать почтение вашей королеве. Люди мы простые, деревенские, но зато сердце у нас честное и открытое для всех.

— Это другое дело, — сказали воины. — Из Турени у нас перебывало немало всякого народу, и все они показались нам славными олухами. Но зато из других мест приезжают к нам такие наглецы, что, едва нас увидят, сразу начинают зубоскалить. Но вы — это дело другое. Добро пожаловать!

Тут воины обняли нас и повели во дворец к своей королеве. По дороге капитан стражи хотел поговорить с Пантагрюэлем, но никак не мог достать до его уха. Поэтому он приказал подать себе большую лестницу и, взобравшись на нее, сказал Пантагрюэлю:

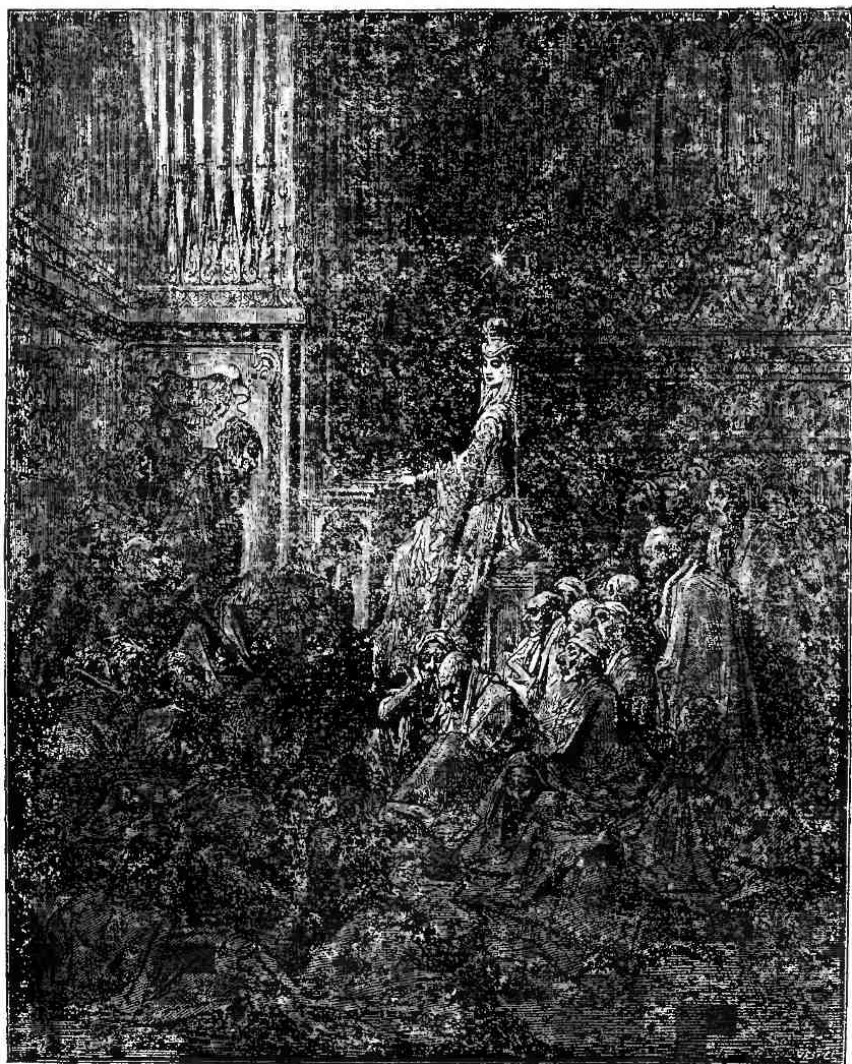
— Если бы наша королева захотела сделать нас великанами, мы были бы не ниже вас ростом. Очень возможно, что это и случится, когда ей будет угодно.

В первой галерее королевского дворца мы увидели множество болящих. Были тут чумные, прокаженные, отравленные, глухие, слепые. И все они сидели отдельными кучками и, казалось, чего-то ждали.

Во второй галерее капитан показал нам молодую хорошенькую даму. Правда, ей было, по крайней мере, восемьсот лет от роду, но

тем не менее она была так прекрасна, так изящно одета, что всякий принял бы ее за молоденькую.

— Вот наша королева, — сказал нам капитан. — Теперь не время с ней разговаривать. Она занята. Следите за тем, что она будет делать. Говорят, в ваших королевствах есть короли, которые излечивают больных одним прикосновением руки — от некоторых болезней, по крайней мере*. Что же касается нашей королевы,

то она излечивает от всех болезней без исключения. Как,— это вы сейчас увидите.

Не успел капитан договорить эти слова, как королева села за высокий красивый орган и сделала знак своим вельможам. По ее знаку вельможи ввели в залу толпу прокаженных. Королева сыграла им на органе песенку, уж не знаю какую, и они внезапно излечились от своей болезни. Затем внесли отравленных. Она сыграла им другую песенку — и люди встали на ноги. Таким же способом вылечила она слепых, глухих, немых и даже сумасшедших. Все это привело нас в такой восторг, что мы упали наземь и не могли выговорить ни одного слова*.

Королева подошла к Пантагрюэлю и дотронулась до него букетом из красных роз, который она держала в руке. Мы пришли в себя и встали на ноги. После этого королева заговорила с нами шелковыми словами, именно шелковыми, потому что каждое ее слово было сплетено из тончайшего шелка.

— Сияние честности, окружающее вас,— сказала нам королева,— заставляет меня думать, что вы — люди честные и добродетельные. Поэтому я, господствующая здесь, не могу удержаться, чтобы не сказать вам: «Добро, добро, в высшей степени добро пожаловать!»

— Я не ученый человек,— сказал мне Панург,— отвечайте вы, если хотите.

Но и я не ответил. Не ответил и Пантагрюэль. У нас словно язык отнялся, когда мы услышали такие хитросплетенные речи.

— Судя по вашему молчанию,— сказала королева,— я заключаю, что вы происходите из школы мудрецов молчаливых, так как в молчании видите нечто божественное. Тем не менее, я хочу поблагодарить вас за ваше внимание ко мне и моему народу.

Кончив свою речь, королева сказала своим придворным:

— Повара, в Панацею!*

Повара сказали нам, что мы должны извинить королеву за то, что она не приглашает нас к своему столу. Дело в том, что королева ничего не ест, кроме Выдумок, Мыслей, Мечтаний, Шарад, Предложений и других таких же кушаний. Все эти кушанья не могут утолить нашего голода, поэтому нас угостят отдельным обедом, таким, какой полагается для обыкновенных людей.

Тут нас отвели в столовую и угостили на славу. Говорят, что великий бог Юпитер записал на дубленой козьей шкуре все, что делается в мире. Клянусь вам, друзья мои, что на восемнадцати шкурах невозможно было записать те прекрасные кушанья, которые нам тут подавали,— даже если писать самыми маленькими буквами.

За обедом Пантагрюэль размышлял: что такое Панацея, почему королева сказала: «Повара, в Панацею»? Пантагрюэль решил, что это был условный сигнал к пиру. Этими словами королева приказывала поварам подавать кушанья.

ГЛАВА XLIII

*О том, какие чудеса мы увидели
в королевстве Умников*

После обеда вельможи повели нас осматривать дворец. Тут мы увидели множество королевских ученых, которые занимались своими удивительными науками. Искусство этих ученых так меня поразило, что я и до сих пор вспоминаю о нем с восхищением.

Например, я видел там умника, который лечил больных от лихорадки. Он привязывал к поясу больного с левой стороны лисий хвост, и лихорадка пропадала сама собой.

Другой мудрец с помощью хитрой машины бросал дома из окошек. Говорили, что это очень полезное занятие, так как дома после этого очищаются от дурного воздуха.

Затем мы увидели человека, который возвращал людям молодость. Около него толпилось множество старух — беззубых, морщинистых, седых, с больными, гноящимися глазами. Говорили, что мудрец переплавляет их в красивых шестнадцатилетних девушек.

Вокруг дворца тоже кипела работа.

Я видел, как несколько умников растирали негру живот дном старой корзины. После этого негр делался белым человеком.

Другие ловили ветер сетями и вылавливали из него раков.

Третьи собирали навозных жуков и приготовляли из них прекрасное кушанье.

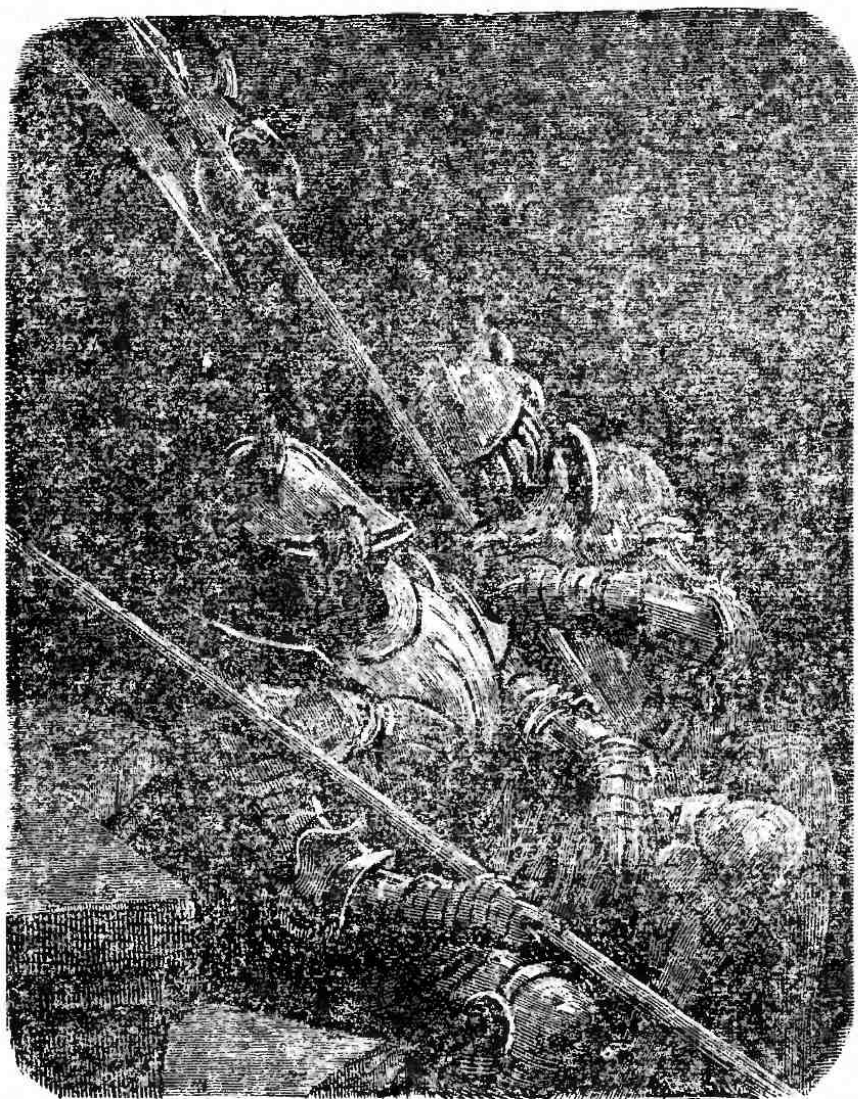
Я видел умника, который резал огонь ножом, из мочевых пузырей делал чудесные фонари, а из облаков строил железные печки.

Были и такие, которые из ничего делали нечто очень великое, а это великое снова превращали в ничто.

На верхушке высокой башни я увидел двух рыцарей в полном рыцарском вооружении. Нам сказали, что они стерегут луну от волков.

Пока мы наблюдали за этими удивительными занятиями, наступил вечер, и на небосклоне зажглась ясная вечерняя звезда. Снова появилась королева со своей блестящей свитой.

— Я вижу, — сказала она Пантагрюэлю, — что вы и ваши спутники изумлены при виде тех опытов, которыми занимаются мои подданные. Однако не бойтесь и продолжайте спокойно наблюдать за всем, что происходит в моем доме. Мало-помалу вы освободитесь от своего невежества и научитесь многому такому, чего не знали до сих пор. В знак моего расположения к вам даю

вам звание моих придворных мыслителей. Ваши имена будут занесены в мои придворные списки.

Мы поблагодарили королеву и приняли это почетное звание.

Вечером нас пригласили на королевский ужин. За ужином королева ничего не ела, кроме божественной амброзии, и ничего не

пила, кроме божественного нектара*. Но вельмож, придворных дам и нас угостили такими редкими кушаньями, каких мы отроду не едали.

К концу ужина для тех, кто еще не наелся досыта, была подана огромная миска, величиной с добрый котел. В миске была всякая всячина: дикая коза, рагу из горошка, жареное мясо, ветчина и целая куча фруктов всевозможных сортов. Все это было очень вкусно, но я ни к чему не притронулся, так как был сыт до отвала. На дне миски я заметил колоды карт, шахматы, шашечницы, игральные кости, а также чаши, наполненные золотыми монетами, — для тех, кто хотел поиграть.

На самом дне миски стояли оседланные мулы, покрытые бархатной попоной, лошади под мужскими и дамскими седлами, а также несколько изящных экипажей — для тех, кто желал прокатиться по чистому воздуху.

Но больше всего меня удивила сама королева. За ужином она ничего не жевала. Кушанья пережевывали для нее специальные придворные. Глотка у них была подбита чудесным атласом с золотыми прожилками, а зубы были сделаны из белой слоновой кости. Пережеванные кушанья вливали прямо в желудок королеве через особую золотую трубочку. Таков был здешний обычай.

После ужина был устроен великолепный шахматный бал. Пол в зале покрыли большим бархатным ковром, на котором были вышиты белые и желтые квадраты. Когда ковер был разостлан, зал превратился в огромную шахматную доску.

Занграла музыка, и в зал вошли тридцать две молодые особы, изображавшие собой шахматные фигуры. Шестнадцать из них были в золотых костюмах, шестнадцать — в серебряных. Фигуры стали на свои места, и вот начался удивительный шахматный тур-

нир, похожий в то же время и на танец. Сообразуясь с музыкой, фигуры переходили с квадрата на квадрат, то наступали, то отступали, стараясь захватить в плен короля враждебной партии. Когда кто-нибудь брал в плен противника, — прежде всего кланялся ему и слегка ударял его по правой руке. Противник удалялся с поля битвы, а победитель занимал его место.

Мы так увлеклись этим живым турниром, что не заметили, как исчезла королева. Передав ей через вельмож наши приветствия, мы удалились на наши корабли и на рассвете двинулись в дальнейшее путешествие.

ГЛАВА XLIV

*О том, как Панург разговаривал
с одним монашхом на острове Сандалий**

Через два дня мы пристали к острову Сандалий. Король этого острова, по имени Бений, после хорошей выпивки повел нас осматривать новый монастырь, который он построил для своих монахов. Здешние монахи назывались фредонами, то есть певунами, потому что они здорово пели, и притом всегда трелью.

В монастыре мы пробыли недолго, но все же успели узнать, чем занимаются монахи-фредоны в течение недели. Занятия у них не очень трудные. По воскресеньям они тузят друг друга, по понедельникам щелкают друг друга по носу, по вторникам царапаются, по средам утирают друг другу носы, по четвергам таскают друг у друга из носу козявок, по пятницам щекочут друг друга под мышками, по субботам лунят друг друга веревками.

Панург только и делал, что рассматривал физиономии этих голубчиков-фредонов. Потом выбрал одного, жирного, как боров, дернул его за рукав, и вот у них завязался замечательный разговор:

Панург. Брат фредон, фредонец, фредончик! Что у вас на кухне?

Фредон. Огонь.

Панург. Что поддерживает этот огонь?

Фредон. Дрова.

Панург. Какие дрова?

Фредон. Сухие.

Панург. А какого дерева?

Фредон. Тиссовые.

Панург. А как вас кормят?

Фредон. Хорошо.

Панург. Что вы едите?

Фредон. Хлеб.
Панург. Какой?
Фредон. Черный.
Панург. А еще что?
Фредон. Мясо.
Панург. Какое?
Фредон. Жареное.
Панург. А суп вы едите?
Фредон. Еще как!
Панург. А пирожное?
Фредон. Еще бы!
Панург. А рыбу?
Фредон. Едим.
Панург. Какую же?
Фредон. Холодную.
Панург. А еще что?
Фредон. Яйца.
Панург. А какие яйца вы любите?
Фредон. Вареные.
Панург. Я спрашиваю: как сваренные?
Фредон. Вкрутую.
Панург. И это вся ваша еда?
Фредон. Нет.
Панург. Что же еще вам полагается?
Фредон. Свинина.
Панург. А еще что?
Фредон. Гусыни.
Панург. А кроме того что?
Фредон. Гусаки.
Панург. А еще?
Фредон. Петухи.
Панург. А соус какой?
Фредон. Соленый.
Панург. А в конце обеда что?
Фредон. Рис.
Панург. А еще что?
Фредон. Фрукты.
Панург. Какие?
Фредон. Хорошие.
Панург. А как вы пьете?
Фредон. До дна.
Панург. А что?
Фредон. Вино.
Панург. Какое?
Фредон. Белое.

Панург. А зимою?

Фредон. Крепкое.

Панург. А весной?

Фредон. Здоровое.

Панург. А летом?

Фредон. Свежее.

— Заметьте,— сказал Панург,— этот бедняжка фредончик так растолстел, что может выговорить зараз только одно слово.

— Зато он в два счета управится с бараньей лопаткой,— сказал брат Жан.

— На то он и монах,— добавил Эпитемон.

— А что вы скажете об этом человеке, милашечка мой фредон? — спросил Панург, показывая на Эпитемона. — Не еретик ли он, чего доброго?

Фредон. Еретик.

Панург. Что же, его надо сжечь?

Фредон. Надо.

Панург. И как можно скорее?

Фредон. Конечно.

Панург. Не поджаривая?

Фредон. Нет.

Панург. А как же?

Фредон. Живьем.

Панург. Он очень вас рассердил?

Фредон. Очень.

Панург. Кто он, по-вашему?

Фредон. Безумец.

Панург. А других вы жгли?

Фредон. Многих.

Панург. Они тоже были еретики?

Фредон. Меньше его.

Панург. И вы их не помиловали?

Фредон. Нет.

Панург. И еще будете жечь?

Фредон. Будем.

— Не знаю,— сказал Эпитемон,— что вам за удовольствие рассуждать с этим злым оборванцем-монахом?

— Он мне очень нравится, ей-богу,— сказал Панург.— Я с удовольствием отвезу его к Гаргантюа. Когда я женюсь, он будет служить шутом у моей жены.

— И превратит ее в настоящую ведьму.— добавил Эпитемон, посмеиваясь.— Бедняга Панург, не видать тебе хорошей жены, как своих ушей!

ГЛАВА XLV

О том, как мы плыли в Фонарную страну и что в ней увидели*

Покинув остров Сандалий, мы поплыли в Фонарную страну. По дороге нам пришлось заехать на остров Ходос и побывать на острове Наслышки. Остров Ходос замечателен тем, что на нем все дороги — живые. Они ходят по острову, словно животные — вдоль, поперек и наискось. Когда путешественники спрашивают:

— Куда идет эта дорога?

Им отвечают:

— В церковь, в город, к реке.

И путешественники без всякого труда, выбрав себе подходящую дорогу, приезжают туда, куда следует.

По этой причине на острове развелось много бродяг и празднующихся. Они только и знают, что передвигаться с места на место. Бедные дороги очень их боятся и всячески стараются отделаться от них.

На этом острове я видел дорогу в Бурж. Она шла размеренным шагом. Но лишь только появились извозчики с тяжелыми возами, дорога убежала от них, куда глаза глядят. Она испугалась лошадиных копыт.

На обратном пути я увидел бродягу, которого вели под караулом. Оказалось, что бродяга дни и ночи шатался по большой дороге и сломал ей ребро. Теперь бродяге не поздоровится.

На острове Наслышки мы услышали странный шум. Казалось, — поблизости работает мельница и наполняет воздух своим непрерывным гулом. Мы пошли вперед и увидели горбатого старикашку, маленького и чрезвычайно уродливого. Его звали Наслышкой. Рот у него был до ушей, а во рту болталось семь языков.

Все семь языков без умолку болтали, и каждый язык — по-своему, не так, как другие. Кроме того, у Наслышки было множество ушей — на голове и на всем теле. Зато глаз у него не было, и ноги не ходили.

Вокруг Наслышки толпилось множество народу. Все они слушали Наслышку и учились у него уму-разуму. У одного человека я заметил в руках большую карту вселенной. Он объяснял ее и так и этак, говорил и судил о самых удивительных вещах, и все «понаслышке». Другие, разинув рот, слушали его и через несколько часов становились учеными людьми. Чтобы узнать по-настоящему хотя сотую долю того, что они узнали за несколько часов, не хватило бы человеческой жизни. Но они всё теперь знали и рассуждали обо всем «понаслышке».

Мне кажется, среди этих людей я встретил многих старинных мудрецов и писателей. Спрятавшись за ковер, они писали прекрасные штучки — о пирамидах, о великанах, о пигмеях, о каннибалах*, обо всех чертях, — и все «понаслышке».

Покинув Наслышку, на четвертый день плавания мы приблизились к Фонарной стране. Уже издали мы заметили в море множество блуждающих огоньков. Я думал, что это — светящиеся рыбы, нечто вроде тех светлячков, которые встречаются на моей родине. Но штурман предупредил нас, что это фонари дозорной стражи, которая сторожит здешние границы.

Вскоре мы вошли в Фонарный порт. Фонарный порт был ярко освещен огромными Маяками. Мы рассказали Маякам о цели нашего путешествия, и они взялись проводить нас к своей королеве.

Королева приняла нас как нельзя лучше. Панург приветствовал ее на фонарном языке и просил дать нам хорошего проводника к оракулу Бутылки. Королева пригласила нас на ужин. Там среди придворных Фонарей мы должны были сами выбрать себе провожатого.

Наступил ужин. Королева первая села за стол, а за нею — и все остальные Фонари, смотря по чину и положению. Королева была одета в горный хрусталь и украшена большими бриллиантами. Знатные Фонари были одеты кто в стекло, кто в слюду, остальные — в рог, бумагу и клеенку.

На ужин подавали большие зажженные свечи. Королеве была подана большая свеча из белого воску, красная на конце. Знатным Фонарям подали сальные свечи, остальным — ореховые. И каким ярким светом засияли Фонари после ужина! Сразу было видно, что они сыты по горло.

После ужина мы выбрали себе в проводники чудесную Лампу высшего качества и, поблагодарив королеву, двинулись дальше.

ГЛАВА XLVI

*О том, как мы прибыли к оракулу
Волшебной Бутылки*

С помощью нашей мудрой Лампы мы прибыли, наконец, на долгожданный остров Волшебной Бутылки. Сойдя на землю, Панург подпрыгнул на одной ноге и сказал Пантагрюэлю:

— Наконец-то окончились наши заботы! Сегодня мы нашли то, что искали с такими опасностями.

Путеводная Лампа выступила вперед и повела нас по роскошному винограднику. Более роскошного виноградника я не видал никогда. Тут были кусты всевозможных пород: мускатной, фалернской, анжуйской, корсиканской... Лампа приказала нам съесть по три виноградинки и взять в руки по зеленой ветке.

Виноградник заканчивался высокой прекрасной аркой. Дальше следовал вход в подземный храм. У дверей храма встретил нас господин Фляга, губернатор Волшебной Бутылки, окруженный многочисленной стражей. Стража состояла из маленьких Французских Бутылочек. Заметив, что мы держим в руках по зеленой ветке, губернатор приказал отвести нас к принцессе Бакбюк, здешней правительнице и придворной даме Волшебной Бутылки.

И вот по роскошной лестнице вступили мы в обширное подземелье. Если бы не наша чудесная Лампа, мы, конечно, сбились бы с дороги. Но Лампа светила так ярко, что мы без труда спускались по ступенькам и проходили по многочисленным площадкам.

На семьдесят восьмой ступеньке Панург вдруг испугался.

— Сударыня,— сказал он, обращаясь к Лампе,— не вернуться ли нам назад? Ей-богу, я умираю от страха. Я согласен никогда не жениться. Вы много потрудились для меня. Бог вам воздаст за это. Да и я не останусь неблагодарным, если только выберусь из этой проклятой пещеры. Пожалуйста, вернемся! Мне кажется, что жерло ада раскрывается передо мной. Скоро и черти появятся. Брат Жан, где ты, голубчик? Прошу тебя, брюханчик мой, не отходи от меня. С тобой ли твой меч? У меня, как нарочно, нет никакого оружия. Вернемся!

— Не бойся, я тут,— сказал брат Жан,— я держу тебя за шиворот. Восемнадцать дьяволов не вырвут тебя из моих рук. Правда, оружия у меня с собой нету. Да и на что нам оно? Разве мы в ад спускаемся? Ведь мы женить тебя хотим, осел ты этакий!

— Сам женись на лихорадке,— отвечал Панург.— Кот-Мурлыка давно ее за тебя просватал.

Но тут путеводная Лампа приказала нам замолчать.

— Вы здесь в безопасности,— сказала она,— недаром у вас в руках зеленые ветки*.

— В таком случае вперед! — сказал Панург.— Бросимся очертя голову в это пекло! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Признаться, я давно мечтаю о битве. Бей! Наступай! Храбрости у меня хоть отбавляй. Правда, сердце мое замирает, но это, должно быть, от затхлого воздуха. Но вовсе не от страха. Бей! Наступай! Меня зовут Панург Бесстрашный!

Посмеиваясь над Панургом, мы спустились по лестнице и очутились перед закрытыми дверьми.

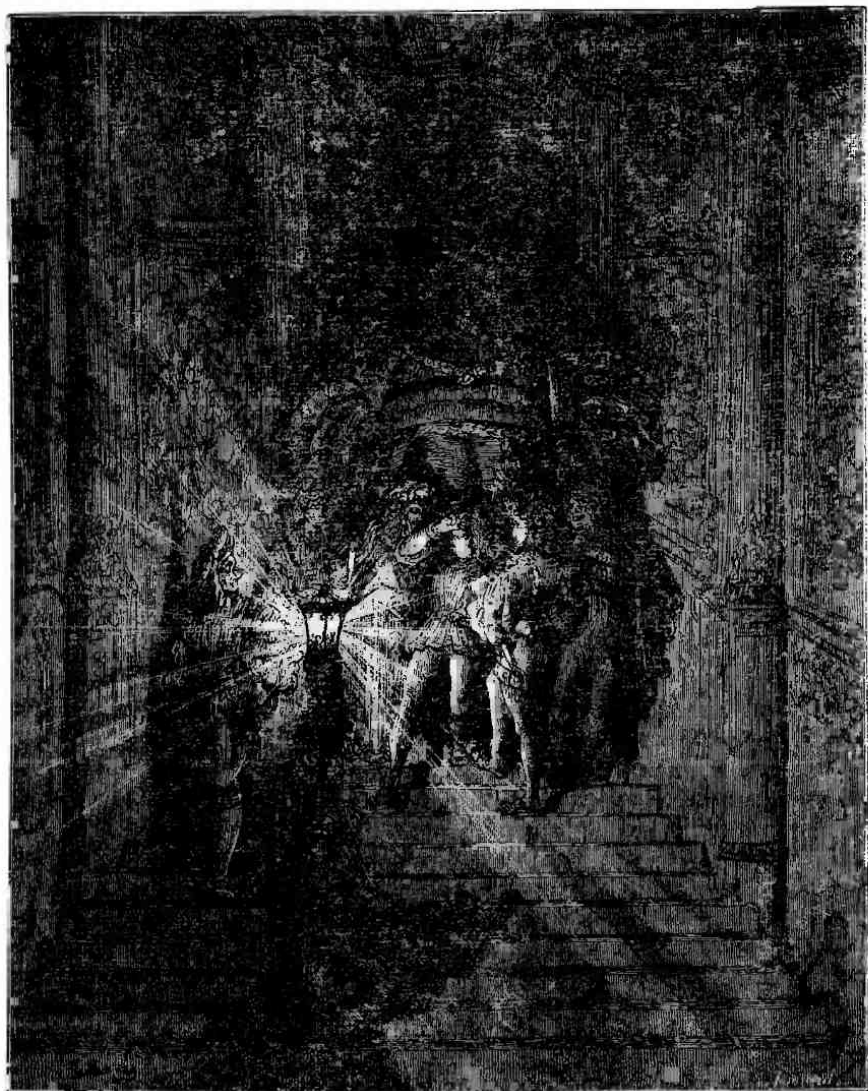
Двери были медные, очень массивные, украшенные небольшими эмалевыми изображениями. Ни замка, ни запоров не было. Только посредине, там где сходились половинки дверей, висел прекрасный индийский брильянт, величиною с боб, вделанный в шестиугольную золотую оправу.

Тут наша прекрасная проводница сказала нам, что дальше она не пойдет, так как с этой минуты мы вступаем в царство волшебницы Бакбук, и ей одной должны во всем подчиняться. Затем она сняла брильянт с цепочки, вложила его в особую серебряную выемку, которая была устроена справа, и отошла в сторону.

Вслед за этим обе половинки дверей открылись сами собой, хотя к ним никто не прикасался. Обыкновенно тяжелые двери открываются с визгом и неприятным грохотом. Здесь не было ничего подобного. Двери открылись плавно и медленно, издавая нежный, мелодичный рокот, который пронесся по всему храму и замер где-то вверху, между высокими сводами. Пантагрюэль сразу понял, почему это так получается. Дело в том, что двери

катились на маленьких отполированных цилиндрах, которые были вделаны у нижнего края обеих половинок. Эти цилиндры, катясь по гладкому мраморному полу, издавали тот мелодичный рокот, который так удивил нас.

Но больше всего удивляло меня то обстоятельство, что двери открылись сами собой, без всякого толчка. Чтобы понять, в чем

тут дело, я внимательно осмотрел двери с обеих сторон. И вот, на внутренней стороне двери, близ того места, где сходятся обе половинки, я заметил две пластинки из тонкой стали, вделанные в коринфскую бронзу. На косяках же, там, где упираются настежь раскрытые половинки дверей, были прибиты две большие доски из индийского магнита, толщиной в пол-ладони, гладко отполированные. Значит, когда наша прекрасная Лампа сняла с двери брильянт, служивший вместо запора, магнит притянул к себе стальные пластинки, и дверь открылась сама собой.

На одной из магнитных досок была высечена старинными латинскими буквами следующая надпись:

КОНЕЦ ВЕНЧАЕТ ДЕЛО

ГЛАВА XLVII

*О том, как был устроен
подземный храм*

Мы очутились в великолепном подземном храме. Такого храма я еще не видал нигде. Особенно поразил меня пол храма. С ним не могло сравниться ни одно произведение искусства. Весь он был мозаичной работы и состоял из маленьких драгоценных камешков четырехугольной формы. Камешки были гладко отполированы, и каждый сиял своим собственным светом: один был красный яшмовый, другой — из пестрого мрамора, третий — из порфира, тот — из волчьего глаза, усеянный мелкими золотыми искорками, тот — агатовый, с бликами молочного оттенка, тот — из очень светлого халцедона, тот — из зеленой яшмы с красными и желтыми прожилками.

И так чудесно были подобраны друг к другу эти камешки, что казалось, будто на пол высыпали в беспорядке огромную охапку зеленых листьев. Среди листьев то там, то тут виднелись маленькие улитки, в другом месте высывались ящерицы; кое-где были насыпаны кучи прекрасных плодов и ягод. И все это было так живо изображено, что мы невольно поднимали ноги повыше, чтобы не запнуться о кучу ветвей, которая на самом деле была только рисунком — гладким и полированным.

Стены и своды храма были покрыты мозаичными картинами. Тут были изображены веселые пляски, кровопролитные битвы, триумфальные процессии, переправы... И, несмотря на то, что

храм был подземный и окон в нем не было, все эти картины были ярко освещены. Свет шел от чудесной люстры, которая висела посредине храма и заливала все помещение ярким приятным светом.

Устройство этой люстры так меня поразило, что я расскажу о нем подробно. Как было сказано, люстра висела посредине храма. Там, под высоким сводом, было укреплено кольцо из массивного золота, толщиной с кулак. С этого кольца на трех золотых цепях свешивалась круглая золотая пластина. В этой пластине были вырезаны четыре отверстия, и в каждое отверстие был вставлен полый шар, выдолбленный внутри и открытый сверху,— нечто вроде маленькой лампы. Все эти лампы были сделаны из драгоценных камней: одна — из аметиста, другая — из карбункула, третья — опаловая, четвертая — топазовая. Все они были наполнены волшебной нескорогаемой водой и ярко пылали.

С золотой пластины на трех других цепях свешивалась огромная лампа, сделанная из чистейшего хрусталя. В нее была вставлена хрустальная ваза, наполненная той же самой горящей водой. Свет проходил через хрусталь, и вся большая лампа так пылала, что на нее невозможно было смотреть.

Изобретение было удивительное; но еще удивительнее было то, что на поверхности хрустальной лампы скульптор вырезал толпу голых ребятишек верхом на деревянных лошадках. Фигурки казались выпуклыми и как будто живыми, так как свет проходил сквозь них изнутри и играл, переливаясь, в хрустальных изображениях.

ГЛАВА XLVIII

О том, как мы пили воду из волшебного фонтана

В то время, как мы рассматривали этот чудесный храм, перед нами появилась волшебница Бакбук со своей свитой. Приветливо улыбаясь, она пригласила нас в среднюю часть храма, где возвышался великолепный фонтан, выложенный прозрачным алебастром. Вокруг фонтана стояли семь колонн. Первая колонна была сделана из небесно-голубого сапфира. На вершине этой колонны стояла свинцовая статуя бога Сатурна с косой в руках*. У ног Сатурна стоял золотой журавль, отделанный превосходной эмалью. Вторая колонна была из гнацинта, и на ней стоял Юпитер с золотым орлом на груди*. Третья колонна была из брильянта. Она так сверкала, что на нее трудно было смотреть. На ней стоял

Феб-Аполлон, вылитый из червонного золота. В правой руке Феб держал белого петуха*. На четвертой, ярко-красной рубиновой колонне возвышался Марс, бог войны, с львом у ног. На пятой, смарагдовой колонне стояла Венера, и у ног ее сидел прекрасный голубь*. Шестую, агатовую колонну увенчивал бог Меркурий. У ног его сидел аист*. Седьмая колонна была сделана из прозрачного селенита, и на ней возвышалась серебряная статуя богини Луны. У ног Луны сидела борзая собака.

Все эти колонны, посвященные семи небесным планетам*, были соединены между собой красивыми арками. На арках покоился великолепный хрустальный купол, который служил крышей для фонтана. Купол был до такой степени чист и прозрачен, что я не заметил на нем ни одного бугорка, ни одной прожилки, ни одного пятнышка. На его вершине, как раз под той люстрой, которую я описал раньше, были укреплены три грушевидных жемчужины с ладонь величиной. Жемчужины были соединены вместе в виде цветка лилии. Из чашечки этой лилии выходил карбункул величиной со страусовое яйцо, такой чудесный и ослепительный, что, взглянув на него, мы чуть было не ослепли.

Вода била из фонтана тремя струями. Перламутровые трубы, по которым она проходила, лежали в водоеме, словно две огромные улиткообразные спирали. Из них слышалось чудесное музыкальное журчание, смутное и прерывистое, шедшее как будто из глубины земли.

Тем временем Бакбюк приказала принести кубки, чаши и бокалы и предложила нам попробовать воды из этого чудесного фонтана. Надо вам сказать, что мы не такие олухи, чтобы отказываться от вежливого приглашения. Поэтому мы не заставили себя долго упрашивать и тотчас же выпили по большому бокалу. И в следующую минуту с нами произошла удивительная перемена. Всю нашу усталость словно рукой сняло; кровь быстрее побежала по жилам; на щеках заиграл румянец; мы почувствовали себя бодрыми, здоровыми, помолодевшими лет на десять, по крайней мере.

— Понравился ли вам наш волшебный напиток? — спросила нас Бакбюк.

— Это чудесная ключевая вода, — сказал Пантагрюэль, — самая удивительная вода, какую только я когда-либо испробовал. Ибо никакая другая вода не освежает человека так, как эта.

— Теперь выпейте еще по бокалу, — сказала, улыбаясь, Бакбюк, — и вообразите себе, что вы пьете то вино, которое вам больше всего по вкусу.

Мы выпили снова.

— Ей-богу,— закричал Панург,— это чудесное бонское вино, или пусть я провалюсь в преисподнюю!

— Честное слово,— сказал брат Жан,— это вино Грав, веселое и искристое. О, ради бога, научите нас, как вы это делаете!

— Мне кажется,— сказал Пантагрюэль,— что это из мирвоссских вин. Именно это вино я и вообразил себе перед тем, как пить.

ГЛАВА XLIX

*О том, как Панург разговаривал
с оракулом Волшебной Бутылки*

— Итак, вы видите, какими чудесными свойствами обладает эта вода,— сказала Бакбюк.— Кто из вас хочет слышать слово Волшебной Бутылки?

— Я, ваш покорный кувшин,— отвечал Панург.

— Друг мой,— отвечала волшебница,— для вас у меня одно наставление: подойдя к оракулу, слушайте его только одним ухом.

Затем Бакбюк надела на Панурга зеленый плащ, прекрасную белую шапочку, трижды вымыла ему лицо в фонтане и заставила сделать три красивых прыжка. Затем она повела его через золотую дверь в круглую капеллу, сложенную из слюды и других прозрачных камней. Окон в капелле не было, но зато она освещалась ярким солнечным светом, который проходил сквозь отверстие в скале, пробитое прямо над крышей капеллы. Посредине капеллы был устроен семигранный бассейн, наполненный чистой, прозрачной водой. В центре бассейна, наполовину погруженная в воду, стояла огромная Бутылка правильной овальной формы, выложенная прекрасным, чистым хрусталем.

Бакбюк заставила Панурга поцеловать край бассейна и проплясать перед ним три священных танца. Затем она посадила Панурга на пол, развернула перед ним толстую книгу и заставила пропеть следующую песню:

*О бутылка!
Вся полна ты
Тайною!
Я внимаю
Одним ухом,
Слушаю!
В ключевой твоей воде
Нет ни злобы, ни обмана.
Я зову тебя в беде,
Прозвени мне из фонтана!
О бутылка!
Вся полна ты
Тайною!
Чутким ухом
Я внимаю,
Слушаю!*

Когда песня была кончена, Бакбюк бросила в бассейн не знаю что, и вдруг вода в нем покрылась пузырьками и закипела. Панург молча прислушивался одним ухом. Бакбюк стояла на коленях возле него. Вдруг из Бутылки послышался шум, как бы от сильного дождя. Шум становился все громче и громче. Вот он заполнил собою всю капеллу, и в эту минуту из Бутылки вылетело слово *ТРИНК!* И все умолкло.

— Она лопнула! — воскликнул Панург. — Ей-богу, она лопнула! Так лопаются хрустальные бутылки, когда их ставят на огонь!

— Друг мой, — сказала Бакбюк, — воздайте благодарность судьбе: вы получили слово Волшебной Бутылки. Это самое верное, самое правдивое слово, которое я когда-либо от нее слышала. Вставайте же, пойдем в храм и посмотрим в книгах, что значит это слово.

— Идем, — сказал Панург. — Где тут дверь? Где книга? Посмотрим, как толкуется это волшебное слово.

ГЛАВА L

*О том, как Бакбюк истолковала
ответ Волшебной Бутылки*

Бакбюк привела Панурга в главный храм и вынула из шкафа большую серебряную книгу. Раскрыв книгу, она нашла в ней нужную главу и сказала:

— Слушайте, путники, и внимайте. Слово «Тринк» — великое слово; оно известно многим народам и значит оно: «Пейте!» Я уж не говорю о простом питье: без него не могут жить ни человек, ни животное. Я разумею другое питье, которое мы должны принимать в себя каждый день и каждый час, — питье, к которому мы должны неустанно стремиться и терпеливо добиваться, чтобы оно освежило наш ум и наше сердце, сделало нас сильными, могущественными, справедливыми и деятельными. Вы уж догадались, конечно, о каком питье я говорю вам. Я говорю об истинном знании всех вещей, которые существуют в этом мире. Только такое знание выведет вас из бездны невежества, освободит вас от предрассудков и суеверия, раскроет ваши глаза и возродит вас к новой, удивительной жизни. Подобно волшебной воде, которую пили вы из нашего фонтана, истинное знание сделает вас бодрыми и здоровыми, оно развеет усталость и скуку, прогонит болезни и научит вас управлять таинственными и непонятными силами природы.

Но не думайте, странники, что дорога к истинному знанию легка и безопасна. Подобно тому, как скитались вы по бесконечному морю, прежде чем достигнуть Волшебной Бутылки,— много времени и труда придется положить вам, чтобы достигнуть берегов истинного знания. Снова придется запастись вам путеводной Лампой — прекрасной, доброй наукой, которая рассеет перед вами тьму и покажет правильную дорогу. Подобно тому, как сейчас вы спустились в нашу подземную таинственную область,— придется вам спуститься в мир непонятных и неизвестных вам вещей, истинный смысл которых еще не скоро откроется перед вами. Ваши философы, которые жалуются на то, что все уже описано древними и что им ничего больше не осталось для новых открытий, слишком сильно ошибаются. То, что заключается в земле, то, что существует в морях и реках, то, что вы видите на небе,— все это вы еще очень плохо знаете, все это еще как бы в тумане перед вашим взором, потому что истинное знание еще далеко от вас.

— А что вы скажете насчет моей женитьбы? — спросил Панург.— Будет меня жена колотить или не будет?

— Друг мой,— сказала, улыбаясь, Бакбюк,— как только вы вступите на дорогу истинного, не ложного знания, вы легко сможете отличить дурного человека от хорошего. Надеюсь, тогда вы сумеете выбрать себе жену по вкусу.

— Невозможно сказать лучше, чем сказала эта добрая волшебница,— заметил Пантагрюэль,— ведь и я так же сказал, как только вы впервые со мной об этом заговорили. Итак, тринк! Что вы скажете на это, брат Жан, друг мой?

— Тринк,— сказал брат Жан,— тринк! А теперь поговорим о том, как нам поблагодарить хозяев.

— Об этом не беспокойтесь,— сказала Бакбюк,— достаточно того, что вы нами довольны. Однако прошу вас написать ваши имена в эту книгу.

Тут она раскрыла большую прекрасную книгу. Под нашу диктовку один из мудрецов записал в ней наши имена. Тем временем Бакбюк наполнила волшебной водой три больших меха и, передавая их нам из рук в руки, сказала:

— Идите, друзья, в ваш мир и свидетельствуйте, что под землей заключены большие богатства и удивительные вещи. Когда сядете на корабль, выпускайте понемногу воду из этих мехов. Испаряясь, вода превратится в легкий попутный ветер, и с его помощью вы пойдете по прямому пути вплоть до гавани Олонн в Тальмондуа. Не забывайте только направлять этот ветер на ваши паруса через золотое поддувало, которое прилажено здесь в виде флейты. Тогда вы будете всегда в безопасности, и никакие бури не будут угрожать вам. Ваши корабли вы найдете

в полном порядке. На них погружено все то, что необходимо вам для обратного путешествия. Пока вы здесь пребывали, я успела об этом позаботиться. Идите же, друзья, в радости душевной и свезите это письмо господину вашему Гаргантюа, передайте ему наш привет, а также всем его близким и подданным.

С этими словами Бакбюк вручила нам запечатанное письмо и, после наших заверений в вечной признательности, вывела нас наверх. Пройдя через весь остров, цветущий, плодородный и привлекательный, как наша родная Турень, мы вышли, наконец, к морю. Солнце уже всходило над горизонтом и заливало наши корабли своим золотистым сиянием.

*КОНЕЦ ВТОРОЙ.
И ПОСЛЕДНЕЙ, ЧАСТИ*

ДЖОНАТАН СВИФТ

*П*УТЕШЕСТВИЯ

В НЕКОТОРЫЕ ОТДАЛЕННЫЕ

СТРАНЫ СВЕТА

ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА

СНАЧАЛА ХИРУРГА,

А ПОТОМ КАПИТАНА

НЕСКОЛЬКИХ

КОРАБЛЕЙ

Роман,

Jonathan Swift

Travels into several remote nations
of the world by Lemuel Gulliver, first a surgeon
and then a captain of several ships

Перевод с английского и редакция Б. М. Энгельгардта

Иллюстрации Жана Гранвилля

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛИЛИПУТИЮ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автор сообщает кое-какие сведения о себе и о своем семействе. Первые побуждения к путешествиям.

Он терпит кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов.

Его берут в плен и увозят в глубь страны

уроженец Ноттингемпшира, где у моего отца было небольшое поместье. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, отец послал меня в колледж Иманьюела в Кембридже. Там я пробыл три года, прилежно занимаясь науками. Однако отцу было не по средствам дольше содержать меня в колледже, поэтому он взял меня оттуда и отдал в учение к выдающемуся лондонскому врачу мистеру Джеймсу Бетсу, у которого я провел четыре года. Все деньги, какие изредка присылал мне отец, я тратил на изучение навигации и других отраслей математики. Эти науки всегда могли пригодиться в путешествии, а я был убежден, что судьба предназначила мне сделаться путешественником. Покинув мистера Бетса, я возвратился домой, в Ноттин-

гемпшир. При поддержке отца, дяди Джонса и других родственников мне удалось собрать сорок фунтов*, и я решил отправиться для продолжения образования в Лейден. Родные обещали высылать мне каждый год тридцать фунтов. В Лейдене я в течение двух лет и семи месяцев изучал медицину, зная, что она мне пригодится в далеких путешествиях.

По возвращении из Лейдена я с помощью моего доброго учителя мистера Бетса устроился хирургом на судно «Ласточка», которым командовал капитан Эйбреген Пеннел. На этом судне я прослужил три с половиной года и совершил несколько путешествий в Левант и другие страны. Вернувшись на родину, я решил поселиться в Лондоне. Мистер Бетс вполне одобрил мое решение и рекомендовал меня нескольким пациентам. Я снял часть небольшого дома на Олд-Джурри и, по совету друзей, женился на мисс Мери Бертон, второй дочери мистера Эдмонда Бертон, чулочника с Ньюгет-стрит, за которой взял четыреста фунтов приданого.

Спустя два года мой добрый учитель Бетс умер; мой заработок сильно сократился. Друзей у меня было мало, а совесть не позволяла мне подражать дурным приемам многих моих собратьев по профессии. Вот почему, посоветовавшись с женой и с некоторыми знакомыми, я решил снова сделаться моряком. В течение шести лет я служил судовым хирургом, переменил два

корабля и совершил несколько путешествий в Ост- и Вест-Индию. На этой службе я несколько поправил свои дела.

Уходя в плавание, я всегда запасался большим количеством книг и все свободное время посвящал чтению лучших писателей, древних и новых, а высаживаясь на берег, наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык. Благодаря хорошей памяти это давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий оказалось не очень удачным. Море мне надоело, и я решил остаться дома с женой и детьми. Я переехал с Олд-Джури на Феттер-Лейн, а оттуда в Уонпинг, рассчитывая получить практику среди моряков, но мои расчеты не оправдались. После трех лет бесплодных ожиданий я принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца «Антилопы», отправиться с ним в Южное море*.

Мы отплыли из Бристоля 4 мая 1699 года. Вначале наше путешествие было очень удачно. Попутные ветры быстро несли нас вперед, и вскоре мы взяли курс на Ост-Индию. Но как раз в это время разразилась страшная буря. Ураган отнес нас к северо-западу от Вандименовой Земли*. Мы находились на 30°2'

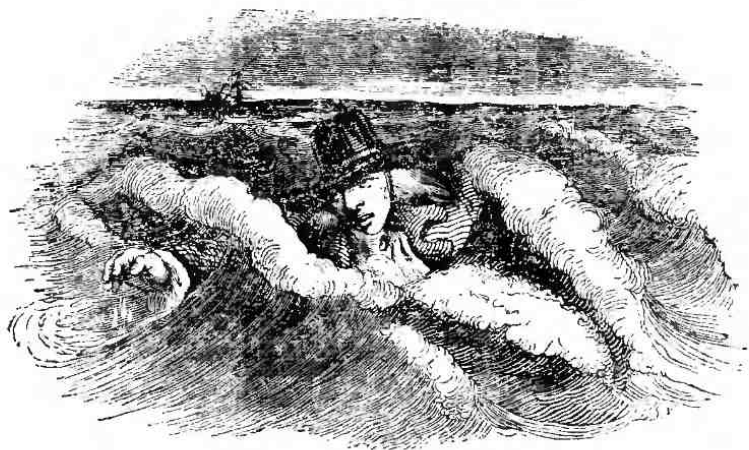
южной широты. Двенадцать человек из нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи, остальные были очень изнурены. 5 ноября (начало лета в тех местах) сильный ветер продолжал гнать нас вперед и вперед; стоял густой туман. Внезапно на расстоянии какого-нибудь полукабельтова* от корабля показались буруны. Страшный порыв ветра подхватил корабль и помчал на скалу; предпринимать что-либо было поздно. Корабль налетел на камни и мгновенно разбился.

Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить шлюпку и отойти от корабля и скалы. По моему расчету, мы прошли на веслах только около трех миль*. Последние дни всем нам пришлось так много работать на корабле, что теперь мы были не в силах грести дальше. Мы побросали весла и отдались на волю волн. Через полчаса налетевший с севера шквал опрокинул нашу лодку. Не знаю, что случилось с моими спутниками, находившимися в лодке, а также с теми, кто искал спасения на скале или остался на корабле. Думаю, что все они погибли.

Сам я, очутившись в воде, поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и течением. Несколько раз я пытался нащупать дно. Наконец, когда я уже почти совсем выбился из сил и не мог больше бороться с волнами, я почувствовал под собою землю.

К этому времени и буря стала заметно стихать. Дно оказалось настолько отлогим, что мне пришлось брести по воде добрую милю, прежде чем я достиг берега. Было уже, должно быть, около восьми часов вечера. Я прошел в глубь страны на полмили, но нигде не мог найти никаких признаков домов или жителей. От усталости, жары и полупинты* водки, которую я выпил, покидая корабль, меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву,

очень низкую и мягкую, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни.

По моему расчету, сон мой продолжался не менее десяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог пошевелиться. Мои руки и ноги — а я лежал на спине — были прочно прикреплены к земле. Точно так же были притянуты к земле мои длинные и густые волосы. Вместе с тем я чувствовал, что все мое тело от подмышек до бедер перетянато множеством тонких шнурков. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его слепил мне глаза. Я слышал какой-то смутный шум, но, лежа на спине, не мог видеть ничего, кроме неба.

Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, осторожно пробралось мне на грудь и приблизилось к подбородку. Опустив глаза, я различил перед собой человека ростом не более шести дюймов*, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, что за ним следует еще по крайней мере около сорока подобных ему созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что, соскакивая с меня на землю, некоторые из них получили ушибы. Однако они скоро вернулись. Один смельчак рискнул подойти так близко к моему лицу, что мог видеть его целиком. В знак изумления он поднял руки, закатил глаза и крикнул пронзительным, но четким голосом: «Геккина дегуль!» Другие несколько раз повторили эти слова, но тогда я еще не знал, что они значат.

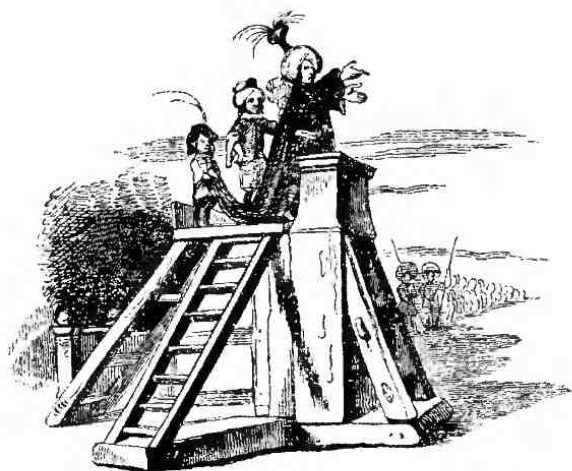
Все это время, как читатель легко может себе представить, я лежал в неудобной позе. Наконец, после некоторых усилий, мне удалось порвать веревочки, опутывавшие мою левую руку, и выдернуть из земли колышки, к которым они были прикрепле-

ны. Я поднес руку к глазам и тут только понял, на какие хитрости они пустились, чтобы связать меня.

Резким движением головы, что причинило мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы с левой стороны. Теперь я мог повернуть голову на два дюйма вправо. Но маленькие создания снова разбежались, и я не успел поймать ни одного из них.

Вслед за тем раздался пронзительный крик многих голосов. Когда он затих, я услышал, как кто-то громко воскликнул: «Тольго фонак!» В то же мгновение я почувствовал, как больше сотни стрел впились в мою левую руку. Они кололи меня, как иголки. Тотчас последовал новый залп. Теперь они стреляли в воздух, как у нас в Европе стреляют бомбами. Полагаю, что на мое тело (хотя я этого не почувствовал) обрушился целый град стрел. Несколько попало мне в лицо, которое я поспешил прикрыть рукой. Я застонал от досады и боли и сделал новую попытку освободиться. Но эти создания дали третий залп,

еще более сильный, чем первый; некоторые из них стали колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволовой кожи, которую они не могли пробить.

Я рассудил, что благоразумнее всего пролежать спокойно до наступления ночи. В темноте мне нетрудно будет освободиться при помощи левой руки. Я имел все основания думать, что если

все обитатели этой страны такой же величины, как те, которых я видел, то я легко справлюсь с любой армией, которую они могут выставить против меня.

Однако судьба распорядилась мной иначе. Убедившись, что я лежу спокойно, люди эти перестали стрелять, но по доносившемуся шуму я догадался, что число их возросло. Справа от меня, прямо против моего уха, раздавался какой-то стук, словно неподалеку что-то строили. Стук этот продолжался более часа. С большими усилиями я повернул голову в ту сторону и ярдах* в четырех от себя увидел помост высотой примерно в полтора фута*. На этом помосте могло поместиться три-четыре туземца. Один из них, по-видимому знатная особа, взобрался туда в сопровождении свиты из трех человек и обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял.

Следует упомянуть, что, прежде чем начать говорить, этот вельможа трижды крикнул: «Л е н г р о д е г и л ь с а н!» Услышав эти слова, человек пятьдесят туземцев тотчас приблизились ко мне и перерезали веревочки, прикреплявшие мои волосы с левой стороны. Это дало мне возможность повернуть голову направо и подробно рассмотреть внешность и жесты говорившего.

На вид ему было лет сорок: ростом он значительно превосходил своих спутников. Один из них — чуть побольше моего среднего пальца, по-видимому паж, — держал его шлейф, а двое других стояли по сторонам. Он говорил, как настоящий оратор. В некоторых местах его речи звучали угрозы, в других — обещания, жалость и благосклонность. Я отвечал кратко, но с самым покорным видом, и в заключение поднял левую руку и глаза к солнцу, словно призывая его в свидетели. Я почти умирал от голода (в последний раз я ел на корабле за несколько часов до крушения), поэтому я не мог сдержать своего нетерпения и, вопреки правилам приличия, поминутно подносил палец ко рту, желая этим показать, что хочу есть.

Г у р г о (так они называли вельможу, как я узнал впоследствии) отлично меня понял. Он сошел с помоста и приказал приставить к моим бокам несколько лестниц. Более сотни туземцев, нагруженных корзинами с различными кушаньями, взобрались по этим лестницам и направились к моему рту.

Кушанья были доставлены сюда по повелению монарха, как только до него дошло известие обо мне. Они были приготовлены из мяса различных животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Тут были лопатки, окорока и филейные части, с виду напоминавшие бараньи, но размером меньше крылышек жаворонка. Я клал их в рот по две-три штуки сразу и заедал тремя караваем хлеба, каждый величиной не более ружейной пули. Человечки прислуживали мне весьма расторопно и тысячью знаков выражали свое удивление моему росту и аппетиту.

Насытившись, я сделал знак, что хочу пить. Это был смысленный и изобретательный народец. По количеству съеденного мной они заключили, что малым меня не удовлетворить, и необычайно ловко втащили на меня с помощью веревок одну из самых больших бочек, подкатали ее к моей руке и вышибли дно. В бочке вмещалось не больше полпинты вина, и я выпил ее залпом. Вино напоминало легкое бургундское, но было гораздо приятнее на вкус. Они принесли мне вторую бочку, которую я осушил таким же образом, и знаками потребовал еще, но больше у них не оказалось.

Когда я проделал эти чудеса, человечки завопили от радости и пустились в пляс у меня на груди, все время повторяя свое первое восклицание: «Г е к и н а д е г у л ы!» Они знаками предложили мне сбросить обе бочки на землю, но сначала громкими криками «Б о р а ч м и в о л а!» предупредили, стоявших внизу, чтобы те посторонились. Когда бочки взлетели на воздух, раздался дружный крик: «Г е к и н а д е г у л ы!»

Признаться, меня не раз брало искушение схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они расхаживали взад и вперед по моему телу, и швырнуть их на землю. Но память о том, что мне уже пришлось испытать — они, вероятно, могли причинить мне еще больше неприятностей, — и слово чести, которое я им дал — ибо я так толковал выказанную

мной покорность,— скоро прогнали всякие помыслы об этом. Кроме того, я считал себя связанным законом гостеприимства с народом, который не пожалел затрат и устроил мне такое великодушное угощение.

Во всяком случае, я не мог надивиться неустрашимости этих крошечных созданий. Я должен был казаться им каким-то гигантским чудовищем, а они смело взбирались на меня и разгуливали по всему телу, не обращая никакого внимания на то, что у меня одна рука свободна.

Спустя некоторое время передо мной предстала высокопоставленная особа — посол его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою ногу, проследовал к моему лицу в сопровождении многочисленной свиты. Он предъявил мне свои верительные грамоты* с императорской печатью, поднеся их к моим глазам, и обратился ко мне с речью. Посол говорил минут десять без всяких признаков гнева, но с видом непреклонной решимости. Как я узнал позднее, речь шла о том, что его величество вместе с государственным советом постановили перевезти меня в столицу, находившуюся на расстоянии полумили отсюда.

В ответ на его речь я произнес несколько слов, но их никто не понял. Тогда я прибегнул к помощи знаков. Я прикоснулся свободной рукой к другой руке, а затем к голове и к телу, показывая этим, что я желаю получить свободу. По-видимому, его превосходительство хорошо понял смысл этих жестов, потому что покачал отрицательно головой и знаками объяснил мне, что меня повезут как пленника. Однако он дал понять, что обращаться со мной будет хорошо.

Тут я снова подумал, не попытаться ли мне разорвать мои узы. Но жгучая боль лица и рук, покрытых волдырями от вонзившихся в кожу стрел, заставила меня отказаться от этого намерения. К тому же я заметил, что число моих неприятелей непрерывно возрастает. Поэтому я знаками дал понять, что они могут поступать со мной, как им угодно. После этого гурго и его свита весьма учтиво мне поклонились и удалились, заметно повеселев.

Вскоре послышались восторженные крики, среди них часто повторялись слова: «Пеплом селан». Внезапно я почувствовал, что толпа стороживших меня туземцев ослабила державшие меня слева веревки, так что я мог повернуться на правый бок. Еще раньше мои лицо и руки смазали какой-то приятно пахнувшей мазью, которая сразу же успокоила жгучую боль, причиненную стрелами. Я успокоился, и меня потянуло ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов. В этом не было ничего

удивительного, так как по приказанию императора врачи подмешали в бочки с вином сонного зелья.

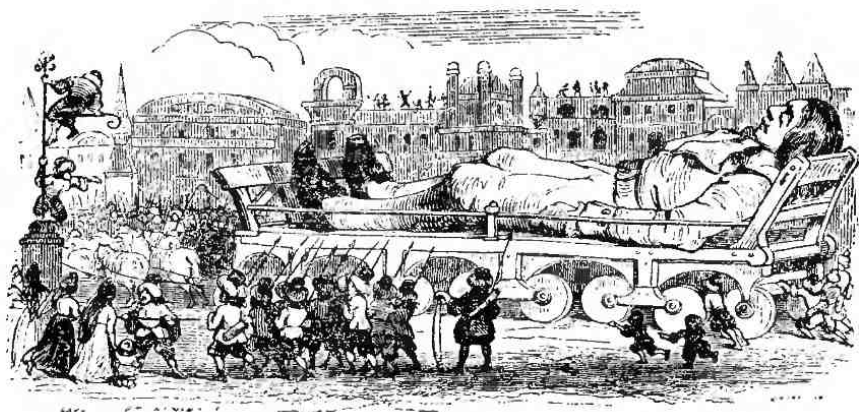
По-видимому, дело обстояло так: едва император получил донесение обо мне, он в согласии с советом отдал распоряжение, чтобы меня немедленно связали (это было исполнено ночью, пока я спал). Он повелел также накормить меня, когда я проснусь, и приготовить машину для перевозки меня в столицу.

На первый взгляд такое решение может показаться чересчур смелым и опасным. Я уверен, что ни один европейский монарх не рискнул бы поступить таким образом.

Однако, по моему мнению, распоряжение императора было столь же благоразумным, как и великодушным. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы убить меня во время сна. При первом же нападении я бы непременно проснулся от боли и мог прийти в такую ярость, что сразу разорвал бы веревки и, в свою очередь, напал бы на них. Вполне понятно, что они не могли ожидать от меня пощады.

Люди эти — превосходные математики и благодаря поддержке и поощрению императора, известного покровителя наук, достигли большого совершенства в механике. В распоряжении этого монарха имеются разные машины на колесах для перевозки бревен и других больших тяжестей. Здесь принято строить самые крупные военные корабли — до девяти футов длины — в местах, где растет строевой лес. Затем их поднимают на эти машины и перевозят к морю.

Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно приготовить самую большую из таких машин. Приказ был выполнен в кратчайший срок. Не прошло, кажется, и четырех часов,

как я выбрался на берег, а машина уже отправилась за мной. Ее прибытие к месту, где я находился, народ встретил радостными криками. Это была деревянная платформа, возвышавшаяся на три дюйма над землей, около семи футов в длину и четырех в ширину, на двадцати двух колесах. Ее поставили возле меня параллельно моему туловищу.

Главная трудность заключалась в том, чтобы поднять и уложить меня на платформу. С этой целью вбили восемьдесят столбов, каждый вышиной в один фут, потом рабочие обвязали мою шею, руки, туловище и ноги бесчисленными повязками с крючками; к этим крючкам прицепили крепкие канаты толщиной с упаковочную бечевку и перекинули их через блоки, насаженные на столбы. Девятьсот самых сильных рабочих принялись тянуть за канаты, и таким образом меньше чем в три часа меня подняли на повозку и крепко привязали к ней.

Все это мне рассказали позже. Благодаря снотворной микстуре я был погружен в глубокий сон и не чувствовал, что со мной делают.

Понадобилось полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, каждая вышиной в четыре с половиной дюйма, чтобы довезти меня до столицы, которая, как я уже сказал, отстояла на полмили.

Мы были в дороге часа четыре, когда меня разбудило забавное происшествие. Повозка остановилась для какой-то починки. Воспользовавшись этим, два или три молодых туземца захотели взглянуть, какой у меня вид, когда я сплю. Они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу. Один из них, гвардейский офицер, довольно глубоко засунул мне в левую ноздрю острое пики. Я громко чихнул, как от прикосновения соломинки, и проснулся. Храбрецы незаметно скрылись. Только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения.

Мы провели в дороге весь день. На ночлеге по бокам моей повозки было поставлено около пятисот гвардейцев. Половина из них держала факелы, остальные стояли с луками наготове, чтобы стрелять в меня при первой моей попытке подняться.

С восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню были в двухстах ярдах от городских ворот. Император со всем своим двором выступил нам навстречу, но высшие сановники решительно воспротивились тому, чтобы его величество подвергал свою особу опасности, поднявшись на меня.

Повозка остановилась возле древнего храма, который считался самым большим во всем королевстве. Несколько лет тому назад в этом храме было совершено ужасное убийство. Местное население, отличающееся большой набожностью, сочло храм осквер-

ненным и перестало посещать его. Храм закрыли, вынесли из него всю утварь и украшения, и он долгое время стоял пустым. В нем-то и решено было поместить меня.

Выходившие на север двери этого здания имели около четырех футов в высоту и около двух футов в ширину, так что я довольно легко мог в них пролезть. По обе стороны дверей, на высоте всего шести дюймов от земли, было два окошка. Сквозь левое окошко придворные кузнецы пропустили девятую одну цепочку толщиной с часовые цепочки у европейских дам и замкнули их на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками. По другую сторону большой дороги, прямо против этого храма, стояла башня высотой не менее пяти футов. Император в сопровождении первых сановников поднялся туда, чтобы лучше разглядеть меня. С этой же целью возле храма перебивало, как показал специальный подсчет, свыше ста тысяч горожан. Думаю, что не менее десяти тысяч из них взбирались на меня. Но вскоре был издан приказ, запрещающий это под страхом смертной казни.

Закончив свою работу, кузнецы перерезали связывавшие меня веревки, и я поднялся в таком печальном расположении духа, какого не испытывал никогда в жизни.

Шум и изумление толпы, наблюдавшей, как я встал и хожу, не поддаются описанию. Цепь, к которой я был прикован, была длиной около двух ярдов, и я имел возможность не только прохаживаться взад и вперед, описывая полукруг, но и заползать в храм и лежать в нем, вытянувшись во весь рост.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Император Лилипутии в сопровождении многочисленных вельмож посещает автора. Описание наружности и одежды императора. Ученым поручают обучить автора языку лилипутов. Своим кротким поведением он завоевывает благосклонность императора. В карманах автора производят обыск. У него отбирают саблю и пистолеты

Поднявшись на ноги, я осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не случалось видеть такого забавного и интересного пейзажа. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом; огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесами площадью в полстанга; самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более

семи футов высоты. Налево лежал город, имевший вид театральной декорации.

Пока я любовался этой необычайной картиной, император спустился с башни и направился ко мне верхом на лошади. Он едва не поплатился очень дорого за такую смелость. При виде меня лошадь испугалась и взвилась на дыбы; должно быть, ей показалось, что на нее движется гора. Император был превосходным наездником и удержался в седле. Тут, к счастью, подоспели слуги. Они схватили бывшего коня под уздцы и помогли его величеству сойти. Император сохранял полное спокойствие. Оправив костюм, он принялся внимательно оглядывать меня со всех сторон. Он приказал стоявшим наготове поварам и дворецким подать мне есть и пить. Те подкатили тележки с пищей и вином

на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял. В двадцати тележках находились кушанья, в десяти — пашитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась мной в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальным вином.

Императрица, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами сидели в креслах, расставленных поодаль, но после приключения с лошастью все они встали и подошли к императору.

Теперь я постараюсь описать наружность его величества. Он почти на мой ноготь выше своих придворных; одного этого было довольно, чтобы внушать почтительный страх окружающим. Черты лица его были резки и мужественны; губы слегка вывернутые, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, руки и ноги красивой формы, движения грациозные, осанка величественная*. Император не первой молодости — ему двадцать восемь лет и девять месяцев*; и он благополучно царствует уже семь лет. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так что мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня. Впоследствии мне не раз случалось брать его на руки, и потому я не мог ошибиться в его описании.

Одежда императора очень скромная и простая; покрой ее — нечто среднее между азиатским и европейским; на голове надет легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и пером на шишаке. Опасаясь, как бы я не разорвал цепь, он на всякий случай держал в руке обнаженную шпагу. Длина шпаги достигала трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены брильянтами. Голос его величества пронзительный, но чистый и

до такой степени внятный, что даже стоя я мог отчетливо его слышать.

Дамы и придворные были великолепно одеты. Их пестрая толпа выглядела издали словно разостланная на земле пышная юбка, вышитая золотом и серебром*.

Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами. Я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Тогда он приказал священникам и юристам (так я заключил по их костюму) из своей свиты вступить со мной в разговор. Я, в свою очередь, заговаривал с ними на всех языках, какие были мне знакомы: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски, но все эти попытки не привели ни к чему.

Спустя два часа двор удалился, и я остался под сильным караулом — для охраны от дерзких, даже злобных выходов черни, которая настойчиво стремилась протиснуться поближе ко мне. У некоторых хватило бесстыдства пустить в меня несколько стрел, пока я сидел на земле у дверей моего дома. Одна из них едва не угодила мне в левый глаз.

Рассерженный этими выходами, полковник приказал схватить шестерых зачинщиков. Чтобы наказать их, он решил передать их в мои руки. Солдаты, действуя тупыми концами пик, подогнали озорников ко мне. Я сгреб их всех в правую руку, пятерых положил в карман камзола, а шестого взял и поднес ко рту, делая вид, будто хочу съесть его живым. Бедный человек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры сильно встревожились, когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро они успокоились. Ласково глядя на моего пленника, я разрезал связывающие его веревки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же я поступил и с остальны-

ми, вынимая их по очереди из кармана. Я заметил, что караульные и толпа остались очень довольны моим милосердием. Мой поступок с обидчиками произвел очень выгодное для меня впечатление при дворе.

С наступлением ночи я не без труда забрался в свой дом и лег на голой земле. Так я проводил ночи около двух недель, пока по специальному приказанию императора для меня изготовляли матрац и другие постельные принадлежности. Привезли шестьсот матрацев обыкновенной величины, и в моем доме началась работа. Сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и таким образом получился один матрац, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраца положили один на другой; но твердый каменный пол, на котором я спал, не стал от этого намного мягче. По такому же расчету были изготовлены простыни, одеяла и покрывала. Для человека, давно привыкшего к лишениям, и это было хорошо.

Едва весть о моем появлении пронеслась по королевству, как отовсюду начали стекаться толпы богатых, досужих и любопытных людей, чтобы взглянуть на меня. Деревни почти опустели, полевые работы приостановились, домашние дела пришли в расстройство. Все это могло бы окончиться весьма плачевно, если бы не мудрые распоряжения его величества. Он повелел всем, кто уже видел меня, немедленно возвратиться домой; им было воспрещено вновь приближаться к моему жилищу на расстояние мень

ше пятидесяти ярдов без особого разрешения двора. Это распоряжение послужило для некоторых министров источником крупных доходов.

Посетив меня, император созвал совет, на котором обсуждался вопрос о том, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного знатного придворного, сделавшегося моим близким другом, что государственный совет долгое время не мог прийти к определенному решению. С одной стороны, боялись, чтобы я не разорвал цепи; с другой — возникали опасения, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Некоторые из членов совета настаивали на том, чтобы уморить меня голодом или же умертвить при помощи отравленных стрел. Однако это предложение было отвергнуто на том основании, что разложение такого громадного трупа может вызвать чуму в столице и во всем королевстве.

В самый разгар совещания у дверей большого зала совета появилось несколько офицеров; двое из них были допущены в собрание и представили подробный доклад о моем поступке с шестью упомянутыми озорниками. Это произвело чрезвычайно благоприятное впечатление на его величество и весь государственный совет. Император немедленно издал приказ, который обязывал все деревни, находящиеся в пределах девятисот ярдов от столицы, доставлять каждое утро шесть быков, сорок баранов и другую провизию для моего стола вместе с соответствующим количеством хлеба и вина. За все это уплачивалось по установленной таксе из собственной казны его величества. Следует заметить, что этот монарх живет главным образом на доходы от своих имений и только в самых исключительных случаях обращается за помощью к своим подданным.

Кроме того, при мне учредили штат прислуги в шестьсот человек. Император ассигновал на их содержание особые средства и распорядился раскинуть для них удобные палатки по обеим сторонам моего дома. Кроме того, был отдан приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона и чтобы шестеро самых выдающихся ученых занялись моим обучением местному языку. В заключение император распорядился, чтобы лошадей, принадлежащих императору, придворным и гвардии, по возможности чаще тренировали в моем присутствии с целью приучить их ко мне.

Все эти приказы были исполнены в точности. Спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостоивал меня своими посещениями и милостиво помогал моим наставникам обучать меня. Мы могли уже объясняться друг с другом. Первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество соизволил даровать мне свободу. Слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. На мою просьбу император отвечал несколько уклончиво. Насколько я мог понять, он говорил, что для моего освобождения необходимо согласие государственного совета и что прежде всего я должен «люмоzekельминпессодемарлонэмпозо», то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, добавил он, мое освобождение есть только вопрос времени, и советовал мне терпением и скромностью заслужить доброе имя как в его глазах, так и в глазах его подданных.

Однажды он попросил меня не счесть за оскорбление, если

он отдаст приказание особым чиновникам обыскать меня. Он убежден, что я ношу при себе оружие, которое, судя по огромным размерам моего тела, должно быть очень опасным. Я просил его величество не беспокоиться на этот счет и заявил, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя чиновниками.

«Разумеется, — сказал он, — я понимаю, что это требование закона не может быть исполнено без вашего согласия и помощи, но я такого высокого мнения о вашем великодушии и справедливости, что спокойно передам этих чиновников в ваши руки. Вещи, отобранные ими, будут возвращены вам, когда вы покинете эту страну, или же вам заплатят за них столько, сколько вы сами назначите».

Я взял обоих чиновников в руки и положил их в карманы камзола. Когда они закончили осмотр этих карманов, я переложил их в другие. Я показал им все карманы, кроме двух часовых и одного потайного, где лежало несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В часовых карманах лежали: в одном — сере-

бряные часы, а в другом — кошелёк с песколькими золотыми. Чиновники запаслись бумагой, перьями и чернилами и составили подробную опись всему, что нашли*. Когда опись была закончена, они попросили меня высадить их на землю. Свою опись они представили императору. Позднее я перевел ее на английский язык. Вот она слово в слово:

«Тщательно осмотрев правый карман камзола великого Человека-Горы (так я перевожу слова «К у и н б у с Ф л е с т р и н»), мы нашли там только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца вашего величества. В левом кармане оказался громадный серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы, досмотрщики, не могли поднять. По нашему требованию Человек-Гора открыл сундук. Один из нас вошел туда и по колену погрузился в какую-то пыль. Эта пыль, поднявшись в воздух, заставила нас обоих несколько раз громко чихнуть.

В правом кармане жилета мы нашли громадную кипу тонких белых листов, сложенных вместе и перевязанных прочными канатами. Листы покрыты какими-то черными знаками. По нашему скромному предположению, эти знаки не что иное, как письма; каждая буква равняется нашей ладони. В левом жилетном кармане оказался особый инструмент. Двадцать длинных колец, вставленных в спинку инструмента, напоминают забор перед двором вашего величества. Мы думаем, что этим инструментом Человек-Гора расчесывает свои волосы, но это только наше предположение. Мы избегали тревожить Человека-Гору вопросами, так как нам было очень трудно объясняться с ним.

В большом кармане с правой стороны средней покрывки Человека-Горы (так я перевожу слово «р а н ф у л о», под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб длиной в рост человека. Этот столб прикреплен к куску твердого дерева, более широкому, чем сам столб; с одной стороны столба торчат большие куски железа весьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена и в левом кармане. В малом кармане с правой стороны оказалось несколько плоских дисков из белого и красного металла различной величины. Иные из белых дисков так велики и тяжелы, что мы вдвоем едва могли поднять их. По-видимому, они изготовлены из серебра.

В левом кармане мы нашли две черные колонны неправильной формы. Стоя на дне кармана, мы только с большим трудом могли достать рукой до их верхушки. В каждую колонну

вставлена огромная стальная пластина. Полагая, что это опасные орудия, мы потребовали у Человека-Горы объяснить их употребление. Вынув оба орудия из футляра, он сказал, что в его стране одним из них бреют бороду, а другим — режут мясо.

Кроме того, на Человеке-Горе оказалось еще два кармана, куда мы не могли проникнуть. Человек-Гора называет эти карманы часовыми. Это две широкие щели, прорезанные в верхней части его средней pokrышки и сильно сжатые давлением его брюха. Из правого кармана спускается большая серебряная цепь; она прикреплена к диковинной машине, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть эту машину; она оказалась похожей на шар; одна половина ее сделана из серебра, а другая — из какого-то прозрачного металла. Заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, мы попробовали прикоснуться к ним; наши пальцы уперлись в это прозрачное вещество. Человек-Гора поднес эту машину к нашим ушам, и мы услышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Мы лично склоняемся к последнему мнению, потому что Человек-Гора сказал нам (если мы правильно поняли его слова), что он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни. Из левого часового кармана Человек-Гора вынул большую сеть. По своим размерам она напоминает рыбацью, но устроена таким образом, что может закрываться и открываться наподобие кошелька. В сети мы нашли несколько массивных кусков желтого металла. Если это настоящее золото, то оно должно иметь огромную ценность.

Обыскав все карманы Человека-Горы, мы перешли к осмотру его пояса, сделанного из кожи какого-то громадного животного. С левой стороны на этом поясе висит сабля длиною в пять раз больше среднего человеческого роста, а с правой — сумка или мешок с двумя отделениями. В каждом из этих отделений можно поместить трех подданных вашего величества. В одном отделении мы нашли множество шаров величиной почти с нашу голову. Все они сделаны из необычайно тяжелого металла. Требуется большая сила, чтобы поднять такой шар. В другом отделении насыпаны какие-то черные зерна, довольно мелкие и легкие. Мы могли удержать на ладони до пятидесяти зерен.

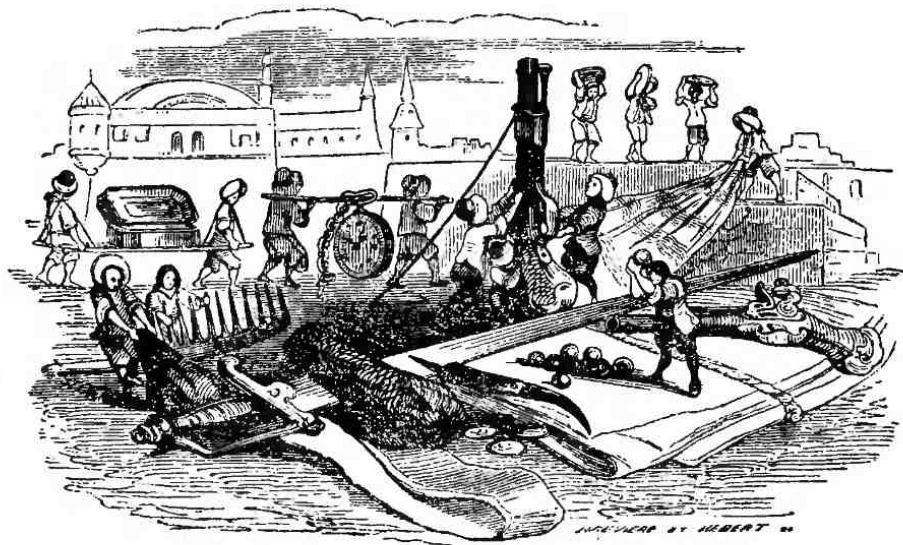
Такова точная опись всего, что мы нашли при обыске Человека-Горы. Во все время обыска он держал себя вежливо и с подобающим почтением к исполнителям приказаний вашего величества.

Скреплено подписью и приложением печати в четвертый
день восемьдесят девятой луны благополучного царствования
вашего величества.

Клефрин Фрелок
Марси Ферлок».

Когда эта опись была прочитана императору, его величе-
ство очень вежливо предложил мне отдать некоторые из пере-

численных в ней вещей. Прежде всего он указал на мою саблю. Я тотчас же снял ее вместе с ножнами и всеми принадлежностями. Тем временем император приказал трем тысячам отборных войск (которые в этот день несли охрану его величества) окружить меня, держа луки наготове. Впрочем, я и не заметил этого. Так как глаза мои были устремлены на его величество.

Император пожелал, чтобы я обнажил саблю. Я повиновался и несколько раз взмахнул ею над головой. Солдаты не могли удержаться от громких криков ужаса и изумления. Сабля несколько заржавела от морской воды, но все-таки блестела довольно ярко. Солнечные лучи, отражаясь от полированной стали, прямо ослепили присутствующих. Его величество, храбрейший из монархов, испугался меньше, чем я мог ожидать. Он приказал мне вложить саблю в ножны и возможно осторожнее бросить ее на землю футов за шесть от конца моей цепи.

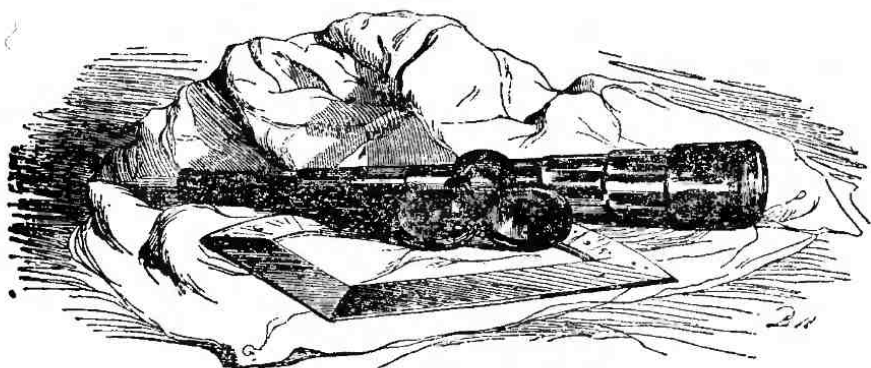
Затем он потребовал показать один из полых железных столбов, как они называли мои карманные пистолеты. Я вынул пистолет и, по просьбе императора, объяснил, как мог, его употребление. Затем я зарядил его одним порохом (благодаря наглухо закрытой пороховнице он оказался совершенно сухим) и, предупредив императора, чтобы он не испугался, выстрелил в воздух. На этот раз впечатление было гораздо сильнее, чем от сабли. Сотни людей повалились на землю, словно пораженные насмерть. Даже сам император, хотя и устоял на ногах, некоторое

время не мог прийти в себя. Я отдал оба пистолета, а также и сумку с боевыми припасами. При этом я просил его величество держать порох подальше от огня, так как от малейшей искры он может воспламениться и взорвать на воздух императорский дворец.

Отдал я и часы. Император осмотрел их с большим любопытством и приказал двум самым сильным гвардейцам унести их, надев на шест. Гвардейцы надели часы на крепкий шест и, подняв на плечи, унесли прочь, как в Англии таскают бочонки с элем. Более всего поразили императора непрерывный шум часового механизма и движение минутной стрелки. Лилипуты обладают несравненно лучшим зрением, чем мы, и его величество сразу заметил, что эта стрелка находится в непрерывном движении. Он предложил ученым выяснить, для чего служит эта машина. Но читатель и сам догадается, что ученые не пришли ни к какому единодушному заключению. Все их предложения были весьма далеки от истины.

Затем я сдал серебряные и медные деньги, кошелек с десятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку. Сабля, пистолеты и сумка с порохом и пулями были отправлены на телегах в арсенал его величества. Остальные вещи император приказал возвратить мне.

Я уже упоминал, что я не показал чиновникам секретного кармана. В нем лежали очки, карманная подзорная труба и несколько других мелочей. Эти вещи не представляли никакого интереса для императора, а между тем их легко было испортить, разбить или сломать при переноске, поэтому я счел возможным, не нарушая данного мною слова, утаить их от императорских чиновников.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Автор весьма оригинально развлекает императора, придворных дам и кавалеров. Описание развлечений при дворе в Лилипутии. Автору на определенных условиях даруется свобода

Мое кроткое и мирное поведение завоевало мне такое расположение со стороны императора, двора, армии и всего народа, что я мог надеяться скоро получить свободу. Я всячески стремился укрепить благопонятное мнение обо мне. Иногда я ложился на землю и позволял пятерым или шестерым лилипутам плясать на моей руке. Под конец даже дети отваживались играть в прятки в моих волосах. Я научился довольно сносно понимать и говорить на их языке.

Однажды императору пришла мысль развлечь меня акробатическим представлением. В устройстве таких представлений лилипуты своею ловкостью и великолепием превосходят все народы, какие я только знаю. Больше всего поразили меня упражнения канатных плясунов, которые выполняются на тонких белых нитках длиной в два фута, натянутых на высоте двенадцати дюймов от земли. На этом представлении я хочу остановиться несколько подробнее и попрошу у читателя немного терпения.

Исполнять упражнения на канате могут только те лица, которые состоят в кандидатах на высокие должности и ищут благоволения двора. Они с молодых лет обучаются этому искусству и не всегда отличаются благородным происхождением или широким образованием. Когда открывается вакансия на важную должность, вследствие смерти или опалы (что случается часто) какого-нибудь вельможи, пять или шесть таких соискателей подают прошение императору разрешить им развлечь его императорское величество и двор танцами на канате. Тот, кто прыгнет выше всех, не сорвавшись с каната, получает вакантную должность. Даже министры нередко получают приказ от императора показать свою ловкость и тем доказать, что они не утратили своих способностей. Канцлер казначейства Флимнап пользуется особой славой за свои прыжки*. Ему удалось подпрыгнуть на туго натянутом канате по крайней мере на дюйм выше, чем всем другим сановникам империи. Мне пришлось видеть, как он несколько раз подряд перекувырнулся через голову на небольшой доске, прикрепленной к канату толщиной не более английской бечевки. Мой друг Рельдресель, главный секретарь тайного совета — если только привязанность к нему не ослепляет меня, — занимает второе место после канцлера казначейства.

Остальные сановники по своей ловкости мало отличаются друг от друга.

Эти состязания часто сопровождаются несчастными случаями. Я сам видел, как два или три соискателя причинили себе увечья. Но опасность становится еще больше, когда сами министры получают повеление показать свою ловкость. Желая отличаться, они проявляют такое рвение, что редко кто из них не срывается и не падает. Меня уверяли, что за год или за два до моего прибытия Флимнап едва не сломал себе шею. К счастью, он упал на подушку, случайно оказавшуюся на полу, и благодаря этому избежал смерти.

Иногда при дворе устраивают совсем особенное представление, на котором присутствуют только император, императрица и первый министр. Император кладет на стол три тонкие шелковые нити — синюю, красную и зеленую, в шесть дюймов длины каждая. Эти нити предназначены в награду лицам, которых император пожелает отличить особым знаком своей благосклонности. Церемония происходит в большом тронном зале его величества. Здесь соискатели подвергаются особым испытаниям в ловкости, каких никогда не приходилось наблюдать в странах Старого и Нового Света. Император держит в руках палку в горизонтальном положении, а соискатели по очереди то пере-

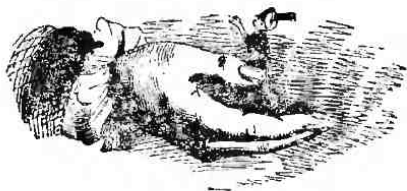

прыгивают через палку, то подползают под нее, смотря по тому, поднята палка или опущена. Иногда другой конец палки держит первый министр, иногда же палку держит только министр. Того, кто лучше всех проделает эти упражнения, награждают синей нитью; красная дается второму по ловкости, а зеленая — третьему*. Пожалованную нить носят в виде пояса, обматывая ее дважды вокруг талии. При дворе редко можно встретить особу без такого пояса. Конюхи каждый день обьезжали поблизости от меня лошадей из полковых и королевских конюшен. Поэтому лошади скоро перестали меня бояться, не кидались от меня в сторону и подходили к самым моим ногам. Я клал на землю руку, и всадники заставляли лошадей перескакивать через нее, а раз императорский ловчий на рослом коне перепрыгнул даже через мою ногу, обутую в башмак. Это был поистине удивительный прыжок.

Мне удалось придумать для императора необычайное развлечение. Я попросил достать мне несколько палок длиной в два фута и толщиной с обыкновенную трость. Его величество приказал главному лесничему сделать соответствующие распоряжения, и на следующее утро семь лесников привезли требуемое на шести телегах, с восемью лошадьми в каждой упряжке.

Я взял девять палок и крепко вбил их в землю в виде квадрата, каждая сторона которого была длиной в два с половиной фута; на этих девяти кольях я туго натянул носовой платок, а сверху прикрепил к четырем углам квадрата еще четыре палки параллельно земле. Эти палки, возвышаясь над платком приблизительно на пять дюймов, образовали с каждой стороны нечто вроде барьера.

Окончив эти приготовления, я попросил императора отрядить двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на устроенной мной площадке. Его величество одобрил мое предложение. Когда кавалеристы явились, я поднял их одного за другим и посадил на платок. Построившись, они разделились на два отряда и начали маневры: пускали друг в друга тупые стрелы, бросались друг на друга с обнаженными саблями; то обращались в бегство, то преследовали друг друга, то вели атаку, то отступали. При этом они показали лучшую военную выучку, какую мне когда-либо случалось видеть. Горизонтальные палки не позволяли всадникам и их лошадям упасть с площадки. Император пришел в такой восторг, что заставил меня несколько дней подряд повторять это развлечение и однажды соизволил сам подняться на площадку и лично командовать маневрами. С большим трудом ему удалось убедить императрицу разрешить мне поддерживать ее в закрытом кресле на расстоянии двух ярдов от площадки, так что

она могла хорошо видеть все представление. К счастью для меня, все эти упражнения прошли благополучно. Раз только горячая лошадь одного из офицеров пробила копытом дыру в моем носовом платке и, споткнувшись, упала и опрокинула своего седока. Я немедленно пришел им на помощь. Прикрыв одной рукой дыру, я спустил всю кавалерию на землю. Упавшая лошадь вывихнула левую переднюю ногу, но всадник не пострадал. Я тщательно починил платок, но с тех пор перестал доверять его прочности при подобных опасных упражнениях.

Однажды — дело было за два или за три дня до моего освобождения — я развлекал двор разными выдумками. Внезапно к его величеству прибыл гонец с донесением, что несколько его подданных поблизости от того места, где меня нашли, заметили на земле громадное черное тело весьма странной формы. Посередине высота его достигала человеческого роста, тогда как края его очень низкие и широкие. Оно занимает площадь, равную спальне его величества. Первоначально они опасались, что это какое-то невиданное животное. Однако скоро убедились в противном. Это тело лежало на траве совершенно неподвижно, и они несколько раз обошли его кругом. Подсаживая друг друга, они взобрались на вершину загадочного предмета; вершина оказалась плоской. Топая по телу ногами, они убедились, что оно внутри полое. В заключение авторы донесения смиренно высказывали предположение, не принадлежит ли этот предмет Человеку-Горе, и заявляли, что берутся доставить его с помощью всего только пяти лошадей в столицу.

Я тотчас догадался, о чем шла речь, и сердечно обрадовался этому известию. По-видимому, добравшись после кораблекрушения до берега, я был так расстроен, что не заметил, как у меня слетела шляпа. Еще в лодке я крепко стянул ее шнурком под подбородком, а очутившись в воде, плотно нахлобучил ее на уши. Когда я выбрался на сушу, я был так утомлен, что совсем забыл про нее. Шнурок, вероятно, развязался, шляпа свалилась, и я решил, что она потерялась в волнах.

Объяснив его величеству, что это за вещь, я убедительно просил его отдать распоряжение о немедленной доставке шляпы в столицу. На другой день шляпу привезли. Однако возчики

не поцеремонились с ней. Они пробили в полях две дыры, проделали в них крючки на длинных веревках и прицепили веревки к упряжи. Они волокли таким образом мой головной убор добрых полмили.

К счастью, поверхность земли в этой стране необычайно ровная и гладкая, и шляпа получила меньше повреждений, чем я ожидал.

Спустя две недели после описанного происшествия император отдал приказ по армии, расположенной в столице и окрестностях, быть готовой к выступлению. Его величеству пришла фантазия доставить себе довольно странное развлечение. Он пожелал, чтобы я стал в позу Колосса Родосского, раздвинув ноги насколько возможно шире*. Потом приказал главнокомандующему (старому опытному военачальнику и моему большому покровителю) построить войска сомкнутыми рядами и провести их между моими ногами церемониальным маршем, с барабанным боем, развернутыми знаменами и поднятыми пиками — пехоту по двадцать четыре человека в ряд, а кавалерию — по шестнадцать. Армия состояла из трех тысяч пехоты и тысячи кавалерии. Парад прошел блестяще и доставил большое удовольствие его величеству.

Я подал императору столько прошений и докладных записок о даровании мне свободы, что его величество поставил наконец вопрос на обсуждение министров, а потом государственного совета. В совете нашелся только один противник моего освобождения — Скайреш Болголам, которому угодно было, без всякого повода с моей стороны, стать моим смертельным врагом. Но, несмотря на его противодействие, дело было решено в мою пользу. Болголам занимал пост г а л ь б е т а, то есть адмирала королевского флота, пользовался большим доверием императора и был человеком весьма сведущим в своем деле, но угрюмым и резким. В конце концов его удалось уговорить дать свое согласие, но он настоял, чтобы ему было поручено составление условий, на которых я мог получить свободу. Условия эти Скайреш Болголам доставил мне лично, в сопровождении двух секретарей и нескольких знатных особ. Когда они были прочитаны, с меня взяли присягу в том, что я не нарушу их. Обряд присяги был совершен сперва по обычаям моей родины, а затем по всем правилам, установленным местными законами. Произнося клятву, я должен был держать правую ногу в левой руке и одновременно положить средний палец правой руки на темя, а большой на верхушку правого уха. Но, быть может, читателю любопытно будет ознакомиться с теми обязательствами, какие мне пришлось взять на себя. Поэтому я приведу здесь полный и точный перевод означенного документа.

«Гольбасто Момарен
Эвлем Гердайло Шефин
Молли Олли Гу, могущес-
теннейший император Лилипутии,
отрада и ужас вселенной, чьи владе-
ния, занимая пять тысяч блестрегов
(около двенадцати миль в окружно-
сти), распространяются до крайних
пределов земного шара; монарх над
монархами, величайший из сынов
человеческих, ногами своими упи-
рающийся в центр земли, а головой
касающийся солнца, при одном ма-
новении которого трясутся колени у
земных царей; приятный, как весна,
благодетельный, как лето, обильный,
как осень, и суровый, как зима. Его
высочайшее величество предлагает
недавно прибывшему в наши небес-
ные владения Человеку-Горе следую-
щие условия, которые Человек-Гора
под торжественной присягой обя-
зуется исполнять:

1. Человек-Гора не имеет права
оставить наше государство без нашей
разрешительной грамоты с прило-
жением большой печати.

2. Он не имеет права входить в
столицу без нашего особого распоря-
жения, причем жители должны быть
предупреждены за два часа, чтобы
успеть укрыться в своих домах.

3. Названный Человек-Гора дол-
жен ограничивать свои прогулки
большими дорогами. Он не смеет
гулять или ложиться на лугах и по-
лях.

4. Во время прогулок он должен
внимательно смотреть под ноги, дабы

не растоптать кого-нибудь из наших любезных подданных или их лошадей и телег; он не должен брать в руки подданных без их согласия.

5. Если потребуется быстро доставить гонца в какой-нибудь отдаленный город империи, Человек-Гора обязан — но не чаще одного раза в луну — немедленно перенести гонца вместе с лошастью на расстояние шести дней пути и, если потребуются, доставить названного гонца в целости и сохранности обратно к нашему императорскому величеству.

6. Он обязуется быть нашим союзником в войне против враждебного нам острова Блефуску и употребить все усилия для уничтожения неприятельского флота, который в настоящее время снаряжается для нападения на нас *.

7. Упомянутый Человек-Гора в часы досуга обязуется оказывать помощь нашим рабочим, поднимая особенно тяжелые камни при сооружении стены главного парка, а также при постройке других зданий.

8. Упомянутый Человек-Гора должен в течение двух лун точно измерить окружность наших владений, обойдя все побережье и сосчитав число пройденных шагов.

9. Названный Человек-Гора должен дать торжественное обещание соблюдать означенные условия. За это Человек-Гора будет получать ежедневно еду и питье в количестве, достаточном для прокормления 1728 наших подданных, и пользоваться свободным доступом к нашей августейшей особе и другими знаками нашего благоволения. Дано в Бельфаборе, в нашем дворце, в двенадцатый день девяносто первой луны нашего царствования».

Я с большой радостью дал присягу и подписал все эти условия, хотя иные из них были не слишком почетны. Они были продиктованы исключительно злобой Скайреша Болголама, верховного адмирала. После принесения присяги с меня немедленно сняли цепи, и я получил полную свободу.

Император был так милостив, что лично присутствовал при моем освобождении. В знак благодарности я пал ниц к ногам его величества, но император велел мне встать. Он обратился ко мне с высокомиловитой речью и в заключение выразил надежду, что я окажусь полезным слугой и буду вполне достоин тех милостей, которые он уже оказал мне и может оказать в будущем.

Пусть читатель обратит внимание на то, что в последнем пункте условий император дает обещание выдавать мне еду и питье в количестве, достаточном для прокормления 1728 лилипутов. Меня заинтересовало, каким образом была установлена такая точная цифра, и я как-то спросил об этом одного придворного, моего друга. Он ответил, что математики его величества, определив при помощи квадранта* мой рост и найдя, что я в двенадцать раз выше лилипута, вычислили, что объем моего тела равен объему 1728 тел лилипутов и что оно требует во столько же раз больше пищи. Этот пример дает понятие как о смысленности лилипутов, так и о мудрой расчетливости их государя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Описание Мильдендо, столицы Лилипутии,
и императорского дворца.*

*Беседа автора с первым секретарем
о государственных делах. Автор
предлагает свои услуги императору в его войнах*

Получив свободу, я прежде всего попросил разрешения осмотреть Мильдендо, столицу государства. Император без труда мне его дал, но строго приказал не причинять никакого вреда ни жителям, ни их домам. О моем намерении посетить город население оповестили особой прокламацией.

Столица окружена стеной высотой в два с половиной фута и толщиной не менее одиннадцати дюймов. По этой стене совершенно свободно может проехать карета, запряженная парой лошадей. Крепкие башни, возвышающиеся на расстоянии десяти футов одна от другой, обороняют подступы к городу.

Перешагнув через большие Западные ворота, я медленно, боком прошел по двум главным улицам. Опасаясь повредить крыши и карнизы домов полами своего кафтана, я заранее снял его. Вопреки строгому приказу укрыться в домах и не покидать их, по улицам беспечно разгуливало много жителей. Поэтому я продвигался крайне осторожно, все время следя за тем, чтобы не раздавить кого-нибудь из них. В окнах верхних этажей и на крышах домов виднелось бесчисленное множество зрителей. Кажется, мне еще никогда в жизни не случилось видеть такого большого скопления людей.

Город имеет форму правильного четырехугольника, каждая сторона городской стены равна пятистам футам. Две главные улицы, шириной в пять футов каждая, пересекаются под прямым углом и делят город на четыре квартала.

В боковые улицы и переулки я не мог пробраться и только видел их сверху. Они имеют в ширину от двенадцати до восемнадцати дюймов.

Город может вместить до пятисот тысяч человек. Дома трех- и пятиэтажные. Лавки и рынки полны товаров.

Императорский дворец находится в центре города, на пересечении двух главных улиц. Главное здание с двумя внутренними дворами стоит посреди обширной площади, обнесенной стеной в два фута вышины. Площадь так велика, что я, с позволения его величества, свободно перешагнул на нее и осмотрел дворец со всех сторон. Императорские покои расположены во втором внутреннем дворе. Мне очень хотелось их осмотреть, но осуществить это желание было трудно, потому что главные ворота, соединяющие

одни двор с другим, имели только восемнадцать дюймов в высоту и семь дюймов в ширину.

С другой стороны здания внешнего двора достигают высоты не менее пяти футов, и поэтому я не мог перешагнуть через них, не нанеся значительных повреждений постройкам, несмотря на то что у них прочные стены из тесаного камня толщиной в четыре дюйма. В то же время и императору очень хотелось показать мне свой великолепный дворец.

Однако мне удалось осуществить наше общее желание только спустя три дня, которые я употребил на подготовительные работы.

В императорском парке, в ста ярдах от города, я срезал перочинным ножом несколько самых крупных деревьев и сделал из них два табурета высотой около трех футов, достаточно прочных, чтобы выдержать мою тяжесть. Затем, после первого предостережения жителей, я снова прошел через город ко дворцу с двумя табуретами в руках. Подойдя ко дворцу со стороны площади, я стал на один табурет, поднял другой над крышей и осторожно поставил его на первый внутренний двор шириной в восемь футов. Затем я свободно перешагнул через здания с одного табурета на другой и поднял к себе первый длинной палкой с крючком. При помощи таких ухищрений я достиг второго внутреннего двора.

Там я лег на землю и приблизил лицо к окнам среднего этажа; таким образом я получил возможность осмотреть роскошнейшие палаты, какие только можно себе представить. Я увидел императрицу и молодых принцев, окруженных свитой. Ее императорское величество милостиво соизволила улыбнуться мне и грациозно протянула через окно свою ручку, которую я поцеловал.

Полюбовавшись дворцом, я при помощи тех же табуретов выбрался на дворцовую площадь и благополучно вернулся домой.

Однажды утром, недели через две после моего освобожде-

ния, ко мне приехал Рельдсель, главный секретарь (как его титулуют здесь) по тайным делам. Приказав кучеру отъехать в сторону, он попросил меня принять его. Я охотно согласился на это из уважения к его сану и личным достоинствам. Кроме того, он не раз оказывал мне различные услуги при дворе. Я изъяснил готовность лечь на землю, но он предпочел, чтобы во время

нашего разговора я держал его в руке.

Прежде всего он поздравил меня с освобождением, которое не обошлось без его участия. Однако своей свободой я, по его словам, обязан особому стечению обстоятельств.

«Общее положение дел в нашей стране, — сказал он, — может показаться иностранцу блестящим. Но это впечатление ошибочно. Два страшнейших бедствия нависли над нашей родиной. Около семидесяти лун тому назад в империи образовались две враждующие партии, известные под названием Тремексенов и

С л е м е к с е н о в. Первые являются сторонниками высоких каблуков, вторые — низких*.

Т р е м е к с е н ы утверждают, что высокие каблуки больше соответствуют нашему древнему государственному укладу, но его величество — сторонник низких каблуков и постановил, чтобы все служащие правительственных и придворных учреждений употребляли только низкие каблуки. Вероятно, вы уже обратили внимание на это. Без сомнения, вы заметили также, что каблуки на башмаках его величества на один дрерр ниже, чем у всех придворных (дрерр равняется четырнадцатой части дюйма).

Ненависть между этими двумя партиями доходит до того, что члены одной партии не могут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой. Мы считаем, что Т р е м е к с е н ы, или Высокие Каблуки, превосходят нас числом, но власть в государстве всецело принадлежит нам. Однако у нас есть основания опасаться, что его императорское высочество, наследник престола, питает некоторое расположение к Высоким Каблукам. Один каблук у него выше, вследствие чего его высочество немного прихрамывает*.

И вот в то время, когда такие распри терзают наше государство, великая империя Блефуску, почти такая же огромная и могущественная, как и империя его величества, угрожает нам нашествием. Вы утверждаете, правда, что на свете существуют другие королевства и государства, где живут такие же гиганты, как вы. Однако наши философы сильно сомневаются в этом. Они скорее готовы допустить, что вы упали с луны или с какой-нибудь звезды. Ведь не подлежит никакому сомнению, что сто человек вашего роста могут за самое короткое время истребить все плоды и весь скот во владениях его величества. Кроме того, у нас есть летописи. Они заключают в себе описание событий за время в

шесть тысяч лун, но ни разу не упоминают ни о каких других странах, кроме двух великих империй — Лилипутии и Блефуску.

Так вот, прошло уже тридцать шесть лун, как эти могущественные державы ведут между собой ожесточенную войну. Поводом к этой войне послужило следующее событие. Всем известно, что с незапамятных времен было принято разбивать вареные яйца с тупого конца. Случилось так, что деду нынешнего императора, еще в бытность его ребенком, подали за завтраком вареные яйца. Разбивая их по общепринятому старинному способу, мальчик порезал себе палец. Тогда император, его отец, издал указ, предписывающий всем его подданным, под страхом строгого наказания, разбивать яйца с острого конца *.

Этот указ до такой степени озлобил население, что, по словам наших летописей, был причиной шести восстаний, во время которых один император потерял жизнь, а другой — корону. Монархи Блефуску неуклонно разжигали эти восстания и укрывали их участников в своих владениях *. Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые пошли на смертную казнь за отказ разбивать яйца с острого конца. Были напечатаны сотни огромных томов, посвященных этому вопросу. Однако книги тупоконечников уже давно запрещены, и сама партия лишена права занимать государственные должности.

Императоры Блефуску через своих посланников не раз посылали нам предупреждения. Они обвиняли нас в церковном расколе, в искажении основного догмата великого нашего пророка Люстрога, изложенного в пятьдесят четвертой главе Блундекраля (как известно, это произведение — Алкоран* лилипутов). Однако это утверждение совершенно произвольно. Подлинный текст догмата гласит: «Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее». А какой конец считать более удобным — тупой или острый, — это, по-моему, личное дело каждого верующего *. В крайнем случае, можно предоставить решение этого вопроса верховному судье империи.

Как бы то ни было, изгнанники-тупоконечники нашли себе надежное убежище в империи Блефуску. Постепенно они приобрели такое влияние на императора, что побудили его объявить войну нашему государству. Война тянется уже тридцать шесть лун, но ни одна из враждующих сторон не может похвалиться решающими победами. За это время мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов с тридцатью тысячами лучших моряков и солдат. Полагаю, что потери противника еще значительнее. Но, несмотря на это, неприятель снарядил новый флот и готовится высадить десант на нашу территорию. Вот почему его императорское величество, вполне доверяясь вашей

силе и храбрости, повелел мне описать вам истинное положение дела в нашей стране».

Я попросил секретаря засвидетельствовать императору мое глубочайшее почтение и довести до его сведения, что хотя мне, как иностранцу, не следовало бы вмешиваться в раздоры местных партий, но, поскольку я обязан императору своим спасением и свободой, я готов, не щадя жизни, защищать его государство от вторжения неприятеля.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Автор благодаря чрезвычайно остроумной выдумке предупреждает нашествие неприятеля. Его жалуют высоким титулом. Являются послы императора Блефуску и просят мира

Империя Блефуску — остров, расположенный на северо-востоке от Лилипутии. Только неглубокий пролив шириной в восемьсот ярдов разделяет оба государства.

Я еще ни разу не был на том берегу, откуда виден этот остров. А теперь мне казалось неблагоприятным появляться в этом районе.

С момента объявления войны всякие сношения между двумя империями были воспрещены под страхом смертной казни. Не довольствуясь этим, наш император наложил запрет на выход всех без исключения судов из гаваней Лилипутии. Поэтому блефускуанцы не подозревали о моем присутствии среди лилипуттов. Это вполне соответствовало моим планам неожиданного захвата неприятельского флота, и я старался не показываться на берегу пролива, где меня могли заметить враги.

Разведчики донесли нам, что флот Блефуску стоит в одной из гаваней пролива, готовый поднять паруса при первом дуновении попутного ветра. Посоветовавшись с императором, я решил немедленно приступить к исполнению своего намерения.

Прежде всего я расспросил моряков о глубине пролива. Они сообщили мне, что даже во время прилива глубина его не превышает семидесяти г л ю г л е ф ф о в (около шести европейских футов). Затем я осторожно пробрался на северо-восточный берег, расположенный напротив Блефуску, прилег за бугорком, направил подзорную трубу на стоявший на якоре неприятельский флот и насчитал до пятидесяти боевых кораблей и большое число транспортов.

Вернувшись домой, я приказал доставить мне самых толстых

канатов и большое количество железных брусьев. Канаты оказались толщиной с бечевку, а брусья величиной с нашу вязальную спицу. Чтобы придать канатам большую прочность, я свил их втрое, а железные брусья скрутил вместе по три, загнув их концы в виде крючков. Прикрепив пятьдесят таких крючков к такому же числу канатов, я возвратился на северо-восточный берег и, сняв с себя кафтан, башмаки и чулки, в одной кожаной куртке вошел в воду за полчаса до прилива. Сначала я шел вброд, а затем проплыл около тридцати ярдов, пока снова не почувствовал под ногами дно. Все это я проделал очень быстро и меньше чем через полчаса достиг гавани, где стоял неприятельский флот.

Увидев меня, враги пришли в такой ужас, что попрыгали с кораблей в воду и поплыли к берегу, где собралось не менее тридцати тысяч человек. Тогда я вынул приготовленные мною снасти, зацепил крючок за нос каждого корабля и связал все веревки в один узел. Во время этой работы неприятель осыпал меня тучей стрел; многие из них вонзились мне в руки и лицо. Они причиняли мне ужасную боль и мешали работать. Больше всего я боялся за глаза. Я, наверно, потерял бы зрение, если бы не придумал средства для защиты. Среди других необходимых мне мелочей у меня сохранились очки, которые я держал в секретном кармане. Я надел очки и крепко привязал их. Теперь я мог без особых помех продолжать работу. Стрелы нередко попадали в стекла очков, но не причиняли мне вреда.

Когда все крючки были прилажены, я взял узел в руки и потащил корабли, но ни один корабль не тронулся с места: все они крепко держались на якорях. Мне пришлось отважиться на очень опасную операцию. Я обогнул корабли и смело обрезал ножом якорные канаты; при этом более двухсот стрел попало мне в лицо и руки. Затем я снова схватил веревки, к которым были прикреплены мои крючки, и легко потащил за собой пятьдесят самых крупных неприятельских военных кораблей.

Растерявшиеся блефускуанцы долгое время не догадывались о моих намерениях. Глядя, как я обрезаю якорные канаты, они решили, что я собираюсь пустить корабли на волю ветра и волн или столкнуть их друг с другом. Но когда я потащил за собой весь флот, они пришли в неопишное отчаяние и стали оглашать воздух горестными воплями. Отойдя на такое расстояние, что их стрелы не долетали до меня, я осторожно извлек впившиеся в лицо и руки стрелы и натер пораненные места целебной мазью. Потом я снял очки и, подождав около часа, пока спадет вода, перешел вброд середину пролива и благополучно прибыл с моим грузом в императорский порт Лилипутии.

Император и все придворные стояли на берегу в ожидании исхода этого великого предприятия. На середине пролива вода доходила мне по горло, и они не могли видеть меня. Они видели только корабли, подвигавшиеся широким полумесяцем к нашему берегу. Император решил, что я утонул, а неприятельский флот приближается с враждебными намерениями. Но скоро его опасения исчезли. С каждым шагом пролив становился мельче, и я все больше показывался из воды. Подойдя на такое расстояние, чтобы меня можно было расслышать с берега, я поднял вверх связку веревок, к которым были привязаны корабли, и громко закричал: «Да здравствует могущественнейший император Лилипутии!» Когда я вышел на берег, великий монарх осыпал меня всяческими похвалами и тут же пожаловал мне титул *на р д а к а*, самый высокий в государстве.

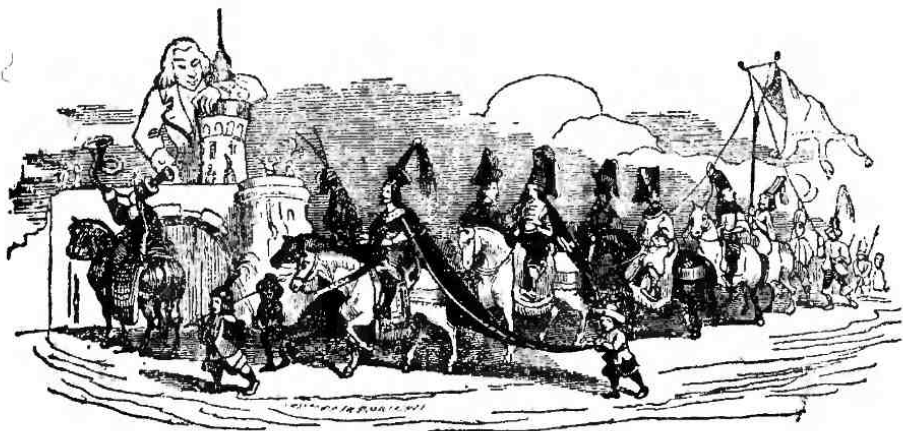
Но честолюбие монархов не имеет пределов. Его величеству очень хотелось, чтобы я захватил и все остальные корабли неприятеля. По-видимому, он задумал завоевать империю Блефуску. Управляя ею через своего наместника, он мог бы навести там свои порядки: истребить укрывающихся тупоконечников и принудить всех блефускуанцев разбивать яйца с острого конца. Тогда бы он стал полновластным владыкой вселенной*. Но я всячески старался отклонить императора от этого намерения. Я приводил ему многочисленные доводы, подсказанные мне как политическими соображениями, так и чувством справедливости. В заключение я решительно заявил, что никогда не соглашусь сделаться орудием порабощения храброго и свободного народа. Мое смелое и откровенное заявление в корне противоречило честолюбивым мечтам его императорского величества. Он никогда не мог простить мне моего отказа содействовать его планам. Император весьма тонко дал понять это на заседании государственного совета. Мудрейшие из членов совета были, по-видимому, на моей стороне, хотя выражали это только молчанием. Зато мои тайные враги поспешили воспользоваться удобным случаем и высказали ряд замечаний, направленных против меня.

С этого времени его величество и враждебные мне министры попустили против меня злобную интригу. Не прошло и двух месяцев, как они едва не погубили меня своими проносками. Так, даже величайшие услуги, оказываемые монархам, не в силах перевесить в их глазах отказа в потворстве их страстям.

Спустя три недели после описанного подвига от императора Блефуску прибыло торжественное посольство с предложением мира. Послы шли на всяческие уступки, и уже через несколько дней был подписан чрезвычайно выгодный для нашего императора мирный договор.

Посольство состояло из шести посланников и около пятисот человек свиты. Кorteж отличался большим великолепием и вполне соответствовал величию монарха и важности миссии. Я принимал некоторое участие в мирных переговорах. Благодаря моему влиянию при дворе — действительному или только кажущемуся — мне удалось оказать немало услуг посольству. По окончании переговоров послы, зная о моем расположении к ним, удостоили меня официальным посещением. Они наговорили мне много любезностей по поводу моей храбрости и великодушия и передали приглашение императора посетить их страну. В заключение они просили меня показать несколько примеров моей удивительной силы, о которой они слышали столько чудесных рассказов. Я с готовностью согласился исполнить их желание и проделал несколько забавных фокусов, от которых они пришли в великое изумление.

При расставании я просил послов засвидетельствовать мое глубокое почтение его величеству, их повелителю, слава о доблестях которого по справедливости наполняла весь мир восхищением, и передать мое твердое решение лично представиться ему перед возвращением в мое отечество.

На первой же аудиенции у нашего императора я почтительно просил позволения посетить блефускуанского монарха. Император дал свое согласие, но обошелся со мной очень холодно. Я долго не мог понять причину этой холодности, пока одна важная особа не объяснила мне, в чем дело. Оказывается, Флимнап и Болголам представили императору мои сношения с посольством в самом невыгодном для меня свете. Само собой разумеется, что все их наговоры были ложью. Совесть моя была совершенно чиста перед императором *. Тут-то я впервые — хотя еще смутно — начал понимать, что такое министры и придворная жизнь.

Необходимо заметить, что послы разговаривали со мной при помощи переводчика. Язык блефускуанцев настолько же отличается от языка лилипутов, насколько разнятся между собой языки двух европейских народов. При этом каждая из наций гордится древностью, красотой и выразительностью своего языка, относясь с явным презрением к языку своего соседа. Наш император, пользуясь тем, что мы, захватив флот противника, оказались в более выгодном положении, обязал посольство Блефуску представить верительные грамоты и вести переговоры на лилипутском языке.

Впрочем, надо заметить, что оживленные торговые сношения между двумя государствами, гостеприимство, оказываемое изгнанникам соседнего государства как Лилипутией, так и Блефуску, а также обычай посылать знатных молодых людей посмотреть свет, познакомиться с жизнью и нравами людей приводят к тому, что здесь редко можно встретить образованного дворянина, моряка или купца из приморского города, который бы не говорил на обоих языках. В этом я убедился через несколько недель, когда отправился засвидетельствовать свое почтение императору Блефуску.

Как выяснилось спустя немного времени, это посещение принесло мне огромнейшую пользу, когда злоба моих врагов воздвигла на меня жестокие обвинения. Но об этом я расскажу позднее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О жителях Лилипутии: их наука, законы и обычаи; система воспитания детей. Образ жизни автора в этой стране. Реабилитация им одной знатной дамы

Я намерен посвятить особое исследование подробному описанию Лилипутии. Тем не менее я считаю нужным уже теперь сообщить кое-какие сведения об этой стране и ее обитателях.

(Средний рост туземцев немного выше шести дюймов. Этому росту точно соответствует величина всех животных и растений: так, например, лошади и быки не бывают там выше четырех или пяти дюймов, а овцы выше полутора дюймов; гуси равняются нашему воробью. Мелкие же животные, птицы и насекомые были для меня почти невидимы. Но природа приспособила зрение лилипутов к окружающим их предметам: они хорошо видят, но только на близком расстоянии. Вот образчик остроты их зрения: мне большое удовольствие доставляло наблюдать повара, ошипывавшего жаворонка величиной не больше нашей мухи, и девушку, вдевавшую шелковинку в ушко невидимой иголки. Самые огромные деревья в Лилипутии не превышают семи футов: я имею в виду деревья в большом королевском парке, верхушки которых я едва мог достать, протянув руку. Вся остальная растительность имеет соответственные размеры; но я предоставляю самому читателю произвести расчеты.

Сейчас я ограничусь лишь самыми беглыми замечаниями об их науке, которая издавна процветает у этого народа во всех отраслях. Обращу только внимание на весьма оригинальную манеру их письма; лилипуты пишут не так, как европейцы — слева направо:

Inimitablement, Incomparablement.

не так, как арабы — справа налево:

لو يعلم الذين كفروا حين لا يكفون عن وجوههم النار ولا عن
ظهورهم ولا هم ينصرون

но как английские дамы: наискось страницы, от одного ее угла к другому.

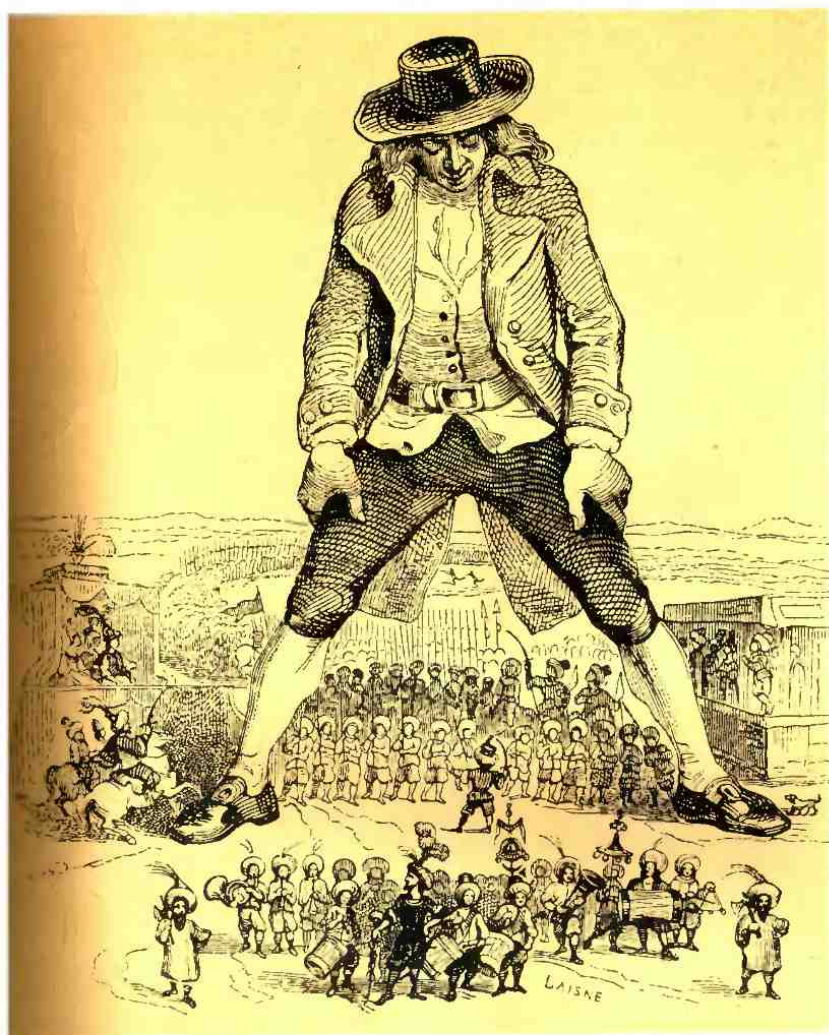
(Лилипуты хоронят умерших, опуская тело в могилу вниз головою. Они убеждены, что через одиннадцать тысяч лун мертвые воскреснут, а так как к этому времени земля (которую ли-

липуты считают плоской) перевернется вверх дном, то мертвые при своем воскрешении окажутся стоящими прямо на ногах. Ученые признают нелепость этого верования. Но среди простого народа этот обычай сохраняется и до сих пор.

В этой империи существуют весьма своеобразные законы и обычаи. Не будь они полной противоположностью законам и обычаям моего любезного отечества, я попытался бы выступить их защитником. Желательно только, чтобы они строго применялись на деле. Прежде всего укажу на закон о доносчиках. Все государственные преступления караются здесь чрезвычайно строго; но если обвиняемый докажет на суде свою невиновность, то обвинитель немедленно подвергается позорной казни и с него взыскивается штраф в пользу невинного: за потерю времени, за опасность, которой он подвергался, за лишения, испытанные им во время тюремного заключения, и за все расходы, которые ему стоила защита. Штраф этот накладывается в четырехкратном размере. Если имущества обвинителя не хватит на уплату приговоренного штрафа, недостающую сумму выдает казна. Кроме того, император жалует освобожденного каким-нибудь публичным знаком своего благоволения, и по всему государству объявляется о его невиновности.

Лилипуты считают мошенничество более тяжким преступлением, чем воровство. Поэтому только в редких случаях оно не наказывается смертью. При известной осторожности, бдительности и небольшой дозе здравого смысла, рассуждают они, всегда можно уберечь свое имущество от вора. Но от ловкого мошенника нет защиты. Между тем вся торговля основана на взаимном доверии торгующих. Поэтому закон должен строго преследовать обман и всякие плутни в торговых сделках. Иначе

честный купец всегда останется в накладе, а мошенник и плут получают всю прибыль.

Мне случилось как-то ходатайствовать перед монархом за одного преступника. Он обвинялся в том, что, получив по доверенности хозяина крупную сумму денег, присвоил ее себе и попытался бежать. Прося о смягчении его участи, я указал императору, что в данном случае было только злоупотребление доверием. Император нашел чудовищным, что я привожу в защиту обвиняемого именно то, что как раз и делает его преступление особенно тяжким: нарушение доверия. Признаюсь, я ничего не мог возразить на это и ограничился простым замечанием, что у различных народов различные обычаи. При этом я был сильно сконфужен.

Хотя мы и называем обыкновенно награду и наказание главными пружинами, которые движут правительственную машину, но только в Лилипутии это правило строго проводится на практике. Всякий, кто может доказать, что он в точности соблюдал законы страны в течение семи лун, получает там право на известные привилегии. Из государственных средств ему выплачивается известная денежная премия. Сверх того, он получает титул с н и л ь и с л а, то есть блюстителя законов. Этот титул прибавляется к его фамилии, но не переходит к его потомству. Когда я рассказал лилипутам, что у нас соблюдение гражданами законов обеспечивается только страхом наказания, а о наградах за их неуклонное исполнение не может быть и речи, — лилипуты сочли это огромным недостатком нашего управления. Вот почему в здешних судебных учреждениях правосудие изображается в виде женщины с шестью глазами — два спереди, два сзади, и по одному с боков, — что означает ее бдительность. В правой руке она держит открытый мешок золота, а в левой — меч в ножнах в знак того, что она готова скорее награждать, чем карать*.

При выборе кандидатов на любую должность обращают больше внимания на нравственные качества, чем на умственные дарования. Все люди, утверждают лилипуты, обладающие средним умственным развитием, способны занимать ту или иную должность. Ведь провидение никогда не имело в виду превратить управление

общественными делами в какую-то тайну — такую глубокую и сложную, что разгадать ее способны только великие гении, рождающиеся не более трех в столетие. Напротив, лилипуты полагают, что правдивость, умеренность и другие такие же простые добродетели вместе с опытностью и добрыми намерениями делают каждого человека пригодным для служения своему отечеству. Такой человек может занимать любую должность, за исключением той, которая требует специальных знаний. По их мнению, самые высокие умственные дарования не могут заменить нравственных достоинств. «Нет ничего опаснее, — говорят они, — как поручать важные должности таким даровитым людям. Ошибка, совершенная по невежеству человеком, исполненным добрых намерений, всегда может быть исправлена. Но деятельность человека с дурными наклонностями, одаренного умением скрывать свои пороки и безнаказанно предаваться им, представляет огромную опасность для общественного блага».

В своем описании я имею в виду только старые, исконные обычаи и законы страны. Многие из них почти забыты в настоящее время. Как и во многих других государствах, в Лилипутии царит ныне глубокая испорченность нравов — признак, что народ вырождается. Так, например, позорный обычай назначать на высшие государственные должности самых ловких плясунов на канате или давать знаки отличия тем, кто особенно ловко перепрыгнет через палку или проползет под нею, — этот обычай впервые введен дедом ныне царствующего императора.

Неблагодарность считается у лилипутов уголовным преступлением. Лилипуты говорят: «Человек, способный причинить зло даже тому, кто делал ему добро, неизбежно видит врагов во всех других людях, от которых он не получил никакого одолжения. Поэтому он достоин смерти».

Их взгляды на семью и отношения между родителями и детьми также сильно отличаются от наших. Лилипуты полагают, что воспитание детей должно быть возложено на общество и государство. Поэтому в каждом городе устроены особые воспитательные заведения, куда все обязаны отдавать своих детей, как только они достигнут двадцатилунного возраста.

Воспитание и обучение в этих школах ведется по-разному, в зависимости от состава учащихся. Есть школы для мальчиков и школы для девочек, есть школы для детей знатных и богатых родителей, есть школы для детей ремесленников и бедных горожан. Школами заведуют опытные и образованные педагоги. Они готовят детей к той деятельности, которая наиболее соответствует общественному положению их родителей и собственным способностям и наклонностям детей.

Сначала я скажу несколько слов о воспитательных заведениях для мальчиков, а потом о воспитательных заведениях для девочек.

Воспитательные заведения для мальчиков благородного или знатного происхождения находятся под руководством солидных и образованных педагогов. Одежда и пища детей отличаются скромностью и простотой. Они воспитываются в правилах чести, справедливости, храбрости; в них развиваются скромность, милосердие, религиозные чувства и любовь к отечеству. Они всегда заняты: на сон и еду уделяется очень немного времени; два часа в день даются для отдыха и физических упражнений. Все осталь-

ное время посвящено ученью. До четырех лет детей одевает и раздевает прислуга, но начиная с этого возраста все это они делают сами. Детям никогда не позволяют разговаривать с прислугой. Во время отдыха они всегда находятся под присмотром воспитателя или его помощника. Таким образом они ограждены от всяких сплетен, глупых рассказов и дурных влияний. Родителям разрешается посещать своих детей только два раза в год; каждое свидание продолжается не более часа. Поцеловать ребенка им разрешается только при встрече и прощанье. При свидании неотлучно присутствует воспитатель. Он следит за тем, чтобы родители не шептались с детьми, не твердили им разные ласковые слова, не приносили игрушек, лакомств и тому подобного.

Воспитательные заведения для детей среднего дворянства, купцов и ремесленников устроены по тому же образцу. Вся разница заключается в том, что дети, предназначенные быть ремесленниками, с одиннадцати лет обучаются ремеслу, тогда как дети знатных особ продолжают общее образование до пятнадцати лет. Надо заметить, что для старших воспитанников строгость школьного режима несколько смягчается.

В женских воспитательных заведениях девочки знатного происхождения воспитываются почти так же, как и мальчики, только вместо слуг их одевают и раздевают благонравные няни. При этом всегда присутствует воспитательница или ее помощницы. Няням строгойше запрещается рассказывать девочкам какие-нибудь страшные или нелепые сказки или забавлять их глупыми выходками. Виновая в нарушении этого запрета трижды подвергается публичной порке кнутом, заключается на год в тюрьму и затем навсегда ссылается в самую безлюдную часть страны. Благодаря такой системе воспитания молодые дамы в Лилипутии так же стыдятся трусости и глупости, как и мужчины, и относятся с презрением ко всяким украшениям, за исключением благопристойности и опрятности. Я не заметил никакой существенной разницы в воспитании мальчиков и девочек. Только физические упражнения для девочек более легкие да курс наук у них не так обширен, но зато их обучают домоводству. Ибо в Лилипутии считают, что и в высших классах жена должна быть разумной и милой подругой мужа. Когда девице исполнится двенадцать лет, то есть для нее наступит по-тамашнему пора замужества, родители или опекуны берут ее домой, причем прощание молодой девушки с подругами редко обходится без слез.

В женских воспитательных заведениях для низших классов девочек обучают всякого рода работам. Девочки, предназначенные для занятий ремеслами, остаются в воспитательном заведении до семи лет, а остальные до одиннадцати.

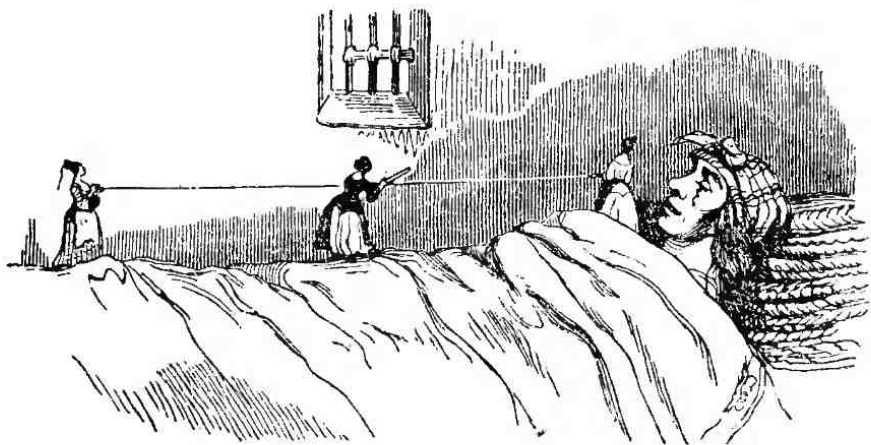
Крестьяне и сельские рабочие воспитывают своих детей дома. Так как они занимаются обработкой земли, государство не придает особого значения их образованию. Больные и старики содержатся в богадельнях; нищенство неизвестно в империи.

Но, быть может, любознательному читателю будет интересно узнать, как я жил и чем занимался в этой стране. Ведь я пробыл здесь девять месяцев и тринадцать дней.

Я всегда питал склонность к ручному труду. Теперь мои навыки в столярном искусстве сослужили мне большую службу: из самых больших деревьев королевского парка я сделал себе довольно удобные стол и стул.

Двести швей получили приказ сшить для меня рубахи, постельное и столовое белье из самого прочного и грубого полотна, какое нашлось в стране. Но и это полотно оказалось тоньше нашей самой тонкой кисеи. Поэтому швеям пришлось простегать несколько кусков, чтобы получить подходящую ткань. Самые крупные куски полотна достигают в длину трех футов при ширине в три дюйма. Чтобы белешвейки могли снять с меня мерку, я лег на землю. Одна швея стала около моей шеи, другая у колена; они держали за концы туго натянутую веревку; третья же смерила длину веревки линейкой в один дюйм. Затем они смерили большой палец правой руки. Больше им ничего не было нужно. Зная, что окружность кисти вдвое больше окружности большого пальца, а окружность шеи вдвое больше окружности кисти, они сшили мне белье как раз по росту. Образцом для них послужила моя старая рубашка, которую я аккуратно разостлал на земле.

Тогда же тремстам портным было поручено сшить мне костюм. Я стал на колени. Портные приставили к моему туловищу

лестницу; по этой лестнице один из них взобрался ко мне на плечо и спустил отвес от воротника до полу, чтобы определить длину кафтана. Рукава и талию я смерил сам. В городе не нашлось ни одного дома, где можно было бы разложить части костюма. Поэтому портным пришлось работать в моем замке. С виду костюм был похож на те одеяла, которые английские дамы изготавливают из разных лоскутков. Только лоскутки здесь были одного цвета.

Стряпали мне триста поваров. Они жили вместе с семьями в маленьких удобных бараках, построенных возле моего дома, и были обязаны готовить мне по два блюда на завтрак, обед и ужин. Я брал двадцать лакеев и ставил их на стол; сотня их товарищей прислуживала внизу, на полу: одни подносили кушанья, другие таскали на плечах бочонки с вином и всевозможными напитками. Лакеи, стоявшие на столе, ловко поднимали все это на подъемных блоках ко мне на стол, как у нас в Европе поднимают ведра воды из колодца. Каждое блюдо я проглатывал в один прием, каждый бочонок вина осушал одним глотком. Здешняя баранина по вкусу уступает нашей, зато говядина превосходна. Раз мне достался такой огромный кусок филея, что пришлось разрезать его на три части, но это был исключительный случай. Слуги изумлялись, глядя, как я ем говядину вместе с костями,

как у нас едят жаворонков. Здешних гусей и индеек я проглатывал обыкновенно в один прием. Надо отдать справедливость — птицы эти гораздо вкуснее наших. Мелкой птицы я брал на кончик ножа по двадцать или тридцать штук сразу.

Его величество, наслышавшись о моем образе жизни, заявил однажды, что будет счастлив (так было угодно ему выразиться) отобедать со мной вместе с августейшей супругой и молодыми принцами и принцессами. Когда они прибыли, я поместил их на столе против себя в парадных креслах, с личной охраной по сторонам. В числе гостей был также лорд-канцлер казначейства* Флимнап с белым жезлом в руке. Он злобно поглядывал на меня, но я делал вид, что не замечаю его взглядов, и ел более обыкновенного, во славу моей дорогой родины и на удивление двору. У меня есть основания думать, что это посещение его величества дало повод Флимнапу уронить меня в глазах императора. Флимнап всегда был моим врагом, хотя обходился со мной гораздо ласковее, чем того можно было ожидать от его угрюмого нрава. Он поставил на вид императору плохое состояние государственного казначейства. «Мы, — сказал он, — вынуждены прибегать к займам за большие проценты. Наши банкноты расцениваются очень низко. А между тем содержание Человека-Горы обошлось уже его величеству более полутора миллионов с п р у г о в (самая крупная золотая монета у лилипутов величиной в маленькую блестку)». В заключение он прибавил, что император поступил бы весьма благоразумно, если бы при первом удобном случае выслал меня за пределы империи.

На мне лежит обязанность обелить честь одной невинно пострадавшей из-за меня почтенной дамы. Канцлеру казначейства пришла в голову фантазия приревновать ко мне свою супругу. Злые языки насплетничали ему, будто ее светлость воспылала безумной страстью к моей особе. Слух о том, будто она тайно приезжала ко мне, наделал много шума при дворе. Я торжественно заявляю, что все это самая бесчестная клевета. Ее светлость действительно была дружески расположена ко мне и не раз навещала меня. Но это делалось открыто, причем с ней в карете сидели еще три особы: сестра, дочь и подруга. Такими посещениями удостоивали меня нередко и другие придворные дамы. Призываю в качестве свидетелей моих слуг: пусть кто-нибудь из них скажет, видел ли он хоть раз у моих дверей карету, не зная, кто находится в ней. Когда карета подъезжала к моему дому, слуга тотчас докладывал мне, кто приехал. Я немедленно выходил к дверям. Почтительно поздоровавшись с прибывшими, я брал карету с парой лошадей (если она была запряжена шестеркой, форейтор всегда отпрягал четверых) и ставил ее на стол. Предварительно я укреплял по краям стола, во избежание несчастных случаев, передвижные

перила высотой в пять дюймов. Очень часто на моем столе стояли четыре кареты с элегантными дамами. Сам я садился в свое кресло и наклонялся к ним. В то время как я разговаривал с дамами, сидевшими в одной карете, другие кареты тихонько кружились по моему столу. Я очень приятно провел в таких разговорах много послеобеденных часов. Но ни Флимнапу, ни двум его соглада-таям, Клестрилю и Дренло (пусть они делают что угодно, а я назову их имена), никогда не удастся доказать, чтобы ко мне являлся кто-нибудь и н к о г н и т о. Только однажды меня тайно посетил государственный секретарь Рельдресель. Но, как я уже говорил выше, он действовал по специальному повелению его императорского величества.

Быть может, не стоило так долго распространяться об этом пустом эпизоде. Но в дело замешана честь высокопоставленной дамы. К тому же мне дорого и мое собственное доброе имя. Ведь я имею честь носить титул н а р д а к а — титул, которого не было и у самого канцлера казначейства Флимнапа. Всем известно, что он только г л ю м г л ю м, а этот титул настолько же ниже моего, насколько у нас титул маркиза ниже титула герцога. Впрочем, я согласен признать, что занимаемый им пост ставит его выше меня. Как бы то ни было, но все эти сплетни дошли до слуха Флимнапа и на время поссорили его с женой и еще сильнее озлобили против меня. С женой он скоро помирился, так как убедился в лживости этих слухов, однако я навсегда потерял его уважение. Вскоре я почувствовал, что и отношение ко мне императора сильно изменилось к худшему. В этом не было ничего удивительного, ибо его величество находился под сильным влиянием своего фаворита.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Автор узнает, что его собираются обвинить в государственной измене. Он предпринимает побег в Блефуску. Прием, оказанный ему там

Теперь мне предстоит рассказать, каким образом я оставил это государство. Но я считаю уместным сначала поведать читателю о тайных происках, которые в течение двух месяцев велись против меня.

До того как я попал в Лилипутию, мне, скромному и бедному человеку, никогда не случалось бывать при королевских дворах. Правда, я много слышал и читал о нравах великих монархов. Тем не менее я никак не ожидал, чтобы в этой отдаленной стране нравы властителей могли оказывать такое страшное влияние на ход государственных дел. Мне казалось, что в ней господствуют совсем иные приемы управления, чем те, которые преобладают в Европе.

Я готовился отправиться к императору Блефуску. Вдруг поздно вечером ко мне явился один очень важный придворный. В свое время я оказал ему большую услугу, заступившись за него перед императором. Он прибыл в закрытом портшезе* тайно и, не называя своего имени, просил принять его. Я отослал носильщиков и, положив портшез с его превосходительством в карман кафтана, приказал самому надежному слуге говорить всем, что мне нездоровится. Затем я накрепко запер дверь, поставил портшез на стол, а сам сел на стул против него. Его превосходительство открыл портшез, и мы обменялись взаимными приветствиями. Тут я заметил, что мой гость выглядит чрезвычайно озабоченным, и пожелал узнать о причинах этого. Его превосходительство попросил меня запастись терпением и внимательно выслушать все, что он имеет мне сообщить. Дело, по его словам, касалось моей чести и жизни. Само собой понятно, что я не проронил ни слова из его речи и, как только он покинул меня, занес ее в записную книжку. Вот эта речь:

«Надо вам сказать,— начал он,— что все последнее время происходили совершенно секретные совещания специальных комиссий совета*, где обсуждался вопрос о вашей судьбе. Два дня тому назад его величество принял окончательное решение. Вам, разумеется, известно, что с первых же дней вашего пребывания здесь гальберт Скайреш Болголам стал вашим смертельным врагом. Я не знаю, как и почему возникла эта вражда,— знаю только, что его ненависть особенно усилилась после вашей великой победы над Блефуску. Своим подвигом вы затмили славу адмирала. Этот сановник вместе с Флимнапом, канцлером казначейства, который

сердит на вас из-за жены, генералом Лимтоком, обер-гофмейстером Лелькеном и верховным судьей Бельмафом составили доклад, обвиняющий вас в государственной измене и других тяжких преступлениях...»

Это вступление очень взволновало меня. Я отлично сознавал свою полную невинность и свои заслуги. В порыве негодования я чуть было не прервал оратора. Но он попросил меня сохранять молчание и продолжал:

«Вы оказали мне так много услуг, что я счел своим долгом, рискуя головой, раздобыть копию обвинительного акта. Вручаю ее вам:

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

против
Куинбуса Флестрина,
Человека-Горы

Вышеназванный Куинбус Флестрин, взяв в плен и доставив в императорский порт флот императора Блефуску, получил повеление от его императорского величества захватить все остальные корабли упомянутой империи Блефуску. Означенное повеление преследовало в высшей степени важные государственные цели, а именно: обратить эту империю в провинцию под управлением нашего наместника, казнить укрывающихся там тупоконечников и вообще полностью искоренить тупоконечную ересь. Однако упомянутый Флестрин, как вероломный изменник, просил его благосклоннейшее и светлейшее императорское величество избавить его, Флестрина, от исполнения упомянутого поручения, не желая, как он заявил, применять насилие в делах совести и уничтожать вольности невинного народа.

По прибытии посольства от двора Блефуску ко двору его величества с просьбой о мире вышеназванный Флестрин, как вероломный изменник, помогал, поощрял, ободрял и увеселял упомянутых послов, хорошо зная, что они слуги монарха, который еще недавно был открытым врагом его императорского величества и вел открытую войну с упомянутым величеством.

Ныне вышеназванный Куинбус Флестрин, в противность долгу верно-подданного, собирается совершить путешествие ко двору и в империю Блефуску. На таковое путешествие он получил только словесное соизволение его императорского величества. Между тем упомянутый Флестрин, ссылаясь на высочайшее разрешение, намерен немедленно отправиться в путь с вероломной и изменнической целью оказать помощь, ободрить и поощрить императора Блефуску, так недавно бывшего врагом его императорского величества и находившегося с ним в открытой войне».

Я привел только важнейшие пункты обвинительного акта. Там было еще много других, менее существенных*.

«...Надо признаться,— продолжал свою речь сановник,— во время долгих прений по поводу этого обвинительного акта его величество проявил к вам большую снисходительность. Он неоднократно ссыался на ваши заслуги и всячески старался смягчить ваши преступления. Канцлер казначейства и адмирал настаивали на том, чтобы предать вас самой мучительной и позорной смерти. Они предложили поджечь ночью ваш дом, приказав командующему войсками окружить его двадцатитысячной армией, которая обстреляла бы отравленными стрелами ваше лицо и руки. Было выдвинуто и другое предложение: приказать вашим слугам тайно пропитать ваши рубахи и простыни ядовитым соком. Под влиянием этой отравы вы бы стали терзать и раздирать собственное тело и погибли бы в ужаснейших муках. Командующий войсками присоединился к этому мнению. В течение долгого времени большинство совета было против вас. Но его величество решил по возможности щадить вашу жизнь. В конце концов он привлек на свою сторону обер-гофмейстера.

В разгар этих прений Рельдресель, главный секретарь по тайным делам, который всегда выказывал себя вашим истинным другом, получил повеление его императорского величества изложить свою точку зрения. Рельдресель повиновался и вполне оправдал ваше доброе мнение о нем. Он признал, что ваши преступления велики. Однако они не исключают милосердия, этой величайшей добродетели монархов, которая так справедливо украшает его величество. «Дружба, соединяющая меня с Флестрином,— сказал он,— известна всем; поэтому высокопочтенное собрание найдет, может быть, мое мнение пристрастным. Но, повинаясь приказанию его величества, я считаю себя обязанным откровенно высказать мое мнение. Если его величеству будет благоугодно, во внимание к заслугам Куинбуса Флестрина и по свойственной ему доброте, пощадить его жизнь и удовольствоваться повелением выколоть ему оба глаза, то,— заявил Рельдресель,— я полагаю, что такая мера удовлетворит в известной мере правосудие. А в то же время она приведет в восхищение весь мир. Все будут с восторгом прославлять как кротость монарха, так и великодушие лиц, имеющих честь быть его советниками». При этом следует иметь в виду, что потеря глаз не нанесет никакого ущерба вашей физической силе, благодаря которой вы еще можете быть полезны его величеству; что слепота, скрывая от вас опасность, только увеличит вашу храбрость; что боязнь потерять зрение была для вас главной помехой при захвате неприятельского флота и что вам достаточно будет смотреть на все глазами министров, раз этим довольствуются даже величайшие монархи.

Это предложение было встречено высоким собранием с крайним неодобрением. Адмирал Болголам не в силах был сохранить хладнокровие. Он в бешенстве вскочил с места и сказал, что удивляется, как осмелился секретарь подать голос за сохранение жизни изменника; что оказанные вами услуги делают ваши преступления еще более страшными и опасными. Ведь та самая сила, которая позволила вам захватить неприятельский флот, позволит вам отвести этот флот обратно, как только вы почувствуете себя обиженным или оскорбленным. К тому же есть веские основания думать, что в глубине души вы — тупоконечник. А так как измена зарождается в сердце прежде, чем проявляет себя в действии, то Болголам обвинял вас в измене и настаивал, чтобы вы были казнены.

Канцлер казначейства был того же мнения. Он представил собранию, каким тяжким бременем ложится на казну ваше содержание, и заявил, что скоро она будет доведена до полного оскудения. Между тем предложение секретаря выколоть вам глаза не только не спасет его величество от этого зла, но, по всей вероятности, только увеличит его. Как свидетельствует опыт, некоторые домашние птицы после ослепления едят больше и скорее жиреют.

Таким образом, если его священное величество и члены совета, обращаясь к своей совести, пришли к твердому убеждению в вашей виновности, то этого довольно, чтобы приговорить вас к смерти, не затрудняясь подысканием формальных доказательств, требуемых буквой закона.

Но его императорское величество решительно высказался против смертной казни. Он милостиво изволил заметить, что если, по мнению совета, лишение зрения слишком мягкое наказание, то всегда будет время вынести другой, более суровый приговор. Тогда ваш друг секретарь почтительно испросил позволения ответить на возражения канцлера по поводу непомерных расходов на ваше содержание. Доходы его величества, заявил он, всецело находятся в распоряжении самого канцлера. Поэтому ему нетрудно будет принять меры к постепенному уменьшению расходов на ваше пропитание. Получая недостаточно пищи, вы станете слабеть, худеть, потеряете аппетит и зачахнете в несколько месяцев. Такой образ действия имеет еще ту выгоду, что разложение вашего тела станет менее опасным, ибо тело ваше уменьшится в объеме больше чем наполовину. Благодаря этому, как только вы умрете, пять или шесть тысяч подданных его величества смогут в два или три дня отделить мясо от костей, сложить его в телеги, увезти и закопать за городом во избежание заразы, а ваш скелет сохранить как памятник на удивление потомству.

Таким образом, дружескому расположению секретаря вы обязаны тем, что удалось найти решение, удовлетворительное для обеих сторон. План умертвить вас, постепенно заморив голодом, было приказано хранить в тайне; приговор же о вашем ослеплении занесен в книги. Постановление принято единогласно. При особом мнении остался только адмирал Болголам, ставленник императрицы. Под влиянием настойчивых подстрекательств ее величества, он настаивал на вашей смерти. Императрица же питает к вам ненависть из-за разных придворных сплетен: кой-кто из придворных дам, которые считают, что вы не были достаточно внимательны к ним, успели очернить вас в ее глазах.

Через три дня ваш друг секретарь явится к вам по повелению его величества, чтобы прочесть вам обвинительный акт. Он объяснит вам, как велика снисходительность и благосклонность его

величества и государственного совета. Ведь постановлено всего-навсего лишить вас зрения. Поэтому его величество не сомневается, что вы покорно, с благодарностью подчинитесь этому приговору. Двадцать хирургов его величества назначены наблюдать за надлежащим исполнением операции. Вы ляжете на землю, и самые опытные стрелки пронзят ваши глазные яблоки тончайшими стрелами.

На этом я кончаю свое сообщение. Предоставляю вам самому решить, как вам следует поступить в данном случае. Я же, во избежание подозрений, должен немедленно удалиться».

С этими словами его превосходительство покинул меня, и я остался один, одолеваемый мучительными сомнениями и колебаниями.

Нынешний император и его министры ввели среди лилипутов обычай, которого, как меня уверяли, никогда не существовало раньше. Всякий раз, когда в угоду мстительному монарху или по злобе фаворита суд приговаривает кого-нибудь к жестокому наказанию, император произносит в заседании государственного совета речь. В этой речи выставляются на вид его великое милосердие и доброта. Речь немедленно оглашается по всей империи. Ничто так не устрашает народ, как эти похвальные речи импера-

торскому милосердию, ибо замечено, что чем они пространнее и пышнее, тем бесчеловечнее наказание и невиннее жертва*. Признаюсь, впрочем, что я плохой судья в таких делах. Ни по рождению, ни по воспитанию я не был предназначен к роли придворного. Поэтому я никак не мог найти никаких признаков кротости и милосердия в моем приговоре. Например, я (хотя, быть может, и несправедливо) считал его скорее суровым, чем мягким. Иногда мне приходило в голову лично явиться в суд и защищаться. Правда, я не мог оспаривать фактов, изложенных в обвинительном акте, но все-таки надеялся, что они допускают более выгодное для меня толкование. Но мне приходилось читать много описаний политических процессов, и я знал, что все они оканчивались так, как угодно было судьям. Поэтому я не решился вверить свою участь таким могущественным врагам. Одно время меня очень соблазняла мысль оказать сопротивление. Я отлично понимал, что пока я на свободе, все силы этой империи не могли одолеть меня. Я легко мог бы забросать камнями и обратить в развалины всю столицу. Но, вспомнив присягу, данную мной императору, его милости ко мне и высокий титул *на р д а к а*, которым он меня пожаловал, я с отвращением отверг этот проект. Мне были чужды придворные взгляды на благодарность, и я никак не мог убедить себя, что нынешняя суровость его величества освобождает меня от всяких обязательств по отношению к нему.

Наконец я остановился на решении, за которое многие будут, вероятно, осуждать меня. Скажу прямо: сохранением своего зрения, а стало быть, и свободы, я обязан моей опрометчивости и неопытности. В самом деле, если бы в то время я так же хорошо знал нравы монархов и министров, как я узнал их потом, наблюдая придворную жизнь в других государствах, я бы с величайшей радостью и готовностью подчинился такому легкому наказанию. Но я был молод и горяч. У меня уже было разрешение его величества посетить императора Блефуску. Поэтому, не дожидаясь окончания трехдневного срока, я послал моему другу секретарю письмо, где уведомлял его, что с разрешения императора я отправляюсь в Блефуску.

Не дожидаясь ответа, я в то же утро направился к морскому берегу, где стоял на якоре наш флот. Там я, завладев большим военным кораблем, привязал к его носу веревку и поднял якоря. Затем я разделся, положил платье и одеяло, которое захватил с собой, в корабль и пустился в путь, ведя за собой корабль. Частью вброд, частью вплавь я добрался до королевского порта Блефуску, где население уже давно ожидало меня*. Мне дали двух проводников и направили в столицу Блефуску, носящую то же название, что и государство. Проводников я нес в руках. Подойдя на двести ярдов к городским воротам, я спустил их на

землю и попросил известить о моем прибытии одного из государственных секретарей и передать ему, что я ожидаю приказаний его величества.

Через час я получил ответ, что его величество в сопровождении августейшей семьи и высших придворных чинов выехал мне навстречу. Я приблизился на сто ярдов. Император и его свита соскочили с лошадей, императрица и придворные дамы вышли из карет, и я не заметил у них ни малейшего страха или беспокойства. Я лег на землю, чтобы поцеловать руку императора и императрицы. Я объявил его величеству, что прибыл сюда согласно моему обещанию и с соизволения императора, моего повелителя, чтобы иметь честь лицезреть могущественнейшего монарха и предложить ему свои услуги, разумеется, если они не будут противоречить моим обязанностям верноподданного Лилипутии. Я ни словом не упомянул о постигшей меня немилости. Не получив официального уведомления о постановлении совета, я мог не знать о замыслах против меня. С другой стороны, я рассчитывал, что император, узнав, что я нахожусь вне его власти, не пожелает предать огласке мою опалу. Однако скоро выяснилось, что я сильно ошибся в своих предположениях.

Не буду утомлять внимание читателя подробным описанием приема, оказанного мне при дворе императора Блефуску. Он вполне соответствовал щедрости этого могущественного монарха. Не буду также говорить о неудобствах, которые я испытывал из-за отсутствия подходящего помещения и постели: мне пришлось спать на голой земле, укрывшись своим одеялом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Благодаря счастливому случаю автор получает возможность оставить Блефуску и после некоторых затруднений благополучно возвращается в свое отечество

Через три дня после прибытия в Блефуску я пошел осмотреть северо-восточный берег острова. Прогуливаясь по отмели, я заметил на расстоянии полулиги* в открытом море что-то похожее на опрокинутую лодку. Я снял башмаки и чулки и, пройдя вброд около двухсот или трехсот ярдов, увидел, что прилив несет предмет к берегу. Через несколько минут я убедился, что этот предмет — большая шлюпка, сорванная бурей с какого-нибудь корабля.

Я тотчас вернулся в город и попросил его императорское величество предоставить в мое распоряжение двадцать самых больших кораблей, три тысячи матросов и большое количество канатов, которые для прочности я ссучил по три. Флот пошел кругом острова, а я поспешил обратно к тому месту, откуда заметил шлюпку.

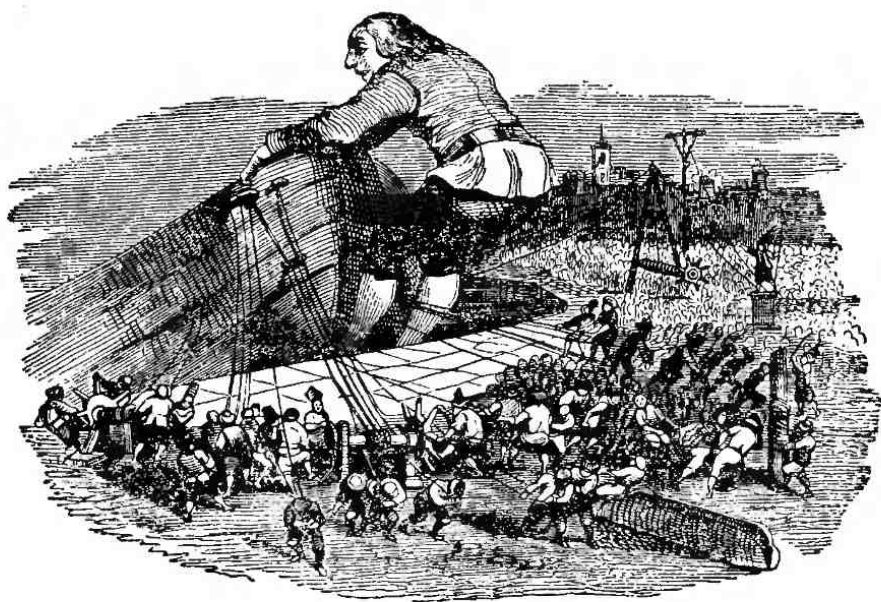
Прилив пригнал ее еще ближе к берегу. Когда корабли подошли, я разделся и отправился к шлюпке. Сначала я шел вброд, но в ста ярдах от нее принужден был пуститься вплавь. Матросы одного из кораблей бросили мне канат. Я привязал этот канат к кольцу в носовой части шлюпки; другой конец каната был закреплен на корме корабля, который начал буксировать шлюпку к берегу. Но это принесло мало пользы. Тогда я подплыл к корме шлюпки и принялся подталкивать ее вперед одной рукой. Прилив помогал мне, и, порядочно устав, я добрался наконец до такого места, где мог встать на ноги. Вода доходила мне до подбородка. Отдохнув несколько минут, я снова принялся подталкивать шлюпку, пока вода не дошла мне до подмышек.

Самая трудная часть предприятия закончилась. Я взял остальные канаты, сложенные на одном из кораблей, и провел их от носа шлюпки к девяти сопровождавшим меня кораблям. Ветер был попутный, матросы тянули лодку на буксире, я подталкивал ее сзади, и мы скоро подошли на сорок ярдов к берегу. Здесь я остановился в ожидании отлива. Когда вода спала, шлюпка оказалась на отмели. С помощью двух тысяч человек, снабженных канатами и воротами, я перевернул шлюпку и осмотрел ее подводную часть. Повреждения оказались незначительными.

Первым моим делом было смастерить весла. Эта работа заняла у меня десять дней. Затем мне пришлось немало потрудиться, чтобы привести шлюпку на веслах в императорский порт Бле-

фуску. Здесь собралась несметная толпа народа, пораженная невиданным зрелищем такого чудовищного судна. Я сказал императору, что эту лодку послала мне счастливая звезда, чтобы я смог вернуться на родину. Я попросил его величество снабдить меня необходимыми материалами для оснастки судна, а также дать разрешение на отъезд. Сначала император убеждал меня остаться, но, видя бесплодность этих попыток, дал свое согласие.

Меня очень удивило, что за это время, насколько мне было известно, ко двору Блефуску не поступало никаких запросов относительно меня от нашего императора. Однако позднее мне объяснили, почему так случилось. Его императорское величество ни минуты не подозревал, что мне известны его намерения, и потому усмотрел в моем отъезде в Блефуску простое исполнение обещания, данного послам. Он был уверен, что как только весь церемониал приема будет окончен, я вернусь домой. Но в конце концов мое долгое отсутствие начало его беспокоить. Посоветовавшись с канцлером казначейства и другими членами враждебной мне клики, он послал ко двору Блефуску одного сановника с копией обвинительного акта. Этот посол получил предписание поставить на вид монарху Блефуску великое милосердие своего повелителя, приговорившего меня за тягчайшие преступления к такому легкому наказанию. Кроме того, он должен был заявить, что я бежал от правосудия, и если в течение двух часов не возвра-

щусь назад, то буду лишен титула и а р д а к а и провозглашен изменником. Его величество, прибавил посланный, надеется, что брат его, император Блефуску, повелит отправить меня в Лилипутию, связанного по рукам и ногам, чтобы подвергнуть наказанию за измену.

Император Блефуску после трехдневных совещаний послал весьма любезный ответ со множеством извинений. Он писал, что брат его понимает полную невозможность отправить меня в Лилипутию, связанного по рукам и ногам; к тому же я оказал ему много услуг во время мирных переговоров. Впрочем, прибавил он, оба монарха скоро вздохнут свободно, ибо я нашел на берегу огромный корабль, на котором могу отправиться в море. Он отдал приказ своим подданным помочь мне снарядить этот корабль и надеется, что через несколько недель обе империи избавятся наконец от столь невыносимого бремени*.

С этим ответом посланный возвратился в Лилипутию, и монарх Блефуску сообщил мне все, что произошло. Под строжайшим секретом он предложил мне свое милостивое покровительство, если мне угодно будет остаться у него на службе. Хотя я считал предложение императора искренним, однако решил не доверяться больше монархам, раз есть возможность обойтись без них. Поэтому, поблагодарив императора за милостивое внимание, я просил его величество извинить меня. Не знаю, прибавил я, на счастье или на горе судьба послала мне это судно, но я решил лучше отдать себя на волю океана, чем служить поводом раздора между двумя столь могущественными монархами. Мне показалось, что император не был разочарован моим ответом: напротив, случайно я узнал, что он, как и большинство его министров, остался очень доволен моим решением.

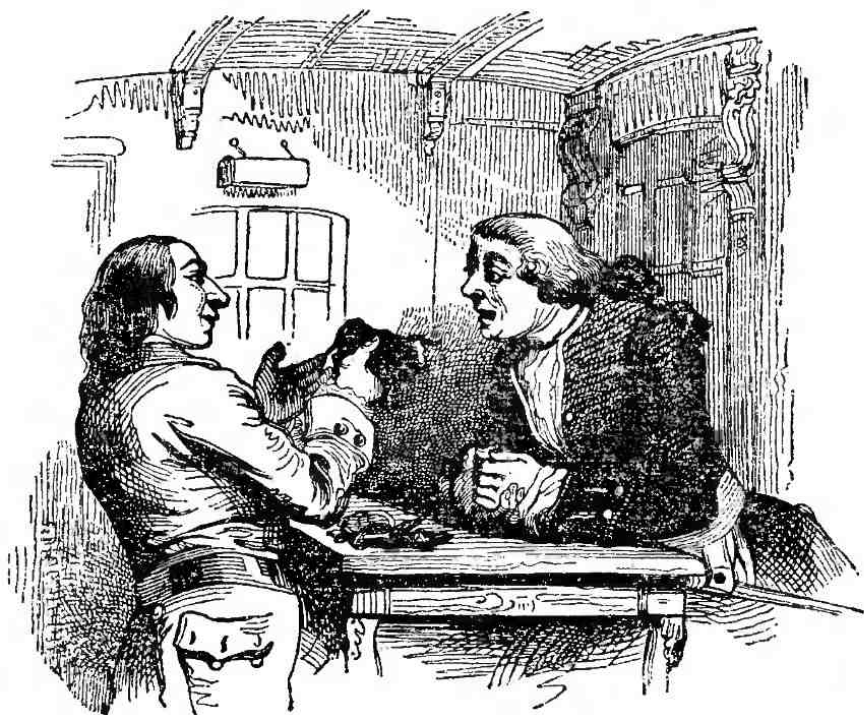
Это обстоятельство заставило меня поспешить с отъездом. Желая, чтобы я возможно скорее покинул их страну, двор оказывал мне всяческое содействие в починке лодки. Пятьсот человек под моим руководством сделали для нее два паруса, простегав сложенное в тринадцать раз самое прочное полотно. Изготовление снастей и канатов я взял на себя. Я скручивал вместе по десять, двадцать и тридцать самых толстых и прочных тамошних канатов. Большой камень, найденный на берегу, послужил мне якорем. Мне дали жир трехсот коров для смазки лодки и для других надобностей. С невероятными усилиями я срезал несколько самых высоких строевых деревьев на мачты; в изготовлении их мне оказали, впрочем, большую помощь корабельные плотники его величества, которые выравнивали и обстругивали то, что было сделано мною вчера.

По прошествии месяца все было готово. Тогда я отправился в столицу получить приказание его величества и попрощаться

с ним. Император с августейшей семьей вышли из дворца; я пал ниц, чтобы поцеловать его руку, которую он очень благосклонно протянул мне; то же сделали императрица и все принцы крови. Его величество подарил мне пятьдесят кошельков с двумястами с п р у г о в в каждом и свой портрет во весь рост; портрет я для большей сохранности тотчас спрятал в перчатку.

Я погрузил в лодку сто воловьих и триста бараньих туш, соответствующее количество хлеба и напитков и столько жареного мяса, сколько могли мне приготовить четырехста поваров. Кроме того, я взял с собой шесть живых коров, двух быков и столько же овец с баранами, чтобы привезти их к себе на родину и заняться их разведением. Для прокормления этого скота в пути я захватил с собой большую вязанку сена и мешок зерна. Мне очень хотелось увезти с собой и десяток туземцев, но император ни за что не согласился на это. Не довольствуясь самым тщательным осмотром моих карманов, его величество обязал меня честным словом не брать с собой никого из его подданных даже с их согласия и по их желанию.

Приготовившись таким образом к путешествию, я поставил паруса 24 сентября 1701 года в шесть часов утра. Пройдя при юго-восточном ветре около четырех лиг по направлению к северу, в шесть часов вечера я заметил на северо-западе, в расстоянии полулиги, небольшой островок. Я направился к нему и бросил якорь с подветренной стороны. Остров, по-видимому, был необитаем. Немного подкрепившись, я лег отдохнуть. Спал я хорошо и, по моим предположениям, не меньше шести часов, потому что проснулся часа за два до наступления дня. Ночь была светлая. Позавтракав, я еще до восхода солнца поднял якорь и с помощью карманного компаса взял тот же курс, что и накануне. Ветер был попутный.

Моим намерением было достигнуть одного из островов, лежащих, по моим расчетам, на северо-восток от Вандименовой Земли. В этот день не случилось ничего особенного. Но около трех часов пополудни следующего дня я заметил парус, двигавшийся на юго-восток. Сам я направлялся прямо на восток и, согласно моим вычислениям, находился в двадцати четырех милях от Блефуску. Я окликнул судно, но ответа не получил. Ветер скоро упал, и я

увидел, что могу догнать корабль. Я поставил все паруса, и через полчаса корабль заметил меня, выбросил флаг и выстрелил из пушки.

Трудно описать охватившее меня чувство радости, когда неожиданно явилась надежда вновь увидеть любезное отечество и покинутых там дорогих моему сердцу людей. Корабль убавил паруса, и в шестом часу вечера 26 сентября я пристал к нему. Мое сердце затрепетало от восторга, когда я увидел английский флаг. Рассовав коров и овец по карманам, я взошел на борт корабля со всем своим небольшим грузом.

— Это было английское купеческое судно. Оно возвращалось из Японии. Капитан его, мистер Джон Бидл из Дентфорда, был в высшей степени любезный человек и превосходный моряк. Мы находились в это время под 30° южной широты. Экипаж корабля состоял из пятидесяти человек. Между ними я встретил одного моего старого товарища, Питера Вильямса, который дал капитану обо мне самый благоприятный отзыв. Капитан оказал мне любезный прием и попросил сообщить, откуда я еду и куда направляюсь.

Когда я вкратце рассказал ему мои приключения, он подумал, что я заговариваюсь и что перенесенные несчастья помутили мой рассудок. Тогда я вынул из кармана коров и овец. Увидев их, он пришел в крайнее изумление и убедился в моей правдивости. Затем я показал ему золото, полученное от императора Блефуску, портрет его величества и другие диковинки. Я отдал капитану два кошелька с двумястами с п р у г о в в каждом и обещал ему подарить по прибытии в Англию стельную корову и овцу.

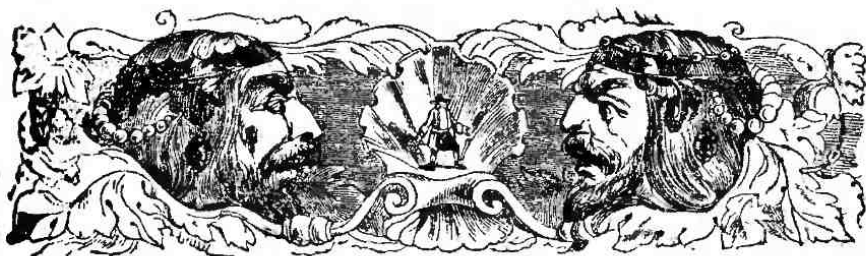
Я не буду докучать читателю подробным описанием этого путешествия, которое оказалось вполне благополучным. Мы прибыли в Даунс 13 апреля 1702 года. В пути у меня была только

одна неприятность: корабельные крысы утащили одну овечку. Я нашел в щели ее обглоданные кости. Весь остальной скот я благополучно доставил на берег и в Гринвиче пустил на лужайку для игры в шары; тонкая и нежная трава, сверх моего ожидания, послужила им прекрасным кормом. Я бы не мог сохранить этих животных в течение долгого путешествия, если бы капитан не снабдил меня своими лучшими сухарями. Я растирал эти сухари в порошок, смачивал водой и кормил ими моих животных. В продолжение моего недолгого пребывания в Англии я собрал значительную сумму денег, показывая этих животных знатым лицам. Перед началом второго путешествия я продал их за шестьсот фунтов. Возвратившись в Англию из последнего путешествия, я нашел уже довольно большое стадо; особенно расплодилось овцы, и я надеюсь, что они принесут значительную пользу суконной промышленности благодаря своей необыкновенно тонкой шерсти*.

Я провел с женой и детьми не больше двух месяцев. Дольше я не мог усидеть дома: мое ненасытное желание видеть чужие страны не давало мне покоя. Я оставил жене полторы тысячи фунтов и нанял ей хороший дом в Редрифе. Остальное свое имущество, частью в деньгах, частью в товарах, я увез с собой в надежде увеличить свое состояние. Старший мой дядя Джон завещал мне поместье недалеко от Уоппинга, приносившее в год по тридцати фунтов дохода; столько же дохода я получил от бывшей у меня в долгосрочной аренде харчевни «Черный Бык» на Феттер-Лейне. Таким образом, я не боялся, что моя семья окажется на попечении прихода. Мой сын Джонни, названный так в честь своего дяди, посещал грамматическую школу и был хорошим учеником. Моя дочь Бетти (которая теперь замужем и имеет детей) училась швейному мастерству. Я попрощался с женой, дочерью и сыном, причем дело не обошлось без слез с обеих сторон, и сел на купеческий корабль «Аденчер», водоизмещением в триста тонн; назначение его было — Сурат, капитан — Джон Николес из Ливерпуля. Но отчет об этом путешествии составит вторую часть моих записок.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В БРОБДИНГНЕГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Описание сильной бури. Посылка баркаса за пресной водой. Автор отправляется на нем для исследования страны. Он оставлен на берегу; его подбирает один туземец и относит к фермеру. Прием автора на ферме и различные происшествия, случившиеся там. Описание жителей

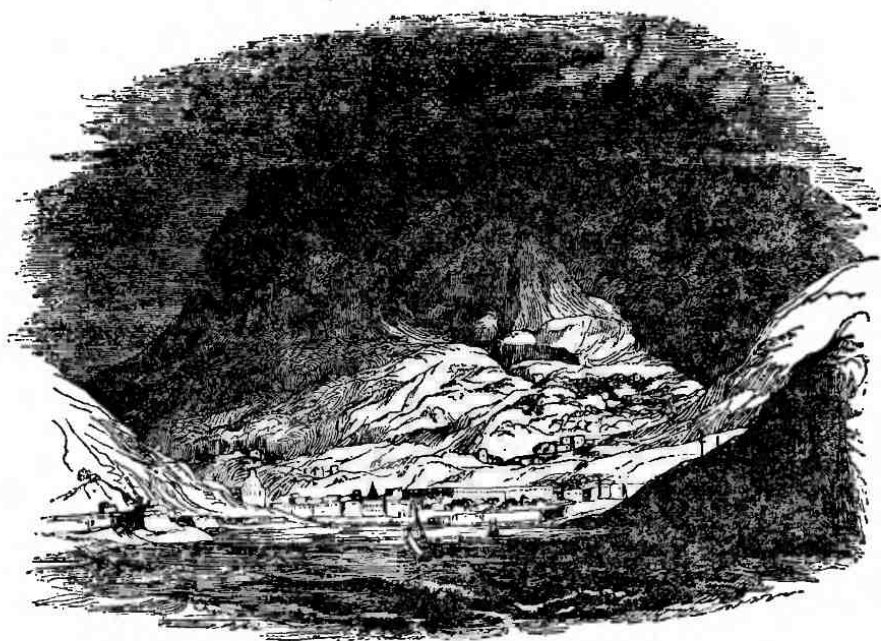

так, обреченный самой природой и судьбой вести деятельную и беспокойную жизнь, я снова оставил родину и пустился в море.

До мыса Доброй Надежды мы шли с попутным ветром. Здесь мы бросили якорь, чтобы запастись свежей водой. Но на корабле открылась течь. Нам пришлось выгрузить товар и конопатить судно. В заключение капитан заболел перемежающейся лихорадкой. Нам пришлось зазимовать на мысе Доброй Надежды. Только в конце марта мы поставили парус и благополучно прошли Мадагаскарский пролив*. Мы держали курс на север, и приблизительно до 5° южной широты нас сопровождали умеренные северные и западные ветры, обычные в этом поясе с начала декабря и до начала мая. Но 19 апреля

погода изменилась: с запада налетел чрезвычайно сильный, почти штормовой ветер, дувший двадцать дней подряд. За это время нас отнесло к востоку от Молуккских островов и на три градуса к северу от экватора. Так, по крайней мере, показали вычисления капитана, сделанные 2 мая. В этот день ветер прекратился и наступил полный штиль, немало меня обрадовавший. Но капитан, искушенный в плавании по этим морям, приказал всем приготовиться к буре. Действительно, на следующий же день поднялся жестокий южный ветер, известный под названием муссона. Постепенно он перешел в ураган.

Заметив, что ветер сильно крепчает, мы убрали блинд и приготовились взять на гитовы фок-зейль. Но погода становилась все хуже и хуже. Осмотрев, прочно ли привязаны пушки, мы убрали бизань. Корабль лежал прямо под ветром, и мы решили, что лучше идти по ветру, чем убирать все паруса и дрейфовать. Мы зарифили фок и подняли его; фокашкот мы закрепили на корме. Руль был положен по ветру. Корабль хорошо слушался рулевого. Мы взяли рифы на фоканирале, но парус все же порвало. Тогда мы спустили рею, сняли с нее парус и весь такелаж. Буря была поистине ужасной, волны достигали необычайной высоты. Мы закрепили таями румпель, чтобы облегчить рулевого. Мы не

стали спускать стеньги, но оставили всю оснастку, потому что корабль шел по ветру и перед нами было открытое море. Когда буря начала стихать, были подняты грот и фок, и корабль лег в дрейф. Немного позднее мы подняли бизань, большой и малый марсели. Мы держали курс на северо-восток; ветер был юго-западный. Мы осадили галсы по штир-борту, ослабили брасы и топенанты с наветренной стороны, а с подветренной подтянули их. Булина мы вытянули и закрепили. Маневрирование производилось при помощи бизани; мы все время старались сохранить ветер и держать столько парусов, сколько могли выдержать корабельные мачты*.

Во время этой бури нас отнесло, по моим вычислениям, по крайней мере на пятьсот лиг к востоку. Самые старые и опытные моряки не могли сказать, в какой части света мы находимся. Провианта у нас было вдоволь, корабль в хорошем состоянии, экипаж совершенно здоров. Только нехватка пресной воды внушала нам беспокойство. Мы предпочли держаться прежнего курса и не хотели отклониться к северу, так как при этом нас могло унести к северо-западным областям Великой Татарии* или в Ледовитое море.

16 июня 1703 года дежуривший на марсе юнга увидел землю. 17-го мы подошли к большому острову или континенту. Что именно это было, мы не знали. К югу выдавалась в море коса и видне-

лась бухта, но слишком мелкая, чтобы в нее мог войти корабль более ста тонн водоизмещением. Мы бросили якорь на расстоянии лиги от этой бухты, и капитан послал на берег баркас с десятком хорошо вооруженных людей. Они взяли с собой бочонки на случай, если найдется вода. Я попросил у капитана позволения присоединиться к ним. Мне хотелось по возможности обследовать эту доныне неизвестную землю.

Близ места нашей высадки мы не нашли ни реки, ни источника. Край казался пустынным; никаких признаков населения не было видно. Матросы разбрелись по побережью в поисках пресной воды, а я отправился один в противоположную сторону. Я прошел с милю и не встретил ничего любопытного. Кругом расстилалась все та же бесплодная каменистая пустыня.

Почувствовав усталость, я повернул обратно и медленно направился к бухте. Передо мной открылся широкий вид на море. Внезапно я заметил, что наши матросы уже погрузились в баркас и изо всех сил гребут к кораблю. Я уже хотел окликнуть их, как вдруг заметил, что за ними гонится человек исполинского роста. Вода едва доходила ему до колен: он делал огромные шаги. Но баркас успел почти на пол-лиги опередить его. К тому же море изобиловало острыми скалами, и чудовище не могло догнать лодку. Все это мне рассказали потом. Сам я не имел мужества дожидаться исхода погони. Со всех ног бросился я бежать по той самой дороге, по которой только что возвращался к бухте. Запы-

хавшись, я взобрался на крутой холм, откуда мог осмотреть окрестность. Земля кругом была хорошо возделана, но меня поразила высота травы: она достигала двадцати футов.

Я вышел на большую дорогу — так, по крайней мере, мне показалось, хотя для туземцев это была только тропинка, пересекавшая ячменное поле. В течение некоторого времени я почти ничего не мог видеть по сторонам, потому что приближалось время жатвы и ячмень был высотой футов сорок. Только через час я достиг конца этого поля, обнесенного изгородью не менее чем сто двадцать футов вышины. Деревья были так велики, что я не мог определить их высоту. Чтобы попасть с этого поля на соседнее, нужно было подняться на четыре ступени да еще перешагнуть через огромный камень. Мне не по силам было взобраться на эту лестницу. Каждая ступень имела шесть футов высоты, а верхний камень — больше двадцати.

Я принялся искать какую-нибудь щель в изгороди, как вдруг увидел, что с соседнего поля к лестнице подходит такой же исподлин, как тот, который гнался за нашим баркасом. Ростом он был с колокольною, а каждый его шаг, насколько я мог прикинуть, равнялся десяти ярдам*. Охваченный ужасом и изумлением, я кинулся в сторону и спрятался в ячмене. Притаившись, я наблюдал, как великан взобрался по ступенькам на верхний камень, оглянулся кругом и стал звать кого-то голосом, звучавшим во много раз громче, чем наш голос в рупор. Он раздавался с такой высоты, что сначала я принял его за раскаты грома. На зов тотчас появились семь таких же чудовищ с серпами величиной в шесть наших кос в руках. Эти люди были одеты беднее первого; по-видимому, они были его слугами или работниками. Хозяин что-то сказал им, и они отправились жать на то поле, где я спрятался.

Я старался убраться подальше от них, но мог передвигаться только с большим трудом: ячмень был так густ, что местами я едва мог протиснуться между стеблями. Тем не менее я кое-как добрался до той части поля, где ячмень был повален дождем и ветром. Здесь я вынужден был остановиться: стебли так переплелись между собой, что не было никакой возможности пробраться между ними, а усики поваленных колосьев были так крепки и остры, что прокалывали мне платье и вонзались в тело.

Разбитый усталостью, в глубоком отчаянии, я лег в борозду и от всего сердца желал смерти. Я оплакивал овдовевшую жену и детей-сирот. Я горько сетовал на свое безрассудство, толкнувшее меня на второе путешествие вопреки советам родных и друзей.

Тоска охватила мое сердце. Я невольно вспомнил Лилипутию. Жители этой страны смотрели на меня, как на величайшее чудо в свете. Там я мог буксировать одной рукой весь императорский

флот, мог бы совершить множество других подвигов. Мои деяния были бы увековечены в летописях той империи. И тут же я представил себе все унижение, которое ждет меня у этого народа. Ведь здесь я буду казаться таким же жалким и ничтожным существом, каким казался бы среди нас любой лилипут. И я не сомневался, что это еще не самое ужасное из несчастий, какие ждут меня здесь. Наблюдение подтверждает, что человеческая жестокость и грубость увеличиваются в соответствии с ростом. Чего же я мог ожидать от этих исполинских варваров? Первый же, кто поймает меня, наверно, тут же сожрет. Философы несомненно правы, утверждая, что понятия великого и малого — понятия относительные. Быть может, судьбе угодно будет устроить так, что и лилипуты встретят людей, таких маленьких сравнительно с ними, как они были малы по сравнению со мной. И кто знает — быть может, в какой-нибудь отдаленной части света существует порода смертных, превосходящих своим ростом даже этих гигантов.

Между тем, пока я предавался этим размышлениям, жнецы постепенно приближались ко мне. Вдруг один из них подошел на десять ярдов к борозде, в которой я лежал. Стоило ему сделать еще шаг или взмахнуть серпом, и он мог растоптать меня или разрезать пополам. Охваченный ужасом, я завопил что было силы. Великан остановился, нагнулся, долго вглядывался в землю у себя под ногами, наконец заметил меня.

С минуту он разглядывал меня с тем нерешительным выражением на лице, какое бывает у нас, когда мы хотим схватить незнакомого зверька и боимся, как бы он не оцарапал и не укусил нас. Наконец великан отважился взять меня сзади за талию большим и указательным пальцами. Он поднес меня поближе к глазам, чтобы получше рассмотреть. Опасаясь, чтобы я не выскользнул у него из пальцев, он страшно стиснул мне ребра. К счастью, я сразу же угадал его намерения и был настолько сообразительным, что не оказал ему никакого сопротивления, когда он держал меня в воздухе на высоте шестидесяти футов от земли. Все, что я позволял себе, это поднять глаза к солнцу, умоляюще сложить руки и произнести несколько слов смиренным и печальным тоном.

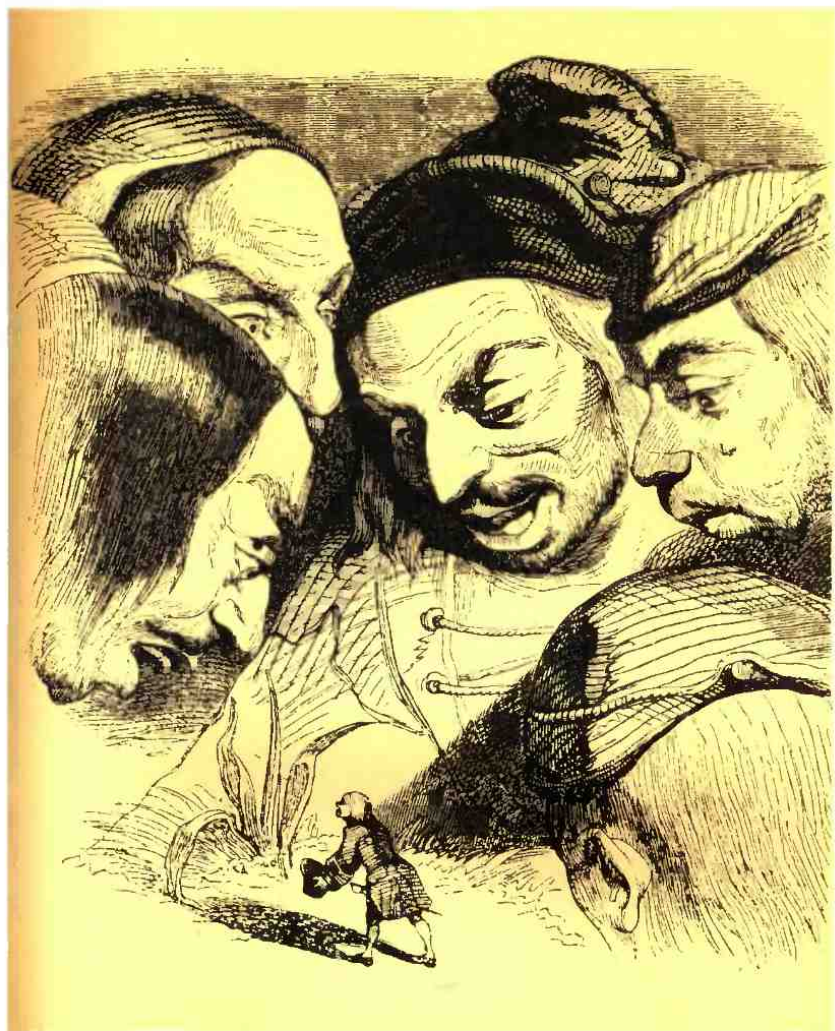
Я все время боялся, что великан швырнет меня на землю, как мы бросаем противное маленькое животное, собираясь раздавить его ногой. Но — хвала моей счастливой звезде! — мой голос и жесты, по-видимому, понравились великану. Он внимательно разглядывал меня, изумляясь моей членораздельной речи, смысл которой ему был непонятен. Но его пальцы причиняли мне такую нестерпимую боль, что я не мог удержаться от стонов и слез. Различными жестами я старался дать ему понять, что он слишком стиснул мне ребра. По-видимому, он понял, так как, подняв полу камзола, осторожно положил меня туда и бегом пустился к своему

хозяину — тому самому фермеру, которого я увидел первым на поле.

Фермер, подробно расспросив своего работника, где он нашел меня, взял соломинку толщиной с трость и стал поднимать ею полы моего кафтана: очевидно, он думал, что это — нечто вроде шкурки, которой одарила меня природа. Затем он дунул на мои волосы, чтобы лучше рассмотреть лицо. Созвав своих батраков, он спросил их (как я потом узнал), не случилось ли им находить на полях других зверьков, похожих на меня. Затем он осторожно опустил меня на землю и поставил на четвереньки. Я тотчас поднялся на ноги и стал расхаживать взад и вперед, желая показать этим людям, что у меня нет ни малейшего намерения бежать.

Они сели в кружок, чтобы лучше наблюдать за моими движениями. Я снял шляпу и сделал глубокий поклон фермеру. Затем, став на колени, я поднял к небу глаза и руки и как можно громче произнес несколько слов. Я вынул из кармана кошелек с золотом и с видом полной покорности вручил его хозяину. Тот положил кошелек на ладонь и поднес его к глазам. Затем он вынул булавку и несколько раз потыкал кошелек. Но это ни к чему не привело: он так и не понял, что это такое. Тогда я сделал знак, чтобы он положил руку на землю, взял кошелек, открыл его и высыпал к нему на ладонь все золото. Там было шесть испанских золотых, по четыре пистоля каждый, и двадцать или тридцать монет помельче. Послунив кончик мизинца, он поднял им сперва одну большую монету, потом другую, но так и не догадался, что это за вещицы. Он знаком приказал мне положить монеты обратно в кошелек и спрятать кошелек в карман. После нескольких безуспешных попыток убедить его принять от меня кошелек в подарок я повиновался его приказу.

Мало-помалу фермер убедился, что имеет дело с разумным существом. Он часто заговаривал со мной, но шум его голоса отдавался у меня в ушах подобно шуму водяной мельницы, хотя слова произносились им достаточно внятно. Я как можно громче отвечал ему на разных языках, и он часто приближал свое ухо на два ярда ко мне, но все было напрасно: мы совершенно не понимали друг друга. Наконец фермер приказал рабочим приняться за работу, а сам присел, положил на землю левую руку ладонью вверх, покрыл ее сложенным вдвое носовым платком и сделал мне знак взобраться на платок. Это было нетрудно, так как рука была толщиной не более фута. Я счел благоразумным повиноваться и, чтобы не упасть, лег на платок. Для большей безопасности фермер закутал меня в него, как в одеяло, и в таком виде понес домой. Придя туда, он позвал жену и показал меня ей. Та завизжала и попятилась, точь-в-точь как английские дамы при виде жабы или паука. Но мое примерное поведение и полное

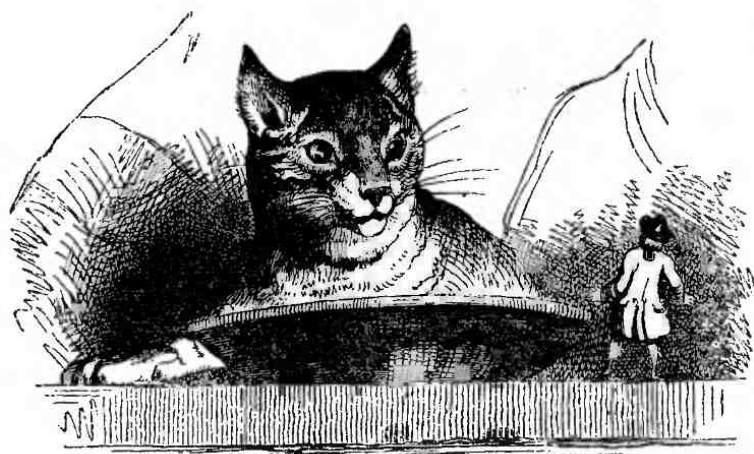
повиновение всем знакам мужа очень скоро ее успокоили, и она стала обходиться со мной очень ласково.

Был полдень; слуга подал скромный обед: он состоял только из большого куска говядины на блюде около двадцати четырех футов в диаметре. За стол сели фермер, его жена, трое детей и старуха-бабушка. Фермер посадил меня около себя на стол, возвышавшийся на тридцать футов от пола. Боясь свалиться с такой высоты, я отодвинулся подальше от края. Фермерша отрезала ломтик говядины, накрошила хлеб в тарелку и поставила ее передо мной. Сделав ей глубокий поклон, я вынул свою вилку и нож и начал есть, что доставило им чрезвычайное удовольствие. Хозяйка велела служанке подать ликерную рюмочку вместимостью около двух галлонов* и налила в нее какого-то питья. Я с трудом взял рюмку обеими руками и самым почтительным образом выпил за здоровье хозяйки. Это до такой степени рассмешило присут-

ствующих, что своим хохотом они едва не оглушили меня. Напиток напоминал слабый сидр и был довольно приятен на вкус.

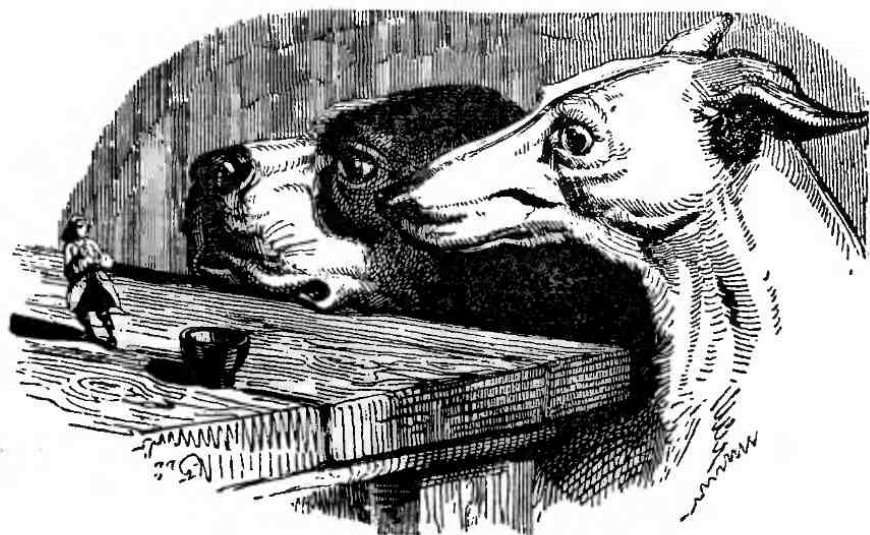
Хозяин знаками пригласил меня подойти к его тарелке. Проклядя по столу, я споткнулся о корку хлеба и шлепнулся. К счастью, я не ушибся. Я тотчас же поднялся; увидя, что мое падение сильно встревожило этих добрых людей, я взял шляпу (которую, как подобает благовоспитанному человеку, держал под мышкой), помахал ею над головой и трижды прокричал «ура» в знак того, что все обошлось благополучно. Но когда я приблизился к хозяину (так я буду называть впредь фермера), сидевший подле него младший сын, десятилетний шалун, схватил меня за ноги и поднял так высоко, что у меня захватило дух. К счастью, отец выхватил меня из рук сына и дал ему такую оплеуху, которая, наверно сбросила бы с лошадей целый эскадрон европейской кавалерии. Он так рассердился, что приказал мальчику немедленно выйти из-за стола. Но мне не хотелось, чтобы в ребенке заталась обида и злоба против меня. К тому же я вспомнил, как жестоко обращаются подчас наши дети с воробьями, кроликами, котятками и щенятами. Я упал на колени и, указывая пальцем на мальчика, всеми силами старался дать понять моему хозяину, что умоляю простить сына. Отец смягчился, и мальчишка снова занял

свое место. Я подошел к нему и поцеловал его руку. Хозяин улыбнулся, взял руку сына и нежно погладил ею меня.

Во время обеда на колени к хозяйке вскочила ее любимая кошка. Я услышал позади себя сильный шум, словно десяток вязальщиков работали на станках. Обернувшись, я увидел, что это мурлычет кошка, которую кормила и ласкала хозяйка. Судя по голове и лапам, кошка была, по-видимому, в три раза больше нашего быка. Я находился на другом конце стола, на расстоянии

пятидесяти футов от животного. Хозяйка крепко держала свою любимицу, опасаясь, как бы она не прыгнула на меня. И все же я пришел в полное замешательство при виде этого свирепого чудовища. Однако мои опасения были напрасны: хозяин поднес меня к кошке на три ярда, и она не обратила на меня ни малейшего внимания. Во время путешествий мне не раз пришлось проверить общеизвестное утверждение, что бежать или выказывать страх

перед хищным животным — верный способ подвергнуться его нападению. Поэтому я решил не проявлять ни малейшего беспокойства. Пять или шесть раз я бесстрашно подходил к самой морде кошки, и она пятилась назад, словно была больше испугана, чем я. Обед уже подходил к концу, когда в комнату вбежали три или четыре собаки. Однако они испугали меня гораздо меньше. Одна из них была мастиф* величиной в четыре слона, другая — борзая, выше мастифа, но тоньше его.

Затем в столовую вошла кормилица с годовалым ребенком в руках. Увидев меня, младенец, в согласии с правилами ораторского искусства детей, поднял такой вопль, что, случись это в

Челси, его, наверно, слышали бы с Лондонского моста: он принял меня за игрушку. Хозяйка, руководясь чувством материнской нежности, взяла меня и поставила перед ребенком. Тот немедленно схватил меня за талию и засунул к себе в рот мою голову. Я так отчаянно завопил, что ребенок в испуге выронил меня. К счастью, хозяйка успела подставить мне свой передник. Иначе я бы непременно разбился насмерть.

Чтобы успокоить младенца, кормилица стала забавлять его погремушкой. Эта погремушка напоминала бочонок, наполненный камнями, и была привязана к поясу ребенка канатом. Унимая ребенка, кормилица присела на низенький табурет так близко от меня, что я мог подробно рассмотреть ее лицо. Признаюсь, это было неприятное зрелище. Вся кожа была испещрена какими-то буграми, рытвинами, пятнами и огромными волосами. А между тем издали она показалась мне довольно миловидной. Это навело меня на некоторые размышления по поводу нежности и белизны кожи наших английских дам. Они кажутся нам такими красивыми только потому, что они одинакового роста с нами; мы не замечаем на их лицах мелких изъянов. Только лупа может нам показать, как, в сущности, груба, толста и скверно окрашена самая нежная и белая кожа.

Помню, во время моего пребывания в Лилипутии мне казалось, что нет в мире людей с таким прекрасным цветом лица, каким природа одарила эти крошечные создания. Когда я беседовал на эту тему с одним ученым лилипутом, моим близким другом, то он сказал мне, что мое лицо производит на него более приятное впечатление издали. Он откровенно признался мне, что когда я в первый раз взял его на руки и поднес к лицу, то оно ужаснуло его. По его словам, у меня на коже можно заметить большие рытвины; цвет ее представляет очень неприятное сочетание разных красок, а волосы бороды кажутся в десять раз толще щетины кабана. Считаю нужным заметить, что я нисколько не безобразнее большинства моих соотечественников и, несмотря на долгие путешествия, загорел очень мало. С другой стороны, беседуя со мной о придворных дамах, ученый этот нередко говорил: у этой лицо покрыто веснушками, у другой слишком велик рот, у третьей большой нос, а я ничего не замечал. Разумеется, в этих рассуждениях нет ничего нового. Я говорю все это только для того, чтобы читатель не подумал, будто великаны, к которым я попал, очень безобразны. Напротив, я должен отдать им справедливость: это очень красивая раса.

После обеда хозяин отправился к рабочим, приказав жене, насколько можно было судить по его голосу и жестам, обращаться со мной позаботливее. Я очень устал и хотел спать. Заметив это, хозяйка положила меня на свою постель и укрыла чистым белым

носовым платком, который, однако, был больше и толще паруса военного корабля.

Я проспал около двух часов; мне снилось, что я дома, в кругу семьи. Но тем острее была моя печаль, когда, проснувшись, я увидел, что нахожусь один в обширной комнате, шириной в двести или триста футов, а высотой более двухсот, и лежу на кровати в двадцать ярдов ширины. Моя хозяйка отправилась по делам и заперла меня одного. Кровать возвышалась над полом на восемь ярдов. Между тем некоторые естественные потребности побуждали меня сойти на землю. Позвать на помощь я не решался. Впрочем, это было бесполезно: все равно мой слабый голос нельзя было расслышать на кухне, где находилась семья. Пока я раздумывал, что мне предпринять, на постель взобрались по положу две крысы и принялись обнюхивать ее. Одна подбежала к моему лицу. Я в ужасе вскочил и выхватил кортик. Эти гнусные животные имели дерзость атаковать меня с двух сторон. Одна крыса успела вцепиться передними лапами в мой воротник. К счастью, мне удалось распороть ей брюхо, прежде чем она причинила мне какой-нибудь вред. Она упала к моим ногам, а другая, видя печальную участь товарки, обратилась в бегство. На прощание

я нанес ей рану в спину, так что, убегая, она оставила за собой кровавый след. После этого подвига я стал прохаживаться взад и вперед по кровати, чтобы перевести дух и прийти в себя. Крысы были величиной с большую дворняжку, но отличались гораздо большей ловкостью и злобой. Если бы, ложась спать, я снял кортик, они непременно растерзали бы и сожрали меня. Я измерил хвост мертвой крысы и нашел, что он равен двум ярдам без одного дюйма. Однако у меня не хватило присутствия духа сбросить крысу с постели.

Вскоре после этого в комнату вошла хозяйка. Увидя на мне кровавые пятна, она поспешно бросилась ко мне и взяла меня на руки. Я указал на убитую крысу и, улыбаясь, знаками попытался объяснить ей, что сам не ранен. Хозяйка очень обрадовалась этому. Она позвала служанку и велела ей взять крысу щипцами и выбросить за окно, а сама поставила меня на стол. Тогда я показал ей окровавленный кортик, вытер его полкой кафтана и вложил в ножны. Но я чувствовал настоятельную потребность сделать то, чего никто не мог сделать вместо меня. Поэтому я всячески старался дать понять хозяйке, что хочу спуститься на пол. Когда это желание было исполнено, стыд помешал мне изъясниться более наглядно, и я ограничился тем, что, указывая пальцем на дверь, поклонился несколько раз. С большим трудом добрая женщина поняла наконец, в чем дело. Взяв меня в руки, она отнесла меня в сад и поставила на землю. Отойдя ярдов на двести, я сделал знак, чтобы она не смотрела на меня, спрятался между двумя листками щавеля и совершил свои нужды.

Надеюсь, благосклонный читатель извинит меня за то, что я останавливаю его внимание на такого рода подробностях. Пошлые и низменные умы, без сомнения, сочтут их ничтожными и неуместными. Однако истинный философ сумеет найти в них пищу для размышлений на благо общества. Попечение об этом благе является единственной целью опубликования описаний как настоящего, так и других моих путешествий. Больше всего я заботился о правде, нисколько не стараясь блеснуть ни образованностью, ни слогом. Все, что случилось со мной во время этого путешествия, произвело такое глубокое впечатление на мой ум и так отчетливо удержалось в моей памяти, что, поверяя эти события бумаге, я не мог опустить ни одного существенного обстоятельства. Тем не менее, после внимательного просмотра своей рукописи, я вычеркнул много мелочей из опасения показаться скучным и мелочным, в чем так часто и, быть может, не без основания обвиняют путешественников.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Дочь фермера. Автора отвозят в соседний город,
а потом в столицу. Подробности его путешествия*

У моей хозяйки была девятилетняя дочь. Девочка искусно владела иголкой, отлично одевала свою куклу и вообще была развита не по летам. Вместе с матерью она смастерила мне на ночь постель в колыбельке куклы. Колыбельку поместили в небольшой ящик, а ящик поставили на подвешенную к потолку полку, чтобы уберечь меня от крыс. В этом ящике я спал все время, пока жил у фермера. Но моя постель становилась удобнее и удобнее по мере того, как я осваивался с их языком и мог объяснить, что мне нужно. Девочка была настолько сметлива, что, увидя раз или два, как я раздеваюсь, могла и сама одевать и раздевать меня. Но я никогда не злоупотреблял ее услугами и предпочитал, чтобы она позволяла мне делать то и другое самому. Она сшила мне семь рубашек и другое белье из самого тонкого полотна, какое только можно было достать, но, говоря без преувеличения, это полотно было гораздо толще нашей дерюги; она постоянно собственноручно стирала его для меня. Девочка была также моей учительницей и обучала меня своему языку. Я пальцем указывал на какой-нибудь предмет, а она называла его. Уже через несколько дней

я мог попросить все, что мне было нужно. Она отличалась прекрасным характером и была для своих лет небольшого роста — всего около сорока футов. Она дала мне имя Г р и л ь д р и г. Это имя так и осталось за мной. Оно означает «человечек», «карлик»

Этой девочке я обязан тем, что остался цел и невредим среди испытаний, выпавших на мою долю в этой стране. Мы ни разу не разлучались за все время моего пребывания там. Я называл ее моей Г л ю м д а л ь к л и ч, то есть нянюшкой, и заслужил бы упрек в глубокой неблагодарности, если бы не упомянул здесь о заботах и теплой ко мне привязанности Глюмдальклич. Мне от всей души хотелось отплатить ей по заслугам. А вместо того я, кажется, оказался невольным виновником постигшей ее королевской опалы.

Вскоре после моего появления среди соседей пошли слухи, что мой хозяин нашел в поле странного зверька величиной почти со сплекнока (хорошенького местного зверька шести футов длины), но по виду совершенно похожего на человека. Говорили, что этот зверек подражает всем действиям человека, что он даже говорит на каком-то своем наречии и уже выучился произносить несколько слов на местном языке. Передавали, что он ходит, держась прямо на двух ногах, что он ручной, покорный, идет на зов и делает все,

что ему приказывают, что строение тела у него очень нежное, а лицо белее, чем у дворянской трехлетней девочки.

Один из фермеров, близкий сосед и большой приятель моего хозяина, пришел разведать, насколько справедливы все эти слухи. Меня немедленно вынесли и поставили на стол; я прохаживался взад и вперед, по команде вынимал из ножен кортик и вкладывал его обратно, делал реверанс гостю моего хозяина, спрашивал, как он поживает, говорил, что рад его видеть, — словом, в точности исполнял все, чему научила меня моя нянюшка.

Чтобы лучше рассмотреть меня, фермер, пожилой, подслеповатый человек, надел очки. Взглянув на него, я не мог удержаться от смеха, ибо сквозь очки глаза его казались похожими на полную луну, когда она светит в комнату в два окошка. Домашние, поняв причину моей веселости, тоже рассмеялись. Старик оказался настолько глуп, что рассердился и счел себя обиженным.

Он был известен как большой скряга; на мое несчастье, эта репутация оказалась вполне заслуженной. Он тут же дал моему хозяину поистине дьявольский совет — показывать меня как диковинку в ближайшем городе. От нашего дома до этого города было полчаса езды, то есть около двадцати двух миль. Когда старик начал что-то шептать хозяину, указывая по временам на меня, я сразу догадался, что затевается что-то недоброе. От страха мне показалось даже, что я уловил и понял несколько слов. Моя нянюшка Глюмдаלקлич искусно выведала все у матери и на другой день утром рассказала мне, о чем шла речь. Прижав меня к груди, бедная девочка заплакала от стыда и горя. Она боялась, чтобы грубые, неотесанные люди не причинили мне какого-нибудь вреда. Беря меня на руки, они легко могли задушить или изувечить меня. С другой стороны, она знала мою природную скромность и чувствительность в делах чести и опасалась, что я сочту за тяжкое оскорбление, если меня станут показывать за деньги на потеху толпы.

«Папа и мама, — сказала она, — обещали подарить мне Грильдрига, но теперь я вижу, что они хотят поступить так же, как в прошлом году, когда подарили мне ягненка: как только он отъелся, его продали мяснику».

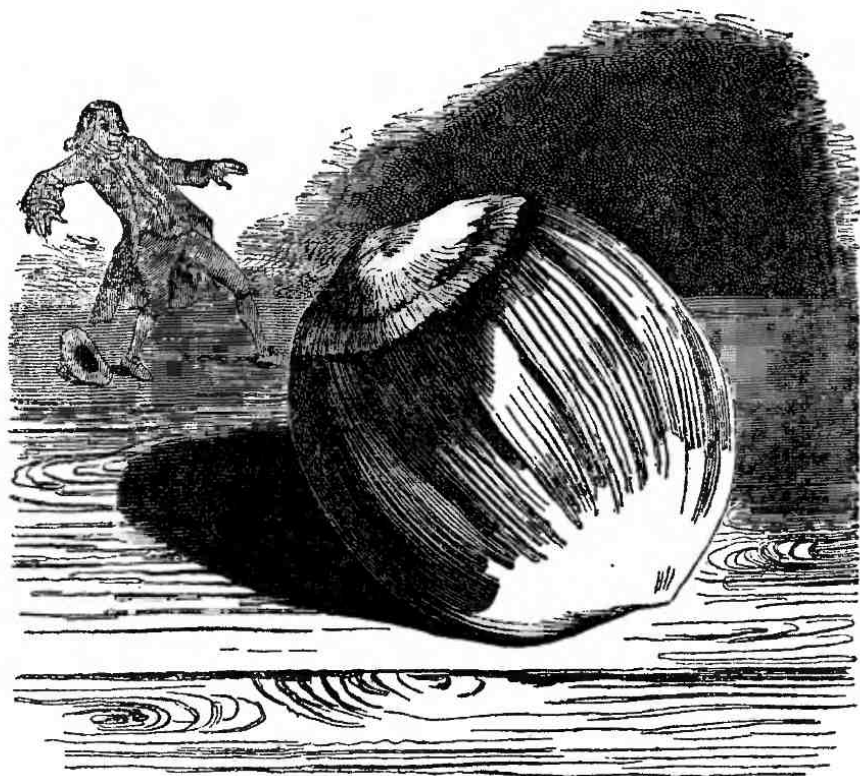
Признаюсь откровенно, я принял это известие совсем не так близко к сердцу, как моя нянюшка. Я твердо надеялся — и эта надежда никогда не покидала меня, — что в один прекрасный день я верну себе свободу. Конечно, было оскорбительно играть роль какой-то чудесной диковины, которую выставляют напоказ. Но я чувствовал себя совершенно чужим в этой стране и полагал, что в моем несчастье никто не вправе будет упрекнуть меня, если мне случится возвратиться в Англию. Даже сам король

Великобритании, окажись он на моем месте, был бы вынужден покориться такому унижению.

Послушавшись совета своего друга, мой хозяин в ближайший базарный день повез меня в ящике в соседний город. Он взял с собой и мою нянюшку, которую посадил на седло позади себя. Ящик был закрыт со всех сторон; в нем была только небольшая дверца, чтобы я мог входить и выходить, и несколько отверстий для доступа воздуха. Девочка была настолько заботлива, что положила в ящик стеганое одеяло с кровати куклы, на которое я мог лечь. Тем не менее поездка страшно растрясла и утомила меня, хотя она продолжалась всего полчаса. Каждый шаг лошади равнялся примерно сорока футам. Она бежала крупной рысью, и ее движения напоминали мне колебания корабля во время бури, когда он то вздымается на волну, то низвергается в бездну. Только у лошади движения были быстрее. Сделанный нами путь приблизительно равнялся пути между Лондоном и Сент-Ольбансом. Хозяин сошел с коня у гостиницы, где он обычно останавливался. Посоветовавшись с владельцем гостиницы, он нанял *г р у л ь т р у д а*, то есть глашатая. Этот глашатай должен был оповестить горожан о необыкновенном существе, которое будут показывать в гостинице под вывеской: «*С п л е к н о к* очень похож на человека, умеет произносить несколько слов и проделывает разные забавные штуки».

Меня поставили на стол в самой большой комнате гостиницы, величиной, вероятно, в триста квадратных футов. Моя нянюшка стояла на табурете возле самого стола, чтобы охранять меня и давать мне указания. Во избежание толкотни хозяин впускал в комнату не более тридцати человек сразу. По команде девочки я маршировал взад и вперед по столу; она задавала мне вопросы, и я громко отвечал на них. Несколько раз я обращался к присутствующим, то свидетельствуя им свое почтение, то выражая желание снова их видеть у себя. Я брал наперсток, наполненный вином, который Глюмдальклич дала мне вместо рюмки, и выпивал за здоровье публики. Я выхватывал кортик и размахивал им, как это делают учителя фехтования в Англии. Моя нянюшка дала мне соломинку, и я проделывал с ней упражнения, как с пикой. В юности меня обучали этому искусству. За день у меня перебивало двенадцать групп зрителей, и каждый раз мне приходилось сызнова повторять те же штуки. В конце концов все это страшно надоело мне и утомило до полусмерти. Видевшие представления рассказывали обо мне такие чудеса, что народ буквально ломился в гостиницу. Оберегая свои интересы, мой хозяин не позволял никому, кроме дочери, прикасаться ко мне; из предосторожности скамьи для зрителей были отставлены далеко от стола. Тем не менее какой-то школьник успел запустить в меня

орехом. Орех был величиной с нашу тыкву. К счастью, мальчишка промахнулся, иначе орех, наверное, раскоил бы мне череп. К моему удовольствию, озорника отколотили и выгнали вон из зала.

Хозяин объявил по городу, что в ближайший базарный день он снова будет меня показывать. Тем временем он изготовил для меня более удобное походное жилище. Я очень нуждался в нем. Первое путешествие и непрерывное восьмичасовое представление довели меня до полного изнеможения. Я еле держался на ногах и едва мог выговорить слово. Мне понадобилось целых три дня, чтобы отдохнуть и прийти в себя, тем более что и дома я не знал покоя. Соседние дворяне, наслышавшись обо мне, постоянно приезжали к хозяину посмотреть на диковину. Каждый день у меня бывало не менее тридцати человек с женами и детьми. Мой хозяин наживал на этом хорошие деньги, так как, показывая меня дома, он всегда требовал плату за полную залу, хотя бы в ней находилось только одно семейство. Таким образом, в течение нескольких недель я почти не имел отдыха (кроме среды — их воскресенья), несмотря на то что меня не возили в город.

Видя, что я могу принести ему большие барыши, хозяин решил объехать со мной все крупные города королевства. Собрав все необходимое для долгого путешествия и сделав распоряжения по хозяйству, он простился с женой, и 17 августа 1703 года, то есть через два месяца после моего прибытия, мы отправились в столицу, расположенную почти в центре этой страны, на расстоянии трех тысяч миль от нашего дома. Хозяин посадил позади себя свою дочь Глюмдальклич. Она держала меня на коленях в ящике, пристегнутом к ее поясу. Девочка обила стенки ящика самой мягкой материей, какую только можно было найти, а пол устлала войлоком, поставила мне кроватку куклы, снабдила меня бельем и всем необходимым и вообще постаралась устроить меня как можно удобнее. Нас сопровождал один работник, ехавший за нами с багажом.

Мой хозяин показывал меня во всех городах, лежавших на нашем пути. Иногда он сворачивал на пятьдесят и даже на сто миль в сторону от дороги, в какой-нибудь поселок или в имение знатного человека, где надеялся хорошо заработать. Мы делали в день не больше ста сорока или ста шестидесяти миль, потому что Глюмдальклич, заботясь обо мне, жаловалась, что устает от верховой езды. По моему желанию, она часто вынимала меня из ящика, чтобы дать подышать свежим воздухом и посмотреть окрестности. При этом она крепко держала меня за помочи. Мы переправлялись через пять или шесть рек, в несколько раз шире и глубже Нила и Ганга. Едва ли по дороге нам встретился хоть один такой маленький ручеек, как Темза у Лондонского моста. Мы пробыли в пути десять недель. В течение этого времени меня показывали в восемнадцати больших городах, не считая множества деревень и частных домов.

25 октября мы прибыли в столицу по имени Лорбрульгруд, или Гордость Вселенной. Мой хозяин остановился на главной улице, неподалеку от королевского дворца, и выпустил афиши с точным описанием моей особы и моих дарований. Он нанял большой зал, шириной в триста или четыреста футов, и поставил в нем стол футов шестидесяти в диаметре; стол этот был обнесен решеткой, высотой в три фута, чтобы предохранить меня от падения. На нем я должен был проделывать свои упражнения. К общему удовлетворению и восхищению, меня показывали по десять раз в день. В это время я уже довольно сносно говорил на местном языке и превосходно понимал все задаваемые мне вопросы. Мало того, я выучил азбуку и мог читать нетрудные фразы. Этим я был обязан моей Глюмдальклич, которая занималась со мной дома, а также во время путешествия. Она взяла с собой маленькую книжечку, заключающую в себе краткий катехизис для девочек. По этой книжечке она выучила меня азбуке и чтению.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

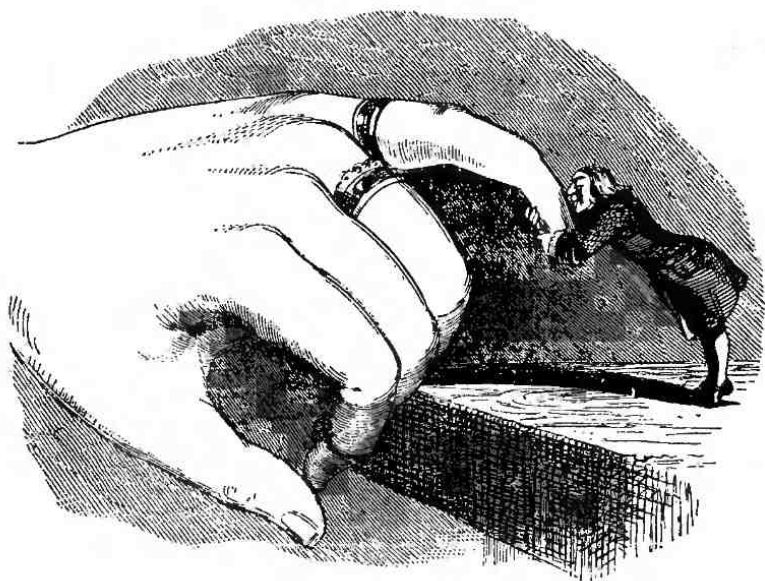
Автора требуют ко двору. Королева покупает его у фермера и представляет королю. Автор вступает в диспут с великими учеными его величества.

Ему устраивают помещение во дворце.

Он в большой милости у королевы. Он защищает честь своей родины. Его ссоры с карликом королевы

Ежедневные представления, продолжавшиеся в течение нескольких недель, сильно подорвали мое здоровье. Чем больше денег получал хозяин, тем ненасытнее он становился. Я совсем потерял аппетит и стал похож на скелет. Заметив это, фермер пришел к заключению, что я скоро умру, и потому решил извлечь из меня все, что только возможно. Но как раз в это время к нему явился с л а р д р а л, или королевский адъютант, с требованием немедленно доставить меня во дворец для развлечения королевы и придворных дам. Некоторые из этих дам уже успели посмотреть меня и распустили необыкновенные слухи о моей красоте, хороших манерах и большой сообразительности. Ее величество и свита пришли от меня в неопиcуемый восторг. Я упал на колени и попросил позволения поцеловать ногу ее величества, но королева милостиво протянула мне мизинец, который я обнял обеими руками и с глубоким почтением поднес к губам. Она задала мне несколько вопросов относительно моей родины и путешествий. Я отвечал на них коротко и отчетливо. Затем она спросила, буду ли я доволен, если меня оставят во дворце. Я низко поклонился королеве и скромно отвечал, что я раб своего хозяина, но что если бы я был свободен распоряжаться своей судьбой, то с радостью посвятил бы свою жизнь служению ее величеству. Тогда королева спросила моего хозяина, согласен ли он продать меня за хорошую цену. Мой хозяин очень обрадовался случаю отделаться от меня, так как боялся, что я не проживу и месяца. Он запросил тысячу золотых, которые тут же ему были отсчитаны. В переводе на английские деньги эта сумма равна примерно тысяче гиней. Когда сделка была закончена, я обратился к королеве с просьбой.

«Теперь,— сказал я,— в качестве преданнейшего вассала вашего величества, я осмеливаюсь просить у вас особой милости. Моя нянюшка, Глюмдальклич, всегда была очень добра и внимательна ко мне. Она прекрасно изучила мои привычки и отлично ухаживает за мной. Поэтому я прошу ваше величество принять ее к себе на службу, чтобы она по-прежнему оставалась моей нянюшкой и наставницей».

Королева согласилась на мою просьбу. Отец девочки был очень доволен, что его дочь устроена при дворе, а сама Глюмдааль-клич не могла скрыть свою радость. Мой бывший хозяин удалился, пожелав мне всякого благополучия. Он прибавил, что оставляет меня на прекрасной службе. Я не ответил ему ни слова и ограничился только легким поклоном.

Королева заметила мою холодность и, когда фермер оставил апартаменты, спросила о ее причине. Я взял на себя смелость подробно ответить ее величеству.

«Этому человеку я обязан только тем,— сказал я,— что мне, бедному, безобидному созданию, не размозжили голову, когда случайно нашли на его поле. Однако фермер с избытком вознагражден за это одолжение. Он выручил за меня столько денег, что стал богатым человеком. А между тем жилось мне у него очень плохо. Любое животное не вынесло бы той жизни, какую он для меня создал. Он принуждал меня с утра до ночи забавлять зевак. Это так подорвало мое здоровье, что фермер опасался за мою жизнь. Только поэтому он и уступил меня так дешево. Но я надеюсь, что его опасения напрасны. Под покровительством столь великой и милостивой государыни, украшения природы, любви вселенной, улады своих подданных, феникса* творения, мне нечего бояться дурного обращения, и я не сомневаюсь, что я очень быстро поправлюсь. Уж от одного присутствия вашего величества я чувствую себя гораздо лучше и бодрее».

Такова была в общих чертах моя речь. Она была очень нескладна, и я произнес ее с большими запинками. В конце я пустил в ход несколько принятых здесь в обращении к августейшим особам выражений. Им научила меня Глюмдальклич.

Королева весьма снисходительно отнеслась к моему недостаточному знанию языка. Она была крайне удивлена тем, что нашла в таком маленьком создании столько ума и здравого смысла. Она взяла меня в руку и понесла в кабинет к королю. Его величество государь, важный и суровый, мельком взглянул на меня и холодно спросил королеву, с каких это пор она пристрастилась к сплетням. Я лежал ничком на правой руке королевы, и, по-видимому, он принял меня за это животное. Государыня, отличавшаяся тонким умом и веселым характером, бережно поставила меня на письменный стол и приказала рассказать его величеству о моих приключениях. Я кратко описал все, что со мной случилось. Глюмдальклич, получив позволение войти, подтвердила мои слова.

Король был одним из самых ученых людей во всем государстве и получил отличное философское и особенно математическое образование. Он внимательно рассмотрел меня. Видя, что я хожу прямо, он сначала принял меня за заводную фигурку с часовым механизмом, сделанную каким-нибудь изобретательным мастером. Но когда он услышал мой голос и убедился, что я говорю связно и разумно, то не мог скрыть своего удивления. Он не поверил ни одному слову из моего рассказа. По-видимому, он подозревал, что вся эта история выдумана Глюмдальклич и ее отцом, которые заставили меня заучить ее, чтобы выгоднее меня продать. Ввиду этого он задал мне ряд других вопросов, на которые получил вполне разумные ответы. Единственным недостатком моей речи было плохое произношение и несколько неловких оборотов, свидетельствовавших о дурном знании языка. Кроме того, я употребил несколько неуместных при дворе простонародных выражений, которые часто слышал в семье фермера. Все это было вполне простительно для иностранца.

По обычаям этого государства, при дворе постоянно дежурили ученые, сменявшиеся каждую неделю. Его величество распорядился немедленно пригласить их.

Эти господа долго и тщательно изучали мою внешность и пришли к противоречивым выводам. Только в одном они были единодушны: такое создание, как я, не могло явиться на свет согласно нормальным законам природы, ибо я лишен способности самосохранения: не умею быстро бегать, или взбираться на деревья, или рыть норы в земле. Обследовав внимательно мои зубы, ученые признали, что я животное плотоядное. Но они не могли понять, как я добываю себе пищу, потому что большинство четвероногих сильнее меня, а полевая мышь и некоторые другие отличаются

гораздо большим проворством. Сначала они склонялись к мысли, что я питаюсь улитками и разными насекомыми, но после многих ученейших рассуждений и споров это предположение было отвергнуто.

Один из этих мудрецов высказался в том смысле, что я являюсь только зародышем или недоноском. Но двое других опровергли это мнение, указав на то, что все члены моего тела вполне развиты и что я живу уже много лет, о чем красноречиво свидетельствует моя борода, которую они отчетливо видели в лупу. Они не могли также признать меня простым карликом: я был слишком мал для этого. Любимый карлик королевы, самый маленький человек во всем государстве, был ростом в тридцать футов.

После долгих споров они пришли к единодушному заключению, что я не что иное, как *р е л ь п л ю м с к о л ь к а т с*, что в буквальном переводе означает *l u s u s n a t u r a e* (игра природы). Это определение вполне в духе современной европейской философии. Как известно, наши философы любят разрешать все трудности, встречающиеся при изучении природы, ссылкой на это чудесное, но маловразумительное явление. В этом, без сомнения, сказывается великий прогресс человеческого знания*.

Выслушав это мудрое заключение, я попросил позволения сказать несколько слов. Обратившись к королю, я уверил его величество, что прибыл из страны, где живут миллионы существ одинакового со мной роста. Там все животные, деревья, дома имеют соответственно меньшие размеры, чем здесь. Поэтому у себя дома я так же способен защищаться и добывать себе пищу, как делает это здесь любой подданный его величества, так что все аргументы господ ученых несостоятельны.

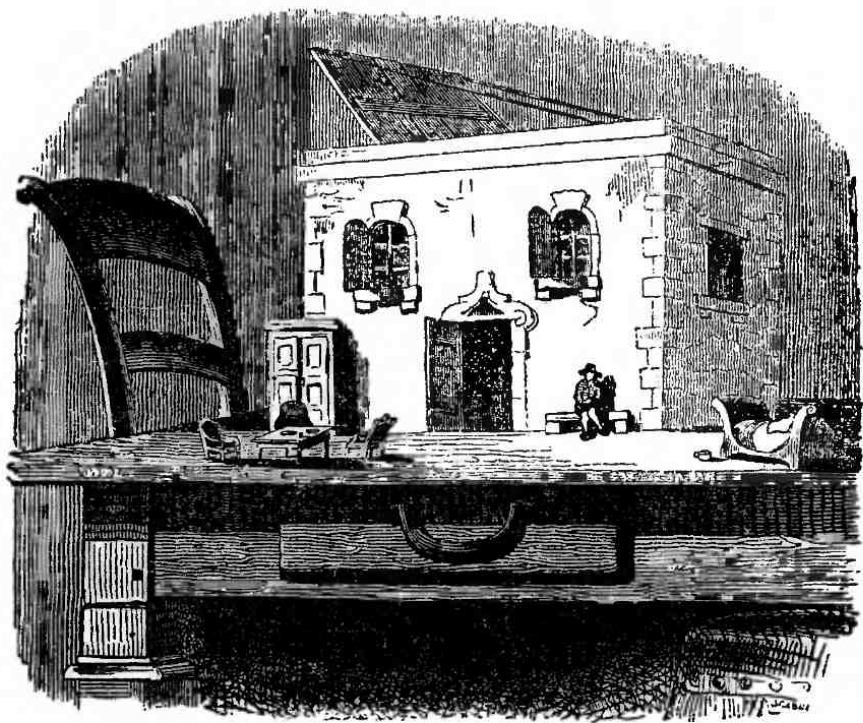
На это они с презрительной улыбкой заявили, что фермер давал мне прекрасные уроки. Король, человек гораздо более рассудительный, чем все эти ученые мужи, отпустил их и послал за фермером. К счастью, он еще не успел уехать из города. Расспросив фермера наедине, а потом устроив ему очную ставку со мной и дочерью, его величество стал склоняться к мысли, что все рассказанное мною близко к истине. Он выразил желание, чтобы королева окружила меня особыми заботами, и изъявил согласие оставить при мне Глюмдальклич, потому что сразу заметил нашу взаимную привязанность.

Для девочки было отведено помещение при дворе; ей назначили гувернантку, которая должна была заняться ее воспитанием, горничную, чтобы одевать ее, и еще двух служанок для других услуг. Но попечение обо мне было всецело возложено на Глюмдальклич.

Королева приказала придворному столяру смастерить ящик, который мог бы служить мне спальней. Этот столяр был замеча-

тельный мастер: в три недели он соорудил, по моим указаниям, деревянную комнату в шестнадцать футов длины и ширины и двенадцать футов высоты, с опускающимися окнами, дверью и двумя шкафами, как обыкновенно устраиваются спальни в Лондоне. Потолок был устроен так, что его можно было открывать и закрывать. Это давало возможность Глюмдальклич ежедневно проветривать и убирать комнату.

Королевский обойщик изготовил для меня прекрасную кровать, и моя нянюшка каждое утро выносила ее на воздух, собственноручно убирала, а вечером снова ставила на место.

Другой мастер, специалист по изящным безделушкам, сделал для меня из какого-то особенного материала, похожего на слоновую кость, два кресла с подлокотниками и спинками, два стола и комод. Все стены комнаты, а также потолок и пол были обиты войлоком, для предупреждения несчастных случаев при переноске моего жилища, а также для того, чтобы ослабить тряску во время езды в экипаже.

Я попросил сделать в двери замок, чтобы оградить мою комнату от крыс и мышей. После многих усилий слесарю удалось наконец изготовить самый крошечный замочек, какой здесь только видели, но мне только раз случилось видеть больший у ворот одного барского дома в Англии. Ключ я всегда носил в кармане, боясь, чтобы Глюмдальклич его не потеряла.

Королева приказала сделать мне костюм из самой тонкой шелковой материи, какую только можно было найти. И все же эта материя была толще английских одеял и доставляла мне немало бес-

покойств, пока я не привык к ней. Костюм был шит по местной моде, напоминавшей частью персидскую, частью китайскую, и был очень скромн и приличен.

Королева так полюбила мое общество, что никогда не обедала без меня. На стол, за которым сидела ее величество, возле ее левого локтя ставили мой столик и стул. Глюмдальклич стояла около меня на табурете: она присматривала и прибирала за мной.

У меня был полный серебряный сервиз, состоявший из блюд, тарелок и другой посуды; по сравнению с посудой королевы он напоминал детские кукольные сервизы, какие мне случалось видеть в лондонских игрушечных лавках. Моя нянюшка носила этот сервиз в кармане в серебряном ящике; за обедом она ставила что было нужно на моем столе, а после обеда сама все мыла и чистила.

Кроме королевы, за ее столом обедали только две ее дочери-принцессы; старшей было шестнадцать лет, а младшей тринадцать и один месяц. Ее величество имела обыкновение собственноручно класть мне на блюдо кусок говядины, который я резал сам. Наблюдать за моей едой и моими крошечными порциями доставляло ей большое удовольствие. Сама же королева брала в рот сразу такой кусок, который насытил бы дюжину английских фермеров.

Первое время я не мог смотреть без отвращения, как она ела. Она грызла и съедала с костями крылышко жаворонка, хотя оно было в десять раз больше крыла нашей индейки, и откусывала кусок хлеба величиной в две наши ковриги по двенадцать пенни. Она залпом выпивала золотой кубок вместительностью с нашу бочку. Ее столовые ножи были в два раза больше нашей косы, если ее выпрямить. Соответственного размера были также ложки и вилки. Однажды Глюмдальклич снесла меня в столовую, чтобы показать мне лежавшие вместе десять или двенадцать этих огромных ложек и вилок. Мне кажется, что я никогда не видел более страшного зрелища.

Каждую среду (среда здесь считается праздничным днем) король, королева и их дети обыкновенно обедали вместе в покоях его величества. На таких обедах мой стул и стол ставили по левую руку его величества, любимцем которого я сделался.

Государь с удовольствием беседовал со мной. Он подробно расспрашивал меня о Европе, тамошних нравах, религии, знаковых, просвещении, и я по мере сил давал ему обо всем самые подробные сведения. Ум короля отличался большой ясностью, а суждения точностью, и он делал чрезвычайно глубокие и тонкие замечания по поводу сообщаемых мною фактов. Но один раз король не выдержал. Я долго и с увлечением распространялся о моем любезном отечестве, о нашей торговле, войнах на суше и море, о рели-

гиозном расколе и политических партиях. Король внимательно слушал, но наконец в нем заговорили предрассудки воспитания. Он взял меня в правую руку и, лаская левой рукой, с громким смехом спросил, кто же я: виг или тори? Затем, обратясь к первому министру, который стоял тут же с белым жезлом длиной в готмачту английского корабля «Монарх», король заметил, как ничтожно человеческое величие, если такие крохотные насекомые, как я, могут его перенимать. «Держу пари,— добавил он,— что у этих созданий существуют титулы и ордена; они мастерят гнездышки и норки и называют их домами и городами; они щеголяют нарядами и выездами, они любят, сражаются, ведут диспуты, плутуют, изменяют».

Он довольно долго говорил на эту тему, и краска гнева покрывала мое лицо. Я кипел от негодования, слушая эти презрительные отзывы о моем благородном отечестве, рассаднике наук и искусств, победителе в битвах, биче Франции, третейском суде Европы, кладезе добродетели и набожности, чести и истины, гордости и зависти вселенной.

Но по зрелом размышлении я стал сомневаться, следует ли мне считать себя обиженным, тем более что в моем положении я не мог отвечать на обиды обидами. За несколько месяцев пребывания в этой стране я привык к внешности и разговорам ее обитателей. К тому же все вокруг по своим размерам вполне соответствовало гигантскому росту этих людей. Мало-помалу они перестали возбуждать во мне страх. Мне стало казаться, будто я нахожусь в обществе разряженных в праздничные платья английских лордов и леди, с их важной поступью, поклонами и пустой болтовней. Сказать правду, у меня нередко рождалось такое же сильное искушение посмеяться над ними, какое испытывал король и его вельможи, глядя на меня. Я не мог также удержаться от улыбки над самим собой, когда королева подносила меня к трюмо, где мы оба видны были во весь рост. Ничто не могло быть смешнее этого контраста. Подчас я испытывал такое ощущение, будто не они великаны, а я сам уменьшился в несколько раз.

Больше, чем все другие, меня раздражал и оскорблял карлик королевы. Его рост не превышал тридцати футов, и до моего появления он был самым маленьким человечком во всей стране. Немудрено, что при виде создания, во много раз уступавшего ему ростом, он гордо подбоченивался и нагло поглядывал на меня при встречах в передней королевы.

Когда мне случалось, стоя на столе, беседовать с придворными, он никогда не пропускал случая отпустить какую-нибудь остроту насчет моего роста и наружности. В отместку я называл его своим братом или вызывал на поединок — словом, пускал в ход все уловки, принятые среди придворных пажей.

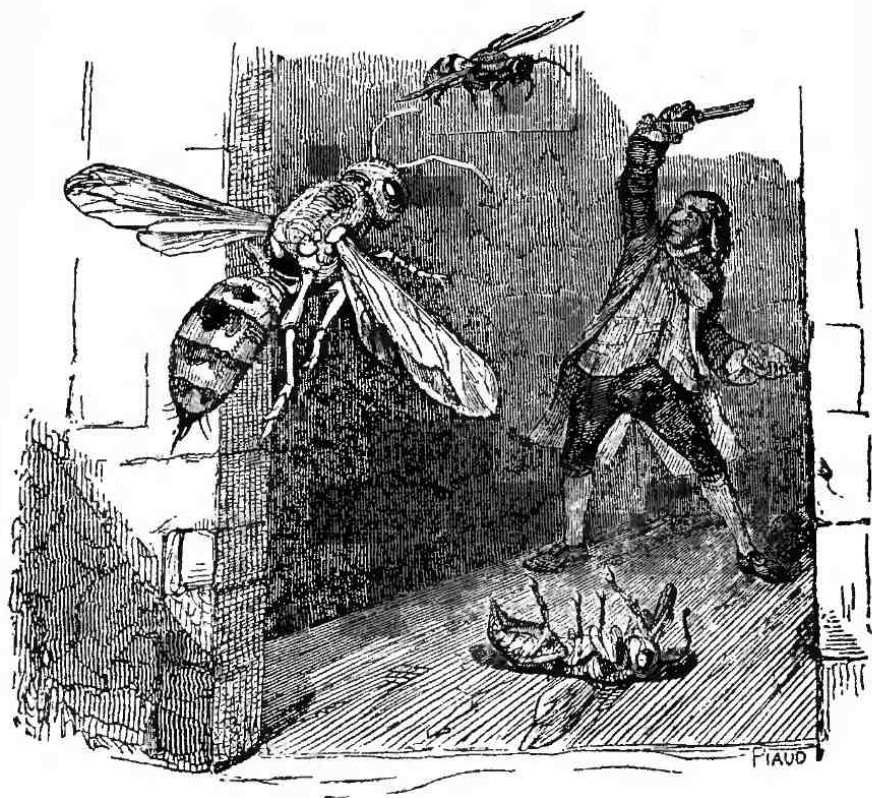

Однажды за обедом этот злобный щенок так рассердился на какое-то мое замечание, что, взобравшись на ручки кресла ее величества, схватил меня за талию и бросил в серебряную чашку со сливками. Я окунулся с головой в сливки. К счастью, я отличный пловец. В противном случае мне пришлось бы очень плохо. Глюмдалклич в эту минуту находилась на другом конце комнаты, а королева так растерялась, что не могла помочь мне. Наконец прибежала моя нянюшка и вынула меня из чашки. Однако я успел проглотить пинты две сливок. Меня уложили в постель. К счастью, все обошлось благополучно. Только костюм был испорчен, и его пришлось выбросить. Карлика больно высекли и, кроме того, заставили выпить чашку сливок, в которых по его милости я искупался. С тех пор карлик навсегда потерял расположение королевы. Спустя некоторое время она подарила его одной знатной даме, и я его больше не видел. Я был очень рад этому. Трудно сказать, что еще мог придумать этот злобный урод.

Еще раньше он сыграл со мной одну грубую шутку. Однажды за обедом ее величество взяла на тарелку мозговую кость и, потряхнув из нее мозг, положила обратно на блюдо. Карлик, улучи момент, когда Глюмдальклич пошла к буфету, вскочил на табуретке на котором она всегда стояла, присматривая за мной во время обеда, схватил меня обеими руками и, стиснув мне ноги, засунул вышпоя в пустую кость. Мне казалось унижительным звать на помощь, и прошло, вероятно, не меньше минуты, прежде чем эту проказу заметили и освободили меня из плена. Должно быть, я представлял собой очень смешную фигуру. При дворе редко подают горячие кушанья. Только этому обстоятельству я обязан тем, что не обжег ног, но мои чулки и панталоны оказались в плачевном состоянии. Хотя королева не могла удержаться от смеха, но все же она очень рассердилась на карлика. Только мое заступничество спасло его от изгнания.

Королева часто смеялась над моей боязливостью и спрашивала, все ли мои соотечественники такие же трусы. Поводом к насмешкам королевы послужило следующее обстоятельство. Летом здесь множество мух. Эти проклятые насекомые величиной с

крупного жаворонка не давали мне за обедом ни минуты покоя. Они садились иногда на мое кушанье, оставляя на нем свои омерзительные испражнения или яйца, которые я легко различал простым глазом. Иногда мухи садились мне на нос или на лоб и кусали меня до крови. От них шел отвратительный запах. А на их лапках я замечал следы того липкого вещества, которое, по словам наших натуралистов, позволяет этим насекомым свободно гулять по потолку. Мне стоило больших хлопот защищаться от гнусных тварей. Любимой забавой карлика было набрать в кулак несколько мух, как это делают у нас школьники, и неожиданно выпустить их мне под нос, чтобы рассмешить королеву и испугать меня. Единственной моей защитой от мух был кортик, которым я рассекал их на части, в то время, когда они подлетали ко мне. Своей ловкостью я вызывал общее восхищение.

В хорошую погоду Глюмдальклич каждое утро ставила мой

ящик на подоконник, чтобы я мог подышать свежим воздухом. Замечу кстати, что я никогда не соглашался, чтобы мой ящик вешали за окном, как у нас в Англии вешают клетки с птицами. Помню, как однажды утром она поставила ящик и куда-то ушла. Я открыл окно, сел на стол и принялся завтракать куском сладкого пирога. Вдруг штук двадцать ос, привлеченных запахом, влетели в мою комнату. Комната наполнилась таким жужжаньем, словно в ней заиграло двадцать волюнок. Одни завладели моим пирогом и раскрошили его на кусочки, другие кружились у меня над головой, оглушая меня жужжаньем и наводя неописуемый ужас своими жалами. Тем не менее у меня хватило храбрости выхватить кортик и напасть на них. Четырех я убил, остальные улетели, после чего я мгновенно захлопнул окно. Эти насекомые были величиной с куропатку. Я вытащил у убитых жала. Они достигали полутора дюймов в длину и были остры, как иглы. Все четыре жала я тщательно сохранил и потом показывал вместе с другими редкостями в Европе. По возвращении в Англию три я отдал в Грешэм-колледж, а четвертое оставил у себя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Описание страны. Предлагаемое автором исправление географических карт. Королевский дворец.

Несколько слов о столице. Как автор путешествовал.

Описание главного храма

Теперь я намерен дать краткое описание страны — вернее, той ее части, которую я успел осмотреть во время своих поездок, примерно тысячи на две миль вокруг Лорбрульгруда, столицы королевства. Эти поездки я совершал, сопутствуя королеве, а она никогда не удалялась от столицы на большее расстояние, даже сопровождая короля в его путешествиях, она не ехала с ним дальше, а останавливалась и ждала возвращения его величества. Владения этого монарха простираются на шесть тысяч миль в длину и от трех до пяти тысяч миль в ширину. Отсюда я заключаю, что наши европейские географы совершают большую ошибку, предполагая существование сплошного океана между Японией и Калифорнией*. Я был всегда того мнения, что здесь непременно должна быть земля, служащая противовесом громадному материку Татарии. По-моему, им необходимо исправить свои карты и нанести на них эту огромную страну. Я охотно окажу им всяческое содействие.

Описываемое королевство представляет полуостров, огра-

ниченный на северо-востоке горным хребтом высотой до тридцати миль. Этот хребет совершенно непроходим, так как все его вершины — действующие вулканы. Величайшие ученые не знают, кто обитает по ту сторону гор и можно ли там жить. С трех остальных сторон полуостров окружен океаном. Но во всем королевстве нет ни одного удобного порта. Побережье, где реки впадают в море, густо усеяно острыми скалами. Между скал всегда бушует свирепый прибой. Словом, прибрежная полоса моря недоступна даже самым маленьким лодкам. Зато огромные реки судоходны и изобилуют превосходной рыбой. Морскую же рыбу они ловят редко, потому что она такой же величины, как и в Европе, и, следовательно, слишком мелка для них.

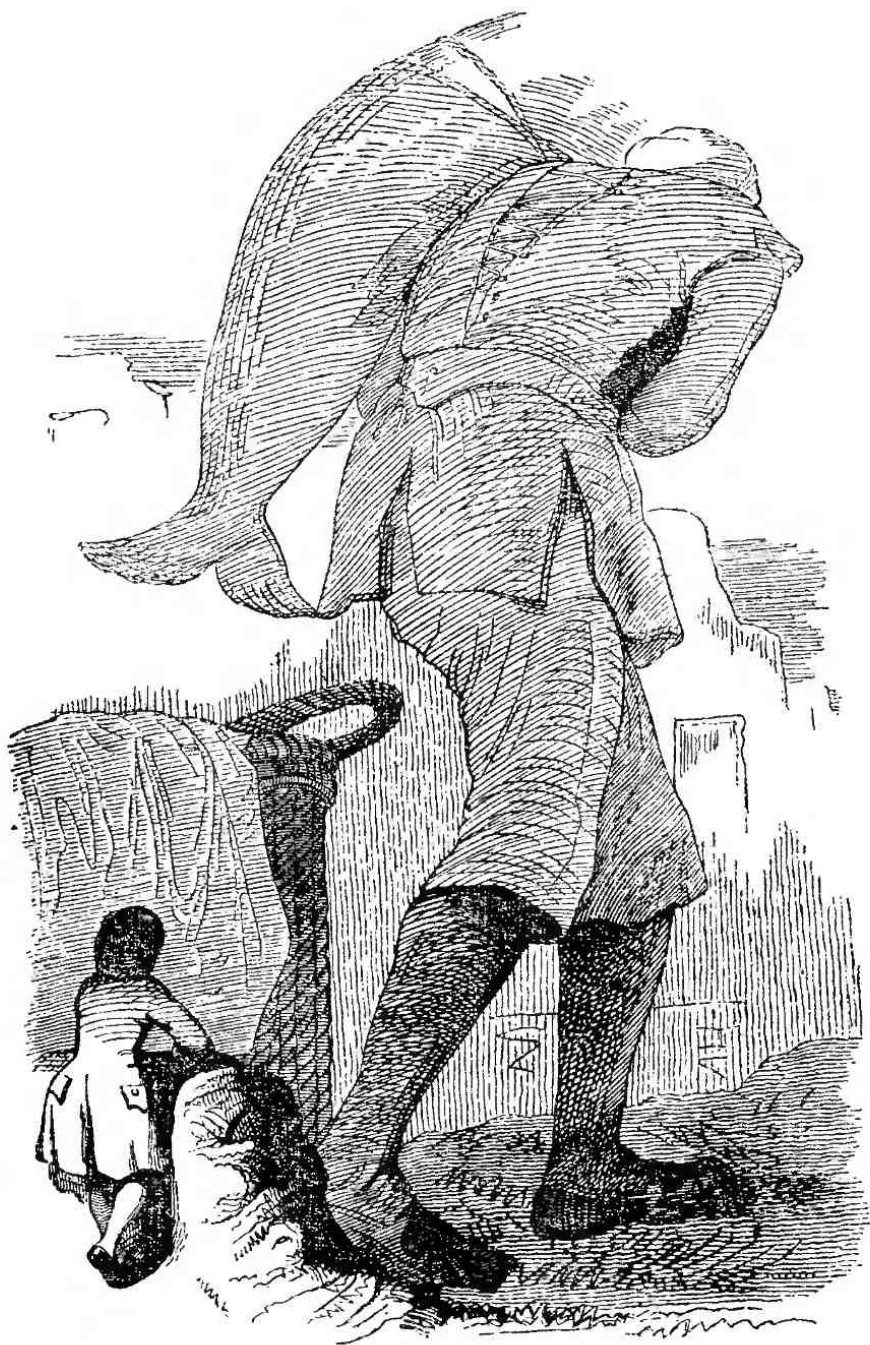
Читатель видит, что природа, создав животных и растения столь необычайных размеров ограничила их распространение только этим континентом. Отыскать причины этого явления я предоставляю нашим философам. Впрочем, бури выбрасывают иногда китов на прибрежные скалы; туземцы ловят их и охотно употребляют в пищу. Я видел как-то кита, которого человек с трудом мог нести на плечах. Иногда, как диковинку, их привозят в корзинах в Лорбрульгруд.

Однажды мне пришлось видеть огромного кита за королевским столом; его подавали как редкое блюдо, но я не заметил, чтобы это кушанье понравилось королю. Мне кажется, что он чувствовал отвращение к этому исполнину китовой породы.

Страна плотно населена. В ней насчитывается пятьдесят один большой город, около ста крепостей, обнесенных стенами, и большое число деревень. Для удовлетворения любопытства читателей достаточно будет описать Лорбрульгруд. Город расположен по обоим берегам реки, которая делит его на две почти равные части. В нем свыше восьмидесяти тысяч домов и около шестисот тысяч жителей. Он тянется в длину на три г л ю н г л ю н г а (что составляет около пятидесяти четырех английских миль), а в ширину — на два с половиной г л ю н г л ю н г а. Я сам произвел эти измерения на плане величиной в сто квадратных футов, составленном по приказанию короля и нарочно для меня разложенном на земле. Я снял башмаки, взшел на план, шагами измерил несколько раз его диаметр и окружность. После этого я без труда определил по масштабу точные размеры города.

Королевский дворец представляет беспорядочную группу зданий, занимающих семь миль в окружности. Парадные залы имеют по большей части двести сорок футов высоты и соответствующую длину и ширину.

Для меня и моей нянюшки была предоставлена карета. Глюм-дальклич в сопровождении гувернантки часто ездила осматривать город или делать покупки. В этих прогулках я всегда принимал

участие, сидя в своем ящике. Впрочем, по моей просьбе, девочка нередко вынимала меня оттуда и держала на руке, чтобы я мог удобнее рассматривать дома и людей, когда мы проезжали по улицам. Мне кажется, что наша карета была не меньше Вестминстер-Голла*, но не такая высокая. Однажды гувернантка приказала кучеру остановиться возле лавок. Воспользовавшись этим случаем, по сторонам кареты столпились нищие. Для моего непривычного европейского глаза это было ужасное зрелище. Среди нищих была женщина с такими ранами на груди, что я легко мог в них забраться и скрыться там, как в пещере. У другого нищего на шее висел зоб величиной в пять тюков шерсти. Третий стоял на деревянных ногах высотой в двадцать футов каждая. Но омерзительнее всего были вши, ползавшие по их одежде. Простым глазом я различал лапы этих паразитов гораздо лучше, чем мы видим в микроскоп лапки европейской вши. Так же ясно я видел их рыла, которыми они копались в коже несчастных, словно свиньи. В пер-

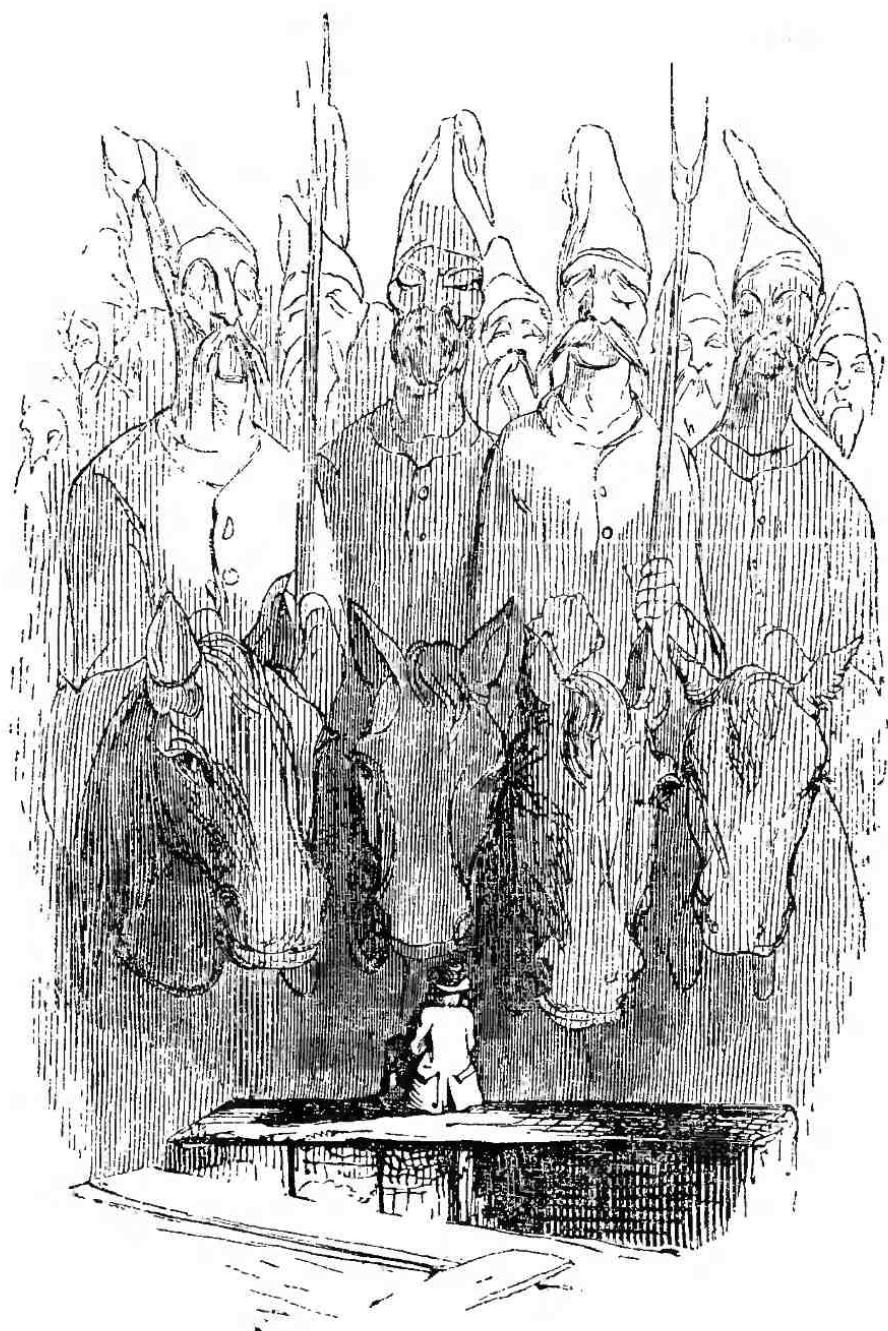
ный раз в жизни мне случилось встретить подобных животных. И бы с большим интересом анатомировал одно из них, несмотря на то, что их вид возбуждал во мне тошноту. Но у меня не было хирургических инструментов: они, к несчастью, остались на корабле.

Большой ящик, где я жил, был очень неудобен для поездок: он с трудом помещался на коленях Глюмдальклич и загромождал карету. Поэтому королева заказала специальный дорожный ящик, поменьше, около двенадцати футов в длину. Этот второй ящик был сделан, по моим указаниям, тем же самым мастером. Он был квадратный, и в трех его стенках было проделано по окну; для предохранения от всяких неприятных случайностей в пути каждое окно было защищено снаружи железной проволокой. К четвертой, глухой стороне были прикреплены две прочные скобы; когда мне хотелось прокатиться на лошади, всадник просовывал в них кожаный ремень и пристегивал ящик к своему поясу. Эту обязанность всегда исполнял верный и опытный слуга, на которого я мог положиться. Такие поездки я совершал довольно часто. Иногда я сопровождал короля и королеву в их путешествиях, иногда отправлялся осматривать парки и сады, нередко я делал визиты придворным дамам или министрам. Надо заметить, что очень скоро я познакомился с самыми высокими сановниками. Все они оказывали мне величайшее почтение — конечно, не столько ради моих личных достоинств, сколько потому, что я был в милости у их величеств.

Если во время далеких путешествий меня утомляла езда в карете, слуга, ехавший верхом, пристегивал к поясу мой ящик и ставил его на подушку перед собой. Таким образом я мог из окон осматривать окрестности. В ящике у меня были походная постель — гамак, подвешиваемый к потолку, два стула и стол, крепко привинченные к полу, чтобы они не могли опрокинуться во время движения лошади или кареты. Мне самому, как старому моряку, дорожная тряска — по временам очень сильная — не причиняла большого беспокойства.

Каждый раз, когда у меня возникало желание посмотреть город, я входил в свой дорожный кабинет, Глюмдальклич ставила его к себе на колени, садилась в открытый портшез, и нас, согласно обычаю этой страны, несли четыре человека в сопровождении двух камер-лакеев королевы. Народ, наслышавшись обо мне, всегда толпился вокруг портшеза. Тогда девочка приказывала носильщикам остановиться и поднимала меня на руке, чтобы любопытным было удобнее меня рассматривать.

Мне очень хотелось посетить главный храм и особенно высившуюся над ним башню, которая считалась самой высокой в королевстве. И вот однажды моя нянюшка поднялась со мной на самый

верх. Но, сознаюсь откровенно, я вернулся домой разочарованным. Считая от основания до вершины, высота башни не превышала трех тысяч футов. Если принять во внимание разницу в росте между европейцем и туземцем, такая высота не казалась сколько-нибудь удивительной. Строго говоря, эта башня была намного ниже колокольни собора в Солсбери*, — разумеется, пропорционально росту строителей того и другого здания. Но я совсем не хочу умалять даровитость нации, которой я столь многим обязан. Поэтому я рад сказать, что относительно небольшая высота этой башни с избытком искупается ее исключительной красотой и прочностью. Стены ее, толщиной почти в сто футов, сложены из тесаных камней. Каждый из этих камней равен сорока кубическим футам. В стенах устроены ниши, где высятся мраморные статуи богов и императоров больше чем в натуральную величину. В куче мусора возле башни валялся отломанный мизинец от одной статуи. Я измерил его и нашел, что длина его равняется четырем футам и одному дюйму. Глюмдалклич завернула этот обломок в платок и положила себе в карман. Как и все дети, она очень любила разные безделушки и с увлечением собирала их.

Королевская кухня — поистине величественное здание со сводами высотой около шестисот футов. Главная печь имеет в ширину только на десять шагов меньше, чем купол св. Павла*, который я нарочно измерил по возвращении в Англию. Но, я думаю, мне никто не поверит, если я стану описывать рашперы*, чудовищные горшки и котлы и другие гигантские принадлежности этой кухни. Строгие критики, наверно, подумают, что я, подобно всем путешественникам, несколько преувеличиваю. А в то же время я опасюсь, как бы мне при попытке избежать упреков в преувеличении не впасть в другую крайность. Возможно, что когда-нибудь эти записки будут переведены на бробдинггеский язык (Бробдинггег — название этого королевства), и мне бы очень не хотелось, чтобы король и его подданные имели основание обижаться на меня за то, что я дал ложное и преуменьшенное представление об их стране.

Его величество редко держит в своих конюшнях более шестисот лошадей. Ростом они от пятидесяти четырех до шестидесяти футов. Во время торжественных выездов короля сопровождает гвардия в количестве пятисот всадников. Долгое время мне казалось, что не может быть зрелища более блистательного и величественного. Но мне пришлось переменить мнение, когда я увидел королевскую армию в полном боевом порядке.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Различные приключения автора. Автор показывает
свое искусство в мореплавании*

Моя жизнь была бы довольно счастливой, если бы благодаря своему росту я не подвергался разным смешным и досадным приключениям. Некоторые из этих приключений я позволю себе рассказать читателю.

Глюмдальклич часто выносила меня в дорожном ящике в дворцовый сад. Иногда она вынимала меня из ящика и держала на руке или спускала на землю. Однажды, еще в то время, когда карлик жил при дворе, он пошел в сад следом за нами. Моя нянюшка спустила меня на землю возле карликовых яблонь. Тут же остановился и карлик. Заметив это, я не удержался и довольно плоско пошутил над тем, что и деревья и он одинаково карлики. В отместку злой шут подстерег, когда я проходил под одной из яблонь, и встряхнул ее. С десятка яблочек величиной с хороший бочонок посыпалось на меня; одно из них угодило мне в спину и сшибло меня с ног. Я плашмя растянулся на земле. К счастью, я не получил повреждений. Эта шалость прошла для карлика без наказания. Я первый задел его и потому постарался выхлопотать ему прощение.

В другой раз Глюмдальклич отлучилась куда-то со своей гувернанткой и оставила меня одного на садовой лужайке. Внезапно разразился страшный град. Я тотчас был сбит с ног, и градины величиной с теннисные мячи жестоко меня избили. С величайшим трудом на четвереньках добрался я до гряды с тмином и нашел там убежище. Но я был так избит, что пролежал в постели десять дней. В этом нет ничего удивительного. Каждая градина здесь почти в тысячу восемьсот раз больше, чем у нас в Европе. Я могу утверждать это на основании опыта, потому что из любопытства взвешивал и измерял тамошние градины.

В том же саду со мной произошло другое приключение, гораздо более опасное. Мне нередко хотелось побыть в одиночестве, чтобы без помех отдать своим думам и воспоминаниям. Тогда я просил нянюшку оставить меня одного в каком-нибудь тихом и безопасном уголке сада. И вот однажды Глюмдальклич вынесла меня в сад и, предоставив мне полную свободу, ушла с гувернанткой и знакомыми дамами в другую часть сада, откуда не могла слышать моего голоса. Во время ее отсутствия небольшой белый спаниель, принадлежавший одному из садовников, случайно забрался в сад и пробежал недалеко от места, где я лежал. Почувывая меня, собака устремилась ко мне, схватила в зубы, принесла к хозяину и, виляя хвостом, осторожно положила на землю.

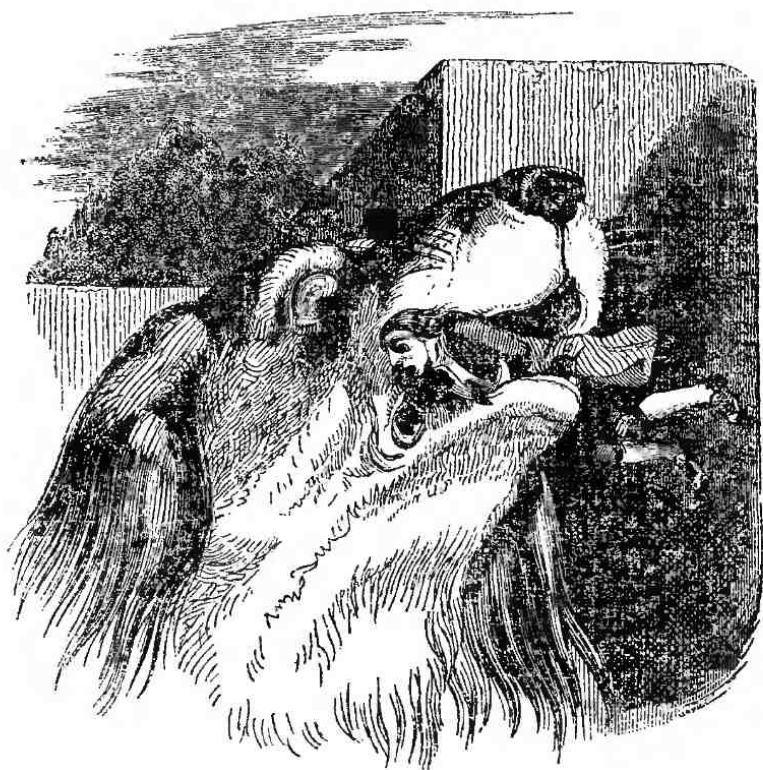
К счастью, собака была очень хорошо выдрессирована и несла меня так осторожно, что не только не поранила, но даже не порвала мне платья. Бедный садовник хорошо знал меня и страшно перепугался. Он осторожно поднял меня обеими руками и спросил, как я себя чувствую. Но от неожиданности у меня захватило дух, и я не мог выговорить ни слова. Спустя несколько минут я пришел в себя, и садовник отнес меня невредимым к моей нянюшке. Та уже успела вернуться и в страшной тревоге разыскивала и окликала меня. Она выбрала садовника за собаку. Но мы

умолчали об этом случае. Глюмдальклич боялась гнева королевы, а я, говоря откровенно, не хотел разглашать при дворе историю, в которой играл не слишком завидную роль.

После этого случая Глюмдальклич твердо решила ни на минуту не выпускать меня из виду на прогулках. Я уже давно опасался, что она примет такое решение, и потому скрывал от нее некоторые незначительные приключения, случившиеся со мной в ее отсутствие. Раз на меня ринулся коршун, паривший над садом. Он, наверно, унес бы меня в своих когтях. Но я смело вытащил кортик и, обороняясь, убежал под густой шпалерник. В другой раз я взобрался на свежую кротовую кучу и провалился по шее в нору. Чтобы объяснить, почему у меня испорчено платье, я выдумал какую-то небылицу, которую не стоит повторять. Как-то раз, гуляя в одиночестве по садовой дорожке и вспоминая мою бедную Англию, я споткнулся о раковину улитки и сломал себе правую ногу.

Мне трудно сказать — удовольствие или же унижение испытывал я во время моих одиноких прогулок по саду. Даже самые маленькие птицы не выказывали никакого страха при виде меня. Они прыгали на расстоянии какого-нибудь ярда от меня и хватали червяков и букашек с таким спокойствием, словно вблизи никого не было. Как-то раз дрозд обнаглел до того, что выхватил у меня из рук кусок пирога, который Глюмдальклич дала мне на завтрак. Когда я пытался поймать какую-нибудь птичку, она смело поворачивалась ко мне и норовила клюнуть меня в пальцы, а затем как ни в чем не бывало продолжала охотиться за червяками или улитками. Но однажды я взял толстую дубинку и запустил ею изо всей силы в коноплянку. Удар пришелся так ловко, что птица повалилась замертво. Тогда я обеими руками схватил ее за шею и с торжеством побежал к нянюшке. Между тем птица, которая была только оглушена, пришла в себя и начала отчаянно биться у меня в руках. Она наносила мне крыльями такие удары по голове и туловищу, что я едва не выпустил ее. На выручку мне подоспел слуга, который свернул птице шею. На следующий день, по приказанию королевы, мне подали эту коноплянку на обед. Насколько могу припомнить, она была крупнее нашего лебедя.

Королева постоянно беспокоилась, не слишком ли я тоскую по родине, и пользовалась каждым удобным случаем, чтобы доставить мне какое-нибудь развлечение. Наслушавшись моих рассказов о морских путешествиях, она как-то спросила меня, умею ли я обращаться с парусом и веслами, и не будет ли полезно для моего здоровья заняться греблей. Я отвечал, что хорошо правлю парусом и отлично гребу. В опасные минуты на корабле не приходится чваниться, и мне — врачу по профессии — не раз приходилось исполнять обязанности простого матроса. Но я решительно не-

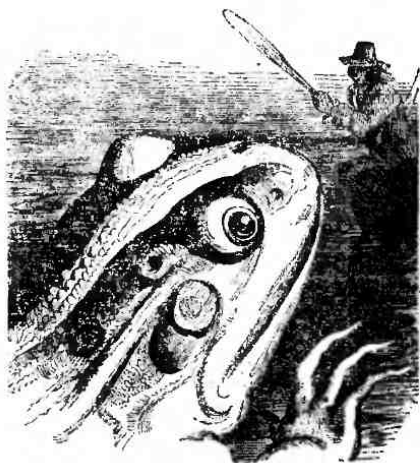

доумевал: каким образом могло быть исполнено желание королевы? В этой стране самая маленькая лодка была не меньше нашего первоклассного военного корабля. А такую лодку, управлять которой было бы мне под силу, на любой здешней реке непременно унесет течением. Тогда ее величество сказала, что под моим руководством королевский столяр сумеет сделать мне подходящую лодку, а для катанья она прикажет устроить специальный бассейн. Столяр, весьма искусный мастер, в десять дней соорудил, по моим указаниям, игрушечную лодку со всеми снастями. Эта лодка могла свободно выдержать восемь европейцев. Когда лодка была окончена, королева пришла в такой восторг, что тотчас же понесла показать ее королю. Король приказал пустить ее для испытания в лохань с водой. Однако лохань оказалась слишком тесной, и я не мог действовать веслами. Но у королевы было другое на уме. Она приказала столяру сделать деревянное корыто в триста футов длины, пятьдесят ширины и восемь глубины. Для предохранения от течи это корыто хорошо просмолили и поставили на полу у стены одной из комнат дворца. В дне корыта был устроен кран для спу-

ска застоявшейся воды, а двое слуг легко могли в полчаса наполнить его водой. В нем я часто занимался греблей как для собственного развлечения, так и желая доставить удовольствие королеве и ее фрейлинам, которых очень забавляли мое искусство и ловкость. Иногда я ставил парус, а дамы производили ветер своими веерами. Когда они уставали, то на мой парус дули пажи, а я, как настоящий моряк, искусно лавировал против ветра или шел в бейдевинд*. После катанья Глюмдальклич уносила лодку в свою комнату и вешала ее на гвоздь для просушки.

Раз во время этих упражнений случилось происшествие, едва не стоившее мне жизни. Когда паж опустил лодку в корыто, гувернантка Глюмдальклич любезно подняла меня, чтобы посадить в лодку. Но я как-то выскользнул у нее из пальцев и непременно упал бы на пол с высоты сорока футов. Только счастливая случайность спасла мне жизнь. При падении я зацепился за большую булавку в корсаже этой любезной дамы. Головка булавки прошла между рубашкой и поясом моих штанов, и я повис в воздухе. В эту минуту ко мне на помощь прибежала Глюмдальклич.

В другой раз слуга, на обязанности которого лежало каждые три дня менять воду в корыте, не заметил, что в ведро с водой попала огромная лягушка. Лягушка притаилась на дне корыта. Но едва я в своей лодке выплыл на середину, как она вскарабкалась в лодку и сильно накренила ее на одну сторону. Чтобы лодка не опрокинулась, мне пришлось налечь всей тяжестью тела на противоположный борт. Лягушка стала прыгать со скамейки на скамейку над моей головой, обдавая мое лицо и платье вонючей слизью. Она казалась мне самым безобразным животным, какое можно себе представить. Тем не менее я попросил Глюмдальклич предоставить мне самому разделаться с ней. Несколько хороших ударов веслом заставили ее наконец выскочить из лодки.

Но самым опасным из всех приключений, какие я пережил в этом королевстве, было приключение с обезьяной, принадлежавшей одному из служащих королевской кухни.

Глюмдальклич ушла куда-то по делу или в гости и заперла меня в своей комнате. Погода стояла жаркая, и окно комнаты было открыто, точно так же, как окна и дверь моего большого ящика. Я спокойно сидел у стола, погруженный в раздумье; внезапно я услышал, что кто-то вскочил через окно в комнату Глюмдальклич. Я очень испугался, но все же рискнул выглянуть из моего окошка.

Я увидел обезьяну: она резвилась и скакала по комнате. Наткнувшись на мой ящик, обезьяна принялась с большим любопытством рассматривать его, заглядывая во все окна и в дверь. При виде этого страшного животного я забился в самый дальний угол моей комнаты. Я так растерялся, что мне не пришло в голову спрятаться под кровать. Обезьяна скоро заметила меня. Гримас-

ничая и урча, она просунула в дверь лапу и попыталась поймать меня. Напрасно я перебегал из угла в угол, стараясь ускользнуть от нее. Она очень ловко схватила меня за полу кафтана из прочной шелковой материи и вытащила наружу. Правой передней лапой она прижала меня к груди, подобно тому, как кормилица держит ребенка. Я сам видел у себя на родине, как обезьяны берут таким образом котят. Когда я попытался сопротивляться, она так сильно стиснула меня, что я счел более благоразумным покориться. По всей вероятности, она приняла меня за детеныша своей породы; по крайней мере, она нежно гладила меня по лицу свободной лапой. Шум отворяемой двери прервал эти ласки. Обезьяна мгновенно бросилась в окно, а оттуда полезла по водосточным трубам на крышу соседней постройки. В ту минуту, когда обезьяна уносила меня, я услышал крик Глюмдальклич. Бедная девочка едва не помешалась; весь дворец был поднят на ноги, слуги побе-

жали за лестницами. Сотни людей сбегались на двор и глазели на обезьяну, усевшуюся на самом коньке крыши. Одной лапой она держала меня, как ребенка, а другой набивала мой рот яствами, которые вынимала из зашёрстных мешков. Если я отказывался от этой пищи, она угощала меня тумаками. Стоявшая внизу челядь показывалась со смеху, глядя на эту картину. Мне кажется, что этих людей нельзя очень осуждать за это. Зрелище, бесспорно, было очень забавным для всех, кроме меня. Кое-кто из толпы стал швырять в обезьяну камнями, надеясь прогнать ее с крыши. Но дворцовая полиция строго запретила это из опасения, чтобы какой-нибудь камень не попал в меня. Были приставлены лестницы, и по ним поднялось несколько человек. Увидя себя окруженной, обезьяна бросила меня на конек крыши и дала тягу. Я остался на высоте трехсот ярдов от земли, ожидая каждую минуту, что меня сдует ветром или я сам скачусь с конька.

К счастью, слуга моей нянюшки, смелый парень, взобрался на крышу, положил меня в карман штанов и благополучно спустился вниз.

Я почти задыхался от всякой дряни, которой обезьяна набила мой рот. Моя милая нянюшка иголкой вычистила мне рот, после чего меня вырвало, и я почувствовал большое облегчение. Но мерзкое животное так меня помяло, что я заболел и пятнадцать дней пролежал в постели.

Король, королева и все придворные каждый день осведомлялись о моем здоровье. Ее величество несколько раз навещала меня во время болезни. Обезьяну убили, и был отдан приказ, запрещающий держать во дворце подобных животных.

По выздоровлении я явился к королю благодарить его за оказанные мне милости. Его величество изволил много шутить над моим приключением. Он спрашивал, какие мысли мне приходили в голову, когда я был в лапах обезьяны, как мне понравились ее кушанья и манера угощать, как повлиял на мой аппетит свежий воздух на крыше. Его величеству угодно было осведомиться, как бы я поступил в подобном случае у себя на родине. На эти вопросы я отвечал его величеству, что обезьян в Европе не водится. Их привозят туда, как диковинку, из чужих стран, и они так малы, что я справился бы с целой дюжиной этих животных, если бы они осмелились на меня напасть. Вероятно, я сумел бы справиться и с тем чудовищем (обезьяна была не меньше слона), которое недавно на меня напало, не растеряйся я от страха и неожиданности. Я мог бы нанести этому страшилищу, когда оно просунуло лапу в мою комнату, такую рану кортиком, что оно радо было бы поскорее убраться подальше. Говоря это, я принял воинственную позу и схватился за рукоятку кортика, как человек, не допускающий никаких сомнений в своей храбрости. Но моя речь вызвала

лишь громкий смех придворных, от которого они не могли удержаться, несмотря на все почтение к его величеству. Это навело меня на грустные мысли о бесплодности всех попыток добиться уважения к себе со стороны людей, стоящих неизмеримо выше нас. Впрочем, по приезде в Англию я не раз имел случай встречать людей, поведение которых по внешности напоминало мое поведение в стране великанов. Какой-нибудь ничтожный и презренный плут, не имея никаких заслуг, ни ума, ни здравого смысла, осмеливается подчас принимать важный вид и пытается равняться с величайшими людьми государства.

Каждый день я давал повод для веселого смеха при дворе. Глюмдальклич, несмотря на свою нежную привязанность ко мне, не упускала случая рассказать королеве о моих выходках, если считала, что они способны позабавить ее величество. Однажды девочке нездоровилось, и гувернантка повезла ее за город, миль за тридцать от дворца, подышать чистым воздухом. Карета остановилась у тропинки, пересекавшей поле. Глюмдальклич поставила

мой дорожный ящик на землю, и я отправился прогуляться. На пути лежала куча коровьего помета, и мне вздумалось испытать свою ловкость и попробовать перескочить через эту кучу. Я разбежался, но, к несчастью, сделал слишком короткий прыжок и оказался в самой середине кучи, по колено в помете. Немало труда стоило мне выбраться оттуда. Один из лакеев тщательно вытер своим носовым платком мое перепачканное платье, а Глюмдабль больше не выпускала меня из ящика до возвращения домой.

Королева немедленно была извещена об этом приключении, а лакеи разгласили о нем по всему дворцу, так что в течение нескольких дней я был предметом общих насмешек.

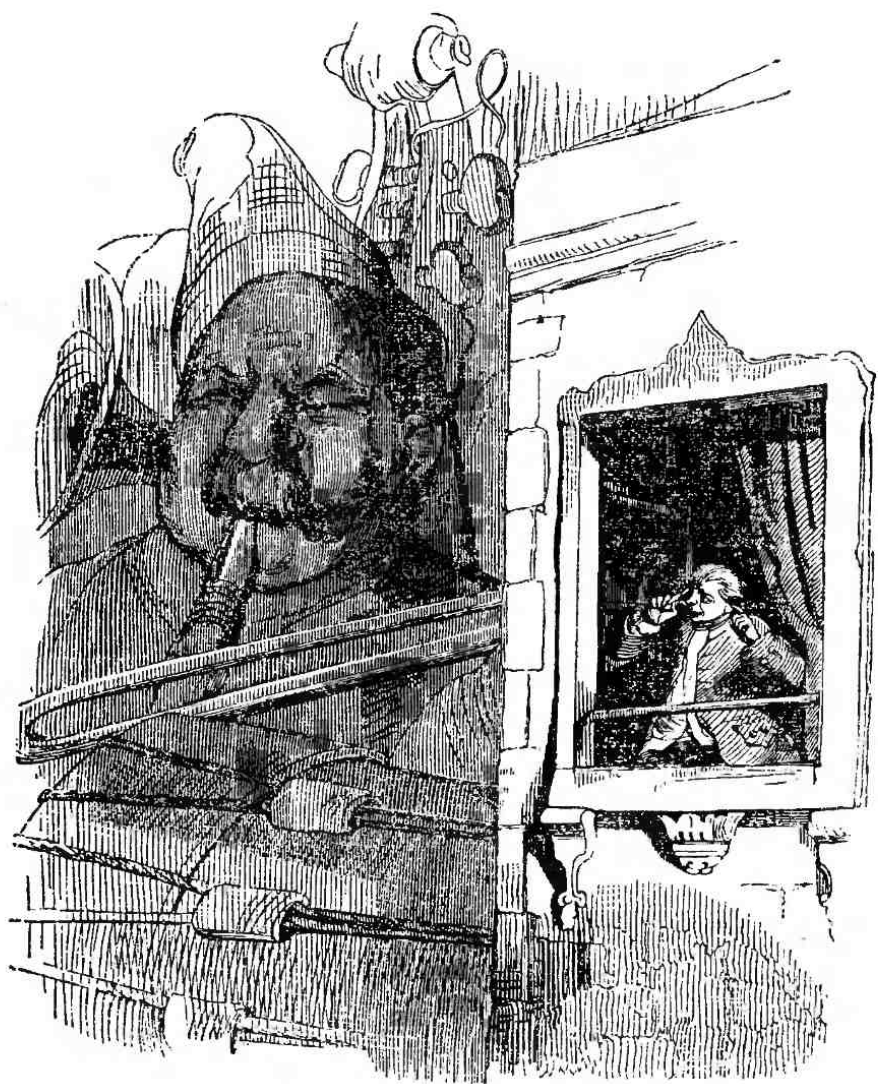

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Различные выдумки автора для развлечения короля и королевы. Он показывает свои музыкальные способности. Король интересуется общественным строем Европы. Замечания короля по поводу рассказов автора

Обыкновенно раз или два в неделю я присутствовал при утреннем туалете короля и видел, как его бреет цирюльник. Сначала это наводило на меня ужас, так как его бритва была почти в два раза длиннее нашей косы. Следуя обычаям страны, его величество брился только два раза в неделю. Однажды я попросил цирюльника собрать для меня мыльную пену и вытащил оттуда около сорока или пятидесяти самых толстых волос. Затем я раздобыл тоненькую щепочку, обстрогал ее в виде спинки гребешка и просверлил в ней, с помощью самой тонкой иглолки, какую можно было достать у Глюмдальклич, ряд отверстий. В отверстия я вставил волоски, обрезав и оскоблив их на концах моим перочинным ножом. Получился довольно сносный гребень. Эта обновка оказалась очень кстати, потому что на моем гребне зубцы пообломались, а ни один здешний мастер не мог сделать мне нового.

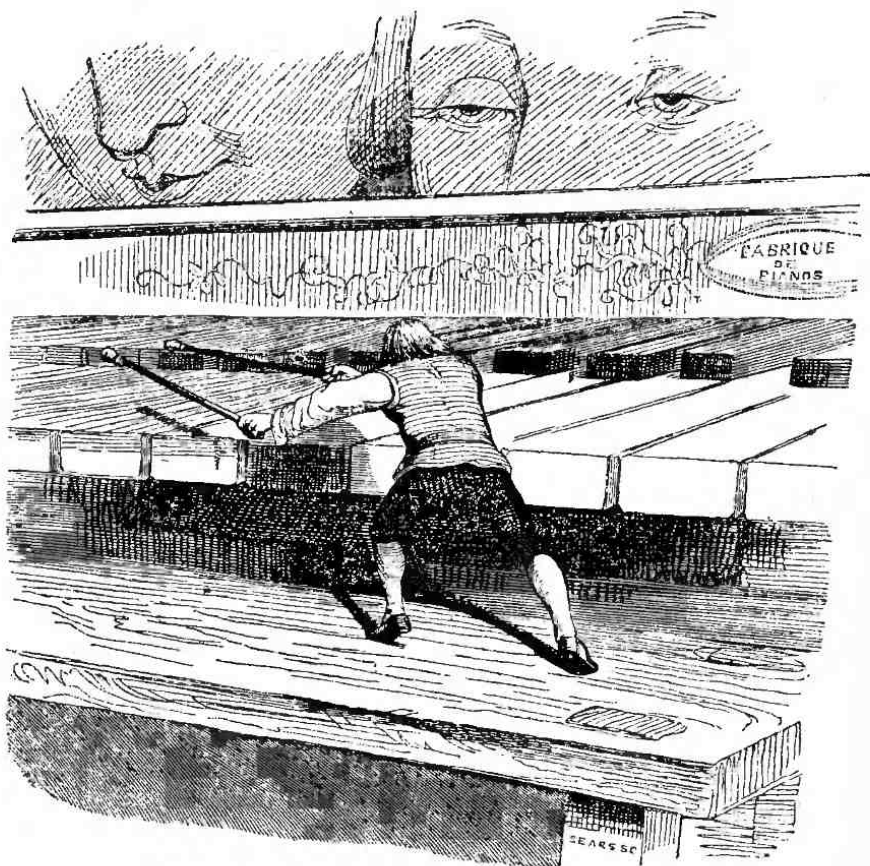
В связи с этим мне пришла в голову одна забавная мысль. Чтобы привести ее в исполнение, мне потребовалось много времени и труда. Я попросил камеристку королевы сохранять для меня вычески волос ее величества. Постепенно у меня набралось их довольно много. Тогда я поручил моему приятелю-столяру, которому было приказано исполнять все мои маленькие заказы, сделать под моим наблюдением два стула такой же величины, как те, что стояли у меня в спальне, и просверлить тонким шилом в деревянных рамах спинок и сидений небольшие дырочки. Сквозь эти дырочки я пропустил самые крепкие волосы и переплел их, как это делают у нас с камышовыми стульями. Окончив работу, я подарил стулья королеве. Она поставила их в своем будуаре и показывала всем как редкость. Королева изъявила желание, чтобы я сел на один из этих стульев, но я наотрез отказался ей повиноваться. Я сказал, что скорее предпочту умереть, чем присесть на драгоценные волосы, украшавшие когда-то голову ее величества. Из этих же волос я сплел маленький изящный кошелек длиной около пяти футов, с вензелем ее величества, вытканым золотыми буквами. С согласия королевы, я подарил его Глюмдальклич. Говоря правду, этот кошелек был сделан только напоказ. Пользоваться им было нельзя, так как он не мог выдержать тяжести больших монет. Поэтому Глюмдальклич клала туда только безделушки, которые так нравятся девочкам.

Король любил музыку, и при дворе часто давались концерты. Иногда я присутствовал на этих концертах. Мой ящик приносили в концертный зал и ставили на стол. Но оркестр гремел так оглушительно, что я с трудом различал мотив. Я уверен, что все барабанщики и трубачи английской армии не могли бы произвести такого шума, заиграй они все разом. Во время концерта я старался устраиваться подальше от исполнителей, запираю в ящике окна

и дверь, задерживал гардины и портьеры. Только при этих условиях я мог получить известное удовольствие от их музыки.

В молодости я учился играть на спинете. Такой же инструмент стоял в комнате Глюмдальклич. Два раза в неделю к ней приходил учитель давать уроки. Я называю этот инструмент спинетом прежде всего потому, что на нем играют так же, как на спинете. Мне пришла в голову мысль развлечь короля и королеву исполнением английских мелодий на этом инструменте. Но это оказалось чрезвычайно трудным и сложным делом. Инструмент имел в длину шестьдесят футов, и каждая его клавиша была шириной в фут. Вытянув обе руки, я не мог захватить больше пяти клавиш, а чтобы надавить клавишу, я должен был изо всей силы ударить по ней кулаком. Понятно, что при таких условиях я не достиг бы ни-

каких результатов, кроме страшной усталости. Поразмыслив, и приготовил две круглые дубинки; один конец у них был толще другого; толстые концы я обтянул мышинной кожей, чтобы не испортить клавишей и заглушить звук от ударов. Перед спинетом поставили скамью, которая была фута на четыре ниже клавиатуры. Я бегал по этой скамье взад и вперед и колотил дубинками по клавишам. Таким образом я ухитрился сыграть джигу*, к величайшему удовольствию их величеств. Но это было самое изнурительное физическое упражнение, какое мне случалось проделывать. И все же при всем старании я мог пользоваться только шестнадцатью клавишами. Одновременная игра в обоих ключах, на басах и дискантах, была мне недоступна, и это, разумеется, сильно вредило моему исполнению.

Король был, как я уже упоминал, чрезвычайно умным и любознательным человеком. Он часто приказывал приносить меня в ящике к нему в кабинет. Затем он предлагал мне взять из ящика стул, сажал меня на расстоянии трех ярдов от себя на комод, почти на уровне своего лица, и подолгу беседовал со мной. Однажды я осмелился заметить его величеству, что презрение, выражаемое им к Европе и всему остальному миру, не согласуется с высокими качествами его благородного ума. Ведь умственные способности не возрастают пропорционально размерам тела. Напротив, в нашей стране самые высокие люди очень часто уступают другим по своему умственному развитию. Достоинство также внимания, продолжал я, что среди животных пчелы и муравьи пользуются славой самых изобретательных, искусных и смысленных. А ведь они далеко не самые крупные из живых существ. Конечно, что касается меня, то каким бы ничтожным ни выглядел я в глазах короля, я все же надеюсь, что рано или поздно мне удастся оказать его величеству какую-нибудь важную услугу. Король выслушал меня очень внимательно. Вообще после этих бесед его величество значительно изменил к лучшему свое мнение обо мне. Однажды он попросил меня по возможности подробнее и точнее рассказать ему, как и на основании каких законов управляется Англия. «Ибо,— прибавил он,— хотя государи всегда крепко держатся обычаев своей страны, но я был бы рад найти в других государствах что-нибудь достойное подражания».

О, как страстно желал я обладать тогда красноречием Демосфена* или Цицерона, чтобы прославить дорогое мне отечество в словах, достойных его величия, мощи и преуспевания!

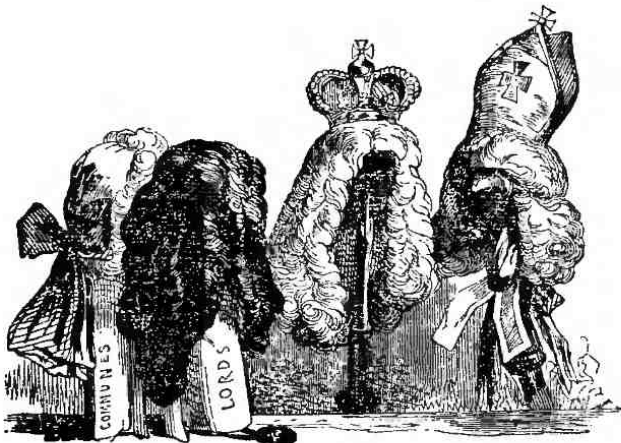
Прежде всего я сообщил его величеству, что наше государство состоит из двух островов, образующих три могущественных королевства* под властью одного монарха; к ним нужно еще прибавить наши колонии в Америке. Я долго распространялся о плодородии нашей почвы и умеренности нашего климата. Потом я под-

робно рассказал об устройстве нашего парламента, который состоит из двух палат.

В славной палате пэров* заседают лица самого знатного происхождения, владельцы древнейших и обширнейших вотчин. Я описал, с какой исключительной заботливостью относятся к воспитанию и обучению будущих пэров, этих прирожденных советников короля королевства, участников в делах законодательства, членов верховного суда, решения которого не подлежат обжалованию, храбрых, благородных и преданных воинов, всегда готовых первыми вступить на защиту своего монарха и отечества.

Эти люди, продолжал я, служат украшением и оплотом королевства. Они являются достойными наследниками своих знаменитых предков и неизменно пользуются всеми почестями, какие те завоевали себе своей личной доблестью. В состав этого высокого собрания входит также определенное число духовных особ, носящих сан епископов. На их обязанности лежат заботы о преуспевании религии и наблюдение за теми, кто обучает ее истинам народ. Король и его мудрейшие советники выбирают в епископы духов-

ных лиц, наиболее отличившихся святостью жизни и глубиной **учености**; поэтому они действительно являются наставниками и **духовными** отцами всего духовенства и народа.

Другую часть парламента, продолжал я, образует собрание, **называемое** палатой общин. Это собрание перворазрядных

джентльменов, с в о б о д н о избранных самим народом из членов **этого** влиятельного и зажиточного сословия.

Вполне понятно, что народ выбирает их представлять мудрость всей нации исключительно за их великие способности и любовь к родной стране. Поэтому обе палаты являются самым величественным собранием в Европе. Им вместе с королем поручено все законодательство.

Затем я перешел к описанию наших судебных палат, руководимых почтенными судьями, истыми мудрецами и толкователями законов, на которых возложено разрешение тяжб, наказание порока и ограждение невинности. Я рассказал о бережливом управлении финансами и о храбрых подвигах нашей армии как на суше, так и на море. Я подсчитал общее количество населения в нашей стране, припомнив, сколько миллионов людей числится в каждой религиозной секте и каждой политической партии. Я упомянул также об играх и увеселениях англичан и вообще не упустил ничего, что, по моему мнению, могло послужить к возвеличению моего отечества. Свое изложение я заключил кратким обзором истории Англии за последнее столетие.

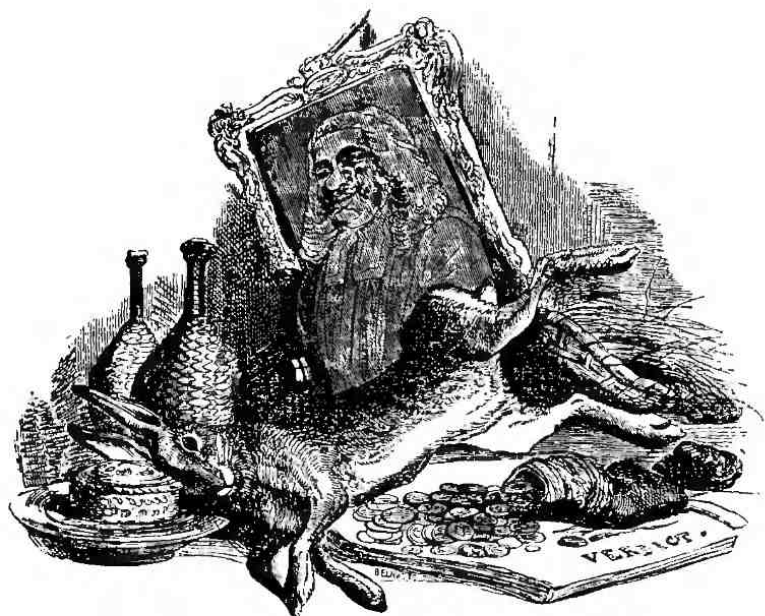
Мой доклад его величеству занял пять аудиенций, каждая из которых тянулась несколько часов. Король слушал меня очень внимательно, многое записывал и намечал те вопросы, которые собирался задать мне.

Когда я окончил свое длинное повествование, его величество в шестой аудиенции высказал целый ряд сомнений и вопросов по каждой из затронутых мною тем. Он спросил: что именно делается для телесного и духовного развития знатной молодежи и в каких занятиях проводит она годы школьной жизни, когда человек легче всего поддается влияниям и внушениям? Король поинтересовался также: как производится пополнение палаты лордов в случае смерти последнего представителя какого-нибудь знатного рода? Кого и за какие заслуги возводят в звание лорда? Не было ли случаев, когда главную роль в этих назначениях играла прихоть короля или деньги, ловко и вовремя предложенные какой-нибудь придворной даме или министру, или, наконец, стремление усилить в ущерб общегосударственным интересам определенную партию? Действительно ли эти лорды хорошо знают законы своей страны и способны выступать в качестве вершителей важнейших государственных дел? Все ли они настолько независимы, беспристрастны и чужды корысти, что могут устоять против подкупа, лести, узких партийных соображений? Всегда ли лорды-епископы обязаны этим высоким званием своему глубокому знанию религиозных доктрин и святой жизни? Неужели среди них нет ни одного, кто бы, в бытность простым священником, не угождал суетным интересам знатных мирян? Ни одного капеллана какого-нибудь вельможи, оставшегося послушным рабом своего покровителя и в этом высоком собрании?

Затем король пожелал узнать, какая система практикуется при выборах тех депутатов, которых я назвал членами палаты общин. Разве не может какой-нибудь пришелец, вполне равнодушный к местным интересам, при помощи тугого кошелька убе-

дять избирателей голосовать за него вместо гораздо более достойного кандидата из местных жителей? Почему, наконец, все эти люди так страстно мечтают сделаться членами парламента, если это звание требует огромных издержек, способных привести к полному разорению, и не вознаграждается ни жалованьем, ни пенсией? Подобное бескорыстие требует от человека такой гражданской доблести, что его величество выразил сомнение в его искренности. Ему хотелось выяснить: нет ли у этих страстных поклонников народного представительства надежды вознаградить себя за все тревоги и издержки, потворствуя, во вред общественным интересам, желаниям слабого и порочного монарха и его

развращенных министров? Задавая мне эти вопросы, король попутно сделал ряд замечаний, повторять которые я считаю неудобным и неблагоприятным*.

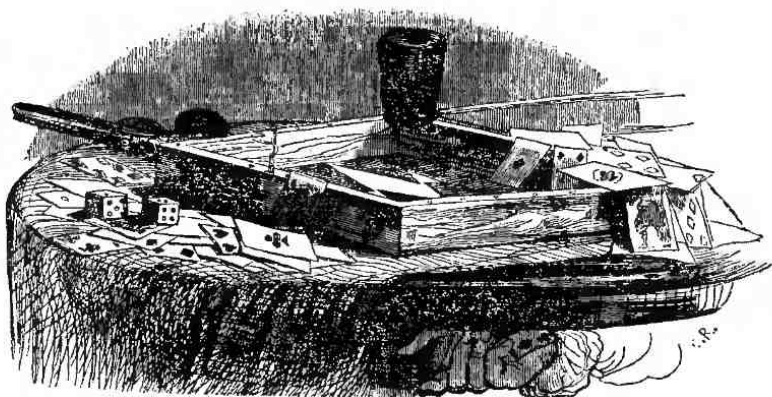
Далее его величеству было угодно получить более подробные сведения о деятельности наших судов. В этом вопросе мне было не трудно полностью удовлетворить его любопытство. В свое время я сам едва не был доведен до полного разорения затянувшимся процессом в верховном суде. И это при том условии, что процесс был мной выигран с присуждением мне судебных издержек. Король спросил: сколько времени требуется суду для выяснения, кто прав и кто виноват, и каких это требует расходов? Дозволено ли адвокатам и стряпчим выступать ходатаями по заведомо несправедливым и незаконным делам? Оказывает ли влияние на поставление судей принадлежность тяжущихся к религиозным сектам и политическим партиям? Обязаны ли адвокаты иметь специальное юридическое образование или же с них довольно простого знакомства с местными, провинциальными и национальными обычаями? Принимают ли участие эти адвокаты, а равно и судьи, в составлении тех законов, толкование и комментирование которых предоставлено на их усмотрение? Не случалось ли, чтобы одни и те же лица выступали защитниками в том самом деле, в котором раньше выступали в качестве обвинителей? Какое денежное вознаграждение получают они за

свои советы и за ведение дел в суде? Могут ли эти люди быть членами нижней палаты?*

Затем король обратился к нашим финансам. Он выразил уверенность, что я ошибся, называя цифры государственных доходов и расходов, так как я определил доходы в пять или шесть миллионов в год, тогда как расходы, по моим словам, нередко больше чем вдвое превышают означенную цифру. Король, по его словам, особенно тщательно записал все, что я говорил по поводу наших финансов, так как надеялся извлечь для себя пользу из знакомства с нашей финансовой системой. Поэтому он не допускал, чтобы его заметки были неточны. Но раз мои цифры были правильны, то король недоумевал, каким образом государство может допускать такие перерасходы, словно оно частный человек. Он спрашивал, откуда оно берет дополнительные средства и где находит деньги для уплаты долгов. Он был поражен, слушая мои рассказы о бесконечных и дорогостоящих войнах. Ему казалось вполне бесспорным, что либо мы сами — сварливый народ, либо окружены дурными соседями. Он сказал, что наши генералы, наверно, богаче королей. Он спрашивал, что за дела могут быть у нас за пределами наших островов, кроме торговли, дипломатических сношений и защиты берегов с помощью флота. Особенно поразило короля то обстоятельство, что нам, свободному народу, необходима наемная регулярная армия в мирное время. Ведь если у вас существует самоуправление, недоумевал король, кого же вам бояться и с кем воевать? И он спросил меня: разве хозяин с детьми и домочадцами не лучше защитят дом, чем поддюжины случайно завербованных на улице мошенников?

Король много смеялся над той странной арифметикой (как угодно было ему выразиться), при помощи которой я определил численность нашего народонаселения, сложив количество последователей существующих у нас религиозных сект и политических партий.

Короля поразило, что в числе развлечений, которым предается наша знать и наше дворянство, я назвал азартные игры. Ему хотелось знать, с какого возраста начинают играть и до каких лет практикуется это занятие. Не приводит ли иногда увлечение азартными играми к потере состояния? Ему казалось вполне возможным, что бесчестные люди, изучив все тонкости игры, наживают с ее помощью огромные состояния и приобретают большое влияние в обществе. А в то же время знатные и почтенные люди, вращаясь в обществе игроков, постепенно развращаются и сами начинают прибегать к различным плутням, чтобы покрыть свои проигрыши или добиться выигрыша.

Мой краткий исторический очерк нашей страны за последнее столетие поверг короля в крайнее изумление. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут, убийств, избиений, порожденных жадностью, лицемерием, вероломством, жестокостью, бешенством, безумием, ненавистью, завистью, злобой и честолюбием.

В заключение его величество взял на себя труд кратко сформулировать все, о чем я говорил. Затем, взяв меня в руки и тихо лаская, обратился ко мне со следующими словами, которых я никогда не забуду:

«Мой маленький друг Грильдриг, вы произнесли удивительнейшую похвалу вашему отечеству. Вы ясно доказали, что невежество, леность и пороки являются подчас полезнейшими качествами законодателя; что законы лучше всего объясняются, истолковываются и применяются на практике теми, кто более всего заинтересован и способен извращать, запутывать и обходить их. Кое-что в ваших обычаях и законах можно признать более или менее разумным и целесообразным. Но все это до такой степени искажено, осквернено, замарано позднейшими возмутительными толкованиями и выдумками, что от него почти не осталось никаких следов. Из всего, что вы сказали, не видно, чтобы для занятия высокого положения у вас требовалось обладание какими-нибудь достоинствами. Еще менее видно, чтобы люди жаловались высокими званиями за свои способности и доблести, чтобы духовенство получало повышение за свое благочестие или ученость, военные — за свою храбрость и благородное поведение, судьи — за свою неподкупность, сенаторы — за любовь к отечеству и государственные советники — за свою мудрость. Что касается вас самих, — продолжал король, — вы провели большую часть жизни в путешествиях. Мне кажется, что до сих пор вам удалось

набегнуть многих пороков вашей страны. Но факты, отмеченные мной в вашем рассказе, а также ответы, которые мне с таким трудом удалось выжать и вытянуть из вас, не могут не привести меня к заключению, что большинство ваших соотечественников принадлежит к породе маленьких отвратительных гадов, самых яловредных из всех, какие когда-либо ползали по земле».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Любовь автора к своему отечеству. Он делает весьма выгодное предложение королю, но король его отвергает. Полная неосведомленность короля в делах политики. О просвещении в этой стране. Ее законы, военное дело и партии

Только пламенная любовь к истине помешала мне утаить эту часть моей истории. Негодовать и возмущаться было совершенно бесполезно: мое негодование, кроме смеха, ничего не могло возбудить. Поэтому мне пришлось спокойно и терпеливо выслушать этот оскорбительный отзыв о моем благородном и горячо любимом отечестве. Я искренне сожалею, что на мою долю выпала такая роль. Но этот монарх был так любознателен, так жадно стремился выведать от меня малейшие подробности нашей государственной жизни, что ни моя благодарность, ни благовоспитанность не позволяли мне отказать ему в удовлетворении его любознательности. В свое оправдание я должен отметить, что я очень искусно обошел многие вопросы короля и, во всяком случае, в своих ответах постарался выставить все в гораздо более выгодном свете, чем то было совместимо с требованиями строгой истины. Я всегда изображал мое отечество с самым похвальным пристрастием. Мне хотелось скрыть отрицательные и уродливые явления в жизни моей родины и выставить в самом благоприятном свете ее красоту и добродетель. Именно эту цель я неуклонно и ревностно преследовал в моих неоднократных беседах с этим могущественным монархом, и не моя вина, если мои старания не увенчались успехом.

Впрочем, чего же можно требовать от короля, который совершенно отрезан от остального мира и не имеет решительно никакого представления о нравах и обычаях других народов? Подобная неосведомленность всегда порождает известную узость мысли и множество предрассудков, которые нам, просвещенным европейцам, совершенно чужды. И, разумеется, было бы нелепо ставить в пример всему человечеству понятия добродетели и порока такого отсталого монарха.

В подтверждение сказанному и чтобы показать, к чему приводит недостаточное образование, упомяну здесь об одном невероятном происшествии. В надежде заслужить особую благодарность короля я рассказал ему об изобретенном три или четыре столетия тому назад особом порошке. Я объяснил королю, что этот порошок обладает способностью мгновенно воспламеняться от малейшей искры, вызывая при этом страшное сотрясение и грохот, подобный грому. Если взять медную или железную трубу и набить ее определенным количеством этого порошка, то при воспламенении он может выбросить из трубы железный или свинцовый шар. Этот шар полетит с такой быстротой и силой, что ничто не выдержит его удара. Самые крупные из таких шаров не только уничтожают целые шеренги солдат, но разрушают до основания самые крепкие стены, пускают ко дну громадные корабли с тысячами людей, а скованные цепью вместе ломают мачты и снасти, крошат на куски сотни человеческих тел и сеют кругом опустошение. Иногда мы начинаем этим порошком полые железные шары больших размеров и при помощи особых орудий пускаем их в осаждаемые города. Там они производят страшные опустошения: взрывают мостовые, разносят на куски дома, зажигают их и, лопаясь, разбрасывают осколки, которые проламывают череп каждому, кто случится поблизости. К этому я добавил, что мне отлично известен состав этого порошка и что все вещества, необходимые для его изготовления, стоят недорого и встречаются повсюду. Я предложил научить мастеров его величества изготавливать металлические трубы, при помощи которых можно бросать шары. Двадцати или тридцати таких труб было бы достаточно, чтобы в несколько часов разрушить крепостные стены самого большого города в его владениях и обратить в развалины саму столицу, если бы население ее вздумало сопротивляться его неограниченной власти. Я скромно заявил о своей готовности оказать его величеству эту маленькую услугу в знак благодарности за многие его милости и покровительство.

Выслушав меня, король пришел в ужас. Он был поражен, что такое бессильное и ничтожное насекомое, как я (это его собственное выражение), не только таит столь бесчеловечные мысли, но и считает их вполне разумными и естественными. Он был глубоко возмущен тем спокойным равнодушием, с каким я рисовал перед ним ужасные сцены кровопролития и опустошения, вызываемые действием этих разрушительных машин. Изобрести их, заявил король, мог только какой-то злобный гений, враг рода человеческого. Ничто не доставляет ему такого удовольствия, сказал король, как научные открытия, но он скорее согласится потерять половину королевства, чем быть посвященным в тайну подобного

изобретения. В заключение он посоветовал мне никогда больше не упоминать обо всем этом, если только я дорожу своей жизнью.

Таково действие узких взглядов и ограниченного образования! Этот монарх обладает всеми качествами, обеспечивающими любовь, почтение и уважение подданных. Он одарен громадным умом, глубокой ученостью и исключительными способностями к управлению государством. И вот, из-за чрезмерной щепетильности, совершенно непонятной нам, европейцам, этот мудрейший государь упускает возможность сделаться полновластным господином жизни, свободы и имущества своего народа. Говоря так, я не имею ни малейшего намерения умалить добродетели этого превосходного короля, хотя отлично сознаю, что мой рассказ сильно уронит его во мнении читателя-англичанина. Я лишь утверждаю, что подобного рода слабости являют-

ся следствием невежества этого народа, у которого политика до сих пор не возведена на степень науки, как это сделано у нас.

Однажды в разговоре с королем я заметил, что у нас написаны тысячи книг об искусстве управления. В противоположность моим ожиданиям, это замечание породило у короля самое нелестное мнение о наших умственных способностях. Он глубоко презирал все тонкости и ухищрения наших политиков и чувствовал ненависть ко всякой таинственности и интригам в государственных делах. Он никак не мог понять, что я разумею под словами государственная тайна, если дело не касается неприятеля или враждебной нации. По его мнению, для хорошего управления государством требуется только здравый смысл, справедливость, беспристрастие и доброта. Он считает, что всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политики, взятые вместе.

Умственные интересы этого народа очень ограничены. Здесь изучают только мораль, историю, поэзию и математику. Но в этих областях, нужно отдать справедливость, ими достигнуто большое совершенство. Математика имеет здесь чисто практический характер. Ее основной задачей является усовершенствование земледелия и разных отраслей техники. Вполне понятно, что у нас она получила бы невысокую оценку. Что же касается отвлеченных идей и всяких философских тонкостей, то я напрасно старался дать им хоть малейшее понятие об этих вещах.

В этой стране ни один закон не может заключать в себе больше слов, чем имеется букв в алфавите, а букв всего двадцать две. Но даже такой длины достигают только очень немногие законы. Все они составлены в самых ясных и простых выражениях. Надо еще добавить, что эти люди не отличаются такой изворотливостью ума, чтобы открывать в законе несколько смыслов, а сочинять толкования на законы считается у них большим преступлением.

Искусство книгопечатания здесь, как и у китайцев, существует с незапамятных времен. Но библиотеки их не очень велики. Так, например, королевская библиотека, самая большая во всей стране, насчитывает не более тысячи томов, помещенных в галерею длиной в сто двадцать футов. Мне было разрешено свободно пользоваться книгами из этой библиотеки. Столяр королевы смастерил в одной из комнат Глюмдальклич деревянный станок высотой в двадцать пять футов. По своей форме этот станок напоминал стремянку, каждая ступенька которой имела пятьдесят футов длины. Станок устанавливался с таким расчетом, что-

бы нижняя ступенька находилась на расстоянии десяти футов от стены комнаты. Книга, которую я желал читать, приставлялась к стене; я взбирался на самую верхнюю ступеньку лестницы и, повернув лицо к книге, начинал чтение с верха страницы, двигаясь вдоль ступеньки слева направо. Когда я доходил до строк, находившихся ниже уровня моих глаз, я спускался на следующую ступеньку, пока не заканчивал чтения страницы. Затем я снова поднимался на верхнюю ступеньку и прочитывал таким же образом другую страницу. Листы книги я переворачивал обеими руками. Это было не слишком трудно, так как бумага не была толще нашего картона, а самая большая книга имела в длину всего от восемнадцати до двадцати футов.

Слог этих людей отличается ясностью, мужественностью и простотой. Больше всего они стараются избегать нагромождения лишних слов и всяких украшений. Я прочитал немало их книг, по преимуществу исторического и нравственного содержания.

ния. Особое удовольствие доставил мне маленький старинный трактат, который всегда лежал в спальне Глюмдальклич и принадлежал ее гувернантке, почтенной пожилой даме, много читавшей на моральные и религиозные темы. Ученые не слишком высоко ставят это сочинение. Однако среди женщин и простого народа эта книга, повествующая о несовершенстве человеческого рода, пользуется большим уважением. Мне было очень любопытно узнать, что мог сказать местный писатель на подобную тему. Он повторяет обычные рассуждения европейских моралистов, показывая, каким слабым, презренным и беспомощным животным является по своей природе человек; как мало способен он защитить себя от влияний сурового климата и ярости диких животных; как эти животные превосходят его — одни своей силой, другие быстротой, третьи предусмотрительностью, четвертые трудолюбием. Он доказывает, что в последние столетия природа может производить только каких-то недоносков сравнительно с людьми, которые жили в древние времена. По его мнению, есть большое основание думать, что в прежние времена существовали великаны. Об этом говорят как история, так и народные предания; это же подтверждается огромными костями и черепами, которые находят в различных частях королевства: по своим размерам они значительно превосходят нынешних измельчавших людей. Из этих рассуждений автор извлекает несколько нравственных правил, полезных для повседневной жизни, которые не стоит здесь повторять.

Прочитав эту книгу, я невольно задумался над вопросом, почему у людей так распространена страсть сочинять поучения на нравственные темы, а также досадовать и сетовать на свою слабость в борьбе со стихиями. Мне кажется, что тщательное изучение этого вопроса может показать всю ошибочность подобных жалоб как у нас, так и у этого народа.

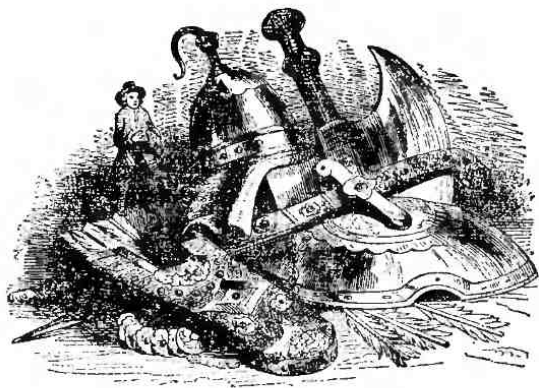
Туземцы гордятся численностью королевской армии, насчитывающей сто семьдесят шесть тысяч пехоты и тридцать две тысячи кавалерии. Не знаю, впрочем, можно ли назвать армией своеобразное ополчение, которое в городах состоит из купцов, а в деревнях — из фермеров. Командуют этим ополчением вельможи или мелкие дворяне. Никакого жалования им не полагается. Но армия эта достаточно хорошо обучена и отличается прекрасной дисциплиной. В этом нет ничего удивительного. Надо иметь в виду, что каждый фермер находится под командой своего помещика, а каждый горожанин — под командой первых людей в городе. К тому же все эти начальники избираются баллотировкой, как в Венеции.

Мне часто приходилось видеть военные учреждения столичного ополчения на большом поле, в двадцать квадратных миль,

недалеко от города. Хотя на поле присутствовало не более двадцати пяти тысяч пехоты и шести тысяч кавалерии, но я ни на что не мог сосчитать их — такое громадное пространство занимала армия. Каждый кавалерист, сидя на лошади, представлял собой колонну высотой около ста футов. Мне случалось видеть, как вся эта кавалерия по команде разом обнажала сабли и размахивала ими в воздухе. Никакое воображение не может придумать ничего более грандиозного и поразительного! Казалось, будто по краям небесного свода разом вспыхивало десять тысяч молний.

Меня очень интересовало, каким путем этот государь пришел к мысли организовать армию и обучить свой народ военной дисциплине. Ведь его владения нигде не граничат с другими государствами. Вот что я узнал об этом как из рассказов, так и из чтения исторических сочинений.

В течение нескольких столетий эта страна страдала той же болезнью, которой подвержены многие другие государства. Дворянство стремилось забрать власть в свои руки, народ отстаивал свою свободу, а король боролся за абсолютное господство. Распри, возникавшие на этой почве, порождали гражданские войны. Последняя из таких войн благополучно окончилась при деде ныне царствующего монарха и привела все партии к соглашению и взаимным уступкам. Тогда с общего согласия было учреждено ополчение, которое всегда стоит на страже порядка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Король и королева предпринимают путешествие к границам государства. Автор сопровождает их. Подробный рассказ о том, каким образом автор оставляет страну. Он возвращается в Англию

У меня всегда было предчувствие, что рано или поздно я возвращу себе свободу. Но предугадать, каким образом это произойдет, или составить сколько-нибудь серьезный план освобождения я, разумеется, не мог. Корабль, на котором я прибыл сюда, был первым кораблем, показавшимся у этих берегов, и король отдал строжайшее повеление в случае появления нового судна непременно захватить его и доставить со всем экипажем на телеге в Лорбрульгруд. Королю очень хотелось раздобыть для меня подходящую жену. Он мечтал, что у нас будут дети. Но я содрогался от возмущения при одной мысли о том, что мои дети будут содержаться в клетках, как мы содержим канареек, и что со временем моих потомков будут продавать, как редкостных животных, для развлечения знатных лиц. Со мною, правда, обращались очень ласково: я был любимцем могущественного короля и королевы, предметом внимания всего двора, но в этом обращении было нечто оскорбительное для моего человеческого достоинства. Я никогда не мог забыть оставленную на родине семью. Я жаждал общества равных мне людей. Я ощущал потребность ходить по улицам и полям, не опасаясь быть растоптанным подобно лягушке или щенку.

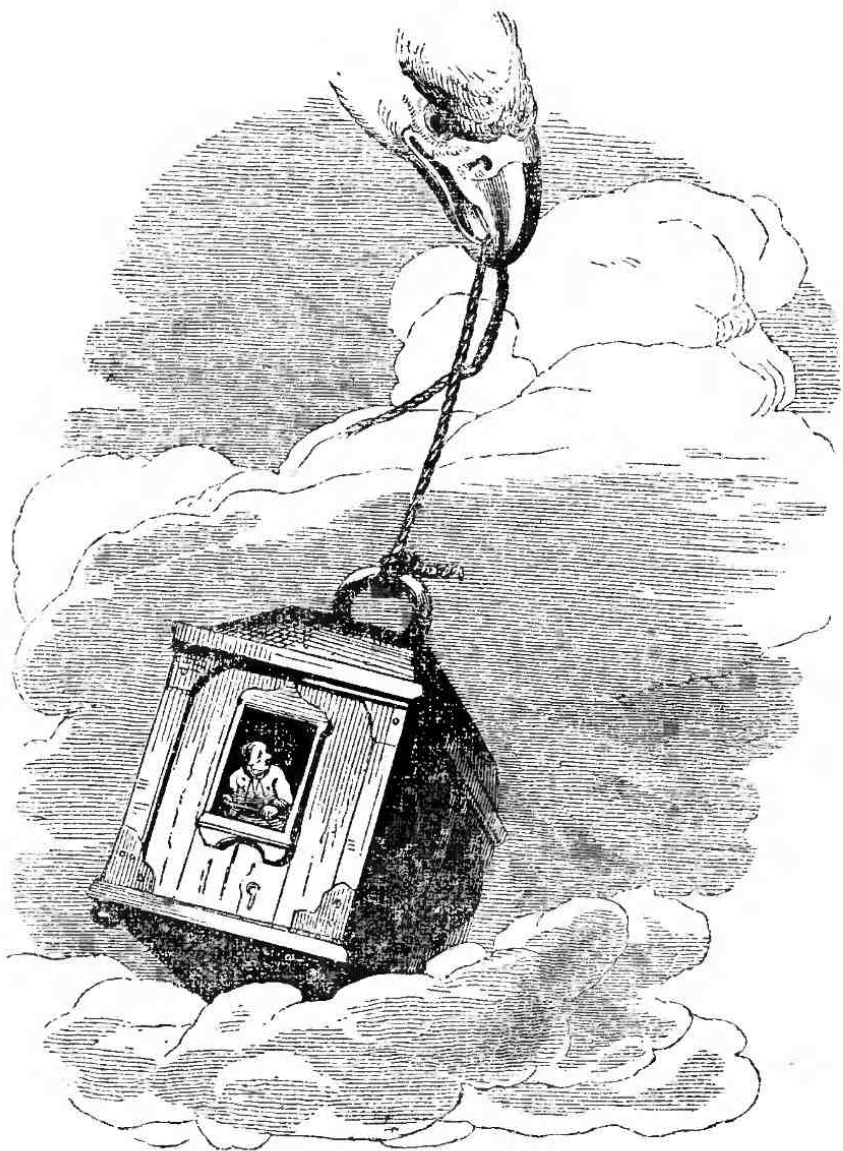
И вот мое освобождение произошло раньше, чем я ожидал, и не совсем обыкновенным способом. Я расскажу сейчас все обстоятельства этого удивительного происшествия.

Прошло уже два года, как я находился в этой стране. В начале третьего года мне вместе с Глюмдальклич пришлось сопровождать короля и королеву в их путешествии к южному побережью королевства. Меня, по обыкновению, везли в дорожном ящике. Этот ящик был очень удобной комнатой шириной в двенадцать футов. В ней я велел подвесить на шелковых веревках крепкий и большой гамак. Этот гамак предохранял меня от тряски, и я часто дремал в нем во время путешествия. В крышке ящика, прямо над гамаком, по моему желанию столяр устроил люк величиной в квадратный фут для доступа свежего воздуха в жаркую погоду. Я мог по желанию открывать и закрывать этот люк при помощи доски, которая двигалась в пазах.

Когда мы достигли цели нашего путешествия, король решил провести несколько дней в принадлежавшем ему замке близ Фленфласника, города, расположенного в восемнадцати англий-

ских милях от морского берега. Глюмдальклич и я очень устали от длительного путешествия. Я схватил небольшой насморк, а бедная девочка так сильно заболела, что вынуждена была остаться в своей комнате. Мне очень хотелось увидеть океан. Только океан мог принести мне освобождение, если мне вообще суждено было когда-нибудь получить свободу. Я притворился, будто чувствую себя гораздо хуже, чем это было на самом деле, и просил отпустить меня подышать свежим морским воздухом с пажом, которого я очень любил и с которым меня уже не раз отпускали на прогулку. Никогда не забуду, как неохотно Глюмдальклич согласилась на это. Она словно предчувствовала, что должно

произойти, и со слезами на глазах долго убеждала пажу беречь меня как зеницу ока.

Мальчик взял ящик, где я лежал в гамаке, и после получасовой ходьбы добрался до скалистого морского берега. Здесь я велел ему поставить ящик и, открыв окно, с тоской глядел на воды океана. Я чувствовал себя нехорошо и сказал пажу, что хочу вздремнуть. Я надеялся, что сон принесет мне облегчение. Я лег, и паж плотно закрыл окно, чтобы мне не надуло. Я скоро заснул. Что произошло дальше — не знаю. Думаю только, что паж недолго сидел и сторожил меня. Должно быть, он решил, что во время сна со мной не может случиться ничего опасного, и направился к скалам поискать птичьих гнезд. Мне уже не раз случалось наблюдать из моего окна, как он находил эти гнезда в расщелинах скал и доставал оттуда яйца. Как бы то ни было, но я внезапно проснулся от резкого толчка, точно кто-то с силой дернул за кольцо, прикрепленное к крышке моего ящика. Я почувствовал, как мой ящик поднялся высоко на воздух и затем понесся со страшной скоростью. Первый толчок едва не выбросил меня из гамака, но потом движение стало более плавным. Я несколько раз принимался кричать во всю глотку, но без всякой пользы. Я смотрел в окно и видел только облака и небо. Над головой я слышал шум, похожий на шум крыльев, и мало-помалу начал понимать опасность своего положения. Должно быть, орел захватил клювом кольцо моего ящика и поднялся с ним высоко, чтобы затем бросить его на камни и вытащить из-под обломков мое тело. Так именно поступают эти смысленные птицы с черепахами, желая разбить их панцирь и отведать их мяса.

Прошло несколько минут, и я заметил, что шум усилился, а взмахи крыльев участились. Мой ящик закачался из стороны в сторону, как вывеска на столбе в ветреный день. Я услышал у себя над головой злобный клекот и какие-то удары. Вдруг я почувствовал, что падаю отвесно вниз с такой невероятной скоростью, что у меня захватило дух. Раздался страшный всплеск. Он отдался в моих ушах сильнее, чем шум Ниагарского водопада. На мгновение я погрузился в глубокий мрак; затем мой ящик начал подниматься, и в верхние створы окна я увидел свет. Тут я понял, что упал в море. По-видимому, на моего орла напали два или три соперника, надеясь отнять у него добычу. Во время битвы орел выпустил ящик из клюва. Тяжелые железные пластины на дне ящика помогли ему сохранить во время падения равновесие и не дали разбиться о поверхность воды. Стенки ящика были плотно пригнаны, двери отворялись не на петлях, а поднимались и опускались, как подъемные окна. Словом, моя комната была закрыта наглухо, и воды в нее проникло очень

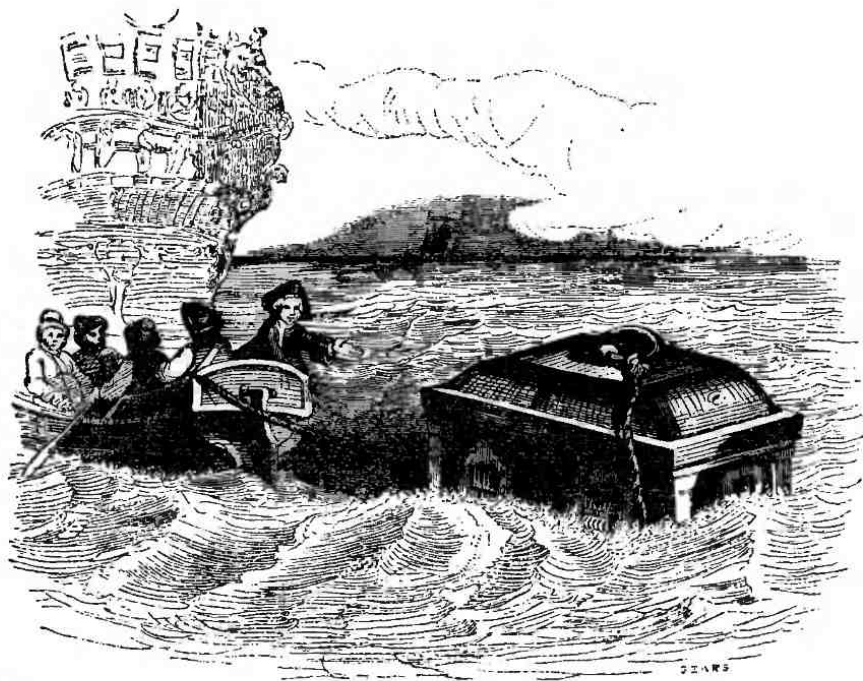
немного. Я с трудом вылез из гамака и отважился отодвинуть маленькую дверцу в крышке, чтобы впустить свежего воздуха, от недостатка которого я почти задышался.

Сколько раз в эти минуты у меня являлось желание снова оказаться возле моей милой Глюмдальклич. Только час минул с тех пор, как я расстался с ней, а между тем словно пропасть легла между нами. Страшные опасности, со всех сторон угрожавшие мне, поглощали все мое внимание. И все же я не мог удержаться от слез при мысли о моей бедной нянюшке, о горе, которое причинит ей эта потеря, о крушении ее надежд, о неудовольствии королевы. Вряд ли многие путешественники попадали в такое трудное и отчаянное положение, в каком находился я. Каждый миг я мог ожидать, что мой ящик разобьется или будет опрокинут порывом ветра. Стоило разбиться хотя бы одному оконному стеклу, и мне грозила неминуемая смерть. Между тем эти стекла были защищены только легкими железными решетками. Заметив, что вода начинает просачиваться сквозь мелкие щели, я, как мог, законопатил их. Я был не в силах поднять крышку моего ящика, иначе я непременно сделал бы это и выбрался наверх. Там я мог продержаться на несколько часов дольше, чем сидя взаперти в этом, если можно так выразиться, трюме. Но даже в том случае, если бы ящик продержался целым и невредимым на поверхности моря в продолжении одного или двух дней, все же меня ждала неминуемая смерть от голода и холода. Так я провел около четырех часов, каждую минуту ожидая и даже желая гибели.

Как я уже говорил, к глухой стенке моего ящика были приделаны две прочные скобы; слуга, возивший меня на лошади, продевал в них кожаный ремень и пристегивал его к своему поясу. Внезапно я услышал — или мне только почудилось — какое-то царапание возле этих скоб и вслед за тем мне показалось, что ящик тащат или буксируют по морю. По временам я чувствовал, что ящик словно подергивают. Он глубоко погружался в воду, и в моей комнате становилось темно. Все это поселило во мне робкую надежду на спасение, хотя я не мог понять, откуда могла прийти помощь. Я решился отвинтить один из моих стульев, прикрепленных к полу, и с большими усилиями снова привинтил его прямо под верхней дверцей, которую незадолго перед тем отодвинул. Вообразившись на стул, я стал громко звать на помощь. Потом я привязал платок к палке и, просунув ее в дверцу, стал махать платком с целью привлечь внимание лодки или корабля, если они и в самом деле были поблизости, и дать знать матросам, что в ящике заключен несчастный смертный.

Но на все эти сигналы я не получил никакого ответа. Тем не менее я ясно ощущал, что ящик неуклонно движется вперед.

Прошло около часа. Вдруг стенка ящика, где были прикреплены скобы, ударилась о что-то твердое. Я испугался: уж не скала ли это — и почувствовал, что ящик качается больше, чем прежде. На крышке моей комнаты послышался шум от спущенного каната и легкий скрип, словно его продевали в кольцо. После этого я почувствовал, что ящик поднимают кверху. Я снова выставил палку с платком и начал кричать, пока не охрип. В ответ я услышал громкие восклицания, повторившиеся три раза. Только тот, кому случалось испытать такие жуткие приключения, способен понять восторг, охвативший меня. Я услышал топот ног над моей головой; кто-то громко закричал по-английски: «Если есть кто-нибудь там внизу, пусть говорит!» Я отвечал, что я англичанин, вовлеченный злой судьбой в величайшие бедствия, какие постигали когда-нибудь разумное существо, и заклинал освободить меня из моей темницы. На это голос сказал, что я в безопасности, так как мой ящик привязан к кораблю. Сию минуту явится плотник и пропилит в крыше отверстие, достаточно широкое, чтобы вытащить меня. Я отвечал, что это напрасная трата времени. Пускай кто-нибудь из экипажа просунет палец в кольцо ящика, вынет его из воды и поставит в каюте капитана. При этих

словах иные матросы подумали, что я сумасшедший, а другие принялись хохотать. И в самом деле, я совершенно упустил из виду, что нахожусь теперь среди людей одинакового со мной роста и силы. Явился плотник и в несколько минут пропилил дыру в четыре квадратных фута; затем спустили небольшую лестницу, по которой я вылез наверх. Тут я почувствовал такую слабость, что меня пришлось на руках перенести на палубу корабля.

Изумленные матросы осыпали меня вопросами, но мне трудно было отвечать на них. Я совершенно растерялся при виде этой толпы пигмеев. Я так привык жить среди великанов и исполинских предметов, что люди моего роста казались мне какими-то жалкими уродцами.

В конце концов капитан, мистер Томас Вилькоккс, достойный и почтенный шропширец, заметив, что я готов упасть в обморок,

отвел меня к себе в каюту, дал укрепляющего лекарства и уложил в постель, советуя мне немного отдохнуть. Это действительно было для меня крайне необходимо. Прежде чем заснуть, я сообщил капитану, что в моем ящике находится ценная мебель, которую было бы жаль потерять. Там есть прекрасный гамак, походная постель, два стула, стол и комод. Вся комната обита шелком и бумажными тканями. Я просил капитана распорядиться, чтобы кто-нибудь из матросов принес ящик к нему в каюту. Здесь я открою ящик и покажу ему все мои богатства. Услыхав этот вздор, капитан подумал, что я в бреду. Но, желая успокоить меня, обещал исполнить мое желание. Затем он вышел на палубу и велел нескольким матросам спуститься в мой ящик. Они вытащили оттуда мои вещи и ободрали со стен обивку. К сожалению, стулья, комод и постель были порядочно повреждены: не заметив, что они привинчены к полу, матросы стали их вырывать. Забрав из ящика все, что показалось им интересным, и отбив несколько досок, которые могли пригодиться на корабле, они бросили остов ящика в море. Ящик быстро наполнился водой и пошел ко дну. Я был очень доволен, что мне не пришлось присутствовать при этом. Я уверен, что это зрелище очень расстроило бы меня, напомнив мне все пережитое за последние годы.

Я проспал несколько часов. Но сон мой был беспокоен: мне все время снились недавние события и опасности. Все же я отдохнул и чувствовал себя гораздо лучше. Было около восьми часов вечера. Капитан, полагавший, что я уже давно голодаю, приказал немедленно подать ужин. Убедившись, что в моих глазах не заметно безумного выражения и что я говорю вполне связно, он принялся радушно угощать меня. Когда мы остались одни, он попросил меня рассказать о моих приключениях и объяснить ему, каким образом я попал в диковинный ящик. Он сказал, что около полудня заметил его в зрительную трубу. Сначала он принял его за парус. Так как парус виднелся в направлении курса его собственного корабля, то он решил приблизиться к нему в надежде купить немного сухарей, в которых у них чувствовался недостаток. Подойдя ближе и убедившись в своей ошибке, он послал шлюпку узнать, что это такое. Матросы в испуге воротились назад, клятвенно уверяя, что видели плавучий дом. Посмеявшись над ними, капитан спустился в шлюпку, приказав матросам взять с собой два прочных каната.

Так как море было спокойно, то он несколько раз объехал вокруг ящика и увидел в нем окно с железными решетками. На глухой стенке ящика он заметил две крепкие скобы. Капитан приказал пропустить канат в одну из этих скоб и тащить мой сундук (как он его называл) на буксире к кораблю. Когда это

ыло исполнено, капитан велел привязать другой канат к кольцу прикрепленному на крыше, и попытаться поднять сундук на галубу, но сундук оказался настолько тяжелым, что соединенными усилиями всей команды удалось поднять его только на два или три фута. Капитан сказал, что они увидели мою палку с платком, просунутую в дыру, и решили, что в сундуке заключен какой-то несчастный.

Я спросил капитана, не заметили ли с корабля вблизи того места, где виднелся мой ящик, каких-нибудь громадных птиц. На это он ответил, что один из матросов видел трех орлов, летевших на север, но они показались ему не крупнее обычных; это вероятно, объясняется большой высотой, на которой они летели. Капитан не мог понять, почему я задал такой вопрос. Затем я спросил его, далеко ли мы от земли. На это он ответил, что, по самым точным вычислениям, до ближайшего берега не менее ста лиг. Я попытался убедить его, что он сильно ошибается, так как я покинул страну, в которой жил, всего за два часа до того, как упал в море.

Тут капитан принял серьезный вид и посоветовал мне отправиться в отведенную мне каюту и хорошенько выспаться. При этом он намекнул, что у меня от перенесенных страданий, вероятно, немного помутилось в голове. Я уверил моего хозяина, что благодаря его любезному приему я чувствую себя прекрасно.

Тогда он попросил позволения говорить вполне откровенно. Я, разумеется, выразил согласие на это. Помедлив несколько мгновений, капитан спросил, не повредился ли мой рассудок оттого, что на совести у меня лежит какое-то ужасное преступление, в наказание за которое я и был посажен в этот сундук? Ему известно, что в некоторых странах существует обычай сажать самых страшных преступников на ветхое и дырявое судно и пускать это судно в море. Капитан прибавил, что я могу говорить с ним прямо и без утайки. Конечно, он никогда не простит себе, что принял на корабль такого преступника, но дело сделано, и он дает слово доставить меня целым и невредимым в ближайший порт.

Я, в свою очередь, попросил капитана запастись терпением и внимательно выслушать мой рассказ. Я добросовестно изложил ему все приключения, пережитые мною, начиная с отъезда из Англии и до той минуты, когда он заметил мой ящик. Истина всегда находит доступ в сознание умного и рассудительного человека. Вполне естественно, что этот достойный джентльмен, обладавший большим здравым смыслом и не лишенный образования, довольно скоро убедился в искренности и правдивости моего повествования. Желая рассеять последние сомнения, какие у него могли еще остаться, я попросил капитана приказать принести мой комод, ключ от которого был у меня в кармане. Я открыл комод и показал капитану небольшую коллекцию редкостей, собранных мной в стране, которую я покинул таким странным образом. Тут был гребень из волос королевской бороды и другой, на спинку которого пошел кусочек ногтя с большого пальца ее величества. Тут была коллекция иголок и булавок длиной от фута до полуярда; кучка волос, подобранных мной, когда я присутствовал при причесывании королевы; золотое кольцо, которое она мне подарила, сняв с мизинца и надев мне на шею как ожерелье. Я просил капитана принять это кольцо в благодарность за оказанные им мне услуги, но он наотрез отказался. Я показал ему также мозоль, которую я своими руками срезал с пальца на ноге одной фрейлины; эта мозоль была величиной с хорошее яблоко и до того тверда, что по возвращении в Англию я вырезал из нее кубок и оправил его в серебро. Наконец, я попросил капитана взглянуть на мои штаны из мышиной кожи.

Мне стоило большого труда уговорить капитана принять от меня в подарок зуб придворного лакея, который он разглядывал с большим любопытством. Капитан принял подарок с благодарностью, которой не заслуживала такая безделица. Неопытный хирург по ошибке выдернул этот зуб у одного из лакеев Глюмдалклич, страдавшего зубной болью. Зуб оказался совершенно здоровым. Я вычистил его и спрятал в качестве диковинной редкости к себе в комод. Он имел около фута в длину и четыре дюйма в диаметре.

Капитан остался очень доволен моим безыскусственным рассказом. Он выразил надежду, что по возвращении в Англию я изложу это все письменно и напечатаю в виде книги. По его мнению, этим я окажу большую услугу всему человечеству. Я возразил капитану, что едва ли моя история привлечет к себе много внимания. В настоящее время, сказал я, читателя ничем нельзя удивить. Многие авторы гораздо больше заботятся об

удовлетворении своего тщеславия и корысти, чем об истине, и стараются развлечь невежественных читателей самыми диконинными выдумками. По сравнению с их рассказами моя книга, паверно, покажется бледной и скучной и пройдет незамеченной. Во всяком случае, я поблагодарил капитана за его лестный отзыв и совет.

Капитана очень заинтересовало, почему я так громко говорю, и он спросил меня, не страдали ли глухотой король и королева той страны, где я жил. Я объяснил ему, что это — следствие долгого пребывания среди великанов. Чтобы разговаривать с ними, мне приходилось говорить так, как говорят с человеком, стоящим на верхушке колокольни.

В свою очередь, я признался, что, слушая его, я не могу отделаться от впечатления, будто он говорит шепотом. Я поведал ему и о другом моем впечатлении: когда я попал на корабль и вокруг меня столпились матросы, они показались мне самыми ничтожными по своим размерам существами, какие только я когда-либо видел. И в самом деле, глаза мои до того привыкли к предметам чудовищной величины, что я не мог смотреть на себя в зеркало, так как это порождало во мне очень неприятные мысли о моем ничтожестве.

Капитан сказал, что за ужином я, как он заметил, с большим удивлением рассматривал каждый предмет и часто едва удерживался от смеха. Не зная, чем объяснить такое странное поведение, он приписал его некоторому расстройству моих умственных способностей.

Я ответил, что его наблюдения совершенно правильны, но пусть он сам рассудит, мог ли я не рассмеяться при виде блюда

величиной в три пенса, свиного окорока, который можно было съесть в один прием, чашки, напоминавшей скорлупу ореха, и тому подобного.

Капитан отлично понял мою шутку и весело ответил мне старой английской поговоркой, что у меня глаза больше желудка, так как он не заметил у меня большого аппетита, несмотря на то что я постился в течение целого дня. Продолжая смеяться, он заявил, что заплатил бы сто фунтов за удовольствие посмотреть, как орел нес мой ящик в клюве и как я упал в море с такой страшной высоты. Должно быть, это было поистине удивительное зрелище, достойное описания в поучение грядущим поколениям.

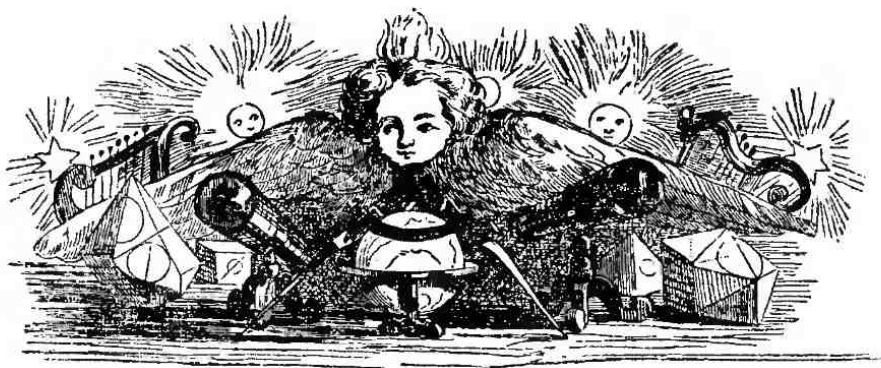
Капитан побывал в Тонкине*, а на обратном пути в Англию корабль был отнесен на северо-восток, к 44° северной широты и 143° восточной долготы. Но спустя два дня после того, как я был взят на борт, мы встретили пассатный ветер и долго шли к югу; миновав Новую Голландию, взяли курс на запад-юго-запад, потом на юго-юго-запад и, наконец, обогнули мыс Доброй Надежды. Наше плавание было весьма счастливо, и я не буду утомлять читателя его описанием. Раз или два капитан заходил в порты запастись провизией и свежей водой. Но я ни разу не сходил с корабля до самого прибытия в Даунс, что произошло 3 июня 1706 года, через девять месяцев после моего освобождения. Я предложил капитану в уплату за мое пребывание на корабле все, что у меня было, но он не согласился взять ни одного фартинга. Мы дружески простились, и я взял с него слово навестить меня в Редрифе. Я нанял лошадь и проводника за пять шиллингов, взятых в долг у капитана.

Разглядывая по пути домой крошечные деревья и дома, людей и домашних животных, я часто воображал себя в Лилипутии. Я боялся раздавить встречавшихся на пути прохожих и нередко громко кричал, чтобы они посторонились. Эта грубость едва не обошлась мне очень дорого: раз или два мне чуть не раскроили череп. Я с трудом узнавал окрестные места, и мне пришлось спрашивать дорогу к моему дому. Слуга отворил дверь. Переступая через порог, я низко нагнул голову (как гусь под воротами), чтобы не стукнуться о притолоку. Жена выбежала мне навстречу и хотела обнять меня. Но я склонился ниже ее колен, полагая, что иначе ей не дотянуться до моего лица. Дочь стала на колени, ожидая моего благословения. Но я так привык задирать голову, общаясь с великанами, что и не заметил ее. На слуг и двух или трех случившихся в доме друзей я смотрел сверху вниз, как смотрит великан на пигмеев. Я попенял жене, что она, верно, чересчур сэкономила, так как и она и дочь превратились в каких-то жалких заморышей. Словом, я вел себя так странно,

что у моих близких зародилось подозрение, не сошел ли я с ума. И упоминаю здесь об этом только для того, чтобы показать, как велика сила привычки и предубеждения.

Скоро все недоразумения между мной, семьей и друзьями уладились, но жена торжественно заявила, что больше я никогда не увижу моря. Однако же злая судьба распорядилась иначе, и — как читатель скоро узнает — даже жена не могла удержать меня на родине. Этим я оканчиваю вторую часть истории моих злосчастных путешествий.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛАПУТУ, БАЛЬНИБАРБИ, ЛАГГНЕГГ, ГЛАББДОБДРИБ И ЯПОНИЮ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Автор отправляется в третье путешествие.
Он захвачен пиратами. Злой голландец. Автор
на пустынном острове. Автора принимают на Лапуту*

ней через десять по моем возвращении домой меня навестил капитан Вильям Робинсон, из Корнуэлса, командир большого корабля «Добрая Надежда» в триста тонн водоизмещением. В старые времена я служил хирургом под его командой на судне, ходившем в Левант. Он обходился со мной скорее как с братом и никогда не видел во мне только своего подчиненного. По-видимому, его посещение было вызвано вполне понятным желанием повидать старого приятеля. По крайней мере, при первом свидании между нами было сказано не больше того, что обычно говорится между друзьями после долгой разлуки. Затем он участил свои посещения, не раз выражал радость,

что видит меня в добром здравье, спрашивал, окончательно ли я решил не покидать Англию, толковал о своем намерении через два месяца отправиться в Ост-Индию. В конце концов, после многих извинений и оговорок, он пригласил меня хирургом на свой корабль. Капитан сказал, что у меня будет помощник, второй хирург, и что я буду получать двойное жалованье. В заключение он прибавил, что обязуется считаться с моими советами по управлению кораблем, так как я знаю морское дело несколько не хуже его и мог бы командовать кораблем наравне с ним.

Капитан наговорил мне столько любезностей и я знал его за такого порядочного человека, что не мог отказаться от его предложения. Несмотря на все испытанные мной невзгоды, жажда видеть свет томила меня с прежней силой. Оставалось преодолеть единственное затруднение — уговорить жену. Но все же я убедил ее дать свое согласие, изложив те выгоды, которые путешествие сулило нашим детям.

Мы снялись с якоря 5 августа 1706 года и прибыли в форт Сен-Жорж* 11 апреля 1707 года. Там мы задержались на три недели. Нам было необходимо пополнить экипаж судна, так как между матросами было много больных. Оттуда мы отправились в Тонкин. В Тонкине капитан решил простоять подольше, так как нужные ему товары не могли быть приготовлены и сданы на судно раньше нескольких месяцев. Желая хотя бы отчасти возместить расходы по этой стоянке, капитан купил шлюп, нагрузил его различными ходовыми товарами и отправил под моей командой на соседние острова. Мне было поручено распродать эти товары, пока он будет вести дела в Тонкине.

Кроме меня, на шлюпе было четырнадцать человек команды, из них три туземца. Не прошло и трех дней после нашего отплытия, как поднялась сильная буря. В продолжение пяти дней жестокий ветер гнал нас по направлению к северо-востоку, а затем к востоку. После этого настала хорошая погода, хотя сильный западный ветер не прекращался. На десятый день в погоню за нами пустились два пирата. Наш тяжело нагруженный шлюп не мог развить большого хода, и потому они скоро догнали нас.

Мы были взяты на abordаж, и оба пиратских капитана почти одновременно ворвались на шлюп во главе своих людей. Так как всякое сопротивление было бесполезно, то я заранее отдал команде приказ — лечь ничком. Благодаря этому дело обошлось без кровопролития. Пираты ограничились тем, что крепко связали нас, приставили к нам стражу и принялись обыскивать судно.

Я заметил среди пиратов одного голландца. По-видимому, он пользовался у них некоторым авторитетом, хотя и не был командиром корабля. Он тотчас признал в нас англичан и, осыпая бранью, поклялся связать нас попарно спинами и бросить в море*.

Обратившись к нему, я просил его принять во внимание, что мы христиане и протестанты, подданные государства, дружественного его отечеству. Поэтому ему следовало не грозить нам, а, напротив, заступиться за нас перед командиром. Он повторил свои угрозы и, обратясь к своим товарищам, стал с жаром говорить что-то, по-видимому по-японски, часто повторяя слово «христианос».

Командиром более крупного судна был японец, который говорил немного по-голландски. Подойдя ко мне и задав несколько вопросов, на которые я ответил очень почтительно, он объявил, что нам сохраняют жизнь. Низко поклонившись капитану, я обратился к голландцу и сказал, что мне прискорбно видеть в язычнике больше милосердия, чем в своем брате христианине. Мне пришлось скоро раскаться в этих необдуманных словах. После неоднократных попыток убедить капитанов бросить меня в море этот негодяй добился того, что мне было назначено наказание похуже самой смерти. Моих людей разместили поровну на обоих пиратских судах, а на шлюп перевезли новую команду. Меня же было решено посадить в небольшую парусную шлюпку и, снабдив провизией на четыре дня, предоставить на волю ветра и волн. Капитан-японец был так добр, что удвоил количество провизии из собственных запасов и запретил обыскивать меня. Пока я спускался в шлюпку, голландец стоял на палубе и осыпал меня всеми проклятиями и ругательствами, какие только были ему известны.

Примерно за час до нашей встречи с пиратами я произвел высчисления и определил, что мы находимся под 46° северной широты и 183° восточной долготы. Когда пираты скрылись из виду, я достал карманную подзорную трубу и тщательно оглядел горизонт: к юго-востоку я заметил несколько островов. Я поднял парус и направился к ним. Ветер был попутный, и через три часа я достиг ближайшего из этих островов. На скале виднелось множество птичьих гнезд, и я без труда набрал порядочно яиц. При мне был кремьень, огниво и трут. Я высек огня и развел костер из вереска и сухих водорослей, на котором испек яйца. Этим и ограничился мой ужин, так как я решил по возможности беречь провизию. На ночь я устроился под выступом скалы, постлав немного вереска, и спал очень хорошо.

На следующий день я перебрался на другой остров, а оттуда на третий и четвертый. Только на пятый день скучного и утомительного путешествия я достиг, наконец, самого восточного из этих островов. Он лежал далеко в море, и, чтобы добраться до него, мне понадобилось свыше пяти часов. Берега его были почти неприступны, и только после долгих поисков мне удалось найти подходящее место для высадки. Это была небольшая бухточка, где могли бы поместиться лишь две-три такие шлюпки, как моя.

почва острова была камениста и бесплодна. Только кое-где в расщелинах скал виднелись жалкие кустики и душистые растения.

Я достал провизию и немного подкрепился. Все оставшееся я бережно спрятал в одной из пещер в прибрежных скалах, где решил провести ночь. На утесах я собрал много яиц, а затем принес в пещеру две-три охапки сухой травы и водорослей, рассчитывая утром испечь яйца себе на завтрак. Постелью мне служили

те же водоросли и трава. Спал я очень плохо. Тревожные мысли не давали мне заснуть, несмотря на усталость. Я думал о том, как мало у меня надежды на спасение, и рисовал себе ожидающий меня печальный конец. Я был так подавлен этими размышлениями, что никак не мог решиться встать.

Было уже совсем светло, когда я вылез из пещеры. Я немного прошелся между скалами. Небо было совершенно ясное; солнце палило нестерпимо. Вдруг разом потемнело, но совсем не так, как бывает, когда на солнце набежит облако. Я поднял глаза и увидел в воздухе, на высоте примерно двух миль от поверхности земли, большое черное тело, которое подвигалось по направлению к острову. Оно-то и заслонило на несколько минут солнце. Но я не заметил, чтобы при этом воздух похолодел, а небо потемнело. Впечатление было такое, будто я оказался в тени от скалы. Когда это тело приблизилось, я увидел, что оно состоит из какого-то твердого вещества. Обращенная к земле сторона его была плоской и гладкой; она ярко сверкала, отражая озаренное солнцем море. Я взобрался на высокую скалу в двухстах ярдах от берега и увидел, что это обширное тело почти отвесно опускается вниз. Нас разделяло расстояние не больше английской мили. Я вооружился подзорной трубой и мог ясно разглядеть людей, опускавшихся и поднимавшихся по отлогим сторонам тела. Но что делали эти люди, я не мог разобрать.

Я затрепетал от радости. У меня явилась надежда, что это приключение так или иначе принесет мне спасение и свободу. Но в то же время (читатель легко поймет это) я с неописуемым удивлением смотрел на парящий в воздухе остров, населенный людьми, которые, как мне показалось, могли управлять им по своему произволу. Впрочем, в ту минуту мне было не до философских размышлений на эту тему. Меня гораздо больше интересовало, в какую сторону двинется остров, так как он как будто остановился в воздухе. Однако через несколько минут он снова пришел в движение и настолько приблизился ко мне, что я мог довольно подробно рассмотреть его.

По краям острова тянулись обширные галереи, расположенные уступами, одна над другой. Отлогие лестницы соединяли их между собой и с вершиной острова. На самой нижней галерее стояло и сидело несколько человек; одни из них ловили рыбу длинными удочками, а другие смотрели на эту ловлю. Я стал махать ночным колпаком (моя шляпа давно уже износилась), а когда остров еще ближе придвинулся к скале, на которой я стоял, принялся кричать во всю глотку. Через несколько минут я заметил, что на обращенной ко мне стороне острова собирается толпа. Люди указывали на меня пальцами и оживленно жестикулировали. Я понял, что они заметили меня, хотя и не отвечали на

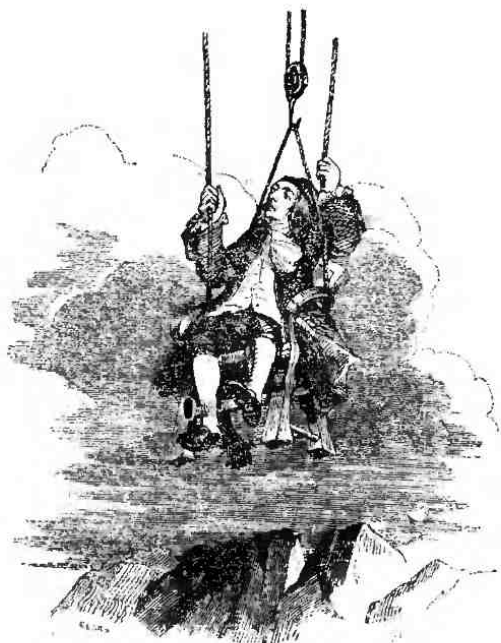

мои крики. Внезапно четыре или пять человек отделились от толпы и поспешно устремились по лестницам на вершину острова. Там я потерял их из виду. Я догадался, что эти люди направились за приказаниями к какой-нибудь важной особе.

Толпа все возрастала и возрастала. Не прошло и получаса, как остров был придвинут к моей скале с таким расчетом, что нижняя галерея оказалась не дальше как на сто ярдов от вершины скалы и на одном уровне с ней. Я принял умоляющую позу и начал жалобно взывать о помощи. Но все мои мольбы остались без ответа. Те, что стояли ближе других ко мне, были, если судить по их костюмам, знатные особы. Они о чем-то серьезно совещались, все время поглядывая на меня.

Наконец один из них что-то прокричал мне на чистом, изящном и благозвучном языке, напоминающем по звуку итальянский. Я ответил по-итальянски: мне казалось, что если они не поймут меня, то итальянская речь больше всякой другой придется им по вкусу. Впрочем, и без слов нетрудно было понять, о чем я прошу.

Мне сделали знак спуститься со скалы на берег. Я поспешно повиновался этому приглашению. Летучий остров снизился как раз надо мной. Немедленно сверху спустили цепь с прикрепленным к ней сиденьем. Я уселся на него и при помощи блоков был поднят на остров.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Характер и нравы лапутян. Наука в Лапуте.
Король и его двор. Прием, оказанный автору
при дворе. Страхи и тревоги лапутян. Жены лапутян*

Едва я высадился на остров, как меня окружила толпа народа. Люди, стоявшие поближе ко мне, по-видимому, принадлежали к высшему классу. Все разглядывали меня с величайшим удивлением. Но и сам я не остался в долгу у них: никогда еще мне не приходилось видеть смертных, которые вызывали бы такое удивление своей фигурой, одеждой и выражением лиц. У всех головы были скошены направо и налево; один глаз косил внутрь, а другой дел прямо вверх. Их верхняя одежда была украшена изображениями солнца, луны, звезд попеременно с изображениями скрипки, фисгарды, арфы, трубы, гитары, клавикордов и многих других музыкальных инструментов, неизвестных в Европе. Поодаль я заметил несколько человек в одежде слуг. В руках они держали длинные палки. К палкам были привязаны надутые воздухом пузыри.

Они мне сказали потом, в пузыри было насыпано немного гороха или мелких камешков. Время от времени слуги ударяли этими пузырями по губам и ушам лиц, стоявших подле.

Я долго не мог уразуметь, для чего это делается. По-видимому, эти люди так погружены в глубокомысленнейшие размышления, что почти не способны ни слушать речи собеседников, ни отвечать на них. Чтобы побудить их к этому, необходимо какое-нибудь внешнее, чисто физическое воздействие на органы речи и слуха. Вот почему состоятельные люди всегда держат в числе прислуги так называемого хлопальщика (по-туземному — к л а й м е н о л е) и без него никогда не выходят из дому. Обязанность хлопальщика заключается в том, чтобы при встрече нескольких лиц слегка хлопнуть по губам того, кому следует говорить, и по правому уху тех, кто слушает. На прогулках хлопальщик должен время от времени похлопывать своего господина по глазам, ибо в противном случае тот на каждом шагу подвергается опасности упасть в яму, или стукнуться головой о столб, или же столкнуться с другими прохожими.

Мне необходимо сообщить читателю все эти подробности. Иначе ему, как и мне, было бы затруднительно понять те ужимки, с какими эти люди проводили меня по лестницам на вершину острова, а оттуда в королевский дворец. Поднимаясь по ступенькам, они то и дело забывали, что им нужно делать, и отставали от меня. Тогда хлопальщики выводили из забвения своих господ. На них, по-видимому, не произвели никакого впечатления ни моя наружность, ни мой костюм, ни изумленные восклицания простого народа, который далеко не так склонен к глубокомыслию.

Наконец мы достигли дворца и проследовали в аудиенц-зал. Здесь на высоком троне, окруженный знатнейшими вельможами,

сидел король. Перед троном стоял большой стол, заставленный глобусами, планетными кругами и различными математическими инструментами. Его величество не обратил на нас ни малейшего внимания, хотя наше появление благодаря придворной челяди сопровождалось изрядным шумом. Король был погружен в решение трудной задачи, и мы ожидали по крайней мере час, пока он ее решил. По обеим сторонам короля стояли два пажа с пузырями в руках. Заметив, что король решил задачу, один из них почтительно хлопнул его по губам, а другой по правому уху. Король вздрогнул и обратил свои взоры на меня и сопровождавшую меня свиту. Он произнес несколько слов, после чего молодой человек, вооруженный пузырем, тотчас подошел ко мне и легонько хлопнул меня по правому уху. Я показал знаками, что не нуждаюсь в подобном напоминании. Это, как я узнал позднее, внушило его величеству и всему двору очень невысокое мнение о моих умственных способностях.

Король задал мне несколько вопросов. Я отвечал ему на всех известных мне языках. Когда выяснилось, что мы не можем по-

нять друг друга, король приказал отвести меня в один из дворцовых покоев, где ко мне приставили двух слуг. В отличие от всех своих предшественников, этот монарх весьма приветлив по отношению к иностранцам. Подали обед, и четыре знатные особы, которых я видел подле короля в тронном зале, оказали мне честь, сев со мной за стол. Обед состоял из двух перемен, по три блюда в каждой. На первую переменную были поданы баранья лопатка, вырезанная в форме равностороннего треугольника, кусок говядины в форме ромбоида и пудинг в форме циклоида. Во вторую переменную вошли две утки, приготовленные в форме скрипок, сосиски и колбаса в виде флейты и гобоя и телячья грудинка в виде арфы. Слуги резали нам хлеб на куски, имевшие форму конусов, цилиндров, параллелограммов и других геометрических фигур.

За обедом я позволил себе задать ряд вопросов о том, как называют на здешнем языке различные предметы. При содействии хлопальщиков эти знатные особы отвечали мне весьма любезно. По-видимому, они надеялись, что мое восхищение их способностями еще более усилится, если я получу возможность свободно беседовать с ними. Скоро я уже мог попросить хлеба, воды и всего, что мне было нужно.

После обеда мои сотрапезники удалились, и ко мне по приказанию короля в сопровождении хлопальщика прибыло новое лицо. Лицо это принесло с собой перья, чернила, бумагу и три или четыре книги и знаками дало понять, что ему поручено обучать меня здешнему языку. Мы занимались четыре часа, и за это время я написал несколько столбцов слов и выучил ряд небольших фраз. Учитель мой то и дело приказывал одному из слуг принести какой-нибудь предмет или повернуться, поклониться, сесть, встать, ходить и т. п., а я повторял и записывал каждую произнесенную им фразу. Он показал мне также в книге изображения солнца, луны, звезд, зодиака, тропиков и полярных кругов и сообщил названия многих плоских фигур и стереометрических тел. Он назвал и описал мне все музыкальные инструменты и познакомил меня с техническими терминами, употребляющимися при игре на каждом из них. Когда он ушел, я расположил все эти слова с их толкованиями в алфавитном порядке. Благодаря хорошей памяти я в несколько дней приобрел некоторые познания в лапутском языке.

Я так и не мог узнать, откуда взялось слово Лапу́та, которое я перевожу словами летучий, или плавучий, остров. Лап — старинное, вышедшее из употребления слово, означающее в с о к и й, у н т у — правитель, отсюда, как утверждают ученые, произошло слово Лапу́та, искаженное Лапунту. Но я не могу согласиться с подобным объяснением,

оно мне кажется немного натянутым. Я отважился высказать тамошним ученым догадку насчет происхождения этого слова.

По-моему, Ла п у т а есть не что иное, как л а п а у т е д: л а п означает игру солнечных лучей на поверхности моря, а у т е д — крыло. Впрочем, я не уверен, что моя догадка правильна, я только предлагаю ее на суд здравомыслящего читателя*.

Придворные, которым король поручил заботиться обо мне, обратили внимание на мое грязное, поношенное платье и немедленно вызвали портного снять мерку с меня для нового костюма. Выполняя это поручение, мастер действовал совсем иначе, чем его европейские собратья. Прежде всего он определил при помощи квадранта мой рост, затем вооружился циркулем и линейкой и вычислил на бумаге размеры и очертания моего тела. Через шесть дней платье было готово. Оно было сшито совсем не по фигуре и сидело на мне очень скверно. Мастер объяснил мне, что, по-видимому, в его вычисления вкралась какая-то ошибка. Я, впрочем, не слишком огорчился этим. Судя по платью окружавших меня придворных, такие ошибки встречались здесь очень часто.

Я чувствовал себя очень слабым после перенесенных мною испытаний. К тому же у меня не было приличного платья. Поэтому я провел несколько дней в комнате и за это время значительно расширил свои познания в здешнем языке. При новом посещении двора я мог уже удовлетворительно отвечать королю на многие его вопросы. Его величество отдал приказ направить остров на северо-восток, к Лагадо, столице всего королевства, расположенной внизу, на земной поверхности. Для этого нужно было пройти девяносто лиг, и наше путешествие продолжалось четыре с половиной дня. Интересно, что я совсем не ощущал поступательного движения острова в воздухе. На другой день около одиннадцати часов король, знать, придворные и чиновники, вооружась музыкальными инструментами, задали концерт. Он продолжался в течение трех часов непрерывно. Я был совершенно оглушен и никак не мог понять, для чего все это делается. Но мой учитель объяснил мне, что народ, населяющий летучий остров, одарен способностью воспринимать музыку сфер. Эта музыка слышна только в строго определенные сроки. Срок этот уже близок, и каждый придворный готовится принять участие в мировом концерте на том инструменте, каким он лучше всего владеет.

Во время нашего полета к Лагадо его величество приказывал останавливать остров над некоторыми городами и деревнями для приема прошений от своих подданных. С этой целью вниз опускались тонкие веревочки с небольшим грузом на конце. К этим веревочкам население подвешивало свои прошения, и они поднимались вверх, как клочки бумаги, которые школьники прикреп-

ляют к бечевкам от своих змеев. Иногда мы получали снизу вино и съестные припасы — все это поднимали к нам на блоках.

Мои математические познания оказали мне большую услугу при изучении их разговорного языка. В этом языке много выражений заимствовано из математики и музыки. Головы у этих людей набиты геометрическими чертежами и фигурами. Желая, например, похвалить красоту женщины или какого-нибудь животного, они непременно воспользуются геометрическими терминами: ромб, окружность, параллелограмм, эллипс — или же заимствуют сравнения из музыки. В королевской кухне я видел всевозможные математические и музыкальные инструменты, по образцу которых повара режут жаркое для стола его величества.

Дома лапутян построены очень плохо. Стены почти всегда перекошены, ни в одной комнате нельзя найти прямого угла. Дело в том, что они глубоко презируют прикладную геометрию. По их мнению, это чрезвычайно вульгарная наука, которой могут заниматься только грубые ремесленники. Они увлекаются лишь высшими отвлеченными вопросами, и все указания, какие они дают рабочим, так сложны и непрактичны, что на этой почве сплошь и рядом возникают самые забавные ошибки. Они довольно искусно владеют линейкой, карандашом и циркулем. Но мне никогда не приходилось видеть людей, которые в обыденной жизни были бы так неловки, неуклюжи и косолапы, так туги на понимание всего, что не касается математики и музыки. Они очень плохие мыслители; опровергнуть их рассуждения не стоит никакого труда — разумеется, кроме тех случаев, когда истина на их стороне, но это бывает очень редко. Эти люди совершенно лишены воображения, фантазии и изобретательности. В их языке нет даже слов для выражения этих понятий. Кроме математики и музыки, они ничего не знают, да и не желают знать.

Большинство лапутян, особенно те, кто занимается астрономией, верят в астрологию, хотя и стыдятся открыто признаться в этом. Но больше всего поразило меня их совершенно непостижимое пристрастие к новостям в политике. Они вечно расспрашивают о последних новостях, часами толкуют о государственных делах и затевают ожесточенные споры по поводу пустяковых партийных разногласий. Впрочем, ту же склонность я заметил и у большинства европейских математиков, хотя никогда не мог найти ничего общего между математикой и политикой. Мне кажется, что эта склонность имеет своим источником весьма распространенную среди людей слабость, побуждающую нас интересоваться и заниматься такими вещами, к которым мы по существу дела не имеем никакого отношения.

Лапутяне вечно пребывают в тревоге. Они никогда не наслаждаются душевным покоем. Интереснее всего то, что они тревожат-

ся из-за таких вещей, которые очень мало волнуют остальных смертных. Больше всего пугает их возможность перемен в небесных светилах. Они боятся, как бы Земля, непрестанно сближаясь с Солнцем, не была в конце концов поглощена им. Они трепещут от мысли, что когда-нибудь Солнце покроется твердой коркой и не будет больше давать света. Они считают также, что Земля едва ускользнула от удара хвостом последней кометы и что будущая комета, появление которой, по их вычислениям, надо ожидать через тридцать один год, по всей вероятности, уничтожит Землю. Но это еще не всё. По мнению лапутян, Солнце, расточая ежедневно свое тепло без всякого возмещения потери, в конце концов сгорит и уничтожится. А это неизбежно повлечет за собой разрушение Земли и всех планет, получающих от него свой свет*.

Лапутяне так напуганы вечным ожиданием всех этих катастроф, что не могут спокойно спать на своих кроватях и наслаж-

даться обыкновенными удовольствиями и радостями жизни. Встречаясь утром со знакомыми, лапутянин прежде всего задает вопросы: как поживает Солнце, какой вид имело оно при заходе и восходе, есть ли надежда избежать столкновения с приближающейся кометой? Такие разговоры они способны вести часами с тем увлечением, с каким дети слушают страшные рассказы о духах и привидениях; они жадно слушают их, а после не могут спать от страха. Женщины острова совсем не похожи на мужчин. Это живые, бойкие создания, любящие светскую жизнь и презирающие своих мужей. Они постоянно жалуются на свою уединенную жизнь на острове, хотя, по-моему, это самый очаровательный уголок в мире. Островитянки жаждут столичных развлечений, и вся та роскошь и довольство, какими они окружены на острове, не могут удовлетворить их. Но беда в том, что спуститься на землю можно только с особого разрешения короля. Такое разрешение дается очень неохотно. Дело в том, что влиятельные при дворе лица на основании долгого опыта убедились, как трудно бывает заставить жен возвратиться с континента на остров, и чинят всякие препятствия их поездкам в столицу.

Через месяц я сделал порядочные успехи в лапутском языке и мог свободно отвечать на большинство вопросов, задаваемых мне королем. Его величество несколько не интересовался законами, правлением, историей, религией, нравами и обычаями стран, которые я посетил. Он ограничился только расспросами о состоянии математики, причем выслушивал мои ответы с величайшим пренебрежением и равнодушием, хотя хлопальщики прилагали все усилия, чтобы пробудить в нем должное внимание.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Задача, решенная современной философией и астрономией.
Большие успехи лапутян в области астрономии. Королевский
способ подавлять восстания*

Я получил от его величества милостивое дозволение осмотреть достопримечательности острова. Моему наставнику велено было сопровождать меня. Больше всего меня интересовало, какие механизмы или естественные силы природы приводят остров в движение. Об этом я сейчас расскажу.

Летучий, или плавучий, остров имеет форму правильного круга диаметром в семь тысяч восемьсот тридцать семь ярдов, или около четырех с половиной миль; следовательно, его поверхность равняется десяти тысячам акров. Высота острова равна тремстам ярдам. Основанием острова служит гладкая алмазная плита

толщиной около двухсот ярдов. Нижняя ее поверхность всегда обращена к земле. На этой плите лежат пласты различных горных пород, прикрытых сверху слоем богатого чернозема в десять или двенадцать футов глубины.

В центре острова находится пропасть около пятидесяти ярдов в диаметре, через которую астрономы опускаются в большую пещеру. Пещера имеет форму купола и называется поэтому *Фландона Гагноле*, или *Астрономической пещерой*; она расположена в глубине ста ярдов в толще алмаза. В этой пещере всегда горят двадцать ламп, которые, отражаясь от алмазных стенок, ярко освещают каждый уголок. Вся пещера заставлена разнообразнейшими секстантами, квадрантами, телескопами, астролябиями и другими астрономическими приборами. Но главной ее достопримечательностью, от которой зависит судьба острова, является огромный магнит, по форме напоминающий ткацкий челнок. Он имеет в длину шесть ярдов, ширина его в самой толстой части достигает трех ярдов. В самой середине магнита проделано поперечное отверстие, сквозь которое проходит чрезвычайно прочная алмазная ось. Эта ось пригнана так точно, что даже от самого легкого прикосновения руки магнит начинает вращаться. Магнит подвешен в полом алмазном цилиндре. Толщина стенок цилиндра равна четырем футам, высота их также четыре фута; диаметр цилиндра достигает двенадцати футов. По своей форме цилиндр напоминает гигантское алмазное кольцо. Цилиндр укреплен горизонтально на восьми алмазных ножках, высотой в шесть ярдов каждая. На внутренней поверхности его стенок, посередине, сделаны два гнезда, глубиной в двенадцать дюймов каждое; в эти гнезда вставлены концы оси, на которой вращается магнит.

Никакая сила не может сдвинуть с места описанный нами магнит, потому что цилиндр вместе с ножками составляет одно целое с массивной алмазной плитой, образующей основание острова.

При помощи этого магнита остров может подниматься, опускаться и передвигаться с одного места на другое, ибо по отношению к подвластной монарху части земной поверхности магнит обладает с одного конца притягательной силой, а с другого — отталкивающей. Когда магнит поставлен вертикально и его положительный полюс обращен к земле, остров опускается, а когда обращен книзу отрицательный полюс магнита, остров поднимается. При косом положении магнита остров тоже движется в косом направлении, ибо сила этого магнита направлена всегда в ту сторону, куда повернут положительный конец.

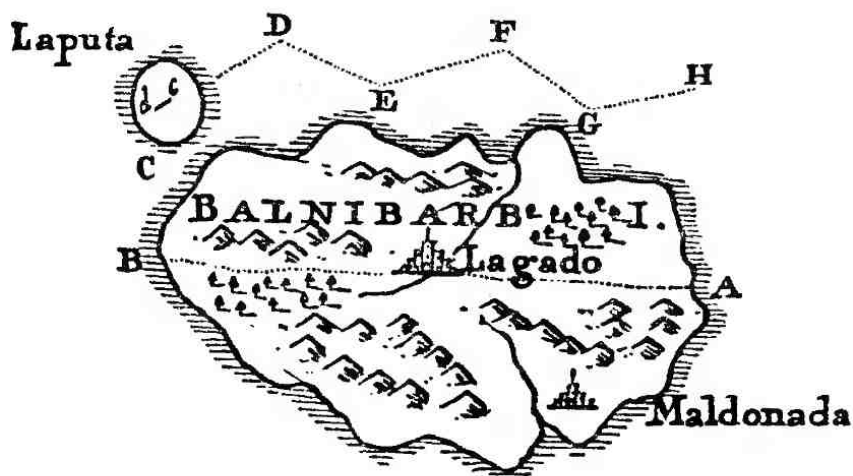
Чтобы понять, как происходит передвижение острова, допустим, что линия «АВ» проходит через государство Бальнибарби, линия «ВГ» — магнит, точка «В» — его отрицательный полюс,

а точка «Г» — положительный. Допустим, что остров находится над точкой «В». Пусть магнит будет поставлен в положение «ВГ», при котором его отрицательный полюс направлен наискось вниз, тогда остров начнет подвигаться по направлению к «Г». Когда он достигнет этой точки, повернем магнит так, чтобы его положительный полюс был направлен к «Д», тогда и остров будет двигаться наискось по направлению к «Д». Если теперь поставить магнит по направлению к «Е», отрицательным полюсом книзу, остров поднимается наискось к «Е», откуда, направив положительный полюс к «Ж», остров можно перенести к «Ж». Таким образом, изменяя положение магнита, можно поднимать и опускать остров по косым линиям и при помощи таких подъемов и спусков передвигать его из одной части государства в другую.

Однако надо заметить, что Летучий остров может передвигаться только над владениями монарха Лапуты. Дело в том, что минералы, действующие на большой магнит, залегают только в пределах этого королевства. А в то же время остров не может подниматься выше четырех миль от поверхности земли, так как на большой высоте прекращается действие магнита.

Если поставить магнит в строго горизонтальное положение, остров останавливается. Объяснить это явление нетрудно; полюсы магнита, находясь на одинаковом расстоянии от земли, действуют с одинаковой силой, один — притягивая остров книзу, другой — толкая его вверх, и остров не может сдвинуться с места.

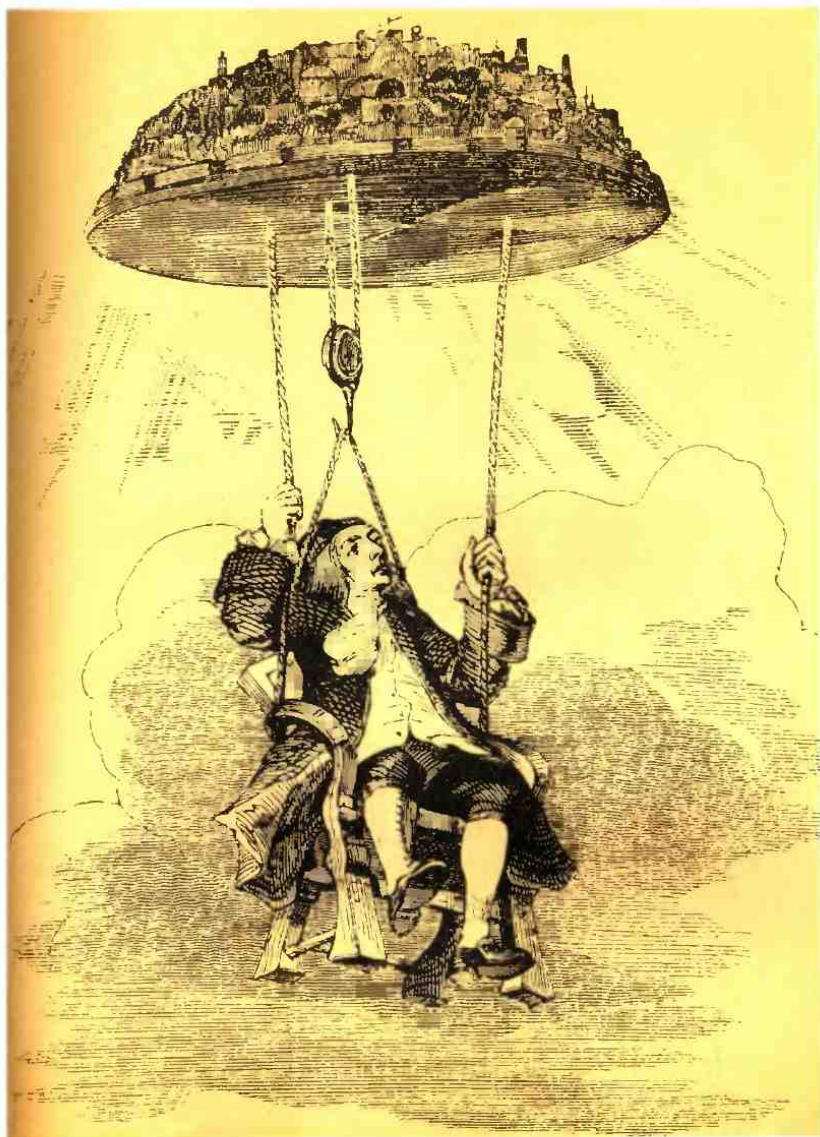
Магнит находится в ведении опытных астрономов, которые по приказу короля меняют его положение. Эти ученые большую часть своей жизни проводят в наблюдениях за движениями небесных светил. Здесь телескопы по своим качествам значи-

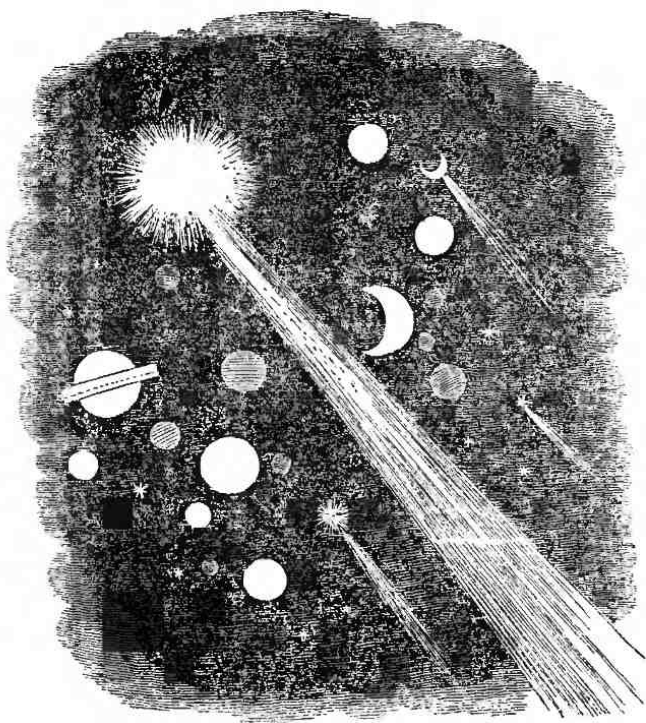

тельно превосходят наши. Самые большие из них не длиннее трех футов, однако они гораздо сильнее наших стофутовых телескопов. Это преимущество позволило лапутянам в своих открытиях оставить далеко позади наших европейских астрономов. Так, ими составлен каталог двухсот тысяч неподвижных звезд, между тем как самый обширный из наших каталогов содержит не более одной трети этого числа. Кроме того, они открыли две маленькие звезды, или два спутника, обращающихся около Марса. Ближайший из них удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, второй находится от нее на расстоянии пяти таких же диаметров.

Лапутяне утверждают, что они произвели наблюдения над девяносто тремя различными кометами и установили с большой точностью периоды их возвращения. Если это справедливо, то было бы весьма желательно, чтобы результаты их наблюдений сделались публичным достоянием. Это помогло бы усовершенствовать теорию комет, которая теперь сильно хромает*. Нетрудно понять, что обладание летучим островом дает королю Лапуты огромные преимущества по сравнению с остальными государями на земле. Он мог бы легко стать самым абсолютным монархом в мире, если бы ему удалось убедить своих министров действовать с ним заодно. Но министры отлично понимают, что положение фаворита при неограниченном монархе далеко не прочно. К тому же у каждого из них имеются обширные владения на континенте. Поэтому порабощение отечества невыгодно для них, и они не соглашаются на это.

Если в каком-нибудь городе внизу вспыхивает восстание и он отказывается вносить налоги, то король располагает двумя средствами привести его к покорности. Первое и более мягкое из них таково: король приказывает остановить остров над таким городом и прилегающими к нему землями; этим он лишает непокорных благодетельного действия солнца и дождя, и в их стране начинаются голод и болезни. Если, по мнению короля, горожане запятали себя особыми преступлениями, он может усилить эту кару: по его приказанию на город сбрасываются огромные камни, от которых население может укрыться только в подвалах и погребках, так как жилища подвергаются полному разрушению. Но если мятежники продолжают упорствовать, король применяет другое, более решительное средство: остров опускается прямо на головы непокорных и расплющивает их вместе с их домами. Однако к этому крайнему средству король прибегает в очень редких случаях. Министры также не часто решаются рекомендовать ему подобное мероприятие. С одной стороны, они опасаются ненависти и мести со стороны народа, с другой — боятся, как бы при этом не пострадали их собственные владения. Не надо забывать, что

остров является исключительной собственностью короля, а все поместья, дома и виллы вельмож расположены на континенте.

Но существует и другая, более важная причина, почему короли этого государства только в случае самой крайней необходимости, да и то очень неохотно, прибегают к этой страшной мере.

Если город, обреченный на уничтожение, расположен среди высоких скал — а большинство здешних городов, и притом вполне намеренно, так и расположены, — если в таком городе существует много колоколен или каменных башен, то быстрое падение острова может повредить его алмазное основание. Правда, это основание, как я уже говорил, состоит из одного цельного алмаза толщиной в двести ярдов, но все же при сильном толчке оно может расколоться или потрескаться от вспыхнувших при разрушении зданий пожаров. Это обстоятельство известно населению, и оно отлично учитывает его, организуя сопротивление против посягательства на свою свободу и имущество.

Король, со своей стороны, приняв решение стереть с лица земли мятежный город, приказывает опускать остров как можно медленнее и осторожнее. При этом он говорит о своем милосердии

и жалости, но на самом деле им руководит боязнь разбить алмазный диск при столкновении с поверхностью земли.

Года за три до моего прибытия к лапутянам произошло необыкновенное событие, которое чуть было не оказалось роковым для этой монархии. Король облетал свои владения. Первый город, который он посетил, был Линдалино, один из самых больших в королевстве; население города принесло королю множество жалоб на притеснения со стороны губернатора. Как и прежде, эти жалобы были оставлены без последствий. Не прошло и трех дней после отъезда короля, как горожане заперли ворота, арестовали губернатора и в невероятно короткий срок воздвигли по четырем углам города четыре массивные башни такой же высоты, как и гранитная остроконечная скала, возвышающаяся как раз в центре города. На башнях и скале они установили по большому магниту, и на случай, если магниты не окажут своего действия на управление островом, они заготовили огромное количество легковоспламеняющегося топлива, рассчитывая при помощи огня повредить алмазное основание острова.

Вести о восстании в Линдалино дошли до короля только через восемь месяцев. Он отдал распоряжение направить остров к Линдалино. Через несколько дней остров остановился прямо над городом, лишив жителей солнечного света и дождей. Мера оказалась недостаточной. Через город протекала большая река. Жители успели запастись провиантом и не боялись осады. Они были полны решимости сопротивляться до конца. Король велел спустить с острова множество бечевок. Но вместо смиренных прошений на остров полетели дерзкие требования: о возмещении причиненного ущерба, восстановлении городских привилегий, предоставлении жителям права выбора губернатора и тому подобные несуразности. В ответ на это его величество приказал островитянам бросать на город большие камни. Но горожане укрылись от этой свирепой кары в своих башнях и погребах, припрятав в них свои пожитки.

Тогда король, твердо решивший привести к покорности этих гордецов, приказал опустить остров на сорок ярдов от вершук башен и скалы. Приказание короля было исполнено. Однако чиновники, повернув магнит, заметили, что остров спускается гораздо быстрее обычного. Приведя магнит в горизонтальное положение, они сумели приостановить дальнейший спуск, но при этом выяснилось, что остров сильно притягивается к земле и может упасть. Они тотчас дали знать об этом его величеству и просили разрешения поднять остров выше. Король немедленно дал свое согласие. Остров подняли на значительную высоту. Вслед за тем был созван большой совет, и чиновники, ведающие магнитом, получили приказание присутствовать на нем. Самый опытный и

ученый из них попросил позволения произвести опыт. Он взял прочный и длинный шнурок, прикрепил к концу шнурка кусок алмаза, содержащий в себе некоторое количество железной руды (подобно алмазу, составлявшему основание острова), и стал медленно спускать его с нижней галереи прямо над верхушкой одной из башен. Но едва алмаз опустился на несколько ярдов, как чиновник почувствовал, что камень с такой силой потянуло вниз, что он с трудом удержал шнурок в руках. Тогда чиновник сбросил несколько обломков алмаза и заметил, что башня притянула их к себе. Такой же опыт был проделан и над остальными башнями. Результат везде был одинаковый.

Испуганный король прекратил все попытки разрушить город и оставил его в покое.

Один из министров уверял меня, что если бы остров опустился над городом так низко, что не мог бы больше подняться, то горожане навсегда лишили бы его возможности передвигаться, убили бы короля и всех его сторонников и совершенно изменили бы образ правления.

Основной закон государства запрещает королю и двум его старшим сыновьям оставлять остров. То же запрещение распространяется и на королеву.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Автор покидает Лапуту. Его спускают в Бальнибарби.
Прибытие автора в столицу. Описание столицы
и прилегающей местности. Один сановник гостеприимно
принимает у себя автора. Его беседы с этим
сановником*

Хотя я не могу пожаловаться на прием, оказанный мне на острове, но все же должен сознаться, что не пользовался там особенным вниманием. Больше того, лапутяне немножко презирали меня. Это и понятно, если вспомнить, что король и население не интересовались ничем, кроме математики и музыки. А в этой области знаний я значительно отстал от них и потому не мог приобрести большого уважения.

С другой стороны, осмотрев все достопримечательности острова, я сам стремился его покинуть. Мне смертельно надоели эти люди. Они действительно чрезвычайно сведущи в математике и музыке. Но образованные лапутяне так рассеянны и так глубоко погружены в умозрения, что я никогда в жизни не встречал более неприятных собеседников. Поэтому во время пребывания на острове я по возможности избегал вступать с ними в беседу и разговаривал главным образом с женщинами, купцами, хлопальщиками и с пажами. Это были единственные люди, от которых я мог получить разумный ответ на заданный вопрос. Но зато образованные лапутяне стали относиться ко мне с большим презрением.

Благодаря усиленным занятиям я довольно хорошо изучил местный язык. Мне было томительно скучно на острове, где мне оказывали так мало внимания, и я решил покинуть его при первом удобном случае.

При дворе я постоянно встречался с одним вельможей, близким родственником короля. Это обстоятельство было единственной причиной, почему царедворцы обходились с ним почтительно. На деле они считали его человеком крайне глупым и невежественным. Он оказал много весьма важных услуг государству, обладал большими природными способностями и отличался прямоотой и честностью. Но, к сожалению, его ухо было так нечувствительно к музыке, что, по уверению недоброжелателей, он часто отбивал такт невпопад. Так же обстояло дело и с математикой: наставники лишь с большим трудом могли научить его доказывать простейшие математические теоремы. Этот вельможа оказывал мне большое благоволение. Он часто навещал меня, желая получить сведения о Европе, о законах и обычаях, нравах и науках различных посещенных мною стран. Он слушал меня с большим вниманием и

делал мудрые замечания по поводу моих рассказов. При нем состояли два хлопальщика, но он никогда не прибегал к их услугам, исключая придворных церемоний и официальных визитов. Когда же мы оставались наедине, он всегда отпускал их.

Я попросил эту почтенную особу исходатайствовать мне у его величества разрешение покинуть остров. Вельможа, хотя и с сожалением, как ему угодно было сказать мне, исполнил мою просьбу. Желая удержать меня на острове, он сделал мне много лестных предложений, но я отказался от них с выражением глубочайшей признательности.

16 февраля я попрощался с его величеством и придворными. Король наградил меня подарками ценностью около двухсот английских фунтов; такой же подарок я получил и от моего покровителя, родственника короля. Кроме того, он дал мне рекомендательное письмо к своему другу, жившему в Лагадо, столице королевства. В это время остров парил на расстоянии двух миль от столицы, и меня спустили с нижней галереи при помощи того же кресла, на цепях, на которых два месяца назад я поднялся на остров.

Континентальные владения монарха Летучего острова известны под именем Бальнибарби, а столица этого государства, как я уже говорил, называется Лагадо. Я не без удовольствия почувствовал под ногами твердую землю. Так как на мне был местный костюм и я достаточно владел языком, чтобы объясниться с местными жителями, то я без всяких затруднений добрался до столицы. Я скоро отыскал дом лица, к которому меня направил мой покровитель, передал ему рекомендательное письмо и был принят весьма любезно. Этот сановник, по имени Мьюноди, велел приготовить у себя в доме для меня комнату, где я и прожил все время моего пребывания в столице.

На другой день по моем приезде хозяин усадил меня в коляску и повез осматривать столицу. Город этот раза в два меньше Лондона. Дома в нем построены очень странно, многие из них полуразрушены. Прохожие имели какой-то дикий вид. Почти все они были в лохмотьях; вытаращив глаза, они беспорядочно метались по улицам. Миновав городские ворота, мы поехали полями. Здесь я увидел много крестьян, работавших с помощью самых разнообразных орудий. Но я никак не мог разобрать, что, собственно, они делают, так как на полях не было видно ни малейших следов травы или хлеба, хотя почва была, по-видимому, превосходная. Я был крайне поражен всем виденным и решил обратиться за разъяснениями к моему спутнику. У всех встречаемых озабоченные лица, все куда-то торопятся, чем-то заняты как в городе, так и на полях, а между тем совсем не заметно, чтобы эта кипучая деятельность приносила какие-нибудь плоды. Напротив,

мне никогда не приходилось видеть полей, хуже возделанных, домов, хуже построенных, и людей с такими изможденными лицами и в таких нищенских лохмотьях.

Господин Мьюноди был очень знатной особой. Он несколько лет состоял губернатором Лагадо, но, по проискам министров, был отстранен от должности якобы за неспособность. Но все же он не утратил расположения короля, который считал его надежным и благомыслящим человеком, хотя и недалекого ума. Мьюноди отвечал мне сдержанно и кратко. Он ограничился замечанием, что я провел здесь слишком мало времени, чтобы составить правильное суждение о стране и ее жителях, и что у всякого народа свои нравы и обычаи, и перевел разговор на другую тему.

Но когда мы вернулись домой, он спросил, нравится ли мне его дом, не замечаю ли я каких-нибудь недостатков в его архитектуре, что я скажу насчет одежды и внешности его слуг. Он мог спокойно задавать такие вопросы: все у него было в полном порядке, отличалось изяществом и роскошью. Я ответил, что мудрость, знатность и богатство его превосходительства помогли ему уберечься от всех несообразностей, которыми его соотечественники обязаны своему безрассудству или крайней нищете. На это Мьюноди заметил, что беседы такого рода нам будет гораздо удобнее вести в его загородной вилле, расположенной милях в двадцати от города. Его превосходительство предложил завтра же отправиться туда, на что я очень охотно согласился.

По дороге Мьюноди обратил мое внимание на различные методы, применяемые фермерами при обработке земли. Все они были мне неизвестны и совершенно непонятны, ибо, за весьма редкими исключениями, я не мог заметить на полях ни одного колоса, ни одной былинки. Но после трех часов пути картина совершенно переменилась. Показались красивые фермерские домики, огороженные поля, виноградники, пашни, покрытые буйными хлебами, зеленые луга. Я давно не видел такого приятного пейзажа. Его превосходительство, заметив, что лицо мое прояснилось, сказал, что здесь начинаются его владения. При этом он тяжело вздохнул и добавил, что его соотечественники презирают его за то, что он плохо ведет хозяйство и подает дурной пример.

Наконец мы подъехали к дому. Это было великолепное здание прекрасной старинной архитектуры. Фонтаны, сады, аллеи, рощи — все устроено очень умно и с большим вкусом. Я не скупился на похвалы всему, что видел, но его превосходительство не обращал на мои слова ни малейшего внимания. Но когда после ужина мы остались одни, хозяин с грустным видом сказал, что нередко подумывает о том, чтобы перестроить свои дома согласно требованиям последней моды и ввести у себя в поместьях новейшие способы обработки почвы. В противном случае он рискует навлечь на себя упреки в гордости, оригинальничанье, кривлянье, невежестве, самодурстве и, чего доброго, вызвать неудовольствие короля. А его величество и без того относится к нему с недоверием. Он высказал опасение, что мое восхищение значительно остынет, когда он сообщит мне кое-какие подробности, о которых я вряд ли слышал при дворе. Ведь там, наверху, люди слишком погружены в возвышенные размышления и им некогда обращать внимание на то, что творится на земле.

Сущность его рассказа сводилась к следующему. Около сорока лет тому назад несколько жителей столицы, одни по делам, другие для развлечения, поднялись на Лапуту. Они провели там пять ме-

сяцев и спустились обратно с весьма поверхностными познаниями в математике, но с большим запасом легкомыслия, приобретенного в этой воздушной области. За время пребывания на острове эти люди прониклись презрением ко всем нашим учреждениям и начали составлять проекты переустройства науки, искусства, законов, языка и техники на новый лад. С этой целью они хлопотали королевскую привилегию на учреждение Академии прожектёров в Лагадо. Затея эта имела такой успех, что теперь в

королевстве нет ни одного более или менее крупного города, где бы не существовало такой академии. В этих академиях профессора изобретают новые способы обработки земли и возведения зданий, новые инструменты и машины для всякого рода ремесел. Они уверяют, что с помощью этих машин и орудий один человек будет исполнять работу десятиерых. По их словам, пользуясь открытыми ими средствами, в какую-нибудь неделю можно будет воздвигнуть дворец из такого прочного материала, что он простоят вечно, не требуя никакого ремонта; все земные плоды будут созревать в любое время года, причем эти плоды по размерам превзойдут в сто раз те, какие мы имеем теперь... Словом, нельзя перечислить всех их проектов осчастливить человечество. Жаль только, что ни один из этих проектов еще не доведен до конца, а пока что страна в ожидании будущих благ приведена в запустение, дома разваливаются и население голодает и ходит в лохмотьях*.

Однако все это несколько не охлаждает рвения прожектёров. Напротив: воодушевленные в равной степени надеждой и отчаянием, они еще настойчивее стараются провести в жизнь свои проекты.

Но что касается самого Мьюноди, то он не слишком предприимчивый человек и предпочитает держаться старины: живет в домах, построенных его предками, и во всем следует их примеру, не заводя никаких новшеств. Так же ведут себя еще несколько человек из знати и среднего дворянства. Но на них смотрят с презрением и недоброжелательством, как на невежественных врагов науки и вредных членов общества, жертвующих преуспеянием страны своему покою и лени.

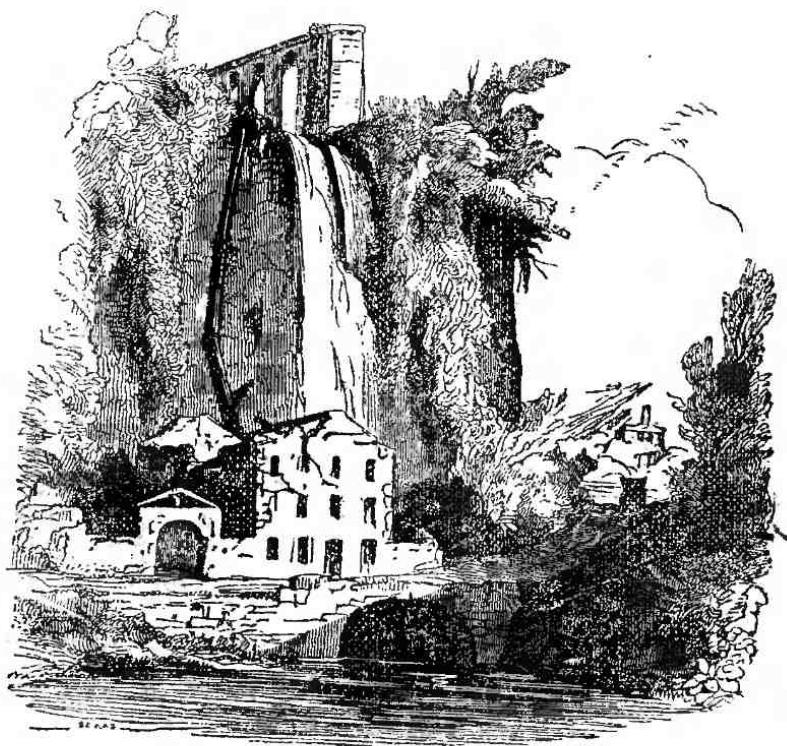
В заключение его превосходительство сказал, что он не станет сообщать мне дальнейших подробностей. Ему не хочется лишить меня удовольствия, которое я, наверно, получу при личном осмотре Великой академии, куда он решил свести меня. Он только попросил обратить внимание на развалины, видневшиеся на склоне горы, в трех милях от нас.

Когда-то неподалеку от усадьбы у него была хорошая водяная мельница, расположенная у большой реки. Мельница отлично обслуживала как его хозяйство, так и хозяйства всех его арендаторов. Около семи лет тому назад к нему явилась компания прожектёров с предложением разобрать эту мельницу и построить новую на склоне горы. На вершине горы они брались вырыть длинный канал, который будет служить водохранилищем. Воду в канал предполагалось накачивать особыми насосами. По их мнению, вода, подвергаясь на вершине горы усиленному действию ветра и свежего воздуха, должна быть гораздо более способной к движению, чем в реке, текущей по ровной местности; кроме того,

низвергаясь сверху, вода приобретает вдвое больше силы, и потому мельница будет работать вдвое быстрее, чем раньше. Как раз в это время его отношения с двором несколько пошатнулись. Желая исправить их, он, по настоянию друзей, принял предложение компании. После двухлетних работ, на которых было занято свыше ста человек, предприятие развалилось. Проектировщики скрылись, свалив всю вину на него. С тех пор они постоянно издеваются над ним и подбивают других проделать такой же эксперимент, с таким же рвением за успех.

Спустя несколько дней мы возвратились в город.

Его превосходительство пользовался в академии дурной репутацией. Поэтому он не считал удобным сопровождать меня сам и поручил это одному своему другу. Мой хозяин откомендовал меня как человека, увлекающегося проектами, весьма любознательного и легковверного, что, впрочем, было недалеко от истины, ибо в молодости я был большим проектировщиком.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Автор осматривает Великую академию в Лагадо.
Подробное описание академии. Науки и искусства,
которыми занимаются профессора*

Академия занимает ряд заброшенных домов по обеим сторонам улицы, которые были приобретены и приспособлены для ее работ.

Президент встретил меня весьма приветливо, и я провел в академии немало дней. В каждой комнате помещался один или несколько прожектёров, и, сколько помнится, я побывал не меньше чем в пятистах комнатах.

Первый ученый, которого я посетил, был тощий человек с закопченным лицом и руками; его платье, рубаха и кожа были такого же цвета, а длинные всклокоченные волосы и борода

местами были опалены. Восемь лет он разрабатывал проект извлечения из огурцов солнечных лучей. Эти лучи он намеревался собирать в герметически закупоренные склянки, чтобы в случае холодного и дождливого лета обогревать ими воздух. Он выразил уверенность, что через восемь лет сможет поставлять по умеренной цене солнечный свет для губернаторских садов. Но он жаловался, что запасы его невелики, и просил меня дать ему что-нибудь в поощрение его изобретательности, тем более что огурцы в то время года были очень дороги. Я сделал ему маленький подарок из денег, которыми предусмотрительно снабдил меня мой хозяин. Его превосходительству был хорошо известен обычай ученых выпрашивать у каждого посетителя какую-нибудь подачку.

Там же я увидел другого ученого, пытавшегося превратить лед в порошок путем пережигания его на сильном огне. Он же показал мне написанное им исследование о ковкости пламени, которое он собирался опубликовать.

Там был также весьма изобретательный архитектор, придумавший новый способ постройки домов. Постройка должна была начинаться с крыши и кончаться фундаментом. Он оправдывал мне этот способ ссылкой на приемы двух мудрых насекомых — пчелы и паука.

Там был слепорожденный. Несколько слепых учеников занимались под его руководством смешиванием красок для живописцев. Профессор учил их распознавать цвета при помощи обоняния и осязания. К сожалению, они не особенно удачно справлялись со своей задачей, да и сам профессор постоянно совершал ошибки. Ученый этот пользуется большим уважением своих братьев.

В другой комнате мне доставил большое удовольствие прожектор, открывший способ пахать землю при помощи свиней. Этот способ должен был избавить земледельцев от расходов на плуги, рабочий скот и рабочих. Изобретение заключается в следующем. На акре земли вы закапываете на глубине восьми дюймов с промежутками в шесть дюймов желуди, финики, каштаны и другие плоды и овощи, до которых особенно лакомы свиньи. Затем вы выгоняете на это поле штук шестьсот или больше свиней. В течение нескольких дней, в поисках закопанных плодов, они взроют землю, сделав ее пригодной для посева. В то же время они удобряют ее своим навозом. Правда, произведенный опыт показал, что такая обработка земли требует больших хлопот и расходов при очень сомнительном урожае. Однако все убеждены, что это изобретение при некоторых усовершенствованиях сулит огромные барыши.

Я вошел в следующую комнату, где стены и потолок были сплошь затянуты паутиной. Оставался только узкий проход посередине для изобретателя. Едва я показался в дверях, как ученый

громко закричал, чтобы я был осторожнее и не порвал его паутины. Он стал жаловаться на заблуждение, в котором с незапамятных времен пребывало человечество. До сих пор люди пользовались пряжей шелковичных червей. Между тем в нашем распоряжении находится множество насекомых, неизмеримо превосходящих по своим способностям этих червей: шелковичный червь только прядет, а они и прядут и ткут. К тому же, продолжал он, заменив шелк паутиной, мы избавимся от всяких расходов на окраску тканей. Мне пришлось согласиться с ним, когда он показал множество красивых разноцветных мух, которыми кормил пауков. Цвет этих мух, по его словам, должен передаваться изготовленной пауком ткани. Так как ученый располагал мухами всех цветов, то надеялся угодить на вкус любого потребителя. Ему оставалось только найти для мух подходящий корм в виде древесного клея и других веществ, способных придать паутине бо́льшую толщину и прочность*.

Там же был астроном, затеявший поместить солнечные часы на большой флюгер ратуши. Для этого ему нужно было в точности рассчитать, какое соответствие существует между суточным и годовым движением Земли и случайными переменами в направлении ветра.

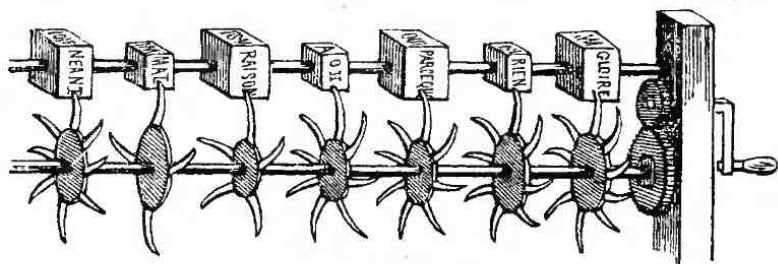
Я посетил еще много других комнат, но не стану утруждать читателя описанием всех диковин, какие я там видел. Остановлюсь только на деятельности одного знаменитого ученого, заслужившего прозвище «универсального гения». По его словам, он уже тридцать лет посвящает все свои мысли улучшению человеческой жизни.

В его распоряжении были две большие комнаты, загроможденные самыми удивительными диковинами; пятьдесят помощников работало под его руководством. Одни сгущали воздух в сухое, плотное вещество, извлекая из него селитру и процеживая водянистые его частицы*; другие толкли мрамор для подушек и подушечек для булавок; третьи старались придать крепость камня копытам живой лошади, чтобы они не сбивались. Что касается самого ученого, то он был занят в то время разработкой двух великих изобретений. Первое из них — проект обсеменения полей мякиной, в которой, по его мнению, и заключается главная производительная сила. Справедливость этого мнения он доказывал при помощи бесчисленных опытов, которые, по моему невежеству, остались для меня совершенно непонятными. Вторая задача, над разрешением которой он работал, сводилась к изобретению особой мази очень сложного состава. При помощи этой мази можно было остановить рост шерсти на ягнятах. Ученый надеялся в недалеком будущем развести в королевстве породу голых овец.

В домах по другую сторону улицы помещалось отделение

академии, где заседали прожектёры, посвятившие себя изучению отвлеченных наук.

Первый профессор, которого я здесь увидел, помещался в огромной комнате, в окружении сорока учеников. Мы обменялись приветствиями, и я приступил к осмотру комнаты. Меня сразу же поразила огромная рама, занимавшая бóльшую часть комнаты. Заметив это, профессор объяснил мне, что он работает над изготовлением особых механических приборов, предназначенных для открытия отвлеченных истин. Он допускает, что подобный замысел на первых порах может вызвать во мне удивление. Но он несколько не сомневается, что вскоре мир вполне оценит его проект. Никогда еще более грандиозная и возвышенная идея не зарождалась ни в чьей голове. Каждый знает, как трудно изучение наук и искусств по общепринятой методке. Между тем благодаря его изобретению самый невежественный и бездарный человек при небольшой затрате средств и физических усилий может писать книги по философии, поэзии, политике, праву, математике и богословию. Тут он подвел меня к раме, по бокам которой рядами стояли все его ученики. Рама эта имела двадцать квадратных футов и помещалась посередине комнаты. Поверхность ее состояла из множества деревянных дощечек, каждая величиной с игральную кость — одни побольше, другие поменьше. Все они были сцеплены между собой тонкими проволоками. Дощечки были оклеены кусочками бумаги, и на этих бумажках были написаны все слова языка Бальнибарби в различных наклонениях, временах и падежах, но без всякого порядка. Профессор попросил внимания, так как собирался пустить в ход свою машину. По его команде ученики взялись за железные рукоятки, вставленные по краям рамы, и быстро повернули их. Все дощечки перевернулись, и расположение слов совершенно изменилось. Тогда профессор приказал тридцати шести ученикам медленно читать образовавшиеся строки в том порядке, в каком они разместились в раме. Если случалось, что три или четыре слова составляли часть осмысленной фразы, ее диктовали остальным четырем ученикам, исполнявшим роль писцов. Это упражнение было повторено три

или четыре раза. Машина была устроена таким образом, что после каждого оборота дощечки поворачивались и передвигались, и слова размещались по-новому.

Ученики занимались этими упражнениями по шести часов в день, и профессор показал мне множество фолиантов, исписанных подобными отрывочными фразами. На основании этого богатейшего материала профессор рассчитывал составить полный обзор всех наук и искусств. Вполне понятно, что его задача была бы значительно облегчена, если бы ему удалось собрать достаточно денег для сооружения пятисот таких станков в Лагадо и обязать руководителей объединить полученные ими наборы фраз. Он сообщил мне, что это изобретение с юных лет поглощало все его мысли. Теперь на дощечках его машины начертан полный словарь бальнибарбийского языка. Сверх того, ему удалось вполне точно высчитать соотношение чисел существительных, глаголов и других частей речи, употребляемых в книгах.

Я принес глубочайшую благодарность этому почтенному мужу за его любезное посвящение меня в тайны своего великого изобретения и дал обещание, если мне удастся когда-нибудь вернуться на родину, воздать ему должное, как единственному изобретателю этой изумительной машины. Я попросил у него позволения срисовать его машину. Я сказал ему, что хотя в Европе существует между учеными обычай похищать друг у друга изобретения, но я обещаю принять все меры, чтобы честь этого изобретения всецело осталась за ним и никем не оспаривалась.

После этого мы пошли в школу языкознания. Там три профессора обсуждали различные проекты усовершенствования родного языка. Первый проект предлагал упростить разговорную речь, переделав все многосложные слова в односложные и выбросив глаголы и причастия. Автор указывал, что только именам существительным соответствуют существующие предметы.

Второй проект требовал полного упразднения всех слов. Автор этого проекта ссылаясь главным образом на его пользу для здоровья и сбережения времени. Ведь совершенно очевидно, что произнесение слов утомляет горло и легкие и, следовательно, сокращает нашу жизнь. А так как слова суть только названия вещей, то гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний.

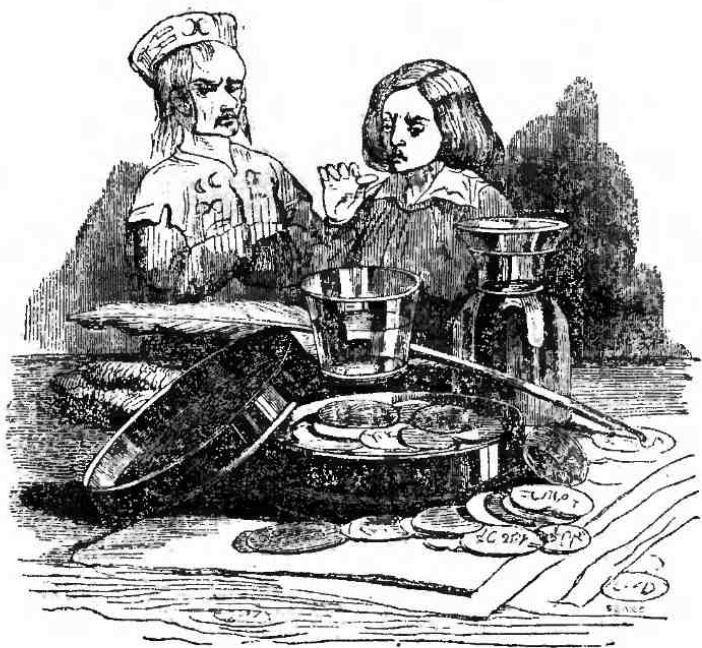
Это изобретение, как очень полезное для здоровья, наверно, получило бы широкое распространение. Но женщины, сговорившись с невежественной чернью, пригрозили поднять восстание. Они решительно потребовали, чтобы их языку была предоставлена полная воля. Поистине, чернь — непримиримый враг науки! Тем не менее многие весьма ученые и мудрые люди пользуются новым способом объясняться при помощи вещей. Единственным его неудобством является то обстоятельство, что собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с разными вещами, которые могут понадобиться в разговоре. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, сгибавшихся, подобно нашим разносчикам, под тяжестью огромной ноши. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу. Затем складывали свою утварь, помогали друг другу взваливать груз на плечи, прощались и расходились.

Впрочем, для коротких и несложных разговоров можно носить все необходимое в кармане или под мышкой, а при разговорах в домашней обстановке все подобные затруднения легко устранить. Надо только наполнить комнаты, где собираются сторонники этого языка, самыми разнообразными предметами.

Великим преимуществом этого языка является его международный характер. У всех цивилизованных наций мебель и домаш-

няя утварь более или менее одинаковы. Благодаря этому посланники при помощи вещей могут легко объясняться с иностранными королями или министрами, язык которых им совершенно неизвестен.

Я посетил также математическую школу. Здесь преподавание ведется по такому методу, какой едва ли возможен у нас в Европе. Каждая теорема с доказательством тщательно переписывается на тоненькой облатке чернилами, составленными из микстуры против головной боли. Ученик глотает облатку натошак и в течение трех дней после этого не ест ничего, кроме хлеба и воды. Когда облатка переваривается, микстура поднимается в его мозг, принося с собой туда же теорему. Однако до сих пор успех этого метода незначителен. Отчасти это объясняется какой-то ошибкой в определении дозы или состава микстуры, отчасти озорством мальчишек, которым эта пилюля так противна, что они обыкновенно отходят в сторонку и сейчас же ее выплевывают. К тому же до сих пор их никак не удастся убедить строго соблюдать трехдневный пост, обязательный для успешного действия микстуры.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Продолжение описания академии. Автор предлагает некоторые усовершенствования, которые с благодарностью принимаются

В школе политических прожектеров меня встретили не слишком любезно. Впрочем, профессора и в этой школе, на мой взгляд, были совсем сумасшедшими, а такое зрелище всегда наводит на меня тоску. Эти несчастные изыскивали способы убедить монархов выбирать фаворитов среди умных, способных и добродетельных людей, научить министров заботиться об общем благе, награждать только тех, кто оказал обществу выдающиеся услуги; внушить монархам, что их подлинные интересы совпадают с интересами народа и что поручать должности следует достойным лицам. Множество подобных диких и невозможных фантазий, совершенно чуждых здравомыслящим людям, рождалось в головах этих безумцев*. Глядя на них, я еще раз убедился в справедливости старинного изречения, что на свете нет такой нелепости, которая не имела бы своих защитников среди философов.

Я должен, однако, отдать справедливость этому отделению академии и признать, что здесь не все ученые были такими фантазерами. Я познакомился с одним очень остроумным доктором, который, по-видимому, в совершенстве изучил природу и механизм управления государством. Этот знаменитый муж весьма успешно занимался изобретением лекарств от всех болезней, физических и нравственных, которыми страдают представители власти. Исходя из того, что между человеческим организмом и государством имеется полное сходство, он утверждал, что болезни, порождаемые государственным строем — пороками правителей и распущенность о управляемых, — надо лечить при помощи тех же средств, как и болезни, вызываемые физическими причинами. Всеми признано, что сенаторы и члены высших палат часто страдают многословием, запальчивостью и другими дурными наклонностями; различными болезнями мозга и особенно сердца; сильными конвульсиями с мучительными сокращениями нервов и мускулов обеих рук и особенно правой*; разлитием желчи, головокружением, бредом; золотушными опухолями, волчьим аппетитом, несварением желудка и массой других болезней, которые ни к чему перечислять. Поэтому ученый доктор предлагает: всякий раз, как созывается сенат, на первые три заседания командировать несколько опытных врачей. По окончании прений эти врачи обязаны пощупать пульс у всех сенаторов и осмотреть их. Установив после тщательного исследования, чем болен каждый из них, врачи на четвертый день заранее являются в зал заседания и,

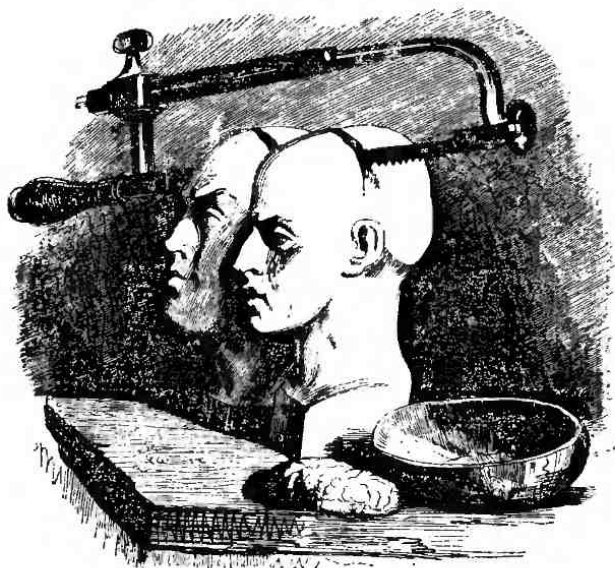
прежде чем заседание откроется, дают каждому сенатору: успокоительного, слабительного, очищающего, разъедающего, вяжущего, расслабляющего, противоголового, противожелтушного, противоушного, смотря по роду болезни. Проверив действие этих лекарств, врачи на следующем заседании должны повторить, или переменить лекарства, или перестать давать их.

Проведение в жизнь этого проекта не требует больших затрат, а между тем он, по моему скромному мнению, может принести много пользы в тех странах, где сенат принимает участие в законодательстве: внести единодушие, сократить прения, открыть несколько ртов, теперь закрытых, и закрыть гораздо большее число открытых, обуздать пыл молодости и смягчить черствость старости, расшевелить тупых и охладить горячих.

Второй проект этого глубокомысленного ученого сводится к следующему. Все жалуются, что фавориты государей страдают короткой и слабой памятью. Поэтому доктор предлагает каждому получившему аудиенцию у первого министра, по изложении в самых коротких и ясных словах сущности дела, на прощание потянуть его за нос, или дать ему пинок в живот, или наступить на мозоль, или надрать ему уши, или уколоть булавкой, или ушипнуть до синяка руки и тем предотвратить министерскую забывчивость. Операцию следует повторять каждый приемный день, пока просьба не будет исполнена или не последует категорический отказ.

Он предлагает также, чтобы каждый сенатор, высказав свое мнение, подавал свой голос за прямо противоположное мнение, и ручается, что при соблюдении этого правила исход голосования всегда будет благодетелен для общества.

Если партийные распри приобретают слишком ожесточенный характер, он рекомендует замечательное средство для водворения порядка. Надо взять сотню главарей каждой партии и разделить попарно так, чтобы головы людей из каждой пары были приблизительно одной величины. Затем два хирурга отпилят одновременно затылки у обоих участников пары и приставят затылок к голове другого. Операция эта требует исключительной точности, но профессор уверял нас, что если она сделана искусно, то выздоровление обеспечено: две половинки мозга, взятые у ожесточенных партийных противников и стиснутые в пределах одного черепа, скоро придут к доброму согласию и срастутся между собой. Тогда в головах главарей, подвергшихся этой операции, воцарится та благоразумная умеренность, которая так необходима людям, воображающим, будто они призваны управлять миром. Правда, тут возникает опасение, что, приставляя мозги глупого человека к мозгам умного, мы рискуем сделать глупцом и этого последнего. Но доктор уверял, что по уму и способностям вожаки партий мало разнятся друг от друга, так что на это не стоит обращать никакого внимания.

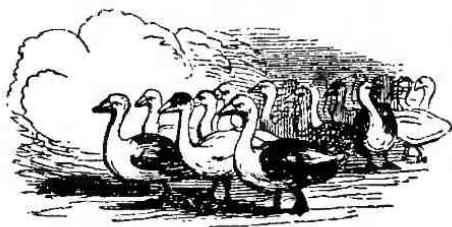
Я присутствовал при жарком споре двух профессоров о том, как легче и удобнее взимать налоги, чтобы население не слишком чувствовало их тягость. Первый утверждал, что справедливее всего облагать налогом пороки и безрассудства, а решение вопроса, сколько с кого брать, предоставить особому комитету из местных жителей, которые, конечно, могут беспристрастно оценить пороки своих соседей. Второй отстаивал прямо противоположное мнение: обложению должны подлежать те душевные и физические качества, которые люди больше всего ценят в себе: величина взноса должна определяться самим плательщиком в зависимости от его мнения о самом себе. Обложению высоким налогом подлежат остроумие, храбрость и учтивость. Однако честь, справедливость, мудрость и знания не подлежат обложению, потому что оценка их до такой степени субъективна, что не найдется человека, который признал бы их существование у своего ближнего или правильно оценил их в самом себе.

Другой профессор показал мне объемистое сочинение о способах раскрытия заговоров. Он рекомендует государственным мужам узнавать, чем питаются подозрительные лица, в какое время они садятся за стол, на каком боку спят, и собирать другие подобные сведения об их обыденной жизни.

Все рассуждение написано с большой проницательностью и *и заключает в себе много наблюдений, любопытных и полезных

для политиков, хотя эти наблюдения показались мне недостаточно полными. Я осмелился сказать об этом автору и предложил, если он пожелает, сделать некоторые добавления. Он принял мое предложение с большей благожелательностью, чем это обычно бывает у писателей, особенно у составителей проектов, и заявил, что охотно примет к сведению мои замечания.

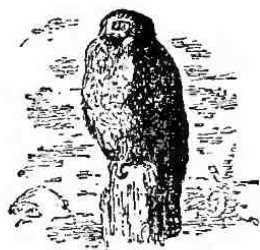
Тогда я сказал ему, что в королевстве Трибниа, называемом туземцами Лангдэн*, где мне случалось побывать в одно из моих путешествий, большая часть населения состоит сплошь из осведомителей, свидетелей, доносчиков, обвинителей, истцов, очевидцев, присяжных вместе с их многочисленными подручными и прислужниками, находящимися на жалованье у министров и их помощников. Заговоры в этом королевстве обыкновенно являются делом рук тех, кто хочет выдвинуться в качестве тонкого политика, вдохнуть новые силы в одряхлевшие органы власти, задуть или отвлечь общественное недовольство, наполнить свои сундуки конфискованным имуществом, укрепить или подорвать доверие к силам государства, смотря по тому, что им выгоднее. Прежде всего они договариваются, кого именно из подозрительных лиц обвинить в заговоре; затем они пускают в ход все средства, чтобы у этих людей отобрали все письма и бумаги, а их самих заковали в кандалы. Захваченные письма и бумаги передаются в руки специалистов, больших мастеров в разгадывании тайнственного смысла слов, слогов и букв. Так, например, им ничего не стоит установить, что

стая гусей означает сенат;

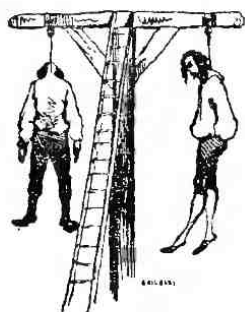
хромая собака — претендента;

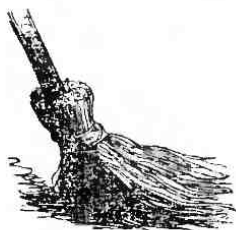
сарыч — первого министра;

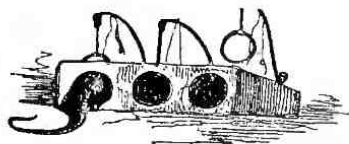
подагра — архиепископа;

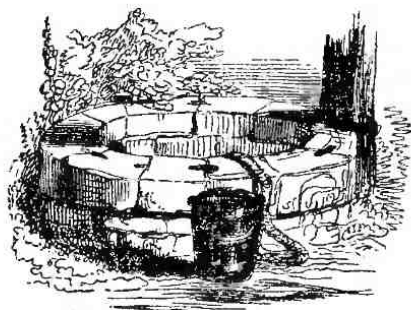
виселица — государственного секретаря;

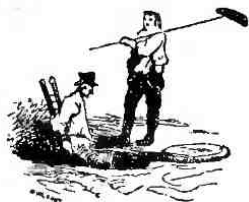
метла — революцию;

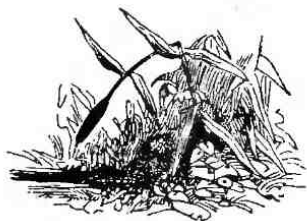
мышеловка — государственную службу;

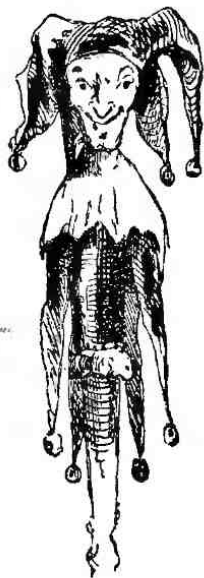
бездонный колодец — казначейство;

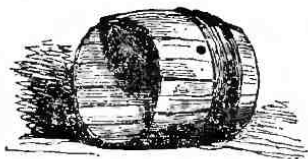
помойная яма — двор;

сломанный тростник — судебную палату;

дурацкий колпак — фаворита;

пустая бочка — генерала;

гноящаяся рана — систему управления.

Профессор горячо поблагодарил меня за сообщение этих наблюдений и обещал сделать почетное упоминание обо мне в своем трактате.

Больше ничего не привлекало к себе моего внимания в этой стране, и я стал подумывать о возвращении в Англию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Автор покидает Лагадо. Приезд в Мальдонаду.

В гавани нет ни одного корабля, отходящего в Лаггнегг. Автор совершает короткое путешествие в Глаббдобдриб. Прием, оказанный ему правителем этого острова

Континент, часть которого занимает это королевство, лежит, как я имею основание думать, к востоку от тех исследованных областей Америки, которые тянутся к западу от Калифорнии; на севере его омывает Тихий океан. На расстоянии не более ста пятидесяти миль от Лагадо находится прекрасный порт Мальдонада, ведущий оживленную торговлю с большим островом Лаггнегг, расположенным на северо-запад под 29° северной широты и 140° западной долготы. Остров Лаггнегг лежит на юго-восток от Японии на расстоянии около ста лиг. Японский император и король Лаггнегга заключили союз, и между этими островами поддерживаются постоянные сношения. Поэтому я решил направиться в Лаггнегг в надежде через Японию вернуться в Европу...

Чтобы добраться до Мальдонады, откуда корабль должен был доставить меня в Лаггнегг, я нанял проводника с двумя мулами. Затем я дружески простился с моим покровителем Мьюноди, сделавшим мне на дорогу богатый подарок, и отправился в путь.

Мое путешествие прошло без всяких приключений, о которых стоило бы упомянуть. По приезде в Мальдонаду я не нашел там ни одного корабля, отправляющегося в Лагтнегг. В порту мне сказали, что ближайший рейс на этот остров состоится не раньше чем через месяц. Приходилось ждать. Я поселился в городской гостинице. Вскоре я завел некоторые знакомства. Один знатный господин сказал мне, что так как мне предстоит пробыть здесь не менее месяца, то, быть может, я не откажусь совершить экскурсию на островок Глаббдобдриб, лежащий в пяти лигах к юго-западу. Он предложил сопровождать меня вместе со своим другом и достать для этой поездки небольшой удобный баркас.

Слово «Глаббдобдриб», насколько для меня понятен его смысл, означает остров чародеев или волшебников. Этот остров в три раза меньше острова Уайта и очень плодороден. Им управляет глава племени, сплошь состоящего из волшебников. Жители этого острова вступают в браки только между собою, и старейший в роде является правителем или монархом острова. У него великолепный дворец с огромным парком в три тысячи акров, окруженный каменной стеной в двадцать футов вышины. Особые, хорошо огороженные участки парка отведены для скотоводства, хлебопашества и садоводства.

Слуги правителя и его семьи имеют несколько необычный вид. Благодаря глубоким познаниям некромантии* правитель обладает силой вызывать по своему желанию мертвых и заставлять их служить себе. Однако его власть над вызванными длится только двадцать четыре часа; кроме того, он может вызвать одно и то же лицо не чаще, чем раз в три месяца.

Когда мы прибыли на остров, было около одиннадцати часов утра. Один из моих спутников отправился к правителю испросить у него аудиенцию для иностранца, который явился на остров в надежде удостоиться высокой чести быть принятым его высочеством. Правитель немедленно дал свое согласие.

По обеим сторонам дворцовых ворот стояла стража, вооруженная и одетая по весьма старинной моде. В наружности их было нечто такое, что наполнило мое сердце невыразимым ужасом. Мы миновали несколько комнат, где, выстроившись в два ряда, стояли такие же слуги, и достигли аудиенц-зала. Здесь мы, согласно церемониям, отвесили три глубоких поклона. Нам задали несколько незначительных вопросов и предложили занять три табурета у нижней ступеньки трона его высочества. Правитель понимал язык бальнибарби и попросил меня рассказать о моих путешествиях. Желая, чтобы я чувствовал себя проще и свободнее, он дал знак присутствующим удалиться. Они исчезли мгновенно, как исчезает сновидение, когда мы внезапно просыпаемся.

Я буквально замер от изумления и страха. Заметив это, правитель стал уверять меня, что я нахожусь здесь в безопасности. Видя полное спокойствие на лицах моих двух спутников, привыкших к подобного рода зрелищам, я понемногу оправился и описал его высочеству некоторые из моих приключений. Но я никак не мог окончательно подавить своего волнения и часто оглядывался на те места, где стояли исчезнувшие слуги-призраки.

Я удостоился чести обедать вместе с правителем. За столом нам прислуживала и подавала кушанья новая партия призраков. Однако теперь все это не так пугало меня, как утром. Я пробыл во дворце до захода солнца. Правитель пригласил меня остановить-

ся у него во дворце. Но я почтительно просил его высочество извинить меня и сказал, что предпочел бы на ночь удалиться. Вместе со своими друзьями я переночевал на частной квартире в городе, являющемся столицей этого островка. А на другой день утром мы снова отправились к правителю засвидетельствовать ему свое почтение и предоставить себя в его распоряжение.

Мы прожили на острове десять дней. Большую часть дня мы проводили во дворце у правителя, а ночевали на городской квартире. Я скоро так свыкся с обществом теней и духов, что уже на третий день они не вызывали во мне ни удивления, ни страха. Возможно, впрочем, что я немного побаивался их, но любопытство заглушало боязнь. Видя это, его высочество предложил мне сказать, кого бы я хотел видеть из числа умерших недавно или давно. Он обещал их вызвать и предоставить мне возможность поговорить с ними. Конечно, они могут говорить только о том, что случилось при их жизни. Во всяком случае, добавил правитель, я могу быть уверен, что услышу только правду, так как ложь есть искусство, совершенно бесполезное на том свете.

Я почтительно выразил его высочеству свою признательность за такую высокую милость. В это время мы находились в ком-

нате, откуда открывался прекрасный вид на парк. Вполне понятно, что мне захотелось увидеть сначала торжественные и величественные сцены. Я попросил показать Александра Великого* о главе его армии, тотчас после битвы под Арбелой. И вот, по мановению пальца правителя, Александр немедленно появился передо мной на широком поле под окном, у которого мы стояли. Правитель зигласил его в комнату. Я только с большим трудом понимал его евнегреческую речь, он тоже плохо понимал меня. Александр клялся мне, что не был отравлен, а умер от лихорадки, вызван-
й пьянством.

Затем я увидел Ганнибала* во время его перехода через Альпы. Ганнибал объявил мне, что у него в лагере не было ни капли уса.

Я видел Цезаря и Помпея* во главе их войск, готовых вступить в сражение. Я видел также Цезаря во время его последнего триумфа. Затем я попросил, чтобы в одном из дворцовых залов собрался римский сенат, а в другом — современный парламент. Первый показался мне собранием героев и полубогов, второй — сборищем разносчиков, карманных воришек, грабителей и буянов.

По моей просьбе правитель сделал знак Цезарю и Бруту* приблизиться к нам. При виде Брута я проникся глубоким благоговением. В каждой черте его лица скользила глубокая добродетель, величайшее бесстрашие и твердость духа, пламенная любовь к родине и благожелательность к людям. С большим удовольствием я убедился, что оба эти человека прекрасно относятся друг к другу. Цезарь откровенно признался мне, что величайшие подвиги, совершенные им в течение жизни, никак не могут сравниться со славой того, кто отнял у него эту жизнь. Я удостоился чести вести долгую беседу с Брутом.

Между прочим, он сообщил мне, что его предок Юний, Сократ, Эпаминонд, Катон Младший, сэр Томас Мор* и он сам никогда не расстаются друг с другом. Это такой секстумвират*, к которому вся история человечества не в состоянии прибавить седьмого члена.

Я утомил бы читателя перечислением всех знаменитых людей, вызванных правителем для удовлетворения моего ненасытного желания видеть мир во все эпохи его древней истории. Больше всего я наслаждался лицезрением людей, истреблявших тиранов и узурпаторов и восстанавливавших свободу и поправленные права угнетенных народов. Но я не способен передать волновавшие меня чувства в такой форме, чтобы они заинтересовали читателя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Продолжение описания Глаббдобдриба. Поправки к древней и новой истории

Я посвятил целый день беседе с величайшими мудрецами древности — Гомером и Аристотелем*. Мне пришлось в голову вызвать этих прославленных мужей вместе со всеми их толкователями. Этих толкователей набралось так много, что несколько сот их вынуждены были подождать на дворе и в других комнатах дворца. Я с первого взгляда узнал в толпе двух великих гениев. Гомер был красивее и выше Аристотеля, держался очень прямо для своего возраста, и глаза у него были необыкновенно живые и проницательные. Аристотель горбился и опирался на палку; у него было худощавое лицо, прямые редкие волосы и глухой голос. Я скоро заметил, что оба великих мужа никогда не видели и ничего не слышали о своих толкователях. Один из призраков шепнул мне на ухо, что на том свете все эти толкователи держатся на весьма почтительном расстоянии от прославленных мудрецов. Они сознают, как чудовищно исказили они в своих толкованиях смысл глубокомысленных произведений этих авторов, и стыдятся подходить к ним. Я познакомил было Аристотеля со Скоттом и Рамусом*. Но когда я стал излагать философу их взгляды, он вышел из себя и спросил: неужели и все остальное племя толкователей состоит из таких же олухов, как они?

Затем я попросил правителя вызвать Декарта и Гассенди*, которым предложил изложить Аристотелю их системы. Этот великий философ откровенно признал свои ошибки в учении о природе, потому что во многих случаях его рассуждения были основаны на догадках. Он высказал также предположение, что Гассенди, подновивший по мере сил учение Эпикура*, и Декарт с его теорией вихрей будут одинаково отвергнуты потомством. Он предсказал ту же участь теории тяготения, которую с таким рвением отстаивают современные ученые. При этом он заметил, что новые системы философии природы, подобно новой моде, меняются с каждым поколением. Даже те философы, которые пытаются доказать и обосновать свои взгляды с помощью математики, недолго пользуются признанием и выходят из моды в назначенные судьбой сроки.

В продолжение пяти дней я вел беседы также и со многими другими учеными древнего мира. Я видел большинство римских императоров. Я упросил правителя вызвать поваров Гелиогабала*, чтобы они приготовили для нас обед, но из-за недостатка различных приправ они не могли показать как следует свое искусство.

Илот* Агесилая* сварил нам спартанскую похлебку, но, отведав ее, я не мог проглотить второй ложки.

Двум джентльменам, сопровождавшим меня на остров, пришлось на три дня съездить по делам домой. Это время я употребил на свидания с великими людьми, прославившимися за последние два или три столетия в моем отечестве или в других европейских странах. Я всегда был большим поклонником древних

знаменитых родов и попросил правителя вызвать дюжину или две королей с их предками за несколько поколений. Но меня постигло мучительное и неожиданное разочарование. Вместо величественного ряда венценосных особ я увидел в одной династии двух скрипачей, трех ловких царедворцев и одного итальянского прелата; в другой — цирюльника, аббата и двух кардиналов. Впрочем, я питаю слишком глубокое почтение к коронованным головам, чтобы останавливаться дольше на этом щекотливом предмете. Что же касается графов, маркизов, герцогов и тому подобных людей, то с ними я не был так щепетилен. Признаюсь, мне доставило большое удовольствие выяснить, откуда взялись многие характерные особенности в наружности и нравах наших знатных родов. Я без труда открыл, откуда в одном роду происходит длинный подбородок; почему другой род в двух поколениях изобилует мошенниками, а в двух следующих — дураками; почему третий состоит из помешанных, а четвертый — из плутов; таким образом, жесто-

кость, лживость и трусость стали не менее характерными признаками представителей некоторых родов, чем те фамильные гербы, которыми они украшают ливреи своих слуг и дверцы своих карет.

Особенно сильное отвращение почувствовал я к новой истории. Я хорошо познакомился с людьми, которые в течение прошедшего столетия пользовались громкой славой при дворах королей. Меня глубоко удивило, в каком заблуждении держат мир продажные писаки, приписывая величайшие военные подвиги трусам, мудрые советы — дуракам, искренность — льстецам, римскую доблесть — изменникам, набожность — безбожникам, правдивость — доносчикам. Я узнал, сколько невинных и превосходных людей было приговорено к смерти или изгнанию вследствие происков могущественных министров. Сколько негодяев возводилось на высокие должности, облакалось доверием, властью, почетом и осыпалось материальными благами. Какое невысокое мнение о человеческой мудрости и честности составилось у меня,

когда я получил правильные сведения о пружинах и мотивах великих событий и переворотов и о тех ничтожных случайностях, которым они обязаны своим успехом. Один генерал сознался мне, что одержал победу единственно благодаря своей трусости и дурному командованию, а стоявший тут же адмирал заявил, что он победил неприятеля только благодаря плохой осведомленности противника. Сам же он уже собирался сдать свой флот. Три короля

объявили мне, что за все время пребывания на троне они ни разу не назначили на государственную должность достойного человека. Если такие назначения и бывали, то это объясняется ошибкой или предательством какого-нибудь министра. Впрочем, они ручались, что подобная ошибка не повторилась бы, если бы им пришлось снова вступить на престол. Они с большой убедительностью доказали мне, что только глубоко развращенный человек способен удержаться на троне, ибо положительный, смелый, настойчивый характер является только помехой в делах правления.

Мне было очень интересно узнать, как приобретаются знатные титулы и огромные богатства. В своих исследованиях я не касался настоящего времени из страха нанести обиду хотя бы иноземцам. (Я надеюсь, нет надобности говорить читателю, что

все сказанное мною по этому поводу не имеет ни малейшего касательства к моей родине.) По моей просьбе было вызвано много интересовавших меня лиц. Но тут, после самых поверхностных вопросов, передо мной раскрылась картина такого бесчестия, что я не могу спокойно вспоминать об этом. Вероломство, угнетение, подкуп, обман и тому подобные слабости были еще самыми простительными средствами, которые здесь применялись. Но когда один из них признался, что своим величием и богатством он обязан измене отечеству, другой — отраве, а большинство — нарушению законов с целью погубить невинного, то эти открытия (надеюсь, читатель простит мне это) побудили меня несколько умерить то чувство величайшего почтения, которое я, как и подобает маленькому человеку, питаю к высокопоставленным особам.

Мне часто приходилось читать о людях, оказавших великие услуги монархам и отечеству, и я исполнился желанием повидать их. Однако мне ответили, что имена их невозможно найти в архивах загробного мира. Правда, в списках числится несколько человек, которые были истинными благодетелями своего отечества, но история изобразила их отъявленнейшими мошенниками и предателями. Я пожелал их видеть. Все они появились передо мной с удрученным видом и в очень худом платье. Большинство из них сообщило мне, что они кончили свою жизнь в нищете и немилости, иногда даже на эшафоте.

Все вызываемые с того света люди сохранили в мельчайших подробностях внешность, которую они имели при жизни. Сравнивая их внешний вид с наружностью моих современников, я пришел к ужасно мрачным выводам о вырождении человечества за последнее столетие.

В заключение я попросил вызвать английских поселян старого закала. Эти люди некогда славилась простотой нравов, справедливостью, подлинным свободолобием, храбростью и любовью к отечеству. Сравнив живых с покойниками, я не мог остаться равнодушным при виде того, как высокие добродетели предков опозорены их внуками. Продавая за ничтожные денежные подачки свои голоса на выборах в парламент, эти жалкие люди приобрели все пороки, каким только можно научиться при дворе*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Автор возвращается в Мальдонаду и отплывает в королевство Лаггнег. Автор арестован. Его требуют во дворец. Прием, оказанный ему во дворце. Милостивое отношение короля к своим подданным

Наконец наступил день нашего отъезда. Я простился с его высочеством правителем Глаббдобдриба и возвратился с двумя моими спутниками в Мальдонаду. Там один корабль был уже готов к отплытию в Лаггнег. Мои друзья были настолько любезны, что снабдили меня провизией и проводили на корабль. Я провел в дороге месяц. Мы выдержали сильную бурю и вынуждены были взять курс на запад, чтобы достигнуть области пассатных ветров, дующих здесь на пространстве около шестидесяти лиг. 21 апреля 1708 года мы вошли в реку Ключегниг на юго-восточной оконечности Лаггнега. В устье ее расположен большой морской порт. Мы бросили якорь на расстоянии одной лиги от города и потребовали лоцмана. Менее чем через полчаса к нам на борт взошли два лоцмана и провели нас между рифами и скалами по очень опасному проходу в большую закрытую бухту, где корабли могли вполне безопасно стоять на якоре на расстоянии одного кабельтова от городской стены.

Кто-то из наших матросов, быть может и со злым умыслом, сказал лоцманам, что у них на корабле есть знаменитый путешественник-иностранец. Лоцманы доложили об этом таможенному чиновнику, и он подверг меня тщательному досмотру, когда я вышел на берег. Досмотрщик говорил со мной на языке бальнибарби. Благодаря оживленной торговле этот язык здесь хорошо известен, особенно между моряками и служащими в таможне. Я вкратце рассказал ему некоторые из моих приключений, стараясь придать рассказу возможно больше правдоподобия и связности. Но я счел необходимым скрыть мою национальность и назвался голландцем. У меня было намерение отправиться в Японию, а туда, как известно, из всех европейцев пускают только голландцев*. Поэтому я сказал таможенному чиновнику, что, потерпев кораблекрушение у берегов Бальнибарби, я был поднят на Лапуту, или Летучий остров (о нем таможеннику часто приходилось слышать), а теперь пытаюсь добраться до Японии, в надежде возвратиться оттуда на родину. Чиновник ответил мне, что он должен задержать меня впредь до получения распоряжений от двора. Он обещал написать туда и уверял, что ответ придет не позднее чем через две недели. Мне отвели удобное помещение, но у входа был поставлен часовой. Однако я мог свободно гулять по большому саду. Содержание мне отпускалось за счет короля, и обходились

со мной довольно хорошо. Каждый день у меня бывало много посетителей, ибо слух о прибытии путешественника из весьма отдаленных стран быстро распространился по всему городу.

Чтобы объясняться с этими посетителями, я пригласил к себе на помощь в качестве переводчика одного молодого человека, прибывшего вместе со мной на корабле. Он был уроженец Лагг-негга, но несколько лет прожил в Мальдонаде и в совершенстве владел обоими языками. Однако мои беседы с посетителями не представляли интереса. Я только отвечал на их вопросы.

Ответ на донесение пришел к ожидаемому сроку. Он содержал приказ привезти меня со свитой, под конвоем из десяти человек, в Тральдреггаб, или Трильдрогдриб (насколько я помню, это слово произносится двояко). Вся моя свита состояла из юноши переводчика, которого я уговорил поступить ко мне на службу. По моей почтительной просьбе каждому из нас дали по мулу.

Вперед был послан гонец с донесением о моем скором прибытии и просьбой, чтобы король назначил день и час, когда он милостиво соизволит удостоить меня чести лизать пыль у подножия его трона. Таков стиль здешнего двора, и я убедился на опыте, что это не пустая фраза. В самом деле, когда через два дня по моем прибытии я получил аудиенцию, то мне приказали ползти на брюхе к трону и лизать пол*. Впрочем, мне, как иностранцу, было оказано особое уважение: пол так чисто вымели, что пыли на нем осталось совсем немного. Это считалось особой милостью. Ее устаиваются лишь самые высокие сановники. Но если лицо, получившее высочайшую аудиенцию, имеет много могущественных врагов при дворе, пол иногда нарочно посыпают пылью. Я видел однажды важного сановника, у которого рот был так набит пылью, что когда он наконец дополз до подножия трона, то не способен был вымолвить ни слова. Пыль эту приходится проглатывать, так как плевать и вытирать рот в присутствии его величества считается тяжким преступлением.

Здесь существует еще один обычай, которого я никак не мог одобрить. Когда король решает подвергнуть кого-нибудь из сановников легкой и милостивой казни, он повелевает посыпать пол особым ядовитым порошком коричневого цвета. Полизав его, приговоренный умирает через двадцать четыре часа.

Но следует отдать должное великому милосердию этого монарха и его заботливости о своих подданных (в этом отношении европейским монархам не мешало бы подражать ему): после каждой такой казни отдается строгий приказ начисто вымыть пол в аудиенц-зале. В случае небрежного исполнения этого приказа слугам угрожает опасность навлечь на себя немилость монарха. Я сам слышал, как его величество приказал отстегать плетью одного пажу, который во время своего дежурства умышленно не позаботился об очистке пола после казни. Вследствие этой небрежности отравился явившийся на аудиенцию молодой, подававший большие надежды вельможа. А между тем король в то время вовсе не имел намерения лишать его жизни. Однако добросердечный монарх был настолько милостив, что освободил пажу от порки, удовлетворившись простым обещанием этого юноши, что он больше не будет поступать так без особого распоряжения короля.

Возвратимся, однако, к нашему повествованию. Когда я дополз ярда на четыре до трона, я осторожно стал на колени и, стукнув семь раз лбом об пол, произнес следующие слова, заученные мною накануне: «Икплинг глоффэсроб сквутсеромм блиоп мяшнальт звин тнодбокеф слиофед гердлеб ашт!» Это приветствие установлено законами страны для всех лиц, допущенных пред лицо короля. Перевести его можно так: «Да переживет

ваше небесное величество солнце на одиннадцать с половиной лун!» Выслушав приветствие, король задал мне вопрос, которого я не понял. Однако я ответил ему, как меня научили: «Флюфт дринялерик дуоль дам прастредмирпуш», что означает: «Язык моему рту моего друга». Этими словами я давал понять, что прошу обратиться к услугам моего переводчика. Тогда был введен уже упомянутый мной молодой человек. С его помощью я отвечал на все вопросы, которые его величеству было угодно задавать мне. Я говорил на бальнибарбийском языке, а переводчик перекладывал все сказанное мной по-лаггнеггски.

Я очень понравился королю, и он приказал своему бляхмейстеру, то есть обер-гофмейстеру, отвести во дворец помещение для меня и моего переводчика и позаботиться о м

продовольствия. Сверх того, его величество лично предоставил мне кошелек с золотом на мелкие расходы.

Я прожил в этой стране три месяца. Король изволил осыпать меня высокими милостями. Он уговаривал меня остаться здесь навсегда и делал мне очень лестные предложения. Но я счел более благоразумным и справедливым провести остаток дней с женой и детьми.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Похвальное слово лаггнежцам. Подробное описание
струльдбругов. Беседа автора о струльдбругах
с некоторыми выдающимися людьми*

Лаггнежцы — обходительный и великодушный народ. Хотя они немного горды, как это вообще свойственно всем восточным народам, но все же они очень любезны с иностранцами, особенно если те пользуются расположением двора. Я приобрел много знакомых среди людей самого высшего общества и при посредстве переводчика вел с ними не лишенные приятности беседы.

Как-то раз я находился в избранном обществе. В разговоре кто-то случайно спросил меня, видал ли я струльдбругов, или бессмертных? Я отвечал отрицательно и попросил объяснить мне, что означает это странное слово.

Мой собеседник очень удивился, узнав, что я до сих пор ничего не слышал об этих диковинных существах, и поспешил рассказать мне о них. Вот главная суть этого изумительного рассказа. Время от времени, правда очень редко, у кого-нибудь из лаггнежцев рождается ребенок с круглым красным пятнышком на лбу, как раз над левой бровью. Это пятнышко — верный признак того, что ребенок никогда не умрет. Пятнышко имеет сначала величину серебряной монеты в три пенса, но с течением времени разрастается и меняет свой цвет. Когда ребенку минет двенадцать лет, оно делается зеленым и остается таким до двадцати пяти; затем цвет его переходит в темно-синий; на сорок пятом году жизни струльдбругов пятно становится черным, как уголь, и увеличивается до размеров английского шиллинга, — таким оно остается уже навсегда. Дети с пятнышком рождаются так редко, что во всем королевстве не наберется больше тысячи ста струльдбругов обоего пола. До пятидесяти человек живет в столице, и среди них есть девочка, родившаяся около трех лет тому назад. Струльдбруг может родиться в любой семье. Его рождение — это дело случая. Дети струльдбругов так же смертны, как и все люди.

Признаюсь откровенно, этот рассказ привел меня в неописуемый восторг. Какая счастливая нация! Здесь каждый рождающийся ребенок имеет шанс стать бессмертным! Какое счастье для народа всегда иметь перед глазами живые примеры добродетелей предков! Какое благодеяние для него — наставники, способные научить мудрости, добытой опытом бесконечного ряда поколений! Но во сто раз счастливее сами благородные струльдбруги. Природа избавила их от страшной участи, ожидающей каждого человека. Они не знают мучительного страха смерти; вечная мысль о ней не угнетает их ум, и он развивается свободно и без всяких помех.

Я выразил удивление, что не встретил при дворе ни одного из этих славных бессмертных. Черное пятно на лбу — настолько бросающаяся в глаза примета, что я непременно обратил бы на нее внимание. А в то же время невозможно допустить, чтобы его величество, рассудительнейший из монархов, не окружил себя такими мудрыми и опытными советниками. Возможно, впрочем, что доб-

родетель этих мудрецов слишком сурова и не вполне подходит к распущенным нравам, царящим при дворе. Ведь мы знаем по опыту, с каким упрямством и легкомыслием молодежь не хочет слушаться трезвых советов старших. Но его величество соизволил предоставить мне свободный доступ к его особе, и я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы подробно изложить ему мое мнение об этом.

Во всяком случае, теперь я с глубочайшей благодарностью приму милостивое предложение его величества навсегда поселиться в его государстве и проведу всю жизнь в беседах со струльдбругами, если только этим высшим существам угодно будет допустить меня в свое общество.

Пока я с жаром произносил эту речь (разговор происходил на хорошо знакомом мне бадьнибарбийском языке), мой собеседник поглядывал на меня с улыбкой, в которой сквозила жалость к простаку. Когда я кончил, он любезно заметил, что рад всякому предлогу удержать меня в стране, и попросил позволения перевести присутствующим мои слова. Я ответил, что буду признателен ему за это. Его рассказ привлек всеобщее внимание; затем начался оживленный разговор. К сожалению, я не понимал местного языка и не мог по выражению лиц догадаться, какое впечатление произвели мои рассуждения. Наконец мой собеседник вновь

обратился ко мне. Он сказал, что мои и его друзья восхищены моими тонкими замечаниями по поводу великого счастья и преимуществ бессмертия. Однако им очень хочется знать, как бы поступил я сам, если бы волей судьбы я родился струльдбругом.

Я отвечал, что мне очень легко удовлетворить их любопытство. Я нередко мечтал о бессмертии и подолгу раздумывал, как бы я распорядился собой, если бы знал наверное, что буду жить вечно.

Итак, убедившись, что мне суждено бессмертие, я первым делом постарался бы разбогатеть. При некоторой бережливости и умеренности я с полным основанием мог бы рассчитывать лет через двести стать первым богачом в королевстве. Одновременно с ранней юности я принялся бы за изучение наук и искусств и в конце концов затмил бы всех своей учепостью. Наконец, я вел бы тщательную летопись всех выдающихся общественных событий. Я бы аккуратно заносил в свои записки все изменения в обычаях, в языке, в покрое одежды, в пище и в развлечениях. Благодаря своим знаниям и наблюдениям я стал бы постепенно истинным мудрецом, источником всяких знаний для своего народа.

После шестидесяти лет я перестал бы мечтать о женитьбе. Оставаясь бережливым, я бы жил открыто и был гостеприимен. Я собирал бы вокруг себя подающих надежды юношей и убеждал их, ссылаясь на собственный опыт, наблюдения и воспоминания, как полезна добродетель в общественной и личной жизни.

Но самыми лучшими и постоянными моими друзьями и собеседниками были бы мои собратья по бессмертию. Среди них я избрал бы себе двенадцать друзей, начиная с самых глубоких стариков и кончая моими сверстниками. Если бы между ними оказались нуждающиеся, я отвел бы им удобные жилища вокруг моего поместья. За моим столом постоянно собирались бы мои друзья струльдбруги и избранные смертные. С течением времени я привык бы относиться равнодушно к смерти друзей и не без удовольствия смотрел бы на их потомков. Так мы любимся расцветающими в нашем саду гвоздиками и тюльпанами, нисколько не сокрушаясь о тех, что увяли прошлой осенью.

Как содержательны и интересны были бы наши беседы! Мы, струльдбруги, обменивались бы воспоминаниями и наблюдениями, собранными за много веков. Мы придумывали бы меры борьбы с растущими среди людей пороками. Своим личным примером мы старались бы предотвратить непрестанное вырождение человечества.

Прибавьте сюда удовольствие быть свидетелем великих переворотов в державах и империях, глубоких перемен во всех слоях общества — от высших до низших. На ваших глазах древние города обращаются в развалины, а безвестные деревушки становятся многолюдными столицами. Вы следите за тем, как многоводные реки превращаются в ручейки, как океан отходит от одного берега и затопляет другой. Вы видите, как наносятся на карту различные страны, вчера еще неведомые. Вы наблюдаете, как культурнейшие народы погружаются в варварство, а варварские постепенно поднимаются на вершину цивилизации. А каких великих открытий вы бы непременно дождались: изобретения *regretium mobile**, открытия универсального лекарства от всех болезней или способов определения долготы!

Я был красноречив в изображении всех радостей и наслаждений, какие способно даровать человеку бессмертие. Когда я кончил и содержание моей речи было переведено присутствующим, лагг-нежцы начали оживленно разговаривать между собой, по временам с насмешкой поглядывая на меня.

Наконец джентльмен, игравший роль переводчика, сказал, что все просят его разъяснить мне полную ошибочность моих взглядов.

Ошибка, в которую я впал, объясняется отчасти глупостью, свойственной человеческому роду вообще, а отчасти тем, что

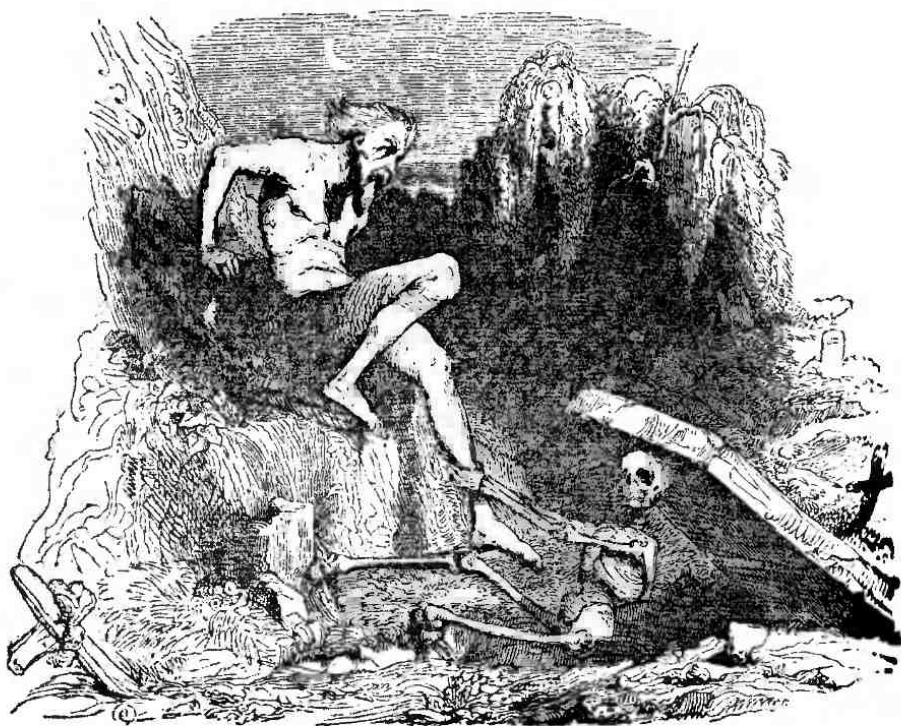
порода струльдбругов составляет исключительную особенность их страны. Подобных диковинных существ нельзя встретить ни в Бальнибарби, ни в Японии. Переводчику это хорошо известно, так как он имел честь быть посланником его величества при японском императоре, и к его рассказу о струльдбругах там отнеслись с большим недоверием. Да и то изумление, которое я обнаружил при первом упоминании о бессмертных, показывает, насколько невероятным казалось мне существование подобных людей.

Во время своего пребывания в названных королевствах он вел долгие беседы с местными жителями и заметил, что долголетие является общим желанием, заветнейшей мечтой всех людей. Каждый стоящий одной ногой в могиле старается как можно прочнее утвердить свою другую ногу на земле. Самые дряхлые старики

дорожат каждым днем жизни и смотрят на смерть, как на величайшее зло. Только здесь, на острове Лаггнеге, нет такой жажды жизни, ибо у всех перед глазами пример долголетия — струльдбруги.

Образ жизни бессмертного, какой рисуется моему воображению, совершенно невозможен. Он требует вечной молодости, здоровья и силы. А надеяться на это не вправе ни один человек, как бы далеко ни шли его желания. Следовательно, речь идет здесь вовсе не о том, чтобы вечно наслаждаться молодостью и ее благами, а о том, как провести бесконечную жизнь, подверженную страданиям, какие приносит старость. Конечно, не много людей пожелает стать бессмертными на таких тяжких условиях. Однако мой собеседник заметил, что в Бальнибарби и в Японии даже старики, обремененные всеми недугами старости, стремятся отдалить от себя смерть. И он спросил меня, не наблюдается ли то же самое явление и в моем отечестве, а также в тех странах, которые мне удалось посетить во время моих путешествий.

После этого предисловия он подробно описал мне живущих среди них струльдбругов. Он сказал, что до тридцатилетнего

возраста они ничем не отличаются от остальных людей. Затем они мало-помалу становятся мрачными и угрюмыми.

Достигнув восьмидесятилетнего возраста, который здесь считается пределом человеческой жизни, они, подобно смертным, превращаются в дряхлых стариков. Но, кроме всех недугов и слабостей, присущих вообще старости, над ними тяготеет мучительное сознание, что им суждено вечно влачить такое жалкое существование.

Струльдбруги не только упрямые, сварливые, жадные, угрюмые, тщеславные и болтливые, — они не способны также к дружбе и любви. Естественное чувство привязанности к своим ближним не простирается у них дальше чем на внуков. Зависть и неудовлетворенные желания непрестанно терзают их. Завидуют они прежде всего порокам юношей и смерти стариков. Глядя на веселье молодости, они с горечью сознают, что для них совершенно отрезана всякая возможность наслаждения. При виде похорон ропщут и жалуются, что для них нет надежды достигнуть тихой пристани, в которой находят покой другие. Счастливчиками среди этих несчастных являются те, кто потерял память и впал в детство. Они внушают к себе больше жалости и участия, потому что лишены многих пороков и недостатков, которые свойственны остальным бессмертным.

Если случится, что струльдбруг женится на женщине, подобно ему обреченной на бессмертие, то этот брак расторгается по достижении младшим из супругов восьмидесятилетнего возраста.

Как только струльдбругам исполняется восемьдесят лет, для них наступает гражданская смерть. Наследники немедленно получают их имущество. Из наследства удерживается небольшая сумма на их содержание; бедные содержатся на общественный счет. По достижении этого возраста струльдбруги считаются неспособными к занятию должностей. Они не могут ни покупать, ни брать в аренду землю, им не разрешается выступать свидетелями в суде.

В девяносто лет у струльдбругов выпадают зубы и волосы. В этом возрасте они перестают различать вкус пищи и едят и пьют все, что попадется под руку, без всякого удовольствия и аппетита. Старческие недуги продолжают мучить их, не обостряясь и не утихая. Постепенно они теряют память. В разговоре они забывают названия самых обыденных вещей и имена ближайших друзей и родственников. Они не способны развлекаться чтением: они забывают начало фразы, прежде чем дочитают ее до конца. Таким образом, они лишены единственного доступного им развлечения.

Язык этой страны постепенно изменяется. Струльдбруги, родившиеся в одном столетии, с трудом понимают язык людей,

родившихся в другом. Прожив лет двести, они с большим трудом могут произнести несколько самых простых фраз. С этого времени им суждено чувствовать себя иностранцами в своем отечестве.

Таково описание струльдбругов, которое я услышал от моего собеседника. Позднее я собственными глазами увидел пять или шесть струльдбругов различного возраста. Самым молодым из них было около двухсот лет. Друзья, приводившие их ко мне, пытались растолковать им, что я великий путешественник и видел весь свет. Однако на струльдбругов это не произвело ни малейшего впечатления. Они не задали мне ни одного вопроса о том, что я видел или испытал. Их интересовало только одно: не дам ли я им с л о м е к у д а с к, то есть подарок на память. Это благовидный

способ выпрашивания милостыни. Так как струльдбруги содержатся на общественный счет, им строго воспрещается нищенство. Но паек их, надо сознаться, довольно скуден, и они всячески стараются обойти закон.

Струльдбругов все ненавидят и презируют. Рождение каждого из них служит дурным предзнаменованием и аккуратно записывается в особые книги, так что возраст каждого струльдбруга можно узнать, справившись в государственных архивах. Впрочем, архивные записи не идут в прошлое дальше тысячи лет. К тому же много книг истлело от времени или погибло в эпохи народных волнений.

Лучший способ узнать возраст струльдбруга — это спросить его, каких королей и знаменитостей он может припомнить.

Память струльдбруга сохраняет имена лишь тех королей, которые вступили на престол тогда, когда этому струльдбругу еще не исполнилось восьмидесяти лет. Справившись затем с летописями, нетрудно установить приблизительно возраст струльдбруга.

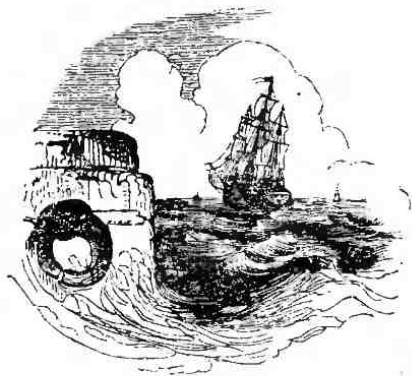
Мне никогда не приходилось видеть ничего омерзительнее этих людей. Женщины были еще противнее мужчин. Помимо обыкновенной уродливости, свойственной глубокой дряхлости, они с годами все больше и больше приобретают облик каких-то призраков. Ужас, какой они внушают, не поддается никакому описанию.

Читатель легко поверит, что после того как я познакомился поближе со струльдбругами, моя жажда бессмертия значительно ослабела.

Теперь я стыдился тех заманчивых картин, которые еще недавно рисовало мое воображение. Я думал о том, что предпочел бы самую страшную казнь судьбе струльдбруга.

Король весело посмеялся, узнав о разговоре, который я вел с друзьями. Он предложил мне взять с собой на родину парочку струльдбругов, чтобы излечить моих соотечественников от страха смерти. Я бы охотно принял на себя заботу и расходы по их перевозке, если бы основные законы королевства не запрещали струльдбругам покидать отечество.

Должно признать, что здешние законы о струльдбругах отличаются большой разумностью. Не будь этих законов, струльдбруги, побуждаемые старческой алчностью, постепенно захватили бы в собственность всю страну и присвоили бы себе всю гражданскую власть. А это, вследствие их полной неспособности к управлению, неизбежно привело бы государство к гибели.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Автор оставляет Лаггнег и отплывает в Японию.
Отсюда он возвращается на голландском корабле
в Амстердам, а из Амстердама в Англию*

Я надеюсь, что рассказ о струльдбругах своей новизной доставил некоторое развлечение читателю. Я, по крайней мере, не помню, чтобы встречал что-нибудь подобное в других книгах путешествий, попадавших мне в руки.

Между королевством Лаггнег и великой Японской империей существуют постоянные торговые сношения. Японские писатели, вероятно, упоминают о струльдбругах. Но мое пребывание в Японии было очень кратковременно. Я совсем не знаю японского языка и не имел возможности узнать что-нибудь по этому вопросу. Но я надеюсь, что голландцы, прочтя мой рассказ, заинтересуются бессмертными и дополнят мое сообщение.

Его величество настойчиво уговаривал меня занять при дворе какую-нибудь должность. Но, видя мое непреклонное решение возвратиться на родину, согласился отпустить меня и соизволил даже написать рекомендательное письмо к японскому императору. Он подарил мне четыреста сорок четыре крупных золотых монеты и красный алмаз, который я продал в Англии за тысячу сто фунтов.

6 мая 1709 года я торжественно расстался с его величеством и со всеми моими друзьями. Король был настолько любезен, что повелел отряду своей гвардии сопровождать меня до Глангвен-сталда, королевского порта, расположенного на юго-западной стороне острова.

Через шесть дней я сел на корабль, отходивший в Японию, и провел в пути пятнадцать дней.

Мы бросили якорь в небольшом порту Ксамоши, в юго-восточной части Японии. Город построен на длинной косе, от которой узкий пролив ведет к северу в длинный морской рукав; на северо-западной стороне его находится столица империи Иеддо. Высадившись на берег, я показал таможенным чиновникам письмо его императорскому величеству от короля Лаггнегга. В таможене прекрасно знали королевскую печать величиной с мою ладонь. На ней изображен король, помогающий хрому нищему подняться с земли. Городской магистрат, услышав об этом письме, принял меня как посла дружественной державы. Он снабдил меня экипажами и слугами и взял на себя расходы по моей поездке в Иеддо.

По прибытии туда я получил аудиенцию и вручил письмо. Оно было вскрыто с большими церемониями и прочитано императору переводчиком. По приказанию его величества мне было предложено высказать какую-нибудь просьбу. Она немедленно

будет исполнена императором в уважение к его царственному брату, королю Лаггнегга. На обязанности переводчика лежало ведение дел с голландцами. Поэтому он скоро догадался по моей внешности, что я европеец, и повторил слова его величества на голландском языке, которым он владел в совершенстве. Согласно ранее принятому решению, я отвечал, что я голландский купец, потерпевший кораблекрушение у берегов далекой страны. Оттуда я пробрался в Лаггнегг, а из Лаггнегга прибыл на корабле в Японию, с которой, как мне известно, мои соотечественники ведут торговлю. Я надеюсь, что мне представится случай вернуться с кем-нибудь из них на родину. Я почтительно прошу его величество разрешить мне под охраной отправиться в Нагасаки, единственный порт, куда разрешено заходить европейским судам. Там я буду ожидать удобного случая отправиться в Европу. В заключение я просил его величество, из уважения к моему покровителю, королю Лаггнегга, милостиво освободить меня от обязательной для моих соотечественников церемонии попраiania ногами креста*. Тем более, что я заброшен в страну несчастиями и не имею намерения вести торговлю.

Когда переводчик передал императору эту просьбу, его величество был несколько удивлен. Он сказал, что я первый из моих соотечественников обнаруживаю такую щепетильность. У него невольно возникает сомнение, правда ли, что я голландец; из моих слов видно только, что я настоящий христианин. Тем не менее, желая оказать особую любезность королю Лаггнегга, он соглашается на мою странную прихоть. Однако он должен предупредить меня, что здесь придется действовать крайне осторожно. Он отдаст своим чиновникам приказ сделать вид, словно они только случайно, по забывчивости, отпустили меня без исполнения этого обряда. Ибо если мои соотечественники-голландцы узнают, что мне удалось освободиться от выполнения этой церемонии, они, по уверению императора, перережут мне по дороге горло. Я выразил при помощи переводчика мою глубокую благодарность за столь исключительную милость. Как раз в это время в Нагасаки должен был направиться отряд солдат. Мне предложили присоединиться к этому отряду, и его начальник получил приказ охранять меня по пути и особые наставления насчет распытия.

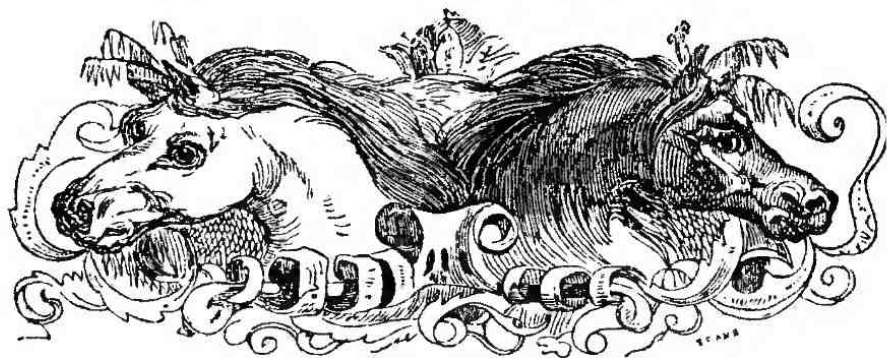
После весьма долгого и утомительного путешествия я прибыл в Нагасаки 9 июня 1709 года. Здесь я познакомился с компанией голландских моряков, служивших на амстердамском корабле «Амбоина» вместимостью в чetyреста пятьдесят тонн. Я долго жил в Голландии, учился в Лейдене и хорошо говорил по-голландски. Матросы скоро узнали, откуда я прибыл, и стали с любопытством расспрашивать о моих путешествиях и моей жизни. Я сочинил коротенькую, но правдоподобную историю, утаив большую часть

событий. У меня было много знакомых в Голландии, и потому я без труда придумал фамилию моих родителей, которые, по моим словам, были скромные поселяне из провинции Гельдерланд. Я предложил капитану корабля (некому Теодору Вангрульту) взять с меня любую сумму за доставку в Голландию. Но, узнав, что я хирург, он удовольствовался половиной обычной платы с условием, чтобы я исполнял у него на корабле обязанности врача. Перед тем как отправиться в путь, матросы не раз спрашивали меня, исполнил ли я упомянутую выше церемонию с крестом, но я отвечал им очень неопределенно. Однако шкипер, злобный парень, указал на меня японскому офицеру, говоря, что я еще не топтал распятие. Но офицер, получивший насчет меня особое указание, дал негодяю двадцать ударов бамбуковой палкой по плечам. После этого ко мне никто больше не приставал с подобными вопросами.

Во время путешествия не произошло ничего заслуживающего упоминания. До мыса Доброй Надежды был попутный ветер. Мы остановились там на несколько дней, чтобы запастись пресной водой. 10 апреля 1710 года мы благополучно прибыли в Амстердам, потеряв в дороге четырех человек: трое умерли от болезней, а четвертый упал с бизань-мачты в море у берегов Гвинеи. Из Амстердама я отправился в Англию на небольшом судне, принадлежавшем этому городу.

16 апреля мы бросили якорь в Даунсе. Я высадился на другой день утром и снова увидел свою родину после пяти с половиной лет отсутствия. Я отправился прямо в Редриф, куда прибыл в два часа пополудни того же дня, и застал жену и детей в добром здравье.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ГУИГНГНМОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автор отправляется в путешествие в должности капитана корабля. Команда корабля составляет против автора заговор. Долгое время его содержат под стражей в каюте, а затем высаживают на берег в неизвестной стране. Автор направляется внутрь страны. Описание особенной породы животных еху.

Автор встречает двух гу и гн гн м о в

провел дома с женой и детьми около пяти месяцев и мог бы назвать себя очень счастливым, если бы научился наконец ценить спокойную и тихую жизнь. Но страсть к путешествиям не оставляла меня. Мне предложили на очень выгодных условиях занять должность капитана на корабле «Адвенчурер», хорошем купеческом судне водоизмещением в триста пятьдесят тонн, и я после недолгих колебаний принял предложение.

Мореходное дело было мне очень хорошо знакомо, а хирургия порядочно надоела. Вот почему, не отказываясь при случае заняться и этим делом, я пригласил в качестве корабельного врача Робер-

та Пьюрефой, сведущего молодого человека. Мы отплыли из Портсмута 7 сентября 1710 года. 14-го мы встретили у Тенерифа капитана Пококка из Бристоля, который направлялся в Кампешу за сандаловым деревом. Но поднявшаяся 16-го числа буря развела нас. По возвращении в Англию я узнал, что корабль его потонул; из всего экипажа спасся один только юнга. Этот капитан был славный парень и хороший моряк, но отличался большим упрямством. Я нисколько не сомневаюсь, что этот недостаток и погубил его.

Во время плавания у меня на судне от тропической лихорадки умерло несколько матросов. Чтобы пополнить экипаж, я на вербовал людей на Барбадосе и других Антильских островах, куда я заходил согласно распоряжению хозяев корабля. Но скоро мне пришлось горько раскаяться в этом. Большая часть набранных мной матросов были люди весьма подозрительные и, как выяснилось впоследствии, морские разбойники. У меня на борту было пятьдесят человек. Я имел поручение вступить в торговые сношения с индейцами Южного океана и произвести исследование малоизвестных областей в этих широтах.

Негодяи, которых я взял на корабль, сумели быстро привлечь на свою сторону остальных матросов. Было решено арестовать меня и завладеть кораблем. Заговор должен был быть приведен в исполнение немедленно. Однажды утром заговорщики ворвались ко мне в каюту, связали меня по рукам и ногам и угрожали выбросить за борт, если я вздумаю сопротивляться. Мне оставалось только покориться своей участи и признать себя их пленником. Разбойники заставили меня поклясться, что я не буду больше оказывать сопротивления. Когда я исполнил их требование, они развязали меня, но приковали цепью к кровати и поставили возле двери моей каюты часового с ружьем, которому было приказано стрелять при малейшей моей попытке к освобождению. Они присылали ко мне в каюту пищу и питье, а управление кораблем захватили в свои руки.

Пираты решили заняться выслеживанием и грабежом испанских судов. Но для такого предприятия их было слишком мало. Поэтому они решили распродать товары, находившиеся на корабле, и направиться к острову Мадагаскару для пополнения экипажа. В течение нескольких недель разбойники плавали по океану, занимаясь торговлей с индейцами. Но я не знал взятого ими курса, так как все время находился под строжайшим арестом в каюте, ежеминутно ожидая жестокой казни, которой они часто угрожали мне.

9 мая 1711 года ко мне в каюту спустился некто Джеймс Уэлч и объявил, что капитан приказал ему высадить меня на берег. Я попробовал усовестить его, но все было напрасно. Он отказался

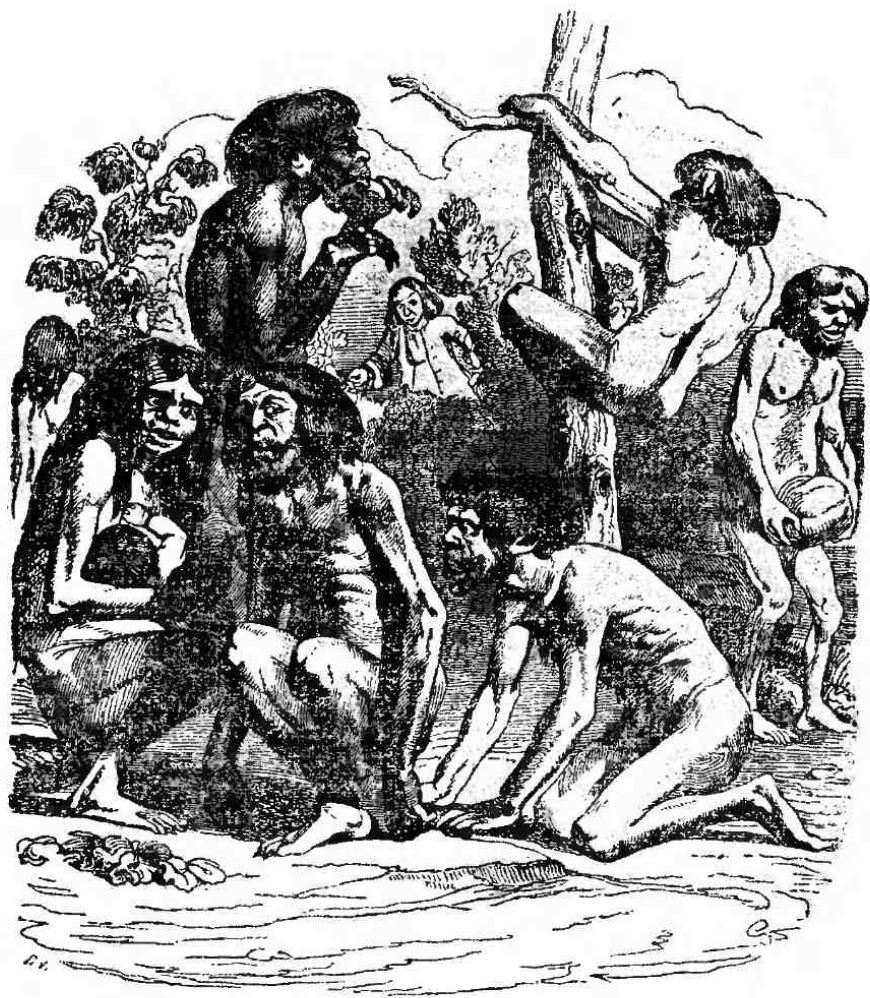
даже сказать мне, кто был их новый капитан. Разбойники разрешили мне надеть мое лучшее, почти новое платье и взять небольшой узел белья; из оружия мне оставили только кортик. Их любезность зашла так далеко, что они не обыскали у меня карманов, где находились деньги и кое-какие мелочи. Затем они посадили меня в баркас и направились к берегу, видневшемуся на расстоянии примерно одной лиги от корабля. Тут разбойники высадили меня на отмель и повернули обратно к судну. Я просил сказать, по крайней мере, что это за страна. Но мои люди поклялись, что знают об этом не больше меня. Они сказали, что капитан, как они его называли, уже давно решил отделаться от меня, как только корабельный груз будет продан и настанет время идти к Мадагаскару. Затем баркас отчалил. На прощанье они пожелали мне всякой удачи и посоветовали поспешить добраться до берега, пока не начался прилив.

Совет был благоразумен, и я направился по отмели к берегу. Добравшись до берега, я присел на холмик отдохнуть и поразмыслить, что делать дальше. У меня не было никаких запасов пищи, ни средств раздобыть ее. Я был один и безоружен. Все, что мне оставалось, это отдать в руки первым дикарям, каких я встречу, и приобрести их расположение несколькими браслетами, стекляшками и другими безделушками. Моряки всегда запасаются ими, отправляясь в дикие страны. Несколько таких вещей я расфовап по карманам, покидая свою каюту. Приняв это решение, я встал и направился в глубь страны.

Передо мной расстилалась широкая равнина. Длинные ряды деревьев пересекали ее. Но эти деревья не были посажены рукой человека. Между деревьями виднелись зеленые луга и нивы, засеянные овсом. Я осторожно подвигался вперед, оглядываясь по сторонам. Я все время боялся, как бы кто-нибудь не напал на меня враспloh или не подстрелил сзади или сбоку из лука.

Через некоторое время я вышел на проезжую дорогу. На дороге было видно много человеческих следов, несколько коровьих, но больше всего лошадиных. Наконец я заметил в поле каких-то животных. Несколько таких же животных сидело на деревьях. Их странный и причудливый вид смутил меня. Я прилеп за кустом, чтобы лучше их разглядеть. Некоторые из них приблизились к тому месту, где я спрятался, так что я мог отлично разглядеть их. Голова и грудь у них были покрыты густыми волосами — у одних вьющимися, у других — гладкими. У многих из них были и бороды, похожие на козлиные. Вдоль спины и передней части лап тянулись узкие полосы шерсти. Но тело было голое, так что я мог видеть кожу темно-коричневого цвета. Хвостов у них не было. Самки были

поменьше самцов; на головах у них росли длинные гладкие волосы, но лица были чистые, а все тело было покрыто только легким пушком. Волосы и у самцов и у самок были разного цвета: коричневые, черные, рыжие. Они редко оставались в покое, все время бегали, прыгали и скакали с изумительным проворством. Крепкие и острые когти на передних и задних лапах позволяли им с ловкостью белки карабкаться на самые высокие деревья. В общем, во время моих путешествий я никогда еще не встречал более безобразных, более гнусных животных. Поэтому я не долго глядел на них. Испытывая глубокое отвращение и гадливость, я поскорее

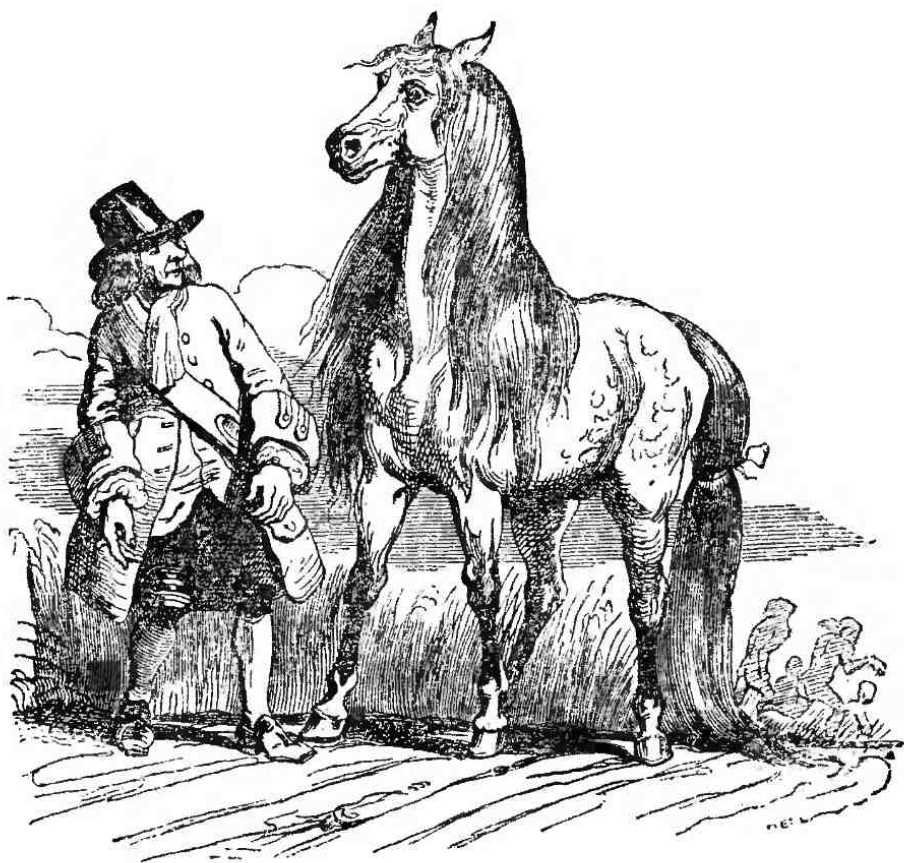
выбрался из засады и продолжал свой путь по дороге в надежде, что она приведет меня к хижине какого-нибудь индейца.

Но не успел я сделать и нескольких шагов, как встретил одно из этих омерзительных животных. Оно бежало по направлению ко мне. Заметив меня, животное остановилось и с ужасными гримасами вытаращило на меня глаза. Затем, подойдя поближе, оно подняло переднюю лапу — то ли из любопытства, то ли со злым умыслом, я не мог определить. Я выхватил кортик и плашмя нанес сильный удар по лапе животного. Я не хотел пускать в ход острие, опасаясь, что обитатели этой страны рассердятся на меня, если я убью или изувечу принадлежащую им скотину. Почувствовав боль, животное пустилось наутек и завизжало так громко, что целое стадо, штук около сорока, таких же тварей примчалось с соседнего поля и с воем и ужасными гримасами окружило меня. Я бросился к дереву и, прислонясь спиной к стволу, принялся размахивать кортиком, не подпуская их к себе. Однако положение мое было весьма незавидным. Несколько животных взобралось на дерево и готовилось напасть на меня сверху. Остальные все теснее и теснее смыкались вокруг меня.

Я уже отчаивался в спасении и готовился дорого продать свою жизнь, как вдруг заметил, что среди моих врагов возникла какая-

то паника. Еще минута — и они обратились в поспешное бегство. Выждав немного, я рискнул оставить дерево и продолжать путь. Я решительно недоумевал, что могло вызвать среди них такой испуг. Взглянув налево, я увидел спокойно двигавшегося по полю коня. Очевидно, этот конь и был причиной бегства моих преследователей, заметивших его раньше, чем я. Приблизившись ко мне, конь слегка вздрогнул, но скоро оправился и стал смотреть мне прямо в лицо с выражением крайнего удивления. Он смотрел на мои руки и ноги и несколько раз обошел вокруг меня. Я хотел было идти дальше, но конь загородил мне дорогу, продолжая кротко смотреть на меня и не выражая ни малейшего намерения как-нибудь обидеть меня. Так мы стояли некоторое время, глядя друг на друга.

Наконец я набрался смелости и протянул руку к шее коня, желая его погладить. Но животное отнеслось к моей ласке с пре-

зрением, замотало головой, нахмурило брови и, тихонько подняв правую переднюю ногу, отстранило мою руку. Затем конь заржал так выразительно, что я готов был подумать: уж не разговаривает ли он на своем языке.

Вскоре к нам подошел еще один конь. Оба коня обменялись самыми церемонными приветствиями. Они легонько постукались друг с другом правыми передними копытами и стали поочередно ржать, изменяя звуки на разные лады, так что они казались почти членораздельными. Затем они отошли от меня на несколько шагов и принялись прогуливаться рядышком подобно людям, решающим важный вопрос. При этом они посматривали на меня, словно наблюдая, чтобы я не убежал. Глядя на поведение этих неразумных животных, я невольно подумал, что если простые четвероногие таковы в этой стране, то каковы же двуногие ее обитатели. Они, наверно, самый мудрейший народ на земле. Эта мысль чрезвычайно подбодрила меня, и я решил продолжать путь, пока не достигну какого-нибудь жилья или не встречу кого-нибудь из туземцев. Но первый конь, серый в яблоках, заметив, что я ухожу, так выразительно заржал мне вслед, что мне показалось, будто я понимаю, чего он хочет. Я тотчас повернул назад и подошел к нему в ожидании дальнейших приказаний. Должен признаться, что я начал уже немного побаиваться за исход этого приключения, хотя всячески старался скрыть свой страх. Читатель легко может себе представить, что положение мое было не из приятных.

Обе лошади подошли ко мне и с большим вниманием начали рассматривать мое лицо и руки. Серый конь потер со всех сторон мою шляпу правым копытом передней ноги, отчего она так помялась, что мне пришлось снять ее. Расправив шляпу, я снова надел ее. Мои движения, по-видимому, сильно поразили серого коня и его товарища (каракэвой масти). Последний прикоснулся к полам моего кафтана, и то обстоятельство, что они болтались свободно, снова привело обоих в большое изумление. Караковый конь погладил меня по правой руке, по-видимому удивляясь ее мягкости и цвету. Он так крепко сжал ее между копытом и бабкой, что я закричал от боли. Конь тотчас выпустил мою руку, и после этого оба стали прикасаться ко мне с большой осторожностью. Мои башмаки и чулки повергли их в полное недоумение. Они долго осматривали и ощупывали их, выражая ржаньем и жестами свое крайнее изумление. Вообще все поведение этих животных отличалось такой последовательностью и рассудительностью, что в конце концов у меня возникла мысль: уж не волшебники ли это, которым по каким-то причинам понадобилось превратиться на время в лошадей. Встретив по дороге чужестранца, они решили позабавиться над ним и напугать его. Впрочем, они, быть может, были дей-

ствительно поражены видом человека, по своей одежде, чертам лица и телосложению очень непохожего на людей, живущих в этой отдаленной стране. Придя к такому заключению, я отважился обратиться к ним со следующей речью: «Джентльмены, если вы действительно колдуны, как я имею основания полагать, то вы понимаете все языки. Поэтому я осмеливаюсь доложить вашей милости, что я — бедный англичанин. Злая судьба забросила меня на берег вашей страны. Я прошу разрешения сесть верхом на одного из вас, как на настоящую лошадь, и доехать до какого-нибудь хутора или деревни, где бы я мог отдохнуть и найти приют. В благодарность за эту услугу я подарю вам вот этот ножик или этот браслет». Тут я вынул обе вещицы из кармана.

Пока я говорил, оба коня стояли молча, с таким видом, словно они с большим вниманием слушали мою речь. Когда я кончил, они несколько раз заржали, обращаясь друг к другу, словно ведя между собой серьезный разговор. Тут для меня стало ясно, что их язык отлично выражает чувства и что он, пожалуй, даже легче китайского поддается разложению на слова и отдельные звуки.

Я отчетливо расслышал слово *еху*, которое оба коня повторили несколько раз. Хотя я не мог понять его значения, но все

Поговорив еще немного, друзья расстались, постукавшись копытами, как и при встрече. Затем серый конь сделал мне знак идти впереди. Я счел благоразумным подчиниться его приглашению, пока не найду лучшего руководителя. Когда я замедлял шаги, конь начинал ржать: «ггуун, ггуун». Догадавшись, что означает это ржанье, я постарался по мере сил объяснить ему, что устал и не могу идти скорее. Тогда конь остановился, чтобы дать мне возможность отдохнуть.

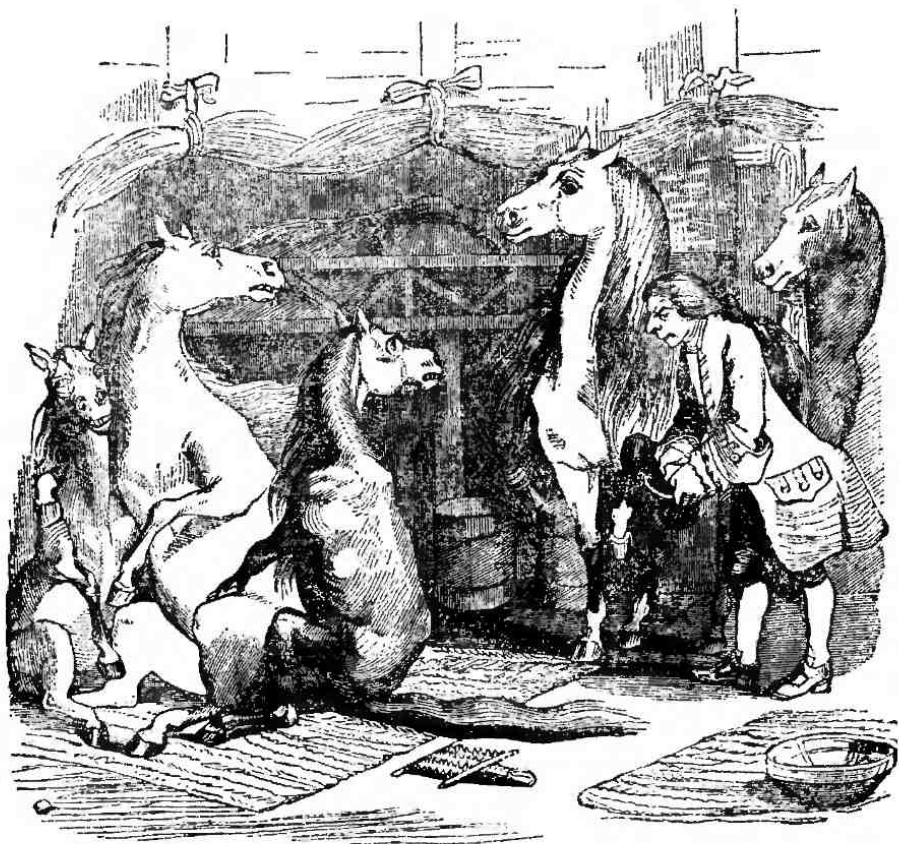

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гуигнигн приводит автора к своему жилищу. Описание этого жилища. Прием, оказанный автору. Пища гуигнигнов. Автор недоумевает, чем он будет питаться в этой стране. Выход из затруднительного положения. Чем питался автор в этой стране

Сделав около трех миль, мы подошли к длинному низкому строению. Стены его были сделаны из кольев, вбитых в землю и переплетенных прутьями, а крыша из соломы. При виде этого жилья я вздохнул свободнее и вынул из кармана несколько безделушек. Я надеялся, что благодаря этим безделушкам хозяева дома окажут мне более радушный прием. Конь знаком пригласил меня войти первым, и я очутился в просторной комнате с гладким глиняным полом; по одной стене тянулись ясли с решетками для сена. Там были трое лошаков и две кобылицы; они не стояли возле яслей и не ели, а сидели по-собачьи, что меня крайне удивило. Но еще более я удивился, когда увидел, что другие лошади заняты домашними работами. Все это окончательно укрепило меня в предположении, что народ, сумевший так выдрессировать неразумных животных, несомненно должен превосходить своей мудростью все другие народы земного шара. Серый конь вошел следом за мной, предотвратив этим возможность дурного приема со стороны других лошадей. Он несколько раз заржал повелительным тоном хозяина, и другие тотчас покорно отозвались.

Кроме этой комнаты, там было еще три, расположенные одна за другой вдоль здания. Они соединялись между собой широкими дверями. Двери были пробиты в стенах одна против другой, так что образовался прямой проход из первой комнаты в последнюю. Мы прошли во вторую комнату. Тут серый конь сделал мне знак подождать, а сам направился в третью. Я остался во второй комнате и приготовил подарки для хозяина и хозяйки дома: два ножа, три браслета с фальшивыми жемчужинами, маленькое зеркальце и ожерелье из бус. Конь заржал три или четыре раза, и я насторожился, надеясь услышать в ответ человеческий голос. Но я услышал такое же ржание, только звук его был нежнее и тоньше. Я невольно подумал: «Наверно, этот дом принадлежал очень важной особе, если надо проделать столько церемоний, прежде чем допустить меня к хозяину». Но неужели у такой важной особы не было других слуг, кроме лошадей? Это было выше моего понимания. Я испугался: уж не помутился ли мой рассудок от перенесенных лишений и страданий? Сделав над собой усилие, я внимательно осмотрелся кругом: комната, в которой я находился, была убрана так же, как и первая, только с большим изяществом.

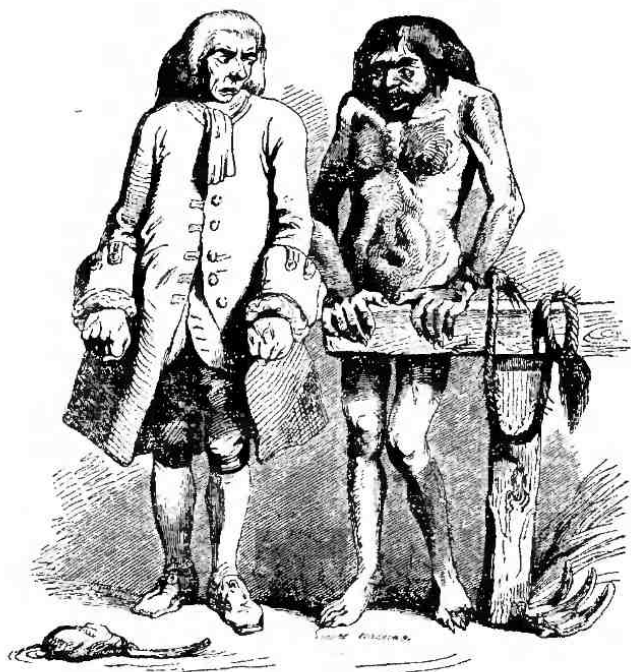
Я несколько раз протер глаза — передо мной находились все те же предметы. Я стал щипать себе руки и бока, чтобы проснуться, ибо минутами мне казалось, что я вижу все это во сне. Но щипки мне не помогли: я видел все ту же комнату, тот же земляной пол, те же ясли. Тогда я окончательно остановился на мысли, что все это только волшебство и магия. В эту минуту в дверях снова показался серый конь и знаками пригласил меня войти за ним в третью комнату, где я увидел очень красивую кобылу с двумя жеребятами. Они сидели, поджав под себя задние ноги, на недурно сделанных, очень опрятных и чистых соломенных циновках.

Когда я вошел, кобыла тотчас встала с циновки и приблизилась ко мне. Она внимательно осмотрела мое лицо и руки и отвернулась с выражением величайшего презрения. Затем она обратилась к серому коню, и я слышал, как в их разговоре часто повторялось

слово «еху», значения которого я еще не понимал. Увы! К величайшему моему унижению, я скоро узнал, что оно значит.

Серый конь, кивнув мне головой и повторяя слово «ггуун», «ггуун», которое я часто слышал от него в дороге и которое означало приказание следовать за ним, вывел меня на задний двор. Здесь, в некотором отдалении от дома, стоял довольно вместительный сарай. Мы вошли туда, и я увидел трех таких же отвратительных животных, как те, от которых я оборонялся под деревом. Они с жадностью пожирали корни и сырое мясо, очень неприглядное на вид. Впоследствии я узнал, что это были трупы подохших собак, ослов и коров. Все трое были привязаны за шею крепкими ивовыми прутьями к толстому бревну. Пищу они держали в когтях передних лап и разрывали ее зубами.

Хозяин-конь приказал своему слуге, гнедому лошаку, отвязать самое крупное из этих животных и вывести его во двор. Поставив нас рядом, хозяин и слуга начали внимательно сравнивать нас, после чего несколько раз повторили слово «еху». Невозможно описать ужас и удивление, овладевшие мной, когда я заметил, что это отвратительное животное по своей внешности в точности

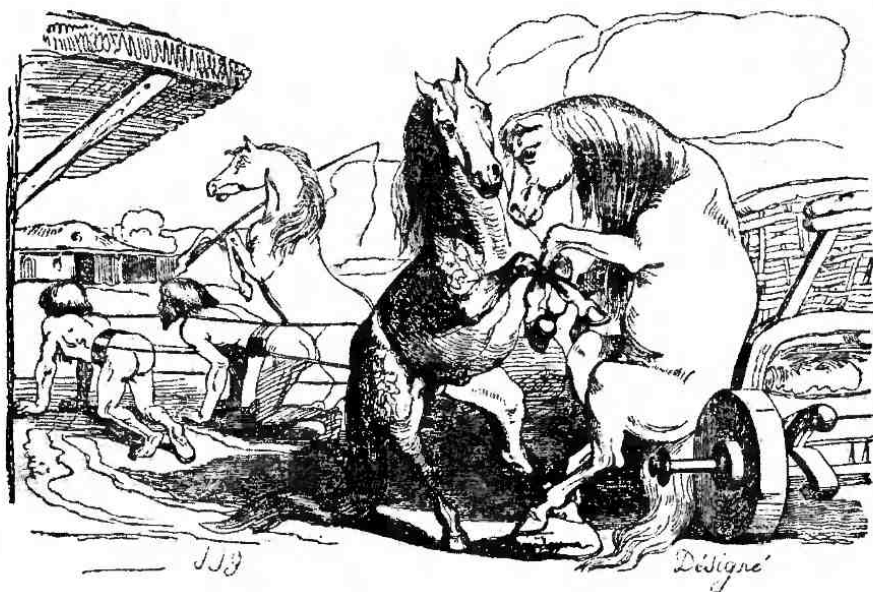
напоминает человека. Правда, лицо у него было плоское и широкое, нос приплюснутый, губы толстые и рот огромный, но эти особенности очень часто встречаются у дикарей, так как матери-дикарки кладут своих детей ничком на землю и таскают их за спиной, отчего младенец постоянно трется носом о плечи матери. Передние лапы еху отличались от моих рук только длиной ногтей, грубой кожей, коричневым цветом ладоней и еще тем, что у них тыльная сторона кисти покрыта волосами. Точно так же и задние лапы еху не слишком отличались от моих ног. Я сразу понял это, хотя лошади и не могли ничего заметить, так как на мне были чулки и башмаки.

Больше всего, по-видимому, обеих лошадей приводило в недоумение мое платье. О том, что это такое, они не имели никакого понятия, а между тем благодаря платью мое тело резко отличалось от тела еху.

Гнедой лошак подал мне какой-то корень, зажав его между копытом и бабкой. Я взял корень, понюхал его и самым вежливым образом возвратил ему. Тогда он принес из хлева еху кусок ослиного мяса, но от мяса шел такой противный запах, что я с омерзением отвернулся. Лошак бросил мясо еху, и животное сожрало его. Потом он показал мне охапку сена и полный горнец овса; но я покачал головой, давая понять, что ни то, ни другое не годится мне в пищу. Тут я испугался не на шутку: мне впервые пришла в голову мысль, что я могу умереть с голоду, если не встречу здесь кого-нибудь из себе подобных. Само собой разумеется, что еху не могли при этом идти в счет. Одна мысль о сопоставлении этих гнусных животных с человеком приводила меня тогда в ярость и глубочайшее возмущение. Никогда я не видывал живых созданий, более презренных и отвратительных; и чем ближе я с ними знакомился во время моего пребывания в этой стране, тем сильнее становилась моя ненависть к ним. Затем лошак обернулся ко мне и, поднеся ко рту переднее копыто, сделал ряд других знаков, желая узнать, что же я буду есть. Но я не мог дать ответа, который был бы для него понятен. Впрочем, если бы он и понял меня, едва ли бы это помогло делу. В самом деле, откуда бы он мог достать мне подходящую пищу?

В это время мимо нас прошла корова. Я показал на нее пальцем и выразил желание подойти к ней и подоить ее. Меня поняли, ибо серый конь повел меня обратно в дом и приказал кобыле-служанке открыть одну комнату, где в большом порядке стояло много глиняных и деревянных посуды с молоком. Кобыла подала мне большую чашку с молоком, и я с удовольствием напился, после чего почувствовал себя гораздо бодрее и свежее.

Около полудня к дому подъехала повозка вроде саней, которую тащили четыре еху. В повозке сидел старый конь — по-види-

мому, знатная особа. Он вышел оттуда, опираясь на задние ноги, потому что у него была повреждена передняя левая нога. Этот конь приехал обедать к моему хозяину, который принял его чрезвычайно любезно. Они обедали в лучшей комнате; на второе блюдо подали овес, варенный в молоке; гость ел это кушанье в горячем виде, а остальные лошади — в холодном. Ясли были поставлены в кружок посреди комнаты, в них были устроены отделения по числу присутствующих, которые чинно расселись по своим местам на соломе. Над яслями помещалась большая решетка с сеном, также разгороженная на отделения. Каждый конь и каждая кобыла ели отдельно свои порции сена и овсяной каши с молоком. Все происходило очень благопристойно и аккуратно. Жеребята держали себя очень скромно, а хозяева были крайне любезны и предупредительны к своему гостю. Серый велел мне подойти к нему и завел со своим другом длинный разговор обо мне. Об этом я догадался потому, что гость часто поглядывал на меня и в разговоре то и дело слышалось слово «еху». Опустив руку в карман, я нащупал там перчатки. Мне вздумалось надеть их. Серый хозяин, заметив это, был поражен и знаками стал спрашивать, что случилось с моими передними ногами. Он несколько раз прикоснулся к ним своим копытом, как бы давая понять, что их следует привести в прежний вид. Я повиновался и, сняв перчатки, положил их в карман.

Этот эпизод вызвал оживленный разговор, и я заметил, что мое поведение расположило всех в мою пользу. Мне было приказано произнести усвоенные мной слова. Во время обеда хозяин научил меня называть овес, молоко, огонь, воду и некоторые другие предметы. Заучить эти слова мне было очень нетрудно, так как еще смолоду я отличался большими способностями к языкам.

После обеда конь-хозяин отвел меня в сторону и выразил знаками и словами свое беспокойство по поводу того, что мне нечего есть. До сих пор я отказывался от овса. Но тут мне пришлось в голову, что из него можно приготовить нечто вроде хлеба. А хлеб с молоком дали бы мне возможность сносно прожить до тех пор, пока не представится случай пробраться в какую-нибудь другую страну к таким же людям, как и я. На языке гуингнммов овес называется: г л у н г. Я несколько раз повторил это слово. Хозяин тотчас же приказал белой кобыле-служанке принести овса на деревянном блюде. Я кое-как поджарил этот овес на огне и принялся растирать, пока с него не слезла шелуха. Затем я провоял зерно и истолок его между двумя камнями; взял воды, приготовил тесто, испек его на огне и съел в горячем виде, запивая молоком.

Сначала это кушанье, очень распространенное во многих европейских странах, показалось мне крайне безвкусным. Но с течением времени я привык к нему. К тому же во время моих путешествий мне не раз приходилось довольствоваться самой грубой пищей, и я еще раз убедился, как мало в конце концов нужно человеку, чтобы жить.

Правда, иногда мне удавалось поймать в силки, сделанные из волос еху, кролика или какую-нибудь птицу; иногда я находил съедобные травы, которые варил и ел в виде приправы к своим лепешкам; изредка я сбивал себе масло и пил сыворотку.

Сначала я очень болезненно ощущал отсутствие соли, но скоро научился обходиться без нее.

Первоначально соль употребляли только на пирах для возбуждения жажды; впоследствии привычка к ней стала повсеместной. Ведь мы не знаем ни одного животного, которое любило бы соль. Во всяком случае, я должен сказать, что, несмотря на полное отсутствие соли, несмотря на грубую и скудную пищу, я за все время моего пребывания на этом острове ни разу не был болен.

С наступлением вечера конь-хозяин распорядился отвести мне особое помещение в шести ярдах от дома и отдельно от хлева еху. Я нашел там немного соломы и, покрывшись платьем, крепко заснул. Но вскоре я устроился гораздо удобнее, о чем читатель узнает из дальнейшего рассказа, посвященного подробному описанию моей жизни в этой стране.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Автор прилежно изучает туземный язык. Гуигнгнм, его хозяин, помогает ему в занятиях. Язык гуигнгнмов.

Много знатных гуигнгнмов приходят взглянуть на автора. Он вкратце рассказывает хозяину о своем путешествии

Мойм главным занятием было изучение языка; и все в доме, начиная с хозяина (так я буду с этих пор называть серого коня) и его детей и кончая последним слугой, усердно помогали мне в этом. Им казалось каким-то чудом, что грубое животное обнаруживает свойства разумного существа. Я показывал пальцем на тот или другой предмет и спрашивал, как он называется. Это название я старался заучить наизусть, а затем при первом удобном случае записывал в свой дневник. Заботясь об улучшении выговора, я просил членов семьи почаще повторять эти слова. Особенно охотно помогал мне в моих занятиях гневой лошак, слуга моего хозяина.

Произношение у гуигнгнмов — носовое и гортанное; из всех известных мне европейских языков язык гуигнгнмов больше всего напоминает верхнеголландский или немецкий, но он гораздо изящнее и выразительнее.

Мой хозяин горел желанием, чтобы я поскорее научился говорить по-здесьнему и мог рассказать ему свою историю. Он ежедневно посвящал несколько часов обучению меня языку. Он был убежден (как сказал мне позднее), что я еху. Но его поражали моя понятливость, вежливость и опрятность, так как подобные качества были совершенно несвойственны этим животным. Моему хозяину не терпелось узнать, откуда я прибыл и где набрался кой-какого разума, который обнаруживал в своих поступках. Ему хотелось поскорее услышать от меня историю моих приключений. Он надеялся, что ждать ему придется недолго: такие успехи я делал в изучении языка гуигнгнмов. Чтобы легче запомнить, я записывал все заученные мною слова в порядке английского алфавита с соответствующим переводом. Спустя некоторое время я решился производить эти записи в присутствии хозяина. Мне стоило немало труда объяснить ему, что я делаю, ибо гуигнгнмы не имеют ни малейшего представления о книгах и литературе.

Приблизительно через десять недель я уже понимал большинство вопросов моего хозяина, а через три месяца мог довольно свободно отвечать на них. Мой хозяин особенно интересовался, из какой страны я прибыл к ним и каким образом научился подражать разумным существам, так как еху (на которых, по его мнению, я был поразительно похож), при всей своей хитрости, поддаются обучению хуже всех других животных.

Я ответил, что приехал очень издалека со многими другими подобными мне существами. Нам пришлось очень долго плыть по морю в большой полой посудине, сделанной из стволов деревьев. В конце концов мои спутники высадили меня на этом берегу и оставили на произвол судьбы. С большим трудом, при помощи различных знаков и жестов, мне удалось добиться, чтобы хозяин меня понял.

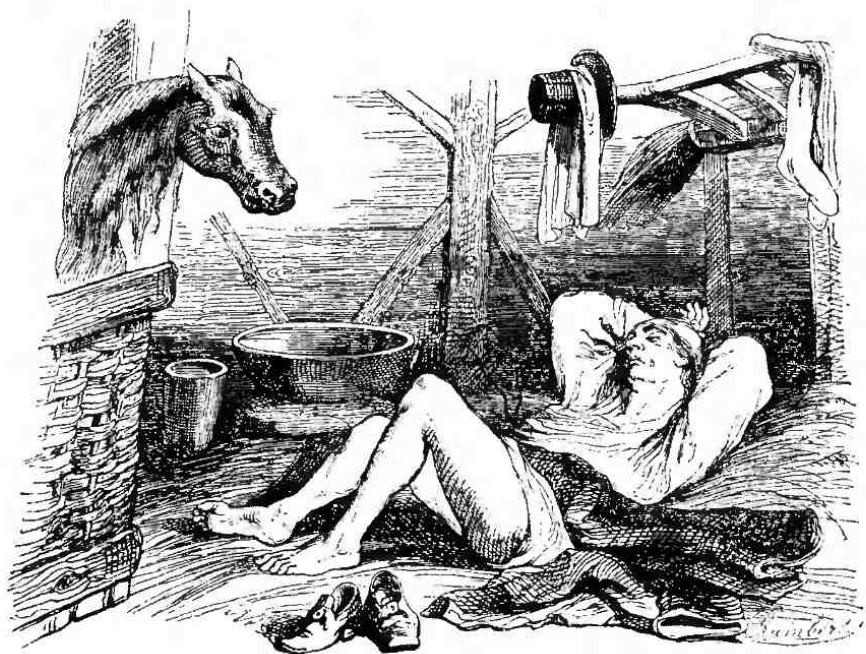
Подумав немного, он ответил мне, что я, должно быть, ошибаюсь или говорю то, чего не было. (На языке гуигнгнмов совсем нет слов, обозначающих ложь и обман.) Ему казалось невозможным, чтобы за морем были какие-либо земли и чтобы кучка диких зверей двигала по воде деревянное судно, куда ей вздумается. Он был уверен, что никто из гуигнгнмов не в состоянии соорудить такое судно, а тем более доверить управление им еху. Слово «гуигнгнм» на местном языке означает: венец творения; так называет себя народ лошадей, самый разумный в этой стране.

Я сказал хозяину, что еще плохо владею их языком и мне трудно ответить на все его вопросы, и выразил надежду, что в скором времени я буду в состоянии рассказать ему очень много интересного.

Скоро весть о появлении удивительного еху, который говорит, как гуигнгнм, в своих словах и поступках обнаруживает проблески разума, разнеслась по окрестностям. К хозяину стали очень часто приходиться знатные кони и кобылы взглянуть на меня. Им доставляло большое удовольствие разговаривать со мной; они задавали мне вопросы, на которые я отвечал как умел. Благодаря этому я сделал такие успехи в местном языке, что через пять месяцев по приезду понимал все, что мне говорили, и мог довольно сносно объясняться сам.

Гуигнгнмы, приходившие в гости к моему хозяину с целью повидать меня и поговорить со мной, с трудом верили, чтобы я был настоящий еху. Больше всего их сбивала с толку моя одежда. Они никак не могли решить, составляет ли она часть моего тела или нет. А я отнюдь не спешил рассеять их недоумение. Ведь поняв, в чем дело, и увидя меня без одежды, они, наверно, признали бы меня настоящим еху, а мне этого очень не хотелось. Однако мне недолго удалось скрывать свою тайну. Обычно я снимал с себя платье только тогда, когда все в доме уже спали, и надевал его спозаранку, когда еще никто не проснулся.

Но вот однажды хозяин рано утром послал за мной своего камердинера, гнедого лошака. Когда он вошел ко мне, я еще спал, сбросив с себя платье. Проснувшись при его появлении, я заметил, что лошак находится в большом замешательстве. Кое-как исполнив поручение, он поспешно вернулся к своему хозяину. Поздоровавшись со мной, хозяин тотчас спросил меня, что озна-

чает рассказ слуги, будто во время сна я совсем не тот, каким бываю всегда.

Я понял, что совершенно бессмысленно пытаться дольше сохранять свой секрет, тем более что моя одежда и обувь очень износились и в недалеком будущем их придется заменить какими-нибудь изделиями из кожи еху или других животных. Поэтому сказал хозяину, что в стране, откуда я прибыл, существует обычай закрывать свое тело искусно выделанной шерстью некоторых животных. Делается это главным образом для защиты тела от холода и зноя, а отчасти из приличия. В подтверждение своих слов я на глазах у хозяина разделся до рубашки.

Хозяин наблюдал все мои действия с огромным любопытством и удивлением. Он брал одну за другой все принадлежности моего туалета между копытом и бабкой и рассматривал их с большим вниманием. Потом он осмотрел меня со всех сторон и заявил, что без всякого сомнения я — настоящий еху и отличаюсь от остальных представителей моей породы только мягкостью, белизной и гладкостью кожи, формой и длиной когте

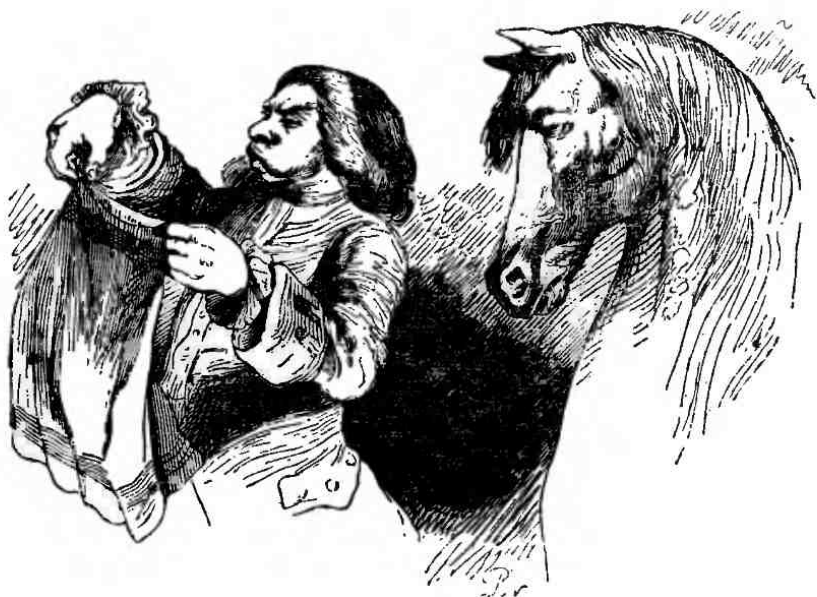
на задних и передних ногах и, наконец, тем, что притворяюсь, будто постоянно хожу на задних ногах. Заметив, что я дрожу от холода, он предложил мне снова одеться.

Одеваясь, я объяснил хозяину, до какой степени мне неприятно, что он так часто называет меня еху, так как я питаю глубочайшее отвращение и презрение к этим гнусным животным. Я убедительно просил его не называть меня так и запретить это своим домашним.

Кроме того, я выразил желание, чтобы он сохранил тайну искусственной оболочки моего тела и приказал своему слуге-лошаку молчать о виденном.

Хозяин обещал исполнить мои просьбы и, со своей стороны, выразил желание, чтобы я постарался как можно скорее овладеть их языком.

По его словам, он гораздо больше изумлен и заинтересован моим умом и способностью к членораздельной речи, чем моей наружностью, и горит нетерпением как можно скорее услышать обещанный мною рассказ о разных чудесах.

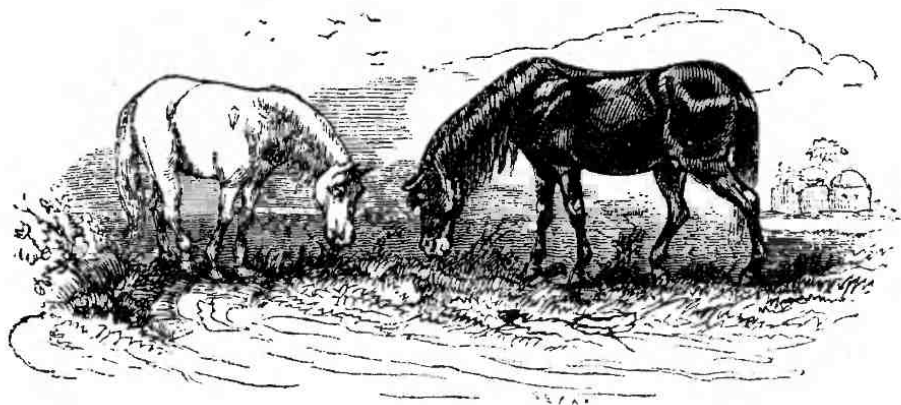
С этого дня хозяин с удвоенным усердием стал заниматься моим обучением. Он часто возил меня в гости. Всех соседей он просил обращаться со мной вежливо, так как это приводит меня в хорошее расположение духа и я становлюсь гораздо словоохотливее.

Было бы скучно описывать шаг за шагом мои успехи в языке гуингнмов. Скажу только, что благодаря заботам хозяина и моим хорошим способностям я вскоре мог отчасти удовлетворить нетерпеливое любопытство моего хозяина и более или менее подробно рассказать ему, кто я такой, как попал сюда и что за страна моя родина. Прежде всего я повторил еще раз все то, что еще раньше пытался объяснить ему.

Я прибыл сюда, так начал я свой рассказ, из весьма отдаленной страны вместе с пятьюдесятью такими же существами, как и я. Мы плыли по морям в большой деревянной посудине, размерами превосходящей дом его милости. Тут я описал хозяину корабль. Развернув носовой платок, я попытался объяснить ему, что такое парус и как он приводит в движение судно. После ссоры, происшедшей между мной и моими спутниками, продолжал я, я был высажен на этот берег. Не зная, что мне предпринять, я направился

в глубь страны и вскоре подвергся нападению отвратительных еху. Здесь хозяин прервал меня вопросом, кто сделал этот корабль и как случилось, что гуинггмы моей страны предоставили управление им диким животным. Я ответил ему, что только в том случае решусь продолжать рассказ, если он даст мне честное слово не обижаться, что бы он ни услышал. Он согласился. Тогда я сказал ему, что корабль был построен такими же существами, как и я. Эти существа как у меня на родине, так и во всех странах, где мне приходилось бывать, являются самыми разумными созданиями и потому господствуют над всеми остальными животными. Я признался моему слушателю, что был так же поражен при виде разумного поведения гуинггмов, как поразили бы его самого или его друзей проблески ума в том создании, которое ему угодно было назвать еху. Мне приходится, сказал я, признать полное сходство моего тела с телом этих животных, но я не могу понять причину их вырождения и одичания. Я прибавил далее, что если судьба позволит мне возвратиться когда-нибудь на родину и я расскажу там об этом путешествии, то мне никто не поверит и каждый будет думать, будто я говорю то, чего не было, и что я выдумал свои приключения от начала до конца. Я прошу моего слушателя помнить свое обещание и не обижаться на меня. Но, несмотря на все мое уважение к нему, его семье и друзьям, я должен сказать, что мои соотечественники никогда не поверят, чтобы гуинггмы были где-нибудь господами, а еху — грубыми скотами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Понятие гуигнгимов об истине и лжи. Речь автора приводит в негодование его хозяина. Более подробный рассказ автора о себе и о своих путешествиях

Хозяин слушал меня с выражением большого неудовольствия на лице. Сомнение и недоверие настолько неизвестны в этой стране, что гуигнгимы не знают, как вести себя в таких случаях. Я помню, что когда в беседах с хозяином о людях, их нравах и обычаях мне случалось упоминать о лжи и обмане, то он, несмотря на весь свой ум, лишь с большим трудом понимал, что я хочу сказать. Он рассуждал так: способность речи дана нам для того, чтобы понимать друг друга и сообщать друг другу полезные сведения о различных предметах. Поэтому если кто-нибудь станет утверждать то, чего нет, то назначение нашей речи совершенно извращается. Тот, к кому обращена речь, перестанет понимать своего собеседника. Он не только не приобретает никаких новых сведений, но оказывается в гораздо худшем положении, ибо его стараются убедить, что белое — черно, а длинное — коротко. Этим и ограничивались все его понятия относительно способности лгать, которая пользуется таким распространением среди людей.

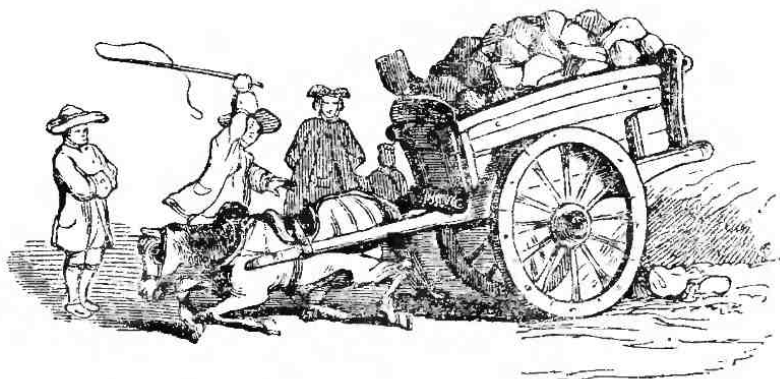
Но возвратимся к нашему рассказу. Услыхав, что сеху занимают господствующее положение на моей родине, он пожелал узнать, есть ли у нас гуигнгимы и чем они занимаются. Я ответил ему, что их у нас очень много. Летом они пасутся на лугах, а зимой их держат в особых домах, кормят сеном и овсом, чистят их скребницами, расчесывают им гриву, обмывают ноги, задают корм и готовят постель.

«Теперь я понимаю вас,— заметил мой хозяин,— из сказанного вами ясно, что хотя ваши еху считают себя самыми разумными существами, все-таки господами у вас являются гуигнгны».

Тут я стал упрашивать его милость позволить мне не продолжать рассказ и предупредил его, что подробности, которые он желает знать, будут для него очень неприятны. Но он настаивал, говоря, что хочет знать все — как хорошее, так и дурное. Мне не оставалось ничего другого, как повиноваться.

Прежде всего я подробно распространился на ту тему, что наши гуигнгны, которых мы называем лошадьми,— самые красивые, самые благородные и умные из всех животных. Они отличаются большой силой и быстротой бега. Если их хозяева знатные и богатые люди, с ними обращаются очень ласково и заботливо, берегут их; работать им приходится немного; их пускают на скачки, запрягают в экипажи, пользуются ими в путешествиях. Но едва они состарятся и ослабеют, их продают в чужие руки. Там их заставляют исполнять всевозможную грязную и тяжелую работу, пока они совсем не выбьются из сил. После смерти с них сдирают кожу и продают ее за бесценок, а труп бросают на съедение собакам и хищным птицам. Еще менее завидна судьба лошадей простой породы. Большая часть таких лошадей принадлежит фермерам, извозчикам и другим, которые заставляют их исполнять гораздо более трудную работу и кормят их хуже.

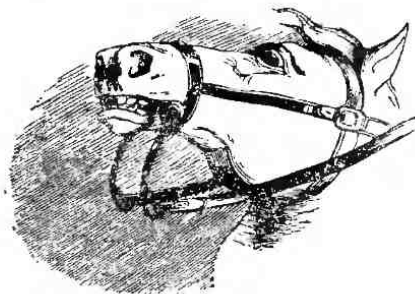

Я подробно описал ему наш способ ездить верхом,

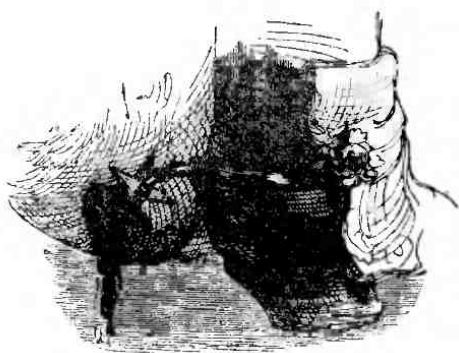

форму и употребление уздечки,

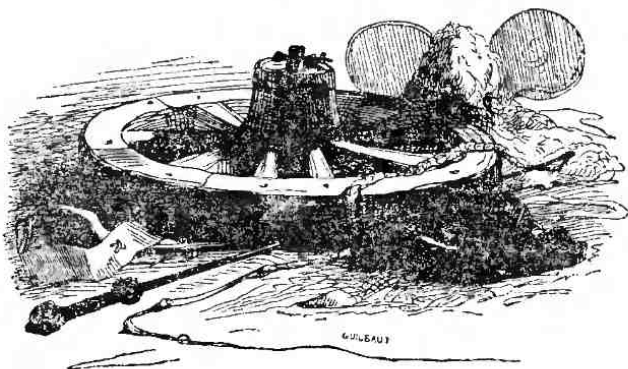

седла,

шпор, кнута, упряжи и колес.

Я прибавил, что к копытам наших лошадей мы прикрепляем пластины из особого твердого вещества, называемого железом, чтобы они не стирались при езде по каменистым дорогам.

Хозяин несколько раз прерывал мой рассказ возгласами негодования. Больше всего он был поражен тем, что мы осмеливаемся садиться верхом на гуигнгимов. Он не сомневался, что самый слабый из его слуг способен сбросить самого сильного еху или же, упав с ним на землю и катаясь на спине, раздавить животное. В ответ я подробно описал ему, какой тренировке подвергаются наши лошади, начиная с трехлетнего возраста, как их бьют и мучают, чтобы добиться от них покорности; как приучают стремиться к наградам и бояться наказаний. Главное же, прибавил я, его милость должна принять во внимание, что, подобно здешнему еху, наши гуигнгимы не обладают ни малейшими проблесками разума.

Невозможно описать то благородное возмущение, какое вызвал в моем хозяине мой рассказ о варварском обращении с гуигнгимами у меня на родине. Однако он согласился с тем, что если у нас только одни еху одарены разумом, то по всей справедливости им и должно принадлежать господство над остальными животными, так как разум всегда торжествует над грубой силой. Странно только, что ни одно животное по строению своего тела не является так худо приспособленным к использованию этого разума для удовлетворения повседневных жизненных потребностей, как я. В этом отношении здешние еху значительно превосходят меня.

В самом деле, мои когти совсем бесполезны для меня; мои передние ноги, строго говоря, нельзя назвать ногами, так как при ходьбе я никогда не опираюсь на них; мои глаза устроены таким образом, что я не могу смотреть по сторонам, не поворачивая головы; моя кожа слишком нежна и совершенно беззащитна против зноя и холода, и я обречен на скучное и утомительное занятие — ежедневно надевать и снимать платье. Впрочем, он не хочет сейчас углубляться в обсуждение этого вопроса. Ему гораздо интереснее услышать историю моей жизни, узнать, где я родился и что со мной было, прежде чем я попал сюда.

Я заверил его, что с величайшей охотой готов удовлетворить его любопытство. Но я сильно сомневался, что мой рассказ будет вполне понятен хозяину, так как мне придется говорить о таких вещах, о которых он не имеет никакого представления. Поэтому я просил его милость не сердиться на меня, переспрашивать меня всякий раз, как ему будет что-нибудь неясно.

Я сказал ему, что родился от почтенных родителей на острове, называемом Англией. Этот остров так далеко отсюда, что самый крепкий слуга его милости едва ли добежит до него в течение годичного оборота солнца. Правит этим островом самка той же породы, что и я; мы называем ее королевой. В молодые годы я изучал хи-

ругию, то есть искусство излечивать раны и повреждения, полученные случайно или нанесенные чужой рукой. Но это дело давало мне мало дохода, и я уехал в чужие страны, чтобы разбогатеть и по возвращении жить с семьей в достатке. Во время последнего путешествия я был капитаном корабля, и под моим начальством находилось около пятидесяти еху. Многие из них умерли в пути, и я принужден был заменить их другими, набранными среди различных народов. Во время путешествия наш корабль дважды подвергнулся опасности погибнуть: в первый раз во время сильной бури, а во второй — наскочив на скалу.

Тут мой хозяин прервал меня, спросив, как я мог уговорить чужеземцев рискнуть отправиться в плавание после всех понесенных мною потерь и испытанных опасностей. Я объяснил ему, что это были отчаянные, готовые на все люди. Нищета и преступления заставили их покинуть родину. Одни были разорены бесконечными тяжбами, другие промотали свое имущество, предаваясь пьянству, разгулу и азартной игре. Многие обвинялись в измене, убийстве, воровстве, отравлении, грабеже, клятвопреступлениях, подделке монеты, дезертирстве. Большинство из них были беглые из тюрем. Никто из них не рискнул бы вернуться на родину из страха быть повешенным или сгнить в заточении, и потому они были вынуждены искать средства к существованию в чужих краях.

Во время этого рассказа хозяин несколько раз перебивал меня своими вопросами. Мне пришлось придумывать различные сравнения и примеры, чтобы как-нибудь разъяснить ему, что именно натворили мои матросы, из-за чего им пришлось покинуть свою родину. Понадобилось несколько дней, прежде чем он понял, в чем дело. Но все же он никак не мог себе представить, что могло побудить или вынудить этих людей предаваться таким порокам. Я постарался дать ему некоторое представление о свойственной всем нам ненасытной жажде власти и богатства, об ужасных последствиях неводержанности, злобы и зависти. Все это приходилось определять и описывать при помощи примеров и сравнений. На языке гуинггнмов нет слов для обозначения таких вещей, как власть, правительство, война, закон, наказание и тысяча других. Поэтому мне приходилось употреблять невероятные усилия, чтобы хозяин понял, о чем я говорю. Однако, обладая от природы большим умом и настойчивостью, он в конце концов более или менее удовлетворительно уяснил себе, на что бывает способна природа человека в наших странах, и пожелал, чтобы я дал ему более подробное описание той части света, которую мы называем Европой, и особенно моего отечества.

ГЛАВА ПЯТАЯ

По приказанию хозяина автор знакомит его с положением Англии. Причины войн между европейскими государствами. Автор приступает к изложению английской конституции

Пусть читатель благоволит принять во внимание, что в дальнейшем я передаю — да и то вкратце — только самое существенное из всего, что обсуждалось нами во время наших долгих бесед с хозяином. Кроме того, должен заметить, что вряд ли мне удалось с достаточной силой и точностью передать на нашем варварском языке все доводы и рассуждения его милости, столь простые и ясные по форме и такие мудрые по содержанию. Только с такими оговорками я осмеливаюсь излагать мои беседы с представителем благородного народа гуинггнмов.

Итак, исполняя желание его милости, я рассказал про последнюю английскую революцию, происходившую во времена принца Оранского, и про многолетнюю войну с Францией, начатую этим принцем и возобновленную его преемницей, ныне царствующей королевой,— войну, в которой приняли участие величайшие христианские державы и которая продолжается и до сих пор. По просьбе моего хозяина я подсчитал, что в течение этой войны было убито не меньше миллиона еху, взято около ста городов и сожжено или затоплено свыше трехсот кораблей.

Хозяин спросил меня, какие причины побуждают одно государство воевать с другим. Я отвечал, что таких причин несчетное количество, но я ограничусь перечислением немногих, наиболее важных. Иногда таким поводом является честолюбие и жадность монархов, которые никогда не бывают довольны и вечно стремятся расширить свои владения и увеличить число своих подданных; иногда развращенность министров, вовлекающих своего государя в войну только для того, чтобы заглушить и отвлечь жалобы подданных на дурное правление. Много крови было пролито из-за разногласий во взглядах. Споры о том, является ли тело хлебом или хлеб телом; что лучше: целовать кусок дерева или бросать его в огонь; какого цвета должна быть верхняя одежда: черного, белого, красного или серого и так далее,— стоили многих миллионов человеческих жизней*.

Иногда ссора между двумя государями разгорается из-за решения вопроса: кому из них надлежит изложить третьего, хотя ни один из них не имеет на то никакого права. Иногда один государь нападает на другого из страха, как бы тот не напал на него первым; иногда война начинается потому, что неприятель слишком силен, а иногда, наоборот, потому, что он слишком слаб. Нередко у наших соседей нет того, что есть у нас, или же есть то, чего нет у нас. Тогда возникает война и длится до тех пор, пока они не отберут у нас наше или не отдадут нам свое. Считается вполне извинительным нападение на страну, если население ее изнурено голодом, истреблено чумой или втянуто во внутренние раздоры. Точно так же признается справедливой война с самым близким союзником, если какой-нибудь его город расположен удобно для нас или кусок его территории округлит и завершит наши владения. Если монарх посылает свои войска в страну, население которой бедно и невежественно, то половину его он может законным образом истребить, а другую половину обратить в рабство. Это называется вывести народ из варварства и приобщить его ко всем благам цивилизации. Весьма распространен также следующий царственный и благородный образ действия: государь, приглашенный соседом на помощь против вторгшегося в его пределы неприятеля, после изгнания врага захватывает владения союзника, а его самого убивает, заключает в тюрьму или обрекает на изгнание. Кровное родство или брачные союзы являются весьма частой причиной войн между государями, и чем ближе это родство, тем сильнее они ненавидят друг друга. Бедные нации алчны, богатые — надменны, а надменность и алчность всегда не в ладах. Поэтому войны у нас никогда не прекращаются, и ремесло солдата считается самым почетным. Солдатом мы называем еху, которого нанимают для того, чтобы он хладнокровно убивал возможно большее число таких же, как он, существ, не причинивших ему никакого зла.

Кроме того, в Европе существует много мелких властителей, которые по своей бедности не могут самостоятельно вести войну. Эти нищие государи отдают свои войска в наем богатым соседям за определенную поденную плату. Три четверти этой платы они удерживают в свою пользу и на этот доход живут*.

«Все то, что вы рассказали мне по поводу войн, — задумчиво произнес мой хозяин, — прекрасно показывает, каков этот разум, на обладание которым вы притязаете. Но, к счастью, вы не можете причинить слишком много зла. Об этом позаботилась сама природа, создав вас слабее всех остальных животных».

В самом деле, у вас очень плоские лица и челюсти совсем не выдаются вперед. Поэтому едва ли вы можете кусать и грызть друг друга. Когти на передних и задних ногах у вас коротки и нежны. Каждый наш еху легко справится с дюжиной ваших собратьев.

Не обижайтесь на меня, — прибавил в заключение хозяин, — но мне кажется, что, называя число убитых в боях, вы говорите то, чего нет».

При этих словах я не мог удержаться от улыбки. Я был довольно сведущ в военном деле и потому мог объяснить ему, что такое пушки, мортиры, мины, мушкеты, карабины, пистолеты, пули, порох, сабли, штыки. Я подробно описал ему сражения, потопление кораблей со всем экипажем. Я попытался нарисовать перед ним картину битвы: дым, шум, смятение, стоны умирающих, смерть под лошадиными копытами, преследование бегущих. Я говорил о полях, покрытых трупами, брошенными на съедение собакам, волкам и хищным птицам; о разбое, грабежах, насилиях, чинимых над мирным населением, об опустошенных нивах и сожженных городах. Желая похвастать перед ним доблестью моих дорогих соотечественников, я сказал, что сам был свидетелем, как при осаде одного города они взорвали на воздух сотни неприятельских солдат, так что, к великому удовольствию всех зрителей, куски человеческих тел словно с неба падали на землю.

Я собирался было пуститься в дальнейшие подробности, но хозяин приказал мне замолчать.

«Всякий, кто знает еху,— сказал он,— без труда поверит, что это гнусное животное способно совершить все, о чем вы рассказывали, если это окажется ему по силам». Но мой рассказ поселил в его уме тревогу, какой он никогда раньше не испытывал. Он всегда гнушался еху, населяющих эту страну, но все же он не больше осуждал их за все их недостатки, чем г и н э й х (хищную птицу) за ее жестокость или острый камень за то, что он повредил ему копыто. Но ведь в моих рассказах самые ужасные злодеяния

совершают существа, обладающие, по-видимому, большими умственными способностями. Это наводит его на мысль, что развращенный разум, пожалуй, хуже звериной тупости. По его мнению, это уже не разум, а какая-то особая способность, содействующая развитию наших природных пороков.

Под конец он сказал мне, что уже достаточно наслушался о войне. Теперь его интересует другое. В своем рассказе я упомянул, что кое-кто из матросов на моем корабле покинули родину, потому что были разорены законом. Это выражение очень удивило моего хозяина. Он не мог понять, каким образом закон может привести кого-нибудь — судя по моим рассказам — к разорению. Ведь весь смысл закона заключается в охране интересов каждого гражданина. Поэтому он просит объяснить ему, что такое этот закон и кто такие его слуги. По его мнению, руководства природы и разума достаточно для разумных существ, какими мы себя считаем. Я ответил его милости, что всячески постараюсь удовлетворить его желание, хотя закон и право — такие предметы, в которых я очень мало сведущ.

Я объяснил ему, что в нашей стране имеется многочисленное сословие людей, которые с молодых лет обучаются доказывать, что белое — черно, а черное — бело, смотря по тому, за что им больше заплатят. Это сословие держит в рабстве весь народ.

Так, например, если соседу понравилась моя корова, то он нанимает адвоката с целью доказать, что по закону он имеет право отнять у меня корову. Тогда для защиты моих прав на корову мне приходится нанимать второго адвоката, так как закон никому не

позволяет лично защищаться на суде. Мало того, в качестве законного и настоящего собственника я попадаю в особо невыгодное положение на суде. Дело в том, что каждый адвокат чуть ли не с колыбели привык отстаивать неправду. Поэтому, защищая правое деяние, он непременно будет чувствовать себя весьма неловко и не сумеет проявить достаточно энергии и искусства. К тому же ему придется все время соблюдать крайнюю осторожность: выказав чрезмерную горячность в защите правого дела, он рискует получить замечание со стороны судей и унижить достоинство своего сословия.

Строго говоря, у меня есть только два способа сохранить свою корову: первый — подкупить адвоката противной стороны, чтобы он дал понять суду, будто защищает правое дело; второй — убедить моего защитника изобразить мои притязания на корову как явно несправедливые, намекнув, что на деле корова принадлежит моему противнику. И в том и в другом случае — безразлично, признает ли суд, что правда на стороне противника, или что требования мои незаконны, — у меня есть надежда выиграть дело.

Ваша милость, продолжал я, должна знать, что судьями у нас называются лица, на которых возложена обязанность разрешать всякие споры о собственности и судить преступников. Их выбирают из числа самых искусных адвокатов, когда они состарятся и обленятся. Выступая до назначения судьями в качестве адвокатов, эти люди приучаются потворствовать обману, клятвопреступлению и насилию. Я знал немало почтенных судей, которые решительно отказывались от крупных взяток, предлагаемых им правой стороной, не желая способствовать торжеству правды и тем самым оскорбить достоинство своего сословия.

При разборе различных тяжб они тщательно избегают входить в существо дела; зато кричат, горячатся и болтают до изнеможения по поводу таких вещей, которые, строго говоря, не имеют никакого отношения к делу. Так, в приведенном мной примере они и не спросят, какое право имеет мой противник на мою корову, но будут без конца толковать о том: рыжая ли корова или черная; длинные у нее рога или короткие; дома ли ее доят или на пастбище; каким болезням она подвержена, и прочее, и прочее.

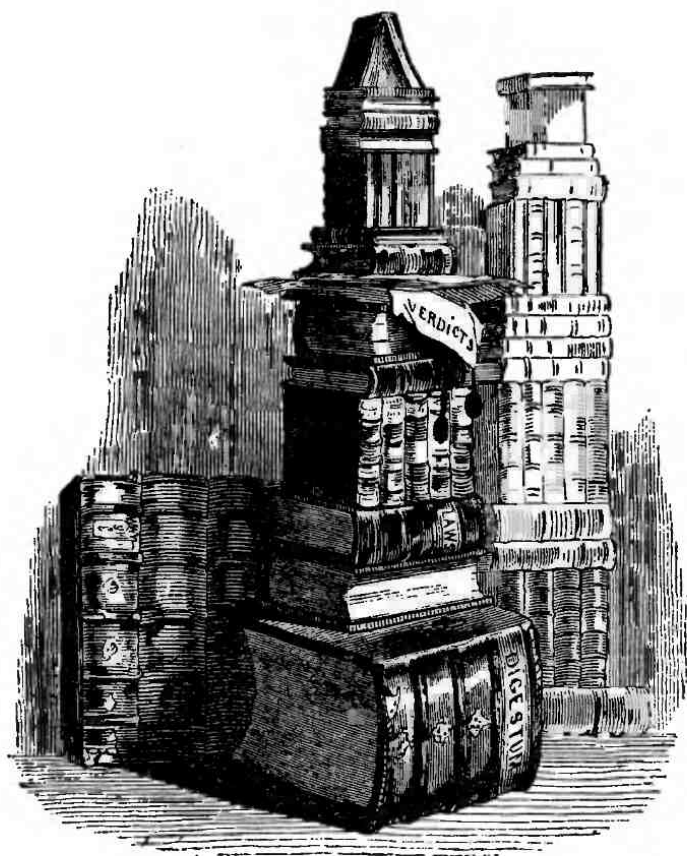
Следует также принять во внимание, что эти люди применяют в разговоре столько специальных слов и выражений, что их речь почти непонятна для обыкновенных смертных. Точно так же составлены и все законы. Законов этих так много и они так непонятны, так противоречивы, что ими совершенно невозможно определить, какой поступок законен, а какой нет, какой справедлив, а какой несправедлив, где правда, а где ложь. Немудрено, если при таких законах и с такими судьями требуется тридцать—сорок лет,

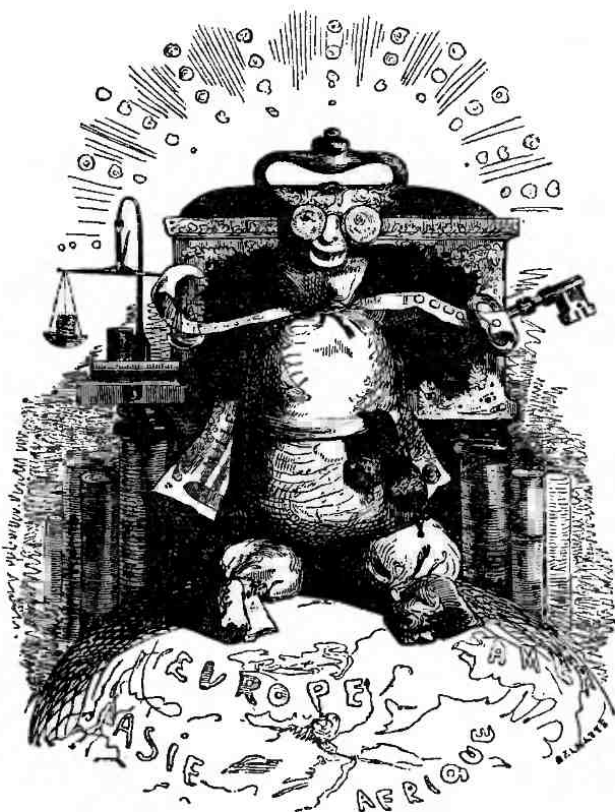
чтобы выяснить, мне ли принадлежит поле, доставшееся от моих предков, владевших им в шести поколениях, или какому-нибудь чужеземцу, живущему за триста миль от меня.

Суд над лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях, происходит гораздо быстрее. Судьи просто справляются у властей, желают ли они, чтобы обвиняемый был осужден или оправдан.

А затем, согласно полученным указаниям, либо приговаривают его к повешению, либо оправдывают. Но, разумеется, и в том и в другом случаях они строго руководствуются законами*.

Теперь, ваша милость, так закончил я свой рассказ, вы, конечно, уяснили себе, что значит «быть разоренным законом».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

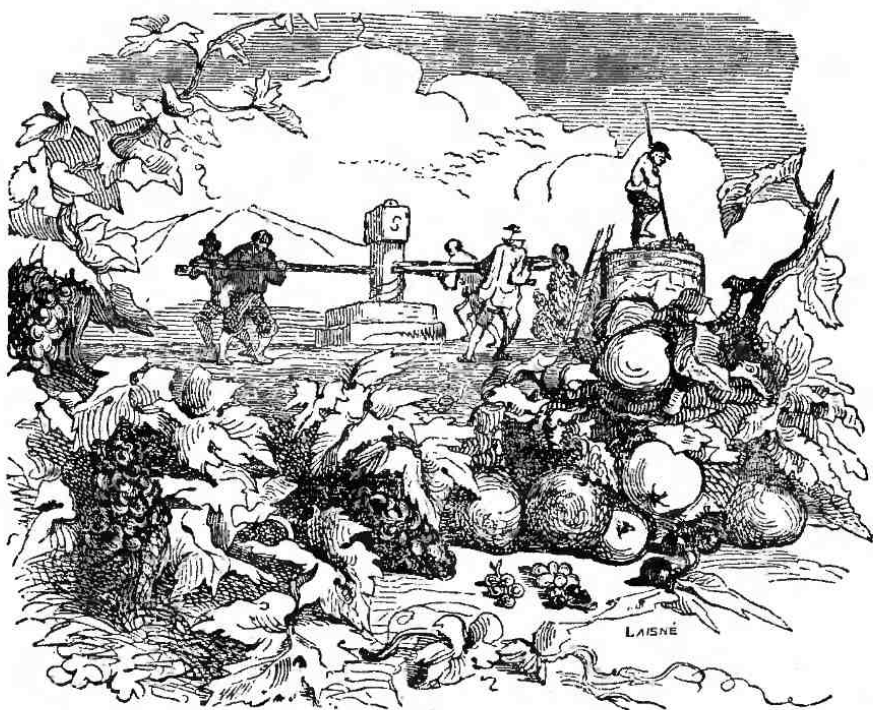
*Продолжение описания Англии. Роль первого,
или главного, министра при европейских дворах*

Но тут возникло новое затруднение: мой хозяин не мог понять, что побуждает всех этих судей затрачивать столько усилий только для того, чтобы причинять вред и обиды своим ближним. А главное — для него было совершенно непонятно выражение «за плату».

В ответ на его недоуменные вопросы мне пришлось объяснить, что такое деньги, из чего они изготавливаются и какова ценность благородных металлов. Если еху, сказал я, обладает большим запасом этого драгоценного вещества, он может приобрести все, что ему вздумается: красивые платья, великолепные дома, обширные поместья, роскошную мебель, самые дорогие яства и напитки. И так как только одни деньги способны доставить все это, то наши еху ценят деньги превыше всего на свете и желают иметь их как

можно больше. Благодаря огромному значению денег богатые подчиняют себе бедных и пользуются плодами их трудов. На каждого богача приходится более тысячи бедных. Можно прямо сказать, что огромное большинство нашего народа принуждено владеть жалкое существование и надрываться над тяжелой работой, получая самую ничтожную плату, только для того, чтобы меньшинство могло жить в изобилии. Все это было непонятно моему хозяину, который считал, что все животные имеют право на свою долю земных плодов, особенно те, которые господствуют над остальными.

Расспрашивая меня о том, как живут у нас богатые еху, он заинтересовался нашей кухней и пожелал знать, каковы все эти роскошные яства, которые требуют таких больших расходов. Я перечислил все самые изысканные кушанья, какие только мог припомнить, и описал различные способы их приготовления. Я сказал, что за приправами к ним, за напитками и бесчисленными пряностями приходится посылать корабли за море во все страны света. Нужно по крайней мере трижды объехать вокруг света, прежде чем удастся достать провизию для завтрака какой-нибудь знатной семьи наших еху или посуду, в которой он должен быть подан.

«Бедна же, однако, страна,— сказал мой собеседник,— которая не может прокормить своего населения!»

Его особенно поразило то, что в наших странах не хватает пресной воды и население должно посылать в заморские земли за питьем.

Я объяснил ему, что мы выписываем из чужих стран напитки совсем не потому, что у нас не хватает воды. Эти напитки, приготовленные из сока особых ягод, мы пьем для того, чтобы развеселиться, одурманиться, разогнать печальные мысли, чтобы забыть все заботы и неприятности, которыми полна наша жизнь. Правда, от них мы становимся вялыми, безвольными, удрученными, больными. Но это не останавливает нас: мы согласны на все, чтобы почувствовать себя ненадолго веселыми и беззаботными.

«Моя дорогая родина Англия,— сказал я,— по самому скромному подсчету, может производить разного рода съестных припасов в три раза больше, чем способно потребить ее население. Но наши еху не довольствуются этими продуктами и привозят из-за моря различные дорогие фрукты, плоды, овощи, разные острые приправы и другие предметы, чтобы потешить свой прихотливый вкус. А взамен этого мы посылаем в заморские страны необходимые для жизни припасы и изделия. Немудрено, что множество моих соотечественников вынуждено добывать себе пропитание нищенством, грабежом, воровством, мошенничеством, клятвопреступлением, лезть, подкупами, подлогами, игрой, ложью, холопством, бахвальством, торговлей избирательными голосами, бумагомаранием, звездочетством, ханжеством, клеветой и тому подобными занятиями».

Читатель может себе представить, сколько труда понадобилось, чтобы растолковать гуингнму каждое из этих слов.

«Но при этих условиях,— заметил хозяин,— обитатели вашей страны должны с утра и до поздней ночи трудиться, чтобы снабдить богачей».

«Вы совершенно правы,— сказал я.— Так, например, когда я нахожусь у себя дома и одеваюсь, как мне полагается, я ношу на своем теле

работу сотни ремесленников. Постройка и обстановка моего дома требует еще большего количества рабочих, а чтобы нарядить мою жену, нужно увеличить это число в пять раз».

Я собирался рассказать ему о людях, добывающих себе средства к жизни лечением болезней, но оказалось, что для моего хозяина это слово почти непонятно. Его милость считал вполне естественным, что каждый гуингнм слабеет и отяжелевает за несколько дней до смерти или может случайно поранить себя. Но ему казалось совершенно непостижимым, чтобы природа, чьи деяния проникнуты духом разума, была способна возвращать в нашем теле болезни. И он принялся расспрашивать меня о причинах этого бедствия. Я ответил, что множество наших болезней порождается неумеренным обжорством и пьянством; что мы едим, когда не голодны, и пьем, не чувствуя никакой жажды. Иногда целые ночи мы поглощаем крепкие напитки. Это располагает нас к лени, воспаляет наши внутренности, расстраивает пищеварение. Целым рядом других недугов мы обязаны бесчисленным порокам, процветающим в нашей стране. Понадобилось бы очень много времени, чтобы перечислить все те болезни, которым подвержено человеческое тело. Достаточно, если я скажу, что целое обширное сословие занимается только тем, что лечит своих соотечественников. Я подробно рассказал о наших докторах, об их способах лечения разных болезней, об их шарлатанстве и корыстолюбии.

Особенно отличается это племя в искусстве предсказывать исход болезни. Тут они редко совершают ошибки. Когда они видят, что человек болен серьезно, они обычно предсказывают смерть. Ведь они всегда могут уморить больного, тогда как исцеление от них не зависит. Но если, несмотря на их лечение, в болезни все-таки наступает поворот к лучшему, им легко убедить близких боль-

ного, что это случилось благодаря их мудрым попечениям.

К этому надо добавить, что они бывают весьма полезны мужьям и женам, если те надоели друг другу, старшим сыновьям, ждущим наследства, министрам, у которых есть опасные соперники, и нередко государям, желающим отделаться от своих министров*. При этих словах хозяин, которому, по-видимому, надоели мои рассуждения о врачебном сословии, перебил меня вопросом.

«Вы уже несколько раз упоминали о министрах,— сказал он.— Мне бы очень хотелось знать, какую разновидность еху вы обозначаете этим словом».

Я ответил ему, что первый, или главный, министр — существо, которому совершенно незнакомы чувства радости и печали, любви и ненависти, жалости и гнева. По крайней мере, у него нет никаких страстей, кроме безумной жажды богатства, власти и титулов. Он пользуется словами для самых различных целей, но только не для выражения своих мыслей. Он говорит правду только тогда, когда хочет, чтобы ее приняли за ложь; и он лжет лишь в тех случаях, когда хочет выдать свою ложь за правду. Люди, о которых он дурно отзывался за глаза, могут быть уверены, что они находятся на пути к почестям; люди, которых он начинает хвалить, могут считать себя погибшими. Берегитесь, если он даст обещание исполнить вашу просьбу и подтвердит его клятвой. После этого у вас не остается никакой надежды добиться желаемого, и вам благоразумнее всего удалиться.

«Есть много способов сделаться главным министром,— продолжал я.— Самый обычный — это искусная клевета, ловкий донос, предательство. Иногда это открытое и яростное обличение двора в испорченности и других пороках. Мудрый государь обыкновенно отдает предпочтение тем, кто применяет последний способ, ибо эти обличители всегда с наибольшим раболепием будут потакать прихотям и страстям своего господина.

Достигнув власти, министр укрепляет свое положение путем подкупа большинства сенаторов или членов совета. В заключение, собрав при помощи взяточничества, ловких махинаций с государственными средствами и прямого воровства огромное богатство, министры удаляются от общественной деятельности.

Дворец первого министра служит питомником для выращивания подобных ему людей. Пажи, лакеи, швейцары, подражая своему господину, становятся такими же министрами в своей сфере и в совершенстве изучают три главные предпосылки его искусства: наглость, ложь и подкуп. Вследствие этого у каждого из них есть свой маленький двор, образуемый людьми из высшего общества. Подчас благодаря ловкости и бесстыдству им удастся, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, стать преемниками своего господина».

Однажды, услышав мое упоминание о знати нашей страны, хозяин удостоил меня комплимента, которого я совсем не заслужил. Он сказал, что я, наверно, родился в благородной семье, так как по сложению, цвету кожи и чистоплотности я значительно превосхожу всех еху его родины. Кроме того, я не только одарен способностью речи, но также обладаю зачатками разума, что все его знакомые почитают за чудо.

Я выразил его милости мою нижайшую благодарность за доброе мнение обо мне. Но уверил его в то же время, что происхождение мое очень невысокое, так как мои родители были скромные, честные люди, которые едва имели возможность дать мне сносное образование. Я сказал ему, что наша знать совсем не такова, какую он ее себе представляет. Наша знатная молодежь с самого детства воспитывается в праздности и роскоши. Окончив же кое-как школы, эти молодые люди проводят жизнь в кутежах, карточной игре и иных развлечениях. Промотав большую часть своего состояния, они женятся ради денег на женщинах низкого происхождения, не отличающихся ни красотой, ни здоровьем, которых они

ненавидят и презирают. Немудрено, что от таких браков рождаются золотушные, рахитичные, болезненные дети. Во всяком случае, в нашей стране слабое, болезненное тело, худоба и землистый цвет лица служат верными признаками благородной крови. Здоровое и крепкое сложение для человека знатного считается почти непристойным. Духовные недостатки этих людей вполне соответствуют физическим и представляют весьма неприятное сочетание хандры, тупоумия, невежества, самодурства, спеси.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Любовь автора к родной стране. Замечания хозяина относительно английского правления. Наблюдения хозяина над человеческой природой

Быть может, читатель удивится, каким образом я решился выставить напоказ недостатки нашего племени перед существом, которое, видя мое сходство с еху, и без того составило себе весьма неблагоприятное мнение о человеческом роде вообще. Но я должен чистосердечно признаться: сопоставление многочисленных добродетелей этих благородных четвероногих с испорченностью человека в корне изменило мой взгляд на природу человека. Я пришел к заключению, что совсем не стоит щадить честь моего племени. К тому же, глядя на моего хозяина и его близких, я проникся величайшим отвращением ко всякой лжи и обману. Впрочем, вспоминая сейчас все, что я говорил о моих соотечественниках, я с удовольствием вижу, насколько я щадил их недостатки и как настойчиво старался изобразить их жизнь и нравы в самом выгодном освещении. Однако я не ставлю себе это в особую заслугу. Ибо неужели найдется существо, которое не питало бы слабости и не относилось бы пристрастно к месту своего рождения?

Я изложил здесь только самое существенное из моих многочисленных бесед с хозяином. Наконец любопытство его милости было в какой-то мере удовлетворено. Однажды утром он позвал меня к себе и, предложив мне сесть (честь, которой я никогда не удостоивался), произнес целую речь. Он сказал, что много размышлял по поводу всего сказанного мною о себе самом и о моей родине и пришел к довольно печальному выводу.

«Вы являетесь,— заявил хозяин,— особенной породой животных, наделенных крохотной частицей разума. Но этим разумом вы пользуетесь лишь для развития ваших природных пороков и приобретения новых. Заглушая в себе дарования, которыми наделила вас природа, вы видите единственную цель своего существования в том, чтобы умножать свои потребности и придумывать самые странные средства для их удовлетворения. Но физически, если судить по вам лично, ваш народ сильно уступает нашим еху. Вы нетвердо держитесь на задних ногах; ваши когти совершенно бесполезны и непригодны для защиты и нападения. Вы не можете быстро бегать и взбираться на деревья подобно вашим братьям (так он все время называл их), местным еху.

Существование вашего правительства и закона доказывает несовершенство вашего разума, а следовательно, и добродетели. Для управления теми, кто по-настоящему разумен, достаточно

одного разума. Впрочем, все, что у вас творится, явно свидетельствует, что вы и не притязаете на обладание разумом.

Чтобы проверить эти выводы, я сравнил, — продолжал мой хозяин, — ваш образ жизни, ваши обычаи и нравы с образом жизни наших еху. Это окончательно убедило меня, что и в умственном отношении между вашим народом и еху наблюдается удивительное сходство.

Еху ненавидят друг друга больше, чем остальных животных. Обычно считают, что причина этой ненависти — в их уродстве; каждый еху видит уродство своих собратьев и не замечает своего собственного. Но теперь мне кажется, что это объяснение ошибочно. Причины раздоров среди этих скотов те же самые, что и причины раздоров среди ваших соплеменников. В самом деле, если вы дадите пятерым еху корму, которого хватило бы для пятидесяти, то они, вместо того чтобы спокойно приступить к еде, затевают драку. Каждый старается захватить все для себя. Поэтому, когда еху кормят в поле, то к ним обыкновенно приставляют слугу. В хлеву же их держат на привязи на некотором расстоянии друг от друга. Иногда мы не успеваем подобрать подошедшей в поле коровы для своих еху. Тогда к ней стадами сбегаются из окрестностей дикие еху и набрасываются на добычу. Тут между ними завязываются целые сражения, вроде описанных вами. Они наносят когтями страшные раны друг другу, однако до убийства дело доходит редко. Ведь у них нет тех смертоносных орудий, какие вы изобрели. Иногда подобные сражения между этими дикими животными завязываются без всякой видимой причины. Еху, обитающие в каком-нибудь лесу или зарослях, нападают на своих соседей,

всячески стараясь захватить их врасплох. Потерпев неудачу, они возвращаются домой и, чтобы сорвать свою злобу, затевают между собой то, что вы назвали междоусобной войной.

В нашей стране кое-где попадаются разноцветные блестящие камешки. К этим камешкам еху питают настоящую страсть. Если камень крепко сидит в земле, они готовы проработать целый день, чтобы только отрыть его. Свою добычу они уносят к себе в логовище и закапывают там глубоко в землю. При этом они соблюдают величайшую осторожность, все время подозрительно оглядываются по сторонам, прячутся — словом, явно боятся, как бы соседи не заметили, куда они прячут свои сокровища.

Я, — прибавил хозяин, — никак не мог понять, чем можно объяснить эту страсть еху к блестящим камешкам. Но теперь я думаю, что ее источник — в такой же безудержной жадности, какую вы приписываете человеческому роду.

Однажды, ради опыта, я потихоньку унес кучку этих камней из тайника, где один еху зарыл их. Жадное животное, заметив исчезновение своего сокровища, подняло такой вой, что к нему сбегалось целое стадо еху. Ограбленный с яростью набросился на товарищей и принялся кусать и царапать их. Прошло несколько дней, но он не забыл о своей потере, не хотел ни есть, ни спать, ни работать. Наконец я приказал слуге потихоньку положить камни на прежнее место. Обретя свое сокровище, еху сразу же оживился и повеселел. Он заботливо спрятал камешки в новый, более надежный тайник и с тех пор всегда был покорной и работающей скотиной».

Мой хозяин утверждал также — да я и сам это наблюдал, — что наиболее ожесточенные сражения между еху происходят на полях, изобилующих блестящими камнями

«Когда два еху, — продолжал хозяин, — находят в поле такой камень и вступают из-за него в драку, то сплошь и рядом он достается третьему. Пользуясь тем, что они поглощены дракой, он схватывает и уносит камень».

Мой хозяин усматривал тут некоторое сходство с нашими тяжбами. Я не стал разубеждать его. Это значило бы чернить наше доброе имя. Ведь мне пришлось бы признать, что такое разрешение спора гораздо справедливее многих наших судебных постановлений. В самом деле, здесь тяжущиеся не теряют ничего, кроме того камня, из-за которого они дерутся. А между тем наши суды никогда не прекращают дела, пока вконец не разорят обоих спорщиков.

В дальнейшем мой хозяин отметил, что ничто так не отвратительно в еху, как их прожорливость. Они с величайшей жадностью набрасываются на все, что попадаете им на глаза, и без разбора пожирают траву, корни, ягоды, протухшее мясо. Украденную или добытую грабежом пищу они предпочитают гораздо лучшей, приготовленной для них дома.

Здесь — правда, довольно редко — попадаете один сочный корень. Еху старательно разыскивают этот корень и с большим наслаждением его сосут. Он производит на них то же действие,

какое производит на нас вино. Под его влиянием они то целуются, то дерутся, гримасничают, что-то лопочут, спотыкаются, падают в грязь и засыпают.

Но что касается науки, системы управления, искусства и промышленности, то мой хозяин признался, что в этом отношении он не находит почти никакого сходства между еху его страны и нашей. Правда, он слышал от некоторых любознательных гуингнмов, что в большинстве стад еху бывают своего рода правители, всегда самые безобразные и злобные из всего стада. У каждого вожака имеется обычно фаворит. Этот фаворит всегда очень похож на своего покровителя. Обязанности его заключаются в том, что он лижет ноги своего господина и заботится о его удобствах. В награду за это его время от времени награждают куском ослиного мяса. Этого фаворита ненавидит все стадо, и потому для безопасности он всегда держится возле своего господина. Обыкновенно господин держит его до тех пор, пока не найдет еще худшего. А как только

он получает отставку, так все еху этой области, молодые и старые, во главе с его преемником, обступают его и задают ему хорошую трепку. Насколько все это приложимо к нашим дворам, фаворитам и министрам, хозяин предложил определить мне самому.

Хозяин заметил мне, что у еху есть еще несколько особенностей, о которых я или не упомянул вовсе в своих рассказах о человеческом племени, или коснулся их только вскользь. Прежде всего бросается в глаза пристрастие еху к грязи и неопрятности, тогда как все остальные животные по природе чистоплотны.

Если бы в стране гуингнмов водились свиньи, мне было бы нетрудно снять с моих соплеменников обвинение, будто они одни отличаются нечистоплотностью. Но, к моему несчастью, их там не было. Хотя эти четвероногие более благообразны, чем еху, однако они не могут похвастаться большой чистоплотностью. Его милость, наверное, согласился бы со мной, если бы увидел, как противно они едят и как любят валяться и спать в грязи.

Еще более необъяснимо другое свойство, которое обнаружили его слуги у некоторых еху. Иногда еху приходит фантазия забиться в угол, лечь на землю, ныть, стонать и прогонять от себя каждого, кто подойдет. Обычно это молодые, здоровые, упитанные животные; пищи и воды им не требуется, никакой боли они, по-видимому, не испытывают. Что с ними происходит, понять невозможно. Единственным лекарством против этого недуга является тяжелая работа, которая неизменно приводит пораженного им еху в нормальное состояние.

Я ничего не ответил хозяину на это замечание. Из уважения к моим соотечественникам я не хотел объяснять ему, что вижу в этих припадках еху зачатки той хандры или сплина, который нередко встречается в нашей стране среди богатых и праздных людей. Но я был вполне согласен с моим хозяином насчет способов лечения этой болезни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Автор описывает некоторые особенности еху. Великие добродетели гуигнгнмов. Воспитание молодого поколения. Генеральный совет гуигнгнмов

Я, конечно, гораздо лучше моего хозяина разбирался в человеческой натуре, и потому мне было нетрудно приложить сделанную им характеристику еху к себе самому и к моим соотечественникам. Но я был убежден, что самостоятельные наблюдения смогут привести меня к еще более интересным выводам. Поэтому я просил у его милости позволения посещать сборища соседних еху. Он любезно согласился на это, так как нисколько не сомневался, что мое безграничное отвращение к этим животным предохранит меня от всякого дурного влияния с их стороны. Его милость приказал только одному из своих слуг, сильному гнедому лошаку, очень славному и добродушному созданию, сопровождать меня. Без его охраны я не отважился бы предпринимать такие экскурсии. Я уже рассказал читателю, какой прием оказали мне противные животные сразу же по моем прибытии в эту страну. Да и впоследствии я несколько раз чуть было не попал в их лапы.

У меня есть основание думать, что эти животные подозревали во мне одного из себе подобных. Они часто старались подойти ко мне как можно ближе и подражали, на манер обезьян, моим движениям. Но они неуклонно проявляли по отношению ко мне самую дикую ненависть. Так дикие галки преследуют ручную, одетую в колапак и чулочки, когда та случайно залетит в их стаю.

Еху с детства отличаются удивительным проворством, но все же мне удалось как-то поймать трехлетнего самца. Я было попытался успокоить его ласками, но чертенок так отчаянно орал, царапался и кусался, что я отпустил его, да и хорошо сделал, потому что на шум сбежалось все стадо. Все они были чрезвычайно разъярены, но, увидя, что детеныш цел и невредим, а гнедой подле меня, не посмели подойти к нам.

Насколько я мог заметить, еху из всех животных труднее всего поддаются воспитанию и обучению. Все, к чему их можно приучить, — это таскать и возить тяжести. По-моему, главной причиной этого является упрямство и подозрительность этих животных. Ибо им нельзя отказать в смывленности и хитрости. Но они злобны, вероломны и мстительны. Они сильны и дерзки, но вместе с тем трусливы, что делает их наглыми, низкими и жестокими.

Гуигнгнмы содержат еху, которыми пользуются для домашних работ, в хлевах, неподалеку от своих жилищ; остальных же выгоняют на поля, где те роют корни, едят различные травы, разыскивают падаля, а иногда ловят хорьков и люхимухс (полевых

крыс). Каждый еху вырывает себе глубокую нору где-нибудь на склоне холма и живет там в одиночестве. У самок норы побольше, так что в них могут поместиться еще два-три детеныша.

Еху — великолепные пловцы и могут долго пробыть под водой. Они любят заниматься ловлей рыбы, которую самки носят своим детенышам.

Так как я прожил в этой стране целых три года, то читатель, наверно, ожидает, что, следуя примеру других путешественников, я дам ему подробное описание нравов и обычаев туземцев.

Благородные гуинггмы от природы склонны ко всем добродетелям и не имеют никакого понятия о том, что такое зло. Основное правило жизни заключается для них в полном подчинении своего поведения руководству разума. Они отличаются изумительной способностью сразу постигать умом и чувством, что разумно, а что нет. А поняв это, без всяких колебаний принимают к сведению разумное и отвергают то, что противоречит разуму. Поэтому долгие споры, ожесточенные пререкания, упорное отстаивание ложных или сомнительных мнений — пороки, неизвестные гуинггмам.

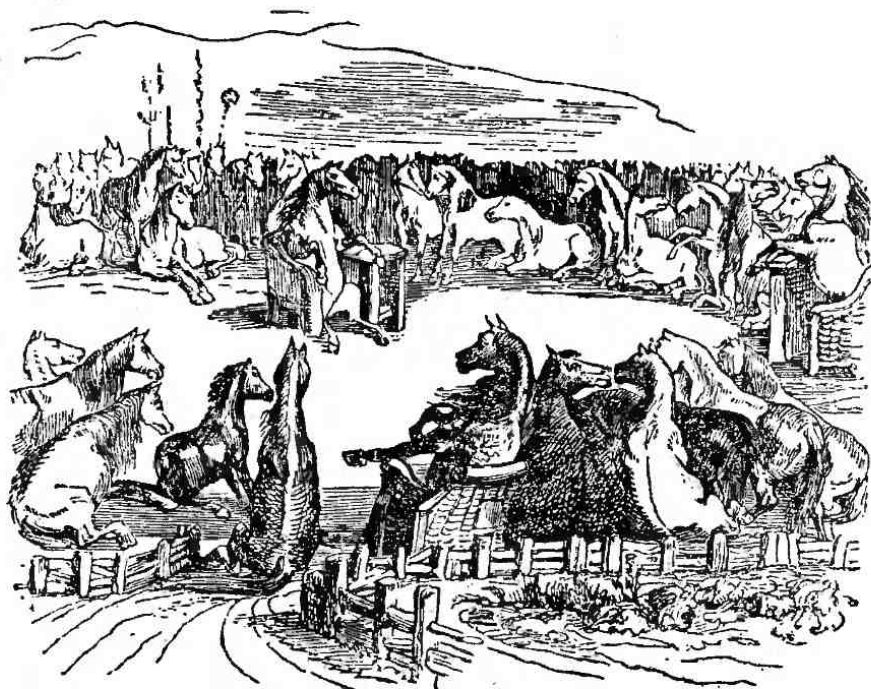
Верность в дружбе и благожелательность — две главные добродетели гуингнмов. Эти чувства гуингнм испытывает не только к своим близким или знакомым, но ко всему своему племени вообще. Чужестранец из далеких мест встречает здесь такой же прием, как и самый близкий сосед. Куда бы он ни пришел, он везде чувствует себя как дома. Гуингнм строго соблюдают приличия и учтивость, но они совершенно незнакомы с тем, что мы называем этикетом. Они не балуют своих жеребят, но заботятся о них и предоставляют им все, что требуется правилами разумного воспитания. Я заметил, что мой хозяин так же ласково относится к детям соседа, как и к своим собственным. Гуингнм считают, что разум и природа учат их одинаково любить всех себе подобных.

Их система воспитания юношества поистине удивительна и вполне заслуживает подражания. Пока молодым гуингнмам не исполнится восемнадцать лет, им дают овса только понемногу, да и то не каждый день; пить молоко им позволено только в самых редких случаях. Летом они пасутся два часа утром и два часа вечером, подобно своим родителям. Слугам разрешается пастись по часу. Корм для них приносится домой, и они поедают его в свободные от работы часы.

Умеренность, трудолюбие, физические упражнения и опрятность обязательны для молодежи обоего пола. Гуингнм развивают в молодежи силу, быстроту бега и смелость. Жеребят долго заставляют бегать по крутым склонам холмов и каменистым

полям. Когда они устанут и покроются пеной, их заставляют окунуться с головой в пруд или реку. Четыре раза в год в каждом округе происходят состязания молодежи. Молодежь показывает свои успехи в беге, прыганье и других упражнениях, требующих силы и ловкости. Наградой победителю или победительнице служит торжественная песнь, исполненная в его честь. В день такого праздника слуги пригоняют на арену стадо еху, нагруженных сеном, овсом и молоком для угощения гуингнмов. Но вслед за тем этих животных оттесняют подальше, чтобы вид их не вызывал отвращения у собрания.

Через каждые четыре года в весеннее равноденствие здесь происходит совет представителей всей нации. Местом собрания служит равнина, расположенная в двадцати милях от дома моего хозяина. Совет продолжается пять-шесть дней. На этом совете обсуждается положение различных округов: достаточно ли они снабжены сеном, овсом, коровами и еху. Если в одном из округов чего-нибудь не хватает, то совет доставляет туда все необходимое из других округов. Постановления об этом всегда принимаются единодушно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Большие прения в совете гуигнгимов. Занятия гуигнгимов. Их постройки. Обряды погребения. Недостатки их языка

Одно из таких больших собраний происходило во время моего пребывания в стране, месяца за три до моего отъезда. Мой хозяин участвовал в нем в качестве представителя от нашего округа. На этом собрании обсуждался очень важный вопрос. Этот вопрос уже не раз обсуждался на общих собраниях и был единственным, вызывавшим споры между гуигнгимами. По возвращении домой мой хозяин подробно рассказал мне обо всем, что там происходило.

Речь шла о том, не следует ли стереть еху с лица земли.

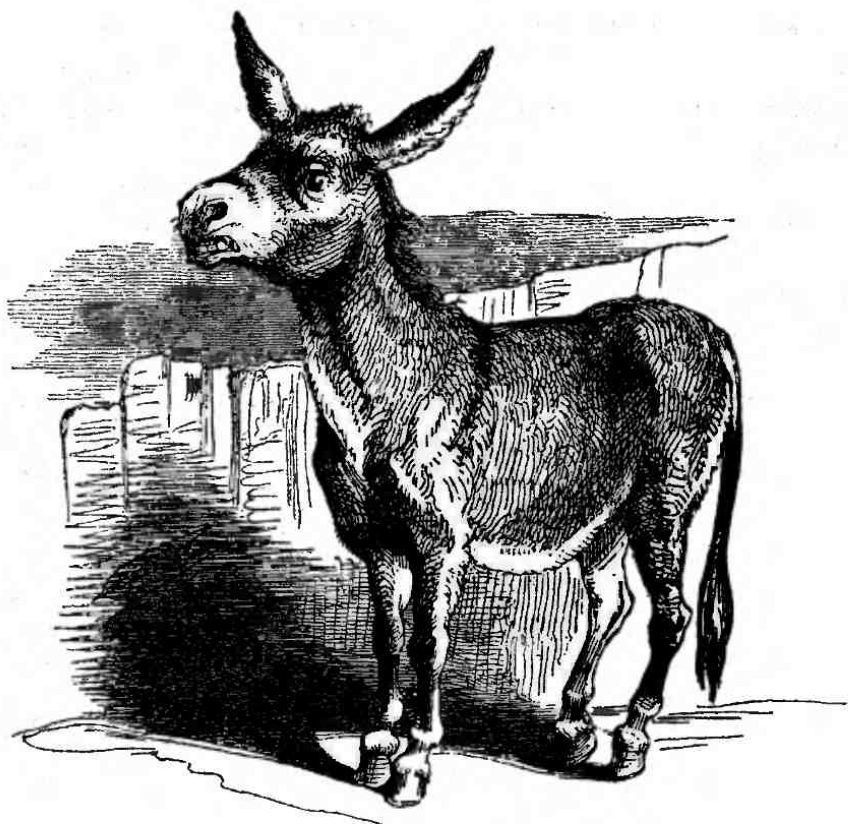
Один из участников собрания, считавший это безусловно необходимым, привел ряд веских доводов в защиту своего мнения. Он утверждал, что еху не только самые грязные, гнусные и безобразные животные на земле, но отличаются также крайним упрямством, непослушанием, злобой и мстительностью. Всем известно, сказал он, что их надо держать под строгим надзором. Иначе они станут сосать молоко у коров, принадлежащих гуигнгимам, ловить и пожирать их кошек, вытаптывать овес и траву и совершать тысячи других пакостей.

Он напомнил собранию старинное предание о происхождении еху. Согласно этому преданию, в старые времена еху были совершенно неизвестны в стране. Но много лет тому назад на одной горе завелась пара этих животных. Откуда они взялись, никто не знает. Возникли ли они под влиянием солнечного тепла из гниющей тины и грязи или родились из ила и морской пены, до сих пор неизвестно*. Эта пара начала размножаться, и ее потомство скоро стало так многочисленно, что наводнило и загадило всю страну. Для избавления от этого бедствия гуигнгимы устроили грандиозную лову; им удалось окружить все стадо этих тварей. Истребив взрослых, гуигнгимы забрали каждый по два детеныша, поместили их в хлева и приучили таскать и возить тяжести.

В этом предании есть, по-видимому, большая доля правды.

Ненависть, которую питают к еху не только гуигнгимы, но и все вообще животные, так велика, что трудно допустить, чтобы они были и л г н и а м ш и (коренные обитатели страны). Конечно, еху вполне заслуживают эту ненависть, но все же вражда к ним никогда не достигла бы таких размеров, если бы они всегда здесь обитали. Иначе они давно бы уже были истреблены.

В заключение оратор заявил, что гуигнгимы поступили крайне неблагоприятно, задумав приручить еху и оставив в пренебреже-

нии ослов. Это красивые и нетребовательные животные, гораздо более смирные и добронравные, чем еху. Правда, они уступают еху в ловкости, но все же достаточно сильны и выносливы, чтобы таскать тяжести. Крик их не очень приятен, но все же гораздо лучше ужасного воя еху.

Мой хозяин, выступив после этого оратора, счел нужным дополнить его сообщение. Он не сомневался в достоверности предания, изложенного выступавшим здесь почтенным членом собрания, но утверждал, что двое еху, впервые появившиеся в их стране, прибыли к ним из-за моря.

Возможно, что они были покинуты товарищами и, высадившись на берег, укрылись в горах. Потомки их постепенно вырождались.

В конце концов они совсем одичали и утратили ту долю разума, которая была свойственна их прародителям и всем обитателям той страны, откуда они прибыли. В подкрепление своего мнения он сослался на то, что с некоторого времени у него живет один удивительный еху (он подразумевал меня). Большинство собрания, вероятно, слышало о нем, а многие даже видели. Тут хозяин

рассказал, как он нашел меня. Он сообщил, что все мое тело покрыто искусственной оболочкой, состоящей из кожи и шерсти других животных; что я владею даром речи и в совершенстве изучил язык гуигнгимов; что я изложил ему события, которые привели меня сюда; что он видел меня без покровов и нашел, что я вылитый еху, только кожа моя побелее, волос меньше да когти покороче.

Он передал далее собранию, как я пытался убедить его, будто на моей родине и в других странах еху являются господствующими разумными животными и держат гуигнгимов в рабстве. Он наблюдал у меня все качества еху, хотя я, без сомнения, значительно выше их благодаря доле разума, какой я обладаю.

Впрочем, в этом отношении я настолько же уступаю гуигнгимам, насколько превосхожу местных еху.

Вот все, что мой хозяин нашел уместным сообщить мне о прениях в Большом совете. Ему угодно было утаить некоторые подробности, касавшиеся лично меня. Вероятно, ему не хотелось огорчить меня. Во всяком случае, читатель скоро поймет, почему я считаю этот день началом всех последующих несчастий моей жизни.

У гуигнгимов нет письменности. Поэтому все их знания сохраняются путем предания. Но так как в жизни народа, миролюбивого от природы, склонного к добродетели, руководимого исключительно разумом и отрезанного от всякого общения с другими народами, происходит мало крупных событий, то его история легко удерживается в памяти.

Я уже упоминал, что гуигнгимы не подвержены никаким болезням и поэтому не нуждаются во врачах. Впрочем, у них есть отличные лекарства, составленные из трав, которыми они лечат случайные ушибы и раны.

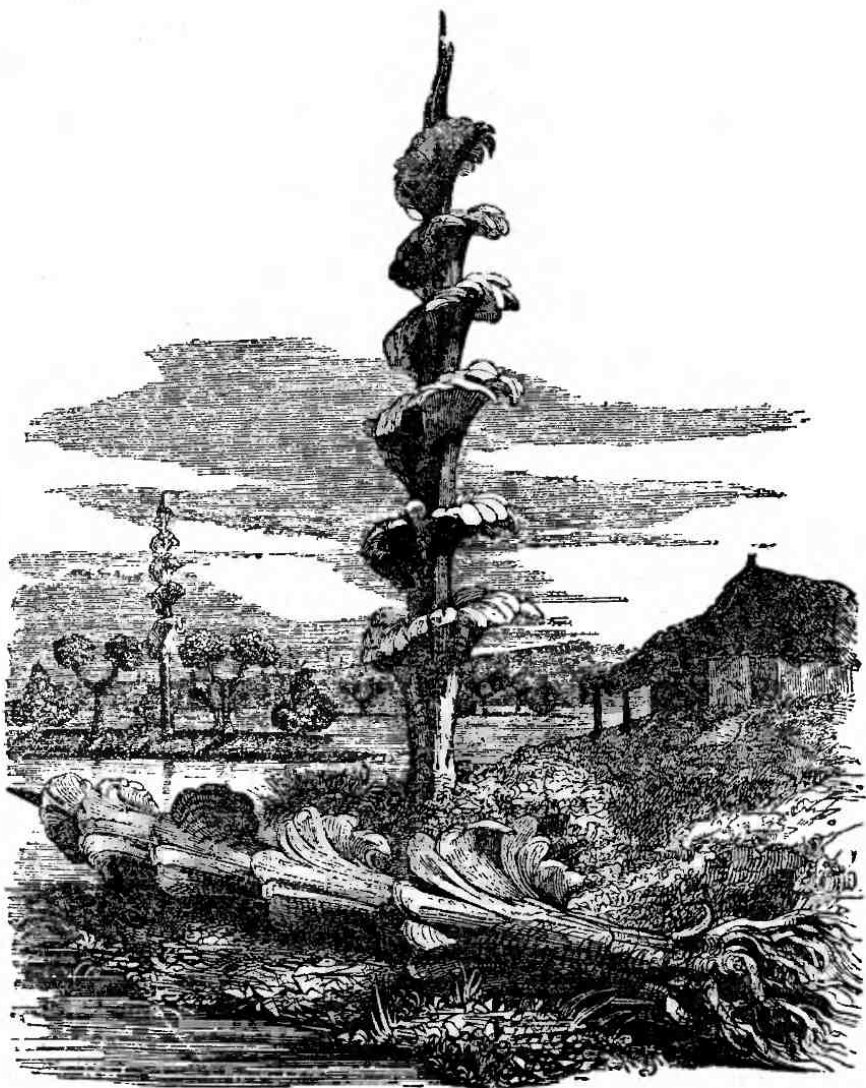
Они ведут счет годам и месяцам по обращениям солнца и луны. Они достаточно хорошо знакомы с движением этих двух светил и понимают природу затмений. Это — высшее достижение их астрономии.

Зато нужно признать, что в поэзии они превосходят всех остальных смертных: меткость их сравнений, подробность и точность их описаний действительно неподражаемы. Темой стихов служит обычно изображение дружбы или восхваление победителей на бегах и других состязаниях.

Постройки их грубы и просты, но не лишены удобства и отлично приспособлены для защиты от зноя и стужи. У них растет одно дерево, которое, достигнув сорока лет, подгнивает у самого корня и рушится с первой бурей. Заострив совершенно прямой ствол этого дерева при помощи отточенного камня (употребление железа им неизвестно), гуигнгимы втыкают колья в землю на рас-

стоянии десяти дюймов друг от друга и переплетают их овсяной соломой или прутьями. Крыша делается из соломы.

Гуингны пользуются углублением между бабкой и копытом передних ног так же, как мы пользуемся руками. При этом они проявляют такую ловкость, которая сначала показалась мне совершенно невероятной. Я видел, как белая кобыла из нашего дома вдела нитку в иголку (иголку дал ей я, чтобы произвести опыт).

Они доят коров, жнут овес и исполняют всю работу, которую мы делаем руками. При помощи твердого кремня они обтачивают другие камни и выделывают клинья, топоры и молотки. Орудиями, изготовленными из этих кремней, они косят сено и жнут овес, который растет здесь на полях, как трава. Еху привозят снопы с поля в телегах, а слуги молотят овес ногами в особых крытых помещениях. Зерно хранится в амбарах. Они выделывают грубую глиняную посуду и обжигают ее на солнце.

Гуигнгммы живут обыкновенно до семидесяти или до семидесяти пяти лет. За несколько недель до смерти они чувствуют постепенный упадок сил, но не испытывают никаких страданий. Друзья особенно часто навещают их в это время, так как им самим уже трудно выходить из дому. Однако за десять дней до смерти — срок, в определении которого они редко ошибаются, — гуигнгммы делают прощальные визиты. Для этой цели им подают удобные сани, запряженные еху.

Попрощавшись таким образом с друзьями, гуигнгмм возвращается к себе и уже до самой смерти не покидает дома. Хоронят гуигнгммов в самых глухих и укромных местах, какие только можно найти. Друзья и родственники покойного не выражают при этом ни радости, ни горя. Да и сам умирающий не обнаруживает ни малейшего сожаления, покидая этот мир, словно он возвращается из гостей домой. Помню, как однажды мой хозяин пригласил к себе своего друга с семьей по одному важному делу. В назначенный день уже поздно вечером явилась только жена друга с двумя детьми. Она извинилась прежде всего за мужа, который, по ее

словам, сегодня утром с х н у в н х. Слово это очень выразительно на тамошнем языке, но нелегко поддается переводу; буквально оно означает: «в о з в р а т и т ь с я к с в о е й п р а м а т е р и». Потом она извинилась и за себя, сказав, что муж умер утром и она долго совещадалась со слугами относительно того, где бы удобнее положить его тело. Я заметил, что она была такая же веселая, как и все остальные. Через три месяца она умерла, словно отправляясь в далекую страну, где они решили провести остаток своей жизни.

Не знаю, стоит ли упоминать, что в языке гуингнмов нет слов для обозначения чего-нибудь злого и дурного, за исключением слов, указывающих на недостатки и уродливые черты еху. Поэтому, если им нужно отметить в разговоре что-нибудь не совсем приятное, то они пользуются словом «еху», присоединяя его к другим словам. Так, например, рассеянность или леность слуги, проступок ребенка, камень, порезавший ногу, ненастную погоду и тому подобные вещи они обозначают прибавлением к слову эпитета еху. А именно: г х и м е х у, г в н а г о л ь м е х у, и н л х м и д в и х л м а е х у, а плохо построенный дом называют и н г о л м г н м р о г л и в е х у.

Я с большим удовольствием дал бы более подробное описание нравов и добродетелей этого замечательного народа; но в недалеком будущем я намереваюсь издать отдельную книгу, посвященную исключительно этому предмету, к ней я и отсылаю читателя.

А теперь перехожу к изложению постигшей меня печальной катастрофы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Домашнее хозяйство автора и его счастливая жизнь
среди гуингнмов. Он совершенствуется в добродетели.*

*Хозяин объявляет автору, что он должен покинуть
страну. Отчаяние автора при этом известии.*

С помощью слуги автор мастерит себе лодку.

Он пускается в море наудачу

Я устроил мое маленькое хозяйство по своему вкусу. Хозяин велел отделать для меня помещение по тамошнему образцу в шести ярдах от дома. Стены и пол моей комнаты я обмазал глиной и покрыл камышовыми матами собственного изготовления. Я набрал дикой конопли и приготовил из ее волокон что-то вроде пряжи; из этой пряжи я кое-как выткал чехол для матраца. На набивку матраца пошли перья птиц, пойманных мной в силки из волос сху. Сами птицы доставили мне очень недурное жаркое. При помощи гнедого лошака, выполнившего самую тяжелую часть работы, я соорудил себе два стула. Когда платье мое износилось, я сшил себе новое из шкурок кроликов и других красивых зверьков приблизительно такой же величины, называемых н н у х н о х. Из таких же шкурок я сделал очень сносные чулки. Мне удалось подбить к моим башмакам деревянные подошвы, а когда и сами башмаки развалились, я сшил себе новые.

В дуплах деревьев я часто находил мед, который разводил водой и ел со своим овсяным хлебом. Никто лучше меня не познал истинности двух изречений: «природа довольствуется немногим» и «нужда всему научит».

Я наслаждался прекрасным здоровьем и полным душевным спокойствием. Мне нечего было бояться предательства или непостоянства друга и обид тайного или явного врага. Мне не приходилось прибегать к подкупу и лести, чтобы снискать милости великих мира и их фаворитов. Мне не нужно было ограждать себя от обмана и насилия. Здесь не было ни врачей, чтобы вредить моему телу, ни юристов, чтобы разорить меня, ни доносчиков, чтобы за плату возводить на меня ложные обвинения. Здесь не было зубоскалов, клеветников, карманных воров, взломщиков, стряпчих, болтунов, спорщиков, убийц, мошенников. Не было лидеров и членов политических партий и кружков, не было тюрем, топоров, виселиц, плетей и позорного столба. Не было обманщиков-купцов и плутов-ремесленников. Не было чванства и тщеславия. Не было франтов, буянов, пьяниц; не было назойливых, вздорных, крикливых, пустых приятелей. Не было негодяев, поднявшихся из грязи благодаря своим порокам, и благородных людей, брошенных в грязь за свои добродетели; не было вельмож, судей, скрипачей и учителей танцев.

Я имел честь быть допущенным к гуигигнам. Когда у моего хозяина бывали гости, его милость любезно позволял мне присутствовать в комнате и слушать их беседу. И он и гости часто задавали мне вопросы и снисходительно выслушивали мои ответы. Отправляясь в гости, хозяин нередко брал меня с собой. Я никогда не позволял себе вмешиваться в разговор и только отвечал на задаваемые мне вопросы. Но мне доставляла бесконечное наслаждение роль скромного слушателя при этих беседах, где говорилось только о делах и мысли выражались в немногих, полновесных словах, где собеседники не перебивали друг друга, не скучали, не горячились, не вступали в ожесточенные споры. Гуигигны полагают, что разговор в обществе следует прерывать краткими паузами. Я нахожу, что они вполне правы, ибо в эти минуты молчания у них рождались новые мысли, очень оживлявшие беседу. Обычными темами этих бесед были дружба, доброжелательство, порядок и благоустройство; иногда — какие-нибудь замечательные явления природы или преданья старины. Очень часто говорили о сущности добродетели и законах разума или обсуждали постановления, которые следовало принять на ближайшем Большом собрании. Нередко разговор касался поэзии.

Мое присутствие также давало обильную пищу для разговоров. Мой хозяин рассказывал друзьям историю моей жизни и описывал мою родину. Выслушав его, они не слишком

почтительно отзывались о человеческом роде. Поэтому мне не хочется приводить здесь их замечания. Позволю себе только заметить, что, к моему удивлению, его милость постиг природу еху всех стран гораздо лучше меня. Перечисляя все наши пороки и безрассудства, он указывал на такие, о каких я никогда не упоминал ему. Он догадывался о них, размышляя о том, на что оказались бы способны местные еху, если бы были наделены малой частицей разума. Не без основания он полагал, что такое животное должно быть презренным и жалким.

Я без всякого преувеличения могу сказать: все, что я знаю поистине полезного, почерпнуто мной из мудрых речей моего хозяина и из его бесед с друзьями. Если бы мне пришлось выбирать, я всегда предпочел бы быть скромным слушателем этих мудрецов, чем влиятельным оратором величайшего и мудрейшего парламента Европы.

Я удивлялся силе, красоте и быстроте обитателей этой страны. Такое удивительное сочетание различных добродетелей, какое я наблюдал в этих благородных существах, наполняло меня глубочайшим к ним уважением. Сначала я, правда, не испытывал по отношению к ним того боязливоего преклонения, которым проникнуты еху и все другие животные, но постепенно это чувство овладело мной.

Благодаря постоянному общению с гуингнмами и восторженному преклонению перед ними я стал подражать их походке и телодвижениям. Постепенно это вошло у меня в привычку. Еще и теперь друзья часто без церемоний говорят мне, что я б е г а ю, к а к л о ш а д ь. Я принимаю эти слова за лестный комплимент. Не стану также отрицать, что в разговоре я все еще подражаю интонациям и манерам гуингнмов и без малейшей обиды выслушиваю насмешки друзей над этим.

Итак, жизнь моя текла счастливо и спокойно, и я желал только одного: до конца дней остаться в этой прекрасной стране. Вдруг, однажды утром, хозяин позвал меня к себе немного раньше, чем обычно. По его лицу я сразу заметил, что он несколько смущен и раздумывает, с чего начать разговор. После непродолжительного молчания он наконец решился и рассказал мне, что на последнем совете, когда обсуждался вопрос об еху, члены совета сочли за оскорбление своей породы, что он держит в своем доме еху и обращается с ним так, словно это гуингнм. Им известно, что он часто разговаривает со мной и, по-видимому, находит удовольствие в моем обществе. Такое поведение совершенно противно разуму и природе. Поэтому собрание у в е щ е в а е т его либо обходиться со мной, как с обыкновенным еху, либо приказать мне отплыть туда, откуда я прибыл. Но те из гуингнмов, которые видели меня и говорили со мной, решительно отвергли первое предло-

жение. Они опасались, что, обладая некоторыми зачатками разума и прирожденной порочностью этих животных, я вполне способен сманить еху в лесистую горную часть страны и стаями приводить их ночью для нападения на домашний скот гуигнгимов. Мой хозяин добавил, что окрестные гуигнгимы ежедневно побуждают его привести в исполнение у в е щ а н и е собрания, и он не может больше откладывать. Но, сомневаясь, чтобы я был в силах доплыть до какой-нибудь другой страны, он хотел, чтобы я соорудил себе повозку для езды по морю, вроде тех, какие я ему описывал. В этой работе мне окажут помощь как его собственные слуги, так и слуги его соседей. В заключение хозяин сказал, что он лично готов держать меня у себя на службе всю мою жизнь, ибо он находит, что, стараясь подражать гуигнгимам, я излечился от многих дурных привычек и наклонностей, свойственных еху.

Речь его милости повергла меня в полное отчаяние. Потрясение было так сильно, что я упал в обморок у ног хозяина. Так как гуигнгимы не подвержены таким слабостям, хозяин вообразил, что я умер. Он признался мне в этом, когда я пришел в себя. Я отвечал еле слышным голосом, что смерть была бы для меня счастьем. Конечно, я нисколько не осуждаю собрание за это увеща-

ние, но все же, как мне кажется, решение могло бы быть и менее суровым. До ближайшего материка или острова, вероятно, не менее ста лиг. Многих материалов, необходимых для сооружения маленького судна, на котором я мог бы отправиться в путь, вовсе нет в этой стране. Поэтому я считаю это предприятие безнадежным и смотрю на себя, как на человека, обреченного гибели. Впрочем, смерть является для меня желанным исходом. В самом деле, если даже допустить, что мне удастся спасти свою жизнь, как я могу примириться с мыслью проводить дни среди еху и снова впасть в свои старые пороки? Тем не менее я преклоняюсь перед решением собрания, ибо убежден, что для него имеются веские и серьезные основания. Затем я поблагодарил хозяина за предложение оказать мне помощь в постройке лодки и сказал, что если я возвращусь в Англию, то надеюсь принести большую пользу своим соотечественникам, восхваляя достославных гуинггимов и выставляя их добродетели как образец для подражания человеческому роду.

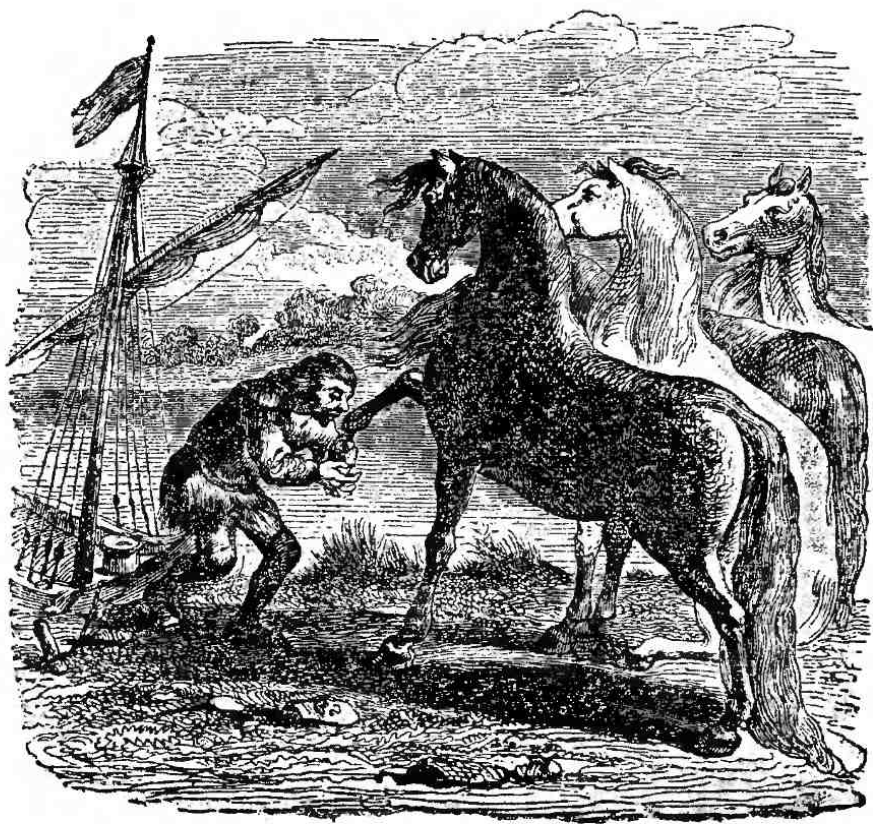
Его милость очень любезно ответил мне и предоставил два месяца на постройку лодки. Он приказал гнедому лошаку помогать мне в работе и исполнять мои распоряжения. Я знал, что гнедой — прекрасный работник и очень расположен ко мне.

Прежде всего я отправился с ним на берег, где меня высадили мои матросы. Там я взшел на холм и принялся осматривать море. Мне показалось, что на северо-востоке виднеется небольшой остров. Я вынул подзорную трубу и ясно различил его. По моим

предположениям, он находился на расстоянии около пяти лиг. Но для гнедого остров был просто синеватым облаком. Он не имел никакого понятия о существовании других стран и не мог различать отдаленные предметы на море с таким искусством, как мы, люди, давно свыкшиеся с этой стихией.

Открыв остров, я вполне удовлетворился этим и решил избрать его первым пристанищем в моем изгнании. В дальнейшем я всецело полагался на волю судьбы.

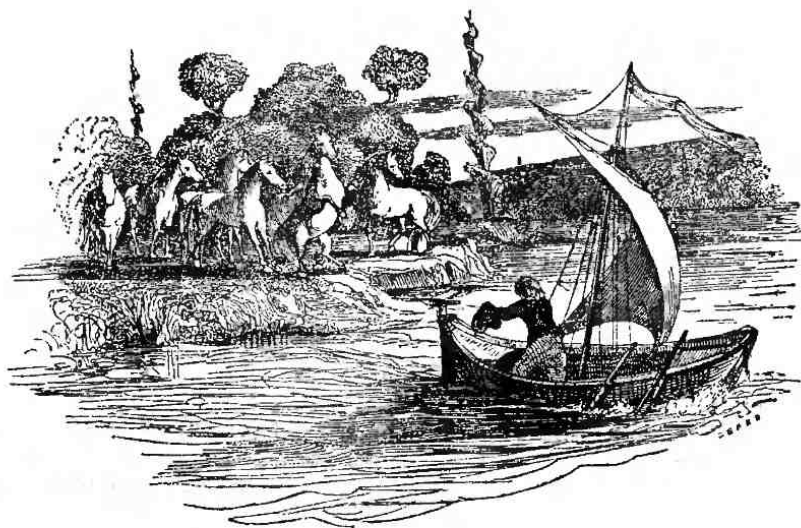
Я вернулся домой и, посоветовавшись с гнедым лошаком, отправился с ним в близлежащую рощу. Там я при помощи ножа, а он острым кремнем, очень искусно прикрепленным к деревянной рукоятке, нарезали много дубовых веток толщиной с обыкновенную палку и несколько более крупных. Я не буду утомлять читателя подробным описанием моих работ. Достаточно будет сказать, что в течение шести недель с помощью гнедого лошака, выполнившего наиболее тяжелую работу, я соорудил нечто вроде индейской

пироги, только гораздо более крупных размеров, и обтянул ее шкурами, крепко сшитыми одна с другой пеньковыми нитками моего собственного изготовления. Из того же материала я сделал и парус, но выбрал для него шкуры самых молодых животных, так как шкуры старых были слишком грубы и толсты. Я сделал также четыре весла, приготовил запас вареного мяса кроликов и домашней птицы и взял с собой два сосуда: один — наполненный молоком, а другой — пресной водой.

Я испытал свою пирогу в большом пруду подле дома моего хозяина и исправил все обнаружившиеся в ней изъяны, замазав щели жиром. Затем я погрузил лодку на телегу, и под наблюдением гнедого лошака и еще одного слуги она очень осторожно была отвезена еху на морской берег.

Когда все было готово и наступил день отъезда, я простился с моим хозяином, его супругой и всем семейством. Глаза мои были полны слез, и сердце изнывало от горя. Но его милость, отчасти из любопытства, а быть может, из участия ко мне (если только я вправе сказать так), пожелал увидеть, как я поплыву в моей пироге, и предложил кое-кому из соседей сопровождать его. Около часа мне пришлось ждать прилива. Вскоре поднялся легкий попутный ветер. Заметив это, я решил тотчас же отправиться в путь и поспешил вторично проститься с хозяином. Я собирался пасть ниц, чтобы поцеловать его копыто, но он оказал мне честь, осторожно подняв его к моим губам. Мне известны нападки. ко-

торым я подвергся за упоминание этой подробности. Моим клеветникам угодно считать невероятным, чтобы столь знатная особа снизошла до оказания подобного благоволения такому ничтожному существу, как я. (Мне памятна также склонность некоторых путешественников хвастаться оказанными им необыкновенными милостями.) Но если бы эти критики были больше знакомы с благородством и учтивостью гуингнмов, они переменили бы свое мнение.

Засвидетельствовав почтение остальным гуингнмам, сопровождавшим его милость, я сел в пирогу и отчалил от берега.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Опасное путешествие. Автор прибывает в Новую Голландию, рассчитывая поселиться там. Один из туземцев ранит его стрелой из лука. Его схватывают и насильно сажают на португальский корабль. Любезное обращение с ним капитана. Автор возвращается в Англию

Я начал это отчаянное путешествие 15 февраля 1714 года в 9 часов утра. Ветер был попутный. Тем не менее сначала я шел на веслах. Но, рассудив, что гребля скоро меня утомит, а ветер может измениться, я отважился поставить свой маленький парус. Таким образом, при содействии отлива, я шел, по моим предположениям, со скоростью полторы лиги в час. Мой хозяин и его друзья оставались на берегу, пока я почти совсем не скрылся из виду. До меня часто доносились возгласы гнедого лошака (он всегда любил меня): «Г н у й и л л а н и х а м э й д ж а х е х у» (береги себя хорошенько, милый еху).

Я направился к тому острову, который еще раньше заметил в подозрную трубу с берега. Я надеялся, что там я смогу добывать средства к существованию собственным трудом. Я приходил в ужас от одной мысли возвратиться в общество еху и жить под их властью. Ибо в желанном мною уединении я мог, по крайней мере, размышлять о добродетелях неподражаемых гуингнмов, не подвергаясь опасности снова погрязнуть в пороках моего племени.

Читатель, вероятно, помнит мой рассказ о том, как матросы составили против меня заговор и заключили меня в капитанской каюте. Это заключение, как я уже упоминал, продолжалось несколько недель, причем я не знал, каким курсом шел корабль.

Матросы, высадившие меня на берег, с клятвами, искренними или притворными, уверяли меня, что они сами не знают, в какой части света мы находимся. Однако я считал, что мы крейсируем градусы в десяти к югу от мыса Доброй Надежды или под 45° южной широты. Я заключил об этом на основании подслушанных мной толков матросов о намерении их капитана идти на Мадагаскар и о том, что мы находимся к юго-западу от этого острова. Хотя это были одни догадки, все же я решил держать курс на восток, надеясь достигнуть юго-западных берегов Новой Голландии*. Возле этих берегов я рассчитывал найти и какой-нибудь подходящий для меня остров.

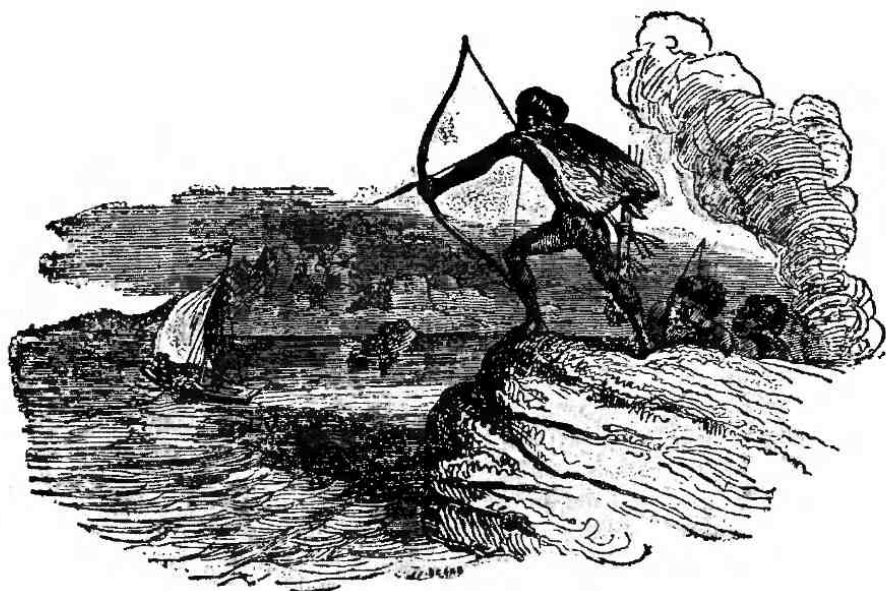
Ветер все время был западный, и в шесть часов вечера, когда, по моим расчетам, мной было пройдено на восток по крайней мере восемнадцать лиг, я заметил в полумиле от себя маленький островок.

Это был голый утес с маленькой бухточкой, вымытой прибоем. Поставив в ней пирог, я взобрался на утес и ясно различил на востоке землю, тянувшуюся с юга на север. Ночь я провел в пироге, а рано поутру снова отправился в путь и в семь часов достиг юго-восточного берега Новой Голландии.

Берег, где я высадился, был совершенно пустынным и необитаемым. Но так как со мной не было оружия, то я не решался углубиться внутрь материка. На берегу я нашел несколько ракушек и съел их сырыми. Я боялся развести огонь, чтобы не привлечь к себе внимания туземцев. Три дня питался я устрицами и другими ракушками, желая сберечь подольше свой скудный запас провизии. К счастью, я нашел ручеек с пресной водой, которая сильно подкрепила меня.

На четвертый день я рискнул пройти немножко дальше в глубь материка. Внезапно в пятистах ярдах от себя я увидел на невысоком холме группу туземцев. Все они — мужчины, женщины и дети — были совершенно голы и сидели около костра. Один из них заметил меня и указал другим. Пятеро мужчин вскочили со своих мест и направились ко мне, оставив женщин и детей у костра. Я со всех ног пустился наутек к берегу, бросился в лодку и отчалил. Дикари, увидя, что я бегу, помчались за мной и, прежде чем я успел отъехать на достаточно далекое расстояние, пустили мне вдогонку стрелу, которая глубоко вонзилась мне в левое колено. Я испугался, как бы стрела не оказалась отравленной. Как только я очутился за пределами досягаемости их стрел (день был очень тихий), я поспешил тщательно высосать рану, а затем кое-как перевязал ее.

Я решительно не знал, что мне предпринять. Вернуться к месту первоначальной высадки я опасался. Поэтому я взял курс на север, причем был вынужден идти на веслах. Осматриваясь кру-

гом в поисках удобного места для высадки, я заметил на северо-северо-востоке парус, который с каждой минутой обрисовывался все яснее и яснее. Несколько времени я колебался, не зная, поджидать ли его или нет. Но в конце концов моя ненависть к породе еху восторжествовала над всеми другими соображениями. Повернув пирогу, я направился к югу и вошел в ту же бухточку, откуда отправился поутру. Я предпочитал отдаться в руки варваров, чем жить среди европейских еху. Я подвел свою пирогу к берегу, а сам спрятался за камнем у ручейка с пресной водой.

Корабль подошел к этой бухточке на расстоянии полулиги и отправил к берегу шлюпку с бочками за пресной водой. По-видимому, на корабле хорошо знали это место. Я лежал между камнями и потому заметил шлюпку лишь тогда, когда она подошла к самому берегу и было слишком поздно искать другого убежища. Высадившись на берег, матросы сразу заметили мою пирогу. Они внимательно осмотрели ее и без труда догадались, что хозяин ее находится где-нибудь поблизости. Четверо из них стали обшаривать каждую щелочку, каждый кустик и наконец нашли меня притаившимся за камнем. Некоторое время они с удивлением смотрели на мой странный и неуклюжий наряд: кафтан из кроличьих шкурок, башмаки с деревянными подошвами и меховые чулки. Тем не менее по этому наряду они заключили, что я не туземец, так как все туземцы ходили голыми. Один из матросов при-

казал мне по-португальски встать и спросил меня, кто я. Я отлично его понял (так как знаю этот язык) и, поднявшись на ноги, сказал, что я несчастный еху, изгнанный из страны гуигнгимов, и умоляю позволить мне удалиться. Матросы были удивлены, услышав, что я говорю по-португальски. По цвету моего лица они признали во мне европейца. Но они не могли понять, что я разумел под словами «еху» и «гуигнгимы». В то же время моя странная манера говорить, напоминавшая конское ржанье, вызывала у них смех. Дрожа от страха и ненависти, я снова стал просить позволения удалиться, тихонько отступая по направлению к моей пироге. Но они удержали меня, пожелав узнать, из какой страны я родом

и откуда прибыл сюда. Я ответил им, что я родом из Англии, которую покинул лет пять тому назад, когда их страна и моя были в мире между собой. Поэтому я надеюсь, что они не будут обращаться со мной, как с врагом, тем более что я не хочу им никакого зла. Я просто бедный еху и ищу какого-нибудь пустынного места, где бы провести остаток моей жизни.

Когда они заговорили, мне показалось, что я никогда не слышал и не видел ничего более противоестественного. Это было для меня так же чудовищно, как если бы в Англии заговорила собака или корова или в стране гуинггмгов — еху. Почтенные португальцы были не менее поражены моим странным костюмом и необычайной манерой говорить, хотя прекрасно меня понимали. Они были со мной очень любезны и заявили, что их капитан, наверно, отвезет меня в Лиссабон, откуда я могу вернуться к себе на родину.

Двое матросов решили отправиться обратно на корабль уведомить капитана о том, что они видели, и получить его распоряжения. Меня же предупредили, что если я не дам им торжественного обещания не убегать, они удержат меня силой. Я счел за лучшее согласиться с их предложением. Им очень хотелось узнать мои приключения, но я проявил большую сдержанность. Тогда они решили, что несчастья повредили мой рассудок.

Через два часа шлюпка, которая ушла, нагруженная бочками с пресной водой, вернулась с приказанием капитана доставить меня на борт. Я упал на колени и умолял оставить меня на свободе. Но все было напрасно: матросы связали меня и бросили в лодку, откуда я был перенесен на корабль и доставлен в каюту капитана.

Капитана звали Педро де Мендес. Это был очень учтивый и благородный человек. Он попросил меня дать какие-нибудь сведения о себе, поручился, что со мной будут обращаться на корабле, как с ним самим, и наговорил мне кучу любезностей, так что я был поражен, встретив такую обходительность у еху. Однако я оставался молчаливым и угрюмым и чуть не упал в обморок от одного только запаха этого капитана и его матросов. Наконец я попросил, чтобы мне принесли чего-нибудь поесть из запасов, находившихся в моей пироге. Но капитан приказал подать мне дыпленка и отличного вина и распорядился, чтобы мне приготовили постель в очень чистой каюте. Я не захотел раздеваться и лег в постель, как был. Через полчаса, когда по моим предположениям, экипаж обедал, я украдкой выскользнул из своей каюты и, пробравшись к борту корабля, намеревался броситься в море и спастись вплавь, лишь бы только не оставаться среди еху. Но один из матросов помешал мне и доложил о моем покушении капитану, который велел закрыть меня в моей каюте.

После обеда дон Педро пришел ко мне и пожелал узнать причины, побудившие меня решиться на такой отчаянный поступок. Он уверил меня, что его единственное желание — оказать мне всяческие услуги, какие в его силах. Он говорил так трогательно и убедительно, что мало-помалу я согласился обращаться с ним, как с животным, наделенным малой крупицей разума. В немногих словах я рассказал ему о своем путешествии, о бунте экипажа на моем корабле, о стране, куда меня высадили бунтовщики, и о моем трехлетнем пребывании в ней. Капитан принял мой рассказ за бред или галлюцинацию, что меня крайне оскорбило. Я совсем отучился от лжи, свойственной всем ему, и позабыл об их всегдашней склонности относиться недоверчиво к словам себе подобных.

Я спросил его: разве у него на родине существует обычай говорить то, чего нет? Я уверил его, что я почти забыл значение слова «ложь» и что, проживи я в Гуинггнии хотя бы тысячу лет, я никогда бы не услышал там лжи даже от самого последнего слуги. Впрочем, мне совершенно безразлично, верит он мне или нет, однако в благодарность за его любезность я готов отнестись снисходительно к его природной порочности и отвечать на все вопросы и возражения, какие ему угодно будет сделать мне.

Капитан, человек умный, после множества попыток уличить меня в противоречии, составил себе лучшее мнение о моей правдивости. Но он заявил, что раз я питаю такую глубокую привязанность к истине, то должен дать ему честное слово не покушаться больше на свою жизнь во время этого путешествия, иначе он будет держать меня под замком до самого Лиссабона. Я дал требуемое им обещание, но заявил при этом, что готов претерпеть самые тяжкие бедствия, лишь бы только не возвращаться в общество еху.

Во время нашего путешествия не произошло ничего замечательного. В благодарность капитану я иногда уступал его настоятельным просьбам и соглашался посидеть с ним, стараясь не обнаруживать своей неприязни к людям. Все же она часто прорывалась у меня, но капитан делал вид, что ничего не замечает. Большую часть дня я проводил в своей каюте, чтобы не встречаться ни с кем из матросов. Капитан не раз уговаривал меня снять мое дикарское одеяние. Он предлагал мне свой лучший костюм, но я решительно отказывался от всего, не желая покрыть себя вещью, прикасавшейся к телу еху. Я попросил у него только две чистые рубашки. Они были хорошо выстираны и не могли особенно сильно замарать меня. Я менял их каждый день и стирал собственноручно.

Мы прибыли в Лиссабон 15 ноября 1715 года. Перед высадкой на берег капитан накинул мне на плечи свой плащ, чтобы вокруг меня не собралась уличная толпа. Он провел меня к своему дому и, по настойчивой моей просьбе, поместил в самом верхнем этаже, в комнате, выходящей окнами во двор. Капитан уговорил меня заказать себе новое платье. Но я ни за что не соглашался, чтобы портной снял с меня мерку. Так как дон Педро был почти одного со мной роста, то платья, сшитые для него, были мне как раз впору. Он снабдил меня также другими необходимыми для меня вещами. Все эти вещи были совершенно новы, и все же я проветривал их целые сутки, прежде чем надеть на себя.

Капитан не был женат и держал только трех слуг. Он запретил им прислуживать нам за столом. Вообще его обращение со мной было таким предупредительным, он проявлял столько подлинной человечности и понимания, что я постепенно примирился с его обществом. Наконец ему удалось уговорить меня выглянуть в окошко, выходившее в сад позади дома. Потом я начал выходить в другую комнату. Как-то раз я выглянул из окна на улицу, но сейчас же в испуге отшатнулся. Через неделю капитан убедил меня сойти вниз посидеть у входных дверей. Страх мой постепенно уменьшался, но ненависть и презрение к людям как будто возрастали. Наконец я набрался храбрости выйти с капитаном на улицу.

Через десять дней по моем приезде дон Педро, которому я рассказал кое-что о своей семье и домашних делах, заявил мне, что мой долг — вернуться на родину и жить дома с женой и детьми. Он сказал, что в порту стоит готовый к отплытию английский корабль, и выразил готовность снабдить меня всем необходимым для путешествия. Было бы скучно повторять его доводы и мои возражения. Он говорил, что совершенно невозможно найти такой пустынный остров, о каком я мечтал. Но в собственном доме я могу делать что хочу и жить полным затворником.

В конце концов я покорился, находя, что ничего лучшего мне не остается. Я покинул Лиссабон 24 ноября на английском коммерческом корабле, но кто был его хозяин, я так и не спросил. Дон Педро проводил меня на корабль и дал в долг двадцать фунтов. На прощанье он любезно обнял меня, что было для меня очень неприятно. В пути я не разговаривал ни с капитаном, ни с матросами и, сказавшись больным, сидел у себя в каюте. 5 декабря 1715 года, около девяти часов утра, мы бросили якорь в Даунсе, и в три часа пополудни я благополучно прибыл к себе домой в Редриф.

Жена и дети встретили меня с большим удивлением и радостью. Они давно считали меня погибшим. Но я должен откровенно сознаться, что при виде их я почувствовал только ненависть, отвращение и презрение.

Как только я вошел в дом, жена заключила меня в объятия и поцеловала. От этого прикосновения я упал в обморок, продолжавшийся более часу. Когда я пишу эти строки, прошло уже пять лет со времени моего возвращения в Англию. В течение первого года я не мог выносить вида моей жены и детей. Но и до сих пор они не смеют прикасаться к моему хлебу или пить из моей чашки, до сих пор я не могу позволить им брать меня за руку.

Первые же свободные деньги я истратил на покупку двух жеребцов, которых держу в прекрасной конюшне. После них моим наибольшим любимцем является конюх, так как от него приятно пахнет конюшней. Лошади достаточно хорошо понимают меня. Я разговариваю с ними по крайней мере четыре часа ежедневно. Они не знают, что такое узда или седло, очень привязаны ко мне и дружны между собой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Правдивость автора. Цели, которые он преследовал при опубликовании этого сочинения. Он порицает путешественников, отклоняющихся от истины. Автор доказывает отсутствие у него дурных намерений при создании этой книги. Ответ на одно возражение.

Метод устройства колоний. Похвала родине.

Бесспорное право короны на страны, описанные автором. Трудность завоевать их. Автор окончательно расстается с читателем. Он излагает планы своего образа жизни в будущем, дает добрые советы и заканчивает книгу

Итак, любезный читатель, я дал тебе правдивое описание моих путешествий, продолжавшихся шестнадцать лет и свыше семи месяцев. В этом описании я заботился не столько о прикрасах, сколько об истине. Может быть, подобно другим путешественникам, я мог бы удивить тебя странными и невероятными рассказами, но я предпочел излагать самым простым слогом только одни факты. Моя цель — сообщить тебе много новых сведений, а совсем не позабавить тебя.

Нам, путешественникам в далекие страны, редко посещаемые англичанами или другими европейцами, нетрудно сочинить описание диких животных, морских и сухопутных. Между тем главная цель путешественника — просвещать людей, воспитывать в них добродетель, совершенствовать их ум при помощи хороших и дурных примеров в жизни чужих стран. От всей души я желал бы издания закона, который обязывал бы каждого путешественника перед получением им разрешения на опубликование книг о своих путешествиях давать перед лордом верховным канцлером клятву, что все, что он собирается печатать, — безусловная истина. Тогда бы никто не вводил в обман доверчивую публику, как это делают некоторые писатели. Желая придать своим сочинениям побольше занимательности, они угощают читателя самыми грубыми вымыслами*.

В юности я с огромным наслаждением прочел немало книг о путешествиях. Но, объехав с тех пор почти весь земной шар, я на основании собственных наблюдений убедился, сколько нелепых басен содержится в этих книгах, и проникся величайшим отвращением к такого рода чтению.

Я отлично знаю, что сочинения, не требующие ни таланта, ни знаний и никаких вообще дарований, кроме хорошей памяти или аккуратного ведения дневника, не могут особенно прославить их автора. Весьма вероятно также, что путешественники, которые по-

сетят впоследствии страны, описанные в этом сочинении, обнаружив мои ошибки и сделав много новых открытий, оттеснят меня на второй план и сами займут мое место, так что мир позабудет, что был когда-то такой писатель. Если бы я писал ради славы, это доставило бы мне большое огорчение, но так как моей единственной заботой является общественное благо, то у меня нет никаких оснований испытывать разочарование.

Признаюсь, что мне нашептывали, будто мой долг английского подданного обязывает меня сейчас же по возвращении на родину представить одному из министров докладную записку о моих открытиях, так как все земли, открытые подданным, принадлежат его королю.

Но я сомневаюсь, чтобы завоевание стран, о которых я говорю, далось нам так легко, как завоевание Фердинандом Кортесом* беззащитных американцев. Л и л и п у т ы, по моему мнению, едва ли стоят того, чтобы для покорения их снаряжать армию и флот. В то же время я не думаю, чтобы было благоразумно или безопасно произвести нападение на б р о б д и н г н е ж ц е в или чтобы английская армия хорошо себя чувствовала, когда над ней покажется Л е т у ч и й о с т р о в. Правда, г у и г н г н м ы как будто не так хорошо подготовлены к войне. Однако, будь я министром, я никогда не посоветовал бы нападать на них. Их благоразумие, единодушие, бесстрашие и любовь к отечеству с избытком возместили бы все их невежество в военном искусстве. Представьте себе двадцать тысяч гуингнмов, врезавшихся в середину европейской армии, смешавших строй, опрокинувших обозы, превращающих в котлету лица солдат страшными ударами своих копыт.

Было бы гораздо лучше, если бы мы, вместо того, чтобы питать воинственные замыслы против этого благородного народа, обратились бы к нему с просьбой прислать достаточное количество своих сограждан, которые возвысили бы цивилизацию Европы, научив нас соблюдать правила чести, справедливости, правдивости, воздержания, солидарности, мужества, дружбы, доброжелательства и верности. Имена этих добродетелей удержались еще в большинстве европейских языков, и их можно встретить как у современных, так и у древних писателей. Я могу это утверждать, хотя и не принадлежу к числу профессиональных ученых.

Но существует еще и другая причина, удерживающая меня от содействия овладению его величеством открытых мной стран. По правде говоря, меня берет некоторое сомнение насчет справедливости, проявляемой государями в таких случаях. Например: буря несет шайку пиратов в неизвестном им направлении. Наконец юнга открывает с верхушки мачты землю. Пираты выходят

на берег, чтобы заняться грабежом и разбоем. Они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием. Дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве заложников, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву. При первой возможности туда посылают корабли. Туземцы либо изгоняются, либо истребляются, их вождей подвергают пыткам, чтобы принудить выдать свое золото. Всем предоставлена полная свобода для совершения любых бесчеловечных поступков, земля обогащается кровью своих сынов. И эта гнусная шайка мясников, занимающаяся столь благочестивыми делами, образует современную колонию, предназначенную для насаждения цивилизации среди дикарей-идолопоклонников и обращения их в христианство.

Но это описание, разумеется, не имеет никакого отношения к британской нации. Эта нация может служить примером для всего мира благодаря своей мудрости, заботливости и справедливости в насаждении колоний. Она неуклонно содействует преуспеянию религии и просвещения; она подбирает самых способных священников для распространения христианства; она чрезвычайно осмотрительно заселяет свои колонии добропорядочными и воздержанными на язык жителями метрополии; она подает прекрасный пример строжайшего уважения к справедливости, замещая административные должности во всех своих колониях чиновниками величайших дарований, совершенно чуждыми всякой порочности и продажности; и в довершение всего — она назначает бдительных и добродетельных губернаторов, которые горячо заботятся о благоденствии взверженного их управлению населения и строго блюдут честь своего государя.

Но так как населения описанных мной стран, по-видимому, не имеют никакого желания быть завоеванными, обращенными в рабство, истребленными или изгнанными колонистами и так как сами эти страны не изобилуют ни золотом, ни серебром, ни сахаром, ни табаком, то, по моему скромному мнению, они весьма мало подходят для проявления нашего усердия и нашей доблести. Однако если те, кого это ближе касается, считают нужным держаться другого мнения, то я готов засвидетельствовать под присягой, что ни один европеец не посещал этих стран до меня. Некоторые сомнения могут возникнуть лишь по отношению к двум еху, которых, по преданию, видели много веков тому назад на одной горе в Гуингнгии и от которых, как гласит тоже предание, произошел весь род этих гнусных скотов. Эти двое еху были, должно быть, англичане — так я склонен заключить на основании черт лица их

потомства, хотя они и очень обезображены. Но насколько факт этот может быть подтвержден, предоставляю судить знатокам колониальных законов.

Что же касается формального захвата открытых стран от имени моего государя, то такая мысль никогда не приходила мне в голову. Впрочем, если бы я и подумал об этом, то, принимая во внимание мое тогдашнее положение, я, пожалуй, поступил бы благоразумно, отложив осуществление этой формальности до более благоприятного случая.

Ответив, таким образом, на единственный упрек, который можно сделать мне как путешественнику, я окончательно прощаюсь со всеми моими любезными читателями и удаляюсь в свой садик в Редрифе. Там я буду наслаждаться воспоминаниями о блаженной стране гуингнмов, буду стараться просвещать еху, насколько эти животные вообще поддаются просвещению; буду почаще смотреть на свое отражение в зеркале и таким образом, если возможно, постепенно приучать себя выносить вид человека; буду сокрушаться о дикости гуингнмов на моей родине, но всегда относиться к их личности с уважением ради моего благородного хозяина, его семьи, друзей и всего рода гуингнмов, на которых наши лошади имеют честь походить по строению своего тела, значительно уступая им по своим умственным способностям.

С прошлой недели я начал позволять моей жене садиться обедать вместе со мной на дальнем конце длинного стола и отвечать (как можно короче) на мои вопросы. И хотя для человека пожилого трудно отучиться от старых привычек, однако я не теряю надежды, что через некоторое время я буду способен переносить общество еху-соседей и перестану страшиться их зубов и когтей.

Мне было бы гораздо легче примириться со всем родом еху, если бы они довольствовались теми пороками и безрассудствами, которыми наделила их природа. Меня ничуть не раздражает вид стряпчего, карманного вора, шута, вельможи, игрока, политика, сводника, врача, лжесвидетеля, соблазнителя, предателя и им подобных: существование всех их в порядке вещей. Но когда я вижу, как животное, насквозь проникнутое всякими пороками и болезнями, прибавляет к ним еще гордость и высокомерие, терпение мое немедленно истощается. Я никогда не способен буду понять, как такое животное может притязать на гордость и высокомерие. У мудрых и добродетельных гуингнмов, одаренных всеми добродетелями, какие только могут украшать разумное существо, нет даже слова для обозначения этих пороков. Но благодаря моему большому опыту я ясно различал некоторые зачатки гордости и высокомерия среди диких еху. Однако гуингнммы, живущие под

властью разума, так же мало гордятся своими хорошими качествами, как я горжусь тем, что у меня две руки; ни один человек, находясь в здравом уме, не станет кичиться этим, хотя и будет очень несчастен, если лишится одной из них. Я так долго останавливаюсь на этом предмете из желания сделать, по мере моих сил, общество английских еху более переносимым для меня. Поэтому я очень прошу лиц, в какой-нибудь степени запятнанных пороками гордости и высокомерия, не отваживаться попадаться мне на глаза.

К О Н Е Ц

РУДОЛЬФ ЭРИХ
РАСПЭ

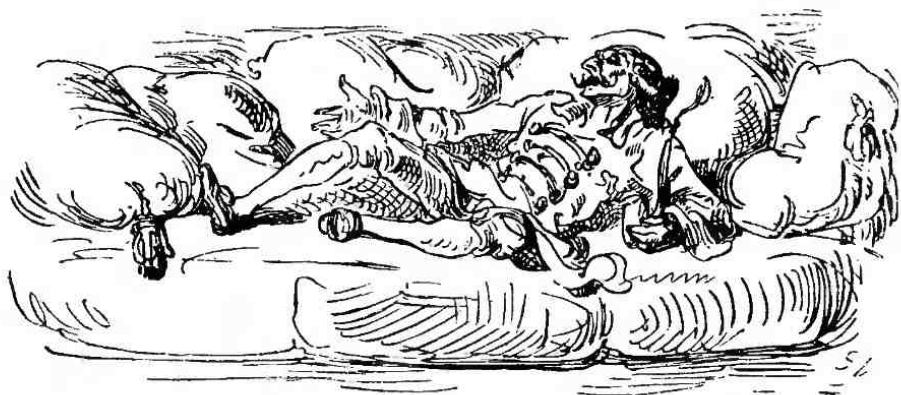
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА
МЮНХГАУЗЕНА

Рассказы

*В пересказе для детей
Корнея Чуковского*

Rudolf Erich Raspe

Иллюстрации Гюстава Доре

САМЫЙ ПРАВДИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Маленький старичок с длинным носом сидит у камина и рассказывает о своих приключениях.

Его слушатели смеются ему прямо в глаза:

— Ай да Мюнхгаузен! Вот так барон!

Но он даже не смотрит на них.

Он спокойно продолжает рассказывать, как он летал на Луну, как он жил среди трехногих людей, как его проглотила огромная рыба, как у него оторвалась голова.

Однажды какой-то проезжий слушал-слушал его и вдруг как закричал:

— Все это выдумки! Ничего этого не было, о чем ты рассказываешь.

Старичок насупился и важно ответил:

— Те графы, бароны, князья и султаны, которых я имел честь называть лучшими своими друзьями, всегда говорили, что я самый правдивый человек на земле.

Кругом захохотали еще громче.

— Мюнхгаузен — правдивый человек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

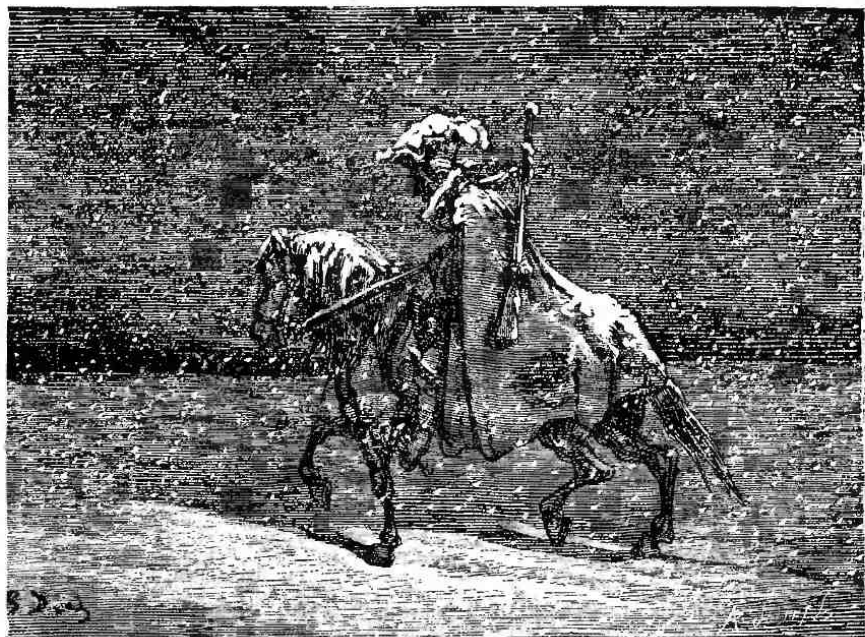
А Мюнхгаузен, как ни в чем не бывало, продолжал рассказывать о том, какое на голове у оленя выросло чудесное дерево.

— Дерево?.. На голове у оленя?!

— Да. Вишневое. И на дереве вишни. Такие сочные, сладкие...

Все эти рассказы напечатаны здесь, в этой книге. Прочтите их и судите сами, был ли на земле человек правдивее барона Мюнхгаузена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЬ НА КРЫШЕ

выехал в Россию верхом на коне.

Дело было зимою. Шел снег.

Конь устал и начал спотыкаться. Мне сильно хотелось спать. Я чуть не падал с седла от усталости. Но напрасно искал я ночлега: в пути не попалось мне ни одной деревушки.

Что было делать?

Пришлось ночевать в открытом поле.

Кругом ни куста, ни дерева. Только малень-

кий столбик торчал из-под снега.

К этому столбику я кое-как привязал своего озябшего коня, а сам улегся тут же на снегу и заснул.

Спал я долго, а когда проснулся, увидел, что лежу не в поле, а в деревне, или, вернее, в небольшом городке, со всех сторон меня окружают дома.

Что такое? Куда я попал? Как могли эти дома вырасти здесь в одну ночь?

И куда девался мой конь?

Долго я не понимал, что случилось. Вдруг слышу знакомое ржание. Это ржет мой конь.

Но где же он?

Ржание доносится откуда-то сверху.

Я поднимаю голову — и что же?

Мой конь висит на крыше колокольни! Он привязан к самому кресту!

В одну минуту я понял, в чем дело.

Вчера вечером весь этот городок, со всеми людьми и домами, был занесен глубоким снегом, а наружу торчала только верхушка креста.

Я не знал, что это крест, мне показалось, что это — маленький столбик, и я привязал к нему моего усталого коня! А ночью, пока я спал, началась сильная оттепель, снег растаял, и я незаметно опустился на землю.

Но бедный мой конь так и остался там, наверху, на крыше. Привязанный к кресту колокольни, он не мог спуститься на землю.

Что делать?

Не долго думая, хватаю пистолет, метко прицеливаюсь и попадаю прямо в уздечку, потому что я всегда был отличным стрелком.

Уздечка — пополам.

Конь быстро спускается ко мне.

Я вскакиваю на него и, как ветер, скачу вперед.

ВОЛК, ЗАПРЯЖЕННЫЙ В САНИ

Но зимою скакать на коне неудобно, — гораздо лучше путешествовать в санях. Я купил себе очень хорошие сани и быстро понесся по мягкому снегу.

К вечеру въехал я в лес. Я начал уже дремать, как вдруг услышал тревожное ржание лошади. Оглянувшись и при свете луны увидел страшного волка, который, разинув зубастую пасть, бежал за моими санями.

Надежды на спасение не было.

Я лег на дно саней и от страха закрыл глаза.
Лошадь моя неслась, как безумная. Щелканье волчьих зубов
раздавалось у меня над самым ухом.
Но, к счастью, волк не обратил на меня никакого внимания.

Он перескочил через сани — прямо у меня над головой — и набросился на мою бедную лошадь.

В одну минуту задняя часть моей лошади исчезла в его прожорливой пасти.

Передняя часть от ужаса и боли продолжала скакать вперед.

Волк въедался в мою лошадь все глубже и глубже.

Когда я пришел в себя, я схватил кнут и, не теряя ни минуты, стал хлестать ненасытного зверя.

Он завыл и рванулся вперед.

Передняя часть лошади, еще не съеденная волком, выпала из упряжки в снег, и волк оказался на ее месте — в оглоблях и в конской сбруе!

Вырваться из этой сбруи он не мог: он был запряжен, как лошадь.

Я продолжал стегать его что было силы.

Он мчался вперед и вперед, таща за собой мои сани.

Мы неслись так быстро, что уже через два-три часа въехали галопом в Петербург.

Изумленные петербургские жители толпами выбегали смотреть на героя, который вместо лошади запряг в свои сани свирепого волка.

ИСКРЫ ИЗ ГЛАЗ

В Петербурге мне жилось хорошо.

Я часто ходил на охоту и теперь с удовольствием вспоминаю то веселое время, когда со мною чуть не каждый день случалось только чудесных историй.

Одна история была очень забавна.

Дело в том, что из окна моей спальни был виден обширный пруд, где водилось очень много всякой дичи.

Однажды утром, подойдя к окну, я заметил на пруду диких уток.

Мигом схватил я ружье и сломя голову выбежал из дому.

Но впопыхах, сбегая с лестницы, я ударился головою о дверь, да так сильно, что из глаз у меня посыпались искры.

Это не остановило меня.

Я побежал дальше. Вот, наконец, и пруд. Прицеливаюсь в самую жирную утку, хочу выстрелить — и, к ужасу моему, замечаю, что в ружье нет кремня. А без кремня невозможно стрелять.

Побежать домой за кремнем?

Но ведь утки могут улететь.

Я печально опустил ружье, проклиная свою судьбу, и вдруг мне пришла в голову блестящая мысль.

Из всей силы я ударил себя кулаком по правому глазу. Из глаза, конечно, так и посыпались искры, и порох в то же мгновение вспыхнул.

Да! Порох вспыхнул, ружье выстрелило, и я убил одним выстрелом десять отличнейших уток.

Советую вам всякий раз, когда вы вздумаете развести огонь, добывать из правого глаза такие же искры.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ОХОТА

Впрочем, со мною бывали и более забавные случаи.

Как-то раз я пробыл на охоте весь день и к вечеру набрел в глухом лесу на обширное озеро, которое так и кишело дикими утками. В жизнь свою не видел я такого множества уток!

К сожалению, у меня не осталось ни одной пули.

А я как раз этим вечером ждал к себе большую компанию друзей, и мне хотелось угостить их дичью. Я вообще человек гостеприимный и щедрый. Мои обеды и ужины славились на весь Петербург. Как я вернусь домой без уток?

Долго я стоял в нерешительности и вдруг вспомнил, что в моей охотничьей сумке остался кусочек сала.

Ура! Это сало будет отличной приманкой! Достаю его из сумки, быстро привязываю его к длинной и тонкой бечевке и бросаю в воду.

Утки, увидев съестное, тотчас же подплывают к салу. Одна из них жадно глотает его.

Но сало скользкое и, быстро пройдя сквозь утку, выскакивает у нее позади!

Таким образом утка оказывается у меня на веревочке.

Тогда к салу подплывает вторая утка, и с ней происходит то же самое.

Утка за уткой проглатывают сало и надеваются на мою бечевку, как бусы на нитку. Не проходит и десяти минут, как все утки нанизаны на нее.

Можете себе представить, как весело было мне смотреть на такую богатую добычу! Мне оставалось только вытащить пойманных уток и отнести к моему повару на кухню.

То-то будет пир для моих друзей!

Но тащить это множество уток оказалось не так-то легко.

Я сделал несколько шагов и ужасно устал. Вдруг — можете себе представить мое изумление! — утки взлетели на воздух и подняли меня к облакам.

Другой на моем месте растерялся бы, но я человек храбрый и находчивый.

Я устроил руль из моего сюртука и, управляя утками, быстро подлетел к дому.

Но как спуститься вниз?

Очень просто! Моя находчивость помогла мне и здесь. Я свернул несколько уткам головы, и мы начали медленно опускаться на землю.

Я попал как раз в трубу моей собственной кухни! Если бы вы только видели, как был изумлен повар, когда я появился перед ним в очаге!

К счастью, повар еще не успел развести огонь.

КУРОПАТКИ НА ШОМПОЛЕ

О, находчивость — великая вещь! Как-то мне случилось одним выстрелом подстрелить семь куропаток. После этого даже враги мои не могли не признать, что я — первый стрелок на всем свете, что такого стрелка, как Мюнхгаузен, еще никогда не бывало!

Дело было так.

Я возвращался с охоты, истратив все свои пули. Вдруг у меня из-под ног выпорхнуло семь куропаток. Конечно, я не мог допустить, чтобы от меня ускользнула такая отличная дичь.

Я зарядил мое ружье — чем бы вы думали? — шомполом! Да, обыкновеннейшим шомполом, то есть железной круглой палочкой, которой прочищают ружье!

Затем я подбежал к куропаткам, вспугнул их и выстрелил.

Куропатки взлетели одна за другой, и мой шомпол проткнул сразу семерых. Все семь куропаток свалились к моим ногам!

Я поднял их и с изумлением увидел, что они — жареные! Да, они были жареные!

Впрочем, иначе и быть не могло: ведь мой шомпол сильно нагрелся от выстрела, и куропатки, попав на него, не могли не изжариться.

Я сел на траву и тут же пообедал с большим аппетитом.

ЛИСИЦА НА ИГОЛКЕ

Да, находчивость — самое главное в жизни, и не было на свете человека находчивее барона Мюнхгаузена.

Однажды в русском дремучем лесу мне попалась чернобурая лисица.

Шкура этой лисицы была так хороша, что мне стало жаль портить ее пулей или дробью.

Не медля ни минуты, я вынул пулю из ружейного ствола и, зарядив ружье длинной сапожной иглой, выстрелил в эту лисицу. Так как она стояла под деревом, игла крепко пригвоздила ее хвост к самому стволу.

Я не спеша подошел к лисице и начал хлестать ее плеткой.

Она так ошалела от боли, что — поверите ли? — выскочила из своей шкуры и убежала от меня нагишом. А шкура досталась мне целая, не испорченная ни пулей, ни дробью.

СЛЕПАЯ СВИНЬЯ

Да, много бывало со мною всяких удивительных случаев!

Пробираюсь я как-то раз через чащу дремучего леса и вижу: бежит дикий поросенок, совсем еще маленький. а за поросенком — большая свинья.

Я выстрелил, но — увы — промахнулся.

Пуля моя пролетела как раз между поросенком и свиньей.

Поросенок завизжал и юркнул в лес, а свинья осталась на месте, как вкопанная.

Я удивился: почему и она не бежит от меня? Но, подойдя ближе, я понял, в чем дело. Свинья была слепая и не разбирала дороги. Она могла гулять по лесам, лишь держась за хвостик своего поросенка.

Моя пуля оторвала этот хвостик. Поросенок убежал, а свинья, оставшись без него, не знала, куда ей идти. Беспомощно стояла она, держа в зубах обрывок его хвостика. Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я схватил этот хвостик и повел свинью к себе на кухню. Бедная слепая покорно плелась вслед за мною, думая, что ее по-прежнему ведет поросенок!

Да, я должен повторить еще раз, что находчивость — великая вещь!

КАК Я ПОЙМАЛ КАБАНА

В другой раз мне попался в лесу дикий кабан.

Справиться с ним было гораздо труднее. У меня даже ружья с собой не было.

Я бросился бежать, но он помчался за мною, как бешеный, и непременно проколол бы меня своими клыками, если бы я не спрятался за первым попавшимся дубом.

Кабан с разбегу налетел на дуб, и его клыки так глубоко вонзились в ствол дерева, что он не мог вытащить их оттуда.

— Ага, попался, голубчик! — сказал я, выходя из-за дуба. — погоди! Теперь ты от меня не уйдешь!

И, взяв камень, я стал еще глубже вколачивать в дерево острые клыки, чтобы кабан не мог освободиться, а затем связал его крепкой веревкой и, взвалив на телегу, с торжеством повез к себе домой.

То-то удивлялись другие охотники! Они и представить себе не могли, что такого свирепого зверя можно поймать живьем, не истратив ни единого заряда.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Впрочем, со мной случались чудеса и почище.

Иду я как-то по лесу и угощаюсь сладкими, сочными вишнями, которые купил по дороге.

И вдруг прямо передо мной — олень! Стройный, красивый, с огромными ветвистыми рогами!

А у меня, как назло, ни одной пули!

Олень стоит и преспокойно глядит на меня, словно знает, что у меня ружье не заряжено.

К счастью, у меня осталось еще несколько вишен, и я зарядил ружье вместо пули вишневой косточкой. Да, да, не смейтесь, обыкновенной вишневой косточкой.

Раздался выстрел, но олень только головой помотал. Косточка попала ему в лоб и не причинила никакого вреда. В одно мгновение он скрылся в лесной чаще.

Я очень жалел, что упустил такого прекрасного зверя.

Год спустя я снова охотился в том же лесу. Конечно, к тому времени я совсем позабыл об истории с вишневой косточкой.

Каково же было мое изумление, когда из чащи леса прямо на меня выпрыгнул великолепный олень, у которого между рогами росло высокое, развесистое вишневое дерево! Ах, поверьте, это было очень красиво: стройный олень и на голове у него — стройное дерево! Я сразу догадался, что это дерево выросло из той маленькой косточки, которая в прошлом году послужила мне пулей. На этот раз у меня не было недостатка в зарядах. Я прицелился, выстрелил, и олень замертво грохнулся на землю. Таким образом, с одного выстрела я сразу получил и жаркое и

вишневый компот, потому что дерево было покрыто крупными, спелыми вишнями.

Должен сознаться, что более вкусных вишен я не пробовал за всю свою жизнь.

ВОЛК НАИЗНАНКУ

Не знаю почему, но со мною часто случалось, что самых свирепых и опасных зверей я встречал в такую минуту, когда был не вооружен и беспомощен.

Иду как-то лесом, а навстречу мне — волчище. Разинул пасть — и прямо на меня.

Что делать? Бежать? Но волк уже набросился на меня, опрокинул и сейчас перегрызет мне горло. Другой на моем месте растерялся бы, но вы знаете барона Мюнхгаузена! Я решителен, находчив и смел. Ни минуты не медля, я засунул кулак волку в пасть и, чтобы он не откусил мне руку, всовывал ее все глубже и глубже. Волк свирепо глядел на меня. Глаза его сверкали от ярости. Но я знал, что, если я выдерну руку, он разорвет меня на мелкие части, и потому бесстрашно всовывал ее дальше и дальше. И вдруг мне пришла в голову великолепная мысль: я захватил его внутренности, крепко рванул и вывернул его, как рукавицу, наизнанку!

Разумеется, что после такой операции он замертво упал к моим ногам.

Я сшил из его шкуры отличную теплую куртку и, если вы не верите мне, охотно покажу ее вам.

БЕШЕНАЯ ШУБА

Впрочем, в моей жизни бывали события и пострашнее, чем встреча с волками.

Как-то раз за мной погналась бешеная собака.

Я кинулся от нее со всех ног.

Но на плечах у меня была тяжелая шуба, которая мешала мне бежать.

Я сбросил ее на бегу, вбежал в дом и захлопнул за собой дверь. Шуба так и осталась на улице.

Бешеная собака накинулась на нее и стала кусать ее с яростью. Мой слуга выбежал из дому, поднял шубу и повесил ее в том шкафу, где висела моя одежда.

На другой день рано утром он вбегает в мою спальню и кричит испуганным голосом:

— Вставайте! Вставайте! Ваша шуба взбесилась!

Я вскакиваю с постели, открываю шкаф, — что же я вижу?! Все мои платья разорваны в клочья!

Слуга оказался прав: моя бедная шуба взбесилась, так как вчера ее искусила бешеная собака.

Шуба яростно набросилась на мой новый мундир, и от него только лоскутки полетели.

Я схватил пистолет и выстрелил.

Бешеная шуба мгновенно затихла. Тогда я приказал моим людям связать ее и повесить в отдельном шкафу.

С тех пор она уже никого не кусала, и я надевал ее без всякой боязни.

ВОСЬМИНОГИЙ ЗАЯЦ

Да, немало чудесных историй случилось со мною в России.

Однажды я преследовал необыкновенного зайца.

Заяц был на диво быстроногий. Скачет все вперед и вперед — и хоть бы присел отдохнуть.

Два дня я гнался за ним, не слезая с седла, и никак не мог догнать его.

Моя верная собака Дианка не отставала от него ни на шаг, но я никак не мог приблизиться к нему на расстояние выстрела.

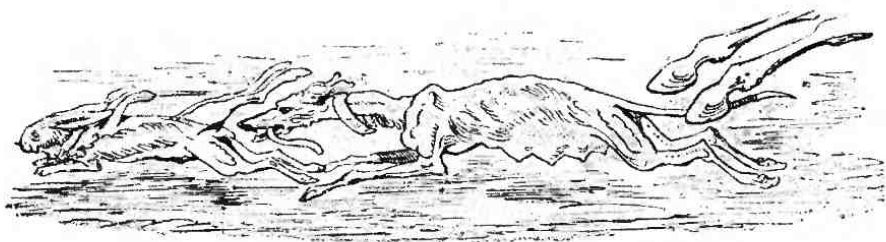
На третий день мне все-таки удалось подстрелить этого проклятого зайца.

Чуть только он упал на траву, я соскочил с лошади и бросился рассматривать его.

Представьте себе мое удивление, когда я увидел, что у этого зайца, кроме его обычных ног, были еще запасные. У него было четыре ноги на животе и четыре на спине!

Да, на спине у него были отличные, крепкие ноги! Когда нижние ноги у него уставали, он переворачивался на спину, брюхом вверх, и продолжал бежать на запасных ногах.

Не мудрено, что я, как угорелый, трое суток гонялся за ним!

ЧУДЕСНАЯ КУРТКА

К сожалению, догоняя восьминогого зайца, моя верная собака так устала от трехдневной погони, что упала на землю и через час умерла.

Я чуть не заплакал от горя и, чтобы сохранить память о своей умершей любимице, приказал сшить себе из ее шкуры охотничью куртку.

С тех пор мне уж не нужно ни ружья, ни собаки.

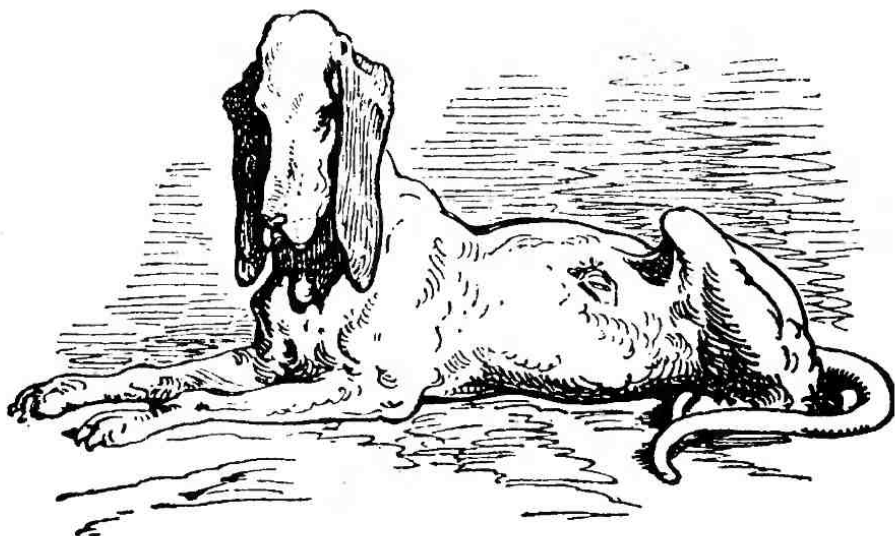
Всякий раз, когда я бываю в лесу, моя куртка так и тянет меня туда, где прячется волк или заяц.

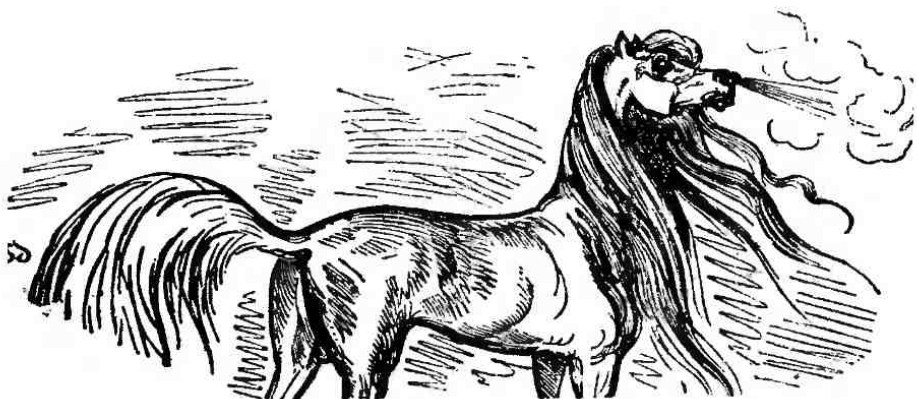
Когда я приближаюсь к дичи на расстояние выстрела, от куртки отрывается пуговица и, как пуля, летит прямо в зверя! Зверь падает на месте, убитый удивительной пуговицей.

Эта куртка и сейчас на мне.

Вы, кажется, не верите мне, вы улыбаетесь? Но посмотрите сюда, и вы убедитесь, что я рассказываю вам чистейшую правду: разве вы не видите своими глазами, что теперь на моей куртке осталось всего две пуговицы? Когда я снова пойду на охоту, я пришью к ней не меньше трех дюжин.

Вот будут завидовать мне другие охотники!

КОНЬ НА СТОЛЕ

Я, кажется, еще ничего не рассказывал вам о своих лошадях?

Между тем у меня и с ними случалось немало чудесных историй.

Дело было в Литве. Я гостил у одного приятеля, который страстно любил лошадей.

И вот, когда он показывал гостям лучшего своего коня, которым он особенно гордился, конь сорвался с узды, опрокинул четырех конюхов и помчался по двору, как безумный.

Все в страхе разбежались.

Не нашлось ни одного смельчака, который дерзнул бы приблизиться к раскисневшему животному.

Только я один не растерялся, потому что, обладая удивительной храбростью, я с детства умею обуздывать самых диких коней.

Одним прыжком я вскочил коню на хребет и мгновенно укротил его. Сразу почувствовав мою сильную руку, он покорился мне, словно малый ребенок. С торжеством объехал я весь двор, и вдруг мне захотелось показать свое искусство дамам, которые сидели за чайным столом.

Как же это сделать?

Очень просто! Я направил коня к окну и, как вихрь, влетел в столовую.

Дамы сперва очень испугались. Но я заставил коня вспрыгнуть на чайный стол и так искусно прогарцевал среди рюмок и чашек, что не разбил ни одной рюмки, ни одного самого маленького блюда.

Это очень понравилось дамам; они стали смеяться и хлопать в ладоши, а мой друг, очарованный моей удивительной ловкостью, просил меня принять эту великолепную лошадь в подарок.

Я был очень рад его подарку, так как собирался на войну и давно подыскивал себе скакуна.

Через час я уже мчался на новом коне по направлению к Турции, где в то время шли жестокие бои*.

ПОЛКОНЯ

В боях я, конечно, отличался отчаянной храбростью и впереди всех налетал на врага.

Однажды после жаркого сражения с турками мы захватили неприятельскую крепость. Я первый ворвался в нее и, прогнав из крепости всех турок, подскакал к колодцу — напоить разгоряченного коня. Конь пил и никак не мог утолить свою жажду. Прошло несколько часов, а он все не отрывался от колодца. Что за чудо! Я был изумлен. Но вдруг позади меня послышался странный плеск.

Я посмотрел назад и от удивления чуть не свалился с седла.

Оказалось, что вся задняя часть моего коня была отрезана начисто, и вода, которую он пил, свободно выливалась позади, не задерживаясь у него в животе! От этого за моей спиной образовалось обширное озеро. Я был ошеломлен. Что за странность?

Но вот прискакал ко мне один из моих солдат, и загадка мигом объяснилась.

Когда я скакал за врагами и ворвался в ворота неприятельской крепости, турки как раз в ту минуту захлопнули эти ворота и отрезали заднюю половину моего коня. Словно разрубили его пополам! Эта задняя половина некоторое время оставалась неподалеку от ворот, брыкаясь и разгоняя турок ударами копыт, а затем усакала на соседний луг.

— Она там пасется и сейчас! — сообщил мне солдат.

— Пасется? Не может быть!

— Посмотрите сами.

Я помчался на передней половине коня по направлению к лугу. Там я действительно нашел заднюю половину коня. Она мирно паслась на зеленой поляне.

Я немедленно послал за военным врачом, и он, не долго думая, сшил обе половины моей лошади тонкими лавровыми прутьями, так как ниток у него под рукой не случилось.

Обе половины отлично срослись, а лавровые ветки пустили корни в теле моей лошади, и через месяц у меня над седлом образовалась беседка из лавровых ветвей.

Сидя в этой уютной беседке, я совершил немало удивительных подвигов.

ВЕРХОМ НА ЯДРЕ

Впрочем, во время войны мне довелось ездить верхом не только на конях, но и на пушечных ядрах.

Произошло это так.

Мы осаждали какой-то турецкий город, и понадобилось нашему командиру узнать, много ли в том городе пушек.

Но во всей нашей армии не нашлось храбреца, который согласился бы незаметно пробраться в неприятельский лагерь.

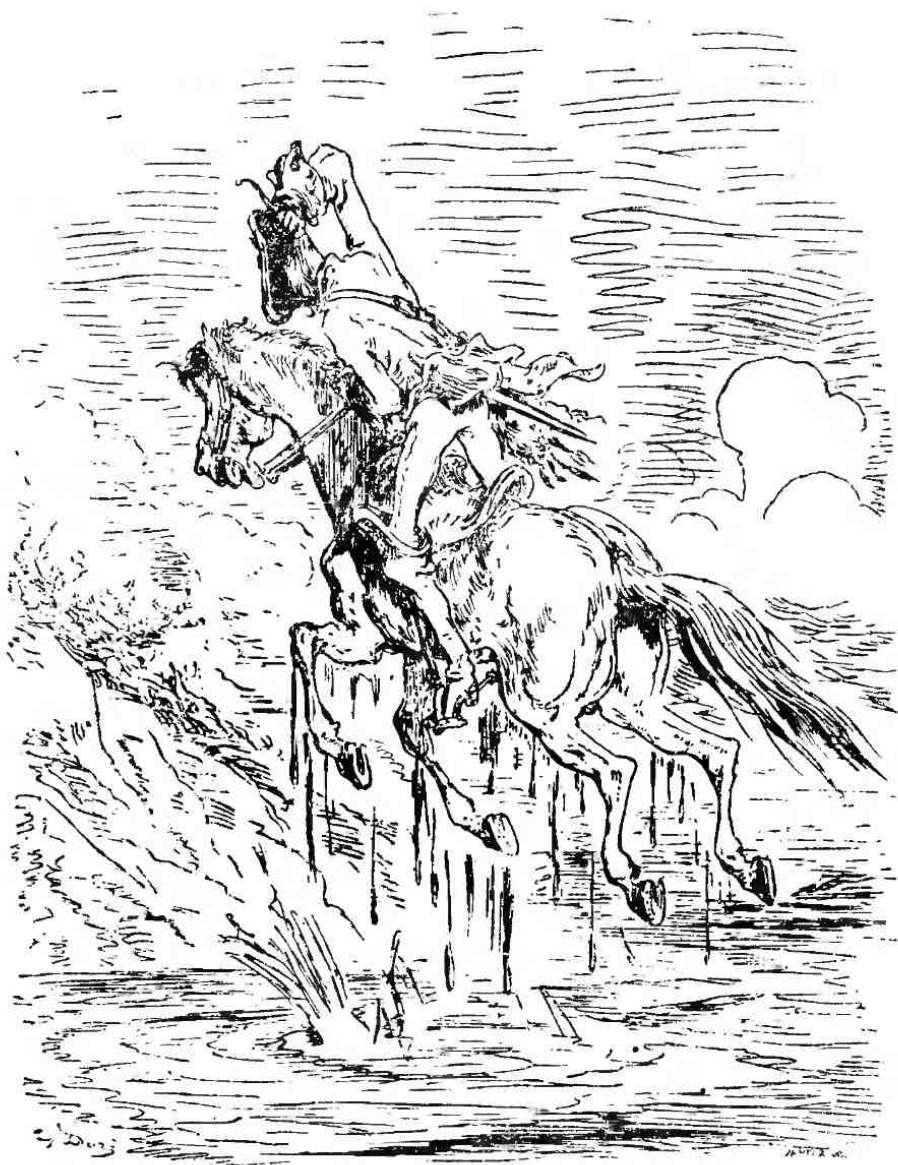
Храбрее всех, конечно, оказался я.

Я стал рядом с огромнейшей пушкой, которая палила по турецкому городу, и когда из пушки вылетело ядро, я вскочил на него верхом и лихо понесся вперед. Все в один голос воскликнули:

— Браво, браво, барон Мюнхгаузен!

Сперва я летел с удовольствием, но когда вдали показался неприятельский город, меня охватили тревожные мысли.

«Гм! — сказал я себе. — Влететь-то ты, пожалуй, влетишь, но удастся ли тебе оттуда выбраться? Враги не станут церемониться с тобою, они схватят тебя, как шпиона, и повесят на ближайшей виселице. Нет, милый Мюнхгаузен, надо тебе возвращаться, пока не поздно!»

В эту минуту мимо меня пролетало встречное ядро, пущенное турками в наш лагерь.

Не долго думая, я пересел на него и, как ни в чем не бывало, помчался обратно.

Конечно, во время полета я тщательно пересчитал все турецкие пушки и привез своему командиру самые точные сведения об артиллерии врага.

ЗА ВОЛОСЫ

Вообще за время этой войны со мною было немало приключений.

Однажды, спасаясь от турок, попробовал я перепрыгнуть болото верхом на коне. Но конь не допрыгнул до берега, и мы с разбегу шлепнулись в жидкую грязь.

Шлепнулись — и стали тонуть. Спасенья не было.

Болото с ужасной быстротой засасывало нас глубже и глубже. Вот уже все туловище моего коня скрылось в зловонной грязи, вот уже и моя голова стала погружаться в болото, и оттуда торчит лишь косичка моего парика.

Что было делать? Мы непременно погибли бы, если бы не удивительная сила моих рук. Я страшный силач. Схватив себя за эту косичку, я изо всех сил дернул вверх и без большого труда вытащил из болота и себя и своего коня, которого крепко сжал обеими ногами, как щипцами.

Да, я приподнял на воздух и себя, и своего коня, и если вы думаете, что это легко, попробуйте проделать это сами.

ПЧЕЛИНЫЙ ПАСТУХ И МЕДВЕДИ

Но ни сила, ни храбрость не спасли меня от страшной беды.

Однажды во время боя турки окружили меня, и, хотя я бился, как тигр, я все же попал к ним в плен.

Они связали меня и продали в рабство.

Для меня начались черные дни. Правда, работу мне давали не трудную, но довольно скучную и надоедливую: меня назначили пчелиным пастухом. Каждое утро я должен был выгонять султановых пчел на лужайку, пасти их весь день, а вечером загонять обратно в ульи.

Вначале все шло хорошо, но вот как-то раз, пересчитав своих пчел, я заметил, что одной не хватает.

Я отправился искать ее и скоро увидел, что на нее напали два огромных медведя, которые, очевидно, хотели разорвать ее надвое и полакомиться ее сладким медом.

У меня не было с собой никакого оружия — только маленький серебряный топорик.

Я размахнулся и запустил этим топориком в жадных зверей, чтобы испугать их и освободить бедную пчелку. Медведи бросились бежать, и пчелка была спасена. Но, к несчастью, я не рассчитал размаха своей могучей руки и швырнул топорик с такой силой, что он задел на Луну. Да, на Луну. Вы качаете головой и смеетесь, а мне в ту пору было не до смеха.

Я задумался.

Что же мне делать? Где достать такую длинную лестницу, чтобы добраться до самой Луны?

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

К счастью, я вспомнил, что в Турции есть такой огородный овощ, который растет очень быстро и порою достигает до самого неба.

Это — турецкие бобы. Ни минуты не медля, я посадил в землю один из таких бобов, и он тотчас же начал расти.

Он рос все выше и выше и вскоре дотянулся до Луны!

— Ура! — воскликнул я и полез по стеблю вверх.

Через час я очутился на Луне.

Нелегко мне было найти на Луне серебряный свой топорик. Луна серебряная, и топорик серебряный — серебра на серебре не видно. Но в конце концов я все же отыскал мой топорик на куче гнилой соломы.

Я с радостью засунул его за пояс и хотел спуститься вниз на Землю.

Но не тут-то было: солнце высушило мой бобовый стебелек, и он рассыпался на мелкие части!

Увидя это, я чуть не заплакал от горя.

Что делать? Что делать? Неужели мне никогда не вернуться на Землю? Неужели я так и останусь всю жизнь на этой постылой Луне? О нет! Ни за что! Я подбежал к соломе и начал вить из нее веревку. Веревка вышла недлинная, но что за беда! Я начал спускаться по ней. Одной рукой я скользил по веревке, а другой держал топорик.

Но скоро веревка кончилась, и я повис в воздухе, между небом и землей. Это было ужасно, но я не растерялся. Не долго думая, я схватил топорик и, крепко взявшись за нижний конец веревки, отрубил ее верхний конец и привязал его к нижнему. Это дало мне возможность спуститься ниже к Земле.

Но все же до Земли было далеко. Много раз приходилось мне отрубать верхнюю половину веревки и привязывать ее к нижней. Наконец я спустился так низко, что мог рассмотреть городские дома и дворцы. До Земли оставалось всего три или четыре мили.

И вдруг — о ужас! — веревка оборвалась. Я грохнулся наземь с такой силой, что пробил яму глубиною, по крайней мере, в полмили.

Придя в себя, я долго не знал, как мне выкарабкаться из этой глубокой ямы. Целый день я не ел, не пил, а все думал и думал. И наконец додумался: выкопал ногтями ступеньки и по этой лестнице выбрался на поверхность Земли.

О, Мюнхгаузен нигде не пропадет!

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

Опыт, приобретенный таким тяжелым трудом, делает человека умнее.

После путешествия на Луну я изобрел более удобный способ избавлять своих пчел от медведей.

Вечером я вымазал медом оглоблю телеги и спрятался неподалеку.

Как только стемнело, к телеге подкрался огромный медведь и стал жадно слизывать мед, которым была покрыта оглобля. Обжора так увлекся этим лакомством, что и не заметил, как оглобля вошла ему в глотку, а после в желудок и в конце концов вылезла у него позади.

Этого я только и ждал.

Я подбежал к телеге и вбил в оглоблю позади медведя толстый и длинный гвоздь! Медведь оказался надетым на оглоблю. Теперь уж ему не соскользнуть ни туда, ни сюда. В таком положении я оставил его до утра.

Утром услышал об этой проделке сам турецкий султан и пришел взглянуть на медведя, пойманного при помощи такой удивительной хитрости. Он долго смотрел на него и хохотал до упаду.

ЛОШАДИ ПОД МЫШКАМИ, КАРЕТА НА ПЛЕЧАХ

Вскоре турки отпустили меня на свободу и вместе с другими пленными отправили обратно в Петербург.

Но я решил уехать из России, сел в карету и покатил на родину. Зима в том году была очень холодная. Даже солнце простудилось, отморозило щеки, и у него сделался насморк. А когда солнце простужено, от него вместо тепла идет холод. Можете себе представить, как сильно я продрог в моей карете!

Дорога была узкая. По обеим сторонам шли заборы. Я приказал моему ямщику протрубить в рожок, чтобы встречные экипажи подождали нашего проезда, потому что на такой узкой дороге мы не могли бы разъехаться.

Кучер исполнил мое приказание. Он взял рожок и стал дуть. Дул, дул, дул, но из рожка не вылетало ни звука! А между тем навстречу нам ехал большой экипаж.

Делать нечего, я вылезает из кареты и выпрягаю моих лошадей. Затем взваливаю карету на плечи — а карета тяжело нагруженная! — и одним прыжком переносу карету опять на дорогу, но уже позади экипажа.

Это было нелегко даже мне, а вы знаете, какой я силач. Немного отдохнув, я возвращаюсь к моим лошадям, беру их под мышки и такими же двумя прыжками переносу их к карете. Во время этих прыжков одна из моих лошадей начала отчаянно брыкаться.

Это было не очень удобно. Но я засунул ее задние ноги в карман моего сюртука, и ей поневоле пришлось успокоиться.

Потом я впряг лошадей в карету и спокойно доехал до ближайшей гостиницы.

Приятно было согреться после такого лютого мороза и отдохнуть после такой тяжелой работы!

ОТТАЯВШИЕ ЗВУКИ

Мой кучер повесил рожок неподалеку от печки, а сам подошел ко мне, и мы начали мирно беседовать.

И вдруг рожок заиграл:

«Тру-туту! Тра-тата! Ра-рара!»

Мы очень удивились, но в ту же минуту я понял, почему на морозе из этого рожка нельзя было извлечь ни единого звука, а в тепле он заиграл сам собой.

На морозе звуки замерзли в рожке, а теперь, отогревшись у печки, оттаяли и стали сами вылетать из рожка*.

Мы с кучером в течение всего вечера наслаждались этой очаровательной музыкой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БУРЯ

о не думайте, пожалуйста, что я путешествовал только по лесам и полям. Нет, мне случилось не раз переплывать моря и океаны, и там бывали со мною приключения, каких не бывало ни с кем.

Шли мы как-то в Индию на большом корабле. Погода была отличная. Но, когда мы стояли на якоре у какого-то острова, поднялся ураган. Буря налетела с такой силой, что вырвала на острове несколько тысяч (да, несколько тысяч!) деревьев и понес-

ла их прямо к облакам.

Огромные деревья, весившие сотни пудов, летели так высоко над землей, что снизу казались какими-то перышками.

А чуть только буря кончилась, каждое дерево упало на свое прежнее место и сразу пустило корни, так что на острове не

осталось никаких следов урагана. Удивительные деревья, не правда ли?

Впрочем, одно дерево так и не вернулось на место.

Дело в том, что, когда оно взлетело на воздух, на его ветвях

находился один бедный крестьянин с женой. Зачем лись туда? Очень просто: чтобы нарвать огурцов, так как в той местности огурцы растут на деревьях. Жители острова любят огурцы больше всего на свете и ничего другого не едят. Это их единственная пища.

Бедным крестьянам, подхваченным бурей, невольно пришлось совершить воздушное путешествие под облаками.

Когда буря стихла, дерево начало опускаться на землю. Крестьянин и крестьянка были, как нарочно, очень толстые, они накренили его своей тяжестью, и дерево упало не туда, где росло прежде, а в сторону, причем налетело на тамошнего короля и, к счастью, раздавило его, как букашку.

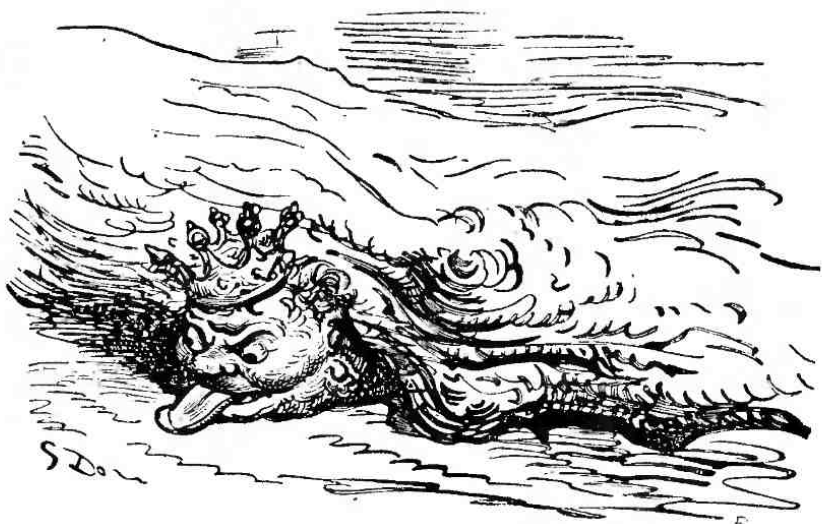
— К счастью? — спросите вы. — Почему же к счастью?

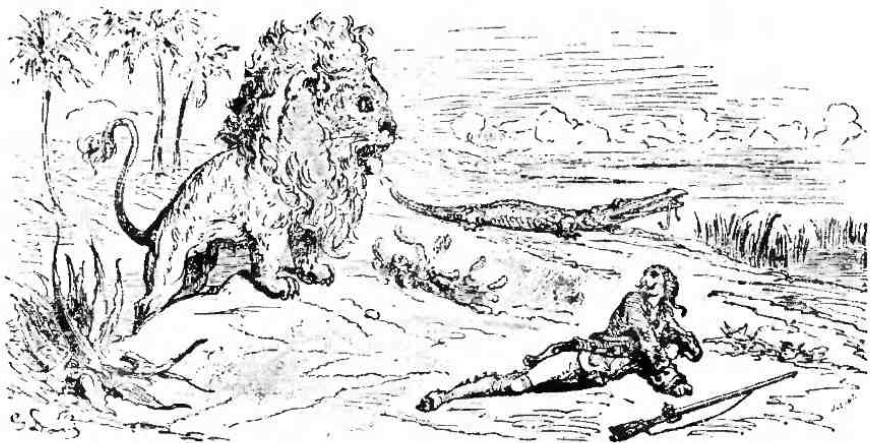
Потому, что этот король был жестокий и зверски мучил всех жителей острова.

Жители были очень рады, что их мучитель погиб, и предложили корону мне:

— Пожалуйста, добрый Мюнхгаузен, будь нашим королем. Сделай нам одолжение, царствуй над нами. Ты такой мудрый и смелый.

Но я наотрез отказался, так как я не люблю огурцов.

МЕЖДУ КРОКОДИЛОМ И ЛЬВОМ

Когда буря кончилась, мы подняли якорь и недели через две благополучно прибыли на остров Цейлон*.

Старший сын цейлонского губернатора предложил мне пойти вместе с ним на охоту.

Я с большим удовольствием согласился. Мы отправились в ближайший лесок. Жара стояла страшная, и я должен сознаться, что с непривычки очень скоро устал.

А сын губернатора, сильный молодой человек, чувствовал себя на этой жаре превосходно. Он жил на Цейлоне с детства.

Цейлонское солнце было ему нипочем, и он бодро шагал по раскаленным пескам.

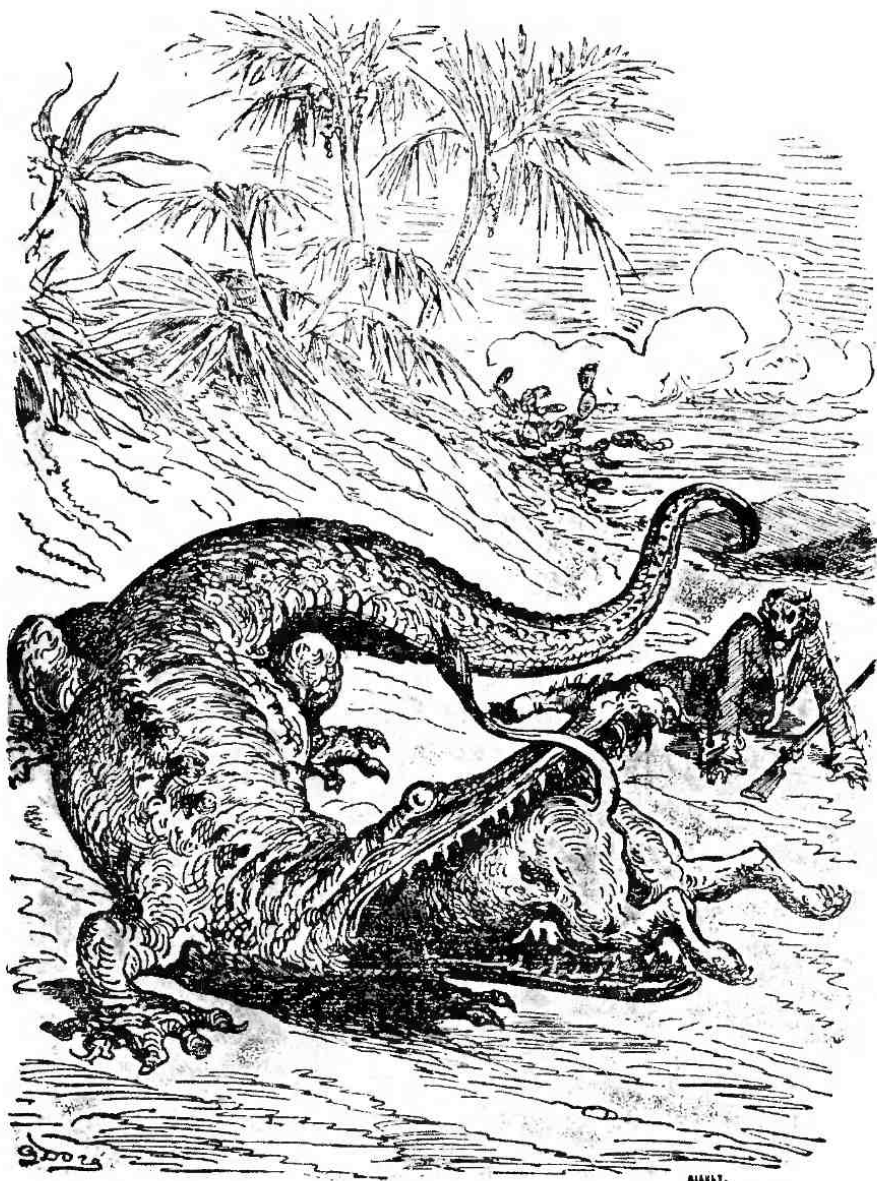
Я отстал от него и вскоре заблудился в чаще незнакомого леса. Иду и слышу шорох. Оглядываюсь: передо мною громаднейший лев, который разинул пасть и хочет меня растерзать. Что тут делать? Ружье мое было заряжено мелкой дробью, которой не убьешь и куропатки. Я выстрелил, но дробь только раздражила свирепого зверя, и он накинулся на меня с удвоенной яростью.

В ужасе я бросился бежать, зная, что это напрасно, что чудовище одним прыжком настигнет меня и растерзает. Но куда я бегу? Впереди передо мною разинул пасть огромный крокодил, готовый проглотить меня в ту же минуту.

Что делать? Что делать?

Сзади — лев, впереди — крокодил, слева — озеро, справа — болото, кишящее ядовитыми змеями.

В смертельном страхе я упал на траву и, закрыв глаза, приготовился к неминуемой гибели. И вдруг у меня над головой

словно что-то прокатилось и грохнуло. Я приоткрыл глаза и увидел изумительное зрелище, которое доставило мне великую радость: оказывается, лев, бросившись на меня в то мгновение, когда я падал на землю, перелетел через меня и угодил прямо в пасть крокодила!

Голова одного чудовища находилась в глотке другого, и оба напрягали все силы, чтобы освободиться друг от друга.

Я вскочил, вытащил охотничий нож и одним ударом отсек голову льва. К моим ногам свалилось бездыханное тело.

Потом, не теряя времени, я схватил ружье и ружейным прикладом стал вколачивать голову льва еще глубже в пасть крокодила, так что тот в конце концов задохся.

Вернувшийся сын губернатора поздравил меня с победой над двумя лесными великанами.

ВСТРЕЧА С КИТОМ

Вы можете понять, что после этого на Цейлоне мне не очень понравилось.

Я сел на военный корабль и отправился в Америку, где нет ни крокодилов, ни львов.

Мы плыли десять дней без приключений, но вдруг невдалеке от Америки с нами случилась беда, мы налетели на подводную скалу.

Удар был такой сильный, что сидевшего на мачте матроса отбросило в море на три мили.

К счастью, падая в воду, он успел ухватиться за клюв пролетавшей мимо красной цапли, и цапля помогла ему продержаться на поверхности моря, пока мы не подобрали его.

Мы налетели на скалу так неожиданно, что я не мог устоять на ногах: меня подбросило вверх, и я ударился головой о потолок своей каюты.

От этого моя голова провалилась ко мне в желудок, и лишь в течение нескольких месяцев мне удалось понемногу вытащить ее оттуда за волосы.

Скала, на которую мы налетели, оказалась вовсе не скалой.

Это был кит колоссальных размеров, который мирно дремал на воде.

Налетев на него, мы разбудили его, и он так разозлился, что схватил наш корабль зубами за якорь и целый день, с утра до ночи, таскал нас по всему океану.

К счастью, в конце концов якорная цепь оборвалась, и мы освободились от кита.

На обратном пути из Америки мы снова встретились с этим китом. Он был мертвый и лежал на воде, занимая своей тушей полмили. Нечего было и думать, чтобы втащить эту громадину на корабль. Поэтому мы отрезали от кита только голову.

И какова же была наша радость, когда, втащив ее на палубу, мы нашли в пасти чудовища и наш якорь и сорок метров корабельной цепи, которая вся помещалась в одной дыре его гнилого зуба!

Но недолго длилась наша радость. Мы обнаружили, что в нашем корабле большая пробоина. Вода так и хлынула в трюм.

Корабль стал тонуть.

Все растерялись, закричали, заплакали, но я быстро придумал, что делать. Даже не снимая штанов, я сел прямо в дыру и заткнул ее своею заднею частью.

Течь прекратилась.

Корабль был спасен.

В ЖЕЛУДКЕ У РЫБЫ

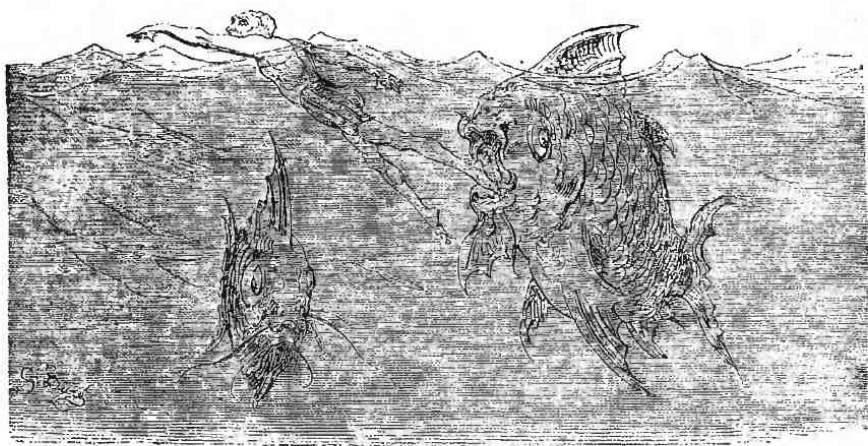
Через неделю мы приехали в Италию.

Был солнечный, ясный день, и я пошел на берег Средиземного моря купаться. Вода была теплая. Я отличный пловец и заплыл далеко от берега.

Вдруг вижу — прямо на меня плывет огромная рыба с широко разинутой пастью! Что было делать? Удрать от нее невозможно, и поэтому я съежился в комок и ринулся в ее разинутую пасть, чтобы поскорее проскользнуть мимо острых зубов и сразу очутиться в желудке.

Не всякому пришла бы в голову такая остроумная хитрость, но я вообще человек остроумный и, как вы знаете, очень находчивый.

В желудке у рыбы оказалось темно, но зато тепло и уютно. Я стал расхаживать в этой темноте, прогуливаться взад и впе-

ред и скоро заметил, что это очень не нравится рыбе. Тогда я начал нарочно топтать ногами, прыгать и танцевать, как безумный, чтобы хорошенько помучить ее.

Рыба завопила от боли и высунула из воды свою огромную морду.

Скоро ее заметили с итальянского корабля, проходившего мимо.

Этого-то я и хотел! Моряки убили ее гарпуном, а потом втащили к себе на палубу и стали советовать, как лучше всего им разрубить необыкновенную рыбину.

Я сидел внутри и, признаться, дрожал от страха; я боялся, как бы эти люди не разрубили и меня вместе с рыбой.

Это было бы ужасно!

Но, к счастью, их топоры не задели меня. Едва только блеснул первый свет, я стал кричать громким голосом на чистейшем итальянском языке (о, я знаю итальянский язык превосходно!), что я рад видеть этих добрых людей, которые освободили меня из моей душной темницы.

Услышав человеческий голос из рыбьего брюха, матросы застыли от ужаса.

Их изумление возросло еще больше, когда из рыбьей пасти выскочил я и приветствовал их любезным поклоном.

МОИ ЧУДЕСНЫЕ СЛУГИ

Спасший меня корабль направлялся в столицу Турции.

Итальянцы, среди которых я теперь очутился, сразу увидели, что я человек замечательный, и предложили мне остаться на корабле вместе с ними. Я согласился, и через неделю мы причалили к турецкому берегу.

Турецкий султан, узнав о моем прибытии, конечно, пригласил меня обедать. Он встретил меня на пороге своего дворца и сказал:

— Я счастлив, мой милый Мюнхгаузен, что могу приветствовать вас в своей древней столице. Надеюсь, вы в добром здравьи? Я знаю все ваши великие подвиги, и мне хотелось бы поручить вам одно трудное дело, с которым не справится никто, кроме вас, потому что вы самый умный и находчивый человек на земле. Могли бы вы немедленно поехать в Египет?

— С радостью! — отозвался я. — Я так люблю путешествовать, что готов хоть сейчас на край света!

Султану мой ответ очень понравился, и он возложил на меня поручение, которое на веки веков должно остаться тайною для всех, и потому я не могу рассказать, в чем оно заключалось. Да, да, султан доверил мне великую тайну, так как он знал, что я самый надежный человек во всем свете. Я поклонился и немедленно тронулся в путь.

Едва я отъехал от турецкой столицы, как мне попался навстречу маленький человек, бежавший с необыкновенной быстротой. К каждой его ноге была привязана тяжелая гиря, и все же он летел как стрела.

— Куда ты? — спросил я его. — И зачем ты привязал к ногам эти гири? Ведь они мешают бежать!

— Три минуты назад я был в Вене, — отвечал на бегу человек, — а теперь иду в Константинополь поискать себе какой-нибудь работы. Гири же повесил к ногам, чтобы не бежать слишком быстро, потому что торопиться мне некуда.

Очень понравился мне этот удивительный скороход, и я взял его к себе на службу. Он охотно последовал за мной.

На другой день у самой дороги заметили мы человека, который лежал ничком, приложив ухо к земле.

— Что ты тут делаешь? — спросил я его.

— Слушаю, как в поле растет трава! — ответил он.

— И слышишь?

— Отлично слышу! Для меня это сущий пустяк!

— В таком случае поступай ко мне на службу, любезнейший. Твои чуткие уши могут пригодиться мне в дороге.

Он согласился, и мы отправились дальше.

Вскоре я увидел охотника, у которого в руках было ружье.

— Послушай,— обратился я к нему.— В кого это ты стреляешь? Нигде не видно ни зверя, ни птицы.

— На крыше колокольни в Берлине сидел воробей, и я попал ему прямо в глаз.

Вы знаете, как я люблю охоту. Я обнял меткого стрелка и пригласил его к себе на службу. Он с радостью последовал за мной.

Проехав много стран и городов, мы приблизились к обширному лесу. Смотрим — у дороги стоит человек огромнейшего роста и держит в руках веревку, которую он накинул петлею вокруг всего леса.

— Что это ты тащишь? — спросил я его.

— Да вот понадобилось дров нарубить, а топор у меня дома остался, — ответил он. — Я и хочу изловчиться, чтобы обойтись без топора.

Он дернул за веревку, и огромные дубы, как тонкие былинки, взлетели в воздух и упали на землю.

Я, конечно, не пожалел денег и тотчас же пригласил этого силача к себе на службу.

Когда мы приехали в Египет, поднялась такая страшная буря, что все наши кареты и лошади кувырком понеслись по дороге.

Вдали мы увидели семь мельниц, крылья которых вертелись как бешеные. А на пригорке лежал человек и зажимал свою левую ноздрю пальцем. Увидев нас, он учтиво меня приветствовал, и буря в один миг прекратилась.

— Что ты тут делаешь? — спросил я.

— Верчу мельницы своего хозяина, — ответил он. — А чтобы они не сломались, я дую не слишком сильно: только из одной ноздри.

«Этот человек мне пригодится», — подумал я и предложил ему ехать со мною.

· КИТАЙСКОЕ ВИНО

В Египте я скоро выполнил все поручения султана. Моя находчивость помогла мне и здесь. Через неделю я вместе со своими необыкновенными слугами вернулся в столицу Турции.

Султан был рад моему возвращению и очень хвалил меня за мои удачные действия в Египте.

— Вы умнее всех моих министров, милый Мюнхгаузен! — сказал он, крепко пожимая мне руку. — Приходите ко мне сегодня обедать!

Обед был очень вкусный, но — увы! — на столе не оказалось вина, потому что туркам по закону запрещено пить вино. Я был весьма огорчен, и султан, чтобы утешить меня, повел меня после обеда в свой кабинет, открыл потайной шкаф и вынул оттуда бутылочку.

— Такого превосходного вина вы не пробовали во всю свою жизнь, мой милый Мюнхгаузен! — сказал он, наливая мне полный стакан.

Вино действительно было хорошее. Но я после первого же глотка заявил, что в Китае у китайского богдыхана* Фу Чана вино еще почище этого.

— Мой милый Мюнхгаузен! — воскликнул султан. — Я привык верить каждому вашему слову, потому что вы самый правдивый человек на земле, но клянусь, что сейчас вы говорите неправду: лучше этого вина не бывает!

— А я вам докажу, что бывает!

— Мюнхгаузен, вы болтаете вздор!

— Нет, я говорю сущую правду и берусь ровно через час доставить вам из богдыханского погреба бутылку такого вина, в сравнении с которым ваше вино — жалкая кислятина.

— Мюнхгаузен, вы забываетесь! Я всегда считал вас одним из правдивейших людей на земле, а теперь я вижу, что вы бессовестный лгун.

— Если так, я требую, чтобы вы убедились немедленно, правду ли я говорю!

— Согласен! — ответил султан. — Если к четырем часам вы не доставите мне из Китая бутылку лучшего в мире вина, я прикажу отрубить вам голову.

— Отлично! — воскликнул я. — Я согласен на ваши условия. Но если к четырем часам это вино будет у вас на столе, вы отдадите мне столько золота из вашей кладовой, сколько за один раз может унести один человек.

Султан согласился. Я написал китайскому богдыхану письмо и попросил его подарить мне бутылку того самого вина, которым он угощал меня три года назад.

«Если вы откажете мне в моей просьбе, — писал я, — ваш друг Мюнхгаузен погибнет от руки палача».

Когда я кончил писать, было уже пять минут четвертого.

Я кликнул моего скорохода и послал его в китайскую столицу. Он отвязал гири, висевшие у него на ногах, взял письмо и в одно мгновение скрылся из глаз.

Я вернулся в кабинет султана. В ожидании скорохода мы осушили до дна начатую нами бутылку.

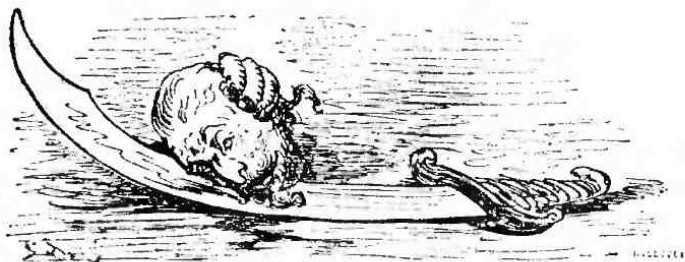
Пробило четверть четвертого, потом половину четвертого, потом три четверти четвертого, а мой скороход не показывался.

Мне стало как-то не по себе, особенно когда я заметил, что султан держит в руках колокольчик, чтобы позвонить и позвать палача.

— Разрешите мне выйти в сад подышать свежим воздухом! — сказал я султану.

— Пожалуйста! — ответил султан с самой любезной улыбкой.

Но, выходя в сад, я увидел, что за мною по пятам следуют какие-то люди, не отступая от меня ни на шаг.

Это были палачи султана, готовые каждую минуту наброситься на меня и отрубить мою бедную голову.

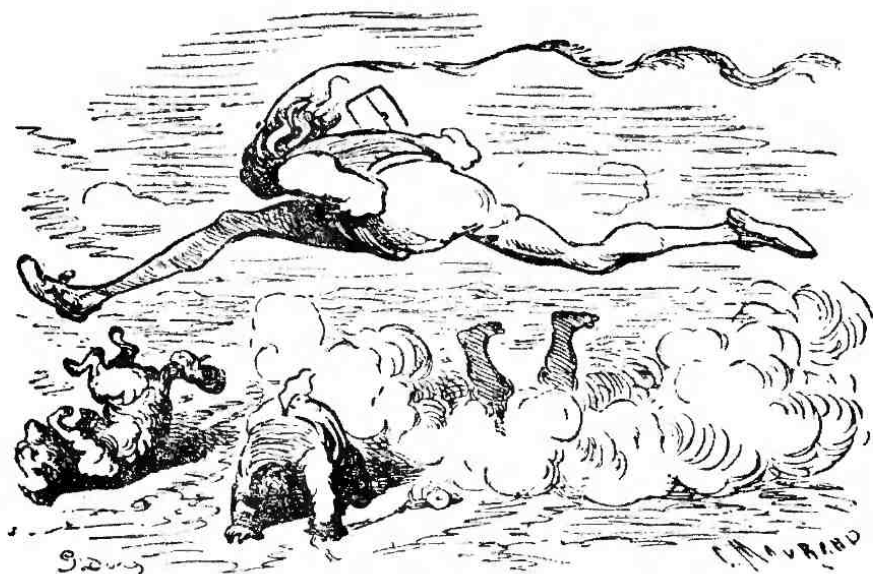
В отчаянии я взглянул на часы. Без пяти четыре! Неужели мне осталось жить всего только пять минут! О, это слишком ужасно! Я позвал своего слугу — того самого, который слышал, как растет в поле трава, — и спросил его, не слышит ли он топота ног моего скорохода. Он приложил ухо к земле и сообщил мне, к моему великому горю, что бездельник скороход заснул!

— Заснул?!

— Да, заснул. Я слышу, как он храпит далеко-далеко.

У меня ноги подкосились от ужаса. Еще минута — и я погибну бесславною смертью.

Я кликнул другого слугу, того самого, который целился в воровья, и он тотчас же взобрался на самую высокую башню и, приподнявшись на цыпочки, стал вглядываться в даль.

— Ну что, видишь ли ты негодяя? — спросил я, задыхаясь от злости.

— Вижу, вижу! Он развалился на лужайке под дубом недалеко от Пекина и храпит. А рядом с ним бутылка... Но погоди, я тебя разбужу!

Он выстрелил в вершину того дуба, под которым спал скороход.

Желуди, листья и ветви посыпались на спящего и разбудили его.

Скороход вскочил, протер глаза и бросился бежать как угорелый.

До четырех часов оставалось всего полминуты, когда он влетел во дворец с бутылкой китайского вина.

Можете себе представить, как велика была моя радость! Отведав вина, султан пришел в восторг и воскликнул:

— Милый Мюнхгаузен! Разрешите мне спрятать эту бутылочку подальше от вас. Я хочу распить ее один. Я и не думал, что на свете бывает такое сладкое и вкусное вино.

Он запер бутылку в шкаф, а ключи от шкафа положил себе в карман и приказал немедленно позвать казначея.

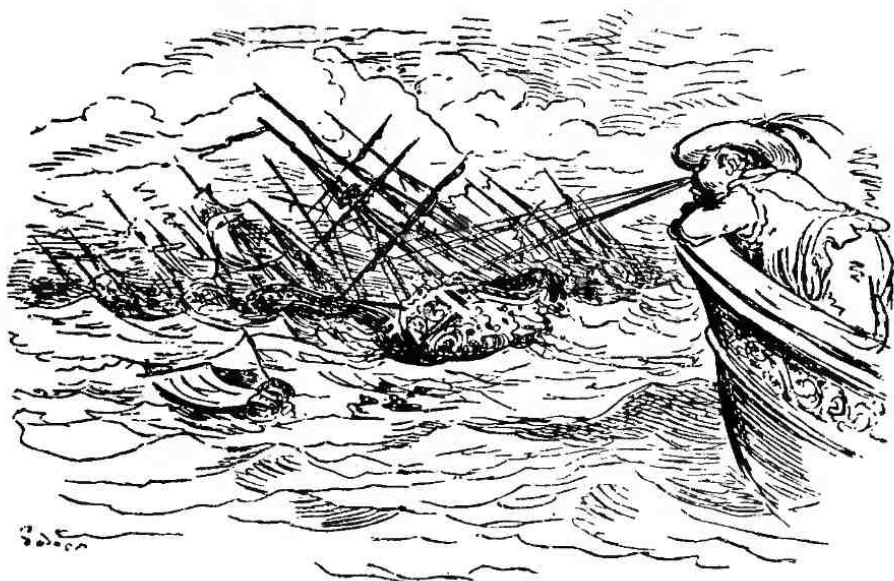
— Я разрешаю моему другу Мюнхгаузену взять из моих кладовых столько золота, сколько может унести за один раз один человек, — сказал султан.

Казначей низко поклонился султану и повел меня в подземелья дворца, доверху набитые сокровищами.

Я позвал своего силача. Он взвалил себе на плечи все золото, какое было в кладовых у султана, и мы побежали к морю. Там я нанял огромный корабль и доверху нагрузил его золотом.

Подняв паруса, мы поспешили выйти в открытое море, пока султан не опомнился и не отнял у меня своих сокровищ.

ПОГОНЯ

Но случилось то, чего я так боялся.

Едва мы отъехали от берега, казначей побегал к своему повелителю и сказал ему, что я дочиста ограбил его кладовые. Султан пришел в ярость и послал за мной вдогонку весь свой военный флот.

Увидав множество боевых кораблей, я, признаться, не на шутку струсил.

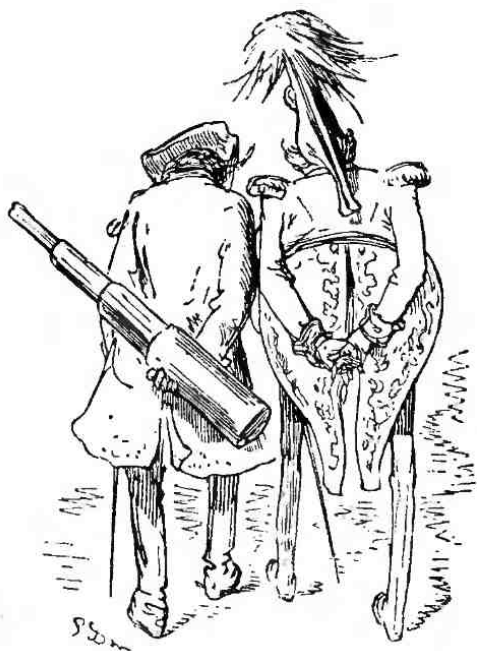
«Ну, Мюнхгаузен,— сказал я себе,— пришел твой последний час. Теперь уж тебе не будет спасения. Вся твоя хитрость не поможет тебе».

Я почувствовал, что моя голова, только что укрепившаяся у меня на плечах, снова как бы отделяется от туловища.

Вдруг ко мне подошел мой слуга, тот, у которого были могучие ноздри.

— Не бойтесь, они нас не догонят! — сказал он со смехом, побегал на корму и, направив одну ноздрию против турецкого флота, а другую против наших парусов, поднял такой ужасный ветер, что весь турецкий флот в одну минуту отлетел от нас обратно в гавань.

А наш корабль, подгоняемый моим могучим слугою, быстро помчался вперед и через день добрался до Италии.

МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ

В Италии я зажил богачом, но спокойная, мирная жизнь была не по мне.

Я жаждал новых приключений и подвигов.

Поэтому я очень обрадовался, когда услышал, что недалеко от Италии разразилась новая война, англичане воевали с испанцами*.

Ни минуты не медля, вскочил я на коня и помчался на поле сражения.

Испанцы осаждали тогда английскую крепость Гибралтар, я тотчас же пробрался к осажденным.

Генерал, командовавший крепостью, был мой хороший приятель. Он принял меня с распростертыми объятиями и стал показывать мне воздвигнутые им укрепления, так как он знал, что я могу дать ему дельный и полезный совет.

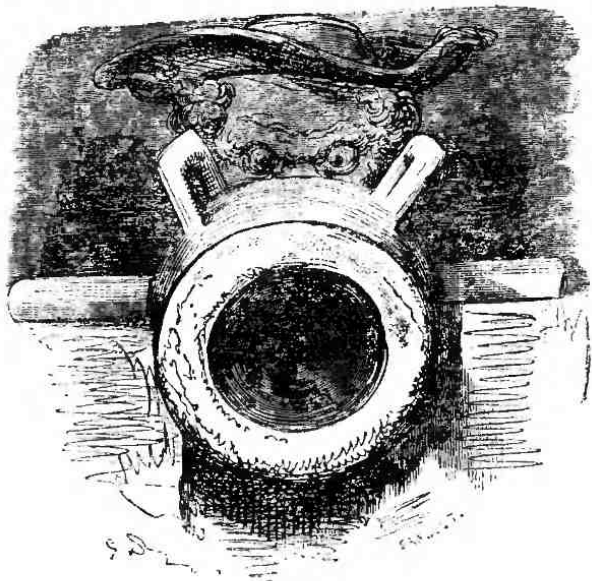
Стоя на стене Гибралтара, я увидел сквозь подзорную трубу, что испанцы направляют дуло своей пушки как раз в то место, где стояли мы оба.

Ни минуты не медля, я приказал, чтобы на это самое место
была поставлена огромная пушка.

— Зачем? — спросил генерал.

— Вот увидишь! — ответил я.

Чуть только пушку подкатили ко мне, я направил ее дуло прямо в дуло неприятельской пушки, и, когда испанский пушкарь поднес к своей пушке фитиль, я громко скомандовал:

— Пли!

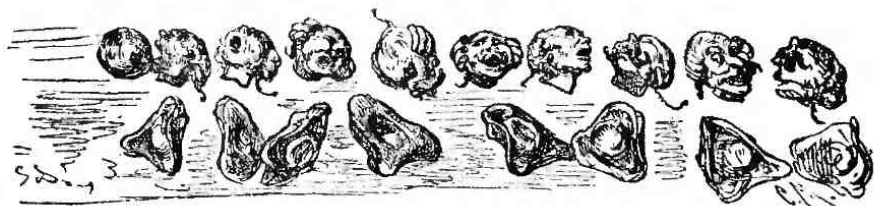
Обе пушки грянули в один и тот же миг.

Случилось то, чего я ожидал: в намеченной мною точке два ядра — наше и неприятельское — столкнулись с ужасающей силой, и неприятельское ядро полетело назад.

Представьте себе: оно полетело назад к испанцам.

Оно оторвало голову испанскому пушкарю и шестнадцати испанским солдатам.

Оно сбило мачты у трех кораблей, стоявших в испанской гавани, и понеслось прямо в Африку.

Пролетев еще двести четырнадцать миль, оно упало на крышу убогой крестьянской лачуги, где жила какая-то старуха. Старуха лежала на спине и спала, а рот у нее был открыт. Ядро продырявило крышу, угодило спящей прямо в рот, выбило у нее последние зубы и застряло в горле — ни туда ни сюда!

В лачугу вбежал ее муж, человек горячий и находчивый.

Он засунул руку ей в горло и попытался вытащить оттуда ядро, но оно не сдвинулось с места.

Тогда он поднес к ее носу хорошую понюшку табаку; она чихнула, да так хорошо, что ядро вылетело из окошка на улицу!

Вот сколько бед причинило испанцам их собственное ядро, которое я послал к ним обратно.

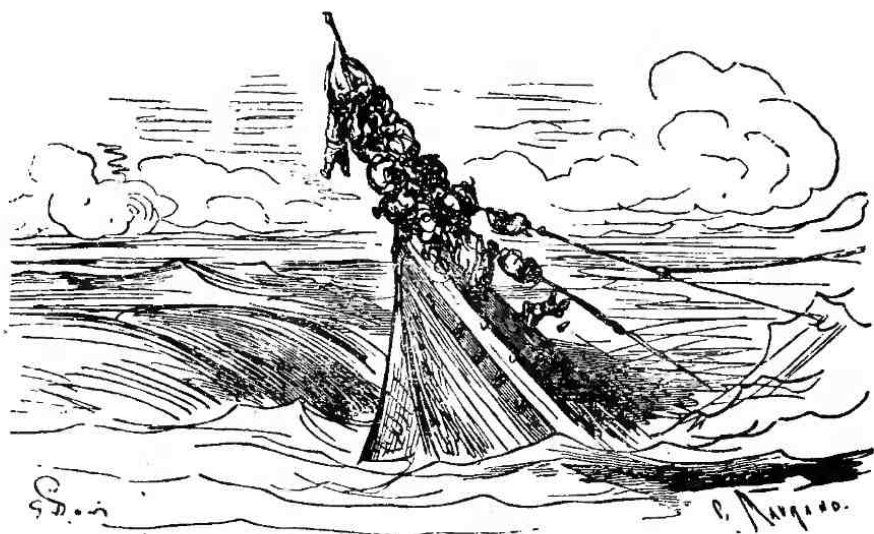
Наше ядро тоже не доставило им удовольствия: оно попало в их военный корабль и пустило его ко дну, а на корабле было двести испанских матросов!

Так что англичане выиграли эту войну главным образом благодаря моей находчивости.

— Спасибо тебе, милый Мюнхгаузен, — сказал мне мой друг генерал, крепко пожимая мне руки. — Если бы не ты, мы пропали бы. Нашей блестящей победой мы обязаны только тебе.

— Пустяки, пустяки! — сказал я. — Я всегда готов служить своим приятелям.

В благодарность за мою услугу английский генерал хотел произвести меня в полковники, но я, как человек очень скромный, отклонил столь высокую честь.

ОДИН ПРОТИВ ТЫСЯЧИ

Я так и заявил генералу:

— Не нужно мне ни орденов, ни чинов! Я помогаю вам по дружбе, бескорыстно. Просто потому, что я очень люблю англичан.

— Спасибо тебе, дружище Мюнхгаузен! — сказал генерал, еще раз пожимая мне руки. — Помогай нам, пожалуйста, и дальше.

— С большим удовольствием, — ответил я и похлопал старика по плечу. — Я рад служить британскому народу.

Вскоре мне представился случай снова помочь моим друзьям англичанам.

Я переоделся испанским священником и, когда наступила ночь, прокрался в неприятельский лагерь.

Испанцы спали непробудным сном, и никто не увидел меня. Я тихонько принялся за работу: пошел туда, где стояли их страшные пушки, и быстро-быстро стал бросать эти пушки в море — одну за другой — подальше от берега.

Это оказалось не очень легко, потому что всех пушек было больше трехсот.

Покончив с пушками, я вытащил деревянные тачки, дрожки, повозки, телеги, какие только были в этом лагере, свалил их в одну кучу и поджег.

Они вспыхнули, как порох. Начался ужасный пожар.

Испанцы проснулись и в отчаянии стали бегать по лагерю.

Они вообразили с перепугу, что ночью в их лагере побывало семь или восемь английских полков.

Они не могли себе представить, чтобы этот разгром мог произвести один человек.

Испанский главнокомандующий в ужасе пустился бежать и, не останавливаясь, бежал две недели, пока не добежал до Мадрида.

Все его войско пустилось за ним, не смея даже оглянуться назад.

Таким образом, благодаря моей храбрости англичане окончательно сломили врага.

— Что делали бы мы без Мюнхгаузена? — говорили они и, пожимая мне руки, называли меня спасителем английской армии.

Англичане были так благодарны мне за оказанную помощь, что пригласили меня в Лондон погостить.

Я охотно поселился в Англии, не предвидя, какие приключения ожидают меня в этой стране.

ЧЕЛОВЕК-ЯДРО

А приключения были ужасные.

Гуляя как-то по окрестностям Лондона, я очень устал, и мне захотелось прилечь отдохнуть.

День был летний, солнце жгло немилосердно; я мечтал о прохладном местечке где-нибудь под развесистым деревом. Но дерева поблизости не было, и вот в поисках прохлады я забрался в жерло старой пушки и немедленно заснул крепким сном.

А нужно вам сказать, что как раз в этот день англичане праздновали мою победу над испанской армией и на радостях палили из всех пушек.

К пушке, в которой я спал, подошел пушкарь и выстрелил.

Я вылетел из пушки, как хорошее ядро, и, перелетев на другой берег реки, угодил во двор какого-то крестьянина. К счастью, во дворе было сложено мягкое сено. Я воткнулся в него головой — в самую середину большого стога. Это спасло мне жизнь, но, конечно, я лишился сознания.

Так, без сознания, пролежал я три месяца.

Осенью сено вздорожало, и хозяин захотел продать его. Рабочие окружили мой стог и принялись ворошить его вилами. От их громких голосов я очнулся. Кое-как выкарабкавшись на вер-

шину стога, я покати́лся вниз и, упав хозяину прямо на голову, нечаянно сломал ему шею, отчего он сразу скончался.

Впрочем, никто особенно не плакал о нем. Он был бессовестный скряга и не платил своим работникам денег. К тому же он был жадный торгош: продавал свое сено только тогда, когда оно сильно поднималось в цене.

СРЕДИ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

Мои друзья были счастливы, что я оказался в живых.

Вообще у меня было много друзей, и все они нежно любили меня. Можете себе представить, как они обрадовались, когда узнали, что я не убит. Они давно считали меня мертвым.

Особенно радовался знаменитый путешественник Фиппс, который как раз в это время собирался совершить экспедицию к Северному полюсу.

— Милый Мюнхгаузен, я в восторге, что могу вас обнять! — воскликнула Фиппс*, едва я появился на пороге его кабинета. — Вы должны немедленно ехать со мною в качестве моего ближайшего друга! Я знаю, что без ваших мудрых советов мне не будет удачи!

Я, конечно, тотчас согласился, и через месяц мы уже были неподалеку от полюса.

Однажды, стоя на палубе, я заметил вдали высокую ледяную гору, на которой барахтались два белых медведя.

Я схватил ружье и прыгнул с корабля прямо на плывущую льдину.

Трудно было мне карабкаться по гладким, как зеркало, ледяным утесам и скалам, ежеминутно скатываясь вниз и рискуя провалиться в бездонную пропасть, но, несмотря на препятствия, я добрался до вершины горы и подошел почти вплотную к медведям.

И вдруг со мною случилось несчастье: собираясь выстрелить, я поскользнулся на льду и упал, причем стукнулся головой об лед и в ту же минуту лишился сознания.

Когда через полчаса сознание вернулось ко мне, я чуть не вскрикнул от ужаса: огромный белый медведь подмял меня под себя и, разинув пасть, готовился поужинать мною.

Ружье мое лежало далеко на снегу.

Впрочем, ружье было тут бесполезно, так как медведь всей своей тяжестью навалился мне на спину и не давал шевельнуться.

С большим трудом я вытащил из кармана мой маленький

перочинный ножик и, недолго думая, отрезал медведю три пальца на задней ноге.

Он заревел от боли и на минуту выпустил меня из своих страшных объятий.

Воспользовавшись этим, я со своей обычной храбростью подбежал к ружью и выстрелил в лютого зверя. Зверь так и рухнул в снег.

Но этим не кончились мои злоключения: выстрел разбудил несколько тысяч медведей, которые спали на льду недалеко от меня.

Вы только представьте себе: несколько тысяч медведей! Они всей оравой направились прямо ко мне. Что мне было делать? Еще минута — и я буду растерзан свирепыми хищниками. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я схватил нож, подбежал к убитому медведю, содрал с него шкуру и напялил ее на себя. Да, я напялил на себя шкуру медведя! Медведи обступили меня. Я был уверен, что они вытащат меня из шкуры и разорвут на клочки. Но они обнюхивали меня и, приняв за медведя, мирно отходили один за другим.

Скоро я научился рычать по-медвежьи и сосал свою лапу, совсем как медведь.

Звери отнеслись ко мне очень доверчиво, и я решил воспользоваться этим.

Один доктор рассказывал мне, что рана, нанесенная в затылок, причиняет мгновенную смерть. Я подошел к ближайшему медведю и вонзил ему свой нож прямо в затылок. Я не сомневался, что, если зверь уцелеет, он немедленно растерзает меня. К счастью, мой опыт удался. Медведь пал мертвым, не успев даже вскрикнуть.

Тогда я решил тем же способом разделаться и с остальными медведями. Это мне удалось без большого труда. Хотя они видели, как падали их товарищи, но так как они принимали меня за медведя, то и не могли догадаться, что их убиваю я.

В какой-нибудь час я уложил несколько тысяч медведей.

Совершив этот подвиг, я вернулся на корабль к моему приятелю Фипсу и рассказал ему все.

Он предоставил мне сотню самых дюжих матросов, и я повел их на льдину. Они содрали шкуры с убитых медведей и перетаскивали медвежьи окорока на корабль.

Окороков было так много, что корабль не мог двинуться дальше. Нам пришлось вернуться домой, хотя мы не доехали до места своего назначения.

Вот почему капитан Фиппс так и не открыл Северного полюса*.

Впрочем, мы не жалели об этом, потому что медвежье мясо, привезенное нами, оказалось удивительно вкусным.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

Вернувшись в Англию, я дал себе слово никогда больше не предпринимать никаких путешествий, но не прошло и недели, как мне понадобилось снова отправиться в путь.

Дело в том, что один мой родственник, человек немолодой и богатый, вбил себе почему-то в голову, будто на свете существует страна, в которой живут великаны.

Он просил меня непременно отыскать для него эту страну и в награду обещал оставить мне большое наследство. Уж очень хотел посмотреть великанов!

Я согласился, снарядил корабль, и мы отправились в Южный океан*.

По пути мы не встретили ничего удивительного, кроме нескольких летающих женщин, которые порхали по воздуху, как мотыльки. Погода была превосходная.

Но на восемнадцатый день поднялась ужасная буря.

Ветер был такой сильный, что вскинул наш корабль над водой и понес его, как пушинку, по воздуху. Все выше, и выше, и выше! Шесть недель носились мы над самыми высокими тучами. Наконец увидели круглый сверкающий остров.

Это, конечно, была Луна.

Мы нашли удобную гавань и вышли на лунный берег. Внизу, далеко, далеко, мы увидели другую планету — с городами, лесами, горами, морями и реками. Мы догадались, что это — покинутая нами Земля.

На Луне нас окружили какие-то огромные чудовища, сидевшие верхом на трехголовых орлах. Эти птицы заменяют жителям Луны лошадей.

Как раз в то время лунный царь вел войну с императором Солнца. Он тотчас же предложил мне стать во главе его армии и повести ее в бой, но я, конечно, наотрез отказался.

На Луне все гораздо больше, чем у нас на Земле.

Мухи там величиною с овец, каждое яблоко не меньше арбуза.

Вместо оружия жители Луны употребляют редьку. Она заменяет им копья, а когда нет редьки, они сражаются голубиными яйцами. Вместо щитов они употребляют грибы-мухоморы.

Видел я там несколько жителей одной далекой звезды. Они приезжали на Луну для торговли. Их лица были похожи на собачьи морды, а их глаза находились или на кончике носа, или внизу под ноздрями. У них не было ни век, ни ресниц, и, ложась спать, они закрывали глаза языком.

Тратить время на еду лунным жителям никогда не приходится. В левой стороне живота есть у них особая дверца: они открывают ее и кладут туда пищу. Потом закрывают дверцу до другого обеда, который у них бывает раз в месяц. Они обедают всего двенадцать раз в году!

Это очень удобно, но вряд ли земные обжоры и лакомки согласились бы обедать так редко.

Лунные жители вырастают прямо на деревьях. Эти деревья очень красивые, у них ярко-пунцовые ветви.

На ветвях растут огромные орехи с необыкновенно крепкой скорлупой.

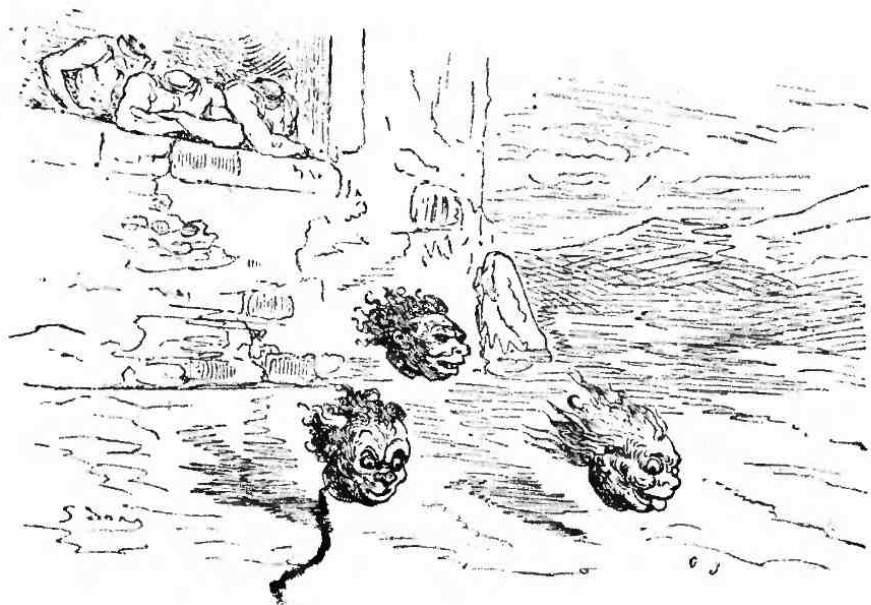
Когда орехи созреют, их осторожно снимают с деревьев и кладут на хранение в погреб.

Чуть только царю Луны понадобятся новые люди, он приказывает бросить эти орехи в кипящую воду. Через час орехи лопаются, и из них выскакивают совсем готовые лунные люди. Этим людям не приходится учиться. Они сразу рождаются взрослыми и уже знают свое ремесло. Из одного ореха выскакивает трубочист, из другого — шарманщик, из третьего — мороженщик, из четвертого — солдат, из пятого — повар, из шестого — портной.

И каждый немедленно принимается за свое дело. Трубочист взбирается на крышу, шарманщик начинает играть, мороженщик кричит: «Горячее мороженое!» (потому что на Луне лед горячее огня), повар бежит на кухню, а солдат стреляет в неприятеля.

Состарившись, лунные люди не умирают, но тают в воздухе, как дым или пар.

На каждой руке у них один-единственный палец, но работают они им так же ловко, как мы пятерней.

Голову свою они носят под мышкой и, отправляясь в путешествие, оставляют ее дома, чтобы она не испортилась в дороге.

Они могут совещаться со своей головой, даже когда находятся далеко от нее! Это очень удобно.

Если царь пожелает узнать, что думает о нем его народ, он остается дома и лежит на диване, а его голова незаметно пробирается в чужие дома и подслушивает все разговоры.

Виноград на Луне ничем не отличается от нашего.

Для меня нет никакого сомнения, что град, который падает порою на землю, есть этот самый лунный виноград, сорванный бурей на лунных полях.

Если вы хотите попробовать лунного вина, соберите несколько градин и дайте им хорошенько растаять.

Лунным жителям живот служит вместо чемодана. Они могут закрывать и открывать его, когда им вздумается, и класть в него все, что угодно. У них нет ни желудка, ни печени, ни сердца, так что внутри они совсем пустые.

Глаза свои они могут вынимать и вставлять. Держа глаз, они видят им так хорошо, как будто он у них в голове. Если глаз испортится или потеряется, они идут на базар и покупают себе новый. Поэтому на Луне очень много людей, которые торгуют глазами. Там то и дело читаешь на вывесках: «Дешево продают»

ся глаза. Большой выбор оранжевых, красных, лиловых и синих».

Каждый год у лунных жителей новая мода на цвет глаз.

В тот год, когда я был на Луне, в моде считались зеленые и желтые глаза.

Но почему вы смеетесь? Неужели вы думаете, что я говорю вам неправду? Нет, каждое мое слово есть чистейшая истина, а если вы не верите мне, отправляйтесь сами на Луну. Там вы увидите, что я ничего не выдумываю и рассказываю вам одну только правду.

СЫРНЫЙ ОСТРОВ*

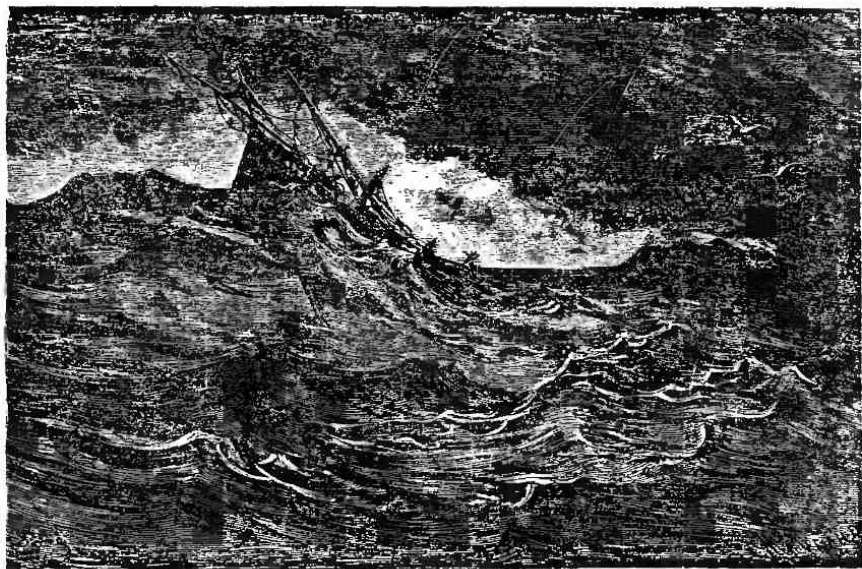
Не моя вина, если со мною случаются такие диковины, которых еще не случилось ни с кем.

Это потому, что я люблю путешествовать и вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите, кроме четырех стен своей комнаты.

Однажды, например, я отпраился в дальнее плавание на большом голландском корабле. Вдруг в открытом океане на нас налетел ураган, который в одно мгновение сорвал у нас все паруса и поломал все мачты.

Одна мачта упала на компас и разбила его вдребезги.

Всем известно, как трудно управлять кораблем без компаса. Мы сбились с пути и не знали, куда мы плывем.

Три месяца нас бросало по волнам океана из стороны в сторону, а потом унесло неизвестно куда, и вот в одно прекрасное утро мы заметили необыкновенную перемену во всем.

Море из зеленого сделалось белым. Ветерок доносил какой-то нежный, ласкающий запах. Нам стало очень приятно и весело.

Вскоре мы увидели пристань и через час вошли в просторную глубокую гавань. Вместо воды в ней было молоко!

Мы поспешили высадиться на берег и стали жадно пить из молочного моря.

Между нами был один матрос, который не выносил запаха сыра. Когда ему показывали сыр, его начинало тошнить. И вот, едва мы высадились на берег, как ему сделалось дурно.

— Уберите у меня из-под ног этот сыр! — кричал он. — Я не хочу, я не могу ходить по сыру!

Я нагнулся к земле и все понял.

Остров, к которому пристал наш корабль, был сделан из отличного голландского сыра!

Да, да, не смейтесь, я рассказываю вам истинную правду: вместо глины у нас под ногами был сыр.

Мудрено ли, что жители этого острова питались почти исключительно сыром! Но сыра этого не становилось меньше, так как за ночь его вырастало ровно столько, сколько было съедено в течение дня.

Весь остров был покрыт виноградниками, но виноград там особенный: сожмешь его в кулаке — из него вместо сока течет молоко.

Жители острова — высокие, красивые люди. У каждого из них по три ноги. Благодаря трем ногам они свободно могут держаться на поверхности молочного моря.

Хлеб здесь растет печеный, прямо в готовом виде, так что жителям этого острова не приходится ни сеять, ни пахать. Я видел много деревьев, увешанных сладкими медовыми пряниками.

Во время наших прогулок по Сырному острову мы открыли семь рек, текущих молоком, и две реки, текущие густым и вкусным пивом.

Признаюсь, эти пивные реки понравились мне больше молочных.

Вообще, гуляя по острову, мы видели много чудес.

Особенно поразили нас птичьи гнезда. Они были невероятно огромны. Одно орлиное гнездо, например, было выше самого высокого дома. Оно было все сплетено из исполинских дубовых стволов. В нем мы нашли пять сотен яиц, каждое яйцо величиной с хорошую бочку.

Мы разбили одно яйцо, и из него вылез птенец, раз в двадцать больше взрослого орла.

Птенец запищал. К нему на помощь прилетела орлица. Она схватила нашего капитана, подняла его до ближайшего облака и оттуда швырнула в море.

К счастью, он был отличный пловец и через несколько часов добрался до Сырного острова вплавь.

В одном лесу я был свидетелем казни.

Островитяне повесили на дереве трех человек вверх ногами.

Несчастные стонали и плакали. Я спросил, за что их так жестоко наказывают. Мне ответили, что они — путешественники, которые только что вернулись из дальнего странствия и бессовестно лгут о своих приключениях.

Я похвалил островитян за такую мудрую расправу с обманщиками, потому что я не выношу никакого обмана и всегда рассказываю одну только чистую правду.

Впрочем, вы, должно быть, и сами заметили, что во всех моих рассказах нет ни одного слова лжи. Ложь мне отвратительна, и я счастлив, что все мои близкие всегда считали меня правдивейшим на земле человеком.

Вернувшись на корабль, мы тотчас же подняли якорь и отплыли от чудесного острова.

Все деревья, что росли на берегу, словно по какому-то знаку, дважды поклонились нам в пояс и снова выпрямились как ни в чем не бывало.

Растроганный их необыкновенной любезностью, я снял шляпу и послал им прощальный привет.

Удивительно вежливые деревья, не правда ли?

КОРАБЛИ, ПРОГЛОЧЕННЫЕ РЫБОЙ

У нас не было компаса, и поэтому мы долго блуждали по незнакомым морям.

Наш корабль то и дело окружали страшные акулы, киты и другие морские чудовища.

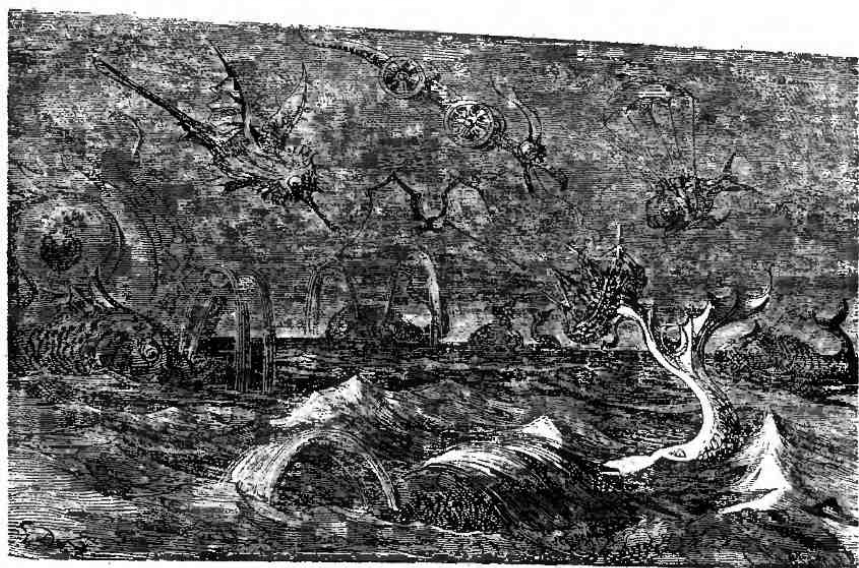
Наконец мы наткнулись на рыбу, которая была так велика, что, стоя возле ее головы, мы не могли увидеть ее хвоста.

Когда рыба захотела пить, она распахнула пасть, и вода рекой потекла в ее глотку, таща за собой наш корабль. Можете себе представить, какую мы испытали тревогу! Даже я, уж на что храбрее, а и то задрожал от страха.

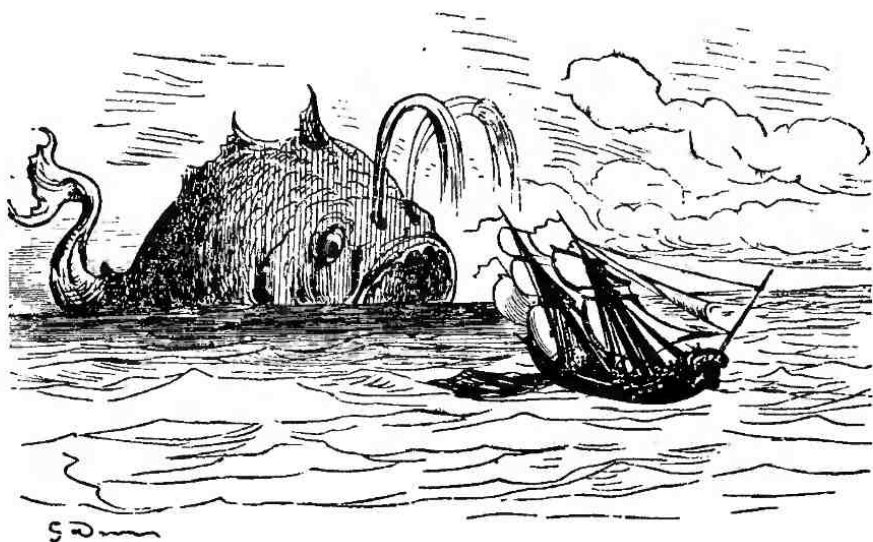
Но в животе у рыбы оказалось тихо, как в гавани. Весь рыбий живот был набит кораблями, давно уже проглоченными жадным чудовищем. О, если бы вы знали, как там темно! Ведь мы не видели ни солнца, ни звезд, ни луны.

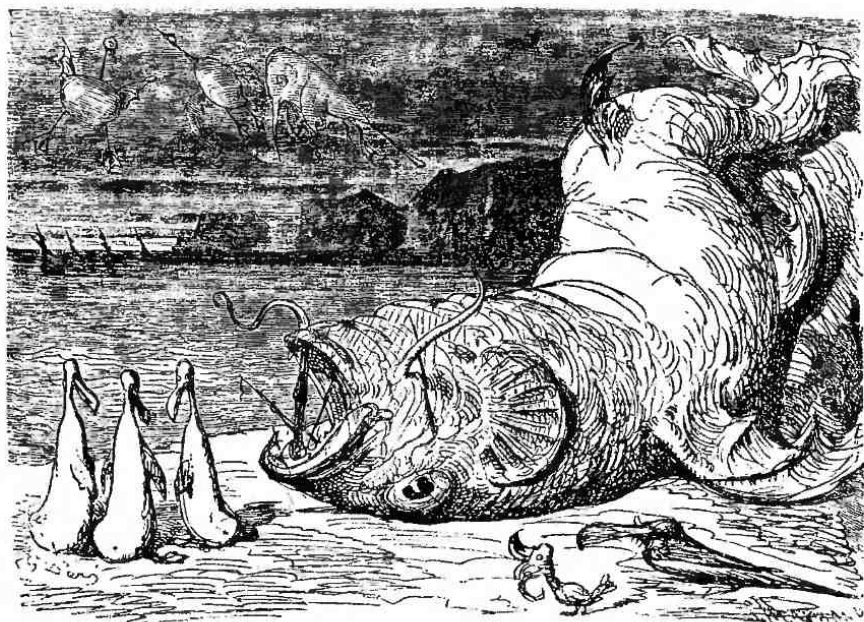
Рыба пила воду дважды в день, и всякий раз, когда вода вливалась в ее глотку, наш корабль вздымался на высоких волнах. В остальное время в животе было сухо.

Дождавшись, когда вода схлынула, мы с капитаном сошли с корабля погулять. Тут мы встретили моряков всего мира:

шведов, англичан, португальцев... В рыбьем животе их было десять тысяч. Многие из них жили там уже несколько лет. Я предложил собраться вместе и обсудить план освобождения из этой душной тюрьмы.

Меня выбрали председателем, но как раз в ту минуту, когда я открыл собрание, проклятая рыба начала снова пить, и мы все разбежались по своим кораблям.

На другой день мы снова собрались, и я внес такое предложение: связать две самые высокие мачты и, как только рыба откроет рот, поставить их торчком, чтобы она не могла сдвинуть челюсти. Тогда она так и останется с разинутой пастью, и мы свободно выплывем наружу.

Мое предложение было принято единогласно.

Двести самых дюжих матросов установили во рту у чудовища две высочайшие мачты, и оно не смогло закрыть рот. Корабли весело выплыли из брюха в открытое море. Оказалось, что в брюхе этой громадины было семьдесят пять кораблей. Можете себе представить, какой величины было туловище!

Мачты мы, конечно, так и оставили в разинутой пасти рыбы, чтобы она больше никого не могла проглотить.

Освободившись из плена, мы, естественно, пожелали знать, где мы находимся. Оказалось — в Каспийском море. Это очень удивило нас всех, потому что Каспийское море закрытое: оно не соединяется ни с какими другими морями.

Но трехногий ученый, которого я захватил на Сырном острове,

объяснил мне, что рыба попала в Каспийское море через какой-нибудь подземный канал.

Мы направились к берегу, и я поспешил на сушу, заявив своим спутникам, что больше никогда и никуда не поеду, что с меня довольно и тех передрыг, которые я испытал в эти годы, а теперь я хочу отдохнуть.

Мои приключения порядком утомили меня, и я решил зажить спокойной жизнью.

СХВАТКА С МЕДВЕДЕМ

Но, как только я вылез из лодки, на меня набросился огромный медведь.

Это был чудовищный зверь необыкновенных размеров.

Он растерзал бы меня в одно мгновение, но я схватил его за передние лапы и так сильно сжал их, что медведь заревел от боли.

Я знал, что, если я отпущу его, он немедленно растерзает меня, и потому держал его лапы три дня и три ночи, покада

он не умер от голода. Да, он умер от голода, так как медведи утоляют свой голод лишь тем, что сосут свои лапы. А этот медведь никак не мог пососать своих лап и потому погиб голодной смертью.

С тех пор ни один медведь не решается напасть на меня.

К О Н Е Ц

Комментарии

РАБЛЕ Ф.

«ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ»

Созданию своего знаменитого романа Франсуа Рабле (1494—1553) отдал двадцать лет жизни. Роман издавался по частям с 1532 по 1552 год, а последняя книга вышла в свет в 1564 году, когда автора уже не было в живых. Известно, что писатель умер, не успев завершить рукопись пятой книги. Она была закончена кем-то другим и вошла в состав гениального творения Рабле, которое получило всемирное признание и выдержало на разных языках сотни изданий.

Роман сокращенно называют «Гаргантюа и Пантагрюэль». Но в оригинале каждая из пяти книг имеет самостоятельное, в духе времени, пространное заглавие. Например, книга первая: «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции, книга, полная пантагрюэлизма».

Псевдоним автора представляет собой анаграмму (перестановка букв), образованную от имени и фамилии: Франсуа Рабле. Вторая книга выдается за «сочинение покойного магистра Алькофрибаса», а остальные три части подписаны без утайки: «...сочинение метра Франсуа Рабле, доктора медицины».

Свободолюбие гениального писателя всегда привлекало к нему людей прогрессивно мыслящих. В прошлом веке во Франции жил знаменитый художник Гюстав Доре — непревзойденный иллюстратор лучших

произведений мировой литературы. Его великолепные гравюры так естественно соединяются с текстом книги, что составляют с ним как бы одно целое. Вот почему Дон Кихота, Мюнхгаузена или героев сказок Перро мы представляем себе всегда такими, какими их увидел и запечатлел Доре. Иллюстрируя близкий ему по духу сатирический роман Франсуа Рабле, художник, можно сказать, превзошел самого себя. Чтобы читатели поняли всемирно-историческое значение этого романа, Доре показал в аллегорическом рисунке на фронтисписе¹, как он понимает его сам.

Рассмотрите внимательно рисунок. Гигант Рабле держит громадную раскрытую книгу. На левой странице выведено заглавие первой части. За спиной писателя стоят такие же гиганты, как он сам, — легендарный древнегреческий поэт Гомер, которому приписывают величайшие эпические поэмы «Илиаду» и «Одиссею», и древнегреческий философ Сократ, о котором Рабле упоминает на первых же страницах, как о мудрейшем из всех мудрецов. Доре хотел этим сказать, что сатирик XVI века учился уму-разуму не у «отцов церкви», как было принято в его время, а у великих мыслителей древности.

Перед раскрытой книгой толпятся крупнейшие европейские писатели — ученики и последователи Рабле, продолжавшие его борьбу за раскрепощение человеческого сознания и чувств от жестоких средневековых законов и суровых религиозных запретов. Мы видим среди них Джонатана Свифта, автора прославленных «Путешествий Гулливера», сатирика Лесажа, показывающего читателям своего «Жиль Блаза» — роман, обессмертивший этого писателя, французских комедиографов — Бомарше, автора «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», и Мольера, протягивающего восхищенной публике «Тартюфа» и «Плутни Скапена», лучшие из своих комедий. Мы найдем тут и самого остроумного человека XVIII века Вольтера, и баснописца Лафонтена, и народного певца Беранже, и гения французской литературы XIX столетия Бальзака, написавшего в подражание Рабле свои «Озорные сказки», и других известных писателей.

В царской России пресекались любые попытки познакомить читателей с романом Рабле.

Выпущенная в конце XVIII века небольшая книжка «Повесть славного Гаргантюаса, страшнейшего великана из всех доньше находившихся в свете» (Петербург, 1790 и 1796) принималась ошибочно за переделку романа Рабле. А на самом деле она не имеет с ним ничего общего. Это вольный перевод с французского одной из так называемых народных или лубочных книг о похождениях великана Гаргантюа. И написана она была в начале XVII века — позже романа Рабле.

¹ Ф р о н т и с п и с — иллюстрация, помещаемая рядом с титульным листом (заглавием) и передающая основную идею автора или художника.

Выходит, что во времена Радищева и Фонвизина русские читатели, не знавшие французского языка, не могли познакомиться с «Гаргантюа и Пантагрюэлем».

То же самое было и в XIX веке. Запрещались не только переводы романа, но и статьи с изложением его содержания. Некрасов и Салтыков-Щедрин хотели поместить в 1874 году в майском номере «Отечественных записок», журнала, который они вместе редактировали, большую содержательную статью о жизни и творчестве Рабле. Но цензор решил иначе. «Хотя редакция и говорит, — писал он в своем заключении, — что сатирические произведения Рабле имеют историческое только значение, как памятник прошедшего, и что саркастическому перу его и едким насмешкам подвергались тогдашние политические и общественные порядки Франции, но нужно заметить, что большинство предметов, предаваемых Рабле на публичное осмеяние, продолжают существовать и ныне, как-то: верховная власть, выражающаяся в лице государей; религиозные учреждения в лице монашествующих и священников; богатства, сосредоточивающиеся в руках либо вельмож, либо в руках отдельных личностей. А потому знакомство русской публики с произведениями хотя и такого исторического, если можно так выразиться, писателя, как Рабле, нельзя не считать со стороны редакции крайне предосудительным».

Статья, о которой идет речь, принадлежит известному передовому критику того времени Варфоломею Зайцеву.

Не был напечатан в прогрессивном журнале «Дело» перевод первой части «Гаргантюа и Пантагрюэля», выполненный, как выяснилось, забытым литератором 1870-х годов В. В. Марковым. Корректировочные листы первого русского перевода нашлись в огромной пухлой папке цензурных документов журнала «Дело».

Язык перевода достаточно живой, гибкий и сочный. Переводчик старался в меру своих сил и способностей передать длиннейшие периоды, нагромождение озорных эпитетов, замысловатые шутки, язвительные намеки, издевательские сравнения — все особенности оригинального текста. Для Маркова этот перевод был делом жизни. Он отдал ему много лет и умер, так и не увидев свой труд напечатанным.

Только в 1901 году появилось первое русское издание романа Рабле. Это был далеко не полный и во многом искаженный «Гаргантюа и Пантагрюэль». Не говоря уже о многочисленных пропусках, иногда самых острых и боевых страниц, сатира Рабле до неузнаваемости приглажена и смягчена. Переводчица Анна Энгельгардт, опережая красный карандаш цензора, сама же постаралась удалить из романа все сколько-нибудь «опасные» и «предосудительные» места.

Только после Великой Октябрьской революции роман Рабле, как и произведения всех других классиков, стал у нас достоянием народа — и взрослых и юных читателей.

За последние десятилетия на русском языке вышло три перевода «Гаргантюа и Пантагрюэля».

Первый из них выполнен поэтом Владимиром Пястом. Хотя перевод сокращенный, по своим художественным достоинствам он неизмеримо превосходит не только бледную перелицовку, сделанную Анной Энгельгардт, но и добросовестную работу В. В. Маркова, погребенную в цензурном архиве.

Перевод Н. М. Любимова по праву считается одним из высших достижений советского переводческого искусства.

В переводе Любимова «Гаргантюа и Пантагрюзля» читают взрослые, а для детей и подростков еще в тридцатых годах его пересказал талантливый поэт Николай Заболоцкий. Он бережно сохранил вместе с лучшими эпизодами романа и его сатирическую соль. В увлекательном художественном пересказе Заболоцкого, украшенном иллюстрациями Доре, книга издавалась много раз.

Стр. 37. Сократ (470—399 до н. э.) — древнегреческий философ, оказавший огромное влияние на последующее развитие философии, как постижения истины путем самопознания человека, размышлений о противоречивой сложности бытия. Излагал свое учение устно. Взагляды Сократа дошли в изложении его учеников Ксенофонта и Платона.

Стр. 37. Силен — в греческой мифологии воспитатель и спутник бога виноделия Диониса, иначе Бахуса или Вакха, участник веселых шествий и гульбищ в дни сбора винограда — вакханалий (празднеств) в честь Диониса. Силену изображали в виде добродушного, толстого, лысого, пьяного старика, никогда не расстававшегося с мехом вина. Силен — отец многочисленных силенов и сатиров, существ с козлиными копытами и рогами. Ларцы и шкатулки с изображением сцен вакханалий во времена Рабле называли «силенами».

Стр. 39. Грангузье (франц.) — «большая глотка». Гаргамель — имя жены Грангузье, тоже по-французски — «глотка». В старинных французских сказках и преданиях о подвигах великана Гаргантюа, его жены и сына, послуживших источником для народных книг и для романа Рабле, говорится о фантастическом обжорстве великанов.

Стр. 39. Собор Парижской богородицы (Нотр-Дам де Пари) — замечательный памятник французской готической архитектуры. Построен в XII—XIV веках в центре Парижа на острове Сите.

Стр. 43. Локоть — старинная мера длины, примерно 38—46 см.

Стр. 46. Иноходец — верховая лошадь с особым аллюром (ви-

дом движения), при котором она попеременно выносит и опускает правые и левые ноги.

Стр. 48. **Филипп II** (382—336 до н. э.) — царь Македонии, отец **Александра Македонского** (356—323 до н. э.), знаменитого полководца древности, завоевателя Греции, персидского царства, Египта и других стран, вплоть до Индии. Созданная им «мировая монархия» оказалась непрочной и после смерти Александра распалась. Его учителем был **Аристотель** (384—322 до н. э.), греческий философ и крупнейший ученый, чей авторитет считался непрекращаемым и на всем протяжении средних веков. Во времена Рабле знание сочинений Аристотеля считалось обязательным для каждого образованного человека. Упоминаемый в романе конь Александра Македонского, по прозвищу **Буцефал** (или **Букефал**), как гласят легенды, слушался только укротившего его повелителя, умел говорить по-человечески и даже изрекал пророчества. Когда Буцефал был убит в битве на реке Гидаспе, Александр основал на этом месте город и назвал его в честь коня **Букефалой**.

Стр. 48. **Метр** (**мэтр**) — учитель, наставник.

Стр. 49. **Церковный календарь** — ежегодные сборники с указанием дат праздников, постов, приуроченных к ним молитв, дней, связанных с легендарными событиями из истории христианской религии, из жизни святых и т. д.

Стр. 51. **Понократ** — по-гречески — «сильный», «неутомимый». В романе Рабле имена почти всех персонажей имеют смысловое значение, соответствуют характеру или склонностям человека.

Стр. 52. **Цицерон Марк Тулий** (106—43 до н. э.) — римский политический деятель и оратор, славившийся красноречием. Сочинения (речи) Цицерона считаются образцами классической латыни, изучались в гимназиях на уроках латинского языка.

Стр. 52. **Лангедок** — область на юге Франции, где выведена порода коз с длинными висячими ушами.

Стр. 55. **Университет** был основан в Париже Робером де Сорбоном (1215), духовником короля Людовика IX, и по имени основа-

теля до сих пор называется Сорбонной. В средние века Сорбонна была богословским коллежем, а также общежитием для преподавателей и студентов.

Стр. 55. Башня Нель, или Нельская башня, возведенная на городских укреплениях Парижа, получила свое название от находившегося неподалеку особняка Рауля де Неля, коннетабля (военного советника короля). Башня была снесена в XVII веке. Ныне на этом месте находится французская Академия наук.

Стр. 57. «Воздайте кесарево кесарю, а божье богу», то есть каждому свое — изречение из Евангелия, одной из основных книг христианской религии, рассказывающей о деяниях Иисуса Христа. Кесарь — старинное прочтение римского имени и императорского титула (Цезарь).

Стр. 57. «...разрешение от всех грехов». — В католической церкви полное или частичное отпущение (прощение) грехов при предъявлении индульгенции, свидетельства, купленного за деньги. Стоимость индульгенции зависела от тяжести преступления.

Стр. 57. Речь метра Янотуса — пародия на мнимую ученость средневековых философов, нарочно усложнявших простейшие понятия, чтобы запутать слушателей. Под видом ученых в средние века нередко подвизались ловкие шарлатаны.

Стр. 58. Архидиакон — высокое должностное лицо в церковной иерархии — системе должностей и званий, от низших к высшим.

Стр. 58. Капеллан — священник, обслуживающий капеллу (церковную часовню или небольшую самостоятельную церковь при доме или дворце).

Стр. 58. Четки — нить с нанизанными на нее стеклянными, костяными или деревянными бусинами, предназначенная для отсчета молитв и поклонов. У католиков четки — принадлежность преимущественно монахов.

Стр. 59. Пустычник или отшельник — человек, поселившийся в полном уединении, посвятивший себя религиозным размышлениям и молитвам.

Стр. 62. Алхимики — средневековые ученые донаучного периода развития химии. Занимались поисками «философского камня», способного якобы превращать неблагородные металлы в благородные, эликсира долголетия, универсального растворителя и т. д. Попутно алхимики добивались и полезных результатов, которые использовались в практической деятельности.

Стр. 63. Рабле противопоставляет в этой главе два типа воспитания. Первое — религиозное, средневековое, сводившееся к заучиванию наизусть церковных книг и молитв. Оно было оторвано от жизни и отучало мыслить самостоятельно. Новая воспитательная система, которую представляет Понократ, возникла в эпоху Возрождения и ставила своей целью всестороннее развитие личности — физическое и духовное. Такое воспитание прежде всего приучало человека к труду и готовило его быть полезным для общества.

Стр. 64. Мызники — то же, что хуторяне.

Стр. 65. Пикроколь (в новых переводах Пикрохол) — по-гречески «желчный», «злой».

Стр. 66. Пищаль — старинное тяжелое ружье.

Стр. 66. Бомбарда — старинное артиллерийское орудие, стрелявшее каменными ядрами.

Стр. 66. Мортира — старинное огнестрельное орудие малого калибра, навесной стрельбы, применялась при осаде городов и крепостей.

Стр. 66. Василиск — артиллерийское орудие XVI века, стрелявшее тяжелыми железными ядрами. На стволе отливалось изображение василиска — мифического чудовища, способного убивать взглядом.

Стр. 68. А б б а т с т в о — католический монастырь с принадлежащими ему землями, управляемый аббатом.

Стр. 74. В присутствии короля по этикету только самым знатым лицам разрешалось не снимать шляпы. Тем самым Пикроколь выражает расположение к угодившим ему приближенным.

Стр. 74. Б а р б а р о с с а (Рыжая борода) — прозвище Хайраддина, знаменитого корсара XVI века, ставшего правителем Алжира и адмиралом флота Османской (Турецкой) империи.

Стр. 75. Католик, попавший на прием к папе римскому, согласно обычаю, должен целовать у него туфлю.

Стр. 75. Х р а м С о л о м о н а, по преданию, был построен в Иерусалиме царем Иудей Соломоном (X век до н. э.), а затем был разрушен вавилонянами.

Стр. 77. М о с к о в и т ы — обитатели Московии. Так до XVIII века называли в Западной Европе Русское государство.

Стр. 82. М о н т е г ю — коллеж (школа) в Париже.

Стр. 83. П а л о м н и к и или пилигримы — богомольцы, совершающие путешествия к «святым местам» (у христиан Иерусалим, Рим), где находятся всевозможные христианские реликвии («мощи святых», «чудотворные» иконы и др.).

Стр. 86. С в я т о й Б е н е д и к т — церковный деятель VI века, основатель католического монашеского ордена бенедиктинцев, требовал, чтобы монахи занимались физическим трудом.

Стр. 86. «...п р о с и т п о д а ч к и, с л о в н о н а ш г о р о д с к о й с у д ь я...» — Рабле намекает на продажность правосудия и его служителей.

Стр. 88. Псалмы — молитвенные песнопения, составляющие Псалтырь. Сочинены в глубокой древности, но не ранее VI века до н. э. Приняты христианской церковью.

Стр. 89. Клобук — монашеский головной убор черного цвета, с накидкой из креповой ткани, спускающейся на плечи тремя концами.

Стр. 90. Орарь — часть облачения дьякона, парчовая перевязь, расшитая крестами.

Стр. 90. Дипсодия — по-гречески: страна жаждущих, иначе — людей, томимых жаждой.

Стр. 93. Антонов огонь — так называли болезнь, свирепствовавшую в средние века, которая проявлялась в омертвлении конечностей (гангрена) в результате отравления паразитическим грибом на злаках — спорыньей. Чтение молитв, обращенных к святому Антонию, якобы исцеляло от болезни. Отсюда — ее название.

Стр. 95. Гриппино — значит «захватчик».

Стр. 95. Меленские угри. — По народному поверью, угри перед смертью кричат.

Стр. 96. Молочайник — растение, содержащее ядовитый белый сок.

Стр. 98. Король Анарх — по-гречески: «не имеющий власти».

Стр. 103. Вурдалак (упырь, вампир) — сказочный оборотень, мертвец, выходящий по ночам из могилы, чтобы сосать кровь у живых людей.

Стр. 104. Геркулес (Геракл) — в древнегреческой мифологии герой-полубог, сын Зевса и смертной женщины. Благодаря своей сверхъестественной силе совершил знаменитые двенадцать подвигов.

Стр. 104. Магомет (Мухаммед; ок. 570—632) — основатель ислама, религиозного учения мусульман. Почитается пророком. Магометанство вскоре после своего появления распространилось на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в передней Азии.

Стр. 109. Новый Свет — так европейцы называли Америку.

Стр. 110. Замок Сальмигонден — от сальмигонди — рагу, приготовленного из разных сортов мяса.

Стр. 112. Телемское аббатство — от греческого «Телем» — желание, то есть желанное, превосходное, воплощающее в представлении Рабле высшую справедливость, идеальное общественное устройство.

Стр. 119. «...поджаривали на костре какого-то профессора». — Суды инквизиции, «правосудия» католической церкви, жестоко расправлялись с вольнодумцами либо с заподозренными в несогласии со всеми церковными установлениями. Обвиненных в ереси (среди них было немало ученых) подвергали жесточайшим пыткам, сжигали на кострах.

Стр. 120. «...отвечал незнакомец по-немецки». — Эта фраза значит: «Молодой человек, дай вам бог счастья и благополучия».

Стр. 121. Лорд, гефтолб... — Эти слова произнесены на шотландском диалекте английского языка: «Сударь, если вы так же сильны разумом...» (подразумевается: «...сколь велики и телом»).

Стр. 121. Иона андиэ... — На языке басков, живущих в пограничных областях Испании и Франции, это значит: «Сударь, против всякой болезни должно найтись лекарство».

Стр. 121. «...меня зовут Панург» — по-гречески: «всеумеющий» и вместе с тем — «пройдоха», «плут». Панург — собирательный образ вольнодумца эпохи Возрождения, бродячего школяра (студента) или странствующего ученого, столь же красноречивого, сколь и ловкого.

Стр. 128. С у — французская медная монета.

Стр. 128. Д е н ь е — старинная мелкая медная монета (во Франции), $\frac{1}{12}$ су.

Стр. 128. М о щ и — высохшие останки людей, объявленных духовенством «чудотворными» и «нетленными». Поклонение «святым мощам» поощряется католической и православной церковью.

Стр. 129. Намек на папу римского Сикста IV (1414—1484), введшего в Испании инквизицию, объявившего жестокую войну протестантам и «еретикам».

Стр. 129. Д е к а н — у католиков глава монастыря или соборной церкви.

Стр. 129. М а г и с т р — ученая степень, установленная в средневековых университетах и до сих пор сохранившаяся в западных странах.

Стр. 130. Н а в а р р с к и й з а л — актовый зал, где проводились ученые диспуты, в старинном учебном заведении Франции Наваррском коллеже.

Стр. 132. «...г р е м я т с в о и м и п о г р е м у ш к а м и». — В средние века проказа была распространенной болезнью. Чтобы избежать заражения, прокаженных изгоняли из городов. Жили они в особых поселениях и должны были сообщать о своем приближении трещотками. Ныне заболевших проказой (лепрой) лечат в специальных клиниках — лепрозориях.

Стр. 136. К а н о н и к (в католической церкви) — член совета священнослужителей при епископе.

Стр. 137. П а н з у — деревня во Франции, на реке Луаре, где, по преданию, жила в пещере местная пророчица — «панзуская сивилла». Сивиллы в Древней Греции и Риме — легендарные женщины-пророчицы. Их прорицания записывались в «Сивиллины книги».

Стр. 140. Г е р Т р и п п а — искаженное имя Генриха Корнелия Агриппы (1486—1535), в свое время знаменитого ученого, прославившего в народе колдуном.

Стр. 140. А с т р о л о г и я — учение о якобы существующей связи между расположением небесных светил и историческими событиями, судьбами людей и народов. Учение это возникло в древности и особенно было распространено в средние века, когда при дворе почти каждого властителя был свой астролог, занимавшийся составлением гороскопов — таблиц взаимного расположения звезд и планет — и предсказаниями будущего. Астрологи, наблюдавшие звездное небо, заложили основу науки о звездах — астрономии, но сама по себе астрология не имеет под собой научной почвы.

Стр. 140. Х и р о м а н т и я (от греческих слов «рука» и «гадание») — тоже своего рода учение, возникшее в глубокой древности: гадание по линиям и бугоркам ладони, якобы позволяющее определить характер человека и предсказать его судьбу.

Стр. 144. М а л ы й Ш а т л е — одна из парижских крепостей. Служила тюрьмой и была разрушена в 1782 году.

Стр. 147. Т р и б у л е (1479—1536) — придворный шут двух французских королей: Людовика XII и Франциска I, ставший героем драмы Виктора Гюго «Король веселится».

Стр. 150. Т а л а с с а (греч.) — море.

Стр. 151. М е д а м о т и (греч.) — нигде.

Стр. 151. А х и л л — один из героев греческой мифологии. Его подвиги при осаде Трои воспеты в «Илиаде» Гомера.

Стр. 151. Е д и н о р о г — легендарный зверь, упоминаемый в Библии, в произведениях средневековой литературы и даже в описаниях путешествий, но существование которого не подтверждается научными данными.

Стр. 151. Х е л и д о н (греч.) — ласточка.

Стр. 154. Л е в а н т и й с к и й, от Левант — восток, то есть расположенный на юго-восточном побережье Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет и другие страны).

Стр. 157. «...пока не потонуло все стадо». — Рабле пересказывает устами Панурга старинную новеллу о хитроумном человеке, отомстившем своему врагу. Выражение «панургово стадо» стало нарицательным для обозначения бездумного, «стадного» чувства.

Стр. 166. М а к р е о н (греч.) — долго живущий, старик.

Стр. 169. П а н — в греческой мифологии бог стад. покровитель пастухов, лесов, лугов, пастбищ и всей природы. Его изображали в виде козлоногого, покрытого шерстью человека, с бородой, рожками и хвостом, играющим на изобретенной им свирели, нередко — в обществе нимф. Пан — бог веселья и радости, но в часы уединения он не любил, чтобы его тревожили, и нагонял на нарушителей своего покоя «панический» страх.

Стр. 169. Т и б е р и й (42 до н. э.—37 н. э.) — римский император, преследовавший христиан, поборников новой религии, которая стала распространяться в годы его правления. С этой эпохой связывают возникновение легенды о смерти Пана.

Стр. 174. К о м м о д (161—192) — римский император. Отличался ловкостью и физической силой, участвовал в боях гладиаторов.

Стр. 174. Ч е м е р и ц а — род многолетних трав с ядовитым соком.

Стр. 174. С к и ф ы — древние племена в Северном Причерноморье (VII в. до н. э. — III в. н. э.). Скифское государство было разгромлено готами.

Стр. 174. Д а р и й I — древнеперсидский царь (522—486 гг. до н. э.) династии Ахеменидов. Расширил границы своего государства, но потерпел поражение в походе против скифов.

Стр. 175. «Умирающий Змей опрокинулся брюхом в верх...» — описание соответствует легендам о гигантском морском чудовище, якобы способном топить корабли. Природа морского змея до сих пор не разгадана. Иногда их смешивают с гигантскими кальмарами (спрутами).

Стр. 175. Сколопендра — род членистоногих (насекомых), укусы которых иногда бывает смертелен.

Стр. 178. «...это воинственный, смелый народ». — Швейцарцы служили наемниками в иностранных армиях. Считались в XVI веке лучшими пехотинцами, в совершенстве постигшими военное искусство.

Стр. 178. Сирены — в греческой мифологии морские божества, полуптицы-полуженщины, привлекающие моряков волшебным пением. Иногда изображались с рыбьим хвостом, чаще — с птичьими ногами и крыльями.

Стр. 179. Навуходоносор II — царь Вавилонии в 605—562 гг. до н. э. Совершил несколько походов в Египет, разрушил Иерусалим и ликвидировал Иудейское царство.

Стр. 179. Набузардан — по библейскому преданию, был полководцем Навуходоносора, а по позднейшим легендам — искусным поваром.

Стр. 183. Колбасная мостовая — улица в Париже, действительно существовавшая до 1676 года.

Стр. 186. Папефиги, то есть показывающие папе римскому фигу, в отличие от папиманов (см. гл. XXIX), приверженцев папы. Иносказательное изображение религиозных распри между протестантами и католиками. Под флагом протестантизма (или Реформации) в XVI веке плачевались массы крестьянства и городской бедноты, борясь против притеснений со стороны феодалов и католической церкви. «Религиозные войны», продолжавшиеся в Западной Европе до XVII века, способствовали крушению феодального строя.

Стр. 187. Сирокко — сухой южный ветер в Средиземноморье, приносящий из африканских пустынь пыль и песок.

Стр. 193. Декрета ли — постановления римских пап (с IV века) в форме посланий для оглашения в церквях.

Стр. 195. Моисей — в библейской мифологии предводитель израильских племен, получивший от бога Яхве скрижали (каменные доски) с «Десятью заповедями». У иудаистов, мусульман и христиан Моисей — «пророк».

Стр. 197. Т и а р а — высокая тройная корона папы римского.

Стр. 198. Протестанты (см. также примеч. к с. 162) — представители одного из трех направлений христианства, отколовшегося от католицизма. Протестанты не признавали папу римского как главу церкви.

Стр. 204. А р и м а с п и й ц ы (одноглазые люди) и н е ф л и д а т ы («ходящие по облакам») — сказочные народы.

Стр. 204. Ф а л ь к о н е т — артиллерийское орудие (XVI—XVIII веков), стрелявшее свинцовыми ядрами.

Стр. 205. Г о г и М а г о г — в библейской и мусульманской мифологиях два диких народа, нашествие которых должно предшествовать «страшному суду».

Стр. 205. Г а с т е р (греч.) — желудок.

Стр. 209. Х а н е ф (древнеевр.) — лицемерие.

Стр. 209. А с т р о л я б и я — угломерный инструмент, служивший до XVIII века для определения долгот и широт по расположению звезд. С помощью астробии устанавливалось местонахождение корабля.

Стр. 215. «...появились сразу два папага». — Речь идет о расколе в католической церкви, когда в конце XIV века папский престол занимали одновременно два папы — в Риме Урбан VI и в Авиньоне — Климент VII. Раскол, подорвавший авторитет католицизма, был ликвидирован в 1417 году.

Стр. 217. Разноцветное оперение птиц на острове Звонком (подразумевается двор папы римского) означает различные одеяния, соответствующие духовному сану: черная одежда — аббаты, красная — кардиналы, белая — папа и т. д. Породы птиц расшифровываются: клерги — клирики (духовные лица), монаги — монахи, претраги — священники, аббеги — аббаты, эвеги — епископы, карденги — кардиналы, папаг — папа. Вся глава — злая сатира на монашество, церковников, папскую курию (двор).

«...мы ничего от них не получаем.— Имеются в виду страны, принявшие протестантство (север Германии, Скандинавия, Голландия, Англия), которые поэтому отказались платить налог Римской католической церкви, что заметно отразилось на ее доходах.

Стр. 221. «...э р д ж е р ц о г П у ш и с т ы х К о т о в». — Гл. XXIX представляет собой продолжение сатирических выпадов Рабле против тогдашнего судопроизводства во Франции. Члены высших судебных учреждений «Парламентов» (были упразднены в 1789 году) носили подбитые горностаем мантии. Отсюда — «пушистые коты», которых ненавидят свободолюбивые герои романа.

Стр. 228. О г о н е к с в я т о г о Э л ь м а. — Электрические разряды в атмосфере, возникающие в форме светящихся пучков на острых концах высоких зданий, мачт, скал и т. д. Названы так по церкви св. Эльма, на шпилье которой они часто наблюдались. В старину огоньки св. Эльма считались добрым предзнаменованием.

Стр. 229. «...л ю б о й м е т а л л п р е в р а т и т в з о л о т о». — См. примеч. к стр. 62.

Стр. 229. «...д о к т о р с к а я ш а п к а...» — часть облачения средневекового ученого, обладателя докторской степени. В некоторых странах (например, в Англии) старинное облачение ученых сохраняется для торжественных церемоний.

Стр. 231. «...и з л е ч и в а ю т б о л ь н ы х о д н и м п р и к о с н о в е н и е м р у к и...» — Эта чудодейственная способность когда-то приписывалась французским королям.

Стр. 232. Вера в целительное действие музыки восходит к глубокой древности и в настоящее время служит предметом научных исследований. В мифах разных народов есть немало сюжетов, связанных с волшебной силой песнопения или игры на музыкальных инструментах.

Стр. 233. П а н а ц е я — у алхимиков универсальное лекарство, якобы исцеляющее от всех болезней, которое тщетно пытались найти так же, как и философский камень.

Стр. 236. А м б р о з и я и н е к т а р — в древнегреческой мифологии пища и напиток, дарящие богам вечную юность и бессмертие.

Стр. 237. Гл. XLIV (о пребывании путешественников на острове Сандалий) — сатира на монашеские ордена (объединения католических монахов) и прежде всего на орден капуцинов, основанный в начале XVI века в Италии. Капудины носят капюшоны (отсюда и название) и сандалии. Б е н и й, король острова, — намек на папу Павла III, покровительствовавшего капуцинам.

Стр. 242. П и г м е и — низкорослые обитатели лесов тропической Африки; упоминаются в древнейших египетских надписях, в «Одиссее» Гомера, в «Истории» Геродота (V век до н. э.), но европейцам XVI века, имевшим о них очень смутные представления, пигмеи казались народом полусказочным, подобно мифическим великанам.

Стр. 242. К а н н и б а л ы — людоеды.

Стр. 242. «...п р и б л и з и л и с ь к Ф о н а р н о й с т р а н е» — то есть стране просвещенной, где беспрепятственно развиваются науки и искусства. Ср. выражения: «Свет истины», «светоч знания». Отсюда в иносказательном смысле «Фонари» и «Лампы».

Стр. 246. З е л е н ы е в е т к и служили символом добрых, мирных намерений.

Стр. 249. С а т у р н — у древних римлян бог времени, посева и жатвы. Его изображали с косой в руках. К о с а — символ времени.

Стр. 249. Ю п и т е р — в римской мифологии (у греков Зевс) — верховный бог, царь и отец богов и людей; ему подчиняются свет, небо, гром, молнии. Эмблема Юпитера — орел с молнией в клюве.

Стр. 250. Ф е б - А п о л л о н — бог солнца, покровитель муз (наук и искусств). Его эмблема петух — вестник зари.

Стр. 250. В е н е р а — у римлян (в греческой мифологии — Афродита) — богиня любви, плодородия и женской красоты, ее эмблема — белый голубь.

Стр. 250. М е р к у р и й (греч. Гермес) — бог торговли, покровитель купцов. Он же — вестник богов и покровитель гимнастических состязаний. Изображался с крыльями на сандалиях и с жезлом, обвитым змеями. Его эмблема — аист.

Стр. 250. «...колонны, посвященные семи небесным планетам...» — Подвижные планеты еще в древности отличали от кажущихся неподвижными звезд. Античному миру были известны планеты, названные именами богов: Меркурий, Марс, Юпитер, Сатурн и Венера, которую называли Геспер (с богиней Венерой связали ее в средние века). К планетам причислялись также Луна и Солнце. Открытые в XVIII—XX веках планеты получили названия: Уран, Нептун, Плутон. По научным представлениям древних, все семь планет прикреплены к прозрачным хрустальным сферам, которые вращаются вокруг неподвижной Земли (учение Аристотеля и Птолемея). Великий польский астроном Коперник совершил переворот в естествознании, объяснив видимые движения небесных светил вращением Земли вокруг оси и обращением планет вокруг Солнца. Книга Коперника «Об обращении небесных сфер» (1543) была издана еще при жизни Рабле, но вряд ли была ему известна.

СВИФТ Д.

«ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА»

«Я сейчас пишу историю своих путешествий, которая составит большой том и даст отчет о странах, доселе неведомых», — сообщил Свифт одному из друзей, запретив разглашать тайну. Прославленный роман создавался и печатался в обстановке строжайшей секретности. Лондонский книгопродавец Б. Мотт получил заказ от имени некоего Ричарда Симпсона на издание записок его двоюродного брата капитана Лемюэля Гулливера, не подозревая, кто является подлинным автором, и мог только радоваться, что согласился выпустить эти «записки» к рождеству 1726 года. Уже через неделю понадобился новый тираж. Повторные допечатки, обогатившие книгопродавца, следовали одна за другой. Одновременно «Путешествия Гулливера» печатались для широкой публики на страницах газет.

«Говорят, будто Вы автор, — писал Свифту из Лондона вскоре после появления книги поэт и драматург Джон Гей. — Читают ее повсюду, от мала до велика, от кабинета министра до детской». Но Свифт упорно отрицал свое авторство и только в 1737 году, когда тайное давно стало явным, согласился включить «Путешествия Гулливера» в единственное прижизненное Собрание сочинений. Современники старались расшифровать скрытые в тексте иносказания и намеки, привязать их к конкретным лицам и реальным событиям. Толкователи составляли «Ключи» к «Путешествиям Гулливера» — первые, отнюдь не научные, комментарии.

В Англии в то время находился в изгнании молодой вольнодумец Вольтер, впоследствии признанный одним из величайших писателей и

философов «века Просвещения». Свифта он ценил даже выше, чем своего соотечественника Рабле. Сразу же после выхода в свет Вольтер послал «Путешествия Гулливера» французскому литератору аббату Дефонтену, и тот поспешил их издать в своем переводе. Отправив автору второе издание в сопровождении почтительного письма, Дефонтен признался, что сделал свой перевод «свободным и далеким от оригинала» и даже «взял на себя смелость кое-что прибавить». Свифт в ответном письме выразил притворное удивление, что ему приписывают книгу, которая «проживет столько же, сколько наш язык, ибо ценность ее не зависит от преходящих обычаев мышления и речи, а состоит в ряде наблюдений над извечным несовершенством, безрассудством и пороками рода человеческого».

Французский перевод был издан уже на следующий год после появления «Путешествий Гулливера» в Англии. В том же 1727 году роман был переложен на немецкий и голландский языки, в 1729 году — на итальянский, в 1768-м — на датский, в 1772-м — на русский.

В России XVIII века английским владел немногие. Произведения англоязычных писателей, за редкими исключениями, переводились с французских или немецких изданий. Перевод с перевода тем дальше уводил от подлинника, чем больше переводчик приспособлялся к русским понятиям и обычаям. И так продолжалось до середины XIX века, пока не повысились требования к переводам.

Имя английского сатирика проникло в Россию в ореоле легенд о его язвительном остроумии и суровой насмешливости. Поначалу печатались в журналах и сборниках его изречения («Размышления о разных материях»), небольшие памфлеты, отрывки из «Сказки бочки». Первым русским переводчиком Свифта был образованный литератор Григорий Козицкий. В 1758 году он переложил с немецкого и поместил в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» злую сатиру Свифта на шарлатана-астролога Партриджа — «Письмо с предсказательствами Бикерштафа».

Нельзя обойти вниманием и такой любопытный факт, что русские читатели сначала получили приписанную Свифту пародию на его роман неизвестного немецкого автора, а потом, через два года, перевод самих «Путешествий», правда, в изложении Дефонтена. Первая из упомянутых книг — «Капитана Самуила Брунта путешествие в Каклогалинию, или в Землю пегухов, а оттуда в Месяц (то есть на Луну). Сочинения г. Д. Свифта, славного англнского писателя. Переведено с немецкого» — вышла двумя изданиями: в 1770-м и 1788 году. Английский же роман появился без имени автора в четырех томиках под названием «Путешествий Гулливеровых книга, переведена с французского языка на российский Коллегии иностранных дел переводчиком Ерофеем Каржавиным» (Санкт-Петербург, 1772—1773).

Более поздняя попытка, при Павле I, издать книгу Свифта в новом переводе была сорвана цензором. Но это не приостановило продвижение

романа к русским читателям: переиздавался перевод Е. Каржавина (1780; 1820), а потом появились другие переводы — тоже сокращенные и тоже с французского. В журналах продолжали печататься памфлеты Свифта, его подлинные и мнимые изречения, а также жизнеописания знаменитого сатирика. Одно из них — «Некоторые черты из жизни доктора Свифта» — перевел с французского В. Г. Белинский (журнал «Молва», 1833). По-прежнему не дремала царская цензура, запретившая во второй половине века большой однотомник избранных сочинений сатирика, включавший немало острых памфлетов, в том числе и направленных против церкви.

Первый сокращенный перевод «Гулливера» с английского подлинника появился в 1889 году. И только в 1902 году русские читатели впервые получили возможность ознакомиться с полным текстом романа по добросовестному переводу А. Шишмаревой. В наше время «Путешествия Гулливера» часто издаются в переводе Б. М. Энгельгардта и в переводе под редакцией А. Франковского с иллюстрациями знаменитого французского графика Жана Гранвилля, которые воспроизводятся и в этом томе «Библиотеки мировой литературы для детей».

Историю «Гулливера» в детской литературе начал все тот же аббат Дефонтен. Не довольствуясь своим переводом-изложением, он сочинил забавную книгу «Новый Гулливер, или Путешествия Жана Гулливера, сына капитана Лемюэля Гулливера» (1780). Герой «Путешествий» попадает в страну, где власть принадлежит женщинам; затем — на остров, населенный одними поэтами; оттуда — в страну, жители которой, достигнув преклонных лет, омолаживаются, и т. д. На русском языке эта книга появилась в 1791 году, но, к счастью, не вытеснила «Гулливера-старшего», как и обработка немецкого педагога И. Г. Базедова. Последний поставил своей целью в изложении свифтовского сюжета «дать юношеству первые понятия о вещах всякого рода» (в русском издании — «Великан и Карло. Рассказ о Гулливере среди лилипутов», 1793).

Великое произведение Свифта вошло в детскую литературу в двух вариантах — пересказы для детей младшего возраста и облегченные переводы для подростков. До 1917 года библиографы насчитывают около сорока изданий «Путешествий Гулливера» в обработке русских переводчиков и педагогов. С тридцатых годов многократно переиздавался и переведен на многие языки народов СССР пересказ первых двух частей, сделанный для младших школьников писательницей Т. Габбе. Для старших школьников издается сокращенный перевод всех четырех частей Б. Энгельгардта, представленный и в настоящем издании.

Подробнее о судьбе романа Свифта в России и в других странах можно прочесть в книге В. Муравьева «Путешествие с Гулливером» (М., 1972), откуда мы заимствовали отдельные факты для этого очерка.

Стр. 261. Южное море — старинное название южной части Тихого океана.

Стр. 261. Вандименова Земля — старинное название острова Тасмания, расположенного к юго-востоку от Австралии.

Стр. 262. Полукабельтов — английская морская мера длины. Один кабельтов равен 183 метрам.

Стр. 262. Имеется в виду морская миля, равная 10 кабельтовым.

Стр. 263. Пинта — английская мера жидкости, около 0,5 литра.

Стр. 263. Дюйм равен 2,3 сантиметра.

Стр. 265. Ярд равен 91,4 сантиметра.

Стр. 265. Фут равен 30,48 сантиметра.

Стр. 268. Верительные грамоты — документы, свидетельствующие о назначении дипломатического представителя в иностранную державу.

Стр. 273. «...движения грациозные, осанка величественная». — По замыслу автора, король Лилипутии должен был напоминать английского короля Георга I, находившегося у власти с 1714-го по 1727 год. Из осторожности Свифт не решился придать лилипутскому королю портретного сходства с некрасивым и низкорослым Георгом, но зато распространил сходство на некоторые черты характера последнего. Подобно Георгу I, лилипутский король отличался большой скупостью и почти не вмешивался в дела правления, фактически передоверив заботы о государстве своим министрам.

Стр. 273. «...ему двадцать восемь лет и девять месяцев...» — Свифт хочет подчеркнуть этим, что жизнь лилипутов менее продолжительна, чем жизнь обычного человека.

Стр. 274. «...юбка, вышитая золотом и серебром». — Намек на современные Свифту моды. Одежды аристократок начала

XVIII века отличались необыкновенной пышностью, были расшиты золотыми и серебряными шнурами, унизаны драгоценными камнями. Одно такое платье нередко стоило целого состояния.

Стр. 279. «...и составили подробную опись всему, что нашли». — Здесь осмеивается деятельность тайного комитета, учрежденного главным министром Георга I Робертом Уолполом для борьбы с якобитами, то есть сторонниками свержения Георга I и возведения на престол сына Якова II Стюарта, короля, изгнанного из Англии во время революции 1688 года. Свифт с большим искусством описывает обыск Гулливера подозрительными, невежественными чиновниками, которые даже не сумели понять назначения найденных ими предметов, но зато обстоятельно их описали в своем протоколе.

Стр. 284. «...Флимнап пользуется особой славой за свои прыжки». — Под именем Флимнапа выводится ненавистный Свифту премьер-министр Роберт Уолпол, стоявший с 1721 года во главе министерства вигов, одной из двух борющихся партий, представлявших интересы имущих классов. Политическую деятельность Уолпола Свифт уподобляет ловким прыжкам канатного плясуна.

Стр. 286. «...красная дается второму по ловкости, а зеленая — третьему». — Синяя, красная, зеленая нити — цвета английских орденов Подвязки, Бани и святого Андрея.

Стр. 288. «...в позу Колосса Родосского, раздвинув ноги насколько возможно шире». — Колосс Родосский — медная статуя высотой в 72 метра, стоявшая у входа в гавань города Родоса. По преданию, широко расставленные ноги этой статуи служили воротами для прохода кораблей.

Стр. 290. «...снаряжается для нападения на нас». — Отношения между Лилипутией и Блефуску разительно напоминают Англию и Францию периода войны за испанское наследство (1702—1713). Чтобы намеки не были столь очевидными, Свифт располагает Лилипутью на континенте, а Блефуску — на острове.

Стр. 291. К в а д р а н т — старинный астрономический инструмент для определения высоты небесных светил (главным образом солнца).

Стр. 295. «Первые являются сторонниками высоких каблуков, вторые — низких». — Под партиями Тремексенов и Слемексенов Свифт подразумевает враждующие партии тори и вигов.

Говоря о том, что борьба партий сводилась к борьбе за высокие или низкие каблуки, он показывает тем самым, что разногласия между этими партиями были не столь существенны и не затрагивали основных вопросов государственной жизни. Пристрастие императора лидипутов к низким каблукам — намек на принадлежность к партии вигов Георга I, изгнавшего после своего вступления на престол всех тори из правительственных учреждений.

Стр. 295. «...его высочество немного прихрамывает». — Намек на принца Уэльского, впоследствии короля Георга II (1727—1760), который долгое время не мог решить, какой партии отдать предпочтение, и приглашал к себе во дворец как вигов, так и тори.

Стр. 296. «...разбивать яйца с острого конца». — Партии Тупоконечников и Остроконечников — сатирическое изображение религиозного раскола, разделившего христианскую церковь на католическую и протестантскую. В XVI веке, когда появилось протестантское, или реформационное, движение, борьба протестантов с католиками по религиозным вопросам в действительности была борьбой против стремления папы римского и католической церкви вмешиваться во все области государственной и хозяйственной жизни. Позднее, когда религиозные войны, вызванные протестантами, закончились и почти во всех странах произошли экономические и общественные преобразования, способствовавшие ликвидации феодализма, споры между католиками и протестантами свелись к узкорелигиозным разногласиям, которые были, по мнению Свифта, столь же несущественны, как разногласия остроконечников и тупоконечников. (Более подробно Свифт выражает свое отношение к религиозным вопросам в книге «Сказка бочки».)

Стр. 296. «...и укрывали их участников в своих владениях». — Под монархом, потерявшим жизнь, подразумевается король Карл I, казненный во время английской буржуазной революции по приговору особого трибунала за измену родине (1649). «Монарх, потерявший корону» — король Яков II, бежавший во Францию в результате государственного переворота — так называемой «славной революции» 1688 года. Французский король Людовик XIV (1643—1715), которого во многом напоминает монарх Блефуску, готовясь к войне с Англией, действительно оказывал покровительство английским политическим эмигрантам, особенно якобитам, так как считал Якова II законным английским королем.

Стр. 296. Алкоран, или Коран, — священная книга мусульман (магометан), содержащая всевозможные легенды, изложение религии, правила поведения и т. д.

Стр. 296. «...личное дело каждого верующего». — В этих словах выражено отношение самого Свифта к религиозным разногласиям.

Стр. 300. «...полновластным владыкой вселенной». — В войне за испанское наследство английский главнокомандующий герцог Мальборо (Черчилль) одержал во Франции ряд решительных побед, которые могли бы, как утверждают историки, при дальнейшем нажиме привести к полному покорению Франции. Однако тяготы, вызванные затянувшейся войной, были настолько нестерпимы и возмущение народных масс достигло такой степени, что министерство вигов, стоявшее за продолжение войны, было вынуждено в 1710 году уйти в отставку. Новое министерство тори во главе с лордом Болинброком отозвало Мальборо из Франции и поспешило с заключением мира. Здесь и в дальнейшем Гулливер во многом начинает походить на Болинброка.

Стр. 302. «Совесть моя была совершенно чиста перед императором». — Здесь усматривают намек на обвинение Болинброка, возведенное на него Уолполом, в установлении секретных переговоров с французским правительством, когда Англия еще находилась с Францией в состоянии войны. Спасаясь от преследования, Болинброк бежал во Францию и провел долгие годы в изгнании.

Стр. 305. «...она готова скорее награждать, чем карать». — В Англии во многих судебных учреждениях находится изображение греческой богини правосудия Фемиды. Фемиду обычно изображают с повязкой на глазах, держащей в руках обнаженный меч и весы — символы беспристрастия, строгости и справедливости. Образ бдительного и зоркого правосудия у лилипутов иронически противопоставляется слепой Фемиде.

Стр. 311. Лорд-канцлер казначейства — министр финансов.

Стр. 312. «...секретные совещания специальных комиссий совета...» — Имеется в виду учрежденный 15 апреля 1715 года, под председательством Уолпола, тайный комитет «для расследования вопросов, касающихся заключения мира (Утрехтского) и деятельности бывшего министерства королевы». Этот комитет подтвердил обвинение в государственной измене, предъявленное министрам Болинброку и графу Оксфордскому.

Стр. 313. Портшез — крытые носилки, в которых носили знатных лиц.

Стр. 315. «Там было еще много других, менее существенных».— В обвинительном акте осмеивается стиль юридических документов, а также недостаточно обоснованные, по мнению Свифта, обвинения Болинброка в измене.

Стр. 320. «...тем бесчеловечнее наказание и невиннее жертва».— В 1715 году сторонниками свергнутой династии Стюартов было поднято восстание в пользу претендента на престол Якова III. После подавления восстания и последовавших затем многочисленных казней правительство возвестило в особой прокламации о милосердии короля.

Стр. 320. «...где население уже давно ожидало меня».— Новый намек на Болинброка и заранее подготовленное бегство его во Францию (1715), которое впоследствии Болинброк пытался оправдать теми же обстоятельствами, что и Гулливер: дальнейшее пребывание в Англии было бы для него равносильно добровольному ожиданию казни.

Стр. 322. Лига — мера длины, равна 4,83 километра.

Стр. 324. «...от столь невыносимого бремени».— Политические интриги и деятельность Болинброка во Франции тревожили не только английское министерство, но беспокоили Людовика XIV и его двор, так как вызывали осложнения в отношениях обоих правительств.

Стр. 328. «...благодаря своей необыкновенно тонкой шерсти».— Иронический намек на английское законодательство, которое покровительствовало английской шерстяной промышленности и препятствовало вывозу ирландской шерсти, что уничтожило производство шерсти в Ирландии и губительным образом сказалось на экономике страны и благосостоянии населения. В ряде своих сочинений Свифт протестует против такой политики.

Стр. 329. Мадагаскарский пролив — Мозамбикский пролив, отделяющий остров Мадагаскар от юго-восточного побережья Африки.

Стр. 331. «...сколько могли выдержать корабельные мачты».— В этом изображении бури Свифт иронизирует над злоупотреблением специальными морскими терминами в современных ему описаниях морских путешествий и приключенческих романах.

Стр. 331. Великая Татария — старинное название той части материка Азии, где находятся Монголия и Китай.

Стр. 331. «...равнялся десяти ярдам». — Первое знакомство с царством великанов, где один шаг местного жителя равен десяти ярдам (более девяти метров), дает возможность вывести заключение о росте великанов и размерах окружающих их предметов. Великаны настолько же крупнее Гулливера, насколько последний больше лилипутов, то есть в двенадцать раз. Это соотношение точно соблюдается при описании великанов и всех предметов, с которыми сталкивается Гулливер во время его пребывания в Бробдингнее.

Стр. 338. Галлон равен 4,5 литра.

Стр. 341. Мاستиф — порода сторожевых и охотничьих собак.

Стр. 353. Феникс. — В египетской мифологии — сказочная птица, обладавшая способностью при приближении смертного часа сжигать себя в своем гнезде и снова возрождаться из пепла. В переносном смысле — чудо природы, необыкновенное явление.

Стр. 356. «...великий прогресс человеческого знания». — Насмешка Свифта над современными ему учеными, которые нередко вдавались в туманные, бессодержательные рассуждения, вместо того чтобы изучать недостаточно исследованные явления природы.

Стр. 365. «...существование сплошного океана между Японией и Калифорнией». — Среди географов XVIII века велись споры относительно того, соединена ли Япония с Америкой сушей или их разделяет водное пространство.

Стр. 368. Вестминстер-Голл — здание в Лондоне, где заседает верховный суд.

Стр. 370. «...ниже колокольни собора в Солсбери...» — Колокольня собора в Солсбери имеет высоту сто двадцать два метра. Для того чтобы башня в королевстве великанов могла произвести на местных жителей не менее внушительное впечатление, она должна достигать 1464 метров (122×12).

Стр. 370. «...купол св. Павла...» — купол собора св. Павла в Лондоне имеет в диаметре более тридцати метров.

Стр. 370. Р а ш п е р — решетка для жарения мяса.

Стр. 376. Б е й д е в и н д — курс корабля, идущего под боковым ветром.

Стр. 385. Д ж и г а — английский матросский танец.

Д е м о с ф е н — древнегреческий оратор IV века до нашей эры.

«...т р и м о г у щ е с т в е н н ы х к о р о л е в с т в а...» — Англия, Шотландия и Ирландия.

Стр. 386. «В с л а в н о й п а л а т е п э р о в...» — Английский парламент — высшее законодательное учреждение, состоящее из двух палат: верхней и нижней. Верхняя палата пополняется в порядке наследования представителями высшей знати, носящими титул пэров или лордов, и потому иначе называется палатой пэров или лордов. Нижняя палата (или палата общин) замещается выборными представителями.

Стр. 390. «...я считаю неудобным и неблагоприятным». — В замечаниях короля великанов обращается внимание на те недостатки общественного уклада Англии, которые Свифт беспощадно критиковал также и в своих политических памфлетах.

Стр. 391. «...быть членами нижней палаты». — Вопросы, предлагаемые здесь королем великанов, касаются различных сторон судебного законодательства Англии и содержат сатиру на злоупотребления, волокиту и формализм в судопроизводстве.

Стр. 412. Т о н к и н — город в Индокитае.

Стр. 415. Ф о р т С е н - Ж о р ж — старинное название Мадраса, города в Индии.

Стр. 416. «...и б р о с и т ь в м о р е». — Вражда голландцев к англичанам на востоке объясняется соперничеством Англии и Голландии на морях и в колониальных странах, о чем нередко рассказывают путешественники той эпохи.

Стр. 424. «...на суд здравомыслящего читателя». — Насмешка Свифта над произвольными измышлениями известных ученых того времени о происхождении отдельных слов.

Стр. 428. «...получающих от него свой свет». — Астрономические теории о приближающемся конце мира имели в ту эпоху большое распространение.

Стр. 432. «...которая теперь сильно хромает». — Различные теории относительно происхождения комет, их движения в мировом пространстве, приближения к Земле и Солнцу и т. д. были предметом горячих споров ученых во времена Свифта. Этими вопросами много занималось Лондонское королевское общество, на которое Свифт неоднократно намекает в разных главах третьей части романа.

Вместе с тем он позволял себе выпады и против Исаака Ньютона, создателя теории всемирного тяготения, казавшейся писателю слишком отвлеченной. Будучи директором Монетного двора, Ньютон разрешил чеканку недоброкачественной разменной монеты для Ирландии, что не могло не усилить недружелюбного отношения Свифта к Ньютому.

Стр. 441. «...и ходит в лохмотьях». — В этой главе осмеивается спекулятивная горячка 1719-го, 1720-го и 1721 годов, когда в Англии возникали многочисленные акционерные компании и коммерческие общества, организаторы которых — предприимчивые дельцы и авантюристы — увлекали легковверную публику самыми фантастическими планами быстрого обогащения. Эти компании, известные под именем «мыльных пузырей», лопались столь же неожиданно, как и возникали, нередко доводя своих пайщиков до полного разорения. На ту же тему Свифтом написана сатира «Опыт об английских мыльных пузырях».

Стр. 445. «...большую толщину и прочность». — В 1710 году один предприимчивый француз, некий Бон, выпустил брошюру, в которой предлагал способ изготовления чулок и перчаток из паутины. Подобные же опыты, однако не приведшие к успеху, производились и позднее.

Стр. 445. «...и процеживая водянистые его частицы». — Во времена Свифта состав воздуха не был известен.

Стр. 450. «...в головах этих безумцев». — Легко догадаться, что здесь под видом насмешки скрываются положительные взгляды самого Свифта.

Стр. 450. «...особенно правой». — Намек на взяточничество.

Стр. 454. «...называемая туземцами Лангдэн». — Трибниа и Лангдэн — анограммы (перестановка букв). Подразумеваются Британия и Англия (Англия).

Стр. 459. Некромантия (греч.) — вызывание теней умерших, чтобы узнать от них будущее. Эти суеверные представления были распространены в древнем мире и в средние века.

Стр. 462. Александр Великий — македонский царь (IV век до н. э.), выдающийся полководец и государственный деятель древности. В битве под Арбелой (331 год до н. э.) одержал решительную победу над Персией.

Стр. 462. Ганнибал — карфагенский полководец (III—II века до н. э.). Воевал с римлянами. Как рассказывает легенда, во время знаменитого перехода через Альпы дорогу его армии преградила большая скала, которую Ганнибал приказал накалить огнями от костров, затем полить уксусом, чтобы она размягчилась, после чего скалу удалось срыть.

Стр. 463. Гай (Кай) Юлий Цезарь (I век до н. э.) — полководец и политический деятель Древнего Рима, установивший единоличную диктаторскую власть; Гней Помпей — римский полководец, вступивший в соперничество с Цезарем.

Стр. 463. Кай Юний Брут — римский сенатор, убийца Цезаря.

Стр. 463. Марк Юний Брут — отец Кая Юния Брута; Сократ — великий греческий философ (V век до н. э.); Эпаминонд — греческий (фиванский) полководец (V—IV века до н. э.); Катон Младший — римский государственный деятель; возглавлял аристократическую республиканскую партию, боровшуюся против самовластия

Цезаря; Томас Мор (1480—1535) — известный английский философ и государственный деятель; написал книгу «Утопия», в которой изложил свои мысли об идеальном государстве будущего.

Стр. 463. Секстумвират — содружество шести.

Стр. 463. Аристотель — великий греческий философ и ученый (IV век до н. э.).

Стр. 463. Дунс Скот и Петр Рамус — средневековые философы, составившие комментарии к сочинениям Аристотеля.

Стр. 464. Рене Декарт и Пьер Гассенди — известные французские философы XVII века.

Стр. 464. Эпикур — великий греческий философ (IV—III века до н. э.).

Стр. 464. Гелиогабал — римский император (III век).

Стр. 465. Агесилай — греческий (спартанский) царь (IV век до н. э.). Илот — раб, крепостной.

Стр. 469. «...все пороки, каким только можно научиться при дворе». — Подкупы избирателей и взяточничество широко практиковались во времена Свифта, что неоднократно служило поводом для его сатиры.

Стр. 470. «...пускают только голландцев». — После подавления в 1637 году восстания христиан доступ в Японию был закрыт для всех европейцев, за исключением одних только голландцев.

Стр. 472. «...ползти на брюхе к трону и лизать пол». — В этом эпизоде Свифт осмеивает лесть, угодничество и низкопоклонство перед королем и его любимцами, столь распространенные при дворе Георга I и других европейских монархов.

Стр. 477. *Perpetuum mobile* — вечное движение. Долгое время производились безуспешные попытки построить вечный двигатель —

машину, способную вечно и безостановочно совершать работу, не получая энергии для движения из какого-либо внешнего источника.

Стр. 486. «...церемонии попирая ногами креста». — Заподозренных в принадлежности к христианской вере в Японии в XVII и XVIII веках, как рассказывают путешественники, заставляли попирать ногами распятие. Отказавшихся доказать таким способом свою непричастность к христианству подвергали пыткам и казням. Гонения на христианство продолжались в Японии до 1873 года.

Стр. 516. «...стоили многих миллионов человеческих жизней». — Речь идет о религиозных обрядах и таинствах, спор о которых положил начало церковному расколу и послужил внешним поводом для возникновения кровавых религиозных войн между католиками и протестантами.

Стр. 517. «...и на этот доход живут». — Описанный способ извлечения доходов особенно широко применялся в Германии, раздробленной в XVIII веке на множество мелких государств. Английский король Георг I также прибегал к помощи немецких наемных войск для охраны своих ганноверских владений. Продажа солдат в иностранные армии заклеяна как позорное преступление и в других произведениях прогрессивных писателей XVIII века. См., например, драму Ф. Шиллера «Коварство и любовь».

Стр. 522. «...они строго руководствуются законами». — В этом остроумном изображении судебного крючкотворства Свифт продолжает уничтожающую критику пороков английского правосудия, которым уделено много места и во второй части романа.

Стр. 527. «...желающим отделаться от своих министров». — Насмешки Свифта над врачами объясняются низким уровнем медицины того времени, авторитет которой был подорван еще тем, что под видом врачей действовало много обманщиков и шарлатанов.

Стр. 539. «...до сих пор неизвестно». — Имеются в виду популярные в XVIII веке теории о самозарождении жизни.

Стр. 554. Новая Голландия — Австралия.

Стр. 562. «...они угощают читателя самыми грубыми вымыслами». — В Англии XVIII века действительно выходило в свет множество описаний путешествий, авторы которых наряду с правдивыми рассказами о далеких и малоизвестных странах, чтобы привлечь внимание публики, уснащали свои повествования всевозможными небылицами и выдумками. По-видимому, Свифт имеет в виду в первую очередь своего литературного противника Даниэля Дефо, в романах которого и даже в прославленных «Приключениях Робинзона Крузо» встречается много фактических ошибок и неточностей.

Стр. 563. Фердинанд (Эрнан) Кортес (1485—1547) — испанский завоеватель (конкистадор), присоединивший Мексику к испанским владениям.

РАСПЭ Р. Э.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА»

Книга о баснословных приключениях безудержного хвастуна и вранья барона Мюнхгаузена (Мюнхаузена) — одна из популярнейших в детском чтении, но написана была не для детей.

В средневековой Германии продавались на ярмарках потешные лубочные издания (народные книги) с описанием нелепых походов всевозможных обманщиков, бахвалов и глупцов. В этих книжках высмеивались мнимые чудеса, пародировались рассказы о вымышленных путешествиях, приключениях на войне и охоте и т. д. Безымянные юмористы потешались над трусливыми обывателями, выворачивали наизнанку тупость и скудоумие, издевательски превращая их в добродетели, на которых держится мир. Сборники анекдотических бытовых рассказов, сатирические книги о глупцах шильдбургерах и похождениях плута и задиры Тиля Эйленшпигеля, «Корабль дураков» Себастьяна Бранта и «Фацетии» (короткие рассказы) Генриха Бебеля — немецких сатириков XVI века — все это создало литературную основу, на которую опирались создатели «Мюнхгаузена», откровенно заимствуя из старинных книг и многие забавные эпизоды.

Рассказы о хвастливом бароне впервые появились в 1781 году в немецком юмористическом альманахе «Спутник веселых людей». Предполагают, что сочинителем рассказов был сам же герой походов Карл Фридрих Мюнхгаузен (1720—1797), известный в свое время остроумец и краснбай. Некоторое время он находился на службе в России, участвовал в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Невероятные подвиги хвастуна и определяют содержание рассказов.

Рождение барона Мюнхгаузена как литературного персонажа произошло в 1786 году, когда немецкий литератор и ученый Рудольф Эрих Распэ (Распе; 1737—1794), бежавший от судебного преследования в Англию, выпустил анонимно на английском языке небольшую книжку «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в Россию». Не ограничившись переложением первоначального текста, Распэ добавил кое-что от себя и еще больше оттенил небывальщину. Изданная в Лондоне забавная книжка немедленно привлекла внимание. В том же году ее изложил по-немецки, не довольствуясь простым переводом, поэт Готфрид Август Бюргер (1747—1794). Его «Удивительные путешествия барона фон Мюнхгаузена на воде и на суше, походы и веселые приключения, как он обычно рассказывал о них за бутылкой вина в кругу своих друзей» (1786) тоже были изданы без подписи автора.

Бюргер расширил объем книги, включив в нее новые эпизоды, и усилил сатирическую направленность против невежественных спесивых баронов и самодовольных бюргеров (мещан), для которых Вселенная замыкается своим огородом и церковным округом. Таким образом, Бюргер, как он сам говорит в предисловии, «возвратил с чужбины» рассказы Мюнхгаузена, «выросшие на немецкой почве и в самых разнообразных видах обошедшие свое отечество».

С тех пор это выдающееся творение мировой сатирической фантастики получило широкую известность. Книга в том и другом варианте была переведена на многие языки и перешла в руки детей в сокращенных изданиях, пересказах и переделках.

Первое русское издание книги Распэ появилось в 1791 году в переводе Н. П. Осипова под названием «Не люблю — не слушаю, а лгать не мешай». С тех пор «Приключения Мюнхгаузена» выходили по-русски не менее семидесяти раз. Особую ценность книге придают иллюстрации Гюстава Доре, которые были выполнены в 1853 году и как бы срослись с текстом. Гравюры Доре украшают и пересказ «Приключений барона Мюнхгаузена», сделанный классиком советской детской литературы К. И. Чуковским в 1923 году. В пересказе Чуковского книга Э. Распэ (Распе) выдержала много изданий. Этот же текст печатается и в «Библиотеке мировой литературы для детей».

Стр. 572. На рисунке Г. Доре изображена колокольня в России, к крыше которой Мюнхгаузен привязал своего коня. Но в православных церквях колокольня — сооружение либо пристроенное к церкви, либо находящееся поблизости от нее. Доре нарисовал католическую церковь (колокольня возводится над главным входом).

Стр. 589. «...я уже мчался к Турции, где в то время шли жестокие бои». — В XVII—XIX веках Россия вела борьбу

с Турцией за господство на Черном море. Имеется в виду кампания 1735—1739 гг., в которой участвовал реальный барон Мюнхгаузен. В результате русско-турецких войн от турецкого владычества были освобождены Южная Украина, Крым, юго-западная Грузия и другие территории.

Стр. 598. Здесь Э. Распэ обыгрывает мотив «замерзших слов», который был использован Рабле в путешествиях Гаргантюа. (См. «Гаргантюа и Пантагрюэль», ч. II, гл. XXXII. О том, как Пантагрюэль услышал в открытом море разные оттаявшие слова...)

Стр. 602. Остров Цейлон — независимое государство в Индийском океане (с 1972 года Шри-Ланка), длительное время был колонией сначала Португалии, затем Англии. Животный мир Цейлона разнообразен, поэтому этот остров был излюбленным местом охоты для европейцев.

Стр. 613. Богдыхан — титул китайского императора.

Стр. 620. «...англичане воевали с испанцами». — Речь идет о территории Гибралтар на Пиренейском полуострове, колонially владении Англии. С XV по XVIII в. крепость принадлежала Испании. В 1704 году во время войны за испанское наследство крепость захватили англичане. Испанцы неоднократно пытались вернуть Гибралтар. С 1779 по 1783 г. велась упорная осада крепости, окончившаяся неудачей для испанцев.

Стр. 628. Ф и п с — см. следующее примечание.

Стр. 631. «...Фипс так и не открыл Северного полюса». — Многочисленные попытки достичь Северного полюса связаны с историей изучения Арктики. Путешествия к Северному полюсу предпринимали англичанин Г. Гудзон в 1607 году, русский мореплаватель В. Чичагов в 1776 году, англичанин К. Фипс в 1773 году (его-то и имеет в виду Мюнхгаузен), норвежец Ф. Нансен в 1895 году и другие. Принято считать, что первым достиг Северного полюса американец Р. Пири на собачьих упряжках 6 апреля 1909 года.

Стр. 633. Ю ж н ы й о к е а н.— До открытия континента Антарктиды русской морской экспедицией под руководством Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева в 1820 году считалось, что в районе Южного полюса находится Южный океан.

Стр. 637. Сы р н ы й о с т р о в — сказочный образ, в котором отразились древние народные представления о богатой стране, где люди «купаются, как сыр в масле», — живут в полном довольстве, ничего не делая. В русских сказках говорится о «молочных реках и кисельных берегах».

Евг. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

В. Муравьев. Веселое троекнижие	3
---	---

ФРАНСУА РАБЛЕ

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ. Роман, перевод с французского. Обработка для детей Н. Заболоцкого	35
Часть первая. Повесть об удивительных подвигах великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля	39
Часть вторая. Повесть об удивительной жизни доброго Пантагрюэля, сына Гаргантюа	115

ДЖОНАТАН СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕКОТОРЫЕ ОТДАЛЕННЫЕ СТРАНЫ СВЕТА ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА, СНАЧАЛА ХИРУРГА, А ПОТОМ КАПИТАНА НЕСКОЛЬКИХ КОРАБЛЕЙ. Роман, перевод с английского и редакция Б. М. Энгельгардта	257
Часть первая. Путешествие в Лилипутию	259
Часть вторая. Путешествие в Бробдингнейг	329
Часть третья. Путешествие в Лапуту, Бальнибарби, Лаггнегг, Глабб- добдриб и Японию	414
Часть четвертая. Путешествие в страну Гуинггнмов	488

РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЭ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА. Рассказы. В пере- сказе для детей Корнея Чуковского	567
Самый правдивый человек на земле	569
Часть первая	571
Часть вторая	599
Комментарии	647

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

(т о м 35)

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

*

Джонатан Свифт

ПУТЕШЕСТВИЯ
ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА

*

Рудольф Эрих Распэ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

*

ИБ № 5487

Ответственные редакторы

С. К. Беркман и Н. С. Дроздова

Художественный редактор

Г. Ф. Ордынский

Технические редакторы

В. К. Егорова и С. Г. Маркович

Корректоры

Ж. Ю. Румянцева и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 18.02.83. Подписано к печати 10.04.84. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 44,13. Усл. кр.-отт. 46,63. Уч.-изд. л. 41,01+9 вкл.=41,52. Тираж 407 000 экз. (2-й завод 200 001—407 000 экз.). Заказ № 2578.

Цена 2 р. 20 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Расгавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Рабле Ф.

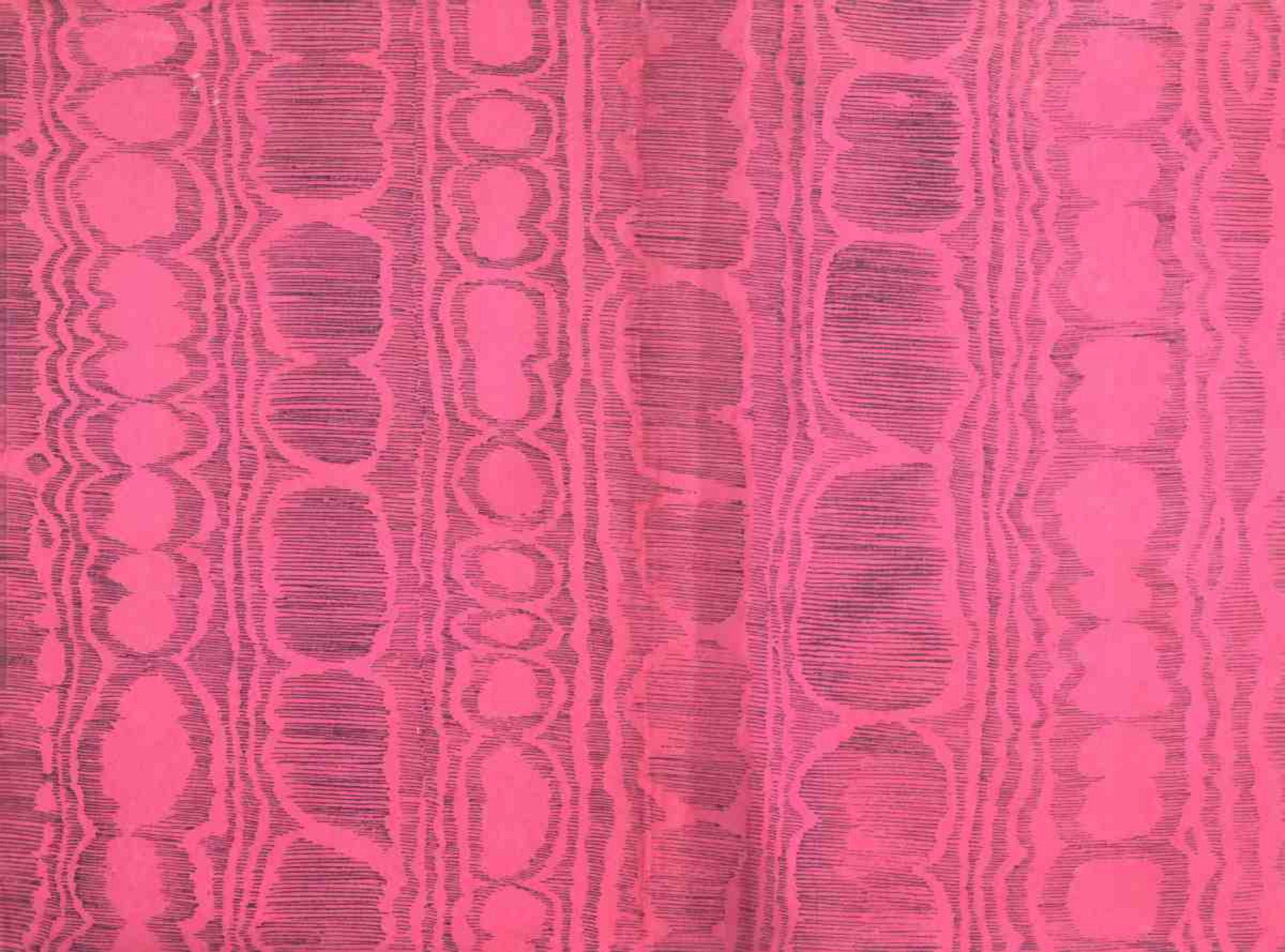
- Р12 Гаргантюа и Пантагрюэль: Роман / В обраб. для детей Н. Заболоцкого. Свифт Д. Путешествия Лемюэля Гулливера: Роман / Пер. с англ. и ред. Б. Энгельгардта. Распэ Р. Э. Приключения барона Мюнхгаузена. В переск. для детей К. Чуковского; Предисл. В. Муравьева; Коммент. Е. Брандиса; Рис. Г. Доре и Ж. Гранвилля.— М.: Дет. лит., 1984.— 686 с., 9 л. ил.— (Б-ка мировой литературы для детей, т. 35).

В пер.: 2 р. 20 к.

В книгу входят: роман великого французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» в обработке для детей известного советского поэта Николая Заболоцкого; сатирический роман великого английского писателя Джонатана Свифта «Путешествия Лемюэля Гулливера» и пересказанные для детей Корисем Чуковским рассказы о фантастических «Приключениях барона Мюнхгаузена», собранные и изданные в 1786 году немецким писателем Рудольфом Эрихом Распе.

Р 4803020000—313
М101(03)84 Подп. изд.

С63

2 в. 20 к

ФРАБЛЕ
ЕСВИТ
ГОРАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"